

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

8

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Курюкин А.Н. Социологический анализ идентичностей россиян: методологические аспекты и исследовательские стратегии	6
Плетнев А.В., Конанчук С.В., Васьурин А.Н. Российские теории аномии в контексте постцифровой социологии	14
Россинский А.Г., Родин К.В., Россинская Е.А. Вклад императоров династии Романовых и их семей в достижении триумфа отечественной музыкальной культуры в эпоху XIX века	19

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Горяева С.Н., Горяева Т.Н. Коммеморация и коммеморативные практики Дня Победы у российских студентов (на примере регионального вуза)	25
Салахутдинов В.Р. Региональная дифференциация политической активности молодёжи в социальных сетях	32
Ушаков Е.В. Университеты как центры знаний в инновационных процессах современного общества	39
Хаутиев И.А. Откровение или разум? Как сунниты защищали имена Аллаха	45

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Агекян С.В. Управление имиджем как инструмент повышения устойчивости строительной организации в цифровой среде	52
Игумнов О.А. Философия целостности и социологические аспекты управления	57
Павлов Н.А. Управленческие условия восполнения профессиональных компетенций государственных гражданских служащих: социологический анализ кадровых практик	64
Поплёвкин Н.П. Субъектно-управленческий уровень в системе действия военной организации	70
Ушаков Е.В. Системы публичного управления в контексте концепции умного управления (smart governance)	78

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Александрова Н.А., Агула Е.Ю. Роль социальных и научно-цифровых практик в долгосрочном развитии современного инклюзивного пространства	83
Ароян Э.К. Ливийский конфликт как тест на внешнеполитическую идентичность социалистической партии Франции	88
Белозеров А.В., Спасский Е.Н. Дистанционные формы управления коллективами в условиях цифровой трансформации общества	94
Васяев А.А. Уголовное преследование гомосексуальности в позднесоветском обществе: уголовное дело режиссёра С.И. Параджанова	99
Ибрагимов А.З., Лилеев Н.А., Шарафутдинова А.Д. Роль физической культуры в сохранении здоровья студентов и формировании социального потенциала общества	107
Илимира Илияс, Чжу Миньян. Исследование китайских переводов стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» в рамках эстетики восприятия	113
Кареева С.Г., Некрасов С.В. Основные принципы взаимоотношений в системе «современное российское общество – социальные сети»	120

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); **Силласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренкова Екатерина Владимировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсупович (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сапиенца) **Чжан Шуухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилан Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думаличичев** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.09.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Коротенко И.А. Спорт как социальный тренажер – площадка для испытаний институтов общества.....	128
Кравченко А.И. Сильные и слабые кофейные связи.....	135
Мещанинова Е.Ю. Любовь и деньги: роль материального фактора в брачном выборе.....	141
Мэрхаба, Лю Данхан, Лю Мин. Расписная керамика Китайского Синьцзяна как фактор межкультурного взаимодействия и формирования социальной памяти в доисторической Евразии.....	149
Паламарчук К.О. Теоретические аспекты исследования социокультурной адаптации мигрантов в современном мире... 156	
Плещёва Т.Н., Каракчиев Д.А., Баширова Н.С. Гигиенические аспекты адаптации барьерной среды для маломобильных групп старшего поколения в системе социального обеспечения.....	162
Соблиров Х.Х., Кушова А.Ф., Чемаев Н.А. Массовая миграция в Европу и изменение этноконфессионального состава населения.....	167
Цзян Юань. Межкультурное конструирование национального образа в эпоху цифрового интеллекта: исследование повышения эффективности внешней коммуникации ведущих средств массовой информации Синьцзяна.....	175
Цуй Цзиньпэн, Эсенжан Аблиз, Рустам Маматурсун. Исследование механизмов межэтнического художественного взаимодействия: на материале народной художественной труппы уезда Инциша Синьцзян-Уйгурского автономного района.....	180
Щербакова И.В., Тимашова М.В. Способы перевода языковых особенностей фэнтези в трилогии «Властелин колец».....	188

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Торубарова Т.В. Метафизика силы как обоснование субстанциализма в философии Г.В. Лейбница.....	192
Шестаков Е.А. Понятие несотворённой свободы в метафизике Н.А. Бердяева.....	199

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Анисимов Т.Ю. Институциональный позитивный активизм как самостоятельный предмет социально-философского анализа: дар, соборность и критерии подлинности институциональной формы.....	205
Гулиев А.А. Специфика интеллектуального действия в условиях современных цифровых сетей.....	212
Комарова К.С., Журба Д.В. Метафизическая аналитика и понятие вопроса «Почему существует нечто, а не ничто?»....	217
Кононцев В.Ю. Антропология героизма и самопожертвования в современной военной хронике.....	223
Котлярова В.В. Философско-антропологическая экспликация отношения человека к технике.....	228
Панин К.С. «Морское сообщество Локи»: Реконструкция гипотетической модели ритуальных практик эпохи викингов по материалам архива С.В. Петрова.....	234
Хайруллин А.Г. Социокультурные проблемы передачи новых технологий.....	242
Шадиёва О.П. Коммуникативные практики достижения целостности личности: этико-эстетические ресурсы.....	248

Шипов К.А. Феномен пограничной ситуации: философско-антропологическая экспликация бытия воина между жизнью и смертью.....	255
---	-----

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА, РЕЛИГОВЕДЕНИЕ

Ван Ин. В рамках эстетического воспитания: реконструкция и практическое исследование курса аккордеона в вузах.....	260
Ван Сюаньли. Эстетика образа фортепиано в музыке Тан Дуна.....	265

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Жуков А.О. Субъектность как событие создания дилеммы в условиях блокады.....	272
Лутошкина В.Н. Культурный код сетевого поколения как фактор трансформации социализации: риски подмены идентичности в цифровую эпоху.....	280
Толмачева И.И. Этика образования в полиэтническом и многоконфессиональном обществе.....	284
Лутошкина В.Н. Цифровое лидерство как феномен социализации в условиях цифровой турбулентности: социально-философский анализ.....	289
Толмачева И.И. Образование как пространство диалога культур в университете: нравственные основания межкультурного взаимодействия студентов в полиэтнической среде.....	294

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анисимов Т.Ю. Хактивизм как испытание метафизики субъекта активизма: анонимность, коллективность и цифровое гражданское неповиновение.....	298
Вострякова Ю.В., Волков В.Т., Кротов Д.В. Проблема патриотизма в социально-антропологическом срезе в рамках новой образовательной модели.....	304
Гратова Л.В. Вокальное искусство Приднестровья как место встречи культур и диалог традиций.....	311
Карпенко А.М. Матрица ценностей телесной культуры в цифровой среде: трансформация элементов и связей под воздействием цифровизации.....	315
Ли А.В. Разрыв между стратегией и реальностью: пробелы в адаптации мигрантов.....	321
Литвинцева Я.М. Развитие системы защиты прав человека: социологический вектор исследования.....	326
Лопина М.Р. Сказки В.И. Даля как этнографический и лингвистический источник: к вопросу о реконструкции быта русского народа XIX века.....	332
Степнова Л.А., Литвинцева Е.А. Роль муниципального лидерства в развитии гражданской солидарности.....	338
Мусс А.И., Сладкоштиева А.В., Карпычева (К.), Червошкина С.Л. Разработка критериев сравнения современных теорий сознания относительно трудной проблемы.....	343
Паламарчук К.О. Исследование ценностных ориентаций социокультурной адаптации мигрантов в современном мегаполисе (социологическая оптика петербургской среды) ...	350
Ушаков Д.С. От Dasein к Datum: отчуждение мышления в эпоху искусственного интеллекта.....	356
Захарова Е.Ю., Романова Н.П., Кондакова Н.С., Фомина М.Н. Атеизм и религиоведение в контексте модернизации философии и социальных наук с китайской спецификой (статья первая).....	364

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Kuryukin A.N.</i> Sociological analysis of Russians' identity: methodological aspects and research strategies	6
<i>Pletnev A.V., Konanchuk S.V., Vashurin A.N.</i> Russian Theories of Anomie in the context of Postdigital Sociology	14
<i>Rossinsky A.G., Rodin K.V., Rossinskaya E.A.</i> The contribution of the Romanov dynasty emperors and their families to the triumph of Russian musical culture in the 19th century	19

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Goryaeva S.N., Goryaeva T.N.</i> Commemoration and commemorative practices of Victory Day among Russian students (using a regional university as an example)	25
<i>Salakhutdinov V.R.</i> Regional differentiation of youth political activity on social networks	32
<i>Ushakov E.V.</i> Universities as Knowledge Centers in the Innovation Processes of Modern Society	39
<i>Khautiev I.A.</i> Revelation or Reason? How Sunnis Guarded the Names of Allah	45

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Agekyan S.V.</i> Image management as a tool for increasing the sustainability of a construction organization in the digital environment	52
<i>Igumnov O.A.</i> The integrity philosophy and management sociological aspects	57
<i>Pavlov N.A.</i> Management conditions for replenishing professional competencies of state civil servants: a sociological analysis of personnel practices	64
<i>Poplyovkin N.P.</i> Subject-Managerial Level in the Action System of a Military Organization	70
<i>Ushakov E.V.</i> Public Administration Systems in the Context of the Concept of Smart Governance	78

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Aleksandrova N.A., Agula E.Y.</i> The role of social and scientific digital practices in the long-term development of modern inclusive space	83
<i>Aroian E.</i> The libyan conflict as a test of the foreign policy identity of the French socialist party	88
<i>Belozarov A.V., Spassky E.N.</i> Remote forms of team management in the context of digital transformation of society	94
<i>Vasyaev A.A.</i> Criminal Prosecution of Homosexuality in Late Soviet Society: The Criminal Case of Director S.I. Parajanov	99
<i>Ibragimov A., Lileev N.A., Sharafutdinova A.D.</i> The role of physical culture in maintaining students' health and shaping the social potential of society	107
<i>Yilimire Yiliyasi, Zhu Mingyang.</i> A study of the Chinese translations of Mikhail Lermontov's poem «the sail» from the perspective of reception aesthetics	113
<i>Karepova S.G., Nekrasov S.V.</i> Basic principles of relationships in the "contemporary Russian society – social media" system	120

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoz Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov); **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro); **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)); **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)); **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus); **Farro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome); **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad»); **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)).

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University); **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University); **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky).

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 09/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Korotenko I.A.</i> Sport as a social simulator is a testing ground for social institutions	128
<i>Kravchenko A.I.</i> Strong and Weak Coffee Ties	135
<i>Meshchaninova E.Y.</i> Love and money: the role of the material factor in marital choice	141
<i>Merhaba, Liu Danhang, Liu Ming.</i> Painted Pottery of Chinese Xinjiang as a Factor in Intercultural Interaction and the Formation of Social Memory in Prehistoric Eurasia	149
<i>Palamarchuk K.O.</i> Theoretical Aspects of the Study of the Sociocultural Adaptation of Migrants in the Modern World	156
<i>Pleshcheva T.N., Karakchiev D.A., Bashirova N.</i> Hygienic aspects of adaptation of the barrier environment for low-mobility groups of the older generation in the social security system	162
<i>Soblirov Kh.Kh., Kushkhova A.F., Chemaev N.A.</i> Mass migration to Europe and the changing ethno-confessional composition of the population	167
<i>Jiang Yuan.</i> Intercultural Construction of the National Image in the Era of Digital Intelligence: A Study on Enhancing the Effectiveness of External Communication by Leading Media Outlets in Xinjiang	175
<i>Cui Jingpeng, Hasanjan Abliz, Rustam Mamattursun.</i> Research on the interactive mechanism of inter-ethnic art – a case study of the folk art troupe in Yingjisha county, Xinjiang	180
<i>Shcherbakova I.V., Timashova M.V.</i> Ways to translate the linguistic features of fantasy in the «Lord of the Rings» trilogy	188

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Torubarova T.V.</i> The metaphysics of force as a foundation for substantialism in the philosophy of G.W. Leibniz	192
<i>Shestakov E.A.</i> The concept of uncreated freedom in N.A. Berdyaev's metaphysics	199

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF SCIENCE

<i>Anisimov T.Yu.</i> Institutional positive activism as an independent subject of socio-philosophical analysis: gift, sobornost, and criteria of authenticity of the institutional form	205
<i>Guliev A.Y.</i> Specifics of intellectual action in the context of modern digital networks	212
<i>Komarova K.S., Zhurba D.V.</i> Metaphysical analytics and the question «why does something exist and not nothing?»	217
<i>Konontsev V. Yu.</i> Anthropology of heroism and self-sacrifice in modern war chronicles	223
<i>Kotlyarova V.V.</i> A Philosophical and Anthropological Explication of Human Relationships to Technology	228
<i>Panin K.S.</i> «Loki's Sea Brotherhood»: Reconstruction of a Hypothetical Model of Ritual Practices in the Viking Age Based on the Archive of S.V. Petrov	234
<i>Khairullin A.G.</i> Sociocultural problems of new technology transfer	242
<i>Shadieva O.P.</i> Communicative practices for achieving personal integrity: ethical and aesthetic resources	248
<i>Shipov K.A.</i> The phenomenon of the border situation: philosophical and anthropological explication of the warrior's being between life and death	255

ETHICS, AESTHETICS, RELIGIOUS STUDIES

<i>Wang Ying.</i> Within the Framework of Aesthetic Education: Reconstruction and Practical Research of the University Accordion Course	260
<i>Wang Xuanli.</i> The aesthetics of the piano in the music of Tan Dun	265

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Zhukov A.O.</i> Subjectivity as the Event of Dilemma-Creation under Total Institutional Blockade	272
<i>Lutoshkina V.N.</i> Cultural code of the network generation as a factor in the transformation of socialization: risks of identity substitution in the digital age	280
<i>Tolmacheva I.I.</i> Ethics of education in a multi-ethnic and multi-confessional society	284
<i>Lutoshkina V.N.</i> Digital leadership as a phenomenon of socialization in the context of digital turbulence: A socio-philosophical analysis	289
<i>Tolmacheva I.I.</i> Education as a space for dialogue of cultures at the university: moral foundations of intercultural interaction of students in a multi-ethnic environment	294

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Anisimov T.Yu.</i> Hacktivism as a test of the metaphysics of the activist subject: anonymity, collectivity, and digital civil disobedience	298
<i>Vostryakova Yu.V., Volov V.T., Krotov D.V.</i> The problem of patriotism in the socio-anthropological context within the framework of the new educational model	304
<i>Gratova L.V.</i> Vocal art of Pridnestrovian as a meeting point of cultures and a dialogue of traditions	311
<i>Karpenko A.M.</i> Matrix of values of tactile culture in the digital environment: transformation of elements and relationships under the influence of digitalization	315
<i>Li A.V.</i> The gap between strategy and reality: gaps in migrant adaptation	321
<i>Litvintseva Ya.M.</i> Developing a Human Rights Protection System: A Sociological Research Framework	326
<i>Stepnova L.A., Litvintseva E.A.</i> The Role of Municipal Leadership in Developing Civic Solidarity	332
<i>Lopina M.R. V.I.</i> Dahl's fairy tales as an ethnographic and linguistic source: on the question of the reconstruction of the life of the Russian people of the 19th century	337
<i>Muss A.I., Sladkoshtieva A.V., Karpycheva (Borodina) K.A., Chervochkina S.L.</i> Developing criteria for comparing contemporary theories of consciousness with respect to the hard problem	343
<i>Palamarchuk K.O.</i> A Study of Value Orientations in the Sociocultural Adaptation of Migrants in a Modern Metropolis (A Sociological Perspective of the St. Petersburg Environment)	350
<i>Ushakov D.S.</i> From Dasein to Datum: The Alienation of Thought in the Age of Artificial Intelligence	356
<i>Zakharova E.Yu., Romanova N.P., Kondakova N.S., Fomina M.N.</i> Atheism and Religious Studies in the Context of Modernization of Philosophy and Social Sciences with Chinese Characteristics (article one)	364

Социологический анализ идентичностей россиян: методологические аспекты и исследовательские стратегии

Курюкин Андрей Николаевич,

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Центр комплексных социальных исследований Института
социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
E-mail: kuriukin@mail.ru

Цель статьи – проследить развитие методологий и стратегий исследования идентичностей россиян от их формирования в конце XX века до современных моделей в социальных сетях на этапе цифровизации общества. Использовались методы анализа, обобщения, ранжирования и логико-исторического анализа. Современные методологии начали формироваться в 90-х гг. XX века благодаря проф. В.А. Ядову и Е.Н. Даниловой, которые разработали разукрупнённый подход к параметрам идентификаций, увеличив их до 24. Позднее акад. РАН М.К. Горшков и проф. Н.Е. Тихонова значительно сократили это число. Также имеются альтернативные методологии ВЦИОМ (2014) и ЦСП «Платформа» с РГГУ (2023). Автор предлагает собственную методологию для исследования идентификаций в цифровом пространстве, используя данные из Вконтакте. Выводы подчеркивают необходимость адаптации методов к вызовам современных социальных сетей.

Ключевые слова: методология исследований, исследовательская стратегия, идентичность, идентификация, идентичность россиян, цифровая идентификация россиян.

Методология и стратегии исследования идентичностей В.А. Ядова – Е.Н. Даниловой, её развитие и современное состояние

Современный этап исследования идентичностей в российской социологии и более широко общественном ведении следует отнести к началу 90-х гг. прошлого XX века. Именно тогда вопросом даже не столько трансформации, сколько генерации новых идентичностей занялись сразу несколько советских, позже российских социологов, таких как: Ю.А. Левада, В.А. Ядов, С.Г. Климова, Е.Н. Данилова и ряд других.[1; 2; 3] Свой завершённый вид, по словам Е.Н. Даниловой, эта методология приобрела к концу 90-х гг., когда макропараметрами выявления социальных идентификаций стали «Признаки идентификации» и «Объекты идентификации», в качестве которых предлагались нижеследующие:

- 1) Семейно-ролевой – Семья, друзья близкие.
- 2) Поколенческий – Сверстники.
- 3) Национальный – Люди моей национальности.
- 4) Территориально поселенческий – Земляки.
- 5) Стратификационно-статусный: 1. «Люди моего достатка», 2. Люди той же профессии, 3. Коллеги.
- 6) По критерию ценностных ориентаций: 1. Единомышленники, 2. Приверженцы местных традиций, 3. Приверженцы русских традиций.
- 7) Государственно-гражданский – Россияне.
- 8) По имущественной депривации: 1. Нуждающиеся, 2. Не нуждающиеся.
- 9) По критерию поведенческих стратегий: 1. «Интерналы», 2. «Экстерналы», 3. Конформисты.
- 10) По идеологическим и политическим взглядам: 1. Индифферентные, 2. Политические единомышленники.
- 11) По занятости и отношению к собственности: 1. Наемные работники, 2. Имеющие свой бизнес.
- 12) По символически-гражданским основаниям: 1. «Советский народ», 2. граждане СНГ.
- 13) По самооценке достижений и утрат: 1. «Успешные», 2. «Не успешные». [4, с 78]

Приведенное показывает, что дальнейшее развитие методики Ядова, в исследованиях идентичностей, проходило в направлении разукрупнения. Из приведенной таблицы видно, что, к рубежу прошлого и нынешнего веков, в неё вошло 13 призна-

ков идентификации и 24 объекта идентификации, распределяющихся по признакам от 1 до 3.

Рассматривая исследовательскую стратегию в рамках этой методологии, проанализируем её в следующих параметрах:

1. Целевая установка и масштаб исследования;
2. Методологические подходы, используемые в исследовании;
3. Методы сбора данных;
4. Оптимизация и модификация выполнения исследования на практике;
5. Способы анализа и оценки полученных данных.

В рамках исследовательской стратегии Ядова-Даниловой целевая установка заключалась в выявлении тенденций трансформации отношения россиян к концептам, отражающим социальную реальность. Методологические подходы этой стратегии отличались бинарностью объединения количественных и качественных методов. По мнению Н. Даниловой, количественные методы приближали к формальной цели исследования, задавая макровопрос о близости к различным группам. В свою очередь, качественные методы использовались для уточнения полученных данных в контексте социального самоопределения индивида.

Для сбора данных применялась классическая выборка из 2000 человек с допустимой ошибкой не более 3%. Анкета включала два типа идентификаций: позитивную (ответы «часто» или «иногда») и негативную (ответы «редко» или «практически никогда»). Стратегия идентификации не оставалась статичной, активно модифицируясь в период 1992–1998 годов. К изначальным шести категориям добавилось четыре новых: оценка собственных достижений, статусно-имущественное положение, отношение к собственности и ценностные политические ориентации.

Анализ данных осуществлялся традиционными для социологии формально-статистическими и логико-аналитическими методами, включая группирование и ранжирование. Таким образом, аналитический механизм строился на принципе конвергенции жестких и мягких методик. Методика Ядова-Даниловой развивалась в соответствии с общественными трансформациями в стране, выделяя ключевые этапы её эволюции:

1. Кризисный этап – 1992–1993 годы;
2. Адаптационный этап – 1993–1994 годы;
3. Стабилизационный этап – 1997–1998.

Проиллюстрируем применение этой методики на диаграмме результатов, отражающих эволюцию гражданских, национальных и локальных идентификаций в % (Рис. 1):

Дальнейшее развитие методологии исследования идентичностей в отечественном социологическом дискурсе связано с именами академика РАН Михаила Константиновича Горшкова (1950–2025).

[5] Фактически он предложил свою методологию исследования идентичностей, которая, в разумном объеме использовала предложения коллектива В.А. Ядова, но, в тоже время, и определяла ряд новых направлений, позволяющих квалифицировать, предложенное Михаилом Константиновичем, как самостоятельную авторскую методологию, основу которого составила концепция лонжitudного мониторинга:

1. Отказ от бинарностей, длительность исследований, постоянство, в периодичности, мониторингов;
2. Ярусность иерархической модели идентичности: субординация + координация = устойчивость;
3. Массовые опросы и четкие индикаторы, как средства получения объективной информации;
4. Межэтнические отношения оцениваются в параметрах: терпимости, дистанцированности, напряженности;
5. Выявление и оценка эволюции соотношения гражданской и этнической идентичности.[6]

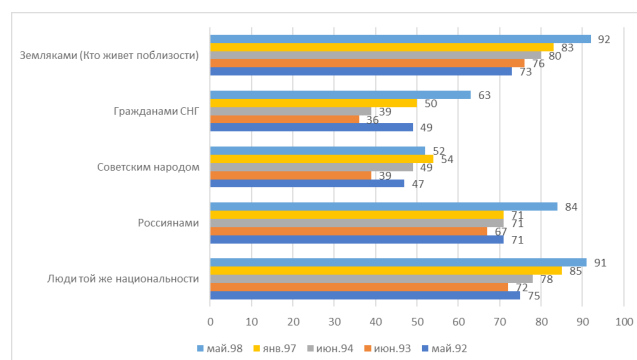

Рис. 1. Диаграмма эволюции гражданских, национальных и локальных идентификаций в % (1992–1998)

Источник: Составлено автором на основании [4, с 79]

В наиболее полном объеме эти принципы были, на взгляд автора, реализованы в исследовании 2007 года, ставшем логическим продолжением исследований 1998 и 2004 годов.[7] Это исследование, по сути представляло собой не столько собственно достаточно узкое исследование идентичностей и идентификаций россиян, сколько срез из массового сознания, применительно к следующим параметрам оценок:

1. Материальное положение и социальный статус;
2. Специфика самоидентификаций и типология мировоззрения;
3. Жизненные цели россиян;
4. Представления о демократии и её ценностях;
5. Гражданско-политическая партиципация граждан России;
6. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян;

7. Отношение россиян к внешней политике, мироустройству и миропорядку.

Давая характеристику исследовательской стратегии этой методологии, следует отметить, что, на поверку, целевая установка этих изысканий была шире, нежели чем выявление параметров идентификаций и идентичностей россиян. По сути, здесь был проведен широкий срез общественного массового сознания наших сограждан, по перечисленным выше направлениям. Таким образом размах изысканий охватил всю Российскую Федерацию. Методология исследования соответствовала его широте и охвату. Исследовательские инструментарии замеров 1998, 2004 и 2007 годов остались идентичными, отражая развитую и отработанную бинарную методологию Ядова-Даниловой, с расширением отдельных полей социологических замеров, среди которых: квалификация россиянами своего материально-экономического состояния, оценка своего социального статуса, раскрытия жизненных целей, присущих современным россиянам и т.п.

Данные собирались методом индивидуального стандартизированного интервью, во всех трех замерах. При этом, в 2007 году было опрошено 2000 респондентов. Модель выборки соответствовала бинарной модели и реализовывалась по двум ступеням. На первой происходил экспертный отбор двух типичных субъектов РФ в тех же 12 регионах Российской Федерации, как и в прежних исследованиях, т.е. всего 24 субъекта. Вторая ступень, в свою очередь, предусматривала отбор, наряду с большими городами и административные центры районов областей, районных городов, рабочих поселков и сел (деревень) – всего 71 поселение.

Внутренняя структура исследования была представлена квотами, по которым распределялись респонденты. Они структурировались по трем основным параметрам:

- географии проживания, описанной выше;
- возрасту в интервале от 16 до 60 лет, который делился на когорты: 1) 16–25 лет, 2) 26–35 лет, 3) 36–45 лет, 4) 46–55 лет, 5) 56–65 лет, каждая из которых заключала 400 респондентов, что на 100 меньше, чем в 1998 и 2004 гг.;
- социально-профессиональному основанию, куда включались рабочие и инженеры предприятий, строки и шахты, гуманитарная и творческая интеллигенция, работники торговли и бытовых услуг, служащие, предприниматели малого и среднего бизнеса, сельскохозяйственные работники, военнослужащие и сотрудники МВД, пенсионеры города, студенты и учащиеся, безработные. Соотношение граждан русской и иных национальностей среди респондентов соответствовало их соотношению в составе населения РФ. Распределения были основаны на данных Росстата

Полученные данные анализировались также всеми доступными для современной российской

социологии методами, включая, указанные выше группы формально-статистических и логико-аналитических методов, включая ранжирование, группировку по разным основаниям и т.п.

Остановившись на некоторых результатах, которые дала реализация представленной исследовательской стратегии, отметим, что, находясь в единой методологии, с исследования предыдущих лет она дала возможность объективно взглянуть на состояние идентичностей россиян на момент проведения исследования и их эволюции в 1992–2007 гг. Представим их на диаграмме (Рис. 2):

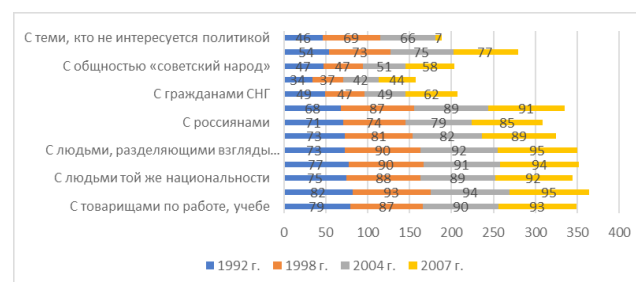

Рис. 2. Сводная диаграмма идентификаций россиян по замерам 1992, 1998, 2004 и 2007 гг. (%)

Источник: Составлено автором на основании [7]

На современном этапе большое внимание изучению вопроса идентичностей уделяет проф. Н.Е. Тихонова. Она обратилась к вопросу социологического исследования идентичностей ещё в 1999 году, подняв в статье вопрос исследований самоидентификации россиян.[8] Совсем недавно, в 2024 году, ею была опубликована статья исследующая идентичности россиян в контексте консолидации общества и, по мнению автора, подводящая своего рода итог 25-летним исследованиям автора.[9] В этой работе Н. Тихонова прямо указывает, что предметом исследований социологов, в частности её самой, выступают социальные или групповые идентичности («Мы-идентичности»). В свою очередь, технологической основой исследования выступает методология Ядова-Даниловой, поэтому в применяемой ею методологии указывается 19 разновидностей идентичностей современных россиян, которые могут быть сгруппированы в 5 макрогрупп, характеризующихся также и как типы идентичностей, основы идентификаций.[9, с. 30] Среди них:

1. Объективные характеристики (национальность, место проживания, поколение и возраст, гражданство России и т.д.);
2. Индивидуальное самовосприятие с позиций разных форм жизненного успеха (с властью преуспевающими, преуспевающими и т.п.);
3. Сходство взглядов (на политику, на жизнь и т.д.);
4. Первичные группы (семья и друзья);
5. Дифференцированное отношение к СВО.

По этим макрогруппам могут быть распределены приводимые ею в работе виды идентичностей. Представим это распределение:

1. Объективные характеристики (национальность, место проживания, поколение и возраст, гражданство России и т.д.): С людьми такого же поколения, возраста (38,2%), С товарищами по работе, учебе (34,2%), С теми, кто живет в их городе или селе (33,8%), С людьми той же профессии, рода занятий (33,3%), С людьми своей национальности (32,4%), С гражданами России, россиянами (28,1%), Со всеми людьми на планете (10%), С европейцами (6,4%).

2. Индивидуальное самовосприятие с позиций разных форм жизненного успеха (с властью преуспевающими, преуспевающими и т.п.): С людьми такого же материального достатка (24,9%), С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся (10,1%), С теми, кто добился успеха (7,9%), С теми, кто находится у власти (4,6%).

3. Сходство взглядов (на политику, на жизнь и т.д.): С теми, кто разделяет их взгляды на жизнь (48,2%), С людьми той же веры, религии (27,8%), С людьми, близкими по политическим взглядам (27,5%).

4. Первичные группы (семья и друзья): Со своей семьей (79,1%), С друзьями (74,7%).

5. Дифференцированное отношение к СВО: Со сторонниками СВО на Украине (29%), С противниками СВО на Украине (7,1%). [9, с. 22]

Таким образом можно констатировать, что выработанная к 2000 году коллективом под руководством В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой методология с тенденцией к разукрупнению содержательных параметров оценки социальных идентичностей продолжает сохраняться в качестве ведущей.

Альтернативные методологии и стратегии исследования идентичностей в современном российском обществе

Представленные методологии не единственные. В 2014 году собственную методологию выявления и оценки идентичностей россиян предложили специалисты ВЦИОМ, во главе с В. Федоровым.[10] В её рамках отправным моментом формирования методологии изучения идентичности выступает пересечение психологического, экономического и социологического подходов на основе чего возникает её комплексное понимание, представленное портфелем идентичностей: Этническую, Социальную, Политическую, Корпоративную, Религиозную, Национальную. [10, с. 6]

В 2024 году был представлен обновленный вариант методологии исследования идентичностей ВЦИОМ.[11] В стратегии изысканий произошли изменения, когда исследователи перешли от идентификаций к макрогруппам, по которым

группировались ответы респондентов. Замеры, проведенные с помощью системы «ВЦИОМ–Спутник», охватили 1600 респондентов старше 18 лет, представляющих взрослое население России. Выборка была стратифицированной и случайной, основанной на актуальной базе сотовых телефонных номеров, с погрешностью не более 2,5%. Целью исследования было выявление идентификаций россиян по отношению к ключевым объектам, таким как образ России, патриотические настроения, гражданская идентичность и специфические черты русского характера. Методом сбора данных стало формализованное телефонное интервью в 80 регионах, 500 городах и 100 селах. Анализ данных проводился формально-статистическими и логико-аналитическими методами с применением контроля и надзора за длительностью интервью. Представим результаты исследования в ТОП-3 объектов идентификации по макрогруппам:

1. Образ России и эмоциональные доминанты: Патриотизм, гордость, величие (52%), Родина, близкие люди (48%), Ценности, культура, национальная идентичность (20%).

2. Система патриотических настроений и её содержательное наполнение: Патриоты страны (94%), Те, кто помогает людям безвозмездно (83%), Гордятся, думая о своей стране (62%).

3. Гражданская идентичность и рефлексия сплоченности: Народное единство (61%), Россия лучше других стран! (57%), Социальная справедливость (47%).

4. Специфические черты русского характера: Доброта, душевность эмпатия (32%), Мужество, упорство, стойкость (23%), Терпимость, безотказность, адаптивность (18%).

5. Праздники, как маркеры единства: День Победы (61%), Новый год (58%), Пасха (29%).

6. Доминирующие чувства по поводу будущего страны: Я уверен, что наша страна сможет преодолеть все трудности (91%), Россия сможет стать сильным и процветающим государством (68%), Россия всегда найдет путь к успеху (53%). [11]

В 2023 году ЦСП Платформа и Центр социально-политических исследований и информационных технологий (ЦСПИИТ) РГГУ представили исследование идентичности россиян.[12] Методологический фокус состоял в выявлении самоопределения соотечественников по термину «россиянин». Целевая установка исследования ориентировалась на объективные изменения в российском обществе, акцентируя внимание на гражданской и национальной самоидентификации. Масштаб исследования охватил 2300 респондентов и включал три фокус-группы и 15 экспертов. Конвергенция данных позволила ответить на вопросы: Кто мы?, Каковы наши ценности?, Что нас объединяет (и разъединяет)? Методы сбора данных объединяли количественный опрос методом панельно-

го онлайн-опроса, квотированного по полу, возрасту, типам населенных пунктов и субъектам федерации. Экспертные беседы охватывали социологов, культурологов и историков. Анализ данных осуществлялся с использованием формально-статистических и логико-аналитических методов. Представим некоторые результаты реализации стратегии этого исследования на практике, в ТОП-3 объектов идентификации по ключевым вопросам:

1. Назовите всех жителей России одним словом: Россияне (60%), Затрудняюсь ответить (9%), Русские (8%).

2. Кто мы, кто свои, кто такие как я: Русские (47%), Люди моего поколения (29%), Жители моего города, поселка, села (25%).

3. Что значит быть россиянином: Быть патриотом, любить страну и гордиться ею (47%), Жить в России (18%), Говорить на русском языке (12%).

4. Национальность и россиянин, это: Близкие понятия, означают почти одно и то же (72%), Далекие понятия, означают совершенно разное (25%), Затрудняюсь ответить (3%). [12]

Резюмируя, следует отметить, в последние 25–30 лет в отечественном социологическом дискурсе наблюдается тенденция разукрупнения параметров самоидентификации россиян. Эта тенденция возникла на этапе формирования идейной парадигмы и инструментария исследований. Технологическая парадигма, предложенная проф. В.А. Ядовым и Н.Е. Даниловой, была доработана академиком РАН М.К. Горшковым (1950–2025) и проф. Н.Е. Тихоновой, что привело к эффективной методологии исследования идентичностей. Однако методика ВЦИОМ, разработанная в 2014 году, представляет иной подход, в котором уровни идентификаций объединяют несколько профилей самоидентификации, формируя объединенную классификацию.

Методология и стратегия выявления идентичностей россиян на этапе цифрового развития общества

С середины первого десятилетия XXI века российское общество вступило в стадию активной цифровизации, что было ознаменовано запуском социальной сети Вконтакте в 2006 году. [13] Методология выявления идентичностей в современных социальных сетях основывается на анализе медиаполя, включая количество и тональность публикаций участников профильных сообществ. Тональность может быть позитивной, нейтральной или негативной и отражает отношение автора к теме. Однако существуют затруднения с соответствием цифровой самопрезентации реальным чертам личности. Эта проблема была предсказана на ранних этапах развития социальных сетей, так как интернет-личность

часто отличается от реальной, сопровождаясь анонимностью, что порождает троллинг и буллинг.

Эти явления не делают информационное поле непознаваемым, но требуют сложных моделей лингвистического анализа для фильтрации бессмысленного контента. Статистические данные о количестве и тональности сообщений не обеспечивают полного представления об идентичности пользователей; необходимо учитывать охват и вовлеченность. Охват – это количество пользователей, увидевших сообщение, а вовлеченность – сумма реакций (лайков, перепостов и пр.). Поэтому для формирования объективного представления об идентификациях россиян в Вконтакте необходимо сочетание формально-статистических и логико-аналитических показателей.

Переходя непосредственно к характеристике идентичностей российских пользователей социальных сетей, автор хотел бы отметить, что она будет даваться по укрупненным группам, указанным в авторской модели: **Люди-Места-Деятельность-Взгляды**. [14] При этом для характеристики будет выбрано одно из переменных направлений, указанных в модели:

- **Люди** – межличностная идентификация на примере «семьи»;
- **Места** – инфраструктурно-географическая идентификация;
- **Деятельность** – профессиональная идентификация в соцсетях;
- **Взгляды** – гражданско-политическая идентификация участников отечественных социальных сетей.

Рассмотрим их подробнее.

Семейная идентификация пользователей отечественных социальных сетей делится на два основных типа: родственную и ролевую. Рассмотрим эти типы на примере Вконтакте, крупнейшей социальной сети с более чем 96 млн активных участников на конец первого квартала 2026 года. [15] Во Вконтакте существуют закрытые и открытые сообщества и страницы. Родственная идентификация чаще всего реализуется в закрытых сообществах, доступ к информации в которых имеют только инициаторы и участники, подтвердившие родственные связи.

Ролевая идентификация, связанная с концептом «семья», основывается на гендерных и социально-возрастных ролях: Ребенок-Родитель, Папа-Мама, Муж-Жена. Во Вконтакте зарегистрировано более 3 млн открытых сообществ на эти темы, однако установить количество реальных пользователей трудно, так как один пользователь может быть в нескольких сообществах под разными псевдонимами. Наиболее крупные сообщества по соответствующим тегам включают: «Родители и педагоги! Наши дети» (1,8 млн подписчиков), «Эти дети» (1,4 млн), «Мама» (1,8 млн), «Папа»

(248,5 тыс.), «Самая лучшая невеста, жена и мама» (858,1 тыс.) и «Мужские мысли» (1,3 млн).

В открытых сообществах ролевые идентификации реализуются через обмен опытом по вопросам воспитания и заботы о детях. Эмоциональная идентификация в основном слабо выражена. Соотношение семейных ролей, которые ранее стремились к поляризации, теперь нейтрализуются. С 2024 года наблюдается новая тенденция идентификации с семьёй как экосистемой.

Рассматривая территориальную идентификацию, **Места** в авторской схеме, в российских социальных сетях, следует отметить, что в наиболее общем плане, следует констатировать, что она осуществляется в трех привязках – по географии, по персоне (глава региона, мэр города) и по инфраструктуре. Территориальная привязка, в рамках которой пользователь выступает подписчиком и активным автором на страницах, посвященных конкретным территориям (Подмосковье, Ленобласть, Поволжье, Забайкалье и т.п.), городам на них расположенным и городским районам или местностям. Персонификационная, когда территориальная идентификация осуществляется через конкретную фигуру, присутствующую в соцсетях и ассоциируемую с данной местностью или населенным пунктом. В свою очередь, инфраструктурная привязка идентификация в территориальном плане протекает через конкретные объекты, на этой территории расположенные.

Проиллюстрируем сказанное отразив данные по лидерам среди указанных трех привязок. Так, по территориальной привязке абсолютным лидером выступает Правительство Санкт-Петербурга (<https://vk.com/spb>) страница сообщества которого имеет 422,1 тыс. подписчиков, включает 31 836, сообщений при более чем 20 лайков, в среднем, на каждое сообщение и 4–6 перепостов. Лидером персонификационной привязки выступает Рамзан Ахматович Кадыров (<https://vk.com/ramzan>), страница которого во Вконтакте имеет 915 000 подписчиков, включает 12 457 сообщений, при этом на каждое сообщение, в среднем, приходится более 200 лайков и от 20 перепостов. Остановившись на инфраструктурной идентичности, необходимо отметить, что объёмы участников открытых страниц и сообществ в этом направлении редко превышают 1–2 тыс. подписчиков из активных среди которых всего 200–300. Именно такие сообщества наиболее распространены.

Переходя к профессиональной идентификации, по профилю **Деятельность**, в современных отечественных социальных сетях, необходимо отметить, что она осуществляется по трем основным привязкам:

1. Привязка к Организации, где осуществляется трудовая деятельность;
2. Привязка к Профессии, по которой осуществляется трудовая деятельность;

3. Привязка к Учебному заведению, где была получена та или иная специальность/профессия.

По первому направлению абсолютным лидером выступает ОАО РЖД (https://vk.com/rzd_official) у которого на странице 448 184 подписчиков, 8 725 сообщений, в среднем 150 лайков на сообщение и 100–120 перепостов. Проводя содержательный анализ этих сообществ, как площадок для профессиональной идентификации, могут быть выделены два основных типа профессиональной идентификации это активная и пассивная. В первом случае, при активной идентификации, сотрудник предприятия или, более широко отрасли, сам выступая актором идентификации отождествляет себя с предприятием в профессиональном плане, указывая в своих постах, например, «Я – железнодорожник!». Во втором случае, при пассивной идентификации, идентификацию с предприятием или отраслью осуществляет работодатель. В отношении железнодорожной отрасли способом такой идентификации наиболее часто выступают поздравления в сообществе сотрудников с их профессиональными праздниками, такими как, например, «День железнодорожника» – первое воскресенье августа, «День машиниста» – последняя пятница марта, «День монтера пути» третья пятница апреля и т.п.

Обращаясь ко второй привязке профессиональной идентификации – по профессии, отметим, что здесь абсолютным лидером является сообщество сварщиков (https://vk.com/svarka_svarshhiki), в котором, в привязке к профессии Сварщик, 269 066 зарегистрированных пользователей, 65 165 сообщений, на каждое из которых приходится 70 лайков и 12 перепостов.

Лидером среди российских ВУЗов, как объектов привязки в профессиональной идентификации, выступает Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ). По данным сети Вконтакте, его страница (<https://vk.com/politehperm>) объединяет 37 600 участников, 16 545 сообщений, в среднем по 26 лайков на каждое сообщение и по 4 перепоста.

Вопросы политической идентичности в социальных сетях, по макрогруппе **Взгляды** заключают в себе сообщества и страницы политических партий, тематические сообщества и страницы политических медиа. Абсолютным лидером здесь является официальная группа всероссийской политической партии «Единая Россия» (https://vk.com/er_ru), объединяющая 238 783 подписчика, включающая 29 446 сообщений, при, в среднем, 100 лайках и 9–11 перепостах.

Выводы

Отечественная методология исследования идентичностей за последние 30 лет претерпела значительное развитие, начиналось оно с работ В.А. Ядова

и Н. Даниловой в начале 90-х годов, которые искали средства для анализа трансформаций сознания россиян в условиях социально-политических и экономических изменений. Методика Ядова-Даниловой основывалась на разукрупнении 24 параметров идентичности, которые ныне, в интерпретации Н. Тихоновой, разделены на 5 групп с 19 параметрами. Альтернативные методологии включают подход В. Федорова (ВЦИОМ), который с 2014 года использует 4 группы идентичностей с 13 Мы-факторами, и совместное исследование ЦСП Платформа и ЦСПИИТ РГГУ, основанное на трипараметрическом подходе с панельным опросом и экспертными интервью.

Автор предлагает адаптированную методологию для исследования идентичностей в социальных сетях, выделяя четыре макрогруппы: Люди, Места, Дела, Взгляды. Полем исследования стала социальная сеть Вконтакте с 90 млн активных пользователей, однако сбор данных осложняется наличием закрытых страниц и анонимностью пользователей, что создает трудности при идентификации. Авторский анализ основан на статистических данных Вконтакте о подписчиках, постах, лайках и репостах. Перспективы будущих исследований включают развитие методологии и стратегии, направленные на преодоление ограничений, связанных с отсутствием прямого контакта между исследователем и респондентами, а также на повышение адаптивности к новым вызовам в соцсетях.

Литература

1. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан. 1993.
2. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1994.
3. Данилова Е. Н., Игитханян Е.Д., Черныш М.Ф., Климова С.Г., Козырева П.М., Козырев Ю.Н., Козлова Т.З. Социальная идентификация личности – 2. Книга 1. – М.: Институт социологии РАН, 1994. – 154 с.
4. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
5. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв.ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: Наука, 2005. – 396 с.
6. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Рабочая группа Института социологии РАН ЧАСТЬ 1. (Предисловие. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности. Внешнеполитические аспекты российской идентичности.) / М.К. Горшков,

А.Л. Андреев, В.А. Аникин [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 1. – С. 67

7. ИНАБ № 3–2008. Российская идентичность в социологическом измерении. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 72 с.
8. Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18.
9. Тихонова Н. Е., Дудин И.В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11, С.18–33.
10. Федоров В. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. М.: ВЦИОМ, 2013. – 22с.
11. Федоров В. Идентичность россиян. По данным количественных исследований. М.: ВЦИОМ. 2024. – 16с.
12. Социология идентичности. Гражданская идентичность: жители России в собственном представлении. М.: ЦСП Платформа. 2023. – 9с.
13. Вконтакте. О нас. URL: <https://vk.com/about> (Дата доступа 16 июня 2026)
14. Курюкин А.Н. Трансформации(я) идентичности россиян в социальных сетях: опыт социологического анализа // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 665–669.
15. Рейтинг Медиаскоп: Топ ресурсов социальные медиа. По состоянию на март 2026. URL: <https://mediascope.net/data/> (Дата доступа: 23.04.2026).

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RUSSIANS' IDENTITY: METHODOLOGICAL ASPECTS AND RESEARCH STRATEGIES

Kuryukin A.N.

The Center for Comprehensive Social Research Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is to trace the development of methodologies and strategies for studying Russian identities, from their formation in the late 20th century to contemporary models in social networks during the digitalization of society. Methods of analysis, generalization, ranking, and logical-historical analysis were used. Modern methodologies began to emerge in the 1990s thanks to Professors V.A. Yadov and E.N. Danilova, who developed a disaggregated approach to identification parameters, increasing their number to 24. Later, Academician of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov and Professor N.E. Tikhonova significantly reduced this number. Alternative methodologies have also been proposed by VTsIOM (2014) and the Center for Social Research «Platform» with the Russian State University for the Humanities (2023). The author proposes her own methodology for studying identities in the digital space, using data from VKontakte. The conclusions highlight the need to adapt methods to the challenges of modern social networks.

Keywords: research methodology, research strategy, identity, identification, identity of Russians, digital identification of Russians.

References

1. Soviet Common Man: The Experience of a Social Portrait at the Turn of the 1990s / Edited by Y.A. Levada. Moscow: Mirovoy Okean, 1993.

2. Social Identification of the Individual / Edited by V.A. Yadov. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 1994.
3. Danilova E.N., Igithanyan E.D., Chernyshev M.F., Klimova S.G., Kozyreva P.M., Kozyrev Yu.N., Kozlova T.Z. Social Identification of the Individual – Volume 2. Book 1. – Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 1994. – 154 p.
4. Danilova E.N. Changes in Social Identifications of Russians // Sociological Journal. 2000. № 3–4. Pp. 76–86.
5. Russian Identity in the Context of Transformation: Experience of Sociological Analysis / Edited by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. – Moscow: Nauka, 2005. – 396p.
6. Russian Identity in Sociological Measurement. Analytical Report. Working Group of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, PART 1. (Preface. Political Activity and Civil Participation in the Context of Russian Identity. Foreign Policy Aspects of Russian Identity.) / M.K. Gorshkov, A.L. Andreev, V.A. Anikin [et al.] // Polis. Political Studies. – 2008. – № 1. – P. 67.
7. INAB № 3–2008. Russian Identity in Sociological Measurement. – Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2008. – 72 p.
8. Tikhonova N.E. Self-Identification of Russians and Its Dynamics // Social Sciences and Contemporary World. 1999. № 4. Pp. 5–18.
9. Tikhonova N.E., Dudin I.V. Identities of Russians as a Factor in the Consolidation of Russian Society // Sociological Studies. 2024. № 11, Pp. 18–33.
10. Fedorov V. Contemporary Russian Identity: Measurements, Challenges, Responses. Moscow: VTsIOM, 2013. – 22 p.
11. Fedorov V. The Identity of Russians. Based on Quantitative Research Data. Moscow: VTsIOM, 2024. – 16 p.
12. Sociology of Identity. Civic Identity: Residents of Russia in Their Own Representation. Moscow: CSP Platform, 2023. – 9 p.
13. Vkontakte. About Us. URL: <https://vk.com/about> (Accessed June 16, 2026).
14. Kuryukin A.N. Transformations of Russian Identity in Social Networks: Experience of Sociological Analysis // Socio-Humanitarian Knowledge. 2026. № 5. Pp. 665–669.
15. Mediascope Rating: Top Social Media Resources. As of March 2026. URL: <https://mediascope.net/data/> (Accessed April 23, 2026).

Российские теории аномии в контексте постцифровой социологии

Плетнев Александр Владиславович,

доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии
и социальной работы
E-mail: Venger.vin@rambler.ru

Конанчук Светлана Витальевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского
государственного института психологии и социальной работы
E-mail: moskov_sveta@mail.ru

Вашурин Андрей Николаевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского
государственного института психологии и социальной работы.
E-mail: dojd2006@yandex.ru

В рамках российской социологии накоплен существенный опыт теоретических и эмпирических исследований аномии как социального феномена. Изучение аномии для российской науки остается крайне актуальной темой, несмотря на существенную стабилизацию государства и общества. Высокие уровни проявлений преступного и девиантного поведения, наблюдаемые по всему миру, подтверждают актуальность изучения аномии как социального источника девиации. Представленное исследование содержит аналитический обзор основных направлений изучения аномии в современной России. Несмотря на существование определенного количества исследователей и даже исследовательских школ, предметом внимания которых является изучение аномии, данное направление все еще имеет определённые перспективы развития. Применение научно обоснованных результатов исследований способно послужить отправной точкой для разработки программ по снижению уровня преступности и девиации.

Ключевые слова: аномия, аномия личности, цифровизация, одиночество

Введение и методология

Российские теории аномии являются крайне важным и интересным предметом для изучения. Процессы, происходившие в российском обществе, обусловили его особенности, которые заключаются в сосуществовании общемировых тенденций аномии и уникальной аномии российского общества. В постсоветский период Россия подверглась существенным нормативно-ценностным трансформациям и стала своеобразным полигоном для проверки различных теорий аномии. Глубина происходящих трансформаций, высокие уровни девиации и преступности в переходный период обусловили крайнюю актуальность изучения аномии для российского общества. Однако и в стабильный период существования России изучение аномии потенциально может помочь в снижении уровня многих видов преступности и поведенческих аномалий [12]. Борьба с подобными явлениями должна быть научно обоснованной и затрагивать социальные истоки указанных феноменов.

Методологической основой представленного исследования являются социальный конструктивизм и интерпретативизм. Представленное исследование проводилось при помощи методов теоретического синтеза и реконструкции концепции.

Полилог аномии в российской социологии

Развитие российской социологии в конце XX века было ознаменовано появлением ряда оригинальных теорий аномии. Наибольший вклад в данную сферу был внесён социологом В.В. Кривошеевым, предложившим концепцию коротких жизненных проектов. Согласно Кривошееву, общественная жизнь в настоящее время крайне интенсифицируется и индивиды планируют свою деятельность в форме коротких жизненных проектов, которые «предполагают получение максимального объема социальных ресурсов в максимально короткое время» [6, с. 69]. Отсутствие возможности длительного планирования делает жизнь каждого индивида менее продуманной и всё больше вселяет в него ощущение хаоса, охватывающего социальную сферу. Короткие жизненные проекты относятся не столько к физическому времени, сколько к социальному, к уменьшению длительности определённых социальных процессов. В результате «такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии («социальная жизнь» как конкретное состояние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, от-

ношений к нормам и ценностям, а значит, к росту аномии» [5, с. 80].

В российской социологии особую актуальность получили исследования, посвященные попыткам эмпирического измерения уровня аномии, что привело к формированию специфического российского индикаторного подхода. Одним из основателей данного подхода стала А.О. Панфилова, которая изучала социальные индикаторы вхождения российского общества в состояние аномии в девяностые годы XX века [10].

Социолог Л. Коселс провел масштабное кросс-культурное исследование аномии, причин ее возникновения и форм проявления на материале 45 стран мира. В данном исследовании аномия понимается как определённый вид когнитивной растерянности [20]. Полученные эмпирические данные позволили Коселсу сделать несколько интересных выводов. В частности для развивающихся стран характерен высокий уровень аномии и это состояние обусловлено «разрушением механизмов неформального социального контроля, которое не компенсируется наличием сильных формальных политических и экономических институтов» [19, с.474]. Также социологами изучались индикаторы выхода современного российского общества из состояния аномии [11]. Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что в российской традиции постепенно формируется система индикаторов для измерения аномии, которая может быть использована в последующих исследованиях, а также результативно применена для изучения других обществ.

Российский социолог Н.Е. Покровский, изучая аномию, следовал личностному направлению исследования данного феномена и сопоставлял понятие «аномия» с понятием «одиночество». Согласно Покровскому, эти понятия не являются синонимичными, как это понимают некоторые западные социологи [15, 18], однако они взаимосвязаны поскольку «если одиночество рассматривается как структура субъективного восприятия и переживания дефицита значимых взаимодействий, то аномия с необходимостью создает для этого деструктивный ценностный фон» [13, с. 12]. И хотя в такой интерпретации одиночество не является аномией, но в большинстве случаев остро переживающий одиночество индивидум будет подвержен и состоянию личностной аномии. При формировании своей концепции Покровский опирался на исследования социологов Уильяма Садлера и Томаса Джонсона, для которых «аномия, по крайней мере во многих случаях, является следствием одиночества, испытываемого в двух или более измерениях личностного мира» [7, с.45].

В целом в конце XX века российскими исследователями начали разрабатываться различные аспекты аномии как на макро-, так и на микроуровнях. Обращение социологов к феномену ано-

мии личности, связанному с переживанием одиночества, представляется достаточно перспективным. Данное направление изучения аномии в России зачастую остается недостаточно разработанным, поскольку исследование личности могут казаться частью предметного поля психологии. При этом социологи изучают исключительно социально детерминированные аспекты личности, которые не относятся к области психологии.

Изучение аномии в постцифровом российском обществе

Очевидная значимость изучения аномии привлекает внимание социологов к исследованию данного феномена. При этом актуальные исследования не всегда проводятся с достаточным учётом накопленного международным научным сообществом опыта, а также социальных особенностей общества постцифрового периода.

Социальным фоном исследования аномии являются сверхновые процессы постцифровизации. Такие явления как глобализация и всеобщая цифровизация социальных отношений в настоящее время установились, стали рутиной и не представляют особого интереса для научного сообщества. Вместе с тем, можно обнаружить и новейшие тенденции усталости от цифрового мира, которые наблюдаются, прежде всего, в среде молодежи.

Для молодого поколения виртуализация превращается в цифровую рутину и возникает потребность в доступе к реальному, тактильному, «аналоговому» миру. Виртуальные объекты создают у молодежи ощущение некоторой искусственности, и для индивидумов с подобным мировоззрением потрогать дикое животное гораздо интереснее, чем узнать о новейших цифровых технологиях. В этой ситуации «сначала активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены все чаще создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью» [1, с. 51]. Данная тенденция является социально-конструктивной, поскольку перенаправляет внимание молодёжи от ценностного калейдоскопа цифрового мира к реальным, традиционным ценностям. Тенденции поствиртуализации для социологии являются не новыми и предпосылки к их появлению обнаруживались социологами уже достаточно давно. В частности в исследованиях социализации под влиянием цифрового пространства отмечались тенденции организации пользователей для продолжения интеракции уже в традиционном физическом пространстве. В итоге «практика «неподвижной социализации» открывает простор для бесконечного разнообразия форм межличностного общения, коллективной жизни и участия в общественной деятельности» [14, с.310].

Одним из примеров целостного изучения аномии в России является исследование, результаты которого изложены в монографии С.Г. Кара-Мурзы «Аномия в России: причины и проявления» (2013 г.). Следует отметить, что автор приводит в теоретической части работы таких классиков теории аномии как Роберт Мертон или Эмиль Дюркгейм, но при этом автор не указывает актуальные исследования последних десятилетий, которые относятся к Институциональной теории (С. Месснера, Р. Розенфельда) и Общей теории аномии (Р. Агнию). При характеристике аномии автор указывает, что «аномия (букв. беззаконие, безнормность)» [3, с.4]. Здесь не указывается тот язык, на котором этимологически было образовано данное понятие. Это обстоятельство имеет существенное значение, поскольку сформировались различные определения аномии на греческом, английском, французском и латинском языках. Указание на происхождение понятия это не просто исторический экскурс, но оно отражает определённые смысловые акценты, которые сохраняют свою актуальность и в современной социологии.

Для изучения аномии в российском обществе нередко используется синергетическая парадигма. Следует отметить, что синергия является философской, а не научно-научной (социологической) парадигмой. Представители данного направления отталкиваются от тезиса об изменении качественного характера аномии в современном обществе, где «аномия, квинтэссенцией которой является безнормие, сама стала нормой современной жизни. В силу этого мы предлагаем концепцию “нормальной аномии”, отражающей реалии сложного социума» [4, с.6]. Представление об аномии как о новой норме отличается от взглядов сторонников Институциональной теории аномии, где аномия по-прежнему оценивается как «ненормальное» социальное явление, однако эта ненормальность становится постоянным фактором.

Взаимоотношения порядка и хаоса в синергии соответственно отождествляются с порядком как соблюдением социальных норм и хаосом как безнормием. Н.Н. Мещерякова выделяет структурную и рефлексивную аномию в обществе. Традиционная, структурная аномия характеризуется тем, что «в самой социальной системе обнаружить факторы, структурирующие условия, в которых аномичное поведение становится «нормальным» ответом на социальную ситуацию» [8, с. 203]. Для современного общества характерна «рефлексивная аномия» и эту новую «рефлексивную аномию порождают уже внутренние факторы, собственная субъективность актора, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе» [9, с. 34]. Теория Н.Н. Мещеряковой вписывается в широкую традицию социологических исследований аномии, продолжая линию Дюркгейма и Мертона и одновременно полеми-

зируя с рядом других подходов. Рассмотрим, как идеи Мещеряковой соотносятся с концепциями классиков и современных теоретиков. Здесь следует отметить, что в древнегреческой литературе среди историков и поэтов ещё дофилософского периода (ранее VII века до н.э.) можно обнаружить глубокие размышления о сущности аномии [16]. Можно отметить, что рефлексивность понимания сущности аномии в Древней Греции никак не уступала современным социологическим подходам. Платон понимал состояние аномии в обществе как глубокий эпистемологический и нравственный кризис [17, с.22–29]. В этом смысле тезис о наступлении эпохи рефлексивной аномии представляется дискуссионным.

В целом в российской социологической традиции формируются собственные теоретические и эмпирические подходы к изучению феномена социальной аномии. При этом можно заметить все еще недостаточное использование передового международного опыта в отечественной теории и практике.

Заключение и дискуссия

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на общее признание научным сообществом актуальности изучения проблемы аномии, в данной сфере всё ещё остаётся большое пространство для дальнейших исследований. Социальные процессы поствиртуализации, развитие искусственного интеллекта, постоянное изменение трендов ставят перед исследователями аномии новые актуальные вызовы. В этой ситуации необходимо продолжать исследования, опираясь на новейшие международные источники, обеспечивая своевременное внедрение в Российскую социологию иностранных теоретических и эмпирических достижений. Изучение аномии как теоретическое направление может быть крайне полезно в сфере профилактики девиации, борьбы с преступностью, развитии социальной работы, построении программ социальной политики. Однако успех этой деятельности возможен только на подлинно обоснованный и актуальной научной базе. Обеспечение такой базы является задачей современной российской социологии.

Существенным препятствием развитию теории аномии в России является также и мировой кризис социологической мультипарадигмальности. Изменение и истолкование любого социального феномена требует наличия базовых понятий и общности методологических подходов к его изучению. В настоящее время в «русле метапарадигмального кризиса, ведущего к общей фрагментации представлений о социальном мире, сменился доминирующий подход к социальной динамике. Заложенные в теориях глобализации ожидания прихода консолидированного и открытого всемирного

общества или глобальной социальности не оправдались» [2, с.15].

Современные тенденции метатеоретизирования зачастую заключаются в призывах принимать все парадигмы во внимание и делать выводы подобным образом. Однако вполне очевидно, что два взаимоисключающих высказывания не могут быть истинными одновременно. И в этом смысле социология нуждается в обретении единой, общепризнанной парадигмы. При осмыслении аномии отечественным ученым также имеет смысл задуматься и об обретении сверхновой парадигмы, способной объяснить и интерпретировать современное общество.

Литература

1. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. Иванов Д. В., Асочаков Ю.В., Гулькина К.П. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 6–25.
3. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт. 2013. – 264 с.
4. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
5. Кривошеев, В.В. Аномия современного социума: господство коротких жизненных проектов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2(18). С. 79–84.
6. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 6. С. 69–77.
7. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
8. Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35) с. 201–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
9. Мещерякова Н.Н. Особенности аномии в российском обществе // Власть. № 4. 2014. с. 31–35.
10. Панфилова А.О. Ценностные ориентации населения Приморья // Социологические исследования. 2004. № 10(246). С. 117–119.
11. Плетнев А.В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук /

Плетнев Александр Владиславович. – Санкт-Петербург, 2012. – 27 с.

12. Плетнев А.В. Развитие социальной аномии как фактор изменения педагогических практик в условиях виртуализирующегося общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3(79). – С. 190–193.
13. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. – М.: Логос, 2008. – 408 с.
14. Bakardjieva M. Virtual Togetherness: an Everyday Life Perspective // Media, culture & society. 2003. Vol. 25. Iss. 3. Pp. 291–313.
15. MacIver. R.M. The Ramparts We Guard. Macmillan. New York. 1950. – 152 p.
16. Orru M. Anomie and social theory in ancient Greece // European. Journal of Sociology. 1985. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 3–28.
17. Orru M. Anomie: History and Meanings. Allen & Unwin, Boston – London. 1987–224 p.
18. Riesman D., Reuel D., Glazer. N. The lonely crowd. New Haven: Yale University Press. 1950. – 386 p.
19. Swader C., Kosals L. Modernization, formal social control, and anomie: A 45-society multilevel analysis // International Journal of Comparative Sociology. 2017. Vol. 58. No. 6. P. 463–483.
20. Swader C., Kosals L. Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control. Working paper series: Sociology. Working paper no 1. Moscow. NRU-HSE. 2013. – 23 p.

RUSSIAN THEORIES OF ANOMIE IN THE CONTEXT OF POSTDIGITAL SOCIOLOGY

Pletnev A.V., Konanchuk S.V., Vashurin A.N.

St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work

Russian sociology has accumulated significant experience in the theoretical and empirical study of anomie as a social phenomenon. The study of anomie remains a highly relevant topic for Russian scholarship, despite the substantial stabilization of the state and society. The high levels of criminal and deviant behavior observed worldwide confirm the relevance of studying anomie as a social source of deviance. This study presents an analytical overview of the main approaches to researching anomie in contemporary Russia. Despite the existence of a number of researchers—and even research schools—focused on the study of anemia, this field still holds significant potential for further development. The application of scientifically grounded research findings could serve as a starting point for developing programs aimed at reducing crime and deviant behavior.

Keywords: anomie, personal anomie, digitalization, loneliness

References

1. Ivanov D.V. Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization // Sociological Studies. 2020. No. 5. P. 44–55.
2. Ivanov D. V., Asochakov Yu. V., Gulkina K.P. Sociology in the 21st Century: Between Fragmentation and Integration // Science. Culture. Society. 2024. Vol. 30, No. 3. P. 6–25.
3. Kara-Murza S.G. Anomie in Russia: Causes and Manifestations. Moscow: Nauchny Ekspert. 2013. – 264 p.
4. Kravchenko S.A. "Normal Anomie": Outlines of the Concept // Sociological Studies. 2014. No. 8. pp. 3–10.

5. Krivosheev, V.V. Anomie of Modern Society: The Dominance of Short-Term Life Projects // Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2(18). Pp. 79–84.
6. Krivosheev V.V. Shortterm life projects as a basis for anomie in modern society // Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University. 2009. No. 6. Pp. 69–77.
7. Labyrinths of Solitude: Translated from English. Compiled, edited, and with a foreword by N.E. Pokrovsky. – Moscow: Progress, 1989. – 624 p.
8. Meshcheryakova N.N. Anomie in a complex society // Bulletin of MGIMO University. 2014. No. 2(35) p. 201–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
9. Meshcheryakova N.N. Characteristics of Anomie in Russian Society // Vlast. No. 4. 2014. pp. 31–35.
10. Panfilova A.O. Value Orientations of the Population of Primorye // Sociological Studies. 2004. No. 10(246). Pp. 117–119.
11. Pletnev A.V. Dynamics of contemporary Russian society's emergence from a state of anomie: Specialty 22.00.04 "Social Structure, Social Institutions, and Processes": Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences / Pletnev Aleksandr Vladislavovich. – Saint Petersburg, 2012. – 27 p.
12. Pletnev A.V. Development of social anomie as a factor in changing pedagogical practices in the context of a virtualizing society // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 3 (79). – P. 190–193.
13. Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. The Universe of Loneliness: Sociological and Psychological Essays. – Moscow: Logos, 2008. – 408 p.
14. Bakardjieva M. Virtual Togetherness: an Everyday Life Perspective // Media, culture & society. 2003. Vol. 25. Iss. 3. Pp. 291–313.
15. MacIver. R.M. The Ramparts We Guard. Macmillan. New York. 1950. – 152 p.
16. Orru M. Anomie and social theory in ancient Greece // European Journal of Sociology. 1985. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 3–28.
17. Orru M. Anomie: History and Meanings. Allen & Unwin, Boston – London. 1987–224 p.
18. Riesman D., Reuel D., Glazer. N. The lonely crowd. New Haven: Yale University Press. 1950. – 386 p.
19. Swader C., Kosals L. Modernization, formal social control, and anomie: A 45-society multilevel analysis // International Journal of Comparative Sociology. 2017. Vol. 58. No. 6. P. 463–483.
20. Swader C., Kosals L. Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control. Working paper series: Sociology. Working paper no 1. Moscow. NRU-HSE. 2013. – 23 p.

Вклад императоров династии Романовых и их семей в достижении триумфа отечественной музыкальной культуры в эпоху XIX века

Россинский Александр Георгиевич,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры искусствоведения и креативных индустрий, Алтайский государственный университет
E-mail: cello42@mail.ru

Родин Кирилл Владимирович,

профессор кафедры виолончели и контрабаса, Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского
E-mail: k_rodin@rambler.ru

Россинская Екатерина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и цифровых образовательных технологий, Институт международного образования, Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций, Московский международный университет, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Московский институт психоанализа
E-mail: erossinskaya@yandex.ru

Цель исследования – выявить и проанализировать вклад представителей династии Романовых в становлении и развитии русской музыкальной культуры XIX века. Актуальность работы заключается в необходимости пересмотра роли императорской династии в культурном развитии России, так как предыдущие исследования находились под сильным идеологическим влиянием. Научная новизна исследования заключается в использовании комплексного подхода к изучению влияния императорской семьи на развитие музыкального искусства России, а также в переосмыслении исторических фактов без идеологических ограничений. В статье используются методы историко-культурного анализа, метод документального исследования, сравнительный анализ исторических источников. Полученные результаты убеждают, что императорская семья сыграла значительную роль в становлении Русской музыкальной культуры XIX века, поддерживая многочисленные музыкальные учреждения, поощряя талантливых композиторов и исполнителей и лично участвуя в музыкальной жизни страны.

Ключевые слова: династия Романовых, русская музыкальная культура, императорская семья, история музыки меценатство, развитие музыки, консерватория, культурное развитие, музыкальное наследие.

Да посрамит небо тех, кто:
берется управлять народами,
не имея истинного блага,
государства.

Екатерина II

Россия очень сложная для управления страна. Еще А.С. Пушкин предостерегал, что «страшен бунт в России бессмысленный и беспощадный» [1, с. 187]. Понимая это, Российские императоры придавали музыке большое значение в сплочении народа и тратили на нее большие средства, что, по их представлению, должно служить показателем богатства и могущества империи. В этот процесс постоянно вовлекалась вся императорская семья. К сожалению, очень плодотворные усилия многих императриц, великих князей и княгинь в области музыкального искусства в наше время недостаточно известны, и мы представим ряд интересных материалов из этой области.

Очень известному в свое время поэту, музыкальному и общественному деятелю Великому князю Константину Константиновичу Романову принадлежат такие удивительные слова, которые в полной мере характеризуют высокие устремления члена императорской семьи. Он писал:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь
Родного православного народа
Я заслужу доверие и любовь.
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца [2].

Конечно, не все гладко на протяжении столетий было в царской семье. Были непонимания, политические противоречия, даже убийства, но одно их всех объединяло – глубокое чувство ответственности за судьбу России, которую они считали даром Божественного Провидения, и каждый из них обращался к музыке, как уникальному средству для связи с порученным им этой Божественной волей народом.

В нашем обзоре мы проанализируем те музыкальные и социальные составляющие императорской России, которые и сформировали великое искусство XIX века гордо шествующее сегодня по всему миру.

В своей тысячелетней истории Россия постоянно находилась перед мучительным выбором меж-

ду Западом и Востоком. Это началось еще с монгольского ига и продолжалось в разных формах до XVII века. Как впоследствии очень емко об этом времени высказался в своих воспоминаниях Великий князь Александр Михайлович: «Петр действительно спас нашу родину от прозябания в «азиатчине» под властью монгольских владык. Он освободил своих нерадивых подданных от власти средневековых суеверий и ударами своей дубинки заставил их приобщиться к культурной семье западноевропейских народов» [3, с. 197]. Это приобщение в дальнейшем оказало большое воздействие на всю культурную политику, проводимую уже последующими императрицами. Так, в царствование Елизаветы Петровны особого блеска достигла, находящаяся под высочайшим покровительством итальянская опера. По-видимому, такой неподдельный интерес власти к оперному искусству и способствовал появлению истинно русской оперы. Это была опера основателя русского театра Ф.Г. Волкова – «Танюша или счастливая встреча». Конечно, отечественная опера не могла тогда получить необходимую известность, но это стало в определенной мере выражением национального течения общественной жизни, направляемого самой императрицей.

Короткое царствование Петра III не могло оказать серьезного воздействия, на музыкальную жизнь России, хотя многие задуманные им реформы были весьма прогрессивными, также он имел и серьезные музыкальные планы. Здесь следует привести такой факт, что по воспоминаниям современников этот убитый и оболганный впоследствии император был серьезным любителем музыки и даже не расставался со скрипкой, будучи уже практически в заключении.

Его царственная супруга Екатерина II к музыке была «нечувствительна», как отмечали близкие ко двору люди, но вместе с тем она изыскивала значительные средства на роскошь постановок итальянских опер, в открытом по ее указу в Петербурге Большом театре, поскольку считала, что именно опера служит показателем богатства и могущества империи. Эта зависимость была настолько велика, что известным русским церковным композиторам Березовском, Бортнянскому приходилось писать музыку в стиле итальянских опер. В этой связи можно привести горестные слова Великого князя Александра Михайловича: «Европа! Европа! – это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет» [3, с. 104].

Краткий период правления Павла I крайне противоречиво характеризовался как современниками, так и последующими историками. Действительно, вырастая в тяжелой обстановке он, как отмечали многие из его окружения, был изломанным и озлобленным человеком. Мы не будем обращаться ко многим свидетельствам такого

рода, ряд из которых, были, по-видимому, в значительной мере инспирированы в исторической науке. Но, рассматривая его деятельность в русле изучаемой темы, необходимо заметить, что он был глубоко музыкальным человеком, виртуозно играл на клавесине, сам писал марши и даже пел французские песни. Наверно это было какой-то внутренней защитой от тяжелого детства. К сожалению, в современном музыковедении вклад этого императора в развитие русской музыки пока, на наш взгляд, оценен недостаточно. В этой связи можно обратиться к очень значимому событию в культурной жизни уже современной России, когда 27 апреля 2018 года в Президентской библиотеке состоялся очень интересный и в чем-то даже исторический концерт под названием «Музыка российской государственности. Павел I – покровитель искусств» с исполнением Концертной симфонии для скрипки и альта Д. Бортнянского. В этой связи следует заметить, что композитор пользовался особым расположением как императора, так и его царствующей супруги Марии Федоровны. Благодаря этому высочайшему покровительству Д. Бортнянским был создан ряд уникальных произведений духовной музыки, которые до сих пор звучат в православных храмах.

Интересный факт из деятельности Павла I приводит в своей книге «Империя и свобода» историк, философ культуры, богослов и крупный публицист Г. Федотов. Он писал, что несмотря на жесткость правления этого самодержца были даже попытки его канонизации [4].

Одним из самых противоречивых и даже в чем-то неразгаданным самодержцем России называют «Благословенного» Александра I. Его жизнь была полна невероятных подъемов и глубоких разочарований. Все свое царствование он практически посвятил Европе, где столкнулся с сильнейшим предательством и изменами. Так и прошла вся его жизнь среди великих войн с небольшими передышками, в которых он уделял время для забот об упорядочении внутреннего управления империей. Серьезный подъем общественной жизни России, связанный с победой над Наполеоном, способствовал оживлению всей музыкальной жизни страны. Особенно, это отразилось на русской опере, где были поставлены оперы Верстовского, Алябьева, Кавоса и др. Конечно, в этих сочинениях было много дилетантизма, хотя многие современники выделяли Кавоса, где национальный элемент заявлял о себе более определенно. Заметно оживился интерес к серьезной музыке в домах придворных, богатых аристократов. В начале века даже существовало «Музыкальное собрание», членами которого был сам император, члены его семьи и приближенные. Особое место в музыкальной культуре России того времени заняли романсы, некоторые из которых дошли и до наших дней, (особо можно отметить романсы Н.А. Титова).

Следует отметить и заметные успехи в области образования, когда Императором даже было создано министерство народного просвещения, открыт целый ряд народных училищ, гимназий. Стремительно развивалось под попечением его матери Марии Федоровны и женское образование. Были основаны духовные школы, семинарии и училища. Особую историческую роль сыграл основанный в Царском Селе лицей. В нем получил образование гордость отечественной культуры – великий поэт А.С. Пушкин. Такое особое императорское внимание к образованию привело к открытию второго лицея в Ярославле на средства А. Демидова, а третий в Нежине на средства близкого ко двору графа Безбородко, где учился другой великий писатель – Н.В. Гоголь.

Все эти глубокие преобразования в духовной жизни России в первую четверть века содействовали невиданному росту искусства, которое буквально через несколько лет серьезно заявило о себе созданием бессмертных шедевров.

Вступление во власть Николая Павловича сопровождалось трагическими событиями, которые глубоко отразились на всем царствовании императора, и затем почти на протяжении более сотни лет его беспощадно травили за расправу над «декабристами». Интересно, а какой правитель в мире не поступил бы так как он с людьми, поднявших вооруженное восстание?

Следует заметить, что при изучении исторических источников того времени вырисовывается несколько другая картина в оценке личности Николая I, которого называли даже закрытым и внутренне душевным человеком. Он предпринимал серьезные усилия по улучшению жизни крестьян и буквально до конца своих дней не переставал стремиться к тому, чтобы своими мероприятиями, как отмечал известный историк Н. Д. Чечулин, облегчить для своего преемника окончательное решение крестьянского вопроса [5]. Властное и решительное служение России прошло через всю жизнь императора и оказало большое влияние на все сферы российской действительности, в том числе, и на музыкальное искусство. Как отмечал известный отечественный историк А.Е. Пресняков: «Это время – золотой век великой русской литературы, эпоха первого расцвета русской общественной мысли и молодой самостоятельной русской науки, русского театра и русского искусства» [6, с. 276].

Музыкальная жизнь Петербурга середины века эпохи Николая I была образцом подражания для всей России. Интенсивность этой жизни поддерживалась аристократическими салонами богатых и знатных людей, близких к императору. Одним из самых известных был салон графов Виельгорских. Это были настоящие любители музыки и, как писали о них современники, ловкие царедворцы. В этих салонах выступали первые музыканты Ев-

ропы, а сам император, посещая эти концерты, лично решал вопросы с их гонорами.

Также, один из очень известных салонов, также пользовавшимся особым вниманием Николая I, находился в доме А.Ф. Львова – автора собственноручно выбранного императором в конкурсном отборе гимна «Боже царя храни», который до сих пор вызывает необычайный душевный подъем у слушателей.

Именно здесь Николай I близко познакомился с молодым А. Рубинштейном, который впоследствии, пользуясь покровительством жены брата императора Михаила – Елены Павловны, буквально преобразил всю музыкальную жизнь России. Было создано Русское музыкальное общество, которое вскоре получило название «Императорское». При нем были вначале созданы музыкальные классы, которые в 1861 году были преобразованы в Петербургскую консерваторию. В эпоху царствования Николая I его приближенные, члены семьи чутко отзываясь на внутренние порывы императора, много делали по подготовке того невиданного прорыва в музыкальной культуре России, который положил начало ее триумфальному и мировому признанию. В этой связи можно назвать и успешную деятельность двух музыкально-хоровых обществ, Музыкальной Академии, Академии пения. Все это создало благоприятные условия для невиданного расцвета русской оперы и балета.

Можно привести интересные факты из музыкальной жизни того времени, где личное расположение императора сыграло судьбоносную роль в судьбе выдающихся впоследствии композиторов. Так, историк музыки и писатель В. Востраблин приводит в своей книге интересный эпизод, который сыграл практически судьбоносную роль в судьбе А. Алябьева, отбывающего тогда в Тобольске ссылку. Когда императору доложили, что произведения ссыльного композитора под инициалами А.А. идут в Большом театре он, вспоминая великолепный романс «Соловей», который слушала вся Россия, милостиво разрешил далее исполнять произведения опального автора, который впоследствии вырос до глубоко национального композитора, написавшего более 500 произведений [7, с. 6]. Интересен и приводимый историком музыки и писателем С. Волковым факт, когда юный Модест Мусоргский в 13 лет был удостоен особым вниманием императора Николая I. Этот факт историк приводит из автобиографической записки Мусоргского от 1880 года. Следует отметить, что в 1859 году уже известный мастер Даргомыжский стал одним из членов Императорского русского музыкального общества [8].

Советские историки очень постарались, чтобы «Николай Палкин», как его представил когда-то Л. Толстой, таким и был в сознании последующих поколений. Все шло в ход – и пушки на Сенатской

площади, и многолетние ссылки «декабристов», и придворные сплетни об отношениях его с Пушкиным но выбросить из истории замечательное стихотворение великого поэта об этом императоре не удалось.

Нет, не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждой и трудами [9].

Трагический путь династии Романовых продолжил Александр II. Его либеральные идеи вначале были горячо встречены обществом и способствовали его серьезному оживлению, что очень заметно отразилось на музыкальном искусстве, и как было отмечено в словаре Брокгауза и Эфрона, «так называемая «Могучая кучка» в нашей музыке в одинаковой мере является результатом стремления вперед, охватившем наше общество. Отсюда прогрессивный, нередко доходящий до полного разрыва с прошлым характер новых художественных направлений» [10, с. 396].

Вместе с тем, музыкальное искусство первой половины XIX века испытало новые вызовы, связанные с появившимся ощущением свободы и отсюда и целый ряд неоднозначных оценок. Это коснулось и императорской семьи и его окружения. Так, по-разному оценивалась очень интенсивная деятельность великой княгини Елены Павловны, о которой уже шла речь выше. К примеру, С. Волков представляет ее «сумасбродной немецкой принцессой, которая стремилась создать свой, ориентированный на Европу интеллектуальный и художественный мирок» [8, с. 88]

В этой связи можно обратиться к П.И. Чайковскому, который в одном из писем к фон Мекк дал свою оценку современной немецкой музыке, которая тоже довольно субъективна: «...у немцев музыка в страшном упадке, и что дальше вечно-го переливания из пустого в порожнее элементов, внесенных Мендельсоном и Шуманом с одной стороны и Вагнером с другой, они ничего не делают» [11, с. 217].

Однако, справедливости ради, нужно отметить, что именно благодаря активной деятельности княгини Елены Павловны, которую современники называли «женщиной большого ума и благородного сердца», [5, с. 184] в Петербурге выступали выдающиеся музыканты Европы Г. Венявский, Л. Ауэр, Г. Берлиоз. Они оставили глубочайший след в процессе строительства в России музыкальной культуры мирового уровня.

Если обратиться к истории уже Московской консерватории и связанной с ней музыкальной

жизнью, то здесь в отличие от Петербурга дело обстояло несколько иначе. Вдали от личного влияния императора Александра II она не могла иметь такие же средства, хотя и здесь не обошлось без усилий со стороны императорской семьи. Так, разрешения на открытие вуза опять добивалась Великая княгиня Елена Михайловна, и с ее помощью было выделено небольшое финансирование из казны, а официальное утверждение Н.Г. Рубинштейна директором консерватории 20 апреля 1879 года было подписано Великим князем Константином Николаевичем – самым близким соратником императора. В отличие от Петербурга московская музыкальная жизнь довольно щедро финансировалась именитыми купцами и дворянами. Это тоже было важной приметой времени, когда благодаря Александру II охватившие общество идеи свободы, гражданственности вызвали к жизни меценатское движение, которому все русское искусство было обязано своим расцветом. Следует заметить, что императорские театры, как в Петербурге, так и в Москве несмотря уже на мировое признание, были весьма убыточными предприятиями и императорская семья тратила на них, по воспоминаниям великого князя К.К. Романова, более 2миллионов рублей ежегодно. К этому времени относится и начало деятельности антрепризы Дягилева, который также пользовался особым покровительством императорской семьи.

Неоценимый вклад в организацию всей музыкальной жизни как в Москве, так и во всей России внес Николай Григорьевич Рубинштейн. Это была уникальная личность, как отмечал известный уже советский пианист и исследователь Лев Баренбойм, «...это был неистовый труженик, человек широкого ума, добрейшая душа и вспыльчивый властелин, натура чистых помыслов и осторожный дипломат..» [12, с. 141].

Приход к власти императора Александра III после трагической кончины отца был событием не совсем ожидаемым, поскольку к трону готовили его старшего брата Николая, умершего от неизлечимой болезни. Многим казалось, что новый император слишком простоват и даже недостаточно умен для России, которую сотрясали невиданные потрясения. Кто бы мог подумать, что буквально через год все народолюбческое движение, вся смута будут беспощадно подавлены, и Россия расцветет ярчайшим светом в семье самых цивилизованных народов. Конечно, большевики, помня о казни А. Ульянова, многое сделали, чтобы принизить достижения этого самого результативного правителя династии, но в России надо долго жить, чтобы ощутить великие истины. За время правления Александра III Россия ни с кем не воевала. Промышленность сделала решительный рывок, казна значительно пополнилась. Такая активность создала целую плеяду меценатов, которым отечественное искусство чрезвычайно обязано. И в такой обстановке

именно император становится одним из главных меценатов искусства. Это касалось и художников, и музыкантов. Резко увеличились субсидии императорским театрам, где роскошь постановок просто поражала иностранцев. Александр, как когда-то Екатерина II, рассматривал искусство как зеркало монархии. Можно привести высказывание великого русского художника, просветителя А. Бенуа, который писал позже из Парижа, что «Правление Александра III подготовило будущий расцвет русской культуры в начале XX века, так называемый «Серебряный век» [8, с. 140].

Взаимоотношения с императором и его и щедрое покровительство и внимание к творческой судьбе, сыграло огромную роль в жизни П.И. Чайковского. Сегодня об этом пишут целые книги, где приводятся редкие материалы свидетельствующие о постоянном внимании императора не только к композитору, но и к исполнителям его музыки, к постановкам опер. Так, мнение Александра III, Императрицы Марии Федоровны сыграли заметную роль в судьбе целого ряда произведений П.И. Чайковского.

Заметны и усилия членов императорской семьи, которые зачастую из своих средств оказывали серьезную материальную помощь деятелям искусства, консерваториям и театрам. Так великий князь Константин Николаевич, несмотря на серьезные политические разногласия с императором, был Президентом РМО, выделял из личных средств стипендии ученикам консерватории, покровительствовал постановкам русских опер, а П.И. Чайковский даже посвятил ему оперу «Опричник». Оперу «Кузнец Вакула или ночь перед Рождеством» он посвятил Великой княгине Елене Павловне, которой русское искусство также многим обязано. Если и дальше вести речь о восстановлении доброго имени еще одного оболганного представителя династии, то следует отметить и Великого князя Сергея Александровича, который был в числе почетных председателей «Русского Музыкального Общества».

Трагическая гибель династии Романовых, их последующее столетнее унижение, вызывают у современных историков, музыковедов желание вернуть историческую справедливость в оценке всего ими сделанного. Россия, как уже отмечалось, страна чрезвычайно трудная для управления, и лучшие ее достижения были связаны с жесткой индивидуальной властью, которая объединяла народ в единую общность для достижения поставленных целей. И важнейшую роль играло в этом искусство. Сегодня Россия стоит на серьезном распутье, где наметился ощутимый разрыв между властью и народом. Появился целый класс могущественных олигархов, совершенно чуждыми для народа интересами и создавшими на свои миллионы растлевающее искусство, заполнившее все средства массовой информа-

ции. В то же время встречаются истинные меценаты, которые не выставляют на показ свои немалые траты. Настоящее искусство требует больших средств и великие русские меценаты, императоры, члены их семей жертвовали огромные средства, благодаря чему русское искусство соединяя народ в общность, имело мировое признание, а фамилии жертвователей остались в благодарной памяти потомков.

Закончить статью хочется обращением замечательного философа Арсения Гулыги, который в предчувствии исторически неправильного выбора России в 90-е годы оставил такое напутствие: «На создание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему культуру есть одно право-сила гения, сила творить этот строй. Право это одно только не человеческого происхождения и поэтому заслуживает название Божественного. И как бы не назывался подобный творец культуры -диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе; мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что народ перед нами чудо и живое явление мощи человека» [13, с. 98].

Литература

1. Пушкин А.С. Капитанская дочка. / А.С. Пушкин. – Москва: АСТ, 2017. – 254 с.
2. Константин Константинович. Августейший поэт КР / вступ. ст., сост. Л.И. Кузьминой. – Санкт-Петербург: Аврора; Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 62 с.
3. Александр Михайлович (вел. князь; 1866–1933). Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. – Москва: Современник, 1991. – 270 с.
4. Федотов Г.П. Империя и свобода: Избранные ст. / Г.П. Федотов. – Нью-Йорк: Посев-США, 1989. – 249 с.
5. Россия под скипетром Романовых. 1613–1913» / Совместное предприятие «Интербук» (Московский филиал); Таллинское отделение. – Москва: Интербук; Таллин: Таллинское отделение, 1990. – 232, с.
6. Пресняков А.Е. Российские самодержцы / А.Е. Пресняков; сост., авт. предисл. и прил. А.Ф. Смирнов. – Москва: Книга, 1990. – 461 с.
7. Жизнь замечательных людей. Музыканты: Анекдоты, курьезы, истории / Авт.-сост. В. Востросаблин. – Москва: АСТ: Астрель, 1999. – 381 с.
8. Волков С.М. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней / С.М. Волков. – Москва: Эксмо, 2007. – 572 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание стихотворений в одном томе / А.С. Пушкин. – М.: Эксмо, 2023. – 768 с.

10. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: биографии: в 12 т. / Брокгауз и Ефрон. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1991. Т. 3. – 799 с.
11. Чайковский П.И. Чайковский и Надежда Филаретовна фон-Мекк. Переписка [в 3 кн.] / П.И. Чайковский; ред. В.А. Жданов, Н.Т. Телегин. – Москва: Захаров, 2004. Книга 1.
12. Баренбойм Л.А. Николай Григорьевич Рубинштейн: История жизни и деятельности / Л. Баренбойм. – Москва: Музыка, 1982. – 277 с.
13. Гулыга А.В. Русская идея как постсовременная проблема // Литературная учеба. – 1991. – № 3. – С. 97–98.

THE CONTRIBUTION OF THE ROMANOV DYNASTY EMPERORS AND THEIR FAMILIES TO THE TRIUMPH OF RUSSIAN MUSICAL CULTURE IN THE 19TH CENTURY

Rossinsky A.G., Rodin K.V., Rossinskaya E.A.

Altai State University, Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Moscow State Pedagogical University, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow International University, Moscow Institute of Psychoanalysis

The purpose of this study is to identify and analyze the contribution of members of the Romanov dynasty to the formation and development of Russian musical culture in the 19th century. The relevance of this work lies in the need to reexamine the role of the imperial dynasty in Russia's cultural development, as previous studies have been heavily influenced by ideology. The research's scientific novelty lies in its use of a comprehensive approach to studying the imperial family's influence on the development of Russian musical art, as well as its reinterpretation of historical facts without ideological constraints. The article employs methods of historical and cultural analysis, documentary research, and a comparative analysis of historical sources. The results demonstrate that the imperial family played a significant role in the development of Russian musical culture in the 19th century, supporting numerous musical institutions,

encouraging talented composers and performers, and personally participating in the country's musical life.

Keywords: Romanov dynasty, Russian musical culture, imperial family, history of music, patronage, musical development, conservatory, cultural development, musical heritage.

References

1. Pushkin, A.S. The Captain's Daughter. / A.S. Pushkin. Moscow: AST, 2017. – 254 p.
2. Konstantin Konstantinovich. The August Poet of the Kyrgyz Republic / Introduction, compiled by L.I. Kuzmina. St. Petersburg: Aurora; Kaliningrad: Yantarny Skaz, 2004. – 62 p.
3. Alexander Mikhailovich (Grand Duke; 1866–1933). Book of Memories / Preface and Commentary by A. Vinogradov. Moscow: Sovremennik, 1991. – 270 p.
4. Fedotov, G.P. Empire and Freedom: Selected Articles. / G.P. Fedotov. New York: Posev-USA, 1989. – 249 p.
5. Russia under the Scepter of the Romanovs. 1613–1913 / Interbook Joint Venture (Moscow Branch); Tallinn Branch. – Moscow: Interbook; Tallinn: Tallinn Branch, 1990. – 232, p.
6. Presnyakov, A.E. Russian Autocrats / A.E. Presnyakov; compiled, author of the foreword and appendix A.F. Smirnov. – Moscow: Kniga, 1990. – 461 p.
7. Lives of Remarkable People. Musicians: Anecdotes, Curiosities, Stories / compiled by V. Vostrosablin. – Moscow: AST: Astrel, 1999. – 381 p.
8. Volkov S.M. History of the Culture of St. Petersburg from Its Foundation to the Present Day / S.M. Volkov. – Moscow: Eksmo, 2007. – 572 p.
9. Pushkin A.S. Complete Collection of Poems in One Volume / A.S. Pushkin. – Moscow: Eksmo, 2023. – 768 p.
10. Brockhaus F.A. Encyclopedic Dictionary: Biographies: in 12 volumes / Brockhaus and Efron. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1991. Vol. 3. – 799 p.
11. Tchaikovsky P.I. Tchaikovsky and Nadezhda Filaretovna von Meck. Correspondence [in 3 books] / P.I. Tchaikovsky; eds. V.A. Zhdanov, N.T. Telegin. – Moscow: Zakharov, 2004. Book 1.
12. Barenboim L.A. Nikolai Grigorievich Rubinstein: History of life and activities / L. Barenboim. – Moscow: Music, 1982. – 277 p.
13. Gulyga A.V. Russian Idea as a Post-Modern Problem // Literary studies. – 1991. – № 3. – P. 97–98.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Коммеморация и коммеморативные практики Дня Победы у российских студентов (на примере регионального вуза)

Горяева Светлана Николаевна,

к.соц.н., доцент кафедры «Гуманитарные науки и психология»
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический
университет»

E-mail: goryaeva@list.ru

Горяева Татьяна Николаевна,

к.соц.н., директор научной библиотеки Калмыцкого
государственного университета имени Б.Б. Городовикова
E-mail: tgatagora@mail.ru

В статье предпринимается попытка показать эволюцию взглядов о коммеморации в современном социо-гуманитарном знании, определяется роль общей исторической памяти в национальном самосознании и гражданской идентичности в работах российских исследователей, анализируются светские коммеморативные практики направленные на сохранение триумфальной исторической памяти, консолидацию социальных групп, социальных слоев современного российского общества. Проведенный теоретический анализ научной литературы подтверждает целесообразность и обоснованность применения коммеморативных практик общенациональной исторической памяти в качестве основного инструмента в развитии гражданской и национальной идентичности, консолидации современного российского общества.

На примере российских студентов $N = 704$ регионального вуза исследовано их участие во всем комплексе мероприятий посвященных Дню Победы. Эмпирически установлено, что почти все опрошенные студенты 97,4% участвуют как минимум в одной коммеморативной практике. Еще половина опрошенных студентов участвуют в неофициальных практиках памяти, относящихся к преемственности поколений. Обнаружена тенденция – чем старше курс, тем больше участвующих в практиках коммеморации. Полученные результаты говорят о средней степени участия в коммеморативных практиках Дня Победы.

Ключевые слова: студенческая молодежь, российские студенты, коммеморация, коммеморативные практики, гражданское участие, общенациональная историческая память, национальная идентичность, консолидация общества, День Победы, практики памяти.

Актуальность изучения коммеморации и практик памяти у российских студентов обусловлена формированием гражданской и национальной идентичности, анализом восприятия студентами ключевых исторических событий, осмыслением своей роли в современном обществе. Студенты, занимая промежуточное положение в социальной структуре общества, могут быть носителями новых изменений и отражать социальные проблемы в определенном обществе.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе научных работ отечественных и зарубежных исследователей о коммеморации и в социологическом исследовании коммеморативных практик о Великой Отечественной войне у российских студентов высшего учебного заведения в конкретном регионе Российской Федерации.

Тема коммеморации в социологии относительно новая и ее появление связано с ростом и популярностью постмодернистского течения в Европе, кризисом стабильной идентичности в развитых странах, сменой научных парадигм, влиянием массовых медиа и попыткой социологов, историков и культурологов изучить природу «бума памяти» в конце XX века.

В период с 1984 по 1992 год во Франции вышли в свет три тома масштабного коллективного труда «Места памяти», руководителем которого является французский историк Пьер Нора. В этой фундаментальной работе впервые встречается термин «коммеморация», который был применен для описания феномена создания «мест памяти» и ритуалов [1].

В России процесс сохранения исторической памяти через праздники, памятники и ритуалы реализуется государственной национальной политикой, и в этой политике «коммеморация» играет важную роль. С нашей точки зрения содержание термина «коммеморация» связано с другими пересекающимися по смыслу понятиями – историческая память, национальная идентичность. В нашей статье представим логическую связь между данными явлениями посредством анализа научной литературы, выявления сущности понятий и наблюдения за определенными коммеморативными практиками.

Российский академик Тишков В.А. в своей концепции гражданской нации, сформировавшейся в 90-е годы XX века, определяет в качестве основных признаков российской национальной идентич-

ности три ключевых компонента: общую историческую память, государственные символы и равноправие всех народов Российской Федерации. Именно общая историческая память, как единое наследие, исполняет роль главного координатора в создании общего будущего и солидарности [2]. Данная концепция получила официальное звучание в посланиях Президента Российской Федерации и стала основой государственной национальной политики.

На протяжении двух десятилетий в отечественном социогуманитарном знании актуальной проблемой был вопрос о национальной идентичности. Ученые по-разному объясняли причину этой проблемы. Так, в 2015 году Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. писали: «В последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции идентичности. Проблема идентичности обострилась, когда общество, «оторвавшись» от власти природы и традиций, встало перед необходимостью принимать самостоятельные решения. Как происходит формирование коллективной идентичности, какую роль в этом процессе играют стратегии коммеморации?» [3, с. 81]. С нашей точки зрения этот вопрос был интересен и новой российской элите и социогуманитарному научному сообществу и патриотически-настроенным социальным группам населения Российской Федерации. Почему? Идентичность является глубинной психосоциальной потребностью человека, соответственно, идентичность национальная и гражданская также является важной потребностью и ее можно отнести к базовым социальным потребностям индивида и социальных групп.

В статье «Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности» автор Чуркина Н.И. (2016 г.) говорится, что «Проблема поиска национальной идеи заставляет современных российских политиков обращаться к прошлому [4, с. 37]. Носителем этого прошлого, как утверждал Морис Хольбвакс, является коллективная (социальная) память [5, с. 28]. Работы известного французского философа и социолога Хольбвакса, «...посвященные проблеме коллективной памяти, оказались чрезвычайно востребованными и плодотворными для гуманитарных наук конца XX и начала XXI века. Он решает проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти» [6, с. 39].

Также российские исследователи стали писать о влиянии коллективной памяти и практик коммеморации на коллективную идентичность. Так, Горнова Е.В. приходит к выводу в своей статье (2017 г.), что «основной коммеморативной практики в настоящее время являются символические ритуалы, связанные с Днем Победы» [7, с. 20]. Кроме того, ученый фиксирует внимание на том, что идентичность и память имеют «сложное от-

ношение к истории. Эта сложность коллективных представлений усугубляется тем, что память вмещает как позитивные аспекты социального опыта ..., так и негативные ... Антиномичность, присущая содержанию коллективной памяти, одним из первых стал немецкий социолог Б. Гизен, поделив в своей концепции все воспоминания на триумфальные и травматичные...» [7, с. 20].

Как основной инструмент формирования национальной идентичности, коммеморация описывается Мартыновым В.С. в статье «Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти» (2020 г.). По мнению ученого, современная российская элита использует коммеморацию как главный инструмент для создания единой национальной идеи, поиска легитимности и управления общественным сознанием, опираясь на избирательный подход к прошлому. А Великая Отечественная война рассматривается как главная точка сборки официального патриотизма и победного нарратива [8].

Довольно прямолинейно о роли коммеморации сказано в статье Рязуновой Е.В. «Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик» (2019 г.) Коммеморация – это инструмент управления прошлым, политический ресурс власти и способ объединения общества. Прошлое в коммеморативных практиках не просто вспоминается, а оценивается заново в интересах современного общества [9].

В статье «Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтнического социума» автор Воденко К.В. (2021 г.) обосновывается процесс управления исторической памятью в многонациональном обществе, связанного с конструированием образов прошлого для формирования национальной идентичности. В статье доказывается «необходимость управления исторической памятью, которое должно осуществляться посредством исторической политики государства... путем выделения одних исторических событий и забвения других, которые не укладываются в современный политический контекст. Инструментами актуализации определенных исторических символов выступают средства массовой информации, государственные праздники, институты образования. Поэтому во многом состояние исторической памяти общества определяется политикой, проводимой государством» [10, с. 86]. В данной работе мы видим мотив управления исторической памятью – консолидация полиэтнического российского социума.

Схожую точку зрения находим в статье Токаревой Е.А. (2021 г.), посвященной осмыслению роли прошлого в политическом дискурсе. Токарева Е.А. считает, что коммеморативные практики (праздники, памятники, мемориалы) нужны и важны, с их помощью события прошлого закрепляются в сознании людей. Также в статье подчеркивает-

ся прямая связь между текущими политическими процессами и интерпретацией исторических фактов [11].

Констатация существующего положения дел в области национальной политики государства описана в статье профессоров Горшкова М.К., Бараш Р.Э. Российские социологи отмечают: «Присутствие образов прошлого в современной политической повестке превращает национальную историю в фактор социальной консолидации, помещая исторический нарратив в основание «историзированного» языка повседневности и системы оценки настоящего [12, с. 134].

Мотив консолидации полиэтнического общества встречается в статье Кулиш В.В. «О социологической классификации исторической памяти» (2025 г.). В ней социолог пишет: «На уровне макросоциологического анализа правильным будет применение понятия «общенациональная (общественная) историческая память», которая «видится нам в качестве объединителя и собирателя в общую память более 190 проживающих на территории российского государства этнических общностей» [13, с. 52].

Авторы настоящей статьи присоединяется к мнению большинства ученых, которые «рассматривают коммеморацию как часть государственной политики, направленную на объединение нации, формирование гражданской идентичности» [4, с. 38]. В работах Шуб М.Л., Боймирзаевой С.Б., Исрапиловой З.А., Малиновой О.Ю. практики коммеморации рассматриваются как необходимость в процессе сохранения исторической памяти в обществе [14], [15], [16], [17]. Анализ существующих практик коммеморации в современной России представлен в работах Зубановой Л.Б., Шуб М.Л., Чуркиной Н.И., Авдеенко А.Л. [18], [4], [19].

С начала XXI века и по сей день в России активно изучается студенческая молодежь в контексте ее исторической памяти о Великой Отечественной войне и в конкретных регионах страны [20], [21], [22], [23], [24], [25]. Наибольший интерес среди указанных работ представляет статья «Роль капитала исторической памяти о Великой Победе в легитимации государственной политики в сознании студенческой молодежи» (2026 г.) [25]. В ней доказывается тезис, что память о войне переходит в лояльность к государству. Также социологами сформулирована проблема негативного влияния интернета на ослабление связи между поколениями внутри семьи.

О влиянии цифровых технологий на коммеморативные практики исследуются Цымбал А.Г., Красновой Е.Л. [26]. Авторы рассматривают переход к виртуальным мемориалам, интерактивным архивам, о влиянии социальных сетей и демократизации доступа к контенту на историческое наследие.

Итак, коммеморация, коммеморативные практики, общенациональная историческая память, национальная идентичность, гражданская идентичность неразрывно связанные между собой понятия, находятся в логическом отношении пересечения и взаимодействуют в социальном поле государственной национальной политики.

Авторам данной статьи близко определение коммеморации, данное в докторской диссертации Шуб М.Л. Коммеморация есть «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом» [27, с. 236]. Однако, в фарватере реализации государственной национальной политики коммеморация, на наш взгляд, процесс сохранения общей памяти, общей национальной истории, укрепления связи поколений и формирования единой гражданской идентичности посредством государственных праздников, государственных символов и общественных мероприятий. В коммеморации заложен фактор объединения людей через знаковые исторические события, традиции и ритуалы.

Весной 2025 и 2026 годов проведено социологическое исследование на тему «Ценность Великой Победы в сознании студентов ФГБОУ ВО «АГТУ» и обнаружена степень участия российских студентов в коммеморативных практиках Дня Победы. За два года наблюдений опрошено 704 российских студента первого и четвертого курсов. Расчет выборки целевой. В онлайн опросе приняли участие студенты всех институтов ФГБОУ ВО «АГТУ» (далее по тексту АГТУ). Среди 704 респондентов – 361 человек мужского пола и 343 человека женского пола в возрасте от 18 до 25 лет. Выбор I и IV курсов продиктован логикой измерения ценности «9 Мая» у студентов на «входе» и «выходе» образовательного процесса в высшем учебном профессиональном учреждении на примере АГТУ.

С целью связи абстрактных убеждений студента с реальными поступками, был задан диагностический вопрос: Как Вы обычно проводите всенародный праздник «9 Мая»? (см. таблицу 1). Ответы на этот вопрос показывают уровень и формы гражданского участия российских студентов в коммеморативных практиках, посвященных Дню Победы. Существенная разница в ответах в зависимости от половой принадлежности не обнаружена.

Данные в таблице 1 свидетельствуют о том, что почти все 97,4% опрошенные студенты участвуют как минимум в одной коммеморативной практике по сохранению и увековечиванию памяти о Великой Победе. Доля такого гражданского участия среди российских студентов постепенно растет (см. таблицу 1), что может говорить о про-

должающейся системной работе воспитательных служб вуза. Следует отметить тот факт, что образовательные учреждения России методично реализуют Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 года «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в том числе ФГБОУ ВО «АГТУ».

Таблица 1. Одномерное распределение ответов российских студентов АГТУ на вопрос: «Как Вы обычно проводите всенародный праздник «9 Мая»», по годам (закрытый многовариантный вопрос), N = 704

№	Коммеморативные практики и практики памяти	2025		2026	
		I Курс	IV курс	I курс	IV курс
1	ходим на парад Победы, смотрю парад Победы (ТВ/ Интернет)	90	103	92	101
2	смотрю фильмы о войне	75	88	77	92
3	уделяю внимание старшему поколению, навещаю, помогаю	53	32	55	33
4	беседую о ВОВ в кругу семьи, среди друзей, делюсь воспоминаниями прародителей участвовавших в ВОВ	50	62	45	66
5	участвую в общероссийских массовых патриотических акциях «Георгиевская лента», «Бессмертный полк», «Диктант Победы», «Окна Победы» и других патриотических мероприятиях молодежных НКО	35	54	56	61
6	посещаю мемориалы, выставки о ВОВ	37	25	32	23
7	участвую в патриотических мероприятиях в вузе, в котором обучаюсь	29	19	38	25
8	участвую в церемонии минуты молчания, возложения цветов	3	15	11	19
9	читаю о ВОВ	16	35	14	32
10	являюсь волонтером	3	11	2	15
11	свой вариант	0	9	1	8
12	не участвую	10	1	7	0
	Всего ответов:	401	454	430	475

Источник: составлено автором на основании исследования.

Среди российских студентов преобладают две практики коммеморации (см. таблицу 1). Первая –

«пойти на парад Победы/ смотреть парад Победы» 54,8%. Историк Авдеенко А.Л., например, рассматривает «парад Победы как ключевой государственный коммеморативный акт, направленный на трансляцию коллективной памяти» [19, с. 101], и это таковым является. На наш взгляд, внимание к параду Победы со стороны российских студентов может быть объяснено еще теми переживаниями, которые возникают как на самом параде Победы, так и во время просмотра по ТВ, в сети Интернет, у них появляются чувства гордости и сопричастности к Великой Победе. А, как известно, именно исторические победы вызывают у людей общие приятные эмоции и схожие чувства. И в этом ничего плохо нет, эти чувства и эмоции вместе с исторической памятью, социальной деятельностью и определенными коммеморативными практиками цементируют и скрепляют в сознании молодых людей их национальное самосознание.

Просмотр фильмов о войне, занимает у респондентов второе место 47,1% среди коммеморативных практик (см. таблицу 1). Некоторые исследователи считают кинематограф важной практикой коммеморации, поскольку кино поддерживает и транслирует память о значимых исторических событиях, вызывает определенный эмоциональный отклик, представляет образ прошлого и связь поколений. С нашей точки зрения, просмотр фильмов можно отнести к пассивной форме коммеморации, поскольку студент находится в позиции «объекта» в социальном взаимодействии и наблюдается одностороннее воздействие в сформировавшейся диаде «субъект – объектные отношения», что нельзя сказать о таком действии, как «чтение про войну». Читая, российский студент находится в позиции «субъекта», в цифрах это действие составило 13,8% за два года наблюдений.

Другие коммеморативные практики, представленные в таблице 1, менее популярны у студентов. Сеем предположить, что это может говорить о некотором разрыве между официальной повесткой и интересами студентов. Однако считаем, что участие российских студентов в массовых мероприятиях посвященных Великой Победе положительно влияет на формирование национальной идентичности студентов и их гражданскую позицию.

Вторичный анализ времяпровождения российских студентов в период празднования Дня Победы привел к тому, что некоторые социальные действия к практикам коммеморации не относятся, поскольку в них нет публичной направленности, но их можно отнести к неформальным или неофициальным практикам памяти. К ним авторы статьи причислили: «уделяю внимание старшему поколению, навещаю, помогаю», «беседую о ВОВ в кругу семьи, среди друзей, делюсь воспоминаниями прародителей участвовавших в ВОВ». Такие проявления памяти о Великой Победе в пове-

дении студентов доказывают существование преемственности и связи между поколениями. Беседа о ВОВ в кругу семьи и среди друзей, внимание к старшему поколению не менее важны, чем публичная демонстрация солидарности. Более того, в этом случае российский студент выступает в роли субъекта и демонстрирует позитивную модель поведения.

Таким образом, полученные эмпирические результаты могут быть полезны, и использованы для мониторинга, сравнения коммеморативных практик у российских студентов в вузах и регионах Российской Федерации. Предпринятый социологический теоретический анализ коммеморации позволяет сделать вывод о том, что этот феномен появился как социальная реакция на социальные изменения в динамично меняющемся мире, возникший накануне и после крушения больших идеологий. В России коммеморация плавно перетекла в фарватер государственного управления и является средством и формой сохранения общенациональной истории, укрепления власти, закрепления существующего порядка. Коммеморативные практики в честь «9 Мая» российским государством применяется во благо – консолидация социальных групп и социальных слоев в полиэтничном российском обществе.

Литература

- Нора П. Эра коммемораций // Франция-память / ред. П. Нора; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, – 1999. – С. 95–150.
- Тишков, В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания / В.А. Тишков. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука» – 2013. – 649 с.
- Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация / Е.В. Романовская, Н.Л. Фоменко // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84.
- Чуркина Н.И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований / Н.И. Чуркина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – № 6. – С. 37–44.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с франц. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство. – 2007. – 348 с.
- Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти / Е.В. Романовская // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Вып. 3. – С.39–44.
- Горнова Г.В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г.В. Горнова // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 18–21.
- Мартьянов В.С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти / В.С. Мартьянов // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. – № 4 (41). – С. 54–67.
- Рягузова, Е.В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 61–68.
- Воденко, К.В. Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтничного социума / К.В. Воденко // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. – 2021. – № 12(14). – С. 81–90.
- Токарева Е.А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история / Токарева Е.А. // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». – 2021. – № 3 (39). – С. 28–36.
- Горшков М. К., Бараш Р.Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) / М.К. Горшков, Р.Э. Бараш // Социологические исследования. – 2024. – № 9. – С. 125–137.
- Кулиш В.В. Социологическая классификация исторической памяти: вариант решения методологической проблемы / В.В. Кулиш // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2025. – № 2. – С. 44–54.
- Шуб М.Е. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал / М.Е. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 3. (36). – С. 80–87.
- Боймирзаев С.Б. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти / С.Б. Боймирзаев // Проблемы науки. – 2017. – № 7 (20). – С. 49–51.
- Исрапилова З.А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти / З.А. Исрапилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2016. – № 2 (64). – С. 70–73.
- Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О.Ю. Малинова // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – № 4 (87). – С. 6–22.
- Зубанова Л.Б., Шуб М.Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации / Л.Б. Зубанова, М.Л. Шуб // Вестник Томского государственного университета.

- Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 48–60.
19. Авдеенко А. Л. 2025. Трансформация коммеморативных практик празднования Великой Победы в Курганской области: от 20-летия к 30-летию / А.Л. Авдеенко // Вестник Тюменского государственного университета. – Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2025. – Т. 11. – № 4 (44). – С. 97–112.
 20. Анисина Е.А. Надточий Ю.Е. Память о Великой Победе (по результатам социологического исследования в молодежной среде) / Е.А. Анисина, Ю.Е. Надточий // Общество вчера, сегодня, завтра. – 2016. – С. 8–15.
 21. Инкижинова С.А. Социальная память: российское студенчество и Великая Отечественная война / С.А. Инкижинова, А.В. Муратова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26, № 1. – С. 123–128.
 22. Мотькин В.Н., Козин В.В. Роль коммеморации исторических событий в формировании гражданской идентичности у российской молодежи: социологический аспект / В.Н. Мотькин, В.В. Козин // Образование и право. – 2021. – № 11. – С. 286–294.
 23. Воробьева Н.В. Коммеморативное поле исторической памяти молодежи / Н.В. Воробьева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 05. – С. 177–195.
 24. Бадараев Д. Д., Винокурова А.В., Нолев Е.В. Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи / Д.Д. Бадараев, А.В. Винокурова, Е.В. Нолев // Вестник Института социологии. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 52–68.
 25. Вишневский Ю. Р., Тарасова А.Н., Початкова Е.И. Роль капитала исторической памяти о Великой Победе в легитимации государственной политики в сознании студенческой молодежи / Ю.Р. Вишневский, А.Н. Тарасова, Е.И. Початкова // Научный результат. Социология и управление. – 2026. – Т. 12. – № 2. – С. 32–46.
 26. Цымбал А.Г. Коммеморативные практики в эпоху цифровизации: влияние технологий на историческую память / А.Г. Цымбал // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». – 2025. – Т. 7. – № 1. – С. 49–58.
 27. Шуб М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01.: защищена 2018 г. / Шуб Мария Львовна. – Челябинск: Челябинском государственном институте культуры, 2018. – 491 с.

COMMEMORATION AND COMMEMORATIVE PRACTICES OF VICTORY DAY AMONG RUSSIAN STUDENTS (USING A REGIONAL UNIVERSITY AS AN EXAMPLE)

Goryaeva S.N., Goryaeva T.N.

Astrakhan State Technical University, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

The article attempts to demonstrate the evolution of views on commemoration in modern sociohumanitarian knowledge, defines the role of shared historical memory in national selfawareness and civic identity in the works of Russian researchers, and analyses secular commemorative practices aimed at preserving triumphal historical memory and consolidating social groups and social strata in modern Russian society.

The presented theoretical analysis of the scientific literature confirms the feasibility and justification of using commemorative practices related to national historical memory as the main tool for developing civic and national identity and consolidating modern Russian society.

Using the example of Russian students of N = 704 regional universities, their participation in the entire range of events dedicated to Victory Day was studied. It has been empirically established that almost all 97.4% of the surveyed students participate in at least one commemorative practice. Another half of the students surveyed participate in informal memory practices related to the succession of generations. A trend has been found – the older the course, the more involved in the practice of memorization. The results obtained indicate an average degree of participation in the commemorative practices of Victory Day.

Keywords: student youth, Russian students, commemoration, commemorative practices, civic participation, national historical memory, national identity, social consolidation, Victory Day, memory practices.

References

1. Nora, P. The Era of Commemorations // France-Memory / ed. by P. Nora; trans. from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. Pp. 95–150.
2. Tishkov, V.A. The Russian People. The History and Meaning of National Identity / V.A. Tishkov. – Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing, and Distribution Center of the Russian Academy of Sciences «Publishing House 'Nauka'» – 2013. – 649 p.
3. Romanovskaya E.V., Fomenko N.L. Identity and Commemoration / E.V. Romanovskaya, N.L. Fomenko // Vlast. – 2015. – № 7. – Pp. 81–84.
4. Churkina N.I. Commemorative Practices in Russian Education as a Method of Historical and Pedagogical Research / N.I. Churkina // Domestic and Foreign Pedagogy. – 2016. – № 6. – Pp. 37–44.
5. Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory / Translated from French and with an introductory article by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe Izdatelstvo. – 2007. – 348 p.
6. Romanovskaya E.V. Maurice Halbwachs: Cultural Contexts of Memory / E.V. Romanovskaya // Izvestiya Saratovskogo Universiteta. – 2010. – Vol. 10. Issue 3. – Pp. 39–44.
7. Gornova G.V. Collective Memory and Commemoration Practices in the Formation of Urban Identity / G.V. Gornova // Humanitarian Studies. – 2017. – № 2 (15). – Pp. 18–21.
8. Martyanov V.S. The Russian Elite in Search of a Nation: The Politics of Selective Memory / V.S. Martyanov // Scientific Journal «DiskursPi». – 2020. – № 4 (41). – Pp. 54–67.
9. Ryaguzova, E.V. The Memory of the Other or Another Memory: A SocioPsychological Analysis of Commemorative Practices / E.V. Ryaguzova // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2019. – Vol. 19, № 1. – Pp. 61–68.
10. Vodenko, K.V. Managing historical memory as a way to shape the national identity of a multiethnic society / K.V. Vodenko //

- Bulletin of SocioEconomic and Humanitarian Research. – 2021. – № 12(14). – Pp. 81–90.
11. Tokareva E.A. Historical memory, commemorative practices and modern political history / Tokareva E.A. // Vestnik MGPU. Series «Philosophical Sciences». – 2021. – № 3 (39). – Pp. 28–36.
 12. Gorshkov M. K., Barash R.E. Historical Memory of Modern Russians (the History of Russia in the 20th Century through the Prism of Family Histories) / M.K. Gorshkov, R.E. Barash // Sociological Studies. – 2024. – № 9. – Pp. 125–137.
 13. Kulish V.V. Sociological Classification of Historical Memory: A Solution to a Methodological Problem / V.V. Kulish // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Philosophy. Sociology. Art History». – 2025. – № 2. – Pp. 44–54.
 14. Shub M.E. Modern commemorative practices: educational and upbringing potential / M.E. Shub // Chelyabinsky Gumanitarian. – 2016. – № 3 (36). – Pp. 80–87.
 15. Boymirzaev S.B. The Role of Commemorative Practices in the Process of Functioning and Development of Historical Memory / S.B. Boymirzaev // Problemy Nauki. – 2017. – № 7 (20). – Pp. 49–51.
 16. Israpilova Z.A. The Role of Commemorative Practices in the Process of Functioning and Development of Historical Memory / Z.A. Israpilova // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice, Tambov: Gramota. – 2016. – № 2 (64). – Pp. 70–73.
 17. Malinova O. Yu. Commemoration of Historical Events as a Tool of Symbolic Politics: Possibilities of Comparative Analysis / O. Yu. Malinova // Politiya: Analysis. Chronicle. Forecast. – 2017. – № 4 (87). – Pp. 6–22.
 18. Zubanova L.B., Shub M.L. Captured Memory: A Sociological Analysis of Commemoration Practices / L.B. Zubanova, M.L. Shub // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. – 2022. – № 47. – Pp. 48–60.
 19. Avdeenko A.L. 2025. The Transformation of Commemorative Practices for Celebrating the Great Victory in the Kurgan Region: From the 20th to the 30th Anniversary / A.L. Avdeenko // Tyumen State University Herald. – Humanitarian Research. Humanities. – 2025. – Vol. 11. – № 4 (44). – Pp. 97–112.
 20. Anisina E.A., Nadtochiy Yu.E. Memory of the Great Victory (based on the results of a sociological study among young people) / E.A. Anisina, Yu.E. Nadtochiy // Society Yesterday, Today, Tomorrow. – 2016. – Pp. 8–15.
 21. Inkizhinova S.A., Muratova A.V. Social Memory: Russian Students and the Great Patriotic War / S.A. Inkizhinova, A.V. Muratova // Izvestiya of the Irkutsk State Economic Academy. – 2016. – Vol. 26, № 1. – Pp. 123–128.
 22. Motkin V.N., Kozin V.V. The Role of Commemoration of Historical Events in the Formation of Civic Identity among Russian Youth: A Sociological Aspect / V.N. Motkin, V.V. Kozin // EDUCATION AND LAW. – 2021. – № 11. – Pp. 286–294.
 23. Vorobyova N.V. Commemorative Field of Historical Memory of Young People / N.V. Vorobyova // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». – 2025. – № 05. – Pp. 177–195.
 24. Badaraev D. D., Vinokurova A.V., Nolev E.V. Memory of the Great Patriotic War in the regions of the Far East: commemorative practices of student youth / D.D. Badaraev, A.V. Vinokurova, E.V. Nolev // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – Pp. 52–68.
 25. Vishnevsky Yu. R., Tarasova A.N., Pochatkova E.I. The Role of the Capital of Historical Memory about the Great Victory in Legitimizing State Policy in the Minds of Student Youth / Yu.R. Vishnevsky, A.N. Tarasova, E.I. Pochatkova // Scientific Result. Sociology and Management. – 2026. – Vol. 12. – № 2. – Pp. 32–46.
 26. Tsymbal A.G. Commemorative Practices in the Era of Digitalization: The Impact of Technology on Historical Memory / A.G. Tsymbal // Bulletin of Samara State Technical University. Series «Philosophy». – 2025. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 49–58.
 27. Shub M.L. The Image of the Past as a Cultural Phenomenon: Conceptualization and Forms of Representation in the Modern Sociocultural Space: dis. ... Doctor of Cultural Studies: 24.00.01.: defended in 2018 / Maria Lvovna Shub. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2018. – 491 p.

Региональная дифференциация политической активности молодёжи в социальных сетях

Салахутдинов Владислав Рифатович,

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им Г.В. Плеханова
E-mail: salakhutdin.69@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена воспроизводством пространственного неравенства в цифровой коммуникации, которое, несмотря на распространение интернет-технологий, трансформируется в новые формы социальной стратификации. Социальные сети закрепляют за жителями периферийных территорий подчинённое положение в информационном поле, политическая повестка формируется ресурсно обеспеченной частью молодёжи, сконцентрированной в крупных городских агломерациях. Проблема исследования заключается в существовании противоречия между декларируемой территориальной нейтральностью цифровой среды и эмпирически установленной асимметрией уровней вовлечённости, идеологической направленности, форм активности и коммуникативных стратегий молодёжи в различных типах поселений. Цель работы – выявить региональную дифференциацию политической активности молодёжи в социальных сетях. Методы исследования: сетевой анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, сравнительный анализ, систематизация, обобщение, системный подход, концептуализация данных, табличная визуализация. Основные результаты научного исследования: операционализировано понятие региональной дифференциации цифровой политической активности; проведён сравнительный анализ показателей вовлечённости в мегаполисах и на периферии; сопоставлены ценностно-идеологические профили молодёжных аудиторий различных типов поселений; подтверждена гипотеза о том, что социальные сети трансформируют территориальное неравенство в цифровую стратификацию. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти для разработки дифференцированных программ молодёжной политики, учитывающих территориальную специфику цифровой среды, а также экспертным сообществом, чтобы прогнозировать тенденции развития цифровой коммуникации в различных типах поселений.

Ключевые слова: политическая активность молодёжи; региональная дифференциация; социальные сети; цифровая стратификация; цифровой капитал; мегаполис; периферийные территории; коммуникативные стратегии; сетевая идентичность; Telegram-каналы; интегративная трёхуровневая модель; социальная структура.

Введение

Распространение цифровых технологий в сфере публичной политики сопровождается тезисом о том, что виртуальное пространство нивелирует географические барьеры и делает территориальную принадлежность участника несущественной для его гражданской вовлечённости [1]. Подобное представление, однако, противоречит наблюдаемой практике. Социальный портрет молодёжи, проявляющей заметную политическую активность в онлайн-среде, обнаруживает выраженную концентрацию в крупных городах и мегаполисах с численностью населения свыше 500 тыс. человек; именно эта группа, обладающая высшим или незаконченным высшим образованием и занятая в секторах медиа, информационных технологий и креативных индустрий, формирует основную часть политической повестки в социальных сетях [2], [3]. Иными словами, цифровая среда транслирует территориальную асимметрию в модифицированном виде, закрепляя за жителями периферийных субъектов подчинённое положение в информационном поле.

Вместе с тем в отечественной и зарубежной литературе региональный срез политической активности молодёжи в социальных сетях остаётся проработанным крайне неравномерно. Опросы, проводимые ВЦИОМ, ФНИСЦ РАН, фиксируют общие тенденции цифровой вовлечённости [4], [5], однако не учитывают платформенную специфику и территориальную вариативность практик. Отдельные кейс-стади региональных сообществ дают глубокое качественное описание [6], [7]. В частности, отсутствует единый аналитический инструментарий, при помощи которого можно одновременно оценить уровни вовлечённости, идеологическую направленность, доминирующие формы активности и коммуникативные стратегии молодёжи в условиях крупного мегаполиса и в районном центре с населением 20–40 тыс. человек. Попытка восполнить этот пробел составляет исследовательскую задачу настоящей работы.

Теоретической основой предлагаемого анализа служит авторская интегративная трёхуровневая модель, в рамках которой политическая активность молодёжи рассматривается как результат одновременного действия факторов макроуровня (цифровая инфраструктура, алгоритмическое устройство платформ, нормативное регулирование), мезоуровня (сетевые сообщества, инфор-

мационные потоки, конфигурация связей между акторами) и микроуровня (субъективные мотивы, идентичность, повседневные коммуникативные практики). Территориальное измерение вписывается в эту модель через макроуровень, поскольку качество интернет-соединения, плотность покрытия сетями связи, наличие или отсутствие региональных цифровых площадок, активность местных органов власти в онлайн-среде создают неравные первоначальные условия для политической социализации молодёжи в разных типах поселений [8], [9]. Помимо этого, региональная специфика проявляется на мезоуровне в рамках структуры локальных Telegram-каналов и сообществ «ВКонтакте», а на микроуровне посредством особенностей мотивации, тематики обсуждений и языка коммуникации.

Представляется необходимым операционализировать понятие региональной дифференциации применительно к цифровой политической активности. Под ней в настоящей работе понимается устойчивое, воспроизводимое различие между типами поселений (мегаполисы, города-миллионники, малые города, сельские территории, регионы с низкой плотностью населения) по объёму и частоте политически значимых действий в социальных сетях, соотношению реактивных и продуктивных форм участия, тематической направленности дискурса, характеру коммуникативных стратегий, а также по скорости и полноте прохождения этапов формирования групповой идентичности.

Цель статьи состоит в выявлении региональной дифференциации политической активности молодёжи в социальных сетях посредством систематического сопоставления мегаполисов и периферийных территорий по уровням вовлечённости, идеологической направленности, доминирующим формам активности и коммуникативным стратегиям.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- операционализировать понятие региональной дифференциации в контексте цифровой политической активности молодёжи;
- провести сравнительный анализ структурно-количественных показателей активности в различных типах поселений;
- сопоставить ценностно-идеологические профили молодёжных аудиторий мегаполисов и периферии;
- установить факторы, определяющие выявленные различия, исходя из трёхуровневой модели;
- сформулировать практические рекомендации для субъектов реализации молодёжной политики с учётом территориальной специфики.

Эмпирическую базу исследования составляют данные, собранные из открытых источников со-

циальных сетей «ВКонтакте» и Telegram в период с января 2024 года по июль 2025 года. Статистическая выборка включает 1,3 млн единиц информационного контента (посты и репосты) и 4,8 млн. комментариев пользователей, связанных с обсуждением общественно значимых событий. Дополнительно проанализированы 44,6 тыс. сообщений и 279,9 тыс. комментариев в 15 региональных тематических каналах Telegram за период с февраля 2022 года по декабрь 2024 года.

Научная новизна предлагаемого подхода определяется тем, что территориальное измерение политической активности молодёжи впервые рассматривается как аналитический срез, интегрированный в трёхуровневую модель и соотносённый с типологией форм активности, стратификационной структурой и этапами формирования групповой идентичности.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что полученные результаты могут быть использованы при разработке дифференцированных программ молодёжной политики, учитывающих специфику цифровой среды различных типов поселений, а также при проектировании региональных информационных стратегий, направленных на снижение разрыва между центром и периферией в сфере гражданской вовлечённости.

Теоретические основы

Пространственное исследование политической активности молодёжи в цифровой среде подразумевает применение методологического инструментария, способного одновременно улавливать как макроэкономические и инфраструктурные различия между типами поселений, так и микропрактики повседневного коммуникативного поведения отдельных пользователей. Классические подходы, рассматривающие цифровое политическое участие через призму индивидуальных мотиваций или посредством детерминирующего воздействия платформенной архитектуры, оказываются недостаточными для объяснения того, что молодые люди, проживающие в районных центрах с населением 20–40 тыс. человек, проявляют специфические модели политического поведения по сравнению со своими сверстниками из г. Москвы, г. Санкт-Петербурга [10]. Преодоление указанной проблемы становится возможным благодаря применению разработанной в рамках исследования интегративной трёхуровневой модели, отслеживающей, каким образом структурные условия макроуровня преломляются через сетевые взаимодействия мезоуровня и выражаются в субъективных практиках микроуровня.

Макроуровень предлагаемой концепции охватывает цифровую инфраструктуру, алгоритмическое устройство социальных платформ, нормативное регулирование информационного пространства, а также территориальное измерение до-

ступности коммуникационных ресурсов. На этом уровне формируется совокупность возможностей и ограничений, внутри которой можно установить качество широкополосного интернет-соединения, плотность покрытия мобильными сетями, наличие или отсутствие региональных цифровых площадок, активность местных органов власти и муниципальных институтов в онлайн-среде. Если в крупных агломерациях цифровая инфраструктура воспринимается как фон повседневной жизни, то в малых городах и сельских поселениях факт стабильного доступа к высокоскоростному интернету может становиться значимым ресурсом, распределяемым неравномерно внутри сообщества. Алгоритмы платформ, в свою очередь, реагируют на эту инфраструктурную асимметрию, так как контент, генерируемый пользователями из территорий с высокой плотностью сетевых связей, получает приоритетное продвижение, а публикации из регионов с низкой активностью оказываются маргинализированными в информационных лентах, что воспроизводит и усиливает изначальное неравенство.

Пространство сетевых взаимодействий, где формируются устойчивые и временные сообщества, циркулируют информационные потоки, конструируются коллективные идентичности, образует мезоуровень. Применительно к региональному срезу этот уровень раскрывается через анализ структуры локальных Telegram-каналов, тематических пабликов «ВКонтакте», чатов районного и городского масштаба. Здесь рельефно проявляется различие между типами поселений. Мезо-

уровневые механизмы, в частности, вирусное распространение хештегов, координация через чаты, формирование групповых норм модерации, действуют неодинаково в условиях высокой и низкой сетевой плотности, что и обуславливает различия в формах политического участия.

В отличие от макро- и мезоуровней, микроуровень фокусируется на повседневных практиках, субъективных мотивах и идентификационных стратегиях отдельных акторов. Этот уровень обуславливает использование качественных методов, реконструирующих причины, почему молодой человек из районного центра ограничивается лайками, репостами, а его ровесник из города-миллионника систематически производит оригинальный политический контент и участвует в координации коллективных действий. Территориальная принадлежность опосредуется через образовательный уровень, профессиональную занятость, опыт участия в локальных инициативах, сформировавшийся в доцифровую эпоху.

Взаимодействие трёх уровней динамическое, поскольку макроуровневые инфраструктурные ограничения формируют конфигурацию мезоуровневых сетей, которые, в свою очередь, задают доступность микропрактик, а совокупность индивидуальных действий может оказывать обратное воздействие на сетевую структуру и в случае массовых координированных кампаний влиять на алгоритмические параметры платформ.

Операционализация ключевых понятий для регионального среза представлена в таблице 1.

Таблица 1. Операционализация аналитических категорий в сравнительном анализе мегаполисов и периферийных территорий

Аналитическая категория	Эмпирические индикаторы	Специфика мегаполисов	Специфика периферийных территорий
Цифровой капитал	Частота использования платформ	Высокий, сбалансированный по всем компонентам	Базовый, с преобладанием навыков потребления
	Количество политических подписок	Приобретён в ходе образовательной и профессиональной социализации	Дефицит продуктивных и аналитических компетенций
	Опыт создания контента		
	Навыки верификации		
	Владение инструментами производства		
Пульсирующая вовлечённость	Дисперсия активности во времени	Привязка к федеральной и глобальной повестке	Привязка к локальным проблемам
	Выраженность пиковых значений	Большая продолжительность за счёт постоянного воспроизводства поводов	Быстрое затухание по мере разрешения конкретных ситуаций
	Тематическая привязка всплесков		
Кликтивизм	Соотношение реактивных и продуктивных действий	Умеренный	Повышенный
	Отсутствие перехода к офлайн-формам	Сочетается с другими формами активности	Структурно обусловленный дефицитом цифрового капитала и сетевой инфраструктуры
	Степень иллюзорности вовлечённости	Осознанный характер выбора	

Окончание

Аналитическая категория	Эмпирические индикаторы	Специфика мегаполисов	Специфика периферийных территорий
Сетевая идентичность	Принадлежность к тематическим группам	Множественная, подвижная, пересекающаяся	Локализованная, привязанная к территориальным маркерам
	Использование хештегов для самообозначения	Основана на ценностно-идеологических предпочтениях	Основана на совместном решении конкретных проблем
	Разделение меметических кодов		

Источник: разработано автором.

Гипотезы исследования:

H1: различия в уровнях вовлечённости между мегаполисами и периферийными территориями объясняются структурной асимметрией цифрового капитала, распределённой территориально.

H2: идеологическая направленность политической активности обнаруживает корреляцию с типом поселения, так как в крупных городах преобладает либерально-критический дискурс, связанный с сетевой стратой и горизонтальной мобилизацией, но на периферии доминирует официально-патриотический нарратив, соответствующий институционально-ориентированной иерархической стране.

H3: в мегаполисах выше доля продуктивных и организационно-мобилизационных типов участия, на периферии преобладают информационно-пассивные и реактивно-оценочные формы.

H4: диалогический, разговорный язык и горизонтальная солидарность характерны для мегаполисов, монологический, официально-деловой стиль и вертикальная солидарность преобладают в периферийных территориях.

Методология исследования

В настоящем исследовании применена комбинированная методология, включающая сетевой анализ, автоматизированный и ручной контент-анализ, а также дискурс-анализ, каждый из которых выполняет аналитическую функцию и обра-

щён к определённому уровню предложенной ранее трёхуровневой модели (таблица 2).

Сбор данных осуществлялся с использованием языка Python и библиотек vk api в сочетании с модулем запросов, Telethon, реализующей протокол MTPROTO и дающей доступ к полному тексту сообщений, реакциям, временным меткам и идентификаторам пользователей в открытых каналах, для работы соответственно с VK API и Telegram API. Процедура предобработки данных включала удаление дублей, спам-фильтрацию посредством сравнения хеш-сумм текстовых фрагментов и оценки косинусного сходства векторных представлений сообщений, рассчитанных методом TF-IDF, алгоритма опорных векторов, обученного на размеченной подвыборке объёмом 12 тыс. сообщений. Критериями идентификации бот-аккаунтов и автоматизированных учётных записей для дальнейшего исключения из выборки выступали аномально высокая частота публикаций, превышающая 50 сообщений в сутки для одного аккаунта; соотношение числа подписчиков к числу подписок ниже 0,1, характерное для сетевых ферм; отсутствие аватара, описания профиля и верификационных признаков; публикация идентичного контента в более чем десяти различных каналах в течение временного интервала менее одного часа; непрерывная активность аккаунта на протяжении более двадцати часов в сутки без пауз, несовместимых с человеческим поведением. Исходный массив был сокращён на 11%, минимизировав влияние автоматизированных агентов на результаты сетевого и контент-анализа.

Таблица 2. Методология исследования региональной дифференциации политической активности молодёжи

Уровень модели	Метод	Источник данных	Период	Объём
Макро-мезо	Сетевой анализ (SNA)	Посты, репосты, комментарии из «ВКонтакте» и Telegram	Январь 2024 – июль 2025	1,3 млн единиц контента; 4,8 млн. комментариев
Мезо	Автоматизированный контент-анализ с применением NLP		Январь 2024 – июль 2025	
Мезо-микро	Ручной контент-анализ (стратифицированная выборка по типу поселения)	Подвыборка из основного массива; региональные Telegram-каналы	Январь 2024 – июль 2025; февраль 2022 – декабрь 2024	44,6 тыс. сообщений и 279,9 тыс. комментариев из 15 каналов
Микро	Дискурс-анализ	Комментарии, дискуссии, авторские посты из региональных каналов	Февраль 2022 – июль 2025	Качественная подвыборка

Уровень модели	Метод	Источник данных	Период	Объём
Мезо-микро	Расчёт индексов вовлечённости; соотнесение с типологией форм активности	Данные сетевого и контент-анализа	Январь 2024 – июль 2025	По всем кластерам

Источник: разработано автором.

Предложенная методология обеспечивает комплексное исследование территориальной дифференциации политической активности молодёжи, соединяя количественные методы измерения масштаба и структуры явления с качественными методами реконструкции смыслов и практик.

Результаты эмпирического исследования

Анализ количественных параметров политической коммуникации молодёжи обнаруживает воспроизводимую асимметрию между крупными городскими агломерациями и периферийными территориями. Индекс вовлечённости, рассчитанный как отношение суммарного числа реакций, комментариев и репостов к общему количеству подписчиков или охвата публикации, показывает различные значения в зависимости от типа поселения. В мегаполисах, включающих г. Москву, г. Санкт-Петербург и города-миллионники, средний показатель вовлечённости приближается к 4,8%, что свидетельствует о высокой глубине взаимодействия аудито-

рии с контентом, потому что пользователи активно комментируют, вступают в дискуссии, создают производные материалы. На периферийных территориях, охватывающих малые города с населением менее 500 тыс. человек, сельские поселения и регионы с низкой плотностью населения, аналогичный показатель составляет 1,5%, что указывает на преобладание поверхностного, реактивного взаимодействия при формально высоком охвате.

Согласно анализу региональных Telegram-каналов, проведённому на материале 44,6 тыс. сообщений и 279,8 тыс. комментариев, каналы с высокой вовлечённостью целевой аудитории, характеризующиеся устойчивым приростом подписчиков, индексом вовлечённости до 70%, преобладанием оригинального контента, ориентированного на местную повестку, и содержательными комментариями, концентрируются в крупных городах. Они формируют дискуссионную публичную сферу, в которой молодёжь получает возможность производить смыслы.

Стратификационный анализ, проведённый на основе сетевого анализа и контент-анализа массива данных, позволил выделить пять дискурсивных кластеров (таблица 3).

Таблица 3. Идеологическая направленность и ценностные профили молодёжной политической коммуникации по типам поселений

Кластер	Доля, %	Преобладающий тип поселения	Тематические направления	Тональность
Официально-патриотический	24	Малые города	Традиционные ценности	Нейтрально-позитивная
		Сельские территории	Суверенитет	
		Города с населением менее 1 млн чел.	Санкции	
			Стабильность	
Либерально-критический	18	Мегаполисы	Права человека	Негативно-критическая
		Города федерального значения	Коррупция	
		Города-миллионники	Экология	
			Городское развитие	
Альтернативно-патриотический	15	Крупные города	Суверенитет с элементами критики	Смешанная
		Города-миллионники	Историческая политика	
			Геополитика	
Аполитично-бытовой	22	Распределён равномерно	Локальные хозяйственные проблемы	Нейтральная
		Выше доля на периферии	Быт	
			Досуг	
Историко-государственный	21	Распределён равномерно	История, государственность, культурное наследие	Нейтрально-познавательная
			Культурное наследие	

Источник: разработано автором.

Различия в ценностно-идеологических профилях выражаются в коммуникативных стратегиях, используемых молодёжью мегаполисов и периферийных территорий (таблица 4).

Таблица 4. Сравнительный анализ коммуникативных стратегий молодёжи в мегаполисах и на периферийных территориях

Характеристика	Мегаполисы	Периферийные территории
Язык и риторика	Диалогический, разговорный	Монологический, официально-деловой
	Апелляция к личному опыту и эмоциям	Апелляция к абстрактным ценностям
	Использование местоимения первого лица	Применение номинализаций
Формы взаимодействия	Горизонтальная социальная солидарность	Вертикальная социальная солидарность
	Взаимная поддержка в комментариях	Одобрение официальной позиции
	Полемика и совместная формулировка позиций	Массовые репосты официальных сообщений
Работа с информацией	Формирование альтернативных нарративов на основе пользовательского контента	Цитирование официальных источников как абсолютной истины
	Критическая оценка источников	Дискредитация альтернативных источников
Тип инфлюенсеров	Персональные бренды	Официальные СМИ
	Независимые эксперты	Административные аккаунты
	Блогеры с профессиональной компетенцией	Государственные структуры
Основание авторитета	Качество контента	Институциональный статус
	Коммуникативная компетентность	Административный ресурс
	Сетевая связанность	Формальная легитимность

Источник: разработано автором.

Модель формирования групповой идентичности, выделенная на основе анализа 44,6 тыс. сообщений и 279,9 тыс. комментариев в 15 тематических Telegram-каналах за период с февраля 2022 года по декабрь 2024 года, включает инициирование коллективного шока и эмоциональный резонанс, проведение смысловых границ социальной группы, рутинизацию практик в онлайне и институционализацию социальной солидарности, а также построение и использование архитектуры идентификации на цифровых платформах.

Обсуждение результатов исследования

Проведённый анализ подтверждает выдвинутую ранее гипотезу о том, что социальные сети трансформируют территориальное неравенство в цифровую стратификацию, закрепляя за жителями периферийных территорий подчинённое положение в информационном поле. Обнаруженные закономерности соотносятся с задачами государственной молодёжной политики, в частности, разработка эффективных стратегий коммуникации с молодёжью не представляется возможной без учёта территориальной специфики, определяющей как доступные формы участия, так и ценностно-идеологическую ориентацию, коммуникативные стратегии и механизмы идентификации.

Реализация дифференцированных стратегий, направленных на развитие локальных цифровых публичных сфер и наращивание продуктивного цифрового капитала на местах, способна трансформировать существующее неравенство в ресурс для развития национальной общественной и политической системы.

Выводы

Ключевая гипотеза настоящего исследования, состоящая в том, что социальные сети трансформируют пространственное неравенство в цифровую стратификацию, была подтверждена в процессе эмпирического анализа. Цифровая среда закрепляет за жителями периферийных территорий подчинённое положение в информационном поле, потому что они выступают потребителями готового контента, а жители крупных центров оказываются его производителями и интерпретаторами. Алгоритмы платформ, оптимизированные под максимизацию пользовательского внимания, благоприятствуют контенту, генерируемому в условиях высокой сетевой плотности, что усиливает видимость повестки. Эффект эхо-камер, установленный в контексте высокой модулярности сетевого сообщества и слабой взаимосвязи между выделенными кластерами, дополнительно отделяет периферийную молодёжь от альтернативных точек зрения и ограничивает возможности для межтерриториального диалога.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, прежде всего, с расширением эмпирической базы за счёт включения качественных методов, в первую очередь, глубинных полуструктурированных интервью с молодыми людьми, проживающими в малых городах и сельских территориях, проведением фокус-групп в различных типах поселений для выявления того, как молодёжь воспринимает существующую информационную среду, какие барьеры она выделяет на пути к продуктивному политическому участию и какие институциональные изменения считает необходимыми.

Литература

1. Филоненко Е.В. Электоральная активность молодежи Донского региона в социологическом измерении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 3. – С. 232–243.
2. Ананченко А. Б., Никулин Е.Р., Хардикова А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 55–70.
3. Гапич А. Э., Шаповалов А.В. Классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 12. – С. 38–48.
4. Анищенко А.В. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30. – № 4. – С. 36–51.
5. Цибуля Н.А. Диспозиции молодежи в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2024. – Т. 49. – № 3. – С. 465–476.
6. Литвин В.В. Пространство политических интернет-коммуникаций в современном российском обществе // Социодинамика. – 2023. – № 6. – С. 58–66.
7. Милованова М. В., Терентьева Е.В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 58–66.
8. Домбровская А. Ю., Азаров А.А. Методология и методика изучения структуры дискурсов, плотности взаимодействия и пересечения аудиторий цифровых платформ политических сообществ // Власть. – 2023. – Т. 31. – № 2. – С. 109–116.
9. Попова О. В., Суслов С.И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182.
10. Осипов А.В. Политические коммуникации в сетевых электоральных кластерах: кибертехнологии в формировании сетевого партийного бренда // Коммуникология. – 2021. – Т. 9. – № 3. – С. 145–154.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF YOUTH POLITICAL ACTIVITY ON SOCIAL NETWORKS

Salakhutdinov V.R.

Plekhanov Russian University of Economics

The relevance of this study stems from the reproduction of spatial inequality within digital communication—a phenomenon that, despite the widespread adoption of internet technologies, is evolving into new forms of social stratification. Social networks relegate residents of peripheral areas to a subordinate position within the information landscape, while the political agenda is shaped by resource-rich youth concentrated in major urban agglomerations. The research addresses the contradiction between the ostensibly neutral territorial nature of the digital environment and the empirically observed asymmetries in engagement levels, ideological orientations, forms of activity, and communication strategies among young people across different types of settlements. The study aims to identify regional variations in the political activity of young people on social networks. Research methods include network analysis, content analysis, discourse analysis, comparative analysis, systematization, generalization, a systems approach, data conceptualization, and tabular visualization. Key findings include the operationalization of the concept of regional differentiation in digital political activity; a comparative analysis of engagement metrics between metropolitan areas and peripheral regions; a comparison of the value-ideological profiles of youth audiences across different settlement types; and confirmation of the hypothesis that social networks transform spatial inequality into digital stratification. The study's practical significance lies in the potential application of its findings by federal and regional authorities to develop differentiated youth policy programs that account for the territorial specifics of the digital environment, as well as by the expert community to forecast trends in digital communication across various types of settlements.

Keywords: youth political engagement; regional differentiation; social networks; digital stratification; digital capital; metropolis; peripheral areas; communication strategies; network identity; Telegram channels; integrative three-level model; social structure.

References

1. Filonenko E.V. Electoral activity of youth in the Don region: a sociological perspective // State and Municipal Administration. Scholarly Notes. – 2025. – No. 3. – P. 232–243.
2. Ananchenko A. B., Nikulin E.R., Khardikova A.S. Specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior among Russian youth: value-ideological orientations and geographic differentiation // Research Result. Social Studies and Humanities. – 2022. – Vol. 8. – No. 1. – P. 55–70.
3. Gapich A. E., Shapovalov A.V. Classification of political orientations among North Caucasus youth // Theory and Practice of Social Development. – 2025. – No. 12. – P. 38–48.
4. Anishchenko A.V. Political participation and digital communications of Russians following the start of the Special Military Operation: characteristics and main forms // Science. Culture. Society. – 2024. – Vol. 30. – No. 4. – P. 36–51.
5. Tsibulya N.A. Youth dispositions regarding the virtual components of state youth policy // NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law. – 2024. – Vol. 49. – No. 3. – P. 465–476.
6. Litvin V.V. The space of political online communication in modern Russian society // Sociodynamics. – 2023. – No. 6. – P. 58–66.
7. Milovanova M. V., Terentyeva E.V. Internet memes as a current phenomenon of political online communication in Russia // Humanities and Social Sciences. – 2022. – No. 4. – P. 58–66.
8. Dombrovskaya A. Yu., Azarov A.A. Methodology and methods for studying discourse structures, interaction density, and audience overlap across digital platforms of political communities // Vlast (Power). – 2023. – Vol. 31. – No. 2. – P. 109–116.
9. Popova O. V., Suslov S.I. Network analysis of political online communities: from formalized to “unobservable” groups // Political Science. – 2021. – No. 1. – P. 160–182.
10. Osipov A.V. Political communication in network-based electoral clusters: cyber-technologies in shaping a network party brand // Communicology. – 2021. – Vol. 9. – No. 3. – P. 145–154.

Университеты как центры знаний в инновационных процессах современного общества

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена проблемам обеспечения широкого участия университетов в общественной жизни, в том числе выполнения ими так называемой третьей миссии (т.е. содействия социально-экономическому развитию), помимо традиционных функций преподавания и исследований. Рассматриваются особенности сложившейся международной практики в отношении управления университетами с целью повышения эффективности их участия в инновационных процессах. Высказывается тезис, что в политике управления университетами требуется дифференцированный и гибкий подход, который позволил бы раскрыть потенциал университетов в создании ими общественной ценности. Кроме того, для более результативного участия университетов в инновационной деятельности необходима поддерживающая экосистема производства и трансляции знаний, включающая разнообразие центров знаний. В целом для лучшего раскрытия и использования потенциала университетов требуется взаимодействие различных заинтересованных сторон.

Ключевые слова: образование и общество, проблемы высшего образования, третья миссия университета, инновационная деятельность, наука и общество, инновационные системы

Масштабные преобразования, происходящие в обществе, отражаются и на сфере высшего образования. Учреждения высшего образования (будем для краткости называть их обобщенно «университетами») находятся сегодня в сложном и изменяющемся поле разнородных нормативных требований, а также политических и общественных ожиданий. Фактически общепринятым стало положение о том, что университеты должны осуществлять так называемую третью миссию (наравне с более традиционными преподаванием и исследованиями), которая (в различных вариантах) подразумевает активное участие университетов в развитии экономики, социальной сферы, местных сообществ, инновационной деятельности и т.п. [1], [2].

Это широко признанная, но недостаточно четкая идея с варьирующим содержанием означает, что общество ожидает от современного университета гораздо большего, чем только выполнения его традиционных функций. Имеются меры и к формальному утверждению третьей миссии университета. В Швеции, например, третья миссия законодательно закреплена как одна из официальных задач высших учебных заведений. [3]

В последнее время за рубежом появился ряд так называемых моделей университета, которые конкретизируют общую стратегическую направленность образовательного учреждения и призваны повысить его привлекательность для властей и общества. С другой стороны, та или иная модель должна сделать более ясным внутреннее содержание и смысл самой деятельности университета для его работников – т.е., некоторым образом, выступить в качестве сплачивающего начала и базисной организационной идеи.

Наиболее известными из таких моделей являются предпринимательский и вовлеченный (или социально ориентированный, *engaged*) университет. Однако имеются и другие модели: гражданский, социально ответственный, устойчивый университет и т.п. Тем не менее, предполагаемое содержание той или иной модели не дает ответа на вопрос, что конкретно необходимо делать данному университету, и само по себе создает новую неопределенность. Например, многие высшие образовательные учреждения затрудняются определить свой конкретный путь к предпринимательской модели; Х. Эцковиц и Л. Лейдесдорф называли этот процесс «бесконечным переходом». [4]

Университеты (особенно крупные) как многофункциональные институты со значительной ресурсной базой постоянно находятся в поле внимания органов государственной власти, и управление университетами является существенным компонентом политики общественного развития. Политика управления университетами, сформировавшаяся в настоящее время в развитых странах, несмотря на определенные национальные различия, в общем, следует одному и тому же подходу. Одним из наиболее значимых процессов последних десятилетий стал переход к большей автономии университетов, т.к. автономия высших учебных заведений (в различных ее аспектах) считается одним из важнейших факторов их эффективности. С другой стороны, эта тенденция сопровождалась усилением различных формальных механизмов контроля и подотчетности со стороны государственных органов и введения многоуровневых систем управления университетами. [3]

Одним из наиболее действенных способов влияния, разумеется, является осуществляемая государством политика финансирования. В частности, в ряде стран введено конкурсное финансирование исследовательской деятельности образовательных учреждений. Значительную роль играют также периодически проводимые рейтинги университетов – как на национальном, так и на глобальном уровне, которые вынуждают образовательные учреждения следовать стоящей за рейтингами политике и ориентировать свою деятельность на требования, встроенные в эти рейтинги.

К практикам контроля относятся и регулярно осуществляемые уполномоченными государственными органами аудиты и другие (плановые и внеплановые) проверки. Необходимость соответствовать требованиям аккредитаций также оказывает сильное влияние на образовательные учреждения. Имеются и другие формы государственного воздействия на деятельность университетов.

Предпринимаемые меры внешнего контроля, регуляции и влияния существенно усилили конкуренцию между ВУЗаами за места в рейтингах, финансирование, приток студентов (в том числе иностранных), участие в международных и государственных программах и т.д.

Следует отметить, что втягивание современных университетов в международную конкурентную гонку порождает такой побочный эффект, как тенденцию к унификации университетов, в процессе которой может постепенно утрачиваться разнообразие учреждений высшего образования, их индивидуальный облик. Иными словами, данная политика, основанная на международных рейтингах, вовлекает университеты в единый процесс глобализации. Особенно сильно такая политика будет сказываться на положении небольших образовательных учреждений, имеющих региональное значение и работающих преимущественно

на местном уровне. Между тем, подобные учреждения также могут играть собственную важную роль – в области подготовки местных кадров, поддержки локальных сообществ, развития местных территорий и экономики и др.

Одна из причин множественного воздействия, оказываемого на университеты, заключается в высоком уровне ожиданий со стороны властей и общества, связанных с деятельностью университетов и их ролью в общественной жизни. Действительно, университеты, как это воспринимается уже на интуитивном уровне, представляют собой центры, в которых сконцентрированы интеллектуальные ресурсы, происходит интенсивное производство и передача знаний, имеется опыт проведения исследований и разработок. Кроме того, присутствие в университетах специалистов из разных дисциплин предполагает возможность организации меж- и трансдисциплинарных исследований, которым сегодня придается большое значение в решении множества напряженных общественных проблем.

Поэтому от университетов как центров, связанных с созданием и передачей знаний, ожидают их более активной роли в развитии экономики (в том числе нередко – также местного экономического развития), решения сложных общественных проблем, разработки новых технологий. Университеты воспринимают сегодня все шире как потенциальных лидеров в области устойчивого развития и других важных общественных преобразований (цифровизации, перехода к зеленой экономике и др.) [5]. Соответственно, усиление механизмов отчетности, контроля, комплексного оценивания функционирования университетов призваны сделать более прозрачной активность учреждений высшего образования, а также стимулировать их в направлении более эффективной деятельности в области традиционных задач и третьей миссии.

Дать какие-либо обобщенные оценки в отношении результативности сформировавшейся в развитых странах политики управления университетами не представляется возможным. Это связано с разнообразием университетов и конкретных условий их деятельности, национальными особенностями данной политики в разных странах и т.п. В целом окружающий современные университеты контекст, включающий требования, ожидания, регулирующие воздействия и общую государственную политику управления университетами, ведет к тому, что университеты фактически находятся в режиме постоянной адаптации к меняющейся и нередко противоречивой среде. Эта адаптация происходит на различных уровнях – от текущей адаптации (т.е. реагирования на актуальные требования и изменения) до более стратегически ориентированных действий (планирование новых направлений исследований, создание партнерств и т.п.).

Подобная адаптация может иметь как положительные, так и негативные следствия в отношении эффективности деятельности учреждений высшего образования. Так, имеется риск того, что университеты в целях выживания будут применять тактики предоставления привлекательной отчетности, чисто формального выполнения показателей и т.п. [6]. Например, в Великобритании было выявлено случаи манипулирования показателями со стороны университетов для улучшения ими своего финансового положения [7].

Кроме того, сегодня все шире признается, что университеты в целом располагают ограниченными возможностями управления по отношению к своим подразделениям, научно-педагогическому составу, а также по поводу реагирования на внешние требования. [8]

Таким образом, положение университета в современном обществе оказывается недостаточно определенным; университеты фактически должны постоянно оправдывать свое существование, подтверждать эффективность своей деятельности и пользу для общества. В частности, они должны демонстрировать общественную ценность (создаваемую их деятельностью), которая фиксируется в явном виде в системах используемых сегодня показателей эффективности. Возможно, что университеты и их взаимоотношения с обществом вступили в некоторый переходный период; в этом процессе предстоит выработать более плодотворные формы взаимодействия, которые, с одной стороны, будут способствовать более полному использованию университетами своего потенциала, а с другой – сохранить то лучшее, что содержит в себе многовековая университетская история.

Университеты – это организации, основанные на ценностях, на традициях, на интеллектуально и эмоционально насыщенном труде научно-педагогических работников. Это делает учреждения высшего образования весьма специфическими объектами как для внутреннего управления, так и для государственной политики (в области образования, науки и инноваций).

Проблема повышения эффективности деятельности университетов (в направлении активизации социально значимых исследований, инновационной деятельности, содействия социально-экономическому развитию местных сообществ и т.п.), которую можно обозначить как проблему осуществления обобщенно понимаемой третьей миссии, продолжает оставаться сложной (и во многом резистентной) проблемой для решения. На это положение дел влияет ряд обстоятельств, среди которых отметим следующие.

1. Университеты не являются высоко консолидированными организациями. Поэтому представление об университете как своего рода центре производства знаний, или «фирме знаний» не соответствует действительности; если частное уч-

реждение имеет четко функционирующую структуру, ясные бизнес-цели, систему показателей эффективности, отчетливо прослеживаемую «цепочку ценности» и т.п., то университет представляет собой более внутренне свободную, слабо связанную организацию. Университет – это в большей степени ценностно объединенное сообщество, чем производственная единица.

Уже по этой причине представление о том, что университет должен устойчиво производить знания и инновации (по аналогии со стабильным производственным процессом промышленной фирмы), основано на завышенных ожиданиях. Однако реформы, направленные на усиление конкурентной среды для университетов, были основаны именно на предположении, что университеты будут вести себя подобно фирмам или корпоративным субъектам. [9], [10]

Следует отметить также, что в настоящее время продолжается дискуссия о том, к какому типу организаций вообще следует относить университеты. [11]

2. Знания и инновации рождаются в свободном поисковом процессе (включающем поиск фактов, идей, объяснений, решений и т.п.). При этом поиск всегда предполагает затраты без гарантии успеха, что противоречит современной политике экономики в области высшего образования в развитых странах. Для обеспечения поискового эпистемического процесса неизбежны расходы, которые могут быть довольно высокими в дорогостоящих областях научного и технологического развития. При этом результаты могут быть зачастую получены лишь в длительном процессе, сроки которого невозможно спрогнозировать. Напротив, ориентация учреждений высшего образования на получение быстрых результатов может оказывать деструктивное воздействие на саму сущность поискового научно-исследовательского (или научно-инновационного) процесса.

3. Мотивация к научной и инновационной деятельности (не просто самой по себе, но мотивация к действиям в определенных направлениях) представляет собой сложную задачу. Исходным принципом для поисковых научно-инновационных процессов является академическая свобода (что является неременным условием для науки вообще). Соответственно, такие формы внешней стимуляции, которые существенно вмешиваются в академическую свободу, могут приводить к таким контрпродуктивным реакциям, как чисто формальное выполнение показателей, низкое качество научных работ и снижение мотивации научных работников.

В идеале для управления университетами вообще и их социальной эффективностью в частности требуется дифференцированная и гибкая государственная политика.

Политика в отношении университетов должна разворачиваться в целостном контексте национальных и региональных инновационных систем; в этих системах учреждениям высшего образования, конечно, принадлежит важнейшая роль, однако они не являются единственными акторами в инновационной сфере. Как подчеркивается в литературе, для успешного функционирования инновационных систем необходимо участие не только университетов, но целых слаженно действующих экосистем производства и передачи знаний, а также трансляции знаний в инновации [12]. Этот процесс уже постепенно набирает силу в развитых странах, однако требуется еще время для его дальнейшего закрепления, расширения, совершенствования и т.д. Для развития инновационного общества необходимо не только сохранить разнообразие университетов, но сформировать также разнообразие других центров знаний с различными функциями, специализацией, организационными основами и т.п. Представляется крайне важным создать широкий спектр дополняющих университеты центров, которые могли бы формировать плодотворные отношения с учреждениями высшего образования, обеспечивая систематическую деятельность, направленную на создание и внедрение инноваций в различных областях общественной жизни.

Кроме того, следует признать, что в целом процессы создания и внедрения инноваций в различных отраслях довольно сложны, вариабельны и все еще остаются недостаточно понятными, несмотря на наличие длительных традиций исследования инноваций (экономика, социология, STS и др.), которые породили большой массив публикаций на эту тему. Так, три десятилетия политики в области обеспечения трансфера знаний принесли больше неудач, чем успехов [3], [13]. Замечено также, что значительная часть практических инноваций не зависит от результатов исследований и разработок (R&D) [14], [15].

Дифференцированная политика управления университетами означает в том числе более индивидуализированный подход к оценке университетов с точки зрения их значимости в различных контекстах (и той общественной ценности, которую они создают). Так, одни университеты могут иметь важное местное значение, другие – играть существенную роль в национальных и региональных инновационных системах в каких-то конкретных отраслях (или группах отраслей); третьи – быть особо ценными с точки зрения проведения фундаментальных научных исследований (например, за счет наличия крупных научных школ) или же по причине подготовки студентов по каким-то новым специальностям, крайне необходимым для развития экономики, технологии, сельского хозяйства, экологических знаний и т.п.

Соответственно, для более полного оценивания деятельности университетов понадобятся изменения в системах показателей и самой концепции оценок. Вероятно, для разработки, принятия и широкого внедрения таких оценок потребуется определенное время. Подобные оценочные критерии должны быть чувствительны к специфике университетов и иметь комплексный характер, позволяющий более широко оценивать общественную ценность, создаваемую учреждениями высшего образования. В частности, помимо количественных могут потребоваться различные качественные (в том числе интерактивные) оценки. Важным моментом должно быть признание того, что деятельность университетов может порождать такие значимые результаты, которые могут проявиться только в долгосрочной перспективе (и с неопределенными сроками).

Кроме того, огромную роль играет вопрос, с какой целью проводится оценка деятельности университета. Дифференцированная политика должна давать возможность университетам на основе комплексных оценок улучшать свою деятельность в области традиционных функций и обобщенно понимаемой третьей миссии. Такие способы оценивания могут оказаться значительно сложнее, чем сложившиеся в настоящей международной практике преобладающие количественные подходы.

Надо отметить, что в последнее время появились позитивные примеры инициатив в области новых концепций оценки деятельности университетов. Эти новые подходы включают более широкий комплекс целей и в большей степени направлены на обучение и развитие. Для иллюстрации можно назвать введение протокола оценки стратегии в Нидерландах. Вполне перспективной также представляется практика соглашений о развитии, принимаемых совместно министерством и университетами (например, в Норвегии) [7], [16].

В целом можно сказать, что для наилучшего осуществления университетами их третьей миссии, их более активного участия в экономике, инновационных процессах, жизни местных сообществ и т.д. (независимо от того, какую модель принимает учебное заведение) университетам требуется своего рода индивидуальная настройка. Прежде всего это предполагает оптимальное использование сильных сторон университета (кадрового состава, опыта, совокупности внешних связей и т.п.). В проведении такой стратегической настройки должны участвовать различные заинтересованные стороны: руководство ВУЗа, общественные структуры университета, государственные органы, проводящие политику в области управления образованием и инновациями, в ряде случаев – муниципальные органы, а также конкретные экосистемы производства, передачи, обмена, трансляции знаний, в которых участвует данный университет. Иными словами, для наилучшего ис-

пользования потенциала университетов требуются согласованные совместные усилия заинтересованных сторон.

Литература

1. Molas-Gallart J., Castro-Martínez E. Ambiguity and Conflict in the Development of 'Third Mission' Indicators. *Research Evaluation*, 2007, 16(4), 321–330. <https://doi.org/10.3152/095820207X263592>
2. Rubens A., Spigarelli F., Cavicchi A., Rinaldi C. Universities' third mission and the entrepreneurial university and the challenges they bring to higher education institutions. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, 2017, 11(03), 354–372
3. Cervantes M. Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. In: Meissner D., Erdil E., Chataway J. (eds). *Innovation and the Entrepreneurial University*. Science, Technology and Innovation Studies. Springer, Cham, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62649-9_6
4. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The endless transition: "A Triple Helix" of university-industry-government relations: Introduction. *Minerva*, 1998. – Pp. 203–208
5. Karo E., Shakya S., Voll C.N. et al. How can Universities Become Transformative Change Agents? Sustainability Strategizing in European Technological Universities. *Minerva*, 2026. <https://doi.org/10.1007/s11024-026-09636-z>
6. Thomas D. A., Nedeva M., Tirado M.M., Jacob M. Changing research on research evaluation: A critical literature review to revisit the agenda. *Research Evaluation*, 2020, 29(3), 275–288
7. Borlaug S.B., Jungblut J. The Limits of Universities' Strategic Capacity for Steering Research. In: Sivertsen G., Langfeldt L. (eds). *Challenges in Research Policy*. SpringerBriefs in Political Science. Springer, Cham, 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69580-3_12
8. Maassen P., Stensaker B. From organised anarchy to de-coupled bureaucracy: The transformation of university organisation. *Higher Education Quarterly*, 2019, 73, 456–468. <https://doi.org/10.1111/hequ.12229>
9. Bleiklie I. *The New Public Management and the Pursuit of Knowledge*. Bergen: LOS-Senteret, 1994
10. Oba J. The Incorporation of National Universities in Japan: Initial Reactions of the New National University Corporations. *Higher Education Management and Policy*, 2005, 17(2): 105–125
11. Musselin C. University Governance in Meso and Macro Perspectives. *Annual Review of Sociology*, 2021, 47, pp.305–325
12. Youtie J., Shapira P. Building an innovation hub: a case study of the transformation of university roles in regional technological and economic development. *Res Policy*, 2008, 37(8):1188–1204
13. Geuna A., Muscio A. The governance of university knowledge transfer: a critical review of the literature. *Minerva*, 2009, 47(1):93–114
14. The innovation gap – why policy needs to reflect the reality of innovation in the UK. Research Report: October 2006. London, National Endowment for Science, Technology and the Arts (NESTA), 2006
15. Hidden Innovation: How innovation happens in six 'low innovation' sectors. Research Report: June 2007. London, National Endowment for Science, Technology and the Arts (NESTA), 2007
16. Elken M., Borlaug S.B. Implementation of ambiguous governance instruments in higher education. *Higher Education*, 2023, 1–16

UNIVERSITIES AS KNOWLEDGE CENTERS IN THE INNOVATION PROCESSES OF MODERN SOCIETY

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article focuses on the challenges of ensuring broad university engagement in public life, including their fulfilment of the so-called third mission (i.e., promoting socio-economic development) alongside their traditional functions of teaching and research. It examines the specific features of existing international practice in university governance, aiming to enhance the effectiveness of universities' participation in innovation processes. The thesis is put forward that university governance policy requires a differentiated and flexible approach that would enable universities to unlock their potential in creating public value. Furthermore, to make universities' involvement in innovation activities more effective, a supportive ecosystem for the production and dissemination of knowledge is needed – one that includes a diversity of knowledge centers. Overall, to better unlock and utilize the potential of universities, collaboration among various stakeholders is required.

Keywords: education and society, problems issues in higher education, the third mission of the university, innovative activity, science and society, innovative systems

References

1. Molas-Gallart J., Castro-Martínez E. Ambiguity and Conflict in the Development of 'Third Mission' Indicators. *Research Evaluation*, 2007, 16(4), 321–330. <https://doi.org/10.3152/095820207X263592>
2. Rubens A., Spigarelli F., Cavicchi A., Rinaldi C. Universities' third mission and the entrepreneurial university and the challenges they bring to higher education institutions. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*, 2017, 11(03), 354–372
3. Cervantes M. Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. In: Meissner D., Erdil E., Chataway J. (eds). *Innovation and the Entrepreneurial University*. Science, Technology and Innovation Studies. Springer, Cham, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62649-9_6
4. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The endless transition: "A Triple Helix" of university-industry-government relations: Introduction. *Minerva*, 1998. – Pp. 203–208
5. Karo E., Shakya S., Voll C.N. et al. How can Universities Become Transformative Change Agents? Sustainability Strategizing in European Technological Universities. *Minerva*, 2026. <https://doi.org/10.1007/s11024-026-09636-z>
6. Thomas D. A., Nedeva M., Tirado M.M., Jacob M. Changing research on research evaluation: A critical literature review to revisit the agenda. *Research Evaluation*, 2020, 29(3), 275–288
7. Borlaug S.B., Jungblut J. The Limits of Universities' Strategic Capacity for Steering Research. In: Sivertsen G., Langfeldt L.

- (eds). Challenges in Research Policy. SpringerBriefs in Political Science. Springer, Cham, 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69580-3_12
8. Maassen P., Stensaker B. From organised anarchy to de-coupled bureaucracy: The transformation of university organisation. *Higher Education Quarterly*, 2019, 73, 456–468. <https://doi.org/10.1111/hequ.12229>
 9. Bleiklie I. The New Public Management and the Pursuit of Knowledge. Bergen: LOS-Senteret, 1994
 10. Oba J. The Incorporation of National Universities in Japan: Initial Reactions of the New National University Corporations. *Higher Education Management and Policy*, 2005, 17(2): 105–125
 11. Musselin C. University Governance in Meso and Macro Perspectives. *Annual Review of Sociology*, 2021, 47, pp.305–325.
 12. Youtie J, Shapira P. Building an innovation hub: a case study of the transformation of university roles in regional technological and economic development. *Res Policy*, 2008, 37(8):1188–1204
 13. Geuna A, Muscio A. The governance of university knowledge transfer: a critical review of the literature. *Minerva*, 2009, 47(1):93–114
 14. The innovation gap – why policy needs to reflect the reality of innovation in the UK. Research Report: October 2006. London, National Endowment for Science, Technology and the Arts (NESTA), 2006.
 15. Hidden Innovation: How innovation happens in six 'low innovation' sectors. Research Report: June 2007. London, National Endowment for Science, Technology and the Arts (NESTA), 2007
 16. Elken M., Borlaug S.B. Implementation of ambiguous governance instruments in higher education. *Higher Education*, 2023, 1–16

Откровение или разум? Как сунниты защищали имена Аллаха

Хаутиев Исмаил Ахметович,

докторант, преподаватель, Болгарской исламской академии, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Ингушский политехнический колледж имени Юсупа Иссаевича Арапиева» (ГБПОУ «ИПК им. Ю.И. Арапиева»), Сунженский исламский институт
E-mail: ismail_kh1993@mail.ru

Таукиф – это запрет придумывать имена для Аллаха. Можно брать только то, что есть в Коране, в хадисах и в единогласном мнении учёных. В этой работе мы показываем, как это правило отразилось в классических трудах ашаритов, матуридитов и ханбалитов. Мы изучили труды авторов аль-Ашари, аль-Джурджани, ан-Насафи, аль-Газали и других классических авторов мы видим эволюцию концепции, её полемику с мутазилистами и борьбу с антропоморфизмом. Мы подчёркиваем, что таукиф означает не только простое перечисление атрибутов Аллаха, но и соблюдение уважения и осознания величия Аллаха. Мы также показываем, что имена Аллаха не сводятся к девяти, которые перечислены в хадисе о вхождении в Рай. Особое внимание уделяется методологии Ахлю-с-Сунна в принятии имён из одиночных хадисов (ахад). Мы видим, как таукиф, соединяя Откровение и общее мнение учёных, помог упорядочить имена и атрибуты Аллаха, и отсекая придуманные имена и антропоморфные искажения. Мы также обращаемся к взглядам имама Ахмада, его метод тафвида и учение об абсолютной непохожести (акыда-танзих), а также как позже искажали его учение антропоморфистами. Мы приходим к выводу о том, что таукиф остаётся работающим принципом, который сохраняет связь между поколениями суннитской традиции.

Ключевые слова: таукиф, ашариты, матуридиты, мутазили-ты, божественные имена, теологическая методология, акыда-танзих, тафвид, Ахмад ибн Ханбаль.

Введение

Концепция таукифа – утверждение, что имена Аллаха устанавливаются только через Откровение является основой суннитской теологии. Её формирование отражает фундаментальный конфликт двух теорий. С одной стороны, было мнение, что имена Аллаха даны Им Самим в Коране и Сунне, а с другой стороны, были те, кто считал, что можно называть Аллаха любым именем, которое описывает Его совершенство, даже если оно не упомянуто в текстах. Эта двойственность определила границы исламской мысли, разделив учёных на тех кто за «чистоту текста» (ашариты, матуридиты, ханбалиты) и сторонников «рационального богословия» (мутазили-ты, каррамиты). Данное исследование актуально в связи с тем, что необходимо переосмысление классических теологических систем взглядов в контексте современных дискуссий о теории познания статуса религиозного знания. Принцип таукифа, регулирующий именование Божества, остаётся малоизученным в отечественной и зарубежной исламоведческой литературе как самостоятельное направление. В современном исламском дискурсе наблюдается тенденция к спекулятивным именованиям Аллаха, опирающимся на языковые аналогии или субъективные умозаключения, что требует возвращения к методологическим основам классической суннитской традиции. В условиях существующих в науке богословских мнений строгое следование таукифу позволяет сохранить в первоизданном виде чистоту учения, ограничивая его от нововведений (бид'а) и искажений вносимых человеком. Степень разработанности проблемы в научной литературе остаётся недостаточной. В отечественной исламоведческой литературе отдельные аспекты рассматриваемой темы затрагивались в трудах различных исследователей, однако комплексного исследования эволюции именно концепции таукифа в суннитской традиции до сих пор не предпринималось. Современные исследования, в частности работы Л.Б. Маевской и Х.М. Ага, посвящённые вероучению Ахмада ибн Ханбала [18], предоставляют ценный материал для понимания методологических оснований суннитского богословия. Особого внимания заслуживают исследования, проведённые на портале «Даруль-Фикр», где Н. Келлер [19] и аль-Кунаби [20] подробно разбирают вопросы акыды имама Ахмада и подхода саляфов к атрибутам Аллаха.

Мы ставим своей целью проследить историю развития таукифа – не изменение самих имён

и атрибутов, а как постепенно менялись методы их защиты, объяснения и систематизации в рамках исламской традиции в трудах авторитетных ашаритских, матуридитских и ханбалитских авторов, а также их полемику с оппонентами.

Что мы делаем нового? Впервые в нашей науке мы берём таукиф как отдельную тему и рассматриваем его всесторонне, с привлечением многих первоисточников и сравнением школ. По методу – мы просто читаем классические труды очень внимательно, следим за каждым словом и его смыслом.

Теологические основы таукифа

Коран недвусмысленно утверждает, что имена Аллаха установлены Им Самим: «Аллаху принадлежат прекраснейшие имена. Взывайте к Нему через них и оставьте тех, кто уклоняется от истины в [упоминании] Его имён. Они получат воздаяние за то, что совершали» (Коран, 7:180). Имам ан-Насафи в своём комментарии к этому аяту говорит, что под прекраснейшими именами имеются в виду те, которые указывают на совершенные атрибуты Всевышнего. Он делит их на три вида. Первый вид – имена, которые относятся к Самому Аллаху, например, имя «Предвечный» – Он был всегда и будет всегда. Он знает всё и может всё. Он один, и никто на Него не похож. Второй вид – имена, которые показывают милость Аллаха: Прощающий, Милосердный, Благодарный, Кроткий. Третий вид – имена, которые учат нас быть лучше, например, если мы называем Аллаха Щедрым, значит, и мы должны быть щедрыми. Также ан-Насафи говорит, что надо обращаться к Аллаху именно через эти имена, нельзя придумывать свои, например, нельзя говорить «О Щедрый» на арабском как «Йа Сахи», потому что это не пришло в Коране и сунне. Затем он говорит, что неправильно называть Аллаха телом, материей, разумом или причиной [1, с. 620]. Имам аш-Шафии был одним из первых, кто указал на это. Сказав, что у Аллаха есть имена и атрибуты, которые пришли в Коране и в хадисах. Если человек получил знания об этом, он не может их отрицать. Ведь Коран был ниспослан с этими именами, и пророк их подтвердил. Кто отрицает после того, как ему стало ясно, тот становится неверным [2, с. 23].

Как Ахлю-с-Сунна валь-джама'а понимают таукиф

В этом вопросе сунниты (ханбалиты, матуридиты, большинство ашаритов) считают, что имена Аллаха, являются таукифиййа (можно брать только из Откровения), и этот вопрос не относится к категории вопросов которые устанавливаются разумом. Значит, необходимо ограничиваться тем, что пришло через тексты Корана и Сунны, не добавляя и не убирая, поскольку разум не может знать

то, что подобает Аллаху в именах. Нельзя называть Его по аналогии (кыяс) или производить имя от действия, в отличие от мутазилитов и каррамитов [6, с. 31]. Имам Ахмад ибн Ханбаль (ум. 241 г.х.) говорил, что об Аллахе мы можем говорить только то, что Он Сам о Себе сказал или что передал Его пророк, не выходя за пределы дозволенного [2, с. 23]. Абу-ль-Хасан аль-Ашари (ум. 324 г.х.) в споре с Абу Али аль-Джуббаи (ум. 303 г.х.) объяснил, что его метод в наименования Аллаха опирается на религиозное разрешение, а не на языковом сходстве. Он использовал имя Мудрый, потому что Шариат его разрешил, и запретил имя Разумный, поскольку Шариат его запретил, говоря: «если бы Шариат разрешил – я бы тоже называл» [1, с. 620]. Абу-ль-Касим аль-Кушайри (ум. 465 г.х.) отметил, что имена Аллаха определяются только через Откровение на основе Корана, Сунны и единогласия мнения учёных (иджма'). Всё, что пришло оттуда, надо брать, а что не пришло – запрещено, даже если смысл правелен [8, с. 358]. Ас-Саффарини (ум. 1188 г.х.) написал в поэтической форме вероубеждения: «Но имена Его – таукифиййа, / В том доказательств ясных сила» [9, с. 124]. В книге «Шарх аль-Мавакиф» аш-Шариф аль-Джурджани объясняет нам, называть Аллаха именами является таукифиййа (зависит от Божественного разрешения), то есть их употребление зависит от Божественного разрешения. Речь идёт не об именах-собственных, установленных в языках, а о спорах относительно имён, производных от атрибутов и действий. Мутазилиты и каррамиты считали, что если разум показывает, что Аллах обладает каким-то качеством, то можно называть Его именем, отражающим этот атрибут, без разрешения Шариата. Кадри Абу Бакр, который был суннитом разрешал использовать любое слово, если оно правильно описывает Аллаха, и если оно не вызывает неправильных представлений. Однако аль-Джурджани указывает, что нельзя называть Аллаха Знающим (от арабского глагола 'арафа), потому что слово знание от этого глагола может означать, что сначала было незнание; Правоведом (аль-Факих) – так как фикх это понимание того, что хотел сказать говорящий, что также подразумевает, что до этого было незнание; Разумным (аль-'Акиль) – потому что разум обычно связывают с удержанием от плохого, а это нужно только тому, кто может совершить плохое; Нельзя называть Проницательным (аль-Фатин), потому что проницательность – это быстрое понимание, а это значит, что до этого человек не понимал. Нельзя называть Врачом (ат-Табиб), потому что медицина основана на опыте, а Аллах не нуждается в опыте.

В итоге аль-Джурджани делает вывод: аль-Ашари и его последователи считали таукиф обязательным, и это мнение более правильное [10, с. 232–233]. Абд ас-Салам ибн Ибрахим аль-Лаккани (учёный-хадисовед) в своём комментарии пишет: большинство суннитов считает, что

имена Аллаха можно брать только из Откровения. Это не касается атрибутов – их можно обсуждать. А имена – только с разрешения Шариата. Если разрешено и это имя говорит о достоинстве и не наводит на мысль о недостатке – тогда все согласны, что можно. Всё, что сверх этого – нельзя. Ведь мы даже Пророка не называем тем, что ему не принадлежит, а Аллаха – тем более [11, с. 232]. Аль-Газали разделил имя и атрибут: он разрешил использование атрибута, который указывает на дополнительный смысл, относящийся к сущности, – но запретил использование имени – того, что указывает на Самого Аллаха [12, с. 173]. Учёные согласны, что можно называть Аллаха именами и атрибутами, на которые имеется разрешение в Шариате, и согласны, что нельзя называть Его тем, что он Сам запретил. Но они разошлись, когда нет явного разрешения или запрета, выделив три позиции: 1) Имена Аллаха основаны при помощи таукифа (Откровением). Так считает большинство суннитов. 2) Имена Аллаха не ограничены таукифом (Откровением), и можно называть Его любым именем, если оно говорит о совершенстве и не намекает на недостаток, даже если Шариат его не разрешил. Так считали мутазилиты и карамиты [3, с. 265]. Близко к этому мнению был и аль-Бакиллани, он поставил два условия: 1) имя должно указывать на атрибут, который есть у Аллаха; 2) оно не должно вызывать мыслей с тем, что Ему не подобает [6, с. 31]. Третье мнение – воздержаться (таваккуф) – не говорить ни можно, ни нельзя. Так считал Имам аль-Харамайн, он считал, что дозволенность или запрет являются правовыми решениями, которые нельзя установить без указания Шариата. А так как такого указания нет, он решил воздержаться [14, с. 61].

Чем отличаются имена, атрибуты и просто описание Аллаха

Имена, которые мы используем для Аллаха, должны быть такими, чтобы их можно было отнести к Нему. Но есть имена, которые, если понимать их по-арабски, могут сбить с толку, и их надо объяснять иносказательно. Например, такие имена, как ас-Сабур, аш-Шакур, аль-Халим. Ас-Сабур в языке означает «терпеливый» – тот, кто переносит трудности. Но когда мы говорим об Аллахе, это значит: «Тот, кто не спешит наказывать тех, кто ослушается»; Аш-Шакур в обычном языке может навести на мысль, будто Аллах получает что-то от Своих творений и благодарит их. Но об Аллахе это говорят иначе: Он – «Тот, кто даёт за малое добро большое вознаграждение»; Аль-Халим в языке означает «кроткий, сдержанный». В отношении Аллаха это понимается как «Тот, кто не спешит с наказанием за грехи». Так учёные-сунниты сохранили равновесие. Имена они брали только из Откровения – это было строго.

А атрибуты (качества Аллаха) можно было объяснять с помощью разума – здесь у них была свобода.

Многие известные учёные подчёркивали: принцип таукифа означает, что мы можем использовать только те имена, которые есть в Коране и в Сунне. И ничего больше.

Абу Исхак аз-Заджадж (умер в 311 году) говорил, что в мольбах не надо обращаться к Аллаху с именами, которых Он Сам Себе не дал. Например, можно говорить «О Аллах», «О Милостивый», «О Щедрый». А «О Пречистый» говорить нельзя – потому что Аллах так не называл Себя. Также можно говорить «О Милующий», но не «О Добрый»; можно «О Сильный», но не «О Крепкий» [15, с. 392].

Абу Сулейман аль-Хаттаби (умер в 388 году) разъяснял, что в этих вопросах нельзя отступать от таукифа. Нельзя также выводить имя по аналогии, если оно похоже по языку. Например, нельзя заменить имя аль-Джавад на ас-Сахий – даже если они близки по смыслу. Потому что ас-Сахий не установлен Откровением [13, с. 432]. Имам аль-Багави (умер в 516 году) писал, что имена Аллаха основаны на таукифе. Поэтому Его называют аль-Джавад, а не ас-Сахий; ар-Рахим, а не ар-Рафик; аль-‘Алим, а не аль-‘Акиль [14, с. 61]. Здесь надо различать три вещи: имена, атрибуты и информирование. Все атрибуты Аллаха – это совершенство, и в них нет недостатка. Если в каком-то атрибуте есть и хорошее, и плохое, его нельзя использовать по отношению к Аллаху, можно взять только ту его часть, которая говорит о совершенстве. Также надо знать, что, не все атрибуты становятся именами, потому что атрибутов у Аллаха больше, чем имён. А вот рассказывать об Аллахе можно по-разному, здесь таукиф не ограничивает. То, что мы можем сказать об Аллахе, гораздо шире, чем имена или атрибуты. Например, мы можем сказать, что Он – «Существующий» (аль-Мавджуд), «Самодостаточный» (аль-Каим би-нафсиhi), но эти термины не входят в число Его прекрасных имён (аль-Асма аль-Хусна) и не входят в число атрибутов. Следовательно, то, что допустимо как имя, допустимо и как атрибут, и как описание, но обратное неверно.

Как понимать имена в контексте и почему список имён может быть шире

Мало просто сказать, что имя есть в Коране или в хадисе, чтобы его можно было использовать, даже если оно подходит по смыслу и по тому, где оно стоит. Например, в шариатских текстах встречаются такие слова, как «Ниспосылающий» (аль-Мунзил), «Созидающий» (аль-Мунши’), «Взращающий» (аль-Харис), «Сеющий» (аз-Зари’), «Метающий» (ар-Рами). Но когда мы говорим нужно проявлять благоговение и соблюдать уважение, а не просто перечислять их. Комментатор ас-Сиялкути объяс-

няет, что нельзя считать имя разрешённым только потому, что оно есть в Коране или Сунне, даже если по смыслу оно подходит; нужно, чтобы оно произносилось с уважением и соблюдением этикет. Он также говорит, что некоторые описания, даже упомянутые в Шариате, как Хитрец или Насмешник, нельзя использовать для Аллаха, если они не сопровождаются уважением и почтением [17, с. 232–233]. Имена Аллаха не заканчиваются девяносто девятью, ни теми, которые есть в Коране и Сунне, ни даже теми, которые знали посланники, ангелы и все творения. В одном известном хадисе сказано: «Я прошу Тебя каждым именем, которым Ты назвал Себя, или ниспослал его в Своей Книге, или научил ему кого-либо из Своих творений, или сокрыл его в Своём знании сокровенного...» [Ахмад ибн Ханбаль, Муснад, № 4318]. Аль-Хаттаби, комментируя этот хадис, отмечает, что это доказывает, что у Аллаха есть имена, которые Он не ниспослал в Писании, скрыл от творений и не открыл им [13, с. 112, 25]. Многие учёные также приводили этот аргумент, подчёркивая, что имена Аллаха не ограничены известным числом. А что касается девяносто девяти имён, то к ним относится только то, что сказано в хадисе: тот, кто перечислит их с верой, войдёт в Рай. Имам ан-Навави разъясняет, что учёные единодушно согласились, что данный хадис не содержит ограничения имён Аллаха. Смысл хадиса не в том, что у Него нет иных имён, кроме этих девяносто девяти, а в том, что тот, кто запомнит эти девяносто девять имён, войдёт в Рай. Таким образом, цель хадиса – сообщить о награде в виде Рая за их запоминание, а не указывалось ограниченность имён Аллаха [20, с. 5].

Имена Аллаха в одиночных хадисах (ахбар аль-ахад)

Сунниты признают все имена Аллаха, которые есть в достоверной Сунне, неважно, массовый это хадис (мутавадир) или нет. Но они не принимают имена, если те опираются только на слабые или непроверенные хадисы. В этом их отличие от тех, кто приписывает Аллаху имена на основании явно слабых сообщений (как это иногда встречается в некоторых комментариях к книге «Прекрасные имена» – аль-Асма аль-Хусна). Отличаются они и от мутазилитов, которые признают имена, но отвергают атрибуты и не принимают одиночные хадисы в вопросах веры. А сунниты, наоборот, следуют всему, что установлено в этих хадисах. Имам аль-Мазари (умер в 536 году) пишет, что среди поздних учёных-усулитов были разногласия по поводу того, можно ли называть Аллаха именами из одиночных хадисов. Одни поздние ашаритские учёные считали, что можно выводить имена из таких хадисов, потому что одиночный хадис обязывает к действию в практических вопросах. Но при этом они запрещали использовать аналогии (кьяс) в этом вопросе. Другие же учёные отвергали

такой подход и говорили, что одиночных сообщений недостаточно, чтобы утверждать божественное имя, потому что имена Аллаха – это вопросы веры, а в вопросах веры нужна полная уверенность, основанная на надёжном знании. За основу здесь они берут единогласное мнение сподвижников и те примеры, как они применяли такие хадисы [21, с. 295].

Полемика с оппонентами и значение таукифа

Споры вокруг таукифа показали, насколько глубокими были различия между суннитами и рационалистическими школами. Мутазилилы ставили разум во главу угла. Они считали, что Аллаха можно называть именами, которые выведены логическим путём, даже если они не упомянуты в текстах. Эта школа появилась во времена табинов (следующего поколения после сподвижников). Один из учеников Хасана аль-Басри заявил, что человек, совершивший тяжкий грех, не является ни верующим, ни неверующим. На это Хасан ответил: «Он отделился от нас» («и'тазаля»). Отсюда и пошло название «мутазилилы». Со временем они стали опираться на греческую философию и оценивать ислам через доводы древних мыслителей. Они отрицали всё, что казалось им нелогичным. Они отвергали многие хадисы, говорили, что Аллаха нельзя увидеть в Раю, и отрицали вечные атрибуты Аллаха. Например, они утверждали: «Он знающий, но у Него нет Знания; могущественный, но у Него нет Силы; Говорящий, но у Него нет Речи». Они также считали, что Коран сотворён, что человек сам создаёт свои поступки и что воля Аллаха не касается людей [10, с. 232–233]. В отличие от них, ашариты и матуридиты говорили, что у Аллаха есть реальные и вечные атрибуты. Эти атрибуты не являются ни Его сущностью, ни чем-то отдельным от неё. Они также утверждали, что Коран – это несотворённое Слово Аллаха. Аль-Ашари признавал, что человек ответственен за свои поступки, но считал, что все деяния созданы Аллахом, а человек их лишь «приобретает» (касб). Матуридиты, в отличие от ашаритов, отводили разум более важную роль в понимании Откровения. Они считали, что существование Аллаха можно постичь и через разум [1, с. 620]. Отдельно стоит сказать об имаме Ахмаде ибн Ханбале. Его подвергли гонениям (это событие называют «михна») халифы аль-Мамун и аль-Мутасим, которые были под влиянием мутазилитов. Они требовали, чтобы он признал Коран сотворённым. Он отказался. Его избивали, бросали в тюрьму, но он остался твёрд. Он понимал, что люди ждут от него стойкости. Он говорил: «Коран – это несотворённая речь Аллаха. Он не сотворён ни с какой стороны, ни в каком состоянии. Он никогда не был сотворённым» [24, с. 61–62]. Имам Ахмад относил положения об атрибутах Аллаха к таукифиям, то есть считал, что говорить о Боге следует только так, как упомянуто в Коране и в достоверных хадисах. Аль-Макдиси пе-

редаёт его слова: «Мы верим в них и подтверждаем их истинность, не задавая при этом вопрос «как?», не придавая смысл по своему разумению. К упомянутому об Аллахе ничего не следует добавлять, сверх тех качеств, о которых сказано в священных текстах, ибо «Нет ничего подобного Ему» [25, с. 58]. Для понимания аятов категории муташабахат имам Ахмад использовал принцип тафвида – веры в них без попытки толкования (тавиля), с оставлением знания об их истинном смысле Аллаху. Данный метод предусматривает прочтение аята и хадиса без каких-либо попыток дать им толкование, без углубления в его смыслы. Ахмад ибн Ханбаль был категорически против попыток объяснения аятов муташабахат, особенно в вопросах акыды [26, с. 58]. Как отмечает Н. Келлер, этот метод, называемый «тафвид», был позицией имама Шафии и многих ранних мусульман: «Я верю в то, что пришло от Аллаха, как это сообщил Сам Аллах» [19]. При этом, как подчёркивает аль-Кунаби, саляфы единогласно отрицали буквальное понимание атрибутов, ведущее к антропоморфизму, и утверждали, что Аллах не описывается телесностью, движением или перемещением [20]. Современные исследователи подчёркивают, что имам Ахмад придерживался акыды-танзих – учения, согласно которому Бог абсолютно ни в чём не подобен Своим творениям. Это учение соответствует аяту 42:11, где сказано: «Нет никого подобного Ему» (Коран, 42:11) и является фундаментом для формирования классической исламской концепции вероучения [29, с. 55]. Имам Ахмад отрицал, что Аллах является «телом» (джисм), и говорил, что названия вещей берутся из Шариата и арабского языка, а Всевышний превыше этого. Носители арабского языка использовали слово «тело» для обозначения того, что имеет определённые высоту, ширину, форму и состоит из частей, в то время как Всевышний превыше всего этого [30, с. 58]. Имам Абдуль-Вахид ат-Тамими передаёт слова имама Ахмада: «У Аллаха есть «йадейн», но как атрибут, а не как два органа (две руки)» [31, с. 59]. аль-Кунаби тоже передаёт слова имама Ахмада где он обвиняет тех, кто заявляет, что Аллах телесен, и считает это неверием [32]. Имам Ибн аль-Джаузи (ум. 597 г.х.) в книге «Даф шубах ат-ташбих» пишет, что Ахмад ибн Ханбаль не был антропоморфистом и что приписывать ему такие взгляды – ложь со стороны тех, кто придерживается ташбиха (уподобления Аллаха творениям). Он призывал: «Ханбалиты, вам оказана большая честь, и вы называете себя последователями одного из великих имамов – имама Ахмада ибн Ханбалия. Поэтому не искажайте его слова и не приписывайте его мазхабу того, чего в ней нет и даже противоречит вероучению имама» [33, с. 60]. Н. Келлер также говорит, что акыда имама Ахмада была основана на тафвиде и отрицании антропоморфизма, а позднейшие фальсификации, например «Китаб ас-Сунна», их подделали антропоморфисты [34]. Стоит заметить, что некоторые

из книг, приписываемых имаму Ахмаду и его сыну Абдуллаху, или же которые были в действительности написаны ими, но подверглись искажениям со стороны антропоморфистов. В частности, книга «Китаб ас-Сунна» содержит выдуманные хадисы с грубыми антропоморфистскими выражениями, например: «Когда Он, Всевышний, сидит на Курси, слышится такой скрип, как будто скрипит новое кожаное седло» (т. 1, с. 301) и «Аллах писал Таурат для Мусы Своей рукой, откидываясь назад на гору из жемчуга» (т. 1, с. 294). Шейх Шуайб аль-Арнаут выяснил, что 50 процентов хадисов в этой книге – слабые или выдуманные [35, с. 62]. Келлер также отмечает, что эта книга была подделана и содержит самые ужасные примеры антропоморфизма [36]. Таким образом, таукиф стал для ахлю-с-Сунна способом сохранять равновесие между текстом и разумом, чтобы избежать как чрезмерного рационализма (мутазилиты), так и антропоморфных искажений (каррамиты, мушабиха). Ашариты, матуридиты и ханбалиты (в их истинном понимании) сходятся в том, что Аллах не является телом, у него нет органов, движением, перемещением и другими физическими характеристиками. Ашаритская школа перечисляет семь основных атрибутов (жизнь, знание, слух, зрение, воля, мощь, речь), в то время как матуридиты добавляют ещё и таквин (способность к сотворению). Однако стоит сказать, что эти атрибуты не означают, что Аллах ограничен этим числом, и некоторые ошибочно либо ложно утверждают обратное. В классических книгах говорится, имена и атрибуты Аллаха не имеют предела, и любое их перечисление не охватывает всего. Этот подход обеспечил суннитам долгое влияние в исламской теологии.

Заключение

В итоге мы видим, что таукиф который объяснили учёные ахлю-с-сунны валь-джама'а стал преградой от чрезмерной опоры на разум, и буквального понимания шариатских текстов, они отвечали на вызовы времени, использовали логику и затрагивали новые возникающие вопросы. Поздние авторы, такие как ан-Насафи и аль-Иджи, прояснили разницу между именами и атрибутами, что сделало учение более гибким. Именно это равновесие и позволило учению надолго сохранить своё влияние в исламской теологии. Понимание таукифа важно не только для истории развития данного термина, но и для современных богословов для современной исламской мысли. В условиях, когда существует множество богословских мнений и появляются придуманные имена Аллаха, опирающиеся на языковые аналогии или умозаключения, строгое следование таукифу позволяет сохранить то, что учёные пытались донести до простых верующих и защитить их от нововведений. Методологические принципы, которые разработали классические учёные а в частно-

сти различие имени и атрибута, правила работы с одиночными хадисами, и иерархия «описание – атрибут – имя», помогают современным богословам оценивать новые богословские идеи и отвечать на вопросы, которые ставит светская философия. Таукиф остаётся не только доктринальной основой, но и работающим принципом, который сохраняет связь поколений суннитской традиции в меняющемся мире. Исламские учёные согласились, что имена и атрибуты допустимо применять к Творцу, если на это есть разрешение от Шариата, и запретили их использование, если есть прямой запрет. Они также согласны, что нельзя применять имена и атрибуты, если в них есть и хорошее, и то, что не подходит Аллаху. В итоге, по трём вопросам здесь все согласны, а разногласие касается одного вопроса: как быть, если в Шариате нет ни разрешения, ни запрета, но имя указывает на абсолютное совершенство, разрешающего или запрещающего использование имени или атрибута, при этом они указывают на абсолютное совершенство.

Литература

1. Абдуллах ибн Ахмад ибн Махмуд Хафиз ад-Дин ан-Насафи. Тафсир ан-Насафи (Мада-рик ат-Танзиль ва хакаик ат-Тавиль). Бейрут: Дар аль-Калим ат-Таййиб, 1998. Т. 3. С. 620. (На араб. яз.)
2. Абу Мухаммад Муваффах ад-Дин Абдуллах ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Кудама. Замм ат-Тавиль. Эль-Кувейт: Дар ас-Салафия, 1406 г.х. С. 23. (На араб. яз.)
3. Абу Абдуллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Усман аз-Захаби. Аль-Арш. Медина: Управление научных исследований Исламского университета, 2003. Т. 2. С. 265. (На араб. яз.)
4. Тадж ад-Дин Абдуль-Ваххаб ибн Таки ад-Дин ас-Субки. Табакат аш-Шафиийя аль-Кубра. Хиджр, 1413 г.х. Т. 3. С. 448. (На араб. яз.)
5. Ахмад ибн Али ибн Хаджар аль-Аскаляни. Фатх аль-Бари шарх Сахих аль-Бухари. Бейрут: Дар аль-Марифа. Т. 11. С. 396. (На араб. яз.)
6. Абу аль-Аун Мухаммад ибн Ахмад ибн Салим ас-Сафарини. Лавами аль-Анвар аль-Бахыйя ва саваик аль-Асрар аль-Асрийя ли шарх ад-Дурра аль-Мудыйя фи акд аль-Фирка аль-Мардийя. Дамаск: Муассасат аль-Хафакайн ва мактабатуха, 1982. Т. 1. С. 124. (На араб. яз.)
7. Аш-Шариф аль-Джурджани. Шарх аль-Мавакиф. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Ильмийя, 2012. Т. 8. С. 566. (На араб. яз.)
8. Аль-Лаккани. Шарх Джаухар ат-Таухид. Каир: Дар ад-Даккак, 2019. С. 232. (На араб. яз.)
9. Мухаммад ибн Мухаммад аль-Газали. Аль-Максад аль-Асна фи шарх маани асма Аллахи аль-Хусна. Кипр: Аль-Джифан ва аль-Джаби, 1987. С. 173. (На араб. яз.)
10. Абдуль-Кахир ибн Тахир аль-Багдади ат-Тамими. Аль-Фарк байн аль-Фирак ва баян аль-Фирка ан-Наджия. Бейрут: Дар аль-Афаки аль-Джадида, 1977. С. 564. (На араб. яз.)
11. Абдуль-Малик ибн Абдуллах аль-Джувайни. Аль-Иршад иля каваик аль-Адилла фи усуль аль-Итикад. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Ильмийя, 1995. С. 61. (На араб. яз.)
12. Аз-Заджадж. Маани аль-Куръан ва Ирабуху. Бейрут: Алам аль-Кутуб, 1988. Т. 2. С. 392. (На араб. яз.)
13. Абу Сулейман Хамд ибн Мухаммад аль-Хаттаби. Шан ад-Дава. Дар ас-Сакафа аль-Арабийя. С. 432. (На араб. яз.)
14. Аль-Хусейн ибн Масуд аль-Багави. Маалим ат-Танзиль фи тафсир аль-Куръан. Бейрут: Дар ихья ат-Турас аль-Араби, 1420 г.х. Т. 2. С. 535. (На араб. яз.)
15. Ахмад ибн Мухаммад ибн Ханбаль. Муснад аль-Имам Ахмад ибн Ханбаль. Муассасат ар-Рисаля, 2001. Т. 7. С. 678. (На араб. яз.)
16. Яхья ибн Шараф ан-Навави. Аль-Минхадж шарх Сахих Муслим ибн аль-Хаджадж. Бейрут: Дар ихья ат-Турас аль-Араби. Т. 17. С. 5. (На араб. яз.)
17. Мухаммад ибн Али ат-Тамими аль-Мазири. Аль-Муаллим би-фаваид Муслим. Ат-Дару ат-Тунисийя, 1991. Т. 3. С. 295. (На араб. яз.)
18. Маевская Л.Б., Ага Х.М. Ахмад ибн Ханбаль (780–855): особенности и принципы вероучения // Исламоведение. 2024. Т. 15, № 4 (62). С. 54–65. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-54-65. (На рус. яз.)
19. Келлер Н. Акыда имама Ахмада // Даруль-Фикр: исламский образовательный портал. 15.11.2017. URL: <https://darulfikr.ru/articles/akyda-imama-ahmada/> (дата обращения: 27.07.2026). (На рус. яз.)
20. Аль-Кунаби. Кто же следует акыде саляф? // Даруль-Фикр: исламский образовательный портал. 07.11.2018. URL: <https://darulfikr.ru/articles/kto-zhe-sleduet-akyde-salja/> (дата обращения: 27.07.2026). (На рус. яз.)

REVELATION OR REASON? HOW SUNNIS GUARDED THE NAMES OF ALLAH

Khautiev I.A.

Bulgarian Islamic Academy, Ingush Polytechnic College named after Yusup Issaevich Arapiev, Sunzhensky Islamic Institute

Tawqif is the principle that forbids inventing names for Allah. Only those names found in the Qur'an, the Hadith, and the consensus of scholars are permissible. In this paper, we explore how this principle was understood in the classical works of the Ash'arī, Māturīdī and Hanbalī schools. Drawing on al-Ash'arī, al-Jurjānī, al-Nasafī, al-Ghazālī and other major figures, we follow the development of the concept, its polemics with the Mu'tazilites, and its resistance to anthropomorphic readings. We emphasise that tawqif is not merely a list of attributes; it demands reverence and an awareness of Allah's majesty. We also point out that Allah's names are not confined to the ninety-nine mentioned in the hadith about entering Paradise. We pay special attention to the methodology used by Ahl al-Sunnah

when accepting names from isolated hadiths (āḥād). We demonstrate how tawqīf, by combining revelation with scholarly consensus, helped to organise the divine names and attributes, while excluding fabricated names and anthropomorphic deviations. We also consider Imam Aḥmad ibn Ḥanbal's position – his tafwīd method and his doctrine of absolute dissimilarity ('aḳīdah-tanzīh) – and show how his legacy was later distorted by anthropomorphists. We conclude that tawqīf remains a functional principle that preserves the continuity of the Sunnī tradition.

Keywords: tawqīf, Ash'arites, Māturīdites, Mu'tazilites, divine names, theological methodology, 'aḳīdah-tanzīh, tafwīd, Aḥmad ibn Ḥanbal.

References

1. Abdullah ibn Ahmad ibn Mahmud Hafiz al-Din al-Nasafi. (1998). Tafsir al-Nasafi (Madarik al-Tanzil wa Haqa'iq al-Ta'wil). Beirut: Dar al-Kalim al-Tayyib Publ. Vol. 3. p. 620. (In Arabic)
2. Abu Muhammad Muwaffaq al-Din Abdullah ibn Ahmad ibn Muhammad ibn Qudamah. (1406 AH). Dhamm al-Ta'wil. Kuwait: Dar al-Salafiyyah Publ.p. 23. (In Arabic)
3. Abu Abdullah Muhammad ibn Ahmad ibn Uthman al-Dhahabi. (2003). Al-'Arsh. Medina: Islamic University Research Administration. Vol. 2. p. 265. (In Arabic)
4. Taj al-Din Abdul-Wahhab ibn Taqi al-Din al-Subki. (1413 AH). Tabaqat al-Shafi'iyyah al-Kubra. Hijr Publ. Vol. 3. p. 448. (In Arabic)
5. Ahmad ibn Ali ibn Hajar al-'Asqalani. (n.d.). Fath al-Bari Sharh Sahih al-Bukhari. Beirut: Dar al-Ma'rifah Publ. Vol. 11. p. 396. (In Arabic)
6. Abu al-'Awn Muhammad ibn Ahmad ibn Salim al-Safarini. (1982). Lawami' al-Anwar al-Bahiyyah wa Sawaiq al-Asrar al-Athariyyah li Sharh al-Durrah al-Mudiyyah fi 'Aqd al-Firqah al-Mardiyyah. Damascus: Mu'assasat al-Khafiqa'ayn wa Maktabatu-hu Publ. Vol. 1. p. 124. (In Arabic)
7. Ash-Sharif al-Jurjani. (2012). Sharh al-Mawaqif. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyyah Publ. Vol. 8. pp. 566. (In Arabic)
8. Al-Laḳani. (2019). Sharh Jawhar al-Tawhid. Cairo: Dar al-Daqqaq Publ.p. 232. (In Arabic)
9. Muhammad ibn Muhammad al-Ghazali. (1987). Al-Maqsad al-Asna fi Sharh Ma'ani Asma' Allah al-Husna. Cyprus: Al-Jifan wa al-Jabi Publ.p. 173. (In Arabic)
10. 'Abd al-Qahir ibn Tahir al-Baghdadi al-Tamimi. (1977). Al-Farq bayn al-Firqah wa Bayan al-Firqah al-Najiyah. Beirut: Dar al-Afaq al-Jadidah Publ.p. 564. (In Arabic)
11. 'Abd al-Malik ibn 'Abdullah al-Juwayni. (1995). Al-Irshad ila Qawa'id al-Adillah fi Usul al-'Itiqad. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyyah Publ.p. 61. (In Arabic)
12. Az-Zajaj. (1988). Ma'ani al-Quran wa l-rabuhu. Beirut: 'Alam al-Kutub Publ. Vol. 2. p. 392. (In Arabic)
13. Abu Sulayman Hamd ibn Muhammad al-Khattabi. (n.d.). Shan al-Du'a'. Dar al-Thaqafah al-'Arabiyyah Publ.p. 432. (In Arabic)
14. Al-Husayn ibn Mas'ud al-Baghawi. (1420 AH). Ma'alim al-Tanzil fi Tafsir al-Quran. Beirut: Dar Ihya al-Turath al-'Arabi Publ. Vol. 2. p. 535. (In Arabic)
15. Ahmad ibn Muhammad ibn Hanbal. (2001). Musnad al-Imam Ahmad ibn Hanbal. Mu'assasat al-Risalah Publ. Vol. 7. p. 678. (In Arabic)
16. Yahya ibn Sharaf al-Nawawi. (n.d.). Al-Minhaj Sharh Sahih Muslim ibn al-Hajjaj. Beirut: Dar Ihya al-Turath al-'Arabi Publ. Vol. 17. p. 5. (In Arabic)
17. Muhammad ibn 'Ali al-Tamimi al-Maziri. (1991). Al-Mu'allim bi-Fawa'id Muslim. Tunis: Al-Dar al-Tunisiyyah Publ. Vol. 3. p. 295. (In Arabic)
18. Maevskaya L.B., Aga Kh.M. (2024). Ahmad ibn Hanbal (780–855): osobennosti i printsipy veroucheniya [Ahmad ibn Hanbal (780–855): Features and principles of the faith]. Islamovedenie. Vol. 15. No. 4 (62). pp. 54–65. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-54-65. (In Russian)
19. Keller N. (2017). Akyda imama Ahmada [Aqida of Imam Ahmad]. Darul-Fikr: islamskii obrazovatelnyi portal. 15.11.2017. URL: <https://darulfikr.ru/articles/akyda-imama-ahmada/> (accessed: 27.07.2026). (In Russian)
20. Al-Kunabi. (2018). Kto zhe sleduet akyde salyaf? [Who follows the aqida of the salaf?]. Darul-Fikr: islamskii obrazovatelnyi portal. 07.11.2018. URL: <https://darulfikr.ru/articles/kto-zhe-sleduet-akyde-saljaf/> (accessed: 27.07.2026). (In Russian)

Управление имиджем как инструмент повышения устойчивости строительной организации в цифровой среде

Агекян Сона Вачагановна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХИГС)
E-mail: Sonaagekyan97@mail.ru

В статье исследуется управление имиджем строительной организации как элемент общей системы корпоративного менеджмента для обеспечения её устойчивости в цифровой среде. Проанализированы существующие подходы к определению устойчивости организации, предложена авторская трактовка этого понятия. Показано, что для основных интерпретаций устойчивости характерна преобладающая ориентация на финансовые, производственные и экономические характеристики. Обосновано понимание устойчивости как свойства системы управления, связанного со способностью организации сохранять управляемость внутренних процессов и поддерживать доверие во взаимодействии с основными группами стейкхолдеров. Раскрыт механизм влияния имиджа на обеспечение устойчивости строительной организации через формирование представлений о надёжности и предсказуемости управленческих решений. Показано, что в цифровой среде имидж-менеджмент выходит за рамки внешней коммуникации и включается в систему корпоративного управления, поскольку общественная оценка всё в большей степени определяется реальными организационными практиками. Сделан вывод о том, что цифровая среда преобразовала механизм имидж-менеджмента, усилив зависимость факторов устойчивости строительной организации от согласованности внутренних управленческих процессов и их восприятия со стороны общества.

Ключевые слова: строительная организация, управление имиджем, устойчивость, цифровая среда, менеджмент, доверие, стейкхолдеры.

Понятие устойчивости занимает заметное место в социологических и экономических исследованиях коммерческих организаций, однако единого подхода к его пониманию до настоящего времени не сформировалось. Изучение имиджа в системе управления современным предприятием требует углубленных методологических и методических разработок, основанных на комплексном междисциплинарном подходе, позволяющем диагностику имиджа в системе социальных взаимодействий. Очевидно, что имидж стал неотъемлемым атрибутом организационной деятельности и оказывает активное, порой определяющее, воздействие на общественное мнение.

В экономической литературе устойчивость обычно связывается со способностью предприятия сохранять финансовое равновесие, то есть ее платежеспособность и эффективность хозяйственной деятельности [4, с. 23].

В исследованиях по стратегическому менеджменту акцент обычно смещается в сторону оценки адаптационного потенциала организации, позволяющего ей поддерживать функционирование при изменении рыночной конъюнктуры и характера конкуренции [6, с. 222].

Работы по организационному управлению рассматривают устойчивость через сохранение управляемости внутренних процессов, а также способности организации достигать поставленных целей в общем контексте возрастающей неопределённости на рынке [3, с. 28].

Различие подходов обусловлено не столько противоречиями в интерпретации между ними, сколько различием исследовательских задач. Финансовая устойчивость характеризует состояние экономической (хозяйственной) системы, производственная – непрерывность реализации основных процессов, организационная – способность сохранять внутреннюю согласованность решений в сфере менеджмента.

Каждая из этих характеристик позволяет выявить отдельные аспекты функционирования предприятия. Попытки редуцировать устойчивость исключительно к совокупности количественных показателей неизбежно оставляют за пределами анализа социальные механизмы сохранения ее возможность взаимодействовать с внешним окружением.

Для строительной отрасли ограничения в существующих подходах проявляются наиболее

явственно. Реализация строительных проектов предполагает продолжительное взаимодействие большого числа участников с различными интересами. Заказчики, подрядчики, инвесторы, органы публичной власти, финансовые организации и местные сообщества принимают решения, ориентируясь не только на формальные характеристики проекта, но и на сложившиеся представления о надёжности застройщика, в том числе качестве ранее выполненных работ, соблюдении обязательств и характере делового поведения. Современный строительный рынок перенасыщен, в связи с чем руководители строительных компаний находятся в условиях острой борьбы за внимание каждого потребителя. Умело разработанный и последовательно внедряемый в сознание целевой аудитории положительный имидж, подкрепленный качеством продукции и соответствующим уровнем сервиса, помогает предприятию строительной отрасли занять ведущее место на рынке.

В результате устойчивость строительной организации определяется не исключительно её ресурсным состоянием. Существенное значение приобретает сохранение доверия между участниками инвестиционно-строительного процесса как факторе снижения неопределённости взаимодействия в будущем.

Устойчивость строительной организации представляет собой интегральную характеристику системы управления. Она отражает её способность сохранять управляемость организационных процессов, поддерживать доверительные отношения с заинтересованными сторонами и обеспечивать достижение стратегических целей независимо от изменения рыночных условий [1; 8].

Цифровизация изменила условия формирования подобных представлений. Если ранее основными источниками информации выступали официальные сообщения организации и профессиональные средства массовой информации, то сегодня оценка деятельности компании складывается одновременно в цифровых медиа – то есть специализированных сервисах, социальных сетях и на интернет-площадках строительной тематики.

Количество субъектов формирования общественного восприятия многократно возросло, а скорость распространения информации практически исключила возможность её последовательного централизованного контроля. При этом объектом публичного обсуждения становятся не только результаты деятельности организации, но и отдельные управленческие решения в сфере практики взаимодействия с контрагентами, кадровая политика, соблюдение сроков строительства, реакция на конфликтные ситуации [5, с. 37].

Меняющаяся конъюнктура информационной среды приводит к изменению самого содержания организационной устойчивости. Сохранение способности реализовывать строительные проекты

оказывается связано с тем, каким образом управленческие решения воспринимаются различными группами стейкхолдеров и насколько возникающие представления поддерживают готовность к дальнейшему сотрудничеству.

По этой причине устойчивость строительной организации целесообразно рассматривать как характеристику системы управления, выражающую её способность воспроизводить доверительные отношения с основными участниками строительной деятельности, сохраняя управляемость организационных процессов несмотря на изменение внешней информационно-коммуникационной среды.

Предлагаемая автором интерпретация меняет и общее представление о имидже – он перестаёт восприниматься как самостоятельный результат коммуникационной активности и включается в число факторов устойчивости управленческой системы.

Рассмотрение устойчивости строительной организации через призму управленческих процессов неизбежно приводит к вопросу о средствах её обеспечения. Если способность организации сохранять функционирование определяется не только объемом ресурсов, но и характером взаимодействия с внешней средой окружением, то решения в сфере менеджмента начинают оцениваться не исключительно по непосредственным экономическим показателям. Не меньшую ценность приобретает их восприятие участниками инвестиционно-строительной деятельности. Именно в этой области формируется связь между управлением имиджем и устойчивостью организации.

В научной литературе имидж чаще рассматривается как результат коммуникационной деятельности либо как инструмент продвижения организации на рынке [9, с. 65]. Такая трактовка этого понятия сложилась в период, когда корпоративные коммуникации в значительной степени контролировались самой организацией, а основными каналами распространения информации выступали средства массовой информации, рекламные материалы и официальные публичные сообщения. По существу, здесь управление имиджем сводится к конструированию желаемого образа компании посредством использования соответствующих технологий коммуникации.

Отметим недостаточность применительно к строительной отрасли. Решение о начале сотрудничества с застройщиком редко принимается исключительно под воздействием сторонней информации. Значительно больший вес имеют: опыт предыдущего взаимодействия, исполнение договорных обязательств, соблюдение сроков строительства, готовность организации реагировать на конфликтные ситуации, прозрачность принятия решений менеджментом организации. Каждый подобный эпизод постепенно включается в коллек-

тивные представления различных групп стейкхолдеров. В дальнейшем именно они становятся основанием для оценки надежности организации.

Руководство любой организации сегодня воздействует не на сам имидж как совокупность общественных представлений, а на процессы формирования и эволюции этих представлений. Имидж выступает производной от управленческой деятельности. Его содержание определяется тем, насколько последовательно организация реализует принятые управленческие решения, поддерживает единые стандарты взаимодействия с заинтересованными сторонами и обеспечивает согласованность действий различных структурных подразделений [2; 7].

Любые расхождения между декларируемыми принципами и реальной практикой хозяйственной деятельности достаточно быстро становятся известны участникам строительного рынка и постепенно изменяют сложившееся восприятие организации.

Отсюда следует, что управление имиджем включается в систему принятия управленческих решений и выступает способом координации внутренних процессов организации. Репутационные характеристики формируются как результат качества управления значительно чаще, чем как результат специально организованных коммуникационных кампаний. Такая зависимость приобретает особое значение для строительных организаций, рассчитывающих на длительный временной горизонт, и предполагает повторное взаимодействие с большим количеством участников инвестиционного процесса.

Интеграция имидж-менеджмента в систему обеспечения устойчивости требует переоценки критерии оценки его эффективности. Если коммуникационный подход ориентирован преимущественно на показатели узнаваемости, информационного охвата или общественной оценки, то управленческий подход предполагает анализ способности имиджа снижать неопределённость поведения контрагентов, поддерживать доверие между участниками строительной деятельности и уменьшать вероятность возникновения организационных рисков [10, с. 33].

При такой постановке вопроса имидж становится не обособленным ресурсом организации, а механизмом преобразования результатов управленческой деятельности в долгосрочное доверие со стороны заинтересованных групп. Общественное доверие создаёт предпосылки для сохранения устойчивости организации при изменении условий её функционирования.

Изменение информационно-коммуникационной среды затронуло не столько способы тиражирования сведений о строительной организации, сколько механизм формирования представлений о результатах её деятельности в обществе. Если ра-

нее корпоративные коммуникации выстраивались преимущественно вокруг официальных каналов передачи информации, то цифровая среда существенно расширила круг участников восприятия образа организации.

Источниками оценки становятся профессиональные сообщества, заказчики, подрядные организации, сотрудники, участники долевого строительства, специализированные интернет-платформы и иные субъекты. Содержание этих публикаций не находится под непосредственным управленческим контролем компании.

Перераспределение информационных потоков изменяет само содержание управленческой деятельности. Значение приобретают не столько подготовка медийных сообщений или корректировка визуальных элементов корпоративного образа, сколько согласованность внутренних процессов менеджмента организации. Практика исполнения договорных обязательств, характер взаимодействия с контрагентами, оперативность разрешения конфликтных ситуаций, соблюдение принятых стандартов корпоративного поведения – все этих характеристики управления доступны для публичной оценки практически сразу. Каждое управленческое решение получает информационное освещение за пределами организации.

Вследствие этого сокращается временной интервал между возникновением управленческого решения и его общественной интерпретацией. Для строительной отрасли стоит отметить, что реализация строительных проектов охватывает продолжительный период, в течение которого организация многократно взаимодействует с различными категориями участников рынка. Любое отклонение от заявленных обязательств способно стать предметом публичного обсуждения ещё до завершения проекта, оказывая влияние на готовность потенциальных партнёров вступать в новые договорные отношения. Исправление последствий подобных ситуаций требует значительно больших организационных усилий, чем предупреждение их возникновения.

Изменяются и возможности управленческого контроля. Традиционная модель исходила из предположения, что организация способна самостоятельно определять содержание публичной коммуникации и последовательность распространения информации. Цифровая среда существенно ограничивает подобный подход. Попытки компенсировать возникающие репутационные риски исключительно посредством информационной активности оказываются недостаточными, поскольку содержание общественных представлений определяется значительно более широким кругом факторов. В центре внимания оказывается соответствие публичных заявлений фактической практике управления.

По этой причине управление имиджем постепенно интегрируется в систему внутреннего управления организацией. Коммуникационная деятельность сохраняет своё значение, однако её эффективность всё в большей степени зависит от качества принимаемых управленческих решений. Если организационная практика противоречит декларируемым принципам деятельности компании, информационное сопровождение не устраняет возникающие противоречия и нередко усугубляет их восприятие обществом. Напротив, последовательность управленческих действий формирует основу для устойчивых положительных представлений, которые впоследствии получают распространение в цифровом пространстве без дополнительного стимулирования со стороны организации.

Предлагаемая интерпретация управления имиджем позволяет рассматривать цифровую среду не как совокупность новых каналов коммуникации, а как фактор изменения характера взаимосвязи между управленческими решениями и их восприятием со стороны общества. Имидж строительной организации перестаёт быть относительно автономным результатом политики коммуникации с обществом.

Имидж всё в большей степени определяется качеством функционирования системы управления, тогда как цифровая среда лишь ускоряет распространение информации о её состоянии и результатах деятельности. Именно в этом проявляется трансформация управленческого потенциала имиджа: его воздействие на устойчивость организации реализуется через повышение требований к согласованности внутренних процессов и прозрачности принимаемых решений при сохранении доверительных отношений с основными группами стейкхолдеров.

Проведённый анализ позволяет рассматривать управление имиджем строительной организации в более широких границах, чем это принято в исследованиях о корпоративных коммуникациях. Имидж является результатом функционирования системы менеджмента и отражает характер взаимодействия организации с основными группами стейкхолдеров. Он оказывает влияние на уровень доверия и предсказуемость дальнейшего сотрудничества. Цифровизация усилила корреляцию общественного восприятия организации и качества принимаемых управленческих решений, существенно сократив временной интервал между их реализацией и оценкой со стороны общества. В этих условиях имидж-менеджмент приобретает значение элемента общей системы обеспечения устойчивости строительной организации. Результативное управление предполагает не столько информационное сопровождение её деятельности, сколько на воспроизводство доверительных отношений, способность организации сохранять

управляемость, продолжать эффективное взаимодействие с участниками строительного рынка.

Литература

1. Антонова А.А., Севастьянова О.В. Имидж организации как объект управления // *Лидерство и менеджмент*. 2024. Т. 11. № 3. С. 1199–1214.
2. Буряк Н.Ю. Корпоративные коммуникации и их влияние на формирование имиджа организации // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2024. № 1 (51). С. 72–75.
3. Загородний Д.В., Терещенко С.В. Имидж организации как фактор устойчивого развития // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. Т. 1. № 1 (142). С. 26–34.
4. Салихова Ж.Т., Нажмутдинова С.А. Важность имиджа организации как фактор устойчивого развития // *Журнал прикладных исследований*. 2024. № 8. С. 22–27.
5. Скрипниченко Л.С. Имидж организации как элемент организационной культуры // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. Т. 12. № 5. С. 36–39.
6. Тимонина А.А., Медведева О.С. Формирование и улучшение имиджа коммерческой организации // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 9 (91). С. 220–224.
7. Туралина Н.А., Заманова И.Ф., Малышева М.С. Фирменный стиль как инструмент формирования имиджа современной организации // *Культура: управление, экономика, право*. 2022. № 3. С. 36–40.
8. Чикова Т.А., Елсукова Ю.Ю. Роль имиджа в современной организации // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023. № 7 (101). С. 218–221.
9. Юсубов Р.Л. Имидж строительной организации как предмет научного анализа // *Практический маркетинг*. 2025. № 3 (333). С. 64–68.
10. Юсубов Р.Л. Оценка имиджа как элемента маркетинговой стратегии строительной организации // *Практический маркетинг*. 2025. № 10 (340). С. 32–40.

IMAGE MANAGEMENT AS A TOOL FOR INCREASING THE SUSTAINABILITY OF A CONSTRUCTION ORGANIZATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Agekyan S.V.

Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article explores the management of a construction organization's image as an element of the overall corporate management system to ensure its sustainability in the digital environment. The existing approaches to defining the sustainability of an organization are analyzed, and the author's understanding of this concept is proposed. It is shown that the main interpretations of sustainability are characterized by a predominant focus on financial, production, and economic characteristics. The understanding of sustainability as a property of the management system related to the organization's ability to maintain control over internal processes and maintain trust in its interactions with key stakeholder groups is substantiated. The mechanism of the image's influence on ensuring the sustainability

of a construction organization is revealed through the formation of perceptions of the reliability and predictability of management decisions. It is demonstrated that in the digital environment, image management goes beyond external communication and becomes an integral part of the corporate management system, as public perception is increasingly influenced by real organizational practices. The article concludes that the digital environment has transformed the mechanism of image management, increasing the dependence of the sustainability factors of a construction organization on the consistency of internal management processes and their perception by society.

Keywords: construction organization, image management, sustainability, digital environment, management, trust, stakeholders.

References

1. Antonova A.A., Sevastyanova O.V. The Image of an Organization as an Object of Management // *Leadership and Management*. 2024. Vol. 11. No. 3. Pp. 1199–1214.
2. Buryak N. Yu. Corporate Communications and Their Influence on the Formation of an Organization's Image // *Natural and Humanitarian Research*. 2024. No. 1 (51). Pp. 72–75.
3. Zagorodniy D.V., Tereshchenko S.V. The Image of an Organization as a Factor of Sustainable Development // *Economics and Management: Problems and Solutions*. 2024. Vol. 1. No. 1 (142). Pp. 26–34.
4. Salikhova Zh.T., Nazhmudinova S.A. The Importance of an Organization's Image as a Factor of Sustainable Development // *Journal of Applied Research*. 2024. No. 8. Pp. 22–27.
5. Skripnichenko L.S. The Image of an Organization as an Element of Organizational Culture // *Human Resources and Intellectual Capital Management in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 5. Pp. 36–39.
6. Timonina A.A., Medvedeva O.S. Formation and Improvement of the Image of a Commercial Organization // *Economics and Business: Theory and Practice*. 2022. No. 9 (91). Pp. 220–224.
7. Turanina N.A., Zamanova I.F., Malysheva M.S. Corporate Identity as a Tool for Forming the Image of a Modern Organization // *Culture: Management, Economics, Law*. 2022. No. 3. Pp. 36–40.
8. Chikova T.A., Yelsukova Yu.Yu. The Role of Image in a Modern Organization // *Economics and Business: Theory and Practice*. 2023. No. 7 (101). Pp. 218–221.
9. Yusubov R.L. The Image of a Construction Organization as a Subject of Scientific Analysis // *Practical Marketing*. 2025. No. 3 (333). Pp. 64–68.
10. Yusubov R.L. Image assessment as an element of the marketing strategy of a construction organization // *Practical marketing*. 2025. № 10 (340). pp. 32–40.

Философия целостности и социологические аспекты управления

Игумнов Олег Александрович,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

В статье представлен авторский подход к анализу проблем управления с позиций философского содержания понятия «целостность». Актуальность проблематики обусловлено изменением представлений об управлении в современных условиях на основе философского переосмысления его базовых концептов и сущностного подхода к целостности как основе их интерпретации. Автором выделены наиболее значимые аспекты проблемы взаимосвязи целостности и управления. В частности, представлены результаты анализа по линии «целое—часть» и «часть—часть», содержащие авторскую позицию в интерпретации социологических аспектов управления, определяемых феноменом целостности. Сделан вывод о научной перспективности исследований социологических аспектов управления в контексте концепции целостности как фактора его эффективности и результативности.

Ключевые слова: целостность, целое, часть, управление, цель, суммативность, система, организация, социальный капитал, социальная солидарность, управленческая волатильность.

Понятие целостности, как показал анализ, не представлено в исследовании проблем управления достаточно широко в той мере, в какой оно могло бы быть осмыслено как значимый фактор процессов управления. Тем более что понятия «организация», «управление», «иерархичность», «устойчивость», «система», активно используемые в исследованиях по проблемам управления, имманентно предполагают целостность в качестве базовой характеристики их интерпретации.

Современный этап осмысления управленческой практики характеризуется, на наш взгляд, существенными изменениями логики и структуры научных представлений о целостности в контексте изменений подходов к пониманию организации как системы, управления как обмена информацией и принципов теории управления в условиях неопределённости и нелинейности как внешней, так и внутренней среды организации.

Вопрос о взаимоотношении философских категорий «целое—часть» и понятий теории управления не сводится только к выяснению их места в современной системе научного знания или определению степени их взаимного влияния. Проблема, по нашему мнению, должна рассматриваться в более широком смысле, в частности, выявление характера и специфической функции философских понятий в теории управления, «о влиянии кибернетического стиля мышления на постановку традиционной философской проблемы целостности» [1, с. 6].

Целостность как философское понятие, в отличие от частнонаучных понятий, выполняет методологическую функцию на основе обобщённых представлений о природе мира и взаимосвязях объектов. Методологическая роль понятий «целое» и «часть» определяется выдвижением положений о структуре объектов, формы зависимости между целым и частями, которые могут быть поняты либо как суммативный феномен, либо как интегративный результат, то есть не выводимый из свойств отдельных частей и их суммы. Очевидно, что от того или иного подхода к пониманию соотношения целостного и элементного зависит, в конечном счёте, направление исследования проблемы в рамках теоретического знания о строении сложных объектов.

Понятия «целое», «часть» и «целостность» являются наиболее древними, используемыми при изучении строения материальных (и не только) объектов в силу аналитико-синтетической природы познания, предполагающей выделение у ис-

следуемого объекта его частей с последующим восстановлением из взаимосвязи посредством синтеза. Иными словами, процесс познания немислим вне понятий «целое» и «часть».

Первым, кто показал несводимость целого к простой сумме частей, и подметил связь целого и сущности, был Аристотель [2, с. 103], утверждавший, что «целое есть нечто помимо частей» [2, с. 231]. До середины XVIII века длился непростой в теоретическом отношении период представления целостности как суммативного феномена, порождаемого на основе сопоставления живых организмов с машинами и выражения специфики на языке классической механики.

Согласимся с позицией, утверждающей что ««абсолютизм» классической механики был тесно связан с особенностями материализма того времени – его метафизичностью», что выражалось, в частности, в абсолютизации постулатов одной науки и их экстраполяции на любые отрасли знания» [1, с.13]. Подобный абсолютизм сформировал методологический фон исследования любых сложных объектов, обуславливая представления о суммативном характере целого как исходной предпосылке любого научного исследования.

С середины XVIII столетия постановка вопроса о природе целостности меняет сущностный характер, поскольку становится понятным, что целое не может быть сведено к частям в рамках принципов классической механики, которые не позволяют обеспечить адекватную интерпретацию результатов анализа социальных структур и процессов.

Процесс диалектизации основных идей концепции целостности начался в XIX веке на основе идеи об имманентности свойств целого и внутренних законах, управляющих поведением частей. Преодоление суммативности в понимании целостности и метафизического противопоставления целого и частей заключалось в углублении понимания диалектической связи целостного и элементного. Так, по мнению И. Канта, целое каким-то образом связано с сущностью, обуславливает части и поэтому не может быть определено как внешнее единство частей, то есть как сумма.

И только Г. Гегель определил отношение «целое – часть» как существенное, показав, что выделение частей связано с развитием сущности объекта. В понимании Г. Гегеля, истинное «целое выступает прежде частей», обуславливает и способ существования, и способ их деятельности, и поэтому является не их суммой, а внутренним единством. Таким образом, отношение «целое – часть» выступает как диалектическое [5, с. 615–616]. Суть диалектического понимания целостности выражена в положении, постулирующем, что целостность объекта – это интегральный, то есть возникший вследствие взаимодействия и взаимообусловленности элементов, их продукт, результат.

Классический образец анализа источников формирования целостных характеристик объекта представлен в «Капитале» К. Маркса, который описывает возникновение капитала на основе процесса разложения и распада прежнего способа общественного производства. После складывания капиталистической системы она сама определяет все происходящие в ней процессы, а многообразие её функциональных частей обусловлено законом развития, присущим целому. На основе глубокого анализа К. Маркс резюмирует, что «сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и её развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него ещё недостающие ей органы... Становление системы такой целостностью образует момент её, системы, процесса, её развития» [9, с. 229].

Специфика отношения «целое – часть» как имеющего всеобщий характер состоит в том, что целое является исходным пунктом теоретического анализа. При этом целостная система является одновременно и предпосылкой, и результатом самой себя. В этом аспекте понимание целостности существенно отличается от структурно-функционального подхода, ориентированного на понимание того, как целое объясняет часть. «Марксизм же, наоборот, в первую очередь анализирует и объясняет происхождение, природу и развитие целостной социальной системы и её социальной структуры в целом, а затем применяет полученное таким образом понимание целого как необходимую основу для анализа и понимания её частей» [15, с. 321]. Таким образом, целостные характеристики выступают как «идеальная схема», которая порождает функциональную целесообразность частей.

Указанная схема имеет весьма условный характер, поскольку в ней представлен лишь один аспект – зависимость частей от целого. При этом ещё Ф. Бэкон отмечал, что «никто не отыщет природу вещи в самой вещи. Изыскание должно быть расширено до более общего».

Более того, поскольку на практике целостное и элементное существуют неразрывно, постольку данную обусловленность будет некорректно представлять как последовательную причинную обусловленность по принципу отношения первичного и вторичного, основного и производного, иными словами целостность диалектически консистентна, что определяет когерентность целого и его конституэнтов. Указанные отношения могут быть результативно в теоретическом и практическом аспектах интерпретированы в терминах «управление», «цель» и «целенаправленность».

Полагаем, что указанными выше обстоятельствами и обусловлено повышение интереса к проблеме целостности как релевантной проблемам устойчивости и результативности управления ор-

ганизациями как сложными социальными системами. Прежде всего, речь идёт о постановке целей организации как целостного феномена, то есть о процессе, в котором целое выполняет детерминирующую роль. Достижение любой цели осуществляется на основе управления как упорядочивающей и регулирующей деятельности, что подчёркивает особую значимость процессов управления в исследовании целостности в широком смысле на основе методологического анализа.

Отметим, что диалектически не только понимание целостности организации как объекта управления придаёт управлению осмысленность и обеспечивает результативность, но и управление выступает фактором более глубокого понимания интегративных свойств целого. В данном аспекте процессы управления связаны с существенными параметрами организации как целостной системы, на основе которых формируется поведение системы, направленное на достижение цели. Управление органически связано с целью системы, что отражает содержание понятия управления, которое в качестве ключевого включает направленность на достижение определённого результата.

В рамках проблемного поля нашей статьи мы обратимся к аспектам целостности, которые, по нашему мнению, имеют практическое значение для повышения эффективности управления организациями. Очевидно, что управление организацией как целостностью предполагает её понимание и с позиций понимания её составляющих, и с точки зрения взаимосвязи между ними, что важно для понимания внутренних механизмов, управляющих движением (развитием) целостной системы. Объективные характеристики организации не могут быть получены, если не исследованы внутренние элементы.

Из значительного многообразия понимания целостности для анализа проблемы целостности в управлении нами выделен ряд аспектов, в частности, управление с учётом понимания связи «целое—часть» и управление на основе понимания связи «часть—часть». Основанием для выбора указанных связей явился опыт работы автора статьи в бизнес-структурах, анализ практик которых обозначил указанные аспекты.

Понимание связи «целое—часть» в управлении имеет высокую значимость, поскольку, как показывает наш опыт, значительная часть менеджеров разных уровней не в полной мере обладают представлением об организации как целостности. Управленческий процесс в этом случае осуществляется в рамках «тоннельного» мышления¹

¹ Тоннельное мышление – образ мышления, при котором человек замечает и признаёт только то, что соответствует его убеждениям и взглядам на мир. Он игнорирует или обесценивает информацию, которая не вписывается в привычную для него картину, осуждая мнения, мысли, поступки и самих людей, если те ему непонятны или не укладываются в его систему ценностей.

и «локальности» действий², не увязывая управленческие решения и действия по их реализации в общую картину результатов управления. Управление подобного типа имеет характер инстантности, то есть моментальности, непосредственности происходящего; это управление по принципу «здесь и сейчас», направленное на достижение результата конкретным элементом системы (структурным подразделением организации) безотносительно к стратегическим целям организации, а иногда и противореча этим целям.

Утрата понимания (или ощущения) целостности (организации) в сочетании с несформированным умением «увязывать» цели и задачи компонента (структурного подразделения) формирует тип управления, который мы определяем как *управленческую волатильность*, то есть изменение содержания и методов управленческой деятельности в течение определённого периода, характеризующееся состояниями:

а) *высокой волатильности* (резкие подъёмы и спады активности менеджера, иногда пустой, имитирующей реальную деятельность, когда решения принимаются в рамках концепции дромократии (власти скорости), предложенной французским исследователем П. Вирильо, и сводящейся к превалированию «сейчас» над «здесь»;

б) *низкой волатильности* (незначительные по масштабу, уровню содержательности управленческие действия, сниженная управленческая активность вплоть до стагнации).

Оба состояния негативно сказываются на функционировании организации: высокая волатильность подрывает устойчивость и нарушает темпоритм, низкая – дезорганизует работу, вызывая паралич управления, а общим результатом сочетания указанных состояний выступает выявленное нами в процессе анализа практики управления в режиме «мутной воды» – отсутствие единой команды, внятной стратегии «проекта будущего», приводящее к борьбе за властные ресурсы при отсутствии готовности брать ответственность на себя и утрате чувства социальной ответственности. Персонал в этом случае становится совокупностью исполнителей со сниженным уровнем субъектности, что даёт основание для характеристики управленческой ситуации, в которой «тимур забирают о своих командах»...

Внешне управленческая волатильность проявляется не всегда явно, и определяется, как правило, в процессе организационной диагностики, либо в процессе оценки управленческого персонала. Одной из причин данного явления является не только недостаточный уровень профессионализма менеджеров, но и управленческая позиция топ-менеджмента (либо собственника бизнеса),

² Локальность действий – управленческие действия, осуществляемые в рамках структурного подразделения без учёта целей и интересов организации, не увязанные с её стратегией.

который не обращает внимание всех менеджеров на необходимость держать в зоне постоянного внимания глобальные (стратегические) цели организации для их достижения посредством пошаговой реализации тактических и операционных целей.

С точки зрения социологических аспектов управления подобная практика будет повышать как результативность управления, так и способствовать формированию вдумчивого стиля управления, основанного: а) на понимании целей и задач структурного подразделения в увязке с целями и задачами организации, б) анализе конкретной управленческой ситуации, взаимосвязей факторов внешней и внутренней среды. Кроме того, отказ от управленческой волатильности будет формировать организационную среду, характеризующуюся уверенностью и оптимизмом, основанных на прозрачности целей, задач и действий, понятных всем исполнителям. Волатильность сменится системностью управления, а частные цели и задачи будут рассматриваться как этапы достижения организационных целей и реализации её стратегии.

Не менее важным нам представляется и изменение характера отношений между субъектами управления, которые из состояния непредсказуемости (продуцируемой управленческой волатильностью) трансформируются в отношения партнёрства, в рамках которых усилия каждого работника интегрируются в общий результат, то есть обретают характер целостно-ориентированных. Это усиливает ощущение общности в рамках целостности-организации и создаёт условия для формирования идентичности организации и социальной солидарности на основе общего дела и общих целей в рамках организации как целостности. Параллельным эффектом выступает и повышение уровня резилиентности¹ каждого работника и коллектива в целом и, что также формирует и высокий уровень адаптивности всей организации, выступающей в качестве интегративного результата.

В понимании социальной солидарности мы опираемся на подход А.А. Богданова, определившего данный феномен как «объединение разнообразного, а не простое разнообразие», при котором формируется гармония как состояние «примирение противоречий, а не простое их отсутствие» [17]. Образно данное состояние выразил Г. Кантор: «множество есть многое, мыслимое как единое» [14].

Как показывают наши исследования, указанное обстоятельство фрустрирует формирование и развитие относительно нового и недостаточно описанного эффекта – трудового нигилизма, который характеризует отношение к работе как к повинности, которую надо «отбыть», но в неё не обя-

зательно «вкладываться», и это не саботаж, а рациональное безразличие, которое может привести к формированию ещё более глубокого и тревожного явления – внутреннего отказа от работы, при котором профессиональная деятельность вызывает резко негативное отношение вплоть до полного неприятия. Характерные черты трудового нигилизма проявляются в социально-профессиональной пассивности (внешне прилично, внутри – пустота) и практичности, заключающейся в отрицании норм не ради протеста, а ради личной выгоды. При масштабировании подобного состояния в организации может сложиться неблагоприятный социально-психологический климат и атмосфера уныния, что негативно отразится и на её результативности.

С позиции социологии управления социальная солидарность может рассматриваться как фактор организационной среды, предполагающий формирование социально-партнёрских отношений, поскольку оба концепта на практике когерентны, при этом вполне корректно, по нашему мнению, рассматривать их рядоположенно. В данном случае оба концепта описывают социальные основы поддержания целостности организации и устойчивости её функционирования и социального развития. В общем смысле устойчивость социально-го развития и социальная солидарность находятся во взаимосвязи, когда один из факторов является *alter ego* другого.

Социальное партнёрство в качестве механизма социально-трудовых отношений сложилось в XX веке, хотя ещё в XIX веке термин «партнёрство» использовал английский экономист Дж.С. Милль, отмечавший, что «отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытесняться отношениями партнёрства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдёт объединение рабочих с капиталистами, в других <...> объединение рабочих между собой» [10, с. 100].

Понятие «социальное партнёрство» мы, опираясь на подход М.А. Будановой и В.И. Гостениной, трактуем как форму взаимодействия между партнёрами социально-трудовых отношений и «консенсусный тип взаимодействия в системе, которая включает в себя субъекты, объекты, обладающие разным статусом, но выступающие в качестве равноправных, самостоятельных субъектов, согласовывающих свои действия на основе взаимного учёта интересов и потребностей», а также «социальные отношения между ними, приобретающие институциональную форму и механизм реализации достигнутого компромисса в виде соглашений и договоров» [4, с. 6, 8].

Не менее важным нам представляется и эффект снижения инсургентности² персонала, ощущающего себя частью большой целостности-ор-

¹ Резилиентность – способность преодолевать стрессы, адаптироваться; умение быть стойким.

² Инсургентность (лат. *insurgens* – восстающий) – форма протестного поведения.

ганизации, поскольку в условиях социальной солидарности и развитого социального партнёрства исчезают социальные факторы конфликтности, а восприятие организационной жизни как общего дела и части собственной жизни каждого работника формирует идентичность организации и ощущение себя как части целого. Иными словами, у субъектов управления (менеджеров и персонала) отсутствуют основания для любых форм деструктивного конфликтного поведения.

В организации в подобной ситуации складывается культура согласия, сама организация трансформируется в систему «регуляции организационного человеческого поведения, в которой источником воздействия на поведение выступает культура» [16, с. 173], а власть одних субъектов над другими становится «управляемой кодом коммуникацией» [8, с. 23]. При этом обе стороны находятся в позиции «выигрыш–выигрыш», что способствует повышению общей результативности организации, ибо «при согласии малое растёт, при несогласии величайшее разрушается» (Саллюстий).

Другим аспектом нашего анализа выступает связка «часть–часть», которую мы рассматриваем с позиций: а) формирования горизонтальных связей, б) осуществления координации и в) обеспечения устойчивости развития организации. По нашему мнению, указанные позиции представляются весьма проблемными в российских организациях. Анализ указанных позиций основан на важном положении теории целостности, постулирующем, что целое – не просто совокупность частей, а совокупность отношений между частями, что повышает значимость исследования структуры. С позиции предметного поля социологии управления это означает, что в качестве значимых «частей» организации выступают субъекты управления, а исследование форм взаимодействия между ними позволяет раскрыть механизмы функционирования целого, то есть организации. Речь идёт, прежде всего, о горизонтальных отношениях, получающих приоритет по отношению к вертикальным (иерархическим) отношениям.

Процесс перехода от вертикальных связей (управление) к горизонтальным связям (автономность либо самоуправление) способствует развитию горизонтальных коммуникаций как социального ресурса, обеспечивая функцию интеграции организации и сотрудников во взаимосвязанное целое, предполагающую, «высокую синхронизацию действий подразделений обеспечивает развитие субъектности индивидов, способных свободно включаться в процесс действия и реагировать на возникающие проблемы» [12, с. 132].

Таким образом создаются условия для формирования самоуправляемой организации синергетического типа, поскольку процесс формирования самоуправляемой структуры осуществляется на основе парадигмы централизованного и де-

централизованного управления и кооперативных механизмов синтеза новых организационных структур, прежде всего, горизонтальной интеграции, способствующей не только объединению, но и взаимной адаптации, и совместной эволюции партнёров.

В контексте нашей статьи горизонтальные связи имеют ключевое значение для «формирования генерализованного доверия и отношений кооперации, что формирует основу для формирования социального капитала организации» [7, с. 154], основу которого составляет реляционный компонент, формирующийся, прежде всего, на горизонтальном уровне взаимодействия.

Вместе с тем данные наших исследований дают основания для вывода о том, что «для российских предприятий в целом характерна модель социального капитала, тяготеющая к формированию локальных сетей социальных связей и отношений аффилиации во многом в ущерб эффективным горизонтальным и вертикальным связям за пределами «ближнего круга». Такие результаты согласуются с особенностями национальной деловой культуры, ориентированной на высокую дистанцию власти, приоритет ингруппового, а не институционального коллективизма...» [7, с. 172].

Развитие связей подобного типа составляет управленческую проблему для российских организаций в связи с преимущественной ориентацией на аффилиационные связи внутри небольших коллективов, формирующих круг непосредственного общения работников. Вместе с тем реализация организационной компетенции вряд ли возможна без горизонтальных связей («слабые» связи в подходе М. Грановеттера), обусловливаемых в значительной мере взаимозависимостью работников в профессиональной деятельности.

Опыт работы автора статьи в бизнес-структурах показывает, что в подобных ситуациях «чрезмерная формализация со сложной системой согласования действий на уровне горизонтальных связей, продиктованная желанием субъектов управления поддерживать горизонтальное взаимодействие, на практике имеет, как правило, обратный эффект» [6, с. 80]: взаимодействие не складывается в виду его «навязанности» структурным подразделениям либо в связи с недостаточными представлениями субъектов о его целях, формах и результатах.

Очевидно, что для укрепления горизонтальных связей, развития взаимодействия с коллегами и работниками других структурных подразделений необходимы инвестиции в создание условий для подобного взаимодействия, поощрение практики формирования управленческих команд и развитие сетевого, прежде всего горизонтального взаимодействия (в том числе и неформального), включение работников в процессы генерации и трансфера организационных знаний и поддер-

жание доверительных отношений между субъектами управления.

Подобные инвестиции изменяют природу отношений работников и самих работников, формируя социальные нормы, регулирующие процесс согласования в рамках сложившихся в организации культурных образцов (паттернов), что обуславливает возникновение устойчивых, институционализированных моделей взаимодействия субъектов, имеющих разный социальный статус. Внутренние изменения работников и характера отношений между ними качественно позитивно изменяет и характер самой организации, а также укрепляет связность организации как целого.

Координация, по нашему мнению, одна из проблемных для российских организаций функция, что объясняется как раз недооценкой горизонтальных связей не только на уровне исполнителей, но и на уровне руководителей одного уровня управления. Вместе с тем координация выступает как центральная функция процесса управления, обеспечивающая, во-первых, его бесперебойность и непрерывность и, во-вторых, взаимосвязь других функций управления.

Особая роль координации определяется содержанием данной функции, направленной на: а) приведение элементов (составных частей, действий) в соответствие друг с другом; б) упорядочение взаимодействий людей для совместного достижения общей цели; в) обеспечение целостности и устойчивости организации. Кроме того, координация по вертикали и горизонтали в рамках организации практически всегда предполагает реализацию целей организаций с учётом обеспечения устойчивости и гомеостатичности¹.

В широком смысле функция координации в управлении призвана обеспечить реализацию фиксированных (или заданных) параметров, что предполагает упорядочение внутренней организации системы, согласованность решений и действий всех субъектов процесса управления в границах целостности–организации. Как показывает практика, функция координации в ряде российских организациях реализуется формально, либо вообще не присутствует в цепочке управленческих действий. Кстати, в ряде учебных пособий по менеджменту за последние 20 лет функция координации то указывалась в перечне основных его функций, то таинственным образом исчезала... По сути целое поколение менеджеров выросло, не имея представления о столь важной функции и не получив навыков её реализации.

По нашему мнению, координация является функцией сквозного характера, которая реализу-

¹ Гомеостатичность – способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия; стремление системы восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды, воспроизводить себя

ется на всех этапах управления – от планирования до контроля, и в указанном качестве она обеспечивает поддержание устойчивости как интегрированный результат действия всех частей организации как целого. По сути, корректно построенная система координации по вертикали и по горизонтали формирует способность организации противодействовать факторам внешней среды. В данной способности проявляется действие универсального принципа, обоснованного А. Ле Шателье и К. Брауном, и устанавливающего, что «при внешнем возмущении, нарушающем условие равновесия, в системе развиваются противоположно действующие процессы и до определённого уровня возмущения они нейтрализуют эффект внешнего воздействия» [13].

Иными словами, «целое препятствует нарушению целостности» [11], купируя проявления диффузности социальных отношений, контингентность взаимодействий, что позволяет обеспечивать робастный характер управления, позволяющий достигать цели при «неизбежных неопределённостях» [18] системы (организации) как следствие изменения параметров её функционирования.

Очевидно, что исследование проблем соотношения целостности и управления открывает новые перспективы совершенствования управления организациями с позиции учёта социологических его аспектов. Актуальность данной проблематики определяет научный интерес к анализу проблем взаимосвязи целостности и устойчивости, в частности, выявление и конкретизацию управленческого механизма обеспечения целостности, а также механизма поддержания управленческого процесса на основе теории целостности.

Литература

1. Абрамова Н.Т. Целостность и управление. – М.: Наука, 1974. – 248 с.
2. Аристотель. Метафизика. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 361 с.
3. Аристотель. Метафизика. Т. 1. – М.: Мысль, 1978.
4. Буданова М.А., Гостенина В.И. Социальное партнёрство в системе социально–трудовых отношений / М.А. Буданова, В.И. Гостенина. – М.: «Прометей» МПГУ, 2003. – 96 с.
5. Гегель Г.В. Сочинения. т. V. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 814 с.
6. Игумнов О.А. Концептуальная схема и эмпирическая проверка операционализации социального капитала организаций // Социологический журнал. – 2024. – Том 30. – № 1. – С. 64–89.
7. Игумнов О.А. Социальный капитал в социологическом дискурсе: теоретические аспекты и управленческий контекст: монография /

- О.А. Игумнов. – Саратов: Издательство «Кубик», 2020. – 250 с.
8. Луман Н. Власть: пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М., 2001. – 256 с.
 9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. 1.
 10. Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 6. – М., 1980. – 498 с.
 11. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Философский очерк / М.И. Сетров. – Л.: Наука, 1972. – 164 с.
 12. Стрельникова, Т.В. Современные исследования систем социального управления // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 129–133.
 13. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы / А.Л. Тахтаджян // Системные исследования. Ежегодник. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 200–277
 14. Учение о множествах Георга Кантора // Новые идеи в математике. – СПб, 1914. – Сб. № 6.
 15. Франк А. Функционализм, диалектика и синтез // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М., 1968. – 430 с.
 16. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. – М., 2000. – 264 с.
 17. Богданов А.А. Вопросы социализма. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-voprosy-socialisma/bogdanov-voprosy-socialisma.html> (дата обращения: 4.08.2026)/
 18. Профессор РАН М.В. Хлебников: в реальных системах управления неизбежно присутствует неопределённость. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/professor-ran-mihail-vladimirovic-hlebnikov-v-realnyh-sistemah-upravlenia-neizbezno-prisutstvuet-neopredelennost> (дата обращения: 24.07.2026).

THE INTEGRITY PHILOSOPHY AND MANAGEMENT SOCIOLOGICAL ASPECTS

Igumnov O.A.

Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

The article contains the author's approach to the analysis of management problems from the standpoint of the «integrity» concept philosophical content. The issue relevance is due to the changing ideas about management in modern conditions based on a philosophical rethinking of its basic concepts leaning on an essential ap-

proach to integrity as their interpretation basis. The author highlights the most significant aspects of the relationship between integrity and management problem. In particular, the analysis along the lines of «whole-part» and «part-part» results are presented, containing the author's position in interpreting the sociological aspects of management determined by the integrity phenomenon. The conclusion about the scientific prospects of research on the management sociological aspects in the of integrity concept context as a factor of its effectiveness and efficiency is made.

Keywords: integrity, whole, part, management, purpose, summative, system, organization, social capital, social solidarity, managerial volatility.

References

1. Abramova N.T. Integrity and management. – М.: Nauka, 1974. – 248 p.
2. Aristotle. Metaphysics. – М.: Sotsekgiz, 1934. – 361 p.
3. Aristotle. Metaphysics. T. 1. – М.: Mysl, 1978.
4. Budanova M.A., Gostenina V.I. Social partnership in the system of social and labor relations / M.A. Budanova, V.I. Gostenina. – М.: «Prometheus» MPGU, 2003. – 96 p.
5. Hegel G.V. Essays. vol. V. – М.: Sotsekgiz, 1937. – 814 p.
6. Igumnov O.A. A Conceptual Framework and Empirical Test of the Operationalization of Social Capital in Organizations // Sociological Journal. – 2024. – Vol. 30. – № 1. – Pp. 64–89.
7. Igumnov O.A. Social Capital in Sociological Discourse: Theoretical Aspects and Managerial Context: Monograph / O.A. Igumnov. – Saratov: KubiK Publishing House, 2020. – 250 p.
8. Luhmann N. Power: trans. from German by A. Yu. Antonovsky. – Moscow, 2001. – 256 p.
9. Marx K., Engels F. Works, Vol. 46, Part 1.
10. Mill J.S. Foundations of Political Economy. Vol. 6. – Moscow, 1980. – 498 p.
11. Setrov, M.I. Fundamentals of the Functional Theory of Organization. A Philosophical Essay. Leningrad: Nauka, 1972, 164 p.
12. Strelnikova, T.V. Modern Research in Social Management Systems. Health and Education in the 21st Century. 2017, Vol. 2, № 2, pp. 129–133.
13. Takhtadzhyan, A.L. Tectology: History and Problems. System Research. Yearbook. 1971. Moscow: Nauka, 1972, pp. 200–277.
14. Georg Cantor's Theory of Sets. New Ideas in Mathematics. St. Petersburg, 1914. Collection of Papers. № 6.
15. Frank A. Functionalism, Dialectics, and Synthesis // Structural-Functional Analysis in Modern Sociology. Moscow, 1968, 430 p.
16. Shcherbina V.V. Social Theories of Organization: Dictionary. Moscow, 2000, 264 p.
17. Bogdanov A.A. Questions of Socialism. Available at: <https://traumlibrary.ru/book/bogdanov-voprosy-socialisma/bogdanov-voprosy-socialisma.html> (Accessed: August 4, 2026)
18. Professor M.V. Khlebnikov of the Russian Academy of Sciences: Uncertainty is Inevitably Present in Real Management Systems. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/professor-ran-mihail-vladimirovic-hlebnikov-v-realnyh-sistemah-upravlenia-neizbezno-prisutstvuet-neopredelennost> (date of access: 24.07.2026).

Управленческие условия восполнения профессиональных компетенций государственных гражданских служащих: социологический анализ кадровых практик

Павлов Никита Александрович,

аспирант кафедры философии и социологии,
Образовательное учреждение профсоюзов высшего
образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: kindpavlov@yandex.ru

Профессиональные требования к государственным гражданским служащим не исчерпываются уровнем образования, стажем и наличием специальных знаний. Существенное значение имеет способность применять их при решении конкретных служебных задач. В статье рассматриваются проявления недостаточности профессиональных компетенций и управленческие условия, влияющие на восполнение выявленных дефицитов. Материалом исследования послужили научные публикации и аналитические материалы 2022–2025 гг., содержащие результаты опросов, экспертных оценок, мониторинга кадровой работы и анализа конкретных кадровых практик. На основе сравнительного анализа выделено несколько групп профессионально-компетентностных дефицитов в области правовой и цифровой грамотности, адаптации к нагрузке и изменению условий, коммуникации, командного взаимодействия, планирования и организации собственной деятельности. Установлено, что выявленные компетентностные дефициты обусловлены не только уровнем подготовки самого служащего. Их своевременное выявление и восполнение зависят от содержания должностных задач, участия непосредственного руководителя, организации оценки, адресности профессионального развития и возможности применять полученные знания в работе. Восполнение профессиональных компетенций рассматривается как последовательность взаимосвязанных кадровых действий: выявление компетентностного дефицита, определение подходящего способа развития, проверка результата в служебной деятельности и использование полученной информации при принятии кадровых решений.

Ключевые слова: государственная гражданская служба; профессиональные компетенции; компетентностные дефициты; профессиональное развитие; кадровые процедуры; управленческие механизмы; социология управления.

Введение

Профессиональная деятельность государственных гражданских служащих становится сложнее. Меняются способы взаимодействия органов власти, увеличивается объём обрабатываемой информации, расширяется использование цифровых технологий. Одновременно возрастают требования к аналитическим, коммуникативным, управленческим и адаптационным способностям служащих. Формального соответствия квалификационным требованиям в этих условиях может быть недостаточно. Значение приобретает способность применять знания и умения при решении конкретных служебных задач.

В российской системе государственной гражданской службы предусмотрены правовые механизмы поддержания и повышения профессионального уровня. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает основания и основные формы профессионального развития гражданских служащих [1]. Порядок его организации конкретизирован Указом Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации», предусматривающим дополнительное профессиональное образование и иные мероприятия профессионального развития [2].

Вместе с тем наличие нормативно закреплённых механизмов не означает, что возникающие компетентностные дефициты всегда выявляются своевременно, а содержание обучения соответствует реальным должностным потребностям. В исследованиях профессионального развития гражданских служащих отмечаются формальный характер определения образовательных потребностей, недостаточное участие непосредственных руководителей и слабая связь результатов обучения с последующими кадровыми решениями [3]. Мониторинг кадровой работы органов исполнительной власти также показывает неодинаковый уровень развития кадровых технологий и использования результатов оценки при планировании профессионального развития [4, с. 8061, 8065].

В данной статье речь идёт не о формальном отсутствии у служащего той или иной компетенции, а о несоответствии между требованиями должности и тем, как необходимые знания, умения и про-

фессиональные качества проявляются в работе. Установить такое несоответствие можно по-разному: через самооценку, мнение руководителя или эксперта, результаты аттестации и других кадровых процедур. Результаты, полученные такими способами, нельзя интерпретировать одинаково: самооценка, экспертное мнение и кадровые процедуры показывают разные стороны профессионального дефицита. Это затрудняет сопоставление выводов разных исследований и оценку условий, от которых зависит восполнение выявленных дефицитов.

Цель исследования состоит в систематизации профессионально-компетентностных дефицитов, отражённых в научных публикациях и аналитических материалах, и выявлении управленческих ограничений, препятствующих их восполнению. Рабочая гипотеза заключается в том, что сохранение таких дефицитов связано не только с недостатком знаний и умений у отдельных служащих, но и с несогласованностью диагностики, профессионального развития, оценки его результатов и последующих кадровых решений.

В рассмотренных публикациях профессионально-компетентностные дефициты и организация профессионального развития чаще анализируются раздельно. Это затрудняет прослеживание дальнейшей работы с выявленной потребностью: выбора способа развития, применения полученного результата в служебной деятельности и его учёта в кадровых решениях.

При рассмотрении профессиональных компетенций необходимо различать квалификацию, компетенцию и компетентность. В публикациях о государственной службе граница между этими понятиями проводится не всегда последовательно. Между тем наличие образования и необходимого стажа само по себе ещё не показывает, насколько успешно служащий справляется с конкретной рабочей ситуацией.

Квалификация показывает, какой профессиональной подготовкой обладает служащий: какое у него образование, стаж, знания и умения. Однако по этим сведениям нельзя заранее определить, как он справится с новой или нестандартной задачей. Т.В. Зайцева рассматривает квалификацию как базис, а компетенцию как цель профессиональной подготовки и развития гражданского служащего [5, с. 206]. В методическом инструментарии Минтруда России знания и умения также соотносятся с областью деятельности и функциями конкретной должности [6].

В статье компетенция рассматривается как требование к тому, что служащий должен знать и уметь для выполнения своих задач. Сюда же относятся профессиональные качества, которые необходимы в работе. Компетентность проявляется уже на практике, когда сотрудник использует имеющуюся подготовку в конкретной ситуации. Осо-

бенно заметно это при появлении нового поручения, изменении привычных условий или необходимости принять решение без подробных указаний руководителя.

Именно такое несоответствие между требуемым и фактически проявляемым уровнем рассматривается как профессионально-компетентностный дефицит. Однако связывать его исключительно с недостаточной подготовкой самого служащего было бы упрощением. Профессионально-компетентностный дефицит может быть связан со слишком общим описанием компетенции, формальным определением потребности в обучении или выбором программы, содержание которой слабо связано с реальной работой. Встречается и другая ситуация: знания освоены, но сотрудник продолжает выполнять прежний набор поручений и практически не получает возможности воспользоваться новым опытом.

Поэтому профессиональные компетенции нельзя рассматривать только как индивидуальную характеристику служащего. В поле зрения попадает организация кадровой работы: как формулируются требования, кто участвует в оценке, каким образом определяется потребность в развитии и что происходит после завершения обучения. Последовательность этих действий важна, однако на практике она не обязательно образует единый процесс. Можно провести оценку, организовать обучение и зафиксировать его прохождение, не установив при этом, изменилось ли выполнение служебных задач.

Методы

Материалом анализа стали работы 2022–2025 гг. по профессиональному развитию, оценке служащих и кадровой работе в системе государственной гражданской службы. Отбирались только те публикации, из которых было понятно, на каком материале строятся выводы: результатах опроса, экспертной оценке, мониторинге или разборе конкретной кадровой практики. Тексты обзорного характера, сводившиеся главным образом к пересказу законодательства и общим положениям о необходимости повышения профессионализма, в анализ не включались.

Сначала каждая работа рассматривалась отдельно, с учётом территории, исследуемой группы и использованного метода. Устанавливалось, какие профессиональные затруднения были выявлены, каким способом они определялись и с чем авторы связывали их возникновение. Затем близкие по содержанию результаты объединялись в группы. При этом учитывались предлагаемые способы профессионального развития, оценка их результатов, а также участие кадровой службы, непосредственного руководителя и самого служащего. Отдельно рассматривалось, связаны ли полученные

знания с последующей служебной деятельностью и кадровыми решениями.

В выборку для сравнительного анализа вошли пять работ, характеристика которых представлена в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика материалов, использованных в сравнительном анализе

Источник	Характер материала	Основное направление анализа	Ограничение
Мартынова С. Э. и др., 2022 [3]	Научный доклад о профессиональном развитии	Определение потребностей, организация развития, участие руководителей и кадровых подразделений	Часть выводов не основана на массовом опросе
Баранов А. В. и др., 2023 [7]	Опрос государственных гражданских служащих Краснодарского края	Самооценка дефицитов и условий профессионального развития	Региональный характер и использование самооценки
Лобкова Е. В., Худогова Э. Н., 2024 [8]	Анализ практики и опрос сотрудников Краснодарскстата	Оценка деятельности, профессиональное и личностное развитие	Исследование одной территориальной организации
Сладкова Н. М., Воскресенская О. А., 2024 [4]	Мониторинг кадровой работы органов исполнительной власти	Кадровые процессы, профессиональное развитие и аналитика	Анализ кадровой системы, а не отдельных компетенций
Воскресенская О. А., Ясинская И. А., 2025 [9]	Анализ материалов и результатов мониторинга	Формы профессионального развития и их применение	Акцент на кадровых практиках, а не индивидуальных компетенциях

Результаты

Рассмотренные исследования не дают единого перечня компетенций, которых недостаёт государственным гражданским служащим. В одном случае изучается самооценка респондентов, в другом – практика оценки персонала или состояние кадровой работы. Поэтому полученные результаты характеризуют разные стороны проблемы и требуют раздельной интерпретации.

Наиболее конкретные количественные данные представлены в исследовании государственных гражданских служащих Краснодарского края, где были опрошены 1631 человек. В числе востребованных и одновременно дефицитных компетенций респонденты прежде всего отмечали правовую грамотность – 17,8% и цифровую грамотность –

15,6%. Далее следовали стрессоустойчивость – 12,7%, умение работать в команде – 11,1%, планирование или проектирование – 9,7%, коммуникативная компетентность – 9,1%, лабильность – 6,7% и навыки управления временем – 6,3% [7, с. 11–12].

Иной ракурс представлен в исследовании Красноярскстата. Авторы предлагают учитывать наряду с текущими результатами работы профессиональное и личностное развитие сотрудника [8, с. 39]. Это позволяет заметить то, что не отражается в обычной отчётности. Служащий может успешно выполнять привычные поручения, но испытывать сложности при усложнении задач или расширении ответственности.

Другие работы позволяют увидеть проблему со стороны организации кадровых процессов. В научном докладе о профессиональном развитии отмечаются формальный подход к определению образовательных потребностей, недостаточное участие непосредственных руководителей и слабая связь обучения с последующей кадровой работой [3]. Мониторинг органов исполнительной власти показывает различия в уровне развития кадровой аналитики и использовании результатов оценки [4, с. 8061, 8065]. Одновременно расширяется применение краткосрочных форм профессионального развития: в 2024 г. их использовали 63 федеральных государственных органа, тогда как годом ранее – 43 [9, с. 2385–2404].

Анализ материалов позволил выделить несколько групп профессионально-компетентностных дефицитов. Первая включает дефициты в области правовой и цифровой грамотности, значение которых возрастает по мере изменения требований к служебной деятельности. Вторая охватывает адаптацию к нагрузке и изменению условий: стрессоустойчивость, лабильность и управление временем. Отдельную группу составляют коммуникация, командная работа, планирование и проектирование.

Обсуждение

Самого факта выявления компетентностного дефицита недостаточно: необходимо понять, в какой именно работе возникает затруднение. Формулировка «недостаток аналитических навыков» может скрывать разные проблемы – поиск информации, проверку её достоверности, интерпретацию данных или подготовку выводов для руководителя. Один и тот же курс не будет одинаково полезен во всех этих случаях. Квалификационные требования задают общий ориентир и связывают должность с необходимым уровнем подготовки [6], но не объясняют причины затруднений конкретного служащего. Для этого приходится сопоставлять результаты работы, самооценку, позицию руководителя и данные кадровых процедур.

Есть и ещё одно обстоятельство. Служащий способен верно заметить собственное затруднение, но не всегда может определить его источник. Ответ о недостаточной стрессоустойчивости может указывать на личные особенности, а может отражать чрезмерную нагрузку, частую смену поручений или неясное распределение ответственности. С командной работой ситуация сходная. Затруднения возникают из-за недостатка коммуникативных навыков, но усиливаются, когда подразделения действуют обособленно и горизонтальное взаимодействие почти не поддерживается. Анкетный опрос не позволяет чётко разделить эти причины.

Заметная часть информации находится у непосредственного руководителя. Кадровое подразделение располагает сведениями об образовании, стаже, пройденных программах и результатах формализованной оценки. Руководитель ежедневно видит, насколько сотрудник самостоятелен, как быстро осваивает новое поручение, где допускает повторяющиеся ошибки. Оставлять эти наблюдения за пределами планирования профессионального развития нерационально. Полностью полагаться на них также нельзя: оценка зависит от характера рабочих отношений, управленческого стиля и текущих результатов подразделения. В научном докладе о профессиональном развитии гражданских служащих участие руководителя рассматривается как необходимая часть определения образовательных потребностей, а не как замена другим способам оценки [3].

Наиболее привычным ответом на выявленный дефицит остаётся дополнительное профессиональное образование. Оно необходимо при освоении нового направления работы, изменении законодательства или подготовке кадрового резерва. Однако на практике служебную потребность иногда подстраивают под уже имеющуюся программу: её тема выглядит подходящей, хотя содержание лишь частично связано с затруднением конкретного служащего. Расширяется и применение краткосрочных мероприятий, включённых непосредственно в служебную деятельность [9, с. 2385–2404]. Само по себе разнообразие форм ещё не говорит об их качестве. Семинар по конкретной рабочей задаче может оказаться полезнее общего курса, однако и краткосрочное мероприятие способно проводиться преимущественно для выполнения плана.

Некоторые затруднения не требуют направления служащего на новый образовательный курс. Необходимые знания у него могут быть, но применять их фактически негде. Самостоятельные поручения даются редко, доступ к информации ограничен, взаимодействие между подразделениями не налажено. Обучение в такой ситуации не устраняет причину затруднения. Полезнее может оказаться наставничество, участие в проектной или

межведомственной работе, временное расширение круга задач.

Отдельный вопрос связан с оценкой результата после завершения обучения. Документ о прохождении программы фиксирует сам факт участия, а итоговый тест показывает, насколько усвоен учебный материал. Однако этого недостаточно, чтобы судить об изменениях в выполнении служебных задач. Они становятся заметны позднее и могут проявляться в сокращении числа доработок, повышении качества подготовленных материалов и большей самостоятельности сотрудника. Поэтому после обучения служащему необходимо дать возможность применить полученные знания при решении реальной рабочей задачи. Интеграция обучения в профессиональную деятельность рассматривается как одно из условий профессионального развития [7, с. 11]. Единого показателя здесь быть не может, поскольку правовая грамотность, коммуникативные навыки и способность к планированию требуют разных способов оценки.

Сведения о результатах обучения и их проявлении в служебной деятельности имеют значение только тогда, когда используются в дальнейшей кадровой работе. Если данные оценки, обучения и последующей деятельности учитываются отдельно, проследить изменение профессионального уровня служащего трудно. Мониторинг показывает, что органы власти различаются по уровню развития кадровой аналитики и использованию её данных [4, с. 8061, 8065]. Поэтому в одном случае результаты обучения становятся основанием для дальнейшей работы с сотрудником, а в другом обучение остаётся отдельным завершённым мероприятием.

Восполнение профессионально-компетентностных дефицитов можно рассматривать как последовательность взаимосвязанных кадровых действий. Она включает выявление затруднения, его соотношение с конкретной должностной задачей, выбор способа развития, проверку результата в работе и использование полученной информации в кадровых решениях. Если связь между этими действиями нарушается, профессиональное развитие может быть формально организовано, но не привести к изменению служебной деятельности.

Дополнительные данные опроса гражданских служащих подтверждают этот вывод. Новые подходы смогли применить на практике 16,5% респондентов, 54,4% использовали их лишь в отдельных аспектах деятельности, а 29,1% не отметили изменений в своей работе [10, с. 72].

Заключение

В результате анализа были выделены три группы профессионально-компетентностных дефицитов. Первая связана со специальными знаниями, прежде всего с правовой и цифровой грамотностью. Вторая проявляется при высокой нагрузке и изменении ус-

ловий работы. Третья охватывает коммуникацию, командное взаимодействие и планирование деятельности. При этом компетентностный дефицит зависит не только от уровня подготовки служащего. На его проявление влияют содержание поручений, участие непосредственного руководителя, доступность необходимой информации и сложившееся взаимодействие между подразделениями.

Восполнение профессиональных компетенций требует связи между выявлением затруднения, выбором способа развития, проверкой результата в служебной деятельности и использованием полученной информации в кадровых решениях. Сам факт прохождения программы ещё не свидетельствует об изменении профессионального уровня служащего.

Результаты анализа подтверждают основную логику рабочей гипотезы: сохранение профессионально-компетентностных дефицитов связано не с одним фактором, а с сочетанием точности диагностики, выбора формы развития и возможности применить полученные знания в работе. Это позволяет рассматривать их восполнение не как отдельное образовательное мероприятие, а как последовательный управленческий процесс, объединяющий выявление дефицита, профессиональное развитие, оценку результата и его использование в кадровых решениях. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение изменений в деятельности служащих до и после конкретных мероприятий профессионального развития.

Литература

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: в действующей редакции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 05.07.2026).
2. О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902210045> (дата обращения: 05.07.2026).
3. Мартынова С.Э. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих в Российской Федерации: научный доклад / С.Э. Мартынова, С.А. Еварович, Т.Б. Лаврова, Н.Э. Готовщикова. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 118 с. – ISBN 978-5-85006-466-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/document?id=446204> (дата обращения: 05.07.2026).

4. Сладкова Н.М. Кадровая работа органов исполнительной власти: основные итоги мониторинга / Н.М. Сладкова, О.А. Воскресенская // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 8051–8074. – DOI 10.18334/epp.14.12.122371.
5. Зайцева Т.В. Квалификационный и компетентностный подходы на государственной гражданской службе: квалификация как базис, компетенция как цель / Т.В. Зайцева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 107. – С. 206–222. – DOI 10.55959/MSU2070–1381–107–2024–206–222.
6. Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0 // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (дата обращения: 07.07.2026).
7. Баранов А.В. Клиентоцентричность в профессиональном развитии государственных гражданских служащих: опыт Краснодарского края / А.В. Баранов, О.В. Котлярова, А.В. Тагаев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 4. – С. 9–16. – DOI 10.22394/2079–1690–2023–1–4–9–16.
8. Лобкова Е. В. К вопросу об оценке эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих: опыт Красноярскстата / Е.В. Лобкова, Э.Н. Худоногова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 3. – С. 39–80. – DOI 10.17323/1999–5431–2024–0–3–39–80.
9. Воскресенская О.А. Эффективное профессиональное развитие государственного служащего на современном этапе: поиск новых подходов / О.А. Воскресенская, И.А. Ясинская // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 12. – С. 2385–2404. – DOI 10.18334/lim.12.12.124400. – EDN ATFAXQ.
10. Еварович С.А. Профессиональное развитие сквозь призму мнения гражданских служащих / С.А. Еварович, С.Э. Мартынова // Личность: ресурсы и потенциал. – 2025. – № 1 (25). – С. 66–77. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal-foir.ru/issues/2025/1/05> (дата обращения: 08.07.2026).

MANAGEMENT CONDITIONS FOR REPLENISHING PROFESSIONAL COMPETENCIES OF STATE CIVIL SERVANTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PERSONNEL PRACTICES

Pavlov N.A.

Academy of Labour and Social Relations

Education, work experience and professional knowledge do not by themselves show how a state civil servant will cope with a specific

official task. The article examines professional competency deficits and the managerial conditions affecting their identification and remediation. The study draws on research publications and analytical materials from 2022–2025, including surveys, expert assessments, personnel monitoring and analyses of HR practices. The analysis identified deficits in legal and digital literacy, adaptation to workload and changing conditions, communication, teamwork, planning and self-organization. These deficits are not determined solely by the civil servant's preparation. Their identification and remediation also depend on official tasks, the involvement of the immediate supervisor, the organization of assessment, the relevance of professional development and opportunities to apply acquired knowledge in practice. Addressing competency deficits is viewed as a sequence of HR actions: identifying the deficit, selecting a development measure, assessing the result in subsequent work and using the information in personnel decisions.

Keywords: state civil service; professional competencies; competency deficits; professional development; personnel procedures; managerial mechanisms; sociology of management.

References

1. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of 27 July 2004, as amended. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed 5 July 2026).
2. On the Professional Development of State Civil Servants of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 68 of 21 February 2019. Available at: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902210045> (accessed 5 July 2026).
3. Martynova S.E., Evarovich S.A., Lavrova T.B., Gotovshchikova N.E. Professional Development of State Civil Servants in the Russian Federation: scientific report. Moscow, Delo Publishing House, RANEPa, 2022, 118 p. ISBN 978-5-85006-466-2. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=446204> (accessed 5 July 2026).
4. Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A. Personnel Work of Executive Authorities: Main Monitoring Results. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2024, vol. 14, No. 12, pp. 8051–8074. DOI: 10.18334/epp.14.12.122371.
5. Zaitseva T.V. Qualification and Competency-Based Approaches in the State Civil Service: Qualification as a Basis, Competence as a Goal. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2024, No. 107, pp. 206–222. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-206-222.
6. Methodological Toolkit for Establishing Qualification Requirements for State Civil Service Positions. Version 4.0. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation: official website. Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (accessed 7 July 2026).
7. Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Tagaev A.V. Client-Centricity in the Professional Development of State Civil Servants: Experience of the Krasnodar Territory. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2023, No. 4, pp. 9–16. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-9-16.
8. Lobkova E.V., Khudonogova E.N. On Assessing the Efficiency and Effectiveness of State Civil Servants: The Experience of Krasnoyarskstat. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2024, No. 3, pp. 39–80. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-39-80.
9. Voskresenskaya O.A., Yasinskaya I.A. Effective Professional Development of a Public Employee at the Present Stage: The Search for New Approaches. *Leadership and Management*, 2025, vol. 12, No. 12, pp. 2385–2404. DOI: 10.18334/lim.12.12.124400. EDN: ATFAXQ.
10. Evarovich S.A., Martynova S.E. Professional Development through the Lens of Civil Servants' Opinions. *Lichnost': resursy i potentsial*, 2025, No. 1 (25), pp. 66–77. Available at: <https://journal-foir.ru/issues/2025/1/05> (accessed 8 July 2026).

Субъектно-управленческий уровень в системе действия военной организации

Поплёвкин Николай Петрович,

кандидат социологических наук, докторант, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Obssss@mail.ru

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование субъектно-управленческого уровня системы действия военной организации как самостоятельного объекта анализа и определение его структуры. Актуальность обусловлена тем, что в отечественной военной социологии данный уровень до сих пор не рассматривался как аналитически автономный элемент системы действия, что ограничивает изучение управленческих процессов в воинских коллективах. Методологическую основу составляют структурно-функциональный анализ Т. Парсонса и схема AGIL, неинституциональная теория организаций, теория структуризации Э. Гидденса, морфогенетический подход М. Арчер и диспозиционная концепция В.А. Ядова. Применен теоретико-дедуктивный подход: общие теоретические положения последовательно конкретизируются применительно к новому объекту анализа без обращения к эмпирической иллюстрации. Введено понятие субъектно-управленческого уровня, ортогонального по осям целедостижения и адаптации. Теоретически обоснован механизм воспроизводства каждой из четырех образуемых им конфигураций. Предложены критерии их операционализации и принципы проектирования систем подготовки и аттестации управленческих кадров.

Ключевые слова: военная организация, социология управления, субъектно-управленческий уровень, структурно-функциональный анализ, теория структуризации, конфигурационная типология

Введение

Современные Вооруженные силы функционируют в условиях, качественно отличных от тех, в которых исторически складывались классические формы военной организации. Трансформация характера вооруженных конфликтов XXI века сопровождается расширением спектра применяемых способов достижения военно-политических целей, сочетающих вооруженную борьбу с информационными, экономическими, технологическими и иными формами воздействия. Возрастающая динамика оперативной обстановки, сокращение времени на принятие управленческих решений и размывание границ между военной и другими сферами деятельности рассматриваются современной военно-теоретической литературой как устойчивые особенности среды безопасности. В этих условиях совершенствование системы военного управления приобретает характер непрерывной адаптации организационных форм, процедур и механизмов принятия решений к изменениям внешней среды.

В теоретической традиции анализа военных организаций устойчиво воспроизводится нерешенная проблема: каким образом институциональная структура преобразуется в организационное действие и почему при сходных исходных условиях это преобразование приводит к разным результатам. В отечественной социологии управления это несоответствие признано самостоятельной теоретической проблемой: институциональное устройство и управленческая практика системно расходятся, причем данное расхождение не устраняется одним лишь совершенствованием нормативной базы [1]. Существующие модели военной организации объясняют, из каких элементов она состоит, но не раскрывают механизм преобразования институционального порядка в организационное действие – что и служит основанием для постановки вопроса о субъектно-управленческом уровне.

Обращение именно к этому уровню продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, накопленный массив военно-социологических исследований концентрировался либо на институциональном устройстве военной организации, либо на личностных характеристиках военнослужащего, тогда как механизм преобразования институциональных требований в управленческое действие самостоятельным предметом анализа практически не становился. Во-вторых, технологическая

трансформация вооруженной борьбы – распределенные системы разведки, средства радиоэлектронной борьбы, беспилотные комплексы и сетцентрические формы взаимодействия – предъявляет к управленческому контуру противоречивые требования: сохранять единоначалие и предсказуемость решений и одновременно обеспечивать способность к оперативной децентрализованной перестройке. Совмещение этих требований в рамках одномерной модели управления теоретически и практически затруднительно.

Необходимость выделения третьего уровня анализа требует обоснования: почему реализация соответствующих функций не сводима к взаимодействию институционального и личностного уровней? Ответ следует из логики общей теории систем действия Т. Парсонса. Согласно структурно-функциональному подходу, система действия способна воспроизводить себя лишь при выполнении четырех функциональных требований: адаптации (А), целедостижения (G), интеграции (I) и поддержания нормативного образца (L) [2]. Каждое из них – необходимое условие существования системы, не заменимое другим. Распределение этих функций между уровнями определяется структурой самой схемы AGIL: помимо оси «целедостижение/адаптация – интеграция/поддержание образца», функции различаются по ориентации на внешнюю среду системы либо на ее внутреннее состояние. Функции I и L внутренне ориентированы – интеграция поддерживает согласованность уже существующих частей системы, поддержание образца воспроизводит уже принятый ценностный паттерн, – и потому закрепляются институционально и ценностной социализацией, не требуя ситуативного решения. Функции G и А, напротив, внешне ориентированы: обе имеют дело с отношением системы к объектам вне ее собственной структуры – целям, подлежащим достижению, и вызовам среды, требующим ответа, – и потому обе предполагают не заданное заранее, ситуативное решение о способе действия. Именно эта общая для G и А внешняя ориентация, отсутствующая у I и L, обосновывает их совместную принадлежность управленческому уровню, тогда как I и L остаются функциями внутреннего самовоспроизводства системы.

В военной организации институциональный уровень задает нормативные основания деятельности через систему норм, правил и институционально закреплённых организационных форм [3], тогда как личностный уровень отражает диспозиционные основания поведения субъекта, определяющие его готовность к исполнению социальных ролей [4]. Оба уровня не объясняют механизм организационного действия: институциональный уровень не является субъектом принятия решений и распределения ресурсов, а личностный не тождествен управленческому действию. Между пред-

писанием и фактическим действием неизбежно существует стадия принятия управленческого решения. Следовательно, если целедостижение и адаптация – самостоятельные функциональные требования системы действия, их реализация не объяснима исключительно взаимодействием институционального и личностного уровней, поскольку ни один из них не обладает механизмом принятия решений: отсюда необходимость выделения относительно самостоятельного субъектно-управленческого уровня. Тем самым исключается и альтернативное объяснение, по которому целедостижение и адаптация – лишь агрегированный эффект взаимодействия двух уровней, не образующий устойчивого механизма организационного действия.

Восполнение теоретического пробела требует прояснения внутреннего устройства субъектно-управленческого уровня, обеспечивающего согласование требований управляемости и адаптивности без сведения их к одномерной модели. В центре исследования – субъектно-управленческий уровень военной организации как системный механизм преобразования институциональных требований в организационное действие.

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование субъектно-управленческого уровня как самостоятельного, несводимого к институциональному и личностному уровням анализа, на котором реализуются функции целедостижения и адаптации. Задачи: (1) определить место субъектно-управленческого уровня в трехуровневой системе действия и обосновать необходимость его выделения; (2) раскрыть содержание образующих его измерений; (3) разработать конфигурационную типологию его состояний и теоретически обосновать логическую состоятельность и механизм воспроизводства каждой из выделяемых конфигураций; (4) исследовать связь между качеством субъектно-управленческого уровня и устойчивостью диспозиционной структуры личного состава и сформулировать принципы проектирования систем подготовки и аттестации.

Здесь же уточним содержание притязания на новизну. Отдельные аспекты общей проблематики связи структуры и управленческого действия затрагиваются смежными направлениями – концепцией среднего звена управления, boundary spanning, теорией организационной амбидекстрии. Однако эти направления, опираются на иные теоретические основания и не формулируют управленческий уровень как самостоятельный, ортогональный по осям G и А элемент системы действия военной организации. Именно в этой постановке – применительно к отечественной военной социологии – субъектно-управленческий уровень ранее не выделялся как самостоятельный предмет анализа.

Военная организация как система деятельности – единство трех уровней. Институциональный уровень – нормативные предписания и структуры, обеспечивающие формальное существование системы [3]. Личностный уровень – ценностные ориентации, ролевая идентификация и профессиональная социализация субъекта как интериоризация институциональных норм [4]. Между ними должен существовать относительно самостоятельный субъектно-управленческий уровень. Действительно: устав не координирует конкретное построение подразделения, а директива не заменяет решения о распределении ограниченного ресурса, – то есть ни один из полюсов не покрывает эту область регулирования. «Уровень» обозначает при этом пространство осей G и A, тогда как «управленческий контур» – конкретный эмпирический аппарат управления, реализующий этот уровень. Отождествлять эти понятия недопустимо. Оси G и A характеризуют контур как организационный механизм в целом, а не отдельного субъекта управления и не организацию во всей полноте ее функций, – на этом уровне агрегирования строится дальнейшая операционализация. Система приобретает тем самым рекурсивный вид: институциональный уровень транслирует требования в субъектно-управленческий, тот формирует диспозиции личностного уровня, а практика последнего рекурсивно воздействует на контур и опосредованно – на институциональный порядок.

Отдельно стоит уточнить, что классическое деление военного искусства на стратегический, оперативный и тактический уровни отражает масштаб задач; вводимое здесь субъектно-управленческое измерение – категория иного порядка, ортогональная этой шкале и характеризующая не масштаб, а субъекта и структуру принятия решения.

Устойчивое воспроизводство одномерного понимания управленческой состоятельности порождает дефицит объяснительной силы в случаях, когда организация проявляет высокие показатели по одному измерению управления и дисфункцию по другому. Веберианская модель бюрократического господства сводит управленческую состоятельность к вертикали формально-легальной рациональности, где адаптивное отклонение от процедуры закономерно трактуется как девиация, а не самостоятельная функциональная потребность [5]. Институционально-профессиональная модель С. Хантингтона объясняет эффективность военной организации через автономию профессиональной корпорации от гражданского контроля, оставляя за пределами своего предмета вопрос о структуре управленческого действия [6]. Институционально-оккупационная модель Ч. Москоса содержательно раскрывает трансформацию ценностных установок военнослужащих, рассматривая системные свойства управленческого контура преимущественно на уровне личностных диспозиций [7].

Отечественная военно-социологическая традиция внесла значительный вклад в изучение ценностных оснований службы, механизмов профессиональной социализации и факторов боеготовности [8; 9; 10], заложив прочный концептуальный фундамент для дальнейших исследований в этой области. Опираясь на эти фундаментальные разработки, представляется целесообразным дополнить сложившуюся аналитическую традицию выделением субъектно-управленческого уровня в качестве самостоятельного предмета изучения.

Развитие этого направления закономерно требует обращения к общесоциологической теории структуры и действия. Согласно теории структуризации Э. Гидденса, структурные свойства системы одновременно ограничивают и обеспечивают действие акторов [11]. Согласно морфогенетическому подходу М. Арчер, это взаимодействие разворачивается во времени как последовательность циклов структурного обусловливания, взаимодействия и элаборации [12]. Отсюда следует: если структурные свойства системы в каждом цикле одновременно ограничивают и порождают действие агента, то субъектно-управленческий контур – то звено, посредством которого структурные свойства организации либо воспроизводятся, либо изменяются управленческим действием, а значит контур с необходимостью выполняет две функции: удержание структурной определенности (ось G) и порождение структурных изменений (ось A). Применимость теории структуризации к военной организации имеет дополнительное основание: военная организация относится к числу институциональных образований с высокой степенью формализации структурных предписаний [3], где, вместе с тем, запаздывающая адаптация сопряжена с особенно высокими издержками

Ось целедостижения (G) отвечает за способность концентрировать усилия акторов и подразделений вокруг единой задачи, обеспечивать директивное планирование и добиваться завершённого выполнения поставленных задач. Функционально она реализуется через единоначалие и иерархическую вертикаль, формализованные процедуры планирования, распределения ресурсов и контроля исполнения. В основе оси G – логика централизованного согласования частных действий с единым замыслом. Реализация оси G – не простое исполнение приказа отдельным военнослужащим, а системное свойство контура в целом: способность формулировать реалистичный замысел, декомпозировать его на согласованные подзадачи и контролировать соответствие текущего состояния плановым показателям. Именно поэтому ось G относится к организационному уровню анализа, а не к уровню отдельного субъекта управления. Устойчивость данной оси, согласно отечественному опыту социологического обес-

печения деятельности высших органов военного управления, обеспечивается институционализированными, а не ситуативными механизмами сбора и обработки управленческой информации [13]. Сила оси G – в надежности организации в стабильной обстановке; та же логика формализации, доведенная до избыточной реализации, системно ограничивает сопряженную с ней ось адаптации.

Ось адаптации (A) в строгом, восходящем к схеме AGIL значении отвечает за способность изменять собственную структуру, тактические практики и регламенты в ответ на непредсказуемые вызовы среды. Функционально она реализуется через децентрализованное управление по замыслу (mission command): делегирование права принятия тактических решений на нижние уровни иерархии при сохранении общего понимания замысла старшего начальника, поощрение инициативы и терпимость к добросовестной ошибке как элементу обучения. Современная военная организация вынуждена сочетать иерархическую структуру с делегированием профессиональных полномочий на операционный уровень, поскольку сложность современного боя превышает возможности единоличного централизованного управления [14]. Институционализация накопленного тактического опыта – самостоятельный организационный ресурс, отличный от единичной импровизации [15]. Устойчивый рост внутренней мотивации при делегировании автономии достигается лишь тогда, когда такое делегирование закреплено институционально, а не носит эпизодический характер [16]. Ось A относится, таким образом, к системному уровню, а не к «ослаблению дисциплины. Сила оси A – в организационной живучести и способности к перестройке в условиях неопределенности. Избыточная ее реализация без опоры со стороны оси G воспроизводит дисфункцию, симметричную дисфункции избыточной реализации оси G. Обе крайности – самостоятельные состояния контура, а не два полюса единой шкалы эффективности.

Из проведенного анализа вытекает центральный тезис: оси G и A – не два полюса единой шкалы управленческой эффективности, а два аналитически независимых, ортогональных измерения субъектно-управленческого уровня. Высокое значение по одной оси мыслимо при любом значении по другой. Эта ортогональность не декларативна, а выводима из различия операциональных механизмов. Ось G работает через мобилизацию ресурса определенности – кодифицированного знания о задаче и процедуре, – и ее горизонт есть горизонт исполнения уже принятого решения. Ось A работает через мобилизацию ресурса неопределенности – еще не кодифицированного знания о меняющейся обстановке, – и ее горизонт есть горизонт выработки нового решения там, где кодифицированное знание исчерпано. Поскольку эти ресурсы и горизонты различны по определению,

высокое значение по одной оси не уменьшает логическую возможность высокого значения по другой. Асимметрия возникает не на уровне возможности, а на уровне организационных издержек их одновременного обеспечения. Ортогональность понимается, таким образом, аналитически, а не статистически: она устанавливает логическую возможность всех четырех сочетаний осей, включая одновременно высокие значения обеих. Этой логической независимости на практике сопутствует эмпирическая тенденция к взаимному подавлению осей – без специального проектирования контура механизмы оси G по умолчанию подавляют ось A, и наоборот. Эта тенденция – не логический закон, а институциональная закономерность: оба механизма конкурируют за один и тот же ресурс управленческого внимания и инфраструктуру – каналы служебного подчинения, процедуры согласования, критерии оценки. Теоретическая мыслимость комплементарной конфигурации означает лишь отсутствие запрета на такое сочетание, но не отменяет структурных издержек его достижения. Подавление снимается там, где конкуренция за ресурс разрешается разграничением зон компетенции не по уровням иерархии, а по фазам решаемой задачи: постановка замысла – за осью G, реализация – за осью A в пределах заданного замысла. Такое разграничение образует операционный путь к комплементарной конфигурации.

Теоретическое объяснение этой институциональной закономерности содержится в современной теории организационного управления. Механизм взаимного подавления осей G и A известен как парадокс надежности и адаптивности, или проблема организационной разносторонности (organizational ambidexterity) – совмещения эксплуатации накопленных процедур и поиска новых решений, – разработанная в исследованиях Ч. О'Райли и М. Ташмана [17]. Максимизация оси G требует формализации процедур и централизации решений, что минимизирует риск ошибки, но формирует устойчивую склонность отторгать сигналы обратной связи с исполнительского уровня, самоподдерживающуюся и усиливающуюся в периоды внешних потрясений [18]. Максимизация оси A, напротив, требует ослабления централизованного контроля и терпимости к добросовестной ошибке. При избыточной реализации, не уравновешенной осью G, эта ось лишает организацию способности масштабировать локально найденные решения на уровень всей структуры. От амбидекстрии в исходном понимании модель отличается основанием дихотомии: там поиск и использование (exploration/exploitation) заданы логикой распределения ресурсов, тогда как оси G и A производны от парасоновских функциональных требований к системе действия как таковой. Поскольку требования осей антагонистичны по операциональной природе, субъектно-управленческий уровень не сво-

дим к одномерной шкале «эффективности управления»: это двумерное пространство, где каждой из четырех комбинаций осей соответствует самостоятельная конфигурация, а попытка агрегировать дисциплинированность и инициативность в единый показатель маскирует наиболее опасное состояние – формальное благополучие при фактической утрате адаптивного потенциала.

Из установленной ортогональности осей G и A вытекает конфигурационная типология четырех состояний субъектно-управленческого уровня. Если обе оси реализуются в высокой степени, контур сочетает решительность в реализации замысла с гибкостью его тактической реализации: вертикаль эластична и децентрализована, инновации распространяются от локальной практики к системе в целом, а обоснованный риск институционально признается элементом подготовки. Такое состояние можно обозначить как комплементарную конфигурацию. Если высоко реализуется только ось G, контур ориентирован на плановые показатели через скрупулезное соблюдение процедур, а всякое отклонение трактуется как нарушение: вертикаль сверхцентрализована, внедрение инноваций затруднено сложившимся порядком согласования. Такая конфигурация надежна в стабильной среде, но неустойчива при быстром изменении обстановки, – ее можно обозначить как формализованную конфигурацию. Если высоко реализуется только ось A, отдельные звенья контура быстро осваивают новые средства и выстраивают неформальные горизонтальные связи, однако при утрате централизованной координации адаптивные решения носят частный, локальный характер и не масштабируются на уровень всей структуры – родственный, хотя не тождественный, феномен описан в теории адхократии Г. Минцберга [19]. Эту конфигурацию можно обозначить как децентрализованную. Если обе оси реализуются в низкой степени, номинальная вертикаль сочетается с искаженной системой докладов, внедрение инноваций практически отсутствует, а к риску формируется управленческое равнодушие при формальном сохранении процедурной строгости. Данное состояние можно обозначить как дисфункциональную конфигурацию. Названия конфигураций подбирались по принципу категориальной, а не оценочной номинации. Они фиксируют структурный принцип организации, а не степень выраженности свойства.

Устойчивость каждой из четырех конфигураций как теоретического состояния, а не пустого артефакта типологической матрицы, объясняется двумя дополняющими друг друга механизмами воспроизводства. Первый – институциональный изоморфизм: организация, однажды закрепившая определенное соотношение осей G и A в своих процедурах и критериях оценки, воспроизводит его не в силу оптимальности, а в силу самоподдерживающегося характера сложившихся про-

цедурных форм [18]. Формализованная и децентрализованная конфигурации устойчивы именно потому, что закрепившая их инфраструктура сопротивляется изменению независимо от причины исходного перекоса. Второй механизм – морфогенетический цикл М. Арчер: структурные свойства контура, сложившиеся в одном цикле взаимодействия, обуславливают агентное действие в следующем, которое либо воспроизводит структуру (морфостазис), либо изменяет ее (морфогенез) [12]. Комплементарная и дисфункциональная конфигурации – предельные случаи устойчивого морфостазиса при разном качестве исходного разграничения осей, тогда как переход между конфигурациями возможен лишь как морфогенетический сдвиг, требующий целенаправленного изменения структуры контура, а не разового решения. Из соединения этих механизмов следует, что все четыре конфигурации логически и институционально равноправны как устойчивые состояния данного уровня анализа. Ни одна ячейка не пуста в силу того же аргумента, который делает открытым переход между ними, – поэтому заполненность типологии есть теорема, а не наблюдение

Ключевой вопрос – не в том, как субъект управления действует непосредственно в критической оперативной ситуации, а в том, как система управления заблаговременно формирует готовность к эффективному профессиональному действию. Управленческий контур транслирует институциональные требования в устойчивые диспозиции личностного уровня – включая способность военнослужащего быть субъектом собственной профессиональной траектории [20], – задолго до момента непосредственного применения. Продуктивна здесь диспозиционная концепция В.А. Ядова, выделяющая иерархию уровней – от элементарных фиксированных установок через социальные фиксированные и базовые социальные установки к терминальным ценностным ориентациям [4]. Связь между качеством контура и каждым уровнем объясняется конкретными механизмами. На уровне фиксированных установок работает подкрепление: предсказуемый отклик на действие (инициатива не наказывается) закрепляет установку, непредсказуемый – угашает ее. На уровне базовых социальных установок работает ролевая идентификация: воспроизводимая практика комплементарной конфигурации дает основания идентифицировать себя с профессиональной ролью, а не только с позицией в иерархии. На уровне терминальных ценностных ориентаций работает когнитивный диссонанс: расхождение между декларируемыми требованиями долга и чести и фактической практикой способно создавать напряжение, которое может разрешаться либо переосмотром ориентации, либо вытеснением практики из зоны значимого опыта.

Механизм рекурсивного взаимодействия таков: институциональный порядок задает границы, транслируемые в практику контуром, который, в зависимости от конфигурации, либо гармонизирует диспозиции личностного уровня, либо порождает их деструктивное рассогласование. При сбалансированной реализации обеих осей практика способна переводить абстрактные требования долга и профессионализма в конкретный опыт результативного действия, закрепляя ценностные ориентации личного состава через тот же механизм подкрепления. При систематическом подавлении одной из осей субъект управления навязывает исполнителю процедурно избыточные либо не подкрепленные координацией требования. В силу описанного выше механизма когнитивного диссонанса исполнитель в этом случае склонен воспринимать возникающее противоречие не как частный случай несправедливости, а как имманентную характеристику самой системы. При систематическом, а не разовом расхождении разрешение диссонанса обычно идет по пути вытеснения, а не пересмотра ценностной ориентации, – и именно это способно запускать латентное сопротивление и эрозию профессиональной идентичности. Отсюда следует, что устойчивость диспозиционной структуры военнослужащего в экстремальной обстановке не есть исключительно личное качество, а в значительной мере производна от качества контура, действовавшего на протяжении всей его службы. Это подчеркивает значение заблаговременного проектирования подготовки, аттестации и образования, обеспечивающего воспроизводство комплементарной конфигурации.

Заключение

Проведенное теоретико-дедуктивное построение обосновывает субъектно-управленческий уровень как самостоятельный, ранее не обособленный в отечественной военной социологии элемент системы действия военной организации, несводимый ни к институциональному порядку, ни к диспозиционной структуре личности. Уровень задается двумя аналитически независимыми измерениями – целедостижением (G) и адаптацией (A). Их взаимное подавление при отсутствии специального организационного проектирования – устранимая институциональная тенденция, а не логический закон, что открывает возможность формирования конфигураций, сочетающих результативность и адаптивность.

Из модели вытекают три группы следствий. Первая, методологическая: поскольку G и A опираются на разные механизмы, субъектно-управленческий уровень несводим к единой шкале эффективности. Диагностика должна определять положение организации в двумерном пространстве осей G–A, поскольку подавленная адаптация

при высоком целедостижении и недостаточная координация при высокой адаптивности – разные типы дисфункции. Вторая, разграничительная: поскольку адаптация определяется не фактом отклонения от нормы, а открыто доложенным отступлением от порядка при его недостаточности, ее выявление требует критерия, применимого в момент решения, а не по результату, – эксплицитного доклада вышестоящему начальнику о причинах отклонения. Это согласуется с гидденсовским рефлексивным мониторингом действия [11]: результат зависит от случайных факторов среды, тогда как рефлексивная объяснимость основания решения от среды не зависит. Третья группа – общетеоретическая: близость к исследованиям организационной амбидекстрии и военной адаптации позволяет предположить более общее условие функционирования систем, ориентированных одновременно на устойчивость и приспособление к среде. Статистическая проверка независимости осей остается задачей дальнейших исследований.

Модель обладает не только объяснительным, но и конструктивным потенциалом, позволяя перейти от концептуального описания к системе наблюдаемых критериев. Целедостижение (G) раскрывается через объективность оценки обстановки, компетентность (знания и способность развивать ресурсную базу подчиненных) и способность преобразовывать институциональные требования в исполнимые управленческие задачи, обеспечивающие согласованность действий разных уровней организации. Адаптация (A) раскрывается через три критерия: принятие личной ответственности за решение, выходящее за пределы предписания при его недостаточности; прозрачное информирование руководства о принятом решении, отличающее адаптивное действие от скрытого отклонения от порядка; наличие управленческой среды, допускающей обоснованный риск без автоматического вытеснения нестандартных решений.

Практическое значение модели – не только в совершенствовании процедур оценки, подготовки и аттестации управленческих кадров, но прежде всего в изменении объекта анализа. Военная организация – это не только совокупность нормативных требований и характеристик личного состава, но и система с самостоятельным пространством преобразования институционального порядка в организационное действие. Целенаправленное проектирование субъектно-управленческого уровня создает условия для комплементарной конфигурации и представляет собой один из ключевых резервов повышения адаптивности и эффективности военной организации.

Литература

1. Щербина В.В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория:

- генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 56–66.
2. Парсонс Т. О социальных системах / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
 3. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. 4th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2014. 360 p.
 4. Ядов В.А. Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
 5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1 / пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
 6. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. 534 p.
 7. Moskos C.C. From Institution to Occupation: Trends in Military Organization // Armed Forces & Society. 1977. Vol. 4, No. 1. P. 41–50.
 8. Серебрянников В. В., Дерюгин Ю.И. Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996. 446 с.
 9. Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168–173.
 10. Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116.
 11. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
 12. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
 13. Барабанщикова В. В., Образцов И.В., Третьяков А.В. Социологическое обеспечение деятельности высших органов управления Вооруженными Силами: исторический опыт и перспективы // Военная мысль. 2024. № 9. С. 145–158.
 14. King A. Command: The Twenty-First Century General. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 520 p.
 15. Soeters J. Why It Is Important to Be Cautious in the Analysis of Military Organizations: A Reply to Hasselbladh and Ydén // Armed Forces & Society. 2022. Vol. 48. No. 2. P. 480–485. DOI: 10.1177/0095327X20970248.
 16. Knevelsrud H.-C., Sørli H.O., Valaker S. Mission Command: A Self-Determination Theory Perspective // Military Psychology. 2024. Vol. 36. No. 6. P. 672–688. DOI: 10.1080/08995605.2023.2252718.
 17. O'Reilly C. A., Tushman M.L. Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future // Academy of Management Perspectives. 2013. Vol. 27. No. 4. P. 324–338.
 18. Powell W. W., DiMaggio P.J. The Iron Cage Redux: Looking Back and Forward // Organization Theory. 2023. Vol. 4. No. 4. Art. 26317877231221550. DOI: 10.1177/26317877231221550.
 19. Mintzberg H. Structure in Fives: Designing Effective Organizations. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983. 312 p.
 20. Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114.

SUBJECT-MANAGERIAL LEVEL IN THE ACTION SYSTEM OF A MILITARY ORGANIZATION

Poplyovkin N.P.

Alexander Nevsky Military University

The article provides a theoretical and methodological justification of the subject-managerial level within the action system of a military organization as an independent object of analysis. The relevance of the study stems from the fact that domestic military sociology has not previously treated this level as an analytically autonomous element, which limits the study of managerial processes in military collectives. The methodological basis combines T. Parsons' structural-functional analysis and the AGIL scheme, neo-institutional organization theory, A. Giddens' structuration theory, M. Archer's morphogenetic approach, and V. Yadov's dispositional concept. A theoretical-deductive approach is applied, without recourse to empirical illustration. The study introduces the subject-managerial level, orthogonal along the axes of goal attainment and adaptation, grounds the reproduction mechanism of each of the four resulting configurations, and proposes operationalization criteria along with principles for designing training and evaluation systems for managerial personnel.

Keywords: military organization, sociology of management, subject-managerial level, structural-functional analysis, structuration theory, configurational typology

References

1. Shcherbina V.V. Sociology of management as a special sociological-regulatory theory: genesis, growth, prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2020. No. 5. Pp. 56–66. (In Russian)
2. Parsons T. The Social System. Russian translation. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2002. 832 p. (In Russian)
3. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. 4th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2014. 360 p.
4. Yadov V.A. Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: a dispositional concept. 2nd expanded ed. Moscow: TsSPiM, 2013. 376 p. (In Russian)
5. Weber M. Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology. Vol. 1. Russian translation. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 445 p. (In Russian)
6. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. 534 p.
7. Moskos C.C. From Institution to Occupation: Trends in Military Organization. *Armed Forces & Society*. 1977. Vol. 4, No. 1. Pp. 41–50.
8. Serebryannikov V. V., Deryugin Yu.I. Sociology of the Army. Moscow: ISPI RAN, 1996. 446 p. (In Russian)
9. Obraztsov I.V. Russian military sociology today. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019. No. 7. Pp. 168–173. (In Russian)
10. Obraztsov I.V. War as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2020. No. 10. Pp. 106–116. (In Russian)
11. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.

12. Archer M.S. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
13. Barabanshchikova V. V., Obratsov I.V., Tretyakov A.V. Sociological support for the activities of the higher bodies of military command: historical experience and prospects. *Voennaya mysl* [Military Thought]. 2024. No. 9. Pp. 145–158. (In Russian)
14. King A. *Command: The Twenty-First Century General*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 520 p.
15. Soeters J. Why It Is Important to Be Cautious in the Analysis of Military Organizations: A Reply to Hasselbladh and Ydén. *Armed Forces & Society*. 2022. Vol. 48. No. 2. Pp. 480–485. DOI: 10.1177/0095327X20970248.
16. Knevelsrud H.-C., Sørli H.O., Valaker S. Mission Command: A Self-Determination Theory Perspective. *Military Psychology*. 2024. Vol. 36. No. 6. Pp. 672–688. DOI: 10.1080/08995605.2023.2252718.
17. O'Reilly C. A., Tushman M.L. *Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future*. *Academy of Management Perspectives*. 2013. Vol. 27. No. 4. Pp. 324–338.
18. Powell W. W., DiMaggio P.J. The Iron Cage Redux: Looking Back and Forward. *Organization Theory*. 2023. Vol. 4. No. 4. Art. 26317877231221550. DOI: 10.1177/26317877231221550.
19. Mintzberg H. *Structure in Fives: Designing Effective Organizations*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983. 312 p.
20. Sorokin P.S. The problem of «agency» through the lens of the new reality: state and directions of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2023. No. 3. Pp. 103–114. (In Russian)

Системы публичного управления в контексте концепции умного управления (smart governance)

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС; РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена концепции умного управления (smart governance), которая сегодня активно развивается – преимущественно в связи с формированием сети умных городов. В статье предлагается подход к пониманию умного управления в терминах управляющих систем, обладающих интеллектуальным потенциалом. Основу этого потенциала составляет рефлексивная способность, позволяющая умным системам оценивать свое текущее состояние и производить внутренние изменения, тем самым обеспечивая подвижность процессов управления. С другой стороны, для эффективного управления необходим баланс между гибкостью систем управления и устойчивостью их работы. В целом формирование и развитие интеллектуальных управляющих систем должно планироваться индивидуально, на основе руководящих принципов, которые должны наполняться содержанием с учетом конкретных ситуаций и задач управления.

Ключевые слова: публичное управление, системы управления, совершенствование управления, умные города, интеллектуальные системы, умное управление.

В условиях непрестанно возрастающих требований к публичному управлению и постоянных поисков новых управленческих концепций и методов сегодня активно разрабатывается понятие умного управления (smart governance). Эту тему можно рассматривать также в русле более широкой тенденции формирования разнообразных «умных» подходов, связанных с интенсивным развитием современной науки и технологии, общественной жизни, а также внедрением инноваций в различные сферы современного общества. В этом смысле smart governance находится в одном идейном поле с такими понятиями, как умная экономика, умное сельское хозяйство, умное производство, умный транспорт, умные города, умная энергетика и т.п.

С теоретической точки зрения smart governance – это новый, формирующийся подход к проектированию, развитию, совершенствованию систем управления (прежде всего в сфере публичного управления). Данный подход ориентирован на то, чтобы обеспечить соответствие общего уровня качества публичного управления сложным вызовам современного общества. Основной акцент в этом подходе делается на использовании в системах управления передовых достижений в области технологии (особенно информационно-коммуникационных технологий) в сочетании с наиболее эффективными управленческими структурами, методами и практиками.

Ключевая особенность данного подхода хорошо отражена в англоязычном термине «governance» (который противопоставляется такому более традиционному термину, как «government»). Управление как governance означает более широкий ракурс, который в определенном смысле ориентирован в большей степени на процессы и практики, чем на институты власти и публичного управления. [1]

Можно предложить следующую исходную точку зрения подхода smart governance: в данной концептуальной перспективе публичное управление рассматривается в терминах управляющих систем, под которыми могут пониматься различные совокупности участников (акторов) и компонентов, объединенные разнообразными связями и отношениями.

Эта перспектива сразу же выводит подход smart governance за рамки устоявшегося понимания публичного управления в терминах правитель-

ственных институтов и развертывает более широкую трактовку управления как сложного (возможно, распределенного) процесса (или совокупности процессов), в котором могут участвовать самые разнообразные акторы (с различными характеристиками и различной природы). В частности, в работе управляющих систем могут принимать участие граждане, общественные структуры, учреждения из различных секторов, технические системы (или подсистемы в рамках более охватывающих систем управления) и т.п.

Существует устойчивая традиция исследований, в которой умное управление тесно связано с понятием умного города (и такая точка зрения является преобладающей в литературе). В частности, умное управление понимается как необходимая составляющая часть общей системы жизнедеятельности умного города [2].

Однако концепт *smart governance* имеет и самостоятельное значение, и может быть приложим к широкому множеству систем управления.

В настоящее время предложено немало определений умного управления, при этом наиболее распространено мнение, согласно которому ядром или основой систем умного управления являются передовые информационно-коммуникационные технологии. Например, Б. Лазаротто понимает под умным правительством тип управления, использующий множество технологий для оптимизации публичного управления, которые включают цифровую автоматизацию, алгоритмическое и основанное на ИИ принятие решений, технологии работы с данными и т.п. [3]

В работе Г. Перейра с соавт. *smart governance* представляет собой способность использования цифровых технологий и интеллектуальных действий при обработке информации и принятии решений [4, p. 149].

С другой стороны, если принять за точку отсчета широкое понимание *smart governance* в терминах управляющих систем, то открывается более объемлющая перспектива, позволяющая рассматривать интеллектуальные системы управления самых разнообразных типов, структур, функциональной специализации и т.д. В этой перспективе информационно-технологические ресурсы умного управления играют важнейшую роль, однако трактуются в более сбалансированном ракурсе, который учитывает значимость также других необходимых составляющих умных управляющих систем.

В работе [5] были выделены основные функциональные области систем умного управления, которые имеют относительно самостоятельную, но взаимосвязанную природу: технологическая, аналитическая, организационная. Кроме того, можно выделять (при необходимости) такие дополнительные области, как политическую, административную, коммуникативную и др.

Несомненно, обширный комплекс развивающихся передовых технологий (машинное обучение, большие данные, ИИ, цифровые платформы для взаимодействий, интерактивные карты, окружающий интеллект и многое другое) обеспечивает радикально новые возможности для управления, выводит его на новый уровень. Однако сами по себе новейшие технологии не могут решить задачи по формированию эффективно функционирующих систем публичного управления. Для полноценной реализации возможностей, создаваемых технологиями, необходимы целые инфраструктуры, или умные управляющие среды, состоящие из хорошо согласованных компонентов. [6]

В этой связи принятие решений о внедрении мощных цифровых технологий (условно назовем их «умными») в управленческие процессы представляет собой своего рода поворотный пункт, означающий необходимость формирования «более умных» систем управления, в которых их составляющие должны представлять собой хорошо организованные, слаженно работающие управленческие комплексы. Иными словами, передовые технологии должны быть успешно интегрированы в общую систему упорядоченных управленческих структур и процессов.

Важный вопрос состоит в том, что следует понимать под системами умного управления или, иными словами, что нового привносит данный концепт по сравнению с другими современными концепциями публичного управления? Необходимо признать известную размытость понятия *smart governance*, не позволяющую провести более-менее четкое различие между «сма́рт» и «не-сма́рт» управлением.

Например, только использования передовых технологий, как говорилось выше, недостаточно для формирования умных управляющих систем. Кроме того, охарактеризовать систему как умную затруднительно на основе одних ее структурных характеристик (например, сетевой организационной основы). Скорее, разумность (*smartness*) управления представляет собой динамическое свойство, которое проявляется во временном измерении как способность системы обучаться, приобретать опыт управленческой деятельности, совершенствоваться и т.п.

Более того, необходимо подчеркнуть, что вряд ли возможно выделить какую-то единую (или общую) структуру, метаструктуру или конфигурацию элементов умного управления. Это связано с тем, что в различных ситуациях, в том числе в зависимости от специфики управляемых систем (объектов управления), конкретные компоненты (структурные, функциональные, технологические и т.п.) систем *smart governance* могут быть организованы по-разному. Точнее, умное управление должно быть по необходимости специфицировано по отношению к конкретным классам задач. При-

мером могут служить характерные совокупности задач в области городского управления, которые могут решаться посредством относительно самостоятельных (локализованных) подсистем, в том числе автоматизированного или полу-автоматизированного управления – что сегодня демонстрирует развивающаяся парадигма умных городов. Например, умное городское управление должно иметь в своем составе подсистемы, способные решать важнейшие технические вопросы жизнедеятельности города (энергоснабжение, транспорт и городская мобильность, коммунальные системы, качество городской среды, управление отходами и др.) на основе мощных технических средств.

Отличительной особенностью smart governance следовало бы считать наличие в таких управляющих системах интеллектуального потенциала, представляющего собой совокупное качество, в основе которого лежит способность и готовность управляющих систем к обучению и инновациям (и эти свойства тоже могут развиваться со временем). При этом интеллектуальное начало в системах управления также трудно однозначно охарактеризовать, так как оно проявляется по-разному в различных ситуациях и может быть описано лишь в общих чертах.

В связи с этим более корректно было бы понимать smart governance как своего рода установочное, или ориентирующее понятие (концепт-ориентир) – не в жестком нормативно-целевом смысле (т.е. операционализируемое в виде формальных целевых показателей), а как понятие, которое конституирует общее стратегическое видение, формирует работающий комплекс установок управляющей системы. К таким базисным ориентирам можно отнести установки на улучшение общего уровня управления, а также внутренних функциональных свойств управляющих систем.

Интеллектуальный потенциал управляющих систем – само по себе понятие комплексное, многомерное; интеллектуальный потенциал может развиваться в различных направлениях, в том числе как процесс наращивания глубоких, существенных знаний об управляемых системах и их окружающих средах. Так, согласно теории развития, основанного на знаниях, города должны создавать свой собственный уникальный запас знаний, необходимый для местного развития [7].

Основополагающей характеристикой интеллектуального потенциала выступает *рефлексивная способность* (или рефлексивное начало) систем управления, которая проявляется в виде самооценки текущего состояния управляющих систем, а также оценки качества проводимых управленческих воздействий (в единстве с меняющимися состояниями управляемой системы и ее среды). Далее, на основе итогов рефлексивной оценки (и с использованием базы управленческих знаний и опыта) интеллектуальные свойства систем

управления способствуют проведению внутренних настроек и изменений в управляющих системах; это должно обеспечить оптимальное привлечение и использование необходимых управленческих ресурсов и создание гибких, адаптивных управленческих комплексов, специализированных для решения конкретных классов проблем и задач.

Настройки и трансформации управляющих систем могут осуществляться различными способами, что зависит от конкретных обстоятельств. Так, это могут быть спонтанно возникающие (эмерджентные) структурные перестройки – например, изменения взаимоотношений между центрами (узлами), входящими в управляющую сеть, появление новых сетевых паттернов, смена функций руководящих центров и т.п. Подобные варианты особенно ярко демонстрируют сетевые организационные основы систем управления. В частности, это характерно для форм открытого управления (open governance), использующего массовое участие акторов с возникновением различных новых, спонтанных форм самоорганизации [8].

Кроме того, внутренние перестройки в системах умного управления могут реализовываться как специально планируемые изменения на основе текущих данных и практического опыта, экспертных знаний и т.п. Будущие изменения в управляющей системе могут быть также изначально предусмотрены в общей стратегии деятельности, охватывающей как развитие системы управляемой (например, территориальной), так и тесно взаимодействующей с ней системы управления. Некоторые предполагаемые изменения могут предварительно тестироваться – посредством ограниченного экспериментирования (например, на каких-то пилотных площадках), на цифровых моделях (с использованием цифровых двойников или других современных средств) и т.д.

Все эти внутренние усовершенствования призваны обеспечивать подвижность, адаптивность, проактивность, необходимое разнообразие (в терминах У. Эшби) управляющих систем и процессов управления.

Разумеется, проводимые изменения в управляющей системе не должны вызывать нарушений в режимах текущей управленческой деятельности. Иными словами, управляющая система должна функционировать в условиях баланса между ее гибкостью и устойчивостью ее работы. Эта тематика обсуждается сегодня под названием организационной амбидекстрии. [9], [10]

Несомненно, проведение подобных сбалансированных внутренних трансформаций в системах управления требует развитого интеллектуального потенциала и высокой управленческой компетентности. Выбор конкретной формы (или направления) для изменений умной системы управления зависит от ряда конкретных обстоятельств: ресурсов системы, имеющегося опыта, специфики

проблемных ситуаций и др. В целом достижение сочетания подвижности и устойчивости является одной из сложнейших задач для управляющих систем.

Разнообразие условий, в которых работают системы управления, влечет необходимость тщательной адаптации задач по проектированию и совершенствованию интеллектуальных управляющих систем к конкретным контекстам. В качестве исходного пункта для разработки стратегий формирования умных систем управления могут служить некоторые руководящие принципы общего вида (которые затем должны наполняться конкретизированным содержанием). К ним можно отнести, например, такие как: взвешенный подход к внедрению и использованию передовых технологий (предполагающий интеграцию новых технологий в общий контекст управленческих структур и процессов), постоянное развитие управленческих знаний и опыта, ориентацию на достижения баланса между подвижностью (проведением изменений в системах) и устойчивостью работы управляющих систем и др.

В целом можно утверждать, что какого-то единого пути к умному управлению не существует. Формирование и развитие интеллектуальных управляющих систем должно идти по индивидуализированным траекториям, которые должны разрабатываться и корректироваться с учетом множества факторов: таких, как внутренние структурные и другие особенности управляющей системы, доступность управленческих ресурсов, специфика объекта управления, динамически меняющиеся ситуации и цели управления, изменения в технологиях, управленческих знаниях и т.п.

Литература

1. Rhodes R. A.W. The new governance: Governing without government. *Political studies*, 1996, 44(4), 652–667.
2. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. *Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities*. Vienna University of Technology, 2007
3. Lazarotto B. The Role of Technology in Citizens' Right to Good Administration: Examining the Impact of Smart Governments. In: Goossens, J., Keymolen, E., Stanojević, A. (eds) *Public Governance and Emerging Technologies*. Springer, Cham, 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-84748-6_3
4. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. *Information Polity*, 2018, 23, 143–162.
5. Ушаков Е.В. Структуры умного управления (smart governance): функциональные области как составляющие интеллектуальной управленческой деятельности. *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 9. С. 67–71.
6. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures. *Transforming American governance: Rebooting the public square*, 2011, pp.197–212.
7. Chang D.L., Sabatini-Marques J., da Costa E.M. et al. Knowledge-based, smart and sustainable cities: a provocation for a conceptual framework. *J. open innov.*, 2018, 4, 5. <https://doi.org/10.1186/s40852-018-0087-2>
8. Meijer A.J., Lips M., Chen K. Open Governance: A New Paradigm for Understanding Urban Governance in an Information Age. *Frontiers in Sustainable Cities*, 2019, 1:3. doi: 10.3389/frsc.2019.00003
9. Devins G., Kähr C.N. Structuring Ambidextrous Organizations: Exploitation and Exploration as a Key for Long-Term Success. In: *More than Bricks in the Wall: Organizational Perspectives for Sustainable Success*. Gabler, 2010. https://doi.org/10.1007/978-3-8349-8945-1_6
10. Mendes T., Braga V., Silva C. et al. Taking a closer look at the regionally clustered firms: How can ambidexterity explain the link between management, entrepreneurship, and innovation in a post-industrialized world?. *J Technol Transf*, 2023, 48, 2007–2053. <https://doi.org/10.1007/s10961-022-09991-5>

PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEMS IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF SMART GOVERNANCE

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the concept of smart governance, which is currently undergoing active development—mainly in connection with the formation of a network of smart cities. The article offers an approach to understanding smart governance through the lens of governing systems with intellectual potential. The core of this potential lies in reflexive capability, which enables smart systems to assess their current state and implement internal changes, thereby ensuring the flexibility of management processes. On the other hand, effective governance requires a balance between the flexibility of governing systems and the sustainability of their operation. Overall, the formation and development of intelligent governance systems should be planned individually, based on guiding principles that should be filled with content taking into account specific situations and governance tasks.

Keywords: public administration, governance systems, governance improvement, smart cities, intelligent systems, smart governance

References

1. Rhodes R. A.W. The new governance: Governing without government. *Political studies*, 1996, 44(4), 652–667.
2. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. *Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities*. Vienna University of Technology, 2007
3. Lazarotto B. The Role of Technology in Citizens' Right to Good Administration: Examining the Impact of Smart Governments. In: Goossens, J., Keymolen, E., Stanojević, A. (eds) *Public Governance and Emerging Technologies*. Springer, Cham, 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-84748-6_3

4. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. *Information Polity*, 2018, 23, 143–162.
5. Ushakov E.V. Smart governance structures: functional areas as components of intelligent governing activities. *Social and humanitarian knowledge*. 2024. № 9. P. 67–71.
6. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures. *Transforming American governance: Rebooting the public square*, 2011, pp.197–212.
7. Chang D.L., Sabatini-Marques J., da Costa E.M. et al. Knowledge-based, smart and sustainable cities: a provocation for a conceptual framework. *J. open innov.*, 2018, 4, 5. <https://doi.org/10.1186/s40852-018-0087-2>
8. Meijer A.J., Lips M., Chen K. Open Governance: A New Paradigm for Understanding Urban Governance in an Information Age. *Frontiers in Sustainable Cities*, 2019, 1:3. doi: 10.3389/frsc.2019.00003
9. Devins G., Kähr C.N. Structuring Ambidextrous Organizations: Exploitation and Exploration as a Key for Long-Term Success. In: *More than Bricks in the Wall: Organizational Perspectives for Sustainable Success*, 2010. Gabler. https://doi.org/10.1007/978-3-8349-8945-1_6
10. Mendes T., Braga V., Silva C. et al. Taking a closer look at the regionally clustered firms: How can ambidexterity explain the link between management, entrepreneurship, and innovation in a post-industrialized world?. *J Technol Transf*, 2023, 48, 2007–2053. <https://doi.org/10.1007/s10961-022-09991-5>

Роль социальных и научно-цифровых практик в долгосрочном развитии современного инклюзивного пространства

Александрова Наталья Александровна,

кандидат экономических наук, доцент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: jul_alex@mail.ru

Агула Екатерина Юрьевна,

студент магистратуры, кафедра общественных связей и медиаполитики, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: agkate2004@mail.ru

В статье рассматриваются коммуникативные и научно-цифровые практики, определяющие вектор совершенствования современного инклюзивного пространства. Акцент сделан на цифровой среде как катализаторе социальных процессов, а также на межсубъектном диалоге, способствующем включению детей с ограниченными возможностями здоровья в единую образовательную экосистему. Опираясь на опыт Российской Федерации и стран Шанхайской организации сотрудничества, авторы анализируют теоретико-методологические основания цифрового равенства. Выявлено, что именно коммуникация придает технологическим решениям гуманитарную направленность и обеспечивает надежность международной кооперации. Авторами обосновывается перспективность кросс-культурных механизмов взаимодействия и имплементации адаптивных цифровых платформ, необходимых для развития инклюзивного образования в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: коммуникация, цифровая среда, инклюзивное образование, социальные процессы, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Введение

Цифровое насыщение социальных связей меняет конфигурацию участия граждан в общественных процессах, делая привычные барьеры менее устойчивыми и одновременно порождая новые формы дифференциации. Понятие инклюзии, выходя за рамки формального равноправия, интерпретируется на текущий момент как динамическое качество социальной среды, способной ассимилировать многообразие потребностей и обеспечивать субъектность каждому человеку. Однако цифровая среда не является нейтральным вариантом, поскольку возможности по снижению физических ограничений сопровождаются рисками исключения тех, кто не владеет сложными интерфейсами или не имеет регулярного доступа к сетям. Подобная двойственность делает необходимым поиск таких форм организации знания и технологий, которые имеют возможность трансформировать исследовательские результаты в инструменты реального включения. В перспективе происходящая конвергенция академического пространства и технологической среды обуславливает необходимость концептуализации категории «научно-цифровые практики», фиксирующей институционализированные формы взаимодействия научного сообщества с цифровыми инфраструктурами, нацеленные на нивелирование существующих барьеров. Детерминированная экстерриториальной природой сетевых платформ и глобальным характером сопутствующих социотехнических рисков, реализация таких практик имплицитно требует выработки особых механизмов регулирования, наиболее продуктивным институциональным «ареалом» для которых выступает Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Диверсифицированность стран-участниц, репрезентирующих вариативные социально-экономические уклады и социокультурные матрицы, не ограничивает интеграционные векторы, а, напротив, катализирует потенциал организации, позволяя через компаративный анализ национальных стратегий экспонировать составляющие инклюзивного развития. При этом смыслообразующим вектором указанной активности становится коммуникация, выходящая за рамки утилитарного информационного обмена и воспринимаемая с социологической точки зрения – как базовый институт согласования ценностно-нормативных систем, а также инклюзивной репрезентации субъектности

«другого» в системе публичных цифровых сервисов. Российские наработки в области государственных информационных систем, поддерживающих социальные услуги, параллельно с изучением коммуникативных процессов в управлении образуют обширную базу для продвижения инклюзивных решений. Передовые отечественные практики, включая совершенствование специальных сервисов с учетом особых потребностей граждан, предоставляют весомый эмпирический материал для проверки теоретических гипотез.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Цифровизация, распространяющаяся по континентам неравномерно, заставляет пересматривать устоявшиеся схемы социализации и получения знаний. Для лиц с ограниченными возможностями здоровья онлайн-среда превращается в действенный канал восполнения дефицитов, вызванных моторными, зрительными или слуховыми ограничениями, – через дистанционные курсы, удаленную занятость, цифровые библиотеки и коммуникационные платформы [1, с. 122–125]. Вместе с тем сама по себе техническая доступность еще не создает равенства; это объясняется тем, что отсутствие адаптированных интерфейсов, сложные сценарии верификации, невнятные субтитры или игнорирование потребностей людей с ментальными особенностями воспроизводят барьеры уже внутри нового медиума. Следовательно, формирование безбарьерного пространства социума необходимо относить к числу фундаментальных условий долгосрочной социальной стабильности [8, с. 48–51]. Демографическая динамика придает данному условию нарастающую остроту. Во многих странах фиксируется рост численности граждан, имеющих официально установленные отклонения здоровья и нуждающихся в особых форматах социального взаимодействия, что приводит к расширению круга лиц с особыми потребностями в обозначенном содействии. Решение проблемы перестает быть делом отдельных ведомств и переходит в плоскость межгосударственной координации [3].

Наглядным маркером обозначенного перехода стало девятое совещание министров образования государств Шанхайской организации сотрудничества, прошедшее 13 мая 2025 года в Урумчи. Участники встречи отметили необходимость интенсификации цифровых образовательных инструментов и расширения межвузовского взаимодействия, что отражает общее понимание цифровой инклюзии как ресурса стабильности и технологического развития. Примечательно, что консолидация позиций достигнута в условиях существенных различий экономических моделей и социокультурных контекстов стран-участниц, следовательно, обсуждаемая повестка обладает реальным интеграционным потенциалом. Фокус исследовательского поиска смещается в плоскость изучения ин-

ституционального сопряжения микросоциологических практик повседневного взаимодействия и алгоритмических процессов, опосредующих конвергенцию научного знания в протокольные и интерфейсные решения [4, с. 95–98]. Исследуя названное сопряжение в качестве основной детерминанты надежности инклюзивных трансформаций, авторы выдвигают гипотезу о том, что научно-цифровые практики не исчерпываются исключительно стандартным программированием или внедрением готовых программных продуктов. Наоборот, в представленном случае происходит их концептуализация как сложного социотехнического комплекса, интегрирующего диагностику потребностей лиц с определенными отклонениями в состоянии здоровья, сценарное моделирование пользовательского поведения, превентивную фиксацию латентных дисфункций автоматизации, а также непрерывную рефлексивную коррекцию регулирующих нормативно-ценностных рамок.

Методологические основы настоящего исследования сформированы исходя из системно-структурной парадигмы, в рамках которой инклюзивное пространство интерпретируется в качестве многоуровневой социальной структуры, где функциональная значимость и смысловая наполненность каждого институционального элемента раскрываются посредством системы его отдельных связей с целым. Логика исследования выстроена на индуктивно-дедуктивном цикле в сочетании с аналитическим обобщением, что обеспечило концептуальную точность формулируемых положений. В качестве эмпирического фундамента выступил содержательный контент-анализ ряда нормативно-правовых актов и публикаций в профильных рецензируемых изданиях.

Практическая значимость полученных результатов определена их конвертируемостью в институциональные механизмы публичной политики, нацеленной на долгосрочное преодоление цифрового неравенства и сглаживание имеющихся диспропорций [9]. Сформированный концептуальный базис составляет тот аналитический фундамент, который востребован государственными регуляторными органами, а также наднациональными институтами, в первую очередь, образовательными ведомствами стран-участниц ШОС при аудите действующих программных документов и стратегической разработке перспективных направлений социально-цифрового развития. Прикладная релевантность представленных рекомендаций раскрывается посредством адаптации моделей инклюзивного образования, имплементацию ассистивных технологий в педагогическую повседневность и институционализацию сетевых механизмов непрерывного повышения квалификации преподавательского состава, демонстрируя высокую степень применимости на всех уровнях образования [12].

Опора на комплексный анализ специфических коммуникативных потребностей социально уязвимых категорий населения в сочетании с систематизацией отечественных кейсов задает референтную рамку для оптимизации системы публичных цифровых продуктов в соответствии с международными стандартами веб-доступности [7]. Вместе с тем выводы исследования имеют выраженную социокультурную роль, проявляющуюся в интенсификации транснациональной интеграции стран ШОС, поскольку импульс получают процессы кросс-культурной передачи научно-методического капитала, а также пилотной апробации инновационных форматов цифровой инклюзии [10, с. 358–361].

Материалы исследования

Переход цифрового неравенства из категории локально-применяемых диспропорций в составляющую социальной стратификации обуславливает сдвиг инклюзивного дискурса за рамки национальных границ. В рамках макрорегионального взаимодействия, реализующегося на площадке ШОС, стабильность инклюзивного сегмента цифровой экономики прямо пропорционально зависит от степени институционализации академических обменов, кросс-национального трансфера передовых педагогических практик, совместной сборки открытых депозитариев знаний и унификации профессиональных стандартов подготавливаемых кадров. Следует отметить, что нормативно-правовая база исследования представлена актами ШОС (резолюциями Совета министров образования, стратегическими декларациями и меморандумами), среди которых аналитически выделяются материалы IX Совещания руководителей образовательных ведомств (май 2025 г.), зафиксировавшего среднесрочные приоритеты межнациональной интеграции. В дополнение к этому, тщательно изучены экспертно-диагностические доклады ИИТО ЮНЕСКО, раскрывающие структурные трансформации образовательных институтов под воздействием цифровизации. Наконец, прикладная часть исследования составлена на основе содержательного аудита отечественных образовательных платформ («Моя школа», «Российская электронная школа», «Учи.ру»), а также специализированных цифровых экосистем, нацеленных на удовлетворение специфических коммуникативных и когнитивных потребностей обучающихся с особым состоянием здоровья.

Примечательно, что логика внедрения цифровых инструментов в сферу образования, как подчеркивают специалисты ИИТО ЮНЕСКО, все теснее сопрягается с потенциалом искусственного интеллекта и принципами открытого обучения, что в контексте инклюзивной практики приобретает выраженное прикладное звучание [11]. В этой связи уместно обратиться к позиции исследовате-

ля Е.Ю. Востряковой, справедливо указывающей на необходимость комплексной перестройки педагогического процесса, поскольку содержательный компонент, пространственно-временная организация занятий и система сопровождения обучающихся требуют согласованной адаптации [5].

Перспективные направления

На основании проведенного исследования и обсуждения результатов представляется целесообразным сформулировать следующие перспективные направления, сосредоточенные на долгосрочном развитии инклюзивного пространства современных стран посредством научно-цифровых практик с особым акцентом на коммуникационные аспекты [2, с. 18–21]. Современная государственность, претендующая на стабильное развитие, вынуждена переосмысливать условия доступности социальных институтов; и в представленном переосмыслении отчетливее проявляется связь между коммуникативными практиками, научным знанием и цифровыми инфраструктурами. Именно на стыке описываемых компонентов формируется инклюзивное пространство, не сводимое к физической безбарьерности – оно предполагает постоянное согласование образовательных, культурных и технологических смыслов. Раскрывая потенциал транснациональной интеграции в макрорегионе ШОС, отмеченная проблема актуализирует институциональные траектории, в которых гуманитарное направление развивается на фоне ярко выраженной социокультурной, а также правовой неравномерности стран-участниц. Проведенный авторами анализ дает возможность выделить пролонгированные векторы трансформации, которые определяются воспроизводством и масштабированием научно-цифровых практик в публичной сфере.

Первостепенным звеном выступает сетевая профессионализация педагогических кадров в области цифровой инклюзии, рассматриваемая в качестве фактора воспроизводства квалифицированного человеческого капитала. Разработка соответствующих образовательных модулей имплицитно требует интеграции принципов универсального дизайна обучения, методов освоения ассистивных сервисов, нормативных стандартов веб-доступности, а также алгоритмов адаптации дидактических задач, вариативных контрольно-оценочных процедур и регламентов применения искусственного интеллекта [5, с. 79–81]. Будучи имплементированной в структуру гуманитарного взаимодействия государств-членов ШОС, подобная модель инклюзивного образования обучающихся с особыми психофизическими потребностями считается уже системным фактором поддержания социальной солидарности. В долгосрочной перспективе институционализация сетевой переподготовки сформирует профессиональный

ресурс, способный устранять возможные риски и гармонизировать академические стандарты с индивидуальными образовательными траекториями.

Наряду с этим, другим вектором представляются коллективные усилия по созданию централизованного банка адаптированных учебных материалов. Совместные проекты, предусматривающие перевод качественного инклюзивного контента на языки стран ШОС, могут существенно повысить доступность образовательного наполнения для широкого круга лиц с особенностями развития [6, с. 23–26]. Принципиально важна здесь не только техническая возможность воспользоваться материалом, но и смысловая адекватность, достигаемая через учет лингвокультурной специфики. Коммуникационный аспект оказывается встроенным в саму структуру цифрового ресурса, что свидетельствует о формировании надежной экосистемы инклюзивного знания, воспроизводимой и развиваемой усилиями всех участников объединения.

Выводы

Долгосрочное развитие инклюзивного пространства современных государств с каждым годом заметнее определяется тем, насколько успешно социальные практики встраиваются в цифровую инфраструктуру. Одной из основных показательных областей выступает образование, поскольку указанная сфера соединяет общедоступность качественных знаний, технические ограничения и необходимость гибких интерактивных решений; вместе с тем, проблемы доступности учебного процесса приобретают двойной характер – социальный и технологический одновременно. Институциональная неделимость перечисленных систем актуализирует возможность перехода национальных государств от локальных инициатив к форматам международной кооперации, в которой цифровая инклюзия является приоритетной точкой макрорегионального развития. Эмпирические данные, полученные авторами при анализе исследуемых пространств стран-членов ШОС, определяют положение о том, что научно-цифровые практики стремительными темпами превращаются из вспомогательного инструмента в главный «двигатель» развития всей системы образования. В данном контексте российская модель демонстрирует высокую репрезентативность – масштабирование федеральных цифровых платформ и специализированных экосистем иллюстрирует динамику адаптируемости специального контента под различные особенности детей, параллельно расширяя область применения ассистивных технологий и выстраивая необходимые каналы инклюзивной коммуникации. Обусловленная системной интеграцией коммуникативных пространств, альтернативных систем взаимодействия и алгоритмов искусственного интеллек-

та, отечественная практика приобретает значение главного ориентира для стран ШОС. Таким образом, современные государства формируют надежную основу для планомерного расширения инклюзивного социально-цифрового пространства, которое прогрессивно сочетает научно-технологические тренды с реальными запросами лиц, имеющих определенные потребности в связи с особым состоянием здоровья.

Литература

1. Агула Е.Ю. (2025). Коммуникационные стратегии государственной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья: концептуальная модель и методологические основания // *Коммуникология*. Т. 13 № 4. С. 114–134.
2. Александрова Н.А., Агула Е.Ю. (2026). Совершенствование инклюзивной коммуникационной среды в практике поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья // *Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях*. № 6(251). С. 15–24.
3. Александрова Н.А. (2007). Человеческий капитал: инвестиции и эффективность использования // *Актуальные проблемы технических, экономических, юридических и социальных наук*. Том II, Московский государственный индустриальный университет. С. 94–96.
4. Вавилова Ж.Е. (2025). Грани медиаинклюзии: гранфлюенсинг и эйджизм в цифровом пространстве // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Т. 7, № 4. С. 80–108.
5. Вострякова Е.Ю. (2023). Особенности организации обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов по дополнительным общеобразовательным программам с применением дистанционных образовательных технологий // *Калининградский вестник образования*. № 1. С. 77–83.
6. Галустян Г.М. (2022). Создание единой образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья // *Вестник научных конференций*. № 10–4 (86). С. 18–29.
7. Кожевников О.А., Савоськин А.В. (2024). Социальные сети как развивающийся способ коммуникации органов власти с гражданами: состояние и перспективы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. Т. 30. № 2. С. 151–155.
8. Мелешко В.Г. (2021). Социальные аспекты интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в современные условия жизни общества // *Коррекционно-педагогическое образование*. № 3 (27). С. 45–56.
9. Резникова О.С. (2020). Участие государства в социальной политике и его роль в повышении качества жизни населения // *Век качества*. № 1. С. 24–35.

10. Селиванова С.С. (2024). Тенденции адаптации системы общего образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья // Уфимский гуманитарный научный форум. № 1 (17). С. 349–362.
11. Соипова С.С. (2022). Особенности адаптации и обучения детей с ОВЗ в современном мире // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. С. 622–627.
12. Тарасова Е.А. (2023). Взаимодействие школы и семьи в процессе обучения детей с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. № 30 (477). С. 153–155.

THE ROLE OF SOCIAL AND SCIENTIFIC DIGITAL PRACTICES IN THE LONG-TERM DEVELOPMENT OF MODERN INCLUSIVE SPACE

Aleksandrova N.A., Agula E.Y.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This paper examines communicative and digital scientific practices that shape the development trajectory of inclusive environments across modern states. Particular emphasis is placed on the digital ecosystem as an accelerator of societal dynamics, alongside inter-subjective dialogue that enables the seamless integration of children with special health needs into a unified educational domain. Drawing upon empirical and theoretical insights from the Russian Federation and member states of the Shanghai Cooperation Organisation, the authors evaluate the theoretical and methodological frameworks underpinning digital equity. The findings demonstrate that purposeful communication endows technological solutions with a humanistic orientation while reinforcing the resilience of international partnerships. Ultimately, the study substantiates the strategic value of refining cross-cultural engagement mechanisms and implementing adaptive digital platforms required for the sustainable advancement of inclusive education.

Keywords: communication, digital environment, inclusive education, social processes, disabilities children's.

References

1. Agula E.Y. (2025). Communication Strategies of State Support for Children with Disabilities: Conceptual Model and Methodological Foundations. *Communicology*. Vol. 13, No. 4. P. 114–134.
2. Aleksandrova N.A. (2007). Human Capital: Investments and Efficiency of Use. *Actual Problems of Technical, Economic, Legal and Social Sciences*. Vol. II, Moscow State Industrial University. P. 94–96.
3. Aleksandrova N.A., Agula E.Y. (2026). Improving the Inclusive Communication Environment in the Practice of Supporting Children with Disabilities. *Accounting and Taxation in Budgetary Organizations*. No. 6 (251). P. 15–24.
4. Galustyan G.M. (2022). Creating a Unified Educational Environment for Children with Disabilities. *Bulletin of Scientific Conferences*. No. 10–4 (86). P. 18–29.
5. Kozhevnikov O.A., Savoskin A.V. (2024). Social networks as a developing means of communication between government bodies and citizens: status and prospects. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 30. No. 2. P. 151–155.
6. Meleshko V.G. (2021). Social aspects of the integration of children with disabilities into modern living conditions of society. *Correctional and pedagogical education*. No. 3 (27). P. 45–56.
7. Reznikova O.S. (2020). State participation in social policy and its role in improving the quality of life of the population. *Century of quality*. No. 1. P. 24–35.
8. Selivanova S.S. (2024). Trends in the adaptation of the general education system for children with disabilities and children with disabilities. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. No. 1 (17). P. 349–362.
9. Soipova S.S. (2022). Features of adaptation and education of children with disabilities in the modern world. *Collection of materials of the VII International scientific and practical conference*. P. 622–627.
10. Tarasova E.A. (2023). Interaction between school and family in the process of education of children with disabilities. *Young scientist*. No. 30 (477). P. 153–155.
11. Vavilova Z.E. (2025). Facets of Media Inclusion: Granfluence and Ageism in the Digital Space. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 7, No. 4. P. 80–108.
12. Vostryakova E.Y. (2023). Features of the Organization of Education of Children with Disabilities, Children with Disabilities in Supplementary General Education Programs Using Distance Education Technologies. *Kaliningrad Bulletin of Education*. No. 1. P. 77–83.

Ливийский конфликт как тест на внешнеполитическую идентичность социалистической партии Франции

Ароян Эмиль Каренович,
аспирант, РГГУ
E-mail: emil_712@bk.ru

В статье рассматривается позиция Социалистической партии Франции (СПФ) по ливийскому кризису 2011 г. как индикатор её внешнеполитической идентичности в условиях президентства Николя Саркози. На основе стенограмм заседаний Национального собрания Франции, официальных документов и материалов прессы реконструируется эволюция позиции социалистов – от опережающего требования международного вмешательства в конце февраля 2011 г. до критики темпов и способа реализации операции «Харматтан» и последующего частичного дистанцирования при голосовании о продлении интервенции в июле 2011 г. Показано, что СПФ не свелась ни к пацифистскому отказу от силы, ни к безоговорочной поддержке президента: партия признала легитимность операции, санкционированной резолюцией 1973 Совета Безопасности ООН и мотивированной защитой гражданского населения, но настаивала на разграничении между принципом многосторонней гуманитарной интервенции и персонализированной внешней политикой Н. Саркози. Установлено, что позиция по Ливии обнажила внутрипартийное напряжение между «реалистическим» и «пацифистско-антиимпериалистическим» крылом накануне президентских праймериз, а также стала частью более широкой преемственности социалистического внешнеполитического дискурса – приверженности ООН, многосторонности и концепции ответственности по защите. Делается вывод о гибридном характере внешнеполитической идентичности СПФ.

Ключевые слова: Социалистическая партия Франции, ливийский конфликт, внешнеполитическая идентичность, ответственность по защите, многосторонность, Николя Саркози, резолюция 1973 СБ ООН, гуманитарная интервенция.

Введение

Актуальность темы

Ливийский кризис 2011 г. стал одним из первых крупных испытаний для западноевропейских левых партий в вопросе применения военной силы на фоне так называемой «арабской весны». Для Социалистической партии Франции (СПФ), находившейся в оппозиции президенту Николя Саркози и готовившейся к президентским праймериз октября 2011 г. и выборам 2012 г., позиция по Ливии оказалась не только внешнеполитическим, но и внутриполитическим испытанием: партии предстояло определить своё отношение к силовому вмешательству, к роли ООН и многосторонности, к соотношению гуманитарных ценностей и принципа государственного суверенитета, а также выработать линию поведения по отношению к правительству, инициировавшему интервенцию. Внешняя политика Франции при Н. Саркози достаточно подробно исследована в отечественной историографии [7; 8], однако собственно партийный, левый дискурс о Ливии – позиция СПФ как самостоятельный предмет анализа – остаётся малоизученным, что и определяет актуальность настоящей работы.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступает внешняя политика Франции и партийно-политический дискурс левых сил в период ливийского кризиса 2011 г. Предметом – позиция Социалистической партии Франции по ливийскому конфликту как индикатор её внешнеполитической идентичности.

Цель и задачи

Цель статьи – реконструировать и проанализировать позицию СПФ по ливийскому кризису 2011 г. и показать, каким образом она раскрывает ключевые элементы внешнеполитической идентичности партии. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. описать контекст ливийского кризиса и характер французского участия в интервенции;
2. реконструировать официальную позицию СПФ и её аргументацию на разных этапах кризиса;
3. выявить внутрипартийные дебаты и расхождения;
- 4) интерпретировать позицию СПФ в рам-

ках более общей эволюции внешнеполитической доктрины французских социалистов.

Источники и методы

Источниковую базу составили стенограммы пленарных заседаний Национального собрания Франции за март и июль 2011 г. [1; 2], текст резолюции 1973 Совета Безопасности ООН [3], официальные документы французского правительства [4], а также материалы французской и англоязычной прессы, содержащие данные о результатах парламентских голосований и внутрипартийных расхождениях [5; 6]. Методологически исследование опирается на историко-генетический и историко-системный подходы, а также на элементы дискурс-анализа и контент-анализа парламентских выступлений, что позволяет проследить эволюцию аргументации социалистов на протяжении кризиса.

Основной тезис статьи состоит в том, что СПФ не заняла ни чисто пацифистской, ни безусловно интервенционистской позиции, а выработала гибридный подход: партия поддержала операцию, санкционированную ООН и мотивированную защитой гражданского населения, но одновременно критиковала персонализацию внешней политики Саркози, стремясь отделить легитимность многосторонней интервенции от внутривнутриполитических выгод правящей партии.

1. Ливийский кризис 2011 г. и французское участие: контекст

Восстание против режима М. Каддафи, начавшееся в Ливии в середине февраля 2011 г. на фоне волны протестов «арабской весны», быстро приобрело характер вооружённого конфликта между силами повстанцев, закрепившихся в Бенгази, и правительственными войсками. По мере приближения правительственных сил к Бенгази международное сообщество усилило давление в пользу более решительных мер по защите гражданского населения.

Франция заняла в этом процессе демонстративно опережающую позицию. 10 марта 2011 г. она стала первым государством, принявшим представителей ливийского Национального переходного совета (НПС) и объявившим его «легитимным представителем ливийского народа»; официальное признание НПС в качестве единственного носителя государственной власти в отношениях с Францией последовало позднее, 7 июня 2011 г. [4]. 17 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН – по инициативе Франции, Ливана и Великобритании – принял резолюцию 1973, санкционировавшую создание бесполётной зоны и разрешавшую государствам-членам «принимать все необходимые меры» для защиты гражданского населения, за исключением ввода оккупационных сил; резолюция была принята 10 голосами «за» при 5 воз-

державшихся (Германия, Бразилия, Китай, Индия, Россия) [3].

Уже 19 марта 2011 г. французская авиация нанесла первые удары по позициям сил Каддафи под Бенгази, остановив угрозу штурма города. Французская операция получила наименование «Харматтан» (Harmattan) и с 31 марта 2011 г., когда командование объединённой операцией НАТО «Юнифайд протектор» приняло на себя Североатлантический альянс, действовала в его рамках; Франция при этом оставалась одним из крупнейших вкладчиков сил – около 4000 военнослужащих, 8 кораблей и порядка 40 боевых самолётов [11].

Внутриполитический контекст интервенции для правящего большинства был непростым: рейтинг Н. Саркози оставался низким, страна вступала в электоральный цикл, завершавшийся президентскими выборами весной 2012 г., а сам факт единоличной, персонализированной инициативы президента в вопросах применения силы вызывал в оппозиции опасения по поводу использования внешней политики в избирательных целях. Именно эта комбинация – легитимный по форме (мандат ООН) и спорный по политическому исполнению (персонализация Саркози) характер операции – определила рамку, в которой пришлось формулировать свою позицию Социалистической партии.

2. Официальная позиция Социалистической партии Франции: между поддержкой и дистанцированием

Первая реакция руководства СПФ на разворачивающийся кризис предшествовала самой резолюции 1973. Как отмечал впоследствии председатель социалистической группы в Национальном собрании Ж.-М. Эро, выступая 22 марта 2011 г. в ходе прений по заявлению правительства (ст. 35 Конституции), начиная с 25 февраля социалисты, устами первого секретаря партии Мартин Обри, призывали международное сообщество к установлению зоны, запрещённой для полётов [1]. Таким образом, требование более решительных действий в защиту гражданского населения Ливии социалисты выдвинули раньше, чем оно было формализовано в резолюции ООН, – что впоследствии позволяло партии претендовать на приоритет в гуманитарной повестке и избегать образа простого «попутчика» президента.

Вместе с тем та же речь Ж.-М. Эро содержала прямую критику в адрес правительства: он напомнил, что три недели прошли до принятия резолюции 1973, в течение которых противники режима Каддафи стояли у ворот Триполи, а решающий момент – остановка контрнаступления у Бенгази – едва не оказался упущен [1]. Эро подчеркнул, что за несколько недель до этого он вместе с колле-

гами по социалистической, радикальной и гражданской группе твёрдо оспаривал двусмысленную позицию президента Республики [1]. Тем самым социалисты формулировали двойное послание: поддержку самого принципа вмешательства при одновременной критике его темпов, координации и, косвенно, персонального стиля принятия решений Саркози.

Данная логика – поддержка интервенции, санкционированной ООН, при неприятии её персонализации и присвоения одной партией, – сохранялась и в последующие месяцы. При голосовании 12 июля 2011 г. о продлении французского военного участия за пределы четырёхмесячного срока (ст. 35, ч. 3 Конституции) Национальное собрание в целом одобрило продолжение операции подавляющим большинством – 482 голоса «за» при 27 «против»; аналогичным образом высказался и Сенат – 311 голосов «за» при 24 «против» [5]. Однако внутри этого консенсуса позиция социалистической группы была неоднородной: по сообщениям прессы, порядка 45 депутатов-социалистов воздержались при голосовании, мотивируя это тем, что фактический ход операции выходит за пределы мандата, очерченного резолюцией 1973 и ограниченного защитой гражданского населения [6]. Иными словами, значительная часть социалистической группы поддержала не операцию как таковую, а лишь ту её версию, которая строго соответствовала бы первоначальному гуманитарному и многостороннему обоснованию, – и дистанцировалась в тот момент, когда, по её оценке, операция стала приобретать черты содействия смене режима, инициированного и персонифицированного Елисейским дворцом.

Таким образом, официальная позиция СПФ по Ливии в течение 2011 г. эволюционировала не по линии «за – против», а по линии уточнения условий поддержки: от опережающего требования вмешательства в конце февраля – через критику медлительности и двусмысленности в марте – к частичному дистанцированию в июле, когда фактическое развитие операции стало восприниматься частью группы как отход от изначального гуманитарного мандата.

3. Внутрипартийные дебаты и напряжение в позиции СПФ

Формальное партийное единство при голосованиях в Национальном собрании не отменяло существования внутри СПФ разнонаправленных течений в оценке ливийской операции. Можно условно выделить два полюса. Первый – более «реалистическое» крыло, для которого операция под мандатом ООН представляла собой оправданный прецедент применения концепции «ответственности по защите» (R2P), реализованный многосторонним путём и с опорой на международное право; для этой части

партии сдержанность в вопросе применения силы воспринималась как повторение ошибок бездействия на Балканах в 1990-е годы. Второй полюс – крыло, более чувствительное к антиимпериалистической традиции французских левых и опасавшееся повторения иракского сценария 2003 г., то есть превращения гуманитарной операции в инструмент смены режима и долгосрочной дестабилизации региона; именно из этого сегмента исходила критика, выразившаяся в упомянутом выше воздержании части группы при голосовании 12 июля.

Данное напряжение проецировалось и на сравнение с другими силами французского политического спектра. Французская коммунистическая партия и депутаты группы «Демократическая и республиканская левая» (GDR), объединявшей коммунистов, часть экологов и Левую партию, в большинстве своём голосовали против продления операции – за исключением двух депутатов-экологов (Н. Мамер и Ф. де Рюжи), поддержавших продление; аналогичным образом проголосовали 24 сенатора-коммуниста и представителя Левой партии [5; 6]. Одновременно кандидат от Левой партии на президентских выборах 2012 г. Ж.-Л. Меланшон занимал более благосклонную по отношению к операции позицию, чем его однопартийцы-парламентарии, что свидетельствует о фрагментированности левого фланга в целом, а не только внутри СПФ [6]. На этом фоне позиция социалистов – поддержка при оговорках – выглядела промежуточной между безоговорочным одобрением правого большинства и последовательным неприятием со стороны компартии.

Наконец, ливийский вопрос был вписан во внутривнутрипартийную конкуренцию накануне праймериз. Первый секретарь партии Мартин Обри, публично инициировавшая гуманитарную повестку ещё в конце февраля, в июне 2011 г. объявила о выдвижении своей кандидатуры на президентских праймериз, которые она в итоге проиграла Ф. Олланду в октябре того же года. Позиция по Ливии, ассоциировавшаяся прежде всего с именами М. Обри и Ж.-М. Эро, работала на образ партии, способной к ответственной, «государственной» внешней политике, – что имело значение в контексте предстоящей президентской кампании, где вопрос о готовности социалистов к управлению страной, включая сферу национальной безопасности, традиционно ставился их оппонентами под сомнение.

4. Ливия как тест на внешнеполитическую идентичность СПФ

Проведённый анализ позволяет реконструировать несколько устойчивых элементов внешнеполитической идентичности СПФ, проявившихся в ливийском кейсе.

Во-первых, это последовательная приверженность многосторонности и центральной роли ООН

как источника легитимности применения силы. На всех этапах кризиса – от требования зоны, запрещённой для полётов, в конце февраля до одобрения продления операции в июле – социалисты обосновывали свою позицию ссылкой на резолюцию 1973 и мандат Совета Безопасности, а не на национальные интересы Франции или личный авторитет президента. В терминах теории международных отношений это соответствует модели «ответственного интервенционизма», совместимого с концепцией ответственности по защите: как отмечают А. Дж. Беллами и П. Уильямс, ливийский кейс на момент его развёртывания воспринимался значительной частью международного экспертного сообщества как образцовое – хотя и не бесспорное – применение принципа R2P именно потому, что вмешательство было санкционировано Советом Безопасности, а не предпринято в обход его [9]. Т. Дж. Вайсс в этом же ключе оценивал ливийскую операцию как подтверждение жизнеспособности доктрины R2P после Косово и провала в Дарфуре [10].

Во-вторых, это готовность к ограниченному, обусловленному интервенционизму: поддержка операции была обусловлена её строгим соответствием гуманитарной цели защиты населения, а не более широкой задаче смены режима. Именно поэтому расширение фактических целей операции – переход от защиты Бенгази к системной поддержке НПС и падению режима Каддафи – стало для части социалистической группы основанием для дистанцирования при голосовании 12 июля, тогда как принцип интервенции как таковой пересмотру не подвергался.

В-третьих, кейс обнажил свойственное партии стремление отделить «принципы» от «персон» – поддержку операции как таковой от поддержки президента Саркози, инициировавшего и персонифицировавшего её. Эта линия, отчётливо заявленная Ж.-М. Эро уже 22 марта 2011 г., позволяла социалистам одновременно голосовать за продолжение операции и сохранять критическую дистанцию по отношению к правящему большинству, – конструкция, типичная для оппозиционной партии, не желающей ни солидаризироваться с непопулярным президентом, ни быть обвинённой в пацифистской пассивности накануне выборов.

Наконец, в-четвёртых, позиция по Ливии зафиксировала сохраняющееся внутрипартийное напряжение между левой антиимпериалистической традицией и практической готовностью поддерживать западные, в том числе натовские, операции, – напряжение, характерное для эволюции внешнеполитического дискурса СПФ в целом. Как показывает Е.О. Обичкина, характеризуя внешнюю политику Франции при Саркози, активное дипломатическое наступление французского президента в регионе, включая ливийское направление, явилось логическим итогом его внешнеполитиче-

ского курса, стремившегося сохранить за Францией роль державы с глобальной ответственностью в мире, где могущество стало понятием относительным [7, с. 354]; примечательно, что в этом отношении позиция социалистов – при всей критике персонального стиля Саркози – не оспаривала саму претензию Франции на роль активного участника многосторонних гуманитарных операций, а скорее настаивала на её более коллегиальном и институционально оформленном исполнении. Сходная преемственность подтверждается и на материале последующего периода – ближневосточной политики Франции при Саркози и Олланде, где, как показывает М.А. Ивашкин, установки на активное вовлечение Франции в региональные кризисы через многосторонние механизмы сохранялись вне зависимости от партийной принадлежности президента [8].

Таким образом, ливийский кризис 2011 г. может рассматриваться как показательный тест, обнаживший гибридную природу внешнеполитической идентичности СПФ: партии левой по системе ценностей (права человека, многосторонность, недоверие к персонализированному лидерству), но прагматичной по инструментарию (готовность к силовому вмешательству при должной международно-правовой легитимации).

Заключение

Анализ позиции Социалистической партии Франции по ливийскому кризису 2011 г. подтверждает выдвинутую гипотезу: партия не свелась ни к пацифистскому отказу от применения силы, ни к безусловной поддержке правительственной инициативы. Реконструкция официальных заявлений и парламентских дебатов показывает, что СПФ последовательно связывала свою поддержку операции с двумя условиями – наличием мандата ООН и её строгим ограничением задач защиты гражданского населения, – и была готова дистанцироваться от операции по мере того, как эти условия, по оценке части группы, переставали соблюдаться.

Внутрипартийные дебаты обнаружили сосуществование в СПФ «реалистического» крыла, ориентированного на концепцию ответственности по защите и многосторонний интервенционизм, и более осторожного, антиимпериалистически настроенного крыла, опасавшегося повторения иракского сценария; частичное воздержание около сорока пяти депутатов при голосовании 12 июля 2011 г. стало наиболее наглядным проявлением этого напряжения.

Наконец, кейс Ливии показывает устойчивое для СПФ стремление разграничивать принципиальную поддержку многосторонней гуманитарной интервенции и поддержку конкретного президента, персонифицировавшего эту интервенцию, – конструкция, позволявшая партии совмещать ста-

тус ответственной, «государственнической» позиции с сохранением критической дистанции по отношению к Н. Саркози накануне электорального цикла 2011–2012 гг.

В более широкой перспективе ливийский кейс 2011 г. подтверждает тезис о преемственности элементов внешнеполитической идентичности французских социалистов: приверженность ООН и многосторонности сочетается у СПФ с прагматическим принятием силового инструментария внешней политики Пятой республики. Сопоставление ливийского кейса с позицией СПФ по Мали (2013 г.) и Сирии (2013, 2015 гг.) в период президентства Ф. Олланда представляется перспективным направлением для дальнейшего исследования эволюции левой внешнеполитической идентичности во Франции.

Литература

1. Assemblée nationale. Compte rendu intégral. XIIIe législature, session ordinaire 2010–2011. Première séance du mardi 22 mars 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/13/cr/2010–2011/20110144.asp> (дата обращения: 12.08.2026).
2. Assemblée nationale. Compte rendu intégral. XIIIe législature. Deuxième séance du mardi 12 juillet 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/13/cr/2010–2011-extra/20111012.asp> (дата обращения: 12.08.2026).
3. Résolution 1973 (2011) adoptée par le Conseil de sécurité des Nations unies à sa 6498e séance, le 17 mars 2011. S/RES/1973 (2011).
4. Assemblée nationale. Réponse du ministère des Affaires étrangères et européennes à la question écrite n° 103732 (M. Laurent Hénart), 13e législature [Электронный ресурс]. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/13/questions/QANR5L13QE103732.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).
5. Libye: le Parlement prolonge l'opération Harmattan // Zone militaire (opex360.com). 13.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opex360.com/2011/07/13/libye-le-parlement-prolonge-loperation-harmattan/> (дата обращения: 12.08.2026).
6. France: la gauche et la droite votent au parlement la poursuite de la guerre en Libye // World Socialist Web Site. 15.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsws.org/fr/articles/2011/07/fran-j15.html> (дата обращения: 12.08.2026).
7. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012. 382 с.
8. Ивашкин М.А. Ближневосточная политика Франции в период президентства Николая Сар-

кози и Франсуа Олланда // Via in Tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 4. С. 912–920.

9. Bellamy A. J., Williams P.D. The New Politics of Protection? Côte d'Ivoire, Libya and the Responsibility to Protect // International Affairs. 2011. Vol. 87. № 4. P. 825–850.
10. Weiss T.G. RtoP Alive and Well after Libya // Ethics & International Affairs. 2011. Vol. 25. № 3. P. 287–292.
11. Intervention militaire de 2011 en Libye [Электронный ресурс] // Wikipédia. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Intervention_militaire_de_2011_en_Libye (дата обращения: 12.08.2026).

THE LIBYAN CONFLICT AS A TEST OF THE FOREIGN POLICY IDENTITY OF THE FRENCH SOCIALIST PARTY

Aroian E.

Russian State University for the Humanities

The article examines the position of the French Socialist Party (PS) on the 2011 Libyan crisis as an indicator of its foreign policy identity under the presidency of Nicolas Sarkozy. Drawing on the verbatim records of the French National Assembly, official party statements and press materials, the article reconstructs the evolution of the Socialists' stance – from an early call for international intervention in late February 2011, through criticism of the pace and conduct of Opération Harmattan, to partial distancing during the July 2011 vote on extending the operation. It is shown that the PS adopted neither a purely pacifist nor an unconditionally interventionist position: the party endorsed the operation as legitimised by UN Security Council Resolution 1973 and justified by the protection of civilians, while insisting on separating the principle of multilateral humanitarian intervention from the personalised foreign policy conduct of N. Sarkozy. The Libyan case is shown to have exposed intra-party tension between a 'realist' and a 'pacifist-anti-imperialist' wing on the eve of the presidential primaries, while also forming part of a broader continuity in Socialist foreign policy discourse centred on the UN, multilateralism and the Responsibility to Protect. The article concludes that the case reveals the hybrid character of the PS's foreign policy identity.

Keywords: French Socialist Party, Libyan conflict, foreign policy identity, Responsibility to Protect, multilateralism, Nicolas Sarkozy, UN Security Council Resolution 1973, humanitarian intervention.

References

1. Assemblée nationale. Verbatim record. 13th legislature, ordinary session 2010–2011. First sitting of Tuesday, 22 March 2011. Available at: <https://www.assemblee-nationale.fr/13/cr/2010–2011/20110144.asp> (accessed: 12.08.2026).
2. Assemblée nationale. Verbatim record. 13th legislature. Second sitting of Tuesday, 12 July 2011. Available at: <https://www.assemblee-nationale.fr/13/cr/2010–2011-extra/20111012.asp> (accessed: 12.08.2026).
3. UN Security Council Resolution 1973 (2011), adopted at its 6498th meeting, 17 March 2011. S/RES/1973 (2011).
3. Assemblée nationale. Reply of the Ministry of Foreign and European Affairs to written question No. 103732 (Mr Laurent Hénart), 13th legislature. Available at: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/13/questions/QANR5L13QE103732.pdf> (accessed: 12.08.2026).
4. Libya: parliament extends Operation Harmattan // Zone militaire (opex360.com). 13.07.2011. Available at: <http://www.opex360.com/2011/07/13/libye-le-parlement-prolonge-loperation-harmattan/> (accessed: 12.08.2026).
5. France: left and right vote in parliament to continue the war in Libya // World Socialist Web Site. 15.07.2011. Available at: <https://www.wsws.org/fr/articles/2011/07/fran-j15.html> (accessed: 12.08.2026).

6. Obichkina E.O. French Foreign Policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012). Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 382 p. (In Russ.)
7. Ivashkin M.A. French Middle East Policy under the Presidencies of Nicolas Sarkozy and François Hollande. *Via in Tempore. History and Political Science*, 2020, vol. 47, no. 4, pp. 912–920. (In Russ.)
8. Bellamy A.J., Williams P.D. The New Politics of Protection? Côte d'Ivoire, Libya and the Responsibility to Protect. *International Affairs*, 2011, vol. 87, no. 4, pp. 825–850.
9. Weiss T.G. RtoP Alive and Well after Libya. *Ethics & International Affairs*, 2011, vol. 25, no. 3, pp. 287–292.
10. Military intervention in Libya, 2011. Wikipedia. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/Intervention_militaire_de_2011_en_Libye (accessed: 12.08.2026).

Дистанционные формы управления коллективами в условиях цифровой трансформации общества

Белозеров Александр Витальевич,

аспирант 2-го года обучения, кафедра «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: avb@bot-sad.com

Спасский Евгений Новомирови,

доктор политических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой «Философия, социология и право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

В статье проведен анализ особенностей управления при переходе к удаленному и гибридному формату работы. Выделены основные проблемы для руководителей: трансформация роли менеджера; ослабление командного духа компании; трудности адаптации сотрудников; повышение конфликтности в онлайн-среде. В работе применены системный анализ, критический обзор литературы по работам отечественных исследователей за последние годы. Рассмотрено использование типологии Адизеса, Эриксона и Хофстеде при организации работы в распределенных командах. Показана потребность в смене директивного стиля руководства на фасилитацию, а также развитие навыков EQ, цифровых компетенций, индивидуальной мотивации участников команды. Сделан следующий вывод, что эффективность цифровой трансформации определяется не уровнем технической готовности, а возможностью организации поддерживать социальные связи и гибко перестраивать кадровые подходы. Статья адресована руководителям, HR-специалистам и исследователям в области социологии управления.

Ключевые слова: дистанционное управление, цифровая трансформация, управление коллективом, корпоративная культура, гибридная занятость, управленческие компетенции, социальная адаптация, организационный конфликт

Введение

Цифровая трансформация, охватившая все сферы жизнедеятельности современного общества, выступила тем катализатором, который привел к кардинальному пересмотру устоявшихся моделей организации труда. Если ранее удаленная работа воспринималась скорее как экзотическая форма занятости, характерная для IT-сектора или фриланса, то в настоящее время она стала повседневной реальностью для значительной части экономически активного населения. Пандемия COVID-19, как справедливо отмечает Т.И. Захарова, коренным образом изменила традиционные устои бизнеса, сделав дистанционные коммуникации единственным связующим звеном с внешним миром для миллионов людей [5, с. 167]. Однако даже после отступления острой фазы эпидемиологического кризиса, гибридные и полностью удаленные форматы работы не только сохранились, но и продолжают эволюционировать, порождая новые управленческие вызовы.

Актуальность исследования дистанционных форм управления обусловлена глубинными социальными сдвигами. Как отмечают Т.Ю. Базаров и Т.Н. Лобанова, цифровая трансформация порождает не только технологические, но и психологические иллюзии и парадоксы, требующие переосмысления роли человеческого фактора в организациях [1, с. 5]. Техническая возможность соединить сотрудников через дистанционные программы не решает проблему их социальной сплоченности и мотивации. Напротив, зачастую она обостряет чувство изолированности и неопределенности, что, в свою очередь, напрямую влияет на производительность и лояльность персонала.

Современная социология управления сталкивается с необходимостью пересмотра классических парадигм. Иерархические вертикали, подкрепленные личным контролем и неформальным общением в кулуарах, уступают место горизонтальным сетевым взаимодействиям, требующим от руководителя не столько контролирующих функций, сколько навыков фасилитации, эмоционального интеллекта и цифровой компетентности. В этом свете актуальными являются работы по определению условий успешной адаптации команд к работе в режиме удаленности, создание механизмов сохранения корпоративной культуры и организационного контроля при работе на расстоянии.

Целью статьи – рассмотрение особенностей перехода к дистанционным формам управления; определение основных проблем и тенденций развития процесса управления в условиях цифровизации.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных ученых-исследователей в области социологии управления, организационной психологии и кадровой политики. Анализировались материалы за период 2020–2026 г., опубликованные во вторичных источниках (рецензируемые журналы). Выбор источника информации связан с целью изучения не только структурных изменений при управлении, но также особенностей поведения людей при взаимодействии на фоне цифровой трансформации.

Исследование выполнено методом системного анализа, позволившего рассмотреть проблему дистанционного управления комплексно – с точки зрения технологий, организации и социально-психологических факторов.

В статье были рассмотрены типологии, предложенные И. Адизесом, Э. Эриксоном, Г. Хофстеде, на основе которых строится анализ эффективности управления распределенными и мультикультурными командами в условиях цифровой экономики [7, с. 10]. На основании данных типологий проводится оценка соответствия существующих методов менеджмента современным реалиям и поиск путей адаптации данных методов к решению современных задач.

Результаты исследования

Смена форм организации труда (переход к дистанционной работе) это изменение всего механизма социально-трудовых отношений на сегодняшний день. По мнению А.В. Якубова, старые способы управления в виде иерархии и линейной связи становятся нерелевантными. В этой связи необходимо менять подход к управлению [10, с. 181]. Автором выделены не менее 4-х проблемных зон данной трансформации. К ним можно отнести: смена ролей менеджеров, потеря корпоративной культуры, разрушение системы мотиваций и проблемы адаптации персонала.

При отсутствии личного контакта между сотрудниками, при их физической разобщенности, директивный стиль руководства теряет эффективность. Авторитарный контроль в таких случаях не просто невыполним, а даже вреден: он вызывает недоверие и страх у персонала. По мнению М.М. Дидушко авторитарный стиль управления на дистанционной работе характеризуется наличием сопротивления, микроменеджментом, падением мотивации сотрудников и ростом увольнений [2, с. 36].

Поэтому сегодня становится актуальной типология Ицхака Адизеса (Производитель – Администратор – Предприниматель – Интегратор). По мнению Д.А. Селькова в цифровом пространстве наиболее важна функция интегратора – формирующего гармонические связи, координирующего взаимодействия. [7, с. 11]. Современный менеджер должен быть одновременно коучем, фасилитатором и ментором, то есть задавать цели команде и психологически поддерживать ее.

При этом многие менеджеры оказались не готовы к такой многозадачности. В исследовании А.В. Якубова подчеркивается, что российские компании испытывают острую нехватку кадров, способных сочетать традиционные управленческие навыки с цифровыми компетенциями [10, с. 184]. Это создает серьезный разрыв между потребностями бизнеса и квалификацией управленческого звена, что тормозит процессы цифровизации и снижает адаптивность организаций к внешним изменениям.

Одним из наиболее болезненных аспектов перехода на удаленную работу является эрозия корпоративной культуры. Как отмечает М.С. Шехватов, цифровые технологии, освобождая человека от рутины, создают предпосылки для творческой реализации, однако в условиях традиционного иерархического подхода развитие нестандартного мышления становится трудноосуществимой задачей [9, с. 255]. Культурный код организации, который ранее транслировался через ежедневное неформальное общение, совместные мероприятия и эмоциональную связь с лидером, теперь оказывается размытым.

Захарова Т.И. отмечает, что в условиях дефицита каналов связи руководитель имеет меньше обратной информации [5, с. 170]. В результате снижается степень идентификации сотрудника с миссией организации. При использовании смешанного формата работы наиболее ярко проявляется феномен «невидимки» – удаленный сотрудник становится менее заметным для своего непосредственного начальника, тем самым теряя возможность продвижения по службе, признания своих достижений [4, с. 179].

Но цифровая среда – это не только источник проблем, она также создает возможности роста культуры. По мнению Е.А. Челноковой, Н.Л. Синева и Ю.А. Соловьевой, различия в составе команды необходимо рассматривать как потенциал к росту производительности [8, с. 269]. В этом случае платформы дают возможность объединять людей разных культурных и возрастных групп в новые гибридные сообщества. Однако они требуют развитого эмоционального интеллекта и построения сложных коммуникативных сетей.

Сегодня мотивация – это главная проблема для дистанционного менеджмента. Удаленная работа дает свободу и гибкость, но при этом приводит

к выгоранию и падению эффективности. Как показывают исследования Емельяновой О.Я. и соавторов, многие работники, вынужденно перешедшие на удаленный режим, столкнулись с дисбалансом между рабочим и личным временем, что привело к увеличению стресса и снижению удовлетворенности трудом [4, с. 178].

Авторы предлагают многоуровневую модель адаптации, включающую индивидуальный уровень (развитие тайм-менеджмента и цифровых компетенций), институциональный уровень (поддержка образовательных организаций) и уровень работодателя (наставничество и прозрачные метрики оценки) [4, с. 180]. Особую значимость в этой модели приобретает психологическая поддержка сотрудников, поскольку чувство изолированности, по данным фокус-групп, является одним из главных факторов снижения морального духа [2, с. 37].

Что касается систем мотивации, то традиционные ключевые показатели эффективности (KPI), разработанные для офисной работы, в гибридном формате часто приводят к обратному эффекту. Как отмечает А.В. Якубов, жесткие системы показателей в удаленном формате увеличивают стресс и текучесть кадров, особенно в IT-подразделениях [10, с. 185]. На смену количественным показателям должны приходиться качественные оценки результата и проектные методы работы, что требует от руководителей пересмотра критериев успешности сотрудников.

Конфликтогенность в удаленной среде имеет свою специфику. С.В. Косицына, основываясь на проведенных интервью, выявила, что причины конфликтов в онлайн-среде связаны с разными интересами, отсутствием четкой обратной связи и неправильным восприятием информации [6, с. 654]. Эмоциональный фон в таких конфликтах более нестабилен, а невербальные сигналы, которые в офлайне помогают снять напряжение, в цифровой среде отсутствуют. Респонденты отмечали, что в переписке они испытывали большее раздражение и желание прекратить общение, чем при личной встрече.

В этом контексте особую ценность приобретает культурная типология Герта Хофстеде. Понимание культурных измерений (дистанция власти, индивидуализм против коллективизма, избегание неопределенности) позволяет менеджерам более точно прогнозировать поведение сотрудников из разных регионов и стран [7, с. 14]. Например, в культурах с высокой дистанцией власти сотрудники ожидают четких указаний, а в культурах с низкой — предпочитают демократические обсуждения. Применение этих знаний в сочетании с цифровыми инструментами (например, платформами для совместного редактирования документов) позволяет снизить количество конфликтов и повысить продуктивность взаимодействия.

Результаты проведенного анализа позволяют выделить несколько ключевых противоречий, характерных для современного этапа цифровой трансформации управления.

Первое противоречие заключается в разрыве между технологическим прогрессом и социально-психологической зрелостью сотрудников и руководителей. В то время как информационно-коммуникационные технологии предоставляют практически безграничные возможности для коллаборации, люди зачастую оказываются неспособными эффективно ими пользоваться из-за недостатка soft skills (гибких навыков). Как отмечают Базаров и Лобанова, цифровая трансформация меняет среду, но инерционность человеческого восприятия не позволяет мгновенно адаптироваться, что ведет к социальным иллюзиям, восприятию цифровых инструментов как угрозы либо, напротив, как панацеи [1, с. 14]. Успешное управление в таких условиях требует не столько внедрения новейших платформ, сколько развития цифровой грамотности и осознанного подхода к коммуникациям.

Второе противоречие связано с балансом между автономией и контролем. Как показали исследования М.М. Дидушко, предоставление большей автономии способствует успешному решению задач, однако далеко не все сотрудники способны к самоорганизации [2, с. 38]. Поэтому возникает необходимость в индивидуализации управления — учете особенностей личности сотрудника (не только его компетенций). Развитие системы мотивации от универсальной до адаптированной под конкретного человека через анализ цифровой активности работника — это новый вектор развития кадровой политики компании.

Третье противоречие касается судьбы корпоративной культуры. С одной стороны, физическая отстраненность ведет к потере когерентности, с другой — цифровая среда (корпоративные соцсети и т.д.) дает возможности для нового типа взаимодействия команды. При этом по мнению М.С. Шехватова, чтобы сделать культуру «цифровой» не нужно просто проводить встречи онлайн. Требуется трансформация ценностей: переход от актуального внимания к формальному соблюдению норм к результату и клиенту [9, с. 256]. Так, например, у таких фирм как «Сбер» или «Яндекс» (бирюзовые модели управления) показывает, что не соблюдение KPI, а довольные клиенты и «мягкие» методы работают лучше всего.

Отдельно можно выделить вопрос о том, как происходит адаптация новых членов команды при работе в дистанционной форме. По мнению А.В. Якубова сотрудники-новички имеют гораздо меньшую лояльность к корпоративной культуре, чем те, кто работал ранее в компании при внедрении цифровизации [10, с. 184]. Таким образом, возникает потребность создания специализирован-

ных курсов «Цифровой онбординг» с передачей не просто навыков профессии, а истории компании и ее миссии.

Заключение

Анализ дистанционной формы управления коллективом дает основания говорить о том, что с помощью цифровой трансформации происходит реструктуризация социальной организации предприятия. Жесткая вертикаль и линейность управления заменены сетевой структурой; главный актив – это коммуникативные навыки, умение адаптироваться и учиться самостоятельно.

Успешность управления сегодня зависит от того насколько руководитель способен адаптироваться к новым реалиям. Актуальным на сегодняшний день становится применения типологий фасилитаторов и интеграторов. Это люди, которые умеют выстроить доверительные отношения и обеспечить психологическую безопасность даже при отсутствии физического присутствия. На примере обращения к типологиям Адизеса, Эриксона и Хофстеде было показано, что индивидуальность и культура команды являются фактором не просто «приятного дополнения», а необходимостью для выживания групп перед лицом кризисов.

Однако при переходе к удаленным форматам необходима работа над адаптацией персонала. Умение самоорганизовываться и управлять своим временем – это навыки, которые нужно специально тренировать с помощью курсов по наставничеству и менторству. Ключевую роль в решении этой задачи должны взять на себя вузы для восполнения дефицита цифровых навыков у менеджеров и сотрудников.

Необходимо осознавать, что в конечном счете управление людьми – это работа с людьми, а не с технологиями. Поэтому цель цифровой трансформации – помочь раскрыть потенциал людей через использование новых инструментов, а не исключить живой контакт. Компании, которые упускают данный фактор из виду, рискуют не столько потерей эффективности как таковой, сколько своей конкурентоспособностью на будущее.

Литература

1. Базаров Т. Ю., Лобанова Т.Н. Изменение организационной среды в ходе цифровой трансформации общества: тенденции, иллюзии и парадоксы //Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 5–28. doi:10.17759/sps.2025160301
2. Дидушко М.М. Развитие инструментов управления в условиях удаленной работы. Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 9. – С. 34–39.
3. Долгов А.А. Формы и технологии управления собственным бизнесом в условиях цифровой трансформации. Научные дискуссии. – 2023. – Т. 3. – № 4. – С. 97–100.
4. Емельянова О. Я., Шершень И.В., Кравец М.А., Самсонов В.С. Моделирование процесса адаптации работников в условиях свободной занятости удаленной формы деятельности //Регион: системы, экономика, управление. – 2020. – № 4 (51). – С. 177–183.
5. Захарова Т.И. Дистанционное взаимодействие в корпоративном управлении //Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. – 2020. – Т. 17. – № 4 (112). – С. 167–172.
6. Косицына С.В. Дистанционное управление конфликтами в организации. В сборнике: Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург. – 2023. – С. 653–656.
7. Сельков Д.А. Эффективное управление распределенными и мультикультурными командами в условиях цифровизации. применение типологий Адизеса, Эриксона и Хофстеде. Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 13. – № 12 (141). – С. 10–19.
8. Челнокова Е.А., Синева Н.Л., Соловьева Ю.А. Управление разнообразием в смешанных командах. Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 5–1. С. 269–273.
9. Шехватов М.С. Внутрикorporативная культура в эпоху цифровой трансформации. Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2021. – № 8. – С. 254–257.
10. Якубов А.В. Новые вызовы в сфере управления командами в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – № 4. – Т. 13. – С. 181–187. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.13.025>

REMOTE FORMS OF TEAM MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Belozarov A.V., Spassky E.N.

Far Eastern State Transport University

The article analyzes the features of management in the transition to remote and hybrid work formats. The main challenges for managers are identified: transformation of the manager's role; weakening of the corporate spirit of the company; difficulties in employee adaptation; increased conflict potential in the online environment. The work employs system analysis and a critical review of literature based on the works of Russian researchers in recent years. The use of Adizes, Erickson and Hofstede typologies in organizing work in distributed teams is considered. The need to replace the directive leadership style with facilitation, as well as the development of EQ skills, digital competencies, and individual motivation of team members, is demonstrated. It is concluded that the effectiveness of digital transformation is determined not by the level of technical readiness,

but by the organization's ability to maintain social connections and flexibly restructure personnel approaches. The article is addressed to managers, HR specialists and researchers in the field of management sociology.

Keywords: remote management, digital transformation, team management, corporate culture, hybrid employment, managerial competencies, social adaptation, organizational conflict.

References

1. Bazarov T. Yu., Lobanova T.N. Izmenenie organizatsionnoy sredy v khode tsifrovoy transformatsii obshchestva: tendentsii, illyuzii i paradoksy. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2025, vol. 16, № 3, pp. 5–28. doi:10.17759/sps.2025160301
2. Didushko M.M. Razvitie instrumentov upravleniya v usloviyakh udalennoy raboty. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2024, № 9, pp. 34–39.
3. Dolgov A.A. Formy i tekhnologii upravleniya sobstvennym biznesom v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. *Nauchnye diskussii*, 2023, vol. 3, № 4, pp. 97–100.
4. Emelyanova O. Ya., Shershen I.V., Kravets M.A., Samsonov V.S. Modelirovanie protsessov adaptatsii rabotnikov v usloviyakh svobodnoy zanyatosti i udalennoy formy deyatel'nosti. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2020, № 4 (51), pp. 177–183.
5. Zakharova T.I. Distantcionnoe vzaimodeystvie v korporativnom upravlenii. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, 2020, vol. 17, № 4 (112), pp. 167–172.
6. Kositsyna S.V. Distantcionnoe upravlenie konfliktami v organizatsii. In: *Rossiyskoe obshchestvo segodnya: tsennosti, instituty, protsessy. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Saint Petersburg, 2023, pp. 653–656.
7. Selkov D.A. Effektivnoe upravlenie raspredelennymi i mul'tikul'turnymi komandami v usloviyakh tsifrovizatsii. *Primenenie tipologiy Adizesa, Eriksona i Khostede. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2023, vol. 13, № 12 (141), pp. 10–19.
8. Chelnokova E. A., Sineva N.L., Solovyeva Yu.A. Upravlenie raznoobraziem v smeshannykh komandakh. *Nauka Krasnoyar'ya*, 2021, vol. 10, № 5–1, pp. 269–273.
9. Shekhvatov M.S. Vnutrikorporativnaya kul'tura v epokhu tsifrovoy transformatsii. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*, 2021, № 8, pp. 254–257.
10. Yakubov A.V. Novye vyzovy v sfere upravleniya komandami v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2025, vol. 13, № 4, pp. 181–187. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.13.025>

Уголовное преследование гомосексуальности в позднесоветском обществе: уголовное дело режиссёра С.И. Параджанова

Васяев Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
E-mail: AAVASYAEV@msal.ru

Статья посвящена изучению судебного процесса 1973 года над режиссером Сергеем Иосифовичем Параджановым – единственным из известных личностей, кого осудили за мужеложство за последние тридцать лет советской власти. В статье рассматривается изменение наказаний за мужеложство в мировой и российской истории, неоднозначная личность режиссера Параджанова, причины его ареста, ход следствия по делу, результат закрытого судебного процесса по делу о мужеложстве, и еще одного возбужденного против режиссера дела – о даче взятки представителю милиции. Подвергается сомнению бытующее мнение о том, что Параджанов стал жертвой советского режима из-за своих политических убеждений, и что возбужденные против него уголовные дела были сфальсифицированы. После распада СССР прокатилась волна реабилитаций как «жертв режима» лиц, осужденных по уголовным составам преступлений. Во всех бывших союзных республиках мужеложство было декриминализовано еще в 1990-х годах. Одной из целей данного исследования является оценка правомочности реабилитации по политическим мотивам лица, осужденного за мужеложство в 1973 году.

Ключевые слова: Сергей Параджанов, уголовное дело, мужеложство, судебное разбирательство, отказ от адвоката, свобода творчества, антиквариат.

17 декабря 1973 года в Киеве по обвинению в «совращении мужчин» и «организации притона разврата» был арестован известный советский режиссер, лауреат нескольких кинопремий Сергей Иосифович Параджанов.

Ни в газетах Украинской ССР, ни в центральной прессе об аресте не сообщалось – тема гомосексуализма в Советском Союзе считалась табуированной, – но в кругах творческой интеллигенции об этом быстро узнали, а позже слухи распространились шире. Некоторые из знакомых режиссера категорически отрицали его гомосексуальность и утверждали, что причина ареста – политическая, поскольку Параджанов поддерживал украинских диссидентов-националистов. Другие считали, что обвинение вполне может иметь реальную подоплеку. Публика, которой Параджанов был известен как режиссер, ужасалась и вспоминала языческие оргии из его ленты «Тени забытых предков».

Суды над гомосексуалистами чаще проходили за закрытыми дверями – будто следуя православному традициям, о противоестественных сексуальных предпочтениях старались не говорить прилюдно. Отсутствие огласки производило впечатление, что гомосексуализма в СССР как бы нет, но он никуда не делся. По западным оценкам, за 60 лет существования статьи о мужеложстве наказание понесли около 60 тысяч человек, но вряд данная цифра соответствует действительности. Точной статистики не существует, к тому же зачастую обвинение по ст. 154-а (с 1961 г. по ст. 121 УК РСФСР), не имея под собой почвы, шло «прицепом» к обвинениям по другим статьям. Поводом к возбуждению дел были доносы или результаты милицеских рейдов. Нередко более молодой, но совершеннолетний партнёр, давший показания на другого, не получал реального срока – как «жертва».

Так в 1948 году избежал наказания и Сергей Параджанов – дело, рассматриваемое в апреле 1974 года в закрытом заседании Киевского областного суда, было для него уже вторым судебным разбирательством, связанным с гомосексуализмом.

Не удивительно ли, что человек, еще в ранней молодости замешанный в подобном деле, окончил престижный ВГИК, на государственные деньги снимал кинофильмы? Ведь на Западе кричали, да и у нас какое-то время бытовало мнение, что

в СССР геев всячески притесняли и угнетали. Нет смысла скрывать, на бытовом уровне педерастов осуждали, даже презирали и подвергали остракизму – так у советских людей трансформировалось православное понятие греха. Также известно, что далеко не все «пойманные» гомосексуалисты отправлялись под суд: дело чаще оканчивалось снятием с должности и исключением из партии.

Имя Сергея Параджанова известно во всем мире благодаря фильму «Тени забытых предков» и тому, что в советский период он оказался одним из немногих известных деятелей культуры, осужденных по обвинению в гомосексуализме. Причины его преследования до сих пор вызывают споры: одни исследователи видят в деле политическую подоплеку, другие связывают его с особенностями биографии самого режиссера.

Параджанов родился в 1924 году в Тбилиси в семье антиквара Иосифа Параджаняна, владевшего до революции несколькими коммерческими заведениями. После национализации семья лишилась большей части имущества, а отец неоднократно подвергался арестам. Сам режиссер впоследствии рассказывал о своем детстве множество историй, в которых реальные события нередко переплетались с художественным вымыслом.

После окончания школы Параджанов поступил в Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта, однако вскоре оставил его ради учебы в консерватории и хореографическом училище. Позднее продолжил образование в Москве, а в 1946 году стал студентом режиссерского факультета ВГИК.

В 1948 году его обучение было прервано судебным процессом по делу майора МГБ Николая Микавы, обвиненного в склонении молодых людей к мужеложству. Среди восьми подсудимых был и Параджанов, признавший связь с Микавой и показавший, что тот содействовал его поступлению в консерваторию. Первоначально он был приговорен к пяти годам лишения свободы, однако после кассационного пересмотра благодаря заступничеству режиссера Игоря Савченко наказание было заменено условным.

Хотя некоторые авторы рассматривают этот процесс как политически мотивированный, материалы дела свидетельствуют, что обвинение основывалось на признательных показаниях участников и соответствовало действовавшему законодательству Грузинской ССР. Реальное наказание понес лишь Микава, тогда как остальные фигуранты, включая Параджанова, избежали лишения свободы.

Проведя около четырех месяцев в СИЗО г. Тбилиси, 24-летний Параджанов продолжил учебу. Со стороны вуза никаких репрессий в связи с условной судимостью по «интересной» статье не последовало.

В 1951 году Параджанов окончил ВГИК и по распределению был направлен в Киевскую киностудию. Там за 12 лет молодой режиссер снял несколько документальных лент и три художественных фильма в духе соцреализма. Публика почти не заметила их выхода на экран.

Живя на Украине, Параджанов полюбил этот край – природу, фольклор, людей. Его круг общения составляла украинская интеллигенция, среди которой было немало диссидентов и тех, кто исповедовал националистические идеи. В деятельности диссидентов Параджанов участия не принимал, но всегда ставил свою подпись на обращениях во властные органы.

Первый брак Сергея Параджанова, заключенный еще в студенческие годы с девушкой-татаркой, оказался недолгим и закончился трагически. Родственники жены потребовали калым, а после отказа, по воспоминаниям современников, убили ее [7].

В 1955 году Параджанов женился во второй раз на Светлане Щербатюк. Их дом стал местом встреч творческой интеллигенции, где обсуждались искусство и политика. При этом в семейной жизни режиссер отличался властным характером, стремясь подчинить окружающих собственным эстетическим представлениям. Несмотря на взаимную привязанность, брак распался в 1961 году, однако бывшие супруги сохранили дружеские отношения, а Параджанов поддерживал теплые отношения с сыном Суреном [5; 7].

Переломным этапом в творчестве режиссера стал фильм «Тени забытых предков», снятый по произведению М. Коцюбинского. Картина, посвященная жизни гуцулов, сочетала этнографическую достоверность, символизм и новаторский художественный язык. Фильм был выпущен на украинском языке без русского дубляжа, что вызвало широкий общественный резонанс. Во время киевской премьеры в 1965 году диссидент И.М. Дзюба выступил с протестом против арестов украинской интеллигенции, а вскоре Параджанов подписал его открытое обращение, критиковавшее политику властей в отношении украинской культуры.

После этого режиссеру отказали в выезде за границу, что существенно осложнило его международную деятельность. При этом утверждения о запрете или ограничении проката фильма в СССР не находят подтверждения. Картина не пользовалась массовым успехом у советского зрителя, однако получила признание зарубежных критиков как один из ярких образцов «поэтического кинематографа» и была отмечена наградами на ряде международных кинофестивалей. Советская творческая интеллигенция высоко оценила фильм, тогда как официальная критика относилась к нему значительно сдержаннее.

На Киевской киностудии лауреату фестивалей разрешили снять кино по собственному сценарию.

Однако просмотрев материал, члены худсовета ужаснулись и съемки закрыли. Тем, что ему предлагали, Параджанов не желал заниматься, при этом писал жалобы на имя председателя Госкино СССР А.В. Романова, о том, что сидит без работы.

После обретения мировой известности Параджанов стал вхож в творческий круг Москвы. Институтский друг Василий Катанян познакомил его с супругой своего отца, Лилей Брик – некоронованной царицей творческой интеллигенции. Несмотря на то, что плохо учившийся в школе режиссер даже не слышал о Маяковском, он сумел очаровать музу поэта. Часто посещая столицу, Параджанов познакомился с Беллой Ахмадуллиной, Владимиром Высоцким, Андреем Тарковским, Майей Плисецкой, Юрием Григоровичем и т.д.

Незанятый режиссер вел широкую жизнь, его двухкомнатная квартира в Киеве представляла собой что-то вроде лавки старьевщика и почти всегда была полна гостей, привлеченных экстравагантностью хозяина. При этом, читая мемуары знакомых и друзей Параджанова, поражает диаметрально разная оценка его личности: одни утверждают, что он был необразован, вульгарен, самовлюблен и заносчив, мог стянуть в гостях понравившуюся вещь, наговорить несусветного вранья и временами походил на сумасшедшего; другие вспоминают его красочные мини-шоу, называют Параджанова величественным, мудрым, тонким, щедрым, одаривающим даже случайных посетителей вещами, которые оказывались под рукой, подчас дорогими, антикварными. Гостей Параджанов потчевал с кавказским размахом: однажды рассадил всех на лестничных площадках за импровизированными столами, а угощения развозил на лифте. Борис Мессерер вспоминал: «Конечно, мы, его друзья, могли лишь догадываться о том, как он делает «деньги из воздуха», но не считали возможным говорить об этом. Нам оставалось восхищаться независимостью его образа жизни и широтой характера и стараться помочь получить работу в кино».

Один из молодых гостей Параджанова, сын первого секретаря ЦК компартии Украины П.Е. Шелеста, уговорил отца принять режиссера. Петр Ефимович встретил того приветливо и в ходе разговора о том, что режиссер сидит без работы, вроде бы проникся проблемой. И тут Параджанов, поставив локти на стол партийного вождя, подпер лицо руками. На каждом пальце засверкали кольца с крупными бриллиантами [8]. Так поведал Параджанов о своей встрече с первым секретарем ЦК КПУ. Но правда ли это? Его ближайший друг писал, что Параджанов «рассказывает о себе такие байки, такие небылицы, так всё поворачивает, что у слушателей замирает душа и глаза вылезают на лоб. Новички всё принимают за чистую монету, а люди, знающие его, сильно фильтруют эти легенды. Он сплошь и рядом ложно на себя доно-

сит, громко рассказывая всевозможные страсти – несуществующие и жуткие. Как известно, «дыра в ушах не у всех сквозная, иному может запасть». И западало – к несчастью для Параджанова...» [7]. В любом случае, этот визит не поспособствовал реализации творческих планов Параджанова в Киеве.

По приглашению Ереванской киностудии он снял там лишенную сюжета, составленную из причудливых сцен-метафор ленту об армянском поэте Саят-Нова. Советские зрители ее не оценили. Вернувшись в Киев, Параджанов перебивался написанием сценариев.

В начале 1973 года на стол первого секретаря ЦК КПУ В.В. Щербицкого легло «информационное сообщение» из украинского КГБ о том, что Параджанов пытался заступиться за арестованного диссидента И.М. Дзюбу. Позднее доложили, что на показе своего фильма в Минске режиссер перед творческой молодежью открыто критиковал советскую власть, призывал «вырыть могилу соцреализму» и «выгнать красных комиссаров из кино», «клеветал о притеснениях свободы творчества». Сообщалось, что Параджанова дружит с украинскими писателями-диссидентами и пытался организовать массовые протесты против развёрнутых в 1972–1973 годах политических судебных процессов.

Не зная, что над ним сгущаются тучи, в 1973 г. Параджанов опять отправился в Ереван снимать для телевидения фильм. Работа оказалась незавершенной из-за ареста режиссера по обвинению в гомосексуализме.

Так что же все-таки явилось причиной ареста – «неудобность» для властей или гомосексуализм? Анализ обстоятельств дела приводит к выводу, что и то и другое имело место, но поводом, скорее всего, явилось другое. По словам ближайшего друга, сам Параджанов уклонялся от беседы на эту тему: «О причинах ареста ему было говорить тяжелее, чем о самом заключении» [7].

По воспоминаниям Светланы Щербатюк, бывшей жены Параджанова, в декабре 1973 года режиссер прервал съемки в Ереване и находился в Киеве, поскольку их сын тяжело болел, лежал в инфекционной больнице с брюшным тифом. Когда состояние сына улучшилось, Параджанов отправился в Москву на похороны художника Я.Н. Ривоша и там произнес над гробом речь столь крамольную, что присутствующие были в шоке. Вернувшись с похорон 17 декабря, Параджанов по телефону сообщил родителям Светланы, что привез сыну из столицы гостинцы, при этом в больнице так и не появился. Светлана пыталась дозвониться, но Параджанов не брал трубку [7]. Позже выяснилось, что в это время он уже был задержан.

Маловероятно, что власти столь быстро среагировали на речь режиссера на похоронах: доклад

наверх, вынесение резолюции, возбуждение дела, вынесение решения об аресте занимают время. Рассмотрим факты.

Уголовное дело на Сергея Иосифовича Параджанова за № 21–258 открыли после заявления «начальнику милиции уголовного розыска» от некоего Петриченко С.П. Тот писал: «Товарищ начальник! Мой гражданский долг заставляет меня обратиться к вам по поводу развратника и педераста Параджанова Сергея. Он на протяжении многих лет занимается развратом несовершеннолетних и молодых юношей и мужчин. Свой дом он превратил в притон разврата. Прошу Вас положить конец этим развратным действиям». Письмо было зарегистрировано 9 декабря 1973 г. Разобраться с ним поручили инспектору угрозыска младшему лейтенанту Артеменко. Спустя три дня тот доложил, что по указанному в письме адресу гр. Петриченко найти не удалось, однако изложенные в письме факты подтвердились. «Установлено, что Параджанов С.И., проживающий ... на протяжении длительного времени занимался гомосексуализмом. Используя славу кинорежиссера, Параджанов склонял к совершению актов мужеложства многих мужчин...» [2,3].

Уголовное дело было возбуждено 12.12.1973 г. А уже на следующий день нашлись «пострадавшие». Некий Александр Воробьев, механик одного из НИИ, не раз бывавший дома у режиссера, показал, что, когда он находился в состоянии сильного алкогольного опьянения, Параджанов изнасиловал его. Студент-актер Феликс Десятник показал, что не устоял перед неоднократными обещаниями Параджанова снять его в картине и «... позволил ему совершить с собой акт мужеложства, о чем сожалею».

14 декабря был допрошен часто бывавший у Параджанова архитектор Михаил Сенин. Сексуальные отношения с Параджановым Сенин отрицал, однако показал, что между ним и Кондратьевым, с которым он познакомился у Параджанова, имел место акт мужеложства, и с его слов он знает, что тот совершал акты мужеложства с Параджановым. Позже Кондратьев это подтвердил. Также признались в совершении актов мужеложства с Параджановым некий Иван Писковой и студент Валентин Паращук, некоторое время живший в квартире режиссера.

17 декабря, едва Параджанов вернулся из столицы, к нему пришла знакомая, известный архитектор, и сообщила, что накануне Михаил Сенин покончил жизнь самоубийством. И почти тут же раздался звонок в дверь: представители правоохранительных органов пришли за Параджановым [7].

С момента возбуждения уголовного дела о мужеложстве прошло всего пять дней, Параджанова не вызывали в милицию, не допрашивали. Нам представляется, что именно самоубийство Сенина

явилось причиной не только столь срочного задержания и ареста, но и строгости наказания, которое понес режиссер.

Отец Михаила Сенина нашел рядом с телом сына предсмертную записку. Он ее уничтожил, но, по всей вероятности, там объяснялись причины самоубийства. Большинство современных источников пишет, что Сенин не выдержал давления следствия. Это выглядит притянутым за уши: имел место всего один допрос; отрицая сексуальные отношения с Параджановым, Сенин признал, что был партнером Кондратьева, о котором следствие узнало лишь с его слов. Неясно, что послужило толчком к такому признанию, но точно не пытки. Однако затем Сенин понял, что признание в нетрадиционной ориентации ломает ему жизнь – в те времена «каминг-аут» был вещью невозможной, – и поэтому принял роковое решение. Отец самоубийцы, Иван Семенович Сенин, орденоносец и друг Хрущева, видный партийный деятель, совсем недавно был членом ЦК КПСС и занимал пост заместителя председателя Совета министров УССР. Даже находясь на пенсии, Сенин-старший мог лично обратиться к Щербицкому. Это объясняет задержание Параджанова на следующий день после самоубийства Михаила Сенина.

18 декабря Параджанова впервые допросили. Он признал, что все свидетели бывали у него дома; Паращука он предупреждал, что имеет в городе репутацию педераста и это может отразиться на судьбе студента. Параджанов явно надеялся, что суда над ним не будет. В протоколе допроса есть его слова: «Я прошу подойти к разбору настоящего дела внимательно и дать мне возможность, ощутив свою моральную вину, не выносить разбор моего дела судом. А из Киева я выеду, поеду к себе на родину и там буду честно трудиться...» [2]. 20 декабря было вынесено постановление об аресте Параджанова. В его квартире произвели обыск.

На очных ставках свидетели повторили свои показания, обвиняя режиссера в мужеложстве. Параджанов это признал, отрицая только акт насилия. Всплыло также дело 25-летней давности о гомосексуализме, и свою противоестественную склонность к мужчинам Параджанов объяснил соращением Микавой в юности. Он утверждал, что боролся с ненормальным сексуальным влечением, но безуспешно. Он сожительствовал с женщинами, был женат, но половые сношения с мужчинами оказались для него привлекательнее. Мужчины, в отличие от женщин, вызывали вспышки страсти, от которой он не мог удержаться. В протоколе допроса 21–22 декабря 1973 г. есть слова режиссера: «Я понимал, что влечение к мужчинам пагубно и говорил об этом своим товарищам. Многим я говорил, что я – педераст, но товарищи не верили, ругали меня, чтобы я не болтал глупостей. Другие знали, что я говорю правду и молчали. <...> В по-

следнее время сдерживать себя от удовлетворения половой страсти к мужчинам я уже не мог, эта страсть оказалась сильнее меня» [2, 3].

Вероятно, чтобы придать делу «основательность», через некоторое время его передали следователю по особо важным делам при прокуратуре УССР Е.В. Макашову, после чего режиссёру добавили обвинения в порнографии и спекуляции. Последнее особо интересовало Макашова, поскольку было известно, что Параджанов жил на широкую ногу и интересовался антиквариатом. Но фактов, подтверждающих спекуляцию не нашлось. Оставалось обвинение в порнографии (в его квартире был найден порнографический журнал и три игральные карты) и в гомосексуализме. Обещая смягчение наказания, Макашов предложил Параджанову принести «покаяние». Поверив следователю, режиссер отказался от помощи адвоката, хотя родственники и московские знакомые предлагали найти самого лучшего.

Уже через две недели после вынесения прокуратурой обвинения, в конце апреля 1974 года в закрытом режиме состоялось заседание Киевского областного суда. Не скрывая своих сексуальных наклонностей, Параджанов покаялся перед судом, однако эпизод изнасилования отрицал. В последнем слове он сказал: «Я свой гомосексуализм не скрывал и не скрываю, это моя болезнь, я болею с детства... Я не могу благодарить прокурора, он был жесток. Жесток, но справедлив и от закона не отступил ни на йоту. Я приношу свои извинения конвою, этим прелестным мальчикам, которые слушали всю эту грязь. Прошу суд вынести справедливый приговор». Наверное, эти же побуждения и явились причиной отказа от помощи адвоката.

Суд избрал в качестве наказания Сергею Параджанову – пять лет заключения в лагере строгого режима с конфискацией личного имущества: один год по ст. 122 УК УССР, ч. 1 («мужеложство»), один год по ст. 211 («порнография»), 5 лет по ст. 122, ч. 2. («мужеложство с применением насилия»). Арестованных вместе с режиссёром В. Кондратьева и И. Писковского приговорили к условным срокам наказания.

Приговор вызвал у Параджанова шок, лишь после этого он согласился на участие адвоката в составлении кассационной жалобы. По просьбе Андрея Тарковского в Киев из Москвы приехал заслуженный юрист СССР, И.М. Кисенешский. Ознакомившись с материалами, он сказал: «Не вижу состава преступления. Тут, извините, что-то другое... Дело шито белыми нитками». Сообщив родственникам и друзьям, что усилия безнадежны, Кисенешский вернулся в столицу [1]. Кассационную жалобу составил киевский адвокат Шейко Т.Г., но ни она, ни письмо режиссера в Верховный суд не помогли.

В заключении Параджанову пришлось несладко: осужденные по статье за мужеложство находились на низшей ступени тюремной иерархии, а имя режиссера ничего не значило для окружающих его людей. Параджанов был на грани самоубийства, писал близким, как ему тяжело. Возможности к творчеству были ограничены, и он стал делать, используя вырезки из журналов небольшие, в формате почтовой открытки, коллажи; выцарапывал гвоздем и ногтями портреты на фольге от крышек молочных бутылок. Один из таких «талеров» с профилем А.С. Пушкина дошел до Федерико Феллини и стал образцом для серебряной медали – почетной награды кинофестиваля в Римини.

Во время суда над Параджановым и позже, когда он отбывал срок в исправительно-трудовом лагере на территории Украинской ССР, многие представители советской и мировой творческой общности предпринимали усилия по его освобождению, в западной прессе о суде над режиссером немало писали. Следует отметить, что на тот момент почти в половине европейских стран гомосексуальные отношения еще не были декриминализованы. В США на общенациональном уровне преследование за гомосексуализм отменили лишь через 20 лет после описываемых событий, причем в большинстве штатов наказание составляло от 5 до 15 лет тюрьмы, а при повторном осуждении – пожизненное заключение. Также широко применялись принудительные химические кастрации и лоботомии.

Лиля Брик поддерживала Параджанова трогательными письмами, ради его освобождения 86-летняя женщина специально съездила в Париж, чтобы воспользоваться протекцией писателя-коммуниста Луи Арагона, мужа своей недавно умершей сестры, Эльзы Триоле. После событий в Чехословакии (1968 г.) Арагон отказался принять советский орден «Дружбы народов», но под напором Лили Юрьевны согласился приехать в Москву и замолвить словечко Л.И. Брежневу. Генсек, понятия не имевший, кто такой Параджанов, обещал помочь. В результате режиссер был освобожден за год до установленного судом срока.

Параджанов поехал на родину, в Тбилиси, жил во флигеле отцовского дома. Его комната была заставлена старыми вещами, стены сплошь увешаны коллажами, в которых он использовал не только вырезки из иллюстраций, но и самые неожиданные вещи – перья, клочки материи, мешковину и т.п. Нередко его гостями были заезжие знаменитости – Мастроянни, Райкин, Тарковский и т.п. Параджанов всех потчевал, возил по Тбилиси и окрестностям. Лишенный работы, режиссер творил «театр» у себя дома, устраивал перфомансы по любому поводу. Даже из похорон мужа сестры он устроил спектакль: лично загримировал покойника под императора Фердинанда, рядом

усадил его вдову в немыслимом балахоне с черной подушкой на голове и укрыл ее черной вуалью. Присутствующие на поминках были в ужасе.

Когда в октябре 1981 г. Параджанов гостил в Москве, режиссер Юрий Любимов пригласил его на генеральный прогон спектакля о Высоцком. Это было что-то вроде госприемки, стоял вопрос о запрещении спектакля. После просмотра состоялось обсуждение, которое стенографировали, причем художественная элита Москвы одобрила спектакль, а представители власти – нет. Параджанов тоже выступил и предложил глотавшему в волнении таблетки Любимову не расстраиваться, мол, если «попросят» из театра, он проживет и так. «Вот я столько лет не работаю, и ничего – не умираю. Папа римский мне посылает алмазы, я их продаю и на эти деньги живу!» [7].

На другой день Параджанова позвали в театр выправить и подписать стенограмму, но он не поехал, и сообщение об «алмазах папы римского» ушло наверх. Вроде бы смешная небылица, но одновременно выпад в сторону властей, которые не дают работать режиссеру. И возникал вопрос: действительно, на какие средства вот уже четыре года живет Параджанов?

Всем, кто знал Параджанова была известна его страсть к вещам, к антиквариату. В Тбилиси все прекрасно знали, что режиссер покупает и продает драгоценности и антиквариат, но до выступления в театре на Таганке власти ничего по этому поводу не предпринимали, и вдруг... 11 февраля 1982 года Параджанова арестовали за спекуляцию. Как позже объяснили пришедшим хлопотать за Параджанова актрисе С. Чиаурели и кинорежиссеру Г. Шенгелая, причиной стали его неосторожные слова в театре на Таганке.

Режиссеру инкриминировали спекуляцию, тунеядство и дачу взятки – после которой его, собственно, и задержали. Тремя годами ранее, ради того, чтобы его племянника Георгия Хачатурова приняли в Тбилисский театральный институт, Параджанов «подарил» педагогу Юрию Зарецкому перстень с бриллиантом. Режиссер не делал из этого тайны, трубил повсюду о мздоимстве в институте. Это никого не удивляло, поскольку взятничество в советской Грузии было в порядке вещей. После указания из Москвы об этом факте вспомнили, проверили вступительное сочинение Г. Хачатурова, на тот момент студента четвертого курса, и насчитали в нем 62 ошибки! Когда парня вызвали в милицию, он растерялся: «Они угрожали, убеждали, требовали признать «факт взятки». И вдруг прямо дали понять, что за определенную мзду дело можно закрыть. Дядя Серёжа тут же повёз пятьсот рублей. Конечно, это была ловушка, провокация, его взяли на «месте преступления», и я невольно оказался виновником ареста» [7].

До суда Параджанов провел в заключении 9 месяцев, и все это время советские и зарубежные друзья и кинознаменитости ходатайствовали за него, писали письма. Андрей Тарковский заключил соглашение с адвокатом для Параджанова, но тот опять отказался от защитника, приняв решение защищаться в суде самостоятельно. Процесс проходил в зале Дома работников искусств в Тбилиси в первых числах октября 1982 г. Известно, что именно сыграло роль – мощная международная кампания поддержки или ходатайства советских деятелей культуры, но еще до начала суда свыше пришло указание об условном сроке для режиссера. Некоторые считают, что на решение повлияло письмо, отправленное Беллой Ахмадулиной Первому секретарю ЦК Грузинской ССР Г.А. Шеварднадзе, большому поклоннику ее поэзии. Она писала: «Я очень знаю этого несчастного человека <...> Нет, наверно, ни одной статьи Уголовного кодекса, по которой он сам себя не оговорил в моём присутствии, но если бы лишь в моём... <...> Все его преступления условны. И срок наказания может быть условным. Это единственный юридический способ обойтись с ним без лишних осложнений, иначе это может привести его к неминуемой гибели». В итоге, проведя под арестом 9 месяцев, Параджанов получил 5 лет условно и был освобожден в зале суда.

Удивительно, но вскоре после процесса Параджанову вновь разрешили снимать. Умер Брежнев, а за ним еще два генсека. Пришел Горбачев и началась перестройка. Отношение к творчеству Параджанова кардинально изменилось. Его стали выпускать за рубеж, на кинофестивали, брали интервью для телевидения. Режиссер горько констатировал: «И вот сегодня, когда забыты обиды и колючая проволока изоляции и эхо... Я стал экспонатом перестройки» [5]. Западная печать старалась навесить на режиссера ярлык «узника совести». В Мюнхене, отвечая на вопрос корреспондента, который настойчиво старался натолкнуть его на политические заявления, Параджанов в сердцах воскликнул: «Я не диссидент. Я – художник! Единственное мое желание – создавать фильмы, преисполненные красоты и добра» [5].

В 1990 г. у режиссера диагностировали рак легких. Его прооперировали в Москве, но опухоль дала метастазы. 20 июля 1990 г. Параджанов умер в Республиканской больнице Армянской ССР и был похоронен в Ереване.

В 1992 году в Украине декриминализировали мужеложство между взрослыми людьми (по согласию), но изменение законодательства не превращает в ошибку действия следователей и судей в 1973 году. К 100-летию Параджанова его реабилитировали по Закону Украины от 17 апреля 1991 года № 962-XII «О реабилитации жертв репрессий коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов».

В Российской Федерации добровольное мужеложство было декриминализовано в 1993 г., и уголовному преследованию подлежат только насильственные действия (ст. 132 Уголовного кодекса РФ). Однако эта декриминализация не имеет обратной силы в виде признания всех ранее осужденных невиновными жертвами советского режима. Российское законодательство разграничивает декриминализацию общеуголовной статьи и признание человека жертвой политических репрессий, несмотря на неоднократные выступления правозащитных организаций с петициями о реабилитации. Исключения составляют случаи, когда приговор был вынесен на основе оговора или фальсификации доказательств и в ходе прокурорской проверки доказано, что обвинение было полностью сфабриковано.

Так был ли Сергей Параджанов «узником совести», пострадавшим от советской власти за свои убеждения? И да, и нет. Режиссер три раза был осужден за деяния, которые действительно совершил, и мера наказания с точки зрения действующих тогда законов выглядит адекватной. В первом случае он получил условный срок как склоненный к мужеложству молодой человек, на втором суде его приговорили к пяти годам – это было максимальное наказание за факт мужеложства «по согласию», а режиссер признал, что они имели место с несколькими людьми. В третьем случае наказание по распоряжению свыше оказалось условным. Другой вопрос, что за исключением первого уголовного дела, два других могли не возбудить, если бы не «убеждения» режиссера, которые он озвучивал к месту и не к месту, причем убеждения эти никоим образом не касались политики, а всего лишь права на свободу творчества, и конкретно – собственного режиссерского творчества. При этом Параджанов не учитывал, что государство полностью оплачивает весь съемочный процесс и не может выделять средства на «самовыражение» режиссера – то кино, что нынче называется «артхаус». В СССР «Тени забытых предков» посмотрели 8,3 млн человек – провальная цифра для 250-миллионной страны. Режиссеру еще несколько раз давали возможность самовыразиться за государственный счет, но и эти картины не имели кассового успеха. Параджанов обличал киноначальство, которое не понимает его замыслы – при этом, в соответствии с Постановлением № 777 Совета Министров СССР от 19.07.1962 г., во время творческих простоев он в течение года получал сумму в 66% от оклада, установленного на время съемок. Только в СССР режиссеру платили просто за то, что он режиссер!

Киноведы нередко приравнивают творчество Параджанова к Тарковскому. Работая за рубежом, Андрею Тарковскому постоянно не хватало денег на постановку фильмов. Не получая, как в Союзе, гарантированного бюджета от государства, он

столкнулся с жестким продюсерским контролем и необходимостью самостоятельно искать спонсоров. Но кинофильмы Тарковского были кассовыми и на родине, и за рубежом, а ленты Параджанова имели успех в относительно узком кругу. Власти, зная о «крамольных» высказываниях Параджанова, не находили нужным его наказывать, пока он не переходил черту. Было ли возбуждение дел против режиссера в 1973 и 1982 годах заказным? Вероятно да. Были ли уголовные дела сфабрикованными? Однозначно нет.

Литература

1. Волкова П.Д. Ностальгия / Андрей Тарковский; сост. П. Волкова. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 491 с.
2. Вся правда о судимостях Сергея Параджанова [Электронный ресурс] // Сегодня: [сайт]. – 2008. – URL: <https://web.archive.org/web/20171003125402/https://www.segodnya.ua/ukraine/vcja-pravda-o-cudimostjakh-serheja-paradzhanova.html> (дата обращения: 15.08.2026).
3. Вся правда о судимостях Сергея Параджанова. Часть 2 [Электронный ресурс] // Живой Журнал: [блог]. – URL: <https://filippinka.livejournal.com/5986.html> (дата обращения: 15.08.2026).
4. Закоян Г. Исповедь Сергея Параджанова [Электронный ресурс] // Киноведческие записки. – URL: <https://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/658/> (дата обращения: 15.08.2026).
5. Григорян Л.Р. Параджанов / Левон Григорян. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 317 с.
6. Иванов В.А. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда 1930-х годов и их погром // Новейшая история России. – 2013. – № 3 (8). – С. 126–144.
7. Катанян В.В. Параджанов: Цена вечного праздника. – М.: Четыре искусства, 1994. – С. 8.
8. Мессерер Б.А. Промельк Беллы. Сергей Параджанов. Венедикт Ерофеев (главы из книги) // Октябрь. – 2013. – № 4. – С. 10–25.

CRIMINAL PROSECUTION OF HOMOSEXUALITY IN LATE SOVIET SOCIETY: THE CRIMINAL CASE OF DIRECTOR S.I. PARAJANOV

Vasyaev A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

This article examines the 1973 trial of director Sergei Iosifovich Parajanov, the only prominent figure convicted of sodomy during the last thirty years of Soviet rule. The article examines the evolution of punishments for sodomy in world and Russian history, the controversial figure of director Parajanov, the reasons for his arrest, the investigation, the outcome of the closed sodomy trial, and another case brought against the director – for bribery of a police officer. It challenges the prevailing belief that Parajanov was a victim of the Soviet regime because of his political beliefs and that the criminal cases brought against him were falsified. After the collapse of the USSR, a wave of rehabilitations of individuals convicted of criminal offenses as «victims of the regime» swept through the country.

Sodomy was decriminalized in all former Soviet republics back in the 1990s. One of the goals of this study is to assess the legality of the politically motivated rehabilitation of a person convicted of sodomy in 1973.

Keywords: Sergei Parajanov, criminal case, sodomy, trial, refusal of legal counsel, artistic freedom, antiques.

References

1. Volkova P. D. **Nostalgia** / Andrei Tarkovsky; comp. P. Volkova. – Moscow: AST: Khranitel, 2008. – 491 p.
2. The Whole Truth About Sergei Parajanov's Criminal Convictions [Electronic resource] // **Segodnya**: [website]. – 2008. – URL: <https://web.archive.org/web/20171003125402/https://www.segodnya.ua/ukraine/vcja-pravda-o-cudimoctjakh-cerheja-paradzhanova.html> (accessed: 15.08.2026).
3. The Whole Truth About Sergei Parajanov's Criminal Convictions. Part 2 [Electronic resource] // **LiveJournal**: [blog]. – URL: <https://filippinka.livejournal.com/5986.html> (accessed: 15.08.2026).
4. Zakoyan G. Sergei Parajanov's Confession [Electronic resource] // **Kinovedcheskie Zapiski**. – URL: <https://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/658/> (accessed: 15.08.2026).
5. Grigoryan L. R. **Parajanov** / Levon Grigoryan. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. – 317 p.
6. Ivanov V.A. Counter-Revolutionary Organizations Among Leningrad Homosexuals in the 1930s and the Crackdown Against Them // **Modern History of Russia**. – 2013. – No. 3 (8). – P. 126–144.
7. Katanyan V. V. **Parajanov: The Price of an Eternal Celebration**. – Moscow: Chetyre iskusstva, 1994. – P. 8.
8. Messerer B.A. Bella's Fleeting Glimpse. Sergei Parajanov. Venedikt Yerofeyev (chapters from the book) // *Oktyabr*. – 2013. – No. 4. – Pp. 10–25.

Роль физической культуры в сохранении здоровья студентов и формировании социального потенциала общества

Ибрагимов Али Закир оглы,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: ibrahimov_66_98@mail.ru

Лилеев Никита Александрович,

студент 5 курса, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nikitalileev11@yandex.ru

Шарафутдинова Алина Дмитриевна,

студентка 5 курса института педиатрии и репродуктивного
здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: asarafutdinova01@gmail.com

В статье рассматривается влияние регулярной физической активности на физическое и психическое здоровье студентов. Анализируются причины снижения двигательной активности в период обучения в вузе. К ним относятся высокая учебная нагрузка, длительная работа за компьютером, нарушение режима сна и отсутствие устойчивой привычки к занятиям. Раскрывается роль физических упражнений в профилактике заболеваний, поддержании работоспособности и снижении эмоционального напряжения. Особое внимание уделено организации физического воспитания в университете. Единые нормативы не всегда учитывают состояние здоровья, подготовленность и интересы студентов. Более результативной является модель, которая сочетает обязательные занятия, самостоятельную активность и доступные спортивные программы. Рассматривается социальная роль физической культуры. Она проявляется в развитии самодисциплины, навыков общения, ответственности и способности к совместной деятельности. Регулярная активность также способствует снижению будущих расходов на лечение и укрепляет кадровый потенциал общества. Сделан вывод о необходимости формирования в вузе среды, которая помогает студенту сохранить физическую активность после завершения обучения.

Ключевые слова: физическая активность, здоровье студентов, физическая культура, высшее образование, профилактика, работоспособность, социализация, здоровый образ жизни.

Введение

Студенческий период связан с быстрым изменением образа жизни. Молодой человек получает больше самостоятельности. Одновременно растёт его учебная и личная ответственность. Меняется режим дня. Увеличивается время работы за компьютером. Снижается объём повседневного движения. Эти перемены нередко приводят к устойчивой гиподинамии. [1].

Проблема не сводится к недостатку спортивных тренировок. Для здоровья имеет значение весь объём движения в течение дня. Студент может посещать занятие по физической культуре один раз в неделю, но оставаться малоподвижным в остальное время. Поэтому необходимо учитывать ходьбу, активный отдых, утреннюю гимнастику, самостоятельные тренировки и перерывы в учебной работе [2].

Всемирная организация здравоохранения рекомендует взрослым выполнять аэробную нагрузку умеренной интенсивности от 150 до 300 минут в неделю. Возможен и другой вариант. Это от 75 до 150 минут интенсивной нагрузки. Силовые упражнения рекомендуется выполнять не реже двух раз в неделю [3]. Данные ориентиры подходят большинству студентов. При наличии заболеваний нагрузку следует согласовывать с врачом и преподавателем.

Сегодня студенческий спорт – это не просто досуг или физкультурное мероприятие. Это системно организованная среда, в которой формируются будущие профессиональные атлеты, закаляется характер и вырабатываются навыки, необходимые как для победы на арене, так и для успеха в жизни. Изучение этой среды и её возможностей представляется чрезвычайно актуальным в условиях растущей конкуренции в профессиональном спорте и повышенного интереса общества к здоровому образу жизни [1].

Занятия спортом играют важную социальную роль в жизни молодёжи. Они способствуют развитию ответственности, самодисциплины, коммуникативных навыков и способности работать в коллективе. Участие в спортивных секциях, соревнованиях и совместных тренировках помогает молодым людям расширять круг общения, легче адаптироваться к образовательной среде и находить конструктивные способы проведения свободного времени. Кроме того, физическая культура

способствует формированию ценностей здорового образа жизни и снижению риска социальной изоляции. Поэтому спорт следует рассматривать не только как средство физического развития, но и как значимый механизм социализации молодёжи [4].

Преподаватель вуза должен рассматривать физическую культуру не только как учебную дисциплину. Это средство сохранения здоровья и важная часть общей культуры личности. На занятии студент должен получать не временную нагрузку, а понятный опыт управления собственным состоянием. Ему необходимо знать, как выбрать упражнения, оценить интенсивность и заметить признаки переутомления [5].

Цель статьи состоит в анализе влияния регулярной физической активности на здоровье студентов и определении её социальной роли. В работе использованы анализ научной литературы, обобщение рекомендаций и педагогическое наблюдение. Статья имеет теоретико-аналитический характер. Основное внимание уделяется условиям, при которых физическая активность становится устойчивой частью жизни студента.

Двигательная активность и состояние здоровья студентов

Обучение в вузе требует длительной умственной работы. Лекции, практические занятия и подготовка заданий часто проходят в положении сидя. Значительная часть общения и поиска информации также переместилась в цифровую среду. В результате студент может проводить без движения несколько часов подряд [6].

Низкая активность влияет на разные стороны здоровья. В первую очередь снижаются общая выносливость и переносимость обычной нагрузки. Быстрая ходьба и подъём по лестнице начинают вызывать заметное утомление. Ослабевают мышцы спины и брюшного пресса. Возрастает риск нарушений осанки. Могут появляться неприятные ощущения в шее и пояснице [1].

Недостаток движения влияет и на обменные процессы. При длительном сидении уменьшается активность крупных мышечных групп. Снижаются энергозатраты. При несбалансированном питании это создаёт условия для увеличения массы тела. Регулярные упражнения помогают расходовать энергию и поддерживать нормальный состав тела. Однако физическая активность не компенсирует постоянное переизбыточное питание. Профилактический эффект возникает при сочетании движения, питания и полноценного сна [7].

Положение студентов неодинаково. Одни занимались спортом до поступления и сохраняют привычный режим. Другие прекращают тренировки из-за переезда или учебной нагрузки. Часть молодых людей ранее не имела положительного опы-

та физической культуры. Для них занятие может быть связано со страхом оценки, сравнением с более подготовленными одноклассниками и неуверенностью в своих возможностях.

Заметное значение имеет состояние здоровья. Среди студентов встречаются хронические заболевания, последствия травм и ограничения опорно-двигательного аппарата. Таким обучающимся нужна адаптация нагрузки. Формальное освобождение от занятий не решает проблему. Оно может ещё сильнее сократить движение. Более разумен подбор безопасных упражнений с учётом медицинских рекомендаций [8].

Регулярность важнее редких предельных усилий. Одна тяжёлая тренировка не устраняет последствия недели малоподвижного режима. Она может вызвать сильную боль в мышцах и снизить желание продолжать занятия. Устойчивый эффект дают умеренные нагрузки, которые повторяются несколько раз в неделю. Их объём повышают постепенно [9].

На практике полезно оценивать не только результат контрольного упражнения. Следует учитывать исходный уровень и личный прогресс. Для одного студента значимым достижением станет рост спортивного результата. Для другого важнее отсутствие боли после ходьбы или возможность непрерывно двигаться в течение тридцати минут. Такой подход поддерживает мотивацию и не снижает требования к безопасности.

Физические и психические эффекты регулярных занятий

Физическая активность вызывает комплексную адаптацию организма. При аэробной нагрузке учащаются дыхание и сердечные сокращения. При систематических занятиях сердце начинает работать экономичнее. Улучшается снабжение тканей кислородом. Повышается общая выносливость. Студент легче переносит бытовые нагрузки и дольше сохраняет работоспособность [5].

Силовые упражнения укрепляют мышцы и связочный аппарат. Они помогают поддерживать устойчивое положение тела. Это особенно важно при длительной работе за столом. Развитые мышцы не гарантируют правильную осанку, но создают для неё необходимую основу. Дополнительное значение имеют упражнения на подвижность суставов и координацию [7].

Движение связано с качеством сна. Умеренная активность в течение дня помогает регулировать периоды бодрствования и отдыха. Студенты, которые соблюдают режим тренировок, часто легче переходят ко сну. При этом интенсивное занятие непосредственно перед ночным отдыхом подходит не всем. Время нагрузки следует выбирать с учётом индивидуальной реакции [6].

Физическая активность оказывает влияние на психическое состояние. Учёба сопровождается экзаменами, публичными выступлениями и высокой информационной нагрузкой. Продолжительное напряжение может проявляться раздражительностью, тревогой и снижением концентрации. Упражнения создают естественное переключение с умственной работы на двигательную. Они уменьшают субъективное ощущение усталости и помогают восстановить эмоциональное равновесие [10].

Связь между движением и настроением нельзя объяснять только отвлечением от проблем. Во время нагрузки меняется работа нервной и эндокринной систем. Повышается кровоснабжение мозга. Совершенствуются механизмы адаптации к стрессу. На психическое состояние влияет и чувство выполненной задачи. Даже короткая тренировка даёт человеку понятный результат [1].

Физическая активность не заменяет лечение психических расстройств. Она может использоваться как средство поддержки и профилактики. Если студент долго испытывает подавленность, сильную тревогу или нарушения сна, ему нужна помощь специалиста [10]. Преподаватель физической культуры не должен ставить диагноз. Его задача состоит в создании безопасных условий и корректном направлении студента к профильной службе.

Регулярные занятия развивают способность планировать усилия. Студент учится распределять нагрузку и наблюдать за своим состоянием. Полезными навыками становятся измерение пульса, оценка самочувствия и ведение простого дневника активности. Эти действия формируют ответственное отношение к здоровью [11].

Умеренная усталость после занятия является нормальной реакцией. Головокружение, резкая боль, нарушение координации и длительное ухудшение самочувствия нельзя считать нормой. Студент должен знать признаки неблагоприятной реакции. Преподавателю важно объяснять их до начала интенсивной работы.

Наиболее доступными видами активности остаются ходьба, бег в спокойном темпе, плавание, велосипед, лыжи, гимнастика и спортивные игры. Выбор зависит от здоровья, интересов и условий. Универсального вида упражнений не существует. Пользу приносит та активность, которая безопасна и выполняется регулярно [4].

Организация физической активности в образовательной среде

Обязательные занятия охватывают большое число студентов. В этом заключается их сильная сторона. Однако нескольких академических часов недостаточно для компенсации малоподвижного образа

жизни. Учебный курс должен помогать студенту выстроить собственный недельный режим.

Традиционная модель часто сосредоточена на выполнении нормативов. Такой контроль позволяет оценить отдельные физические качества. При этом он не всегда показывает реальное отношение студента к активности [5]. Человек может подготовиться к одному тесту и прекратить занятия после его сдачи. Образовательный результат возникает тогда, когда студент понимает назначение упражнений и умеет применять их самостоятельно.

Содержание курса стоит строить по модульному принципу. Базовый модуль может включать основы выносливости, силы, подвижности и безопасности. Вариативная часть должна предоставлять выбор. Это могут быть игровые виды спорта, плавание, атлетическая гимнастика, танцевальные направления, туризм или оздоровительная ходьба. Выбор повышает личную заинтересованность [12].

Необходима разумная дифференциация. Она не означает снижения требований. Нагрузка должна соответствовать подготовленности и обеспечивать развитие. Сильному студенту требуется более сложная задача. Начинающему нужен доступный уровень, который позволяет освоить технику без избыточного напряжения. Студенту с ограничениями требуется адаптированная программа.

В преподавательской практике важно избегать публичного сравнения физических возможностей. Оно усиливает тревогу и часто отталкивает слабоподготовленных студентов. Более полезно сравнивать текущий результат с исходным. Критериями могут быть регулярность, техника, соблюдение правил безопасности и индивидуальная динамика.

Самостоятельная работа требует понятных заданий. Формулировка «заниматься спортом» слишком общая. Лучше предложить конкретную цель. Например, три прогулки быстрым шагом по тридцать минут в неделю. Другой вариант включает две короткие силовые тренировки и активное передвижение в течение дня. План должен учитывать расписание занятий и время на восстановление [3].

Цифровые устройства могут поддерживать самоконтроль. Шагомер и спортивные часы показывают объём движения. Мобильное приложение помогает составить расписание. Но цифры не должны становиться единственным критерием. Устройства имеют погрешность. Они также не оценивают технику и не всегда верно определяют интенсивность.

Полезным инструментом является дневник активности. В нём можно отмечать вид нагрузки, длительность и самочувствие. Достаточно нескольких записей в неделю. Такой дневник позволяет увидеть связь между режимом, сном и работоспособ-

ностью. Он также помогает выявить слишком резкое увеличение нагрузки [13].

Вуз может влиять на поведение студентов через среду. Для этого нужны доступные площадки, секции и спортивный инвентарь. Важно удобное расписание. Если секция проводится только во время обязательных занятий, многие студенты не смогут её посещать. Значение имеют безопасные маршруты для ходьбы и места для краткой разминки.

Активные перерывы следует использовать и вне спортивных залов. После продолжительной лекции полезна короткая смена положения тела. Во время самостоятельной работы желательно вставать каждые 45–60 минут. Несколько минут ходьбы не заменяют тренировку, но сокращают непрерывное сидение [9].

Ответственность за здоровье нельзя полностью возлагать на студента. Его выбор зависит от стоимости занятий, доступности объектов и учебного расписания. Однако университет также не может контролировать весь образ жизни обучающегося. Эффективная модель строится на совместной ответственности. Вуз создаёт условия и даёт знания. Студент принимает решения и соблюдает выбранный режим.

Социальная роль физической активности

Здоровье студентов имеет общественное значение. Выпускники входят в профессиональную среду и участвуют в создании материальных и интеллектуальных ресурсов. Низкая работоспособность ограничивает их возможности. Она повышает риск пропусков и раннего развития хронических нарушений. Профилактика в студенческие годы поддерживает будущий трудовой потенциал [4].

Физическая культура формирует навыки, которые выходят за пределы спортивной деятельности. Регулярные занятия требуют соблюдения графика. Человек учится соотносить цель и доступное время. Он принимает постепенный характер результата. Эти качества важны в учёбе и профессиональной работе [1].

Командные занятия развивают взаимодействие. Участник должен соблюдать правила, учитывать действия партнёров и отвечать за свою роль. Спортивная игра создаёт ситуации быстрого принятия решений. При грамотной организации она учит сотрудничеству, а не только борьбе за победу.

Совместная активность облегчает адаптацию первокурсников. В неформальной обстановке проще установить контакты. Особенно это важно для студентов, которые приехали из других городов. Спортивная секция может стать устойчивой группой поддержки. Она уменьшает чувство изоляции и расширяет круг общения [12].

При этом спорт не всегда автоматически создаёт благоприятную среду. Жёсткое соперничество и унижение менее подготовленных участников дают обратный эффект. Социальная польза зависит от норм общения. Преподаватель и тренер должны пресекать насмешки, опасное поведение и дискриминацию по уровню подготовки [10].

Физическая активность выполняет интегративную функцию. Адаптивные программы позволяют включать в общие занятия студентов с различными возможностями здоровья. Для этого требуется не формальное присутствие, а доступная роль в деятельности. Иногда достаточно изменить темп, расстояние, правила или оборудование.

Есть и экономический аспект. Профилактика заболеваний обычно требует меньших затрат, чем длительное лечение их последствий. Физически активный человек чаще сохраняет самостоятельность и профессиональную продуктивность. Однако нельзя сводить ценность здоровья только к экономике. Хорошее самочувствие повышает качество жизни и расширяет свободу выбора [13].

Привычки молодых людей влияют на ближайшее окружение. Активный студент может вовлечь в прогулки или тренировки друзей и членов семьи. После окончания вуза он переносит эту норму в трудовой коллектив. Так индивидуальное поведение получает общественное продолжение.

Университет в данном случае выступает не только местом передачи знаний. Он задаёт образцы отношения к телу, отдыху и нагрузке [6]. Если физическая культура воспринимается как формальная обязанность, её влияние заканчивается после зачёта. Если студент получает успешный опыт, вероятность сохранения активности возрастает [14].

Социальный результат нельзя оценивать только количеством спортивных соревнований. Более точными показателями являются охват студентов, устойчивость участия и доступность программ. Важно учитывать долю тех, кто раньше не занимался регулярно. Массовая оздоровительная работа и спорт высоких достижений решают разные задачи. В образовательной среде они должны дополнять друг друга.

Выводы

Регулярная физическая активность является значимым условием сохранения здоровья студентов. Она поддерживает работу сердечно-сосудистой и дыхательной систем, укрепляет мышцы и повышает выносливость. Движение помогает снизить последствия длительного сидения. Оно также улучшает эмоциональное состояние и облегчает адаптацию к учебной нагрузке.

Положительный эффект зависит от регулярности, безопасности и соответствия нагрузки возможностям человека. Редкие интенсивные тре-

нировки не могут заменить устойчивый режим. Нагрузка должна увеличиваться постепенно. При заболеваниях и после травм требуется индивидуальная программа.

Социальная роль физической активности проявляется в укреплении трудового потенциала и развитии навыков взаимодействия. Занятия формируют дисциплину, ответственность и способность действовать в группе. Доступные спортивные программы поддерживают общение и включённость в университетскую среду.

Важно сформировать у студента устойчивое и осмысленное отношение к движению. Если выпускник умеет самостоятельно организовать свой тренировочный процесс, физическая культура становится частью его дальнейшей жизни. Именно такой результат имеет долговременную ценность для человека и общества.

Литература

1. Plotnikoff RC, Costigan SA, Williams RL, et al. Effectiveness of interventions targeting physical activity, nutrition and healthy weight for university and college students: a systematic review and meta-analysis. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2015;12:45. doi:10.1186/s12966-015-0203-7
2. Кутергин Н. Б., Коруковец А.П. Анализ состояния и развития студенческого спорта в России и других передовых странах мира // Педагогический вестник. – 2020. – № 13. – С. 26–29. – EDN CTNCTA.
3. World Health Organization. WHO Guidelines on Physical Activity and Sedentary Behaviour. Geneva: WHO, 2020
4. Ибрагимов А. З., Никифоров Н.Ю., Лилеев Н.А., Гурбанов Т.М. Физическая культура и спорт как фундаментальные детерминанты устойчивого развития современного общества: медико-биологические, психосоциальные и экономические императивы // Социология. – 2026. – № 3. – С. 183–187. – EDN RYZP-MQ.
5. Гудимов С. В., Осетров И.А., Плещев И.Е., Рипачева Е.Ю. Соматическое здоровье студентов медицинского университета в течение учебного года // Пациентоориентированная медицина и фармация. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 5–11. – DOI 10.37489/2949–1924–0002. – EDN TKXIXW.
6. Deliens T, Deforche B, De Bourdeaudhuij I, Clarys P. Determinants of physical activity and sedentary behaviour in university students: a qualitative study using focus group discussions. *BMC Public Health*. 2015;15:201. doi:10.1186/s12889-015-1553-4
7. Поляев Б. А., Шишкин А.А., Плещев И.Е. [и др.] Анализ эффективности применения модульной системы Radical Step в качестве инструмента разминки у спортсменов командных видов спорта // Человек. Спорт. Медицина. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 89–96. – DOI 10.14529/hsm260111. – EDN RRUTYY.
8. Зотова Ф. Р., Хамидуллина Г.Ф., Бубякина Е.В., [и др.]. Мотивы и препятствия физической активности студентов университетов // Наука и спорт: современные тенденции. – 2023. – Т. 11, № 5. – С. 103–114. – DOI 10.36028/2308–8826–2023–11-S-103–114. – EDN POPAST.
9. Тимошенко Е.С. Влияние регулярной физической активности на здоровье студентов // Студенческий вестник. – 2025. – № 42–3(375). – С. 20–23. – EDN WCKQYL.
10. Herbert C. Enhancing Mental Health, Well-Being and Active Lifestyles of University Students by Means of Physical Activity and Exercise Research Programs. *Front Public Health*. 2022;10:849093. doi:10.3389/fpubh.2022.849093
11. Ch. Ma, Yu. Zhou, Y. Wang, Ch. Zhu. The impact of social support on college students' sports competition behavior from the perspective of self-determination theory: A chain mediation model / // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2024. – Vol. 8, No. 15. – P. 9042. – DOI 10.24294/jipd9042.
12. Севодин С. В., Мухамедиева А.Р. Значение командных видов спорта для развития командного духа и коммуникации // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 1–1. – С. 145–148. – DOI 10.24412/2078–9661–2026–01–1–6. – EDN XBJYIQ.
13. Ибрагимов А. З., Титова А.С., Каракчиев Д.А., Гурбанов Т.М. Физическая культура и спорт как многофункциональный инструмент укрепления здоровья // Социология. – 2025. – № 12. – С. 151–156. – EDN VVATCO.
14. Курбонов Р. А., Эшматов Г.Э. Как заинтересовать молодежь спортом и мотивировать // Научград наука производство общество. – 2025. – Т. 2, № 4. – С. 63–68. – EDN AGUBRC.

THE ROLE OF PHYSICAL CULTURE IN MAINTAINING STUDENTS' HEALTH AND SHAPING THE SOCIAL POTENTIAL OF SOCIETY

Ibragimov A., Lileev N.A., Sharafutdinova A.D.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia,

The article examines the influence of regular physical activity on the physical and mental health of university students. It analyses the main causes of insufficient movement during university education. These include a heavy academic workload, prolonged computer use, sleep disorders and the absence of stable exercise habits. The paper discusses the role of exercise in disease prevention, maintenance of working capacity and reduction of emotional stress. Special attention is given to the organisation of physical education at university. Uniform standards do not always reflect students' health status, fitness level and personal interests. A more effective model combines compulsory classes, independent exercise and accessible sports programmes. The social role of physical culture is also considered. It supports self-discipline, communication skills, responsibility and cooperation. Regular activity may reduce future healthcare costs and strengthen the human resources of society. The ar-

title concludes that universities should create an environment that helps students maintain physical activity after graduation.

Keywords: physical activity, student health, physical education, higher education, prevention, working capacity, socialisation, healthy lifestyle.

References

1. Plotnikoff RC, Costigan SA, Williams RL, et al. Effectiveness of interventions targeting physical activity, nutrition and healthy weight for university and college students: a systematic review and meta-analysis. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2015;12:45. doi:10.1186/s12966-015-0203-7
2. Kutergin N. B., Korukovets A.P. Analysis of the state and development of student sports in Russia and other advanced countries of the world // *Pedagogical Bulletin.* 2020. No. 13. pp. 26–29.
3. World Health Organization. WHO Guidelines on Physical Activity and Sedentary Behaviour. Geneva: WHO, 2020
4. Ibragimov A. Z., Nikiforov N. Yu., Lileev N.A., Gurbanov T.M. Physical culture and sport as fundamental determinants of sustainable development of modern society: biomedical, psychosocial, and economic imperatives // *Sociology.* 2026. No. 3. pp. 183–187.
5. Gudimov S. V., Osetrov I.A., Pleshchev I.E., Ripacheva E.Y. Somatic health of medical university students during the academic year // *Patient-oriented medicine and pharmacy.* – 2023. – Vol. 1, No. 1. – pp. 5–11. – DOI 10.37489/2949–1924–0002.
6. Deliens T, Deforche B, De Bourdeaudhuij I, Clarys P. Determinants of physical activity and sedentary behaviour in university students: a qualitative study using focus group discussions. *BMC Public Health.* 2015;15:201. doi:10.1186/s12889-015-1553-4
7. Polyayev B. A., Shishkin A.A., Pleshchev I.E. [et al.] Analysis of the effectiveness of using the modular Radical Step system as a warm-up tool for athletes in team sports // *Human. Sport. Medicine.* 2026. Vol. 26. No. 1. pp. 89–96. DOI 10.14529/hsm260111
8. Zotova F.R., Khamidullina G.F., Bubyakina E.V., [et al.]. Motives and Obstacles to Physical Activity among University Students // *Science and Sport: Current Trends.* – 2023. – Vol. 11, No. S. – Pp. 103–114. – DOI 10.36028/2308–8826–2023–11-S-103–114
9. Timoshenko E.S. The Impact of Regular Physical Activity on Students' Health // *Student Bulletin.* – 2025. – No. 42–3(375). – Pp. 20–23.
10. Herbert C. Enhancing Mental Health, Well-Being and Active Lifestyles of University Students by Means of Physical Activity and Exercise Research Programs. *Front Public Health.* 2022;10:849093. doi:10.3389/fpubh.2022.849093
11. Ch. Ma, Yu. Zhou, Y. Wang, Ch. Zhu. The impact of social support on college students' sports competition behavior from the perspective of self-determination theory: A chain mediation model // *Journal of Infrastructure, Policy and Development.* – 2024. – Vol. 8, No. 15. – P. 9042. – DOI 10.24294/jipd9042.
12. Sevodin S. V., Mukhamerdieva A.R. The importance of team sports for the development of team spirit and communication // *Humanitarian Scientific Journal.* 2026. No. 1–1. pp. 145–148. DOI 10.24412/2078–9661–2026–01–1–6.
13. Ibragimov A. Z., Titova A.S., Karakchiev D.A., Gurbanov T.M. Physical culture and sports as a multifunctional tool for improving health // *Sociology.* – 2025. – No. 12. – Pp. 151–156.
14. Kurbonov R. A., Eshmatov G.E. How to interest young people in sports and motivate them // *Naukograd: Science, Production, Society.* – 2025. – Vol. 2, No. 4. – Pp. 63–68.

Исследование китайских переводов стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» в рамках эстетики восприятия

Илимира Илияс,

преподаватель Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Чжу Миньян,

магистр Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 17591658723@163.com

В статье проводится сравнительный анализ китайских переводов стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус», выполненных Юй Чжэнем и Гу Юньпу, с позиций эстетики восприятия. Теоретическую основу исследования составляют концепция «горизонта ожидания» Х.-Р. Яусса и положение В. Изера о смысловых пробелах художественного текста. С помощью сравнительно-сопоставительного, контекстуального и интерпретационного методов рассматриваются особенности языковой организации, передачи образов и эмоциональной тональности двух переводов. Установлено, что Юй Чжэнь в большей степени сохраняет синтаксическую развернутость и композиционные особенности оригинала, одновременно конкретизируя отдельные неоднозначные фрагменты. Перевод Гу Юньпу характеризуется лаконичностью, ритмической естественностью и стремлением сохранить поэтическую недосказанность. Выявленные различия связаны не только с индивидуальными стратегиями переводчиков, но и с изменением переводческих норм и эстетических ожиданий китайской аудитории в 1950–1980-е гг. Сделан вывод о том, что каждый перевод представляет самостоятельную модель организации читательского восприятия.

Ключевые слова: Эстетика Восприятия, Горизонт Ожидания, Поэтический Перевод, М.Ю. Лермонтов, «Парус».

Введение

Поэтический перевод представляет собой одну из наиболее сложных форм межкультурной коммуникации. Его специфика обусловлена необходимостью передать не только предметно-логическое содержание оригинала, но и его ритмико-интонационную организацию, звуковую выразительность, систему образов и эмоциональную тональность. При этом переводчик должен учитывать нормы принимающего языка, литературные традиции и эстетические ожидания целевой аудитории. Вследствие этого достижение формальной и семантической эквивалентности не всегда обеспечивает полноценное воспроизведение художественного воздействия поэтического текста.

Традиционные подходы к оценке перевода преимущественно основываются на категориях верности и эквивалентности. Однако применительно к поэзии данные критерии требуют уточнения, поскольку художественный смысл стихотворения формируется не только на уровне прямых лексических значений, но и во взаимодействии ритма, интонации, образной структуры и семантической недосказанности. Существенную роль в этом процессе играет читатель, который соотносит переводной текст со своим литературным опытом и эстетическими представлениями. Обращение к рецептивному аспекту позволяет объяснить, почему различные переводы одного произведения получают неодинаковое признание и почему классические поэтические тексты неоднократно переводятся в новых историко-культурных условиях.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус», написанное в 1832 г., относится к наиболее известным произведениям русской романтической лирики. Несмотря на небольшой объем три четверостишия, оно характеризуется высокой концентрацией образов и смысловой многозначностью. Центральный образ одинокого паруса, движущегося в морском пространстве, соотносится с мотивами одиночества, свободы, внутреннего беспокойства и стремления к преодолению устойчивого порядка. Семантическая открытость данного образа, а также парадоксальная заключительная формула «Как будто в бурях есть покой» создают значительное пространство для переводческой интерпретации.

В китайском литературоведении стихотворение «Парус» рассматривалось преимущественно

с точки зрения его тематического содержания и художественной организации. Чэнь Синью [1] исследовал особенности интерпретации произведения, Сун Хуа [2] его образную структуру, Чжу Сяоянь [3] функции цветообозначений, Ма Фучжэнь и Ма Сюли [4] основные художественные особенности текста. Вместе с тем существующие работы главным образом посвящены русскому оригиналу. Сопоставление китайских переводов стихотворения, принадлежащих разным историческим периодам, а также выявление обусловивших их различия рецептивных и социокультурных факторов пока не получили достаточного освещения.

Теория эстетики восприятия в настоящее время применяется и в переводоведческих исследованиях. Ли Синьли, Ли Яньли и Ян Цзиньли [5] рассмотрели с ее позиций английский перевод стихотворения Ду Му «Цинмин»; И Цзинью [6] проанализировал переводческую стратегию Сюй Юаньчуна на материале поэзии «Ши цина»; Чжан Сыи [7] исследовала китайский перевод вьетнамской детской литературы. Эти работы подтверждают продуктивность понятий «горизонт ожидания» и «структура вызова» при изучении взаимодействия переводного текста и читателя. Однако большинство исследований выполнено на материале перевода китайской классической поэзии на иностранные языки либо детской литературы. Применение данной методологии к китайским переводам русской поэзии по-прежнему носит ограниченный характер, что определяет актуальность настоящей работы.

Материалом исследования послужили два китайских перевода стихотворения «Парус» – переводы Юй Чжэня и Гу Юньпу. Их выбор обусловлен как значением переводчиков для истории восприятия творчества Лермонтова в Китае, так и принадлежностью переводов к разным этапам развития китайской переводческой культуры. Юй Чжэнь (1909–1996) являлся одним из представителей первого поколения китайских переводчиков поэзии Лермонтова. Его перевод «Паруса», впервые опубликованный в 1950-е гг., впоследствии неоднократно редактировался и переиздавался. Гу Юньпу, окончивший в 1959 г. факультет русского языка Пекинского университета, с 1960-х гг. занимался изучением творчества Лермонтова; его перевод стихотворения получил распространение в период после 1980-х гг.

Временная дистанция между рассматриваемыми переводами составляет около тридцати лет. За этот период в Китае изменились нормы художественного перевода, формы восприятия зарубежной литературы, отношение к европеизированным синтаксическим конструкциям и представления о соотношении точности и поэтического пересоздания. Поэтому различия между переводами Юй Чжэня и Гу Юньпу рассматриваются в статье не только как проявление индивидуальных пере-

водческих стилей, но и как результат трансформации эстетических ожиданий китайской читательской аудитории.

Объектом исследования являются китайские переводы стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус», выполненные Юй Чжэнем и Гу Юньпу. Предмет исследования составляют примененные переводчиками способы передачи языковой формы, образной структуры и эмоциональной тональности оригинала в их связи с исторически обусловленным горизонтом ожидания китайских читателей.

Цель исследования заключается в выявлении и интерпретации стратегических различий между двумя китайскими переводами стихотворения «Парус» с позиций эстетики восприятия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать теоретические возможности применения эстетики восприятия к анализу поэтического перевода; определить основные элементы «структуры вызова» оригинального текста; сопоставить переводы Юй Чжэня и Гу Юньпу на языковом, образном и эмоциональном уровнях; установить связь выявленных различий с изменением переводческих норм и эстетических ожиданий китайской аудитории в 1950–1980-е гг.

Методологическую основу исследования составляют концепция «горизонта ожидания» Х.-Р. Яусса и положение В. Изера о «структуре вызова» художественного текста. В работе используются сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный и интерпретационный анализ, а также метод пристального чтения. При рассмотрении переводческих решений учитываются не только внутритекстовые характеристики, но и историко-культурный контекст создания и распространения переводов.

Научная новизна исследования состоит в сравнительном анализе двух китайских переводов «Паруса», созданных в разные исторические периоды, и в интерпретации их различий как проявления трансформации горизонта ожидания китайской читательской аудитории. В отличие от работ, ограничивающихся оценкой степени близости перевода к оригиналу, в статье перевод рассматривается как форма взаимодействия русского поэтического текста, переводческой интерпретации и эстетического опыта читателя.

Теоретические основания эстетики восприятия и их применение к анализу поэтического перевода

Эстетика восприятия сформировалась в 1960-е гг. в рамках Констанцской школы. Ее ведущими представителями стали Х.-Р. Яусс и В. Изер. В отличие от подходов, сосредоточенных преимущественно на авторе или внутренней структуре произведения,

данное направление выдвинуло на первый план роль читателя в актуализации художественного смысла.

Центральным понятием концепции Х.-Р. Яусса является «горизонт ожидания» (*Erwartungshorizont*), под которым понимается совокупность жанровых, языковых и эстетических представлений, сформированных у читателя предшествующим литературным опытом. Новое произведение может соответствовать этим ожиданиям либо вступать с ними в противоречие, создавая «эстетическую дистанцию» и способствуя изменению читательского восприятия [8].

Для настоящего исследования существенны три аспекта данной категории: исходная система ожиданий читателя, изменение горизонта под воздействием нового текста и историческая реконструкция эстетических норм определенной эпохи. Эти положения позволяют рассматривать языковые и образные решения переводчиков не только как проявление индивидуального стиля, но и как отражение изменений в литературных нормах и читательских предпочтениях.

В. Изер сосредоточил внимание на внутреннем механизме взаимодействия текста и читателя. Согласно его концепции, художественное произведение содержит смысловые «пробелы» и неопределенные места (*Leerstellen*), которые побуждают читателя самостоятельно устанавливать связи и достраивать значение. Такая недосказанность не является недостатком текста, а выступает условием активного читательского участия.

Применительно к поэтическому переводу переводчик выполняет двойную функцию: сначала он интерпретирует смысловые лакуны оригинала как читатель, а затем создает новый текст для целевой аудитории. При этом он может сохранить многозначность исходного произведения, частично конкретизировать ее либо предложить более однозначное толкование. Следовательно, перевод не только передает содержание оригинала, но и формирует новую модель читательского восприятия.

Обращение к эстетике восприятия позволяет выйти за пределы традиционной оценки перевода с точки зрения верности и эквивалентности. В центре внимания оказывается вопрос о том, каким образом перевод функционирует в принимающей культуре, насколько он соответствует сложившимся эстетическим нормам и какое пространство оставляет для интерпретации.

Вместе с тем данная теория имеет определенные ограничения. Понятие единого горизонта ожидания не в полной мере учитывает неоднородность аудитории и различия между читательскими группами одного периода. Кроме того, текстуальный анализ позволяет реконструировать лишь предполагаемую модель восприятия, но не фактическую реакцию читателей. Поэтому в настоящей ста-

тье эстетика восприятия сочетается с историко-культурным и переводоведческим анализом, учитывающим литературные нормы, издательский контекст и особенности целевой аудитории.

Таким образом, концепции Х.-Р. Яусса и В. Изера образуют взаимодополняющую теоретическую основу исследования. Понятие горизонта ожидания позволяет выявить историческую обусловленность переводческих стратегий, а теория текстовых пробелов определить способы сохранения или сокращения смысловой открытости оригинала. Это дает возможность рассматривать китайские переводы «Паруса» как самостоятельные формы организации читательского восприятия.

Лермонтов и «Парус»: структура вызова текста

М.Ю. Лермонтов (1814–1841) занимает одно из центральных мест в русской поэзии XIX века. Испытав влияние пушкинской традиции, он вместе с тем сформировал самостоятельную художественную манеру, для которой характерны эмоциональная напряженность, выразительная образность и мотив одинокого бунтарства. Стихотворение «Парус», написанное в 1832 г., представляет собой не только пейзажную зарисовку, но и символическое выражение внутреннего состояния лирического героя. Образ одинокого паруса, движущегося в морском пространстве, связан с мотивами свободы, одиночества, поиска и сопротивления устойчивому порядку. С позиций эстетики восприятия текст характеризуется высокой степенью смысловой открытости: значение центрального образа не сводится к одной интерпретации и может соотноситься как со свободой и бунтом, так и с внутренней неустроенностью и одиночеством. Особую роль играет заключительная строка «Как будто в бурях есть покой», в которой сохраняется парадоксальное соединение покоя и стихии. Возникающая неопределенность образует смысловые пробелы, требующие активного участия читателя и переводчика. Поэтому каждый перевод неизбежно представляет собой не только передачу содержания оригинала, но и его интерпретационную конкретизацию, что делает сопоставление различных переводческих решений методологически значимым в рамках эстетики восприятия.

Исследование китайских переводов «Паруса» с точки зрения эстетики восприятия

Различия в фоновых данных переводчиков и историческом горизонте ожидания

Прежде чем перейти к сопоставлению конкретных переводческих примеров, необходимо сначала разъяснить исторический контекст каждого из двух переводов, поскольку именно эту часть данная статья заимствует из критики Ван Чжунлина в адрес теории Яусса относительно «недостаточности социального горизонта» для восполнения пробелов.

Перевод «Паруса» Юй Чжэня впервые появился в 1950-х годах; в то время перевод иностранной литературы в Китае в целом находился под глубоким влиянием советских норм перевода литературы, и переводчики обычно стремились приблизиться к структуре оригинала на синтаксическом уровне, чтобы подчеркнуть «национальную форму» и «экзотический колорит». Европеизированные синтаксические конструкции не были редкими в поэтическом переводе того времени и не обязательно создавали препятствия для читательского восприятия. Перевод Гу Юньпу появился после 1980-х годов; к этому времени современная китайская поэзия пережила трансформацию от политической лирики к индивидуализированному и разговорному письму, и система поэтических ожиданий читателей также изменилась, демонстрируя более высокую степень принятия лаконичных переводов, близких к собственному ритму китайского языка. Иными словами, различие в языковых стратегиях между переводом Юй Чжэня и переводом Гу Юньпу является не просто случайным результатом личных эстетических предпочтений двух переводчиков, но и в значительной степени отражает историческое смещение норм перевода китайской поэзии и системы читательских ожиданий, произошедшее за тридцать лет.

Выбор языка: лаконичность и развернутость

Проблемы, с которыми прежде всего сталкивается поэтический перевод, часто находятся на языковом уровне: то же самое значение, выраженное с помощью разной лексики и синтаксических конструкций, дает совершенно разный эффект. Различие на этом уровне как раз соответствует существующему пониманию языковой формы поэзии у читателя в «системе ожидания» теории Яюсса.

Возьмем в качестве примера первую строку первой строфы. Оригинал «Белеет парус одинокой» в буквальном переводе означает примерно «одиноким парус испускает белый свет». Гу переводит как «孤独的帆儿闪着白光» (Одиноким парусок сверкает белым светом) – короткое предложение из восьми иероглифов с четким ритмом; Юй переводит как «在那大海上淡蓝色的云雾里, 有一片孤帆在闪耀着白光» (Там, в бледнеюще-голубом тумане над морем, одинокий парус сверкает белым светом) – сначала разворачивает сцену, а затем дает появиться «одиноким парусу», при этом синтаксическая конструкция получается протяженной. Два способа перевода демонстрируют два разных ритмических направления: перевод Гу краток и близок к ритмическому чувству пяти- и семисловных форм китайской классической поэзии, что является наиболее знакомой китайскому читателю ритмической формой; перевод Юй ближе к прозаической неспешной развернутости, пытаясь воспроизвести порядок слов и дыхание русского оригинала на синтаксическом уровне.

Рассмотрим далее описание волн и морского ветра во второй строфе. Оригинал «Играют волны – ветер свищет» буквально означает «волны играют – ветер свистит». Гу переводит как «呼啸的海风翻卷着波浪» (Свистящий морской ветер вздымает волны), где слово «вздымает» полно динамики, а «свистящий» непосредственно активизирует слуховое восприятие; Юй переводит как «波涛在汹涌——海风在呼啸» (Волны бушуют – морской ветер свистит), сохраняя тип оригинала и сопоставляя две картины, что создает более сильное чувство конфликта, однако «бушуют» и «свистит» носят более книжный характер, а разговорное чувство слабее, чем у Гу.

В целом перевод Гу путем сжатия синтаксических конструкций и усиления ритма делает переведенный текст ближе к системе ожиданий, к которой привыкли читатели китайской поэзии, что представляет собой активное приспособление к существующему горизонту ожидания; перевод Юй путем сохранения синтаксической структуры и формы пунктуации оригинала пытается пересадить протяженное и торжественное языковое чувство русской поэзии в китайский язык. В действительности эта обработка бросает вызов установившейся системе поэтических ожиданий китайских читателей, требуя от них скорректировать свои читательские привычки для адаптации к отнюдь незнакомому способу выражения.

Реконструкция образов: недосказанность и конкретизация

Ядром поэзии являются образы; центральным образом «Паруса», естественно, является «парус», а вокруг него разворачивается ряд таких образов, как «буря», «лазурь», «луч солнца» и т.д. Способ обработки этих образов переводчиком напрямую связан с тем, в какой степени сохраняется или заполняется структура вызова оригинала – это как раз соответствует упомянутому выше вопросу об «неопределенных точках» оригинала.

Сначала посмотрим на сам «парус». В переводе Гу «孤独的帆儿闪着白光» суффикс «儿» (парусок) придает этому образу оттенок душевности и живости, а тяжелый смысл одиночества слегка размывается; в переводе Юй «有一片孤帆在闪耀着白光» счетное слово «一片» (один/одиноким) количественно выражает одиночество, а «闪耀» (сверкает) усиливает визуальное воздействие. Между двумя способами обработки нет различия в качестве, но они указывают на разные эффекты восприятия: перевод Гу легче вызывает эмоциональный резонанс у китайских читателей, тогда как перевод Юй больше подчеркивает чувство изолированности самой картины.

Посмотрим на последнюю строку. Оригинал «Как будто в бурях есть покой» означает «словно в бурях есть покой». Гу переводит как «仿佛风暴里有宁静之邦» (Словно в буре есть страна тишины) – «страна тишины» несет в себе утопический

воображаемый колорит, направляя «покой в буре» к неопределенному и слабо конкретизированному месту, из-за чего смысл сохраняет определенную открытость, и читателю необходимо самому заполнить, чем именно является «страна тишины»; Юй переводит как «仿佛在风暴中才有着安详» (Словно только в буре есть покой) – слово «только» делает причинно-следственную связь очень четкой: исключительно в буре можно обрести покой. Смысл ясен, но интригующее чувство подвешенности оригинала из-за этого ослабевает. Что касается ключевой неопределенной точки последней строки оригинала, перевод Гу решает сохранить ее открытость, что является проявлением доверия к интерпретационной способности читателя; перевод Юй склоняется к заполнению неопределенной точки, делая читаемость перевода более высокой, но пространство для участия читателя в интерпретации соответственно сокращается. Это в определенной степени отражает разные предварительные установки переводчиков относительно понятливости целевых читателей, а также связано с переводческими концепциями их эпох.

Передача эмоций: скрытая и явная

Наиболее сложным для улавливания в поэтическом переводе часто является мера выражения эмоций: чрезмерная прямота легко сбивается на поверхностность, а излишняя сдержанность может затруднить понимание читателем. Способ обработки на этом уровне касается воссоздания лирической парадигмы оригинала в системе поэтических ожиданий языка перевода.

Междометие «Увы» в начале второй строфы оригинала сохранено и у Гу, и у Юй как «唉» (Эх/Увы), но языковое чувство различается: за «唉» у Гу следует более разговорное выражение, звучащее почти как разговор с самим собой; синтаксическая конструкция у Юй более строгая, а интонация ближе к торжественному провозглашению.

Более репрезентативное различие проявляется в обработке слова «мятежный». В русском языке это слово сочетает в себе двоякое значение: «бунтарский» и «мятущийся/непокойный». Гу переводит как «不安分的帆儿却渴求风暴» (Но непокорный парусок жаждет бури) – «непокорный» в китайском языке несет легкий оттенок непослушания, указывая на недовольство текущим положением и вызов ему, что хорошо совпадает с распространенными способами выражения метафоры «бунтарства» в китайской культуре; Юй переводит как «而它, 不安地, 在祈求风暴» (А он, беспокойно, просит бури) – «беспокойно» больше смещается в сторону описания психологического уровня, а социально-критический смысл относительно ослабляется. Можно сказать, что перевод Гу посредством имплицитных намеков при выборе лексики позволяет смыслу «бунтарства» оригинала более полно активироваться в горизонте ожидания ки-

тайских читателей; перевод Юй ослабляет этот слой критического смысла, снижая порог понимания, но также делает острое эмоциональное напряжение оригинала более мягким.

Резюме: Анализ двух переводческих стратегий с точки зрения эстетики восприятия

Синтезируя анализ трех измерений (языка, образов и эмоций), можно сделать достаточно четкий вывод: перевод Гу Юньпу в целом склоняется к приспособлению к существующим эстетическим ожиданиям китайских поэтических читателей – посредством коротких предложений, разговорных выражений и обработки образов в стиле недосказанности он делает переведенный текст плавным, близким и легко вызывающим резонанс. Эта стратегия в смысле теории Яусса относится к активному удовлетворению установившейся «системы ожидания». Перевод Юй Чжэня в целом склоняется к сохранению формальных характеристик и семантической целостности оригинала – посредством длинных предложений, европеизированных синтаксических конструкций и прямого выражения эмоций он пытается пересадить языковое чувство и логику самой русской поэзии в китайский язык. Эта стратегия ближе к созданию «эстетической дистанции», способствуя тем самым «изменению горизонта ожидания» читателей. В таблице 1 обобщены основные различия между ними.

Таблица 1. Сравнительный анализ переводов Юй Чжэня и Гу Юньпу

Измерение сопоставления	Перевод Юй Чжэня (1950-е гг.)	Перевод Гу Юньпу (после 1980-х гг.)
Синтаксические особенности	Сохранение структуры длинных предложений оригинала, выраженная тенденция к европеизации	Сжатие в короткие предложения, приближение к ритму китайской поэзии
Обработка образов	Конкретизация, заполнение неопределенных точек	Сохранение недосказанности, стимулирование воображения читателя
Выражение эмоций	Прямое, социально-критический оттенок относительно заметен	Имплицитные намеки, разговорный характер, более сильное чувство близости
Соответствующая стратегия эстетики восприятия	Вызов и расширение горизонта ожидания читателей	Активное приспособление к горизонту ожидания читателей
Контекст переводческих норм	Тенденция к сближению с оригиналом под влиянием советских норм перевода литературы	Тенденция к лаконичности после перехода поэзии к разговорности и индивидуализации

Следует подчеркнуть, что эти две стратегии не находятся в отношениях преимущественности, а соответственно отвечают на потребности восприятия разных исторических периодов и разных предполагаемых групп читателей. Читатели, к которым обращался Юй Чжэнь, скорее всего, были исследователями или глубокими читателями русской литературы, желавшими узнать, как оригинал выглядит «на самом деле», даже если перевод читается не так гладко; читатели, к которым обращался Гу Юньпу, скорее всего, были обычными любителями поэзии, читавшими стихи главным образом для получения непосредственного эстетического впечатления, тогда как слишком жесткий перевод, напротив, препятствовал бы возникновению этого впечатления.

Заключение

Проведенное исследование показало, что различия между китайскими переводами стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус», выполненными Юй Чжэнем и Гу Юньпу, обусловлены не только индивидуальной манерой переводчиков, но и изменением переводческих норм и эстетических ожиданий китайской аудитории. Юй Чжэнь в большей степени сохраняет синтаксическую развернутость, композиционный параллелизм и формальные особенности русского оригинала, одновременно конкретизируя отдельные семантически неоднозначные фрагменты. Гу Юньпу, напротив, ориентируется на лаконичность, ритмическую естественность китайской поэтической речи и сохранение смысловой недосказанности. Поэтому первый перевод создает более заметную эстетическую дистанцию и способствует расширению горизонта ожидания читателя, тогда как второй в большей степени соответствует изменившимся нормам китайской поэзии после 1980-х гг.

Обращение к концепциям «горизонта ожидания» Х.-Р. Яусса и смысловых «пробелов» В. Изера позволило рассмотреть перевод как форму интерпретации и организации читательского восприятия, а не как механическое воспроизведение оригинала. Оба перевода представляют самостоятельные модели взаимодействия с текстом и отражают разные представления о соотношении точности, поэтической естественности и доступности для читателя. Вместе с тем выводы исследования имеют преимущественно текстуально-интерпретационный характер, поскольку фактическая реакция китайской аудитории специально не изучалась. Перспективы дальнейшей работы связаны с расширением корпуса переводов, привлечением издательских и критических материалов, а также с использованием опросов и других методов социологии чтения.

Литература

1. Чэнь Синьюй. Новая интерпретация лирического стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» // Обозрение шедевров. – 2012. – № 3. – С. 93–95.
2. Сун Хуа. Образная специфика лирического стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» // Вестник Ляонинского педагогического колледжа. Серия: Общественные науки. – 2003. – № 6. – С. 27–28.
3. Чжу Сяоянь. Цветообозначения в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Парус» // Изучение русского языка. – 2004. – № 4. – С. 68–71.
4. Ма Фучжэнь, Ма Сюли. Художественные особенности стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» // Вестник Муданьцзянского педагогического института. Серия: Философия и общественные науки. – 2000. – № 4. – С. 34–36.
5. Ли Синьли, Ли Яньли, Ян Цзиньлу. Поэтический перевод с позиций эстетики восприятия: на материале перевода стихотворения Ду Му «Цинмин» // Литература Цзяин. – 2024. – № 9. – С. 92–94.
6. И Цзиньюй. Способы перевода китайской классической поэзии на английский язык под влиянием эстетики восприятия: на материале перевода Сюй Юаньчуна раздела «Нравы царств» из «Ши цина» // Английский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 48–50.
7. Чжан Сии. Перевод вьетнамской детской литературы с позиций эстетики восприятия: на материале китайского перевода произведения «Приключения сверчка» // Литература Цзяин. – 2024. – № 5. – С. 95–97.
8. Ван Чжунлин. О теории эстетики восприятия Х.-Р. Яусса // Общественные науки провинции Цзянсу. – 2012. – № 3. – С. 174–182.

A STUDY OF THE CHINESE TRANSLATIONS OF MIKHAIL LERMONTOV'S POEM «THE SAIL» FROM THE PERSPECTIVE OF RECEPTION AESTHETICS

Yilimire Yiliyasi, Zhu Mingyang
Xinjiang Normal University

This article presents a comparative analysis of two Chinese translations of Mikhail Lermontov's poem *The Sail*, produced by Yu Zhen and Gu Yunpu, from the perspective of reception aesthetics. The theoretical framework is based on Hans Robert Jauss's concept of the «horizon of expectations» and Wolfgang Iser's theory of textual gaps. Comparative, contextual, and interpretive methods are employed to examine the linguistic organization, imagery, and emotional tone of the two translations. The analysis demonstrates that Yu Zhen tends to preserve the syntactic expansiveness and compositional features of the original while making certain semantically ambiguous passages more explicit. Gu Yunpu's translation, by contrast, is characterized by concision, rhythmic naturalness, and the preservation of poetic indeterminacy. These differences are associated not only with the translators' individual strategies but also with changes in translation norms and the aesthetic expectations of Chinese readers between the 1950s and the 1980s. Each translation is therefore regarded as an independent model of organizing reader reception.

Keywords: Reception Aesthetics, Horizon of Expectations, Poetic Translation, Mikhail Lermontov, The Sail.

References

1. Chen, Xinyu. A New Interpretation of M. Yu. Lermontov's Lyric Poem «The Sail» // *Masterpieces Review*. – 2012. – № 3. – Pp. 93–95.
2. Song, Hua. On the Imagery Characteristics of M. Yu. Lermontov's Lyric Poem «The Sail» // *Journal of Liaoning Teachers College. Social Sciences Edition*. – 2003. – № 6. – Pp. 27–28.
3. Zhu, Xiaoyan. Color Terms in M. Yu. Lermontov's Poem «The Sail» // *Russian Language Learning*. – 2004. – № 4. – Pp. 68–71.
4. Ma, Fuzhen, and Ma, Xiuli. On the Artistic Features of M. Yu. Lermontov's Poem «The Sail» // *Journal of Mudanjiang Teachers College. Philosophy and Social Sciences Edition*. – 2000. – № 4. – Pp. 34–36.
5. Li, Xinyi, Li, Yanli, and Yang, Jinlu. Poetry Translation from the Perspective of Reception Aesthetics: A Case Study of the Translation of Du Mu's Poem «Qingming» // *Jiaying Literature*. – 2024. – № 9. – Pp. 92–94.
6. Yi, Jinyu. An Analysis of English Translation Methods for Classical Chinese Poetry under the Influence of Reception Aesthetics: A Case Study of Xu Yuanchong's Translation of the «Airs of the States» from The Book of Songs // *Overseas English*. – 2023. – № 5. – Pp. 48–50.
7. Zhang, Siyi. The Translation of Vietnamese Children's Literature from the Perspective of Reception Aesthetics: A Case Study of the Chinese Translation of The Adventures of a Cricket // *Jiaying Literature*. – 2024. – № 5. – Pp. 95–97.
8. Wang, Zhongling. On Hans Robert Jauss's Theory of Reception Aesthetics // *Jiangsu Social Sciences*. – 2012. – № 3. – Pp. 174–182.

Основные принципы взаимоотношений в системе «современное российское общество – социальные сети»

Карепова Светлана Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: sv_79@inbox.ru

Статья посвящена исследованию основных принципов взаимоотношений в системе «современное российское общество – социальные сети». Авторами, на основе анализа эмпирических данных (ФОМ, Mediascope, Brandanalytics, Datareportal, AKAP, Яндекс Ритма, ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ) за 2023–2026 гг., выявляются четыре основополагающих принципа, лежащих в основе данного взаимодействия (принцип поляризации дискурса, принцип легитимации, принцип фрагментации и принцип объединения). В рамках анализа, социальные сети, как ключевой социальный феномен современности, выступают не только инструментом обмена различными ресурсами, сколько «ареной своеобразной борьбы» за формирование современной социальной реальности России, в которой конструируются и переопределяются аспекты идентичности социума. Отмечается, что основополагающей функцией социальных сетей становится создание новых социально значимых смыслов и их легитимация через присущую им специфику. Обозначенные взаимоотношения порождают и новые вызовы для национальной безопасности страны, а также социума в целом. В статье актуализируется их выраженный конструирующий потенциал для будущего современного общества и значимость научных исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: социальная реальность, социум, социальные сети, идентичность, российское общество, принцип поляризации дискурса, принцип легитимации, принцип фрагментации, принцип объединения.

Введение

В рамках развития современной социальной реальности России взаимоотношения между современным российским обществом и социальными сетями представляют собой динамичную, сложноорганизованную и внутренне противоречивую систему, что эволюционирует под воздействием как технологических, так и социальных трансформаций социума в целом.

За относительно короткий исторический период новейшей истории России – вторая половина 90-х XX столетия и по настоящее время, социальные сети трансформировались из периферийного средства межличностной коммуникации в один из ключевых социальных институтов, оказывающих системообразующее влияние на повседневность, ценностные ориентиры и поведенческие паттерны широких слоев населения [3]. Феномен социальных сетей стал значимым конструктом в формировании современной социальной реальности России. Это те пространства, где интерпретации реальности сталкиваются и в которых побеждающая интерпретация приобретает статус социального факта. Особую роль в данном контексте начинает играть так называемый фрейм, что в социально научном знании, трактуется как «... определённого рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире» [16]. Особое значение для данной концептуализации в парадигме «общество – социальные сети» имеет теория социальной идентичности, согласно которой «... идентификация индивида с определенной группой способствует формированию положительных эмоциональных установок в отношении членов этой группы и отрицательных – по отношению к представителям внешних групп» [12, с. 446].

В условиях 2020-х годов – эпохи геополитической турбулентности, смены нарративных парадигм и перестройки цифрового ландшафта [3; 12] происходит иное восприятие социальных сетей – эти платформы становятся пространством производства, трансляции и оспаривания социально значимых смыслов, куда пользователь обращается за подтверждением собственной идентичности. Происходит трансформация нарративных стратегий: на смену целостному изложению приходит клип, а словесное рассуждение подменяется россыпью визуальных образов. Это меняет человека и структуру его идентичности.

Таким образом, следует констатировать, что система «современное российское общество – социальные сети» – это сложное социальное явление, требующее отражения основных принципов и социальных последствий данного взаимодействия на научном и правовом регулятивном уровнях.

С точки зрения, разделяемого нами научного подхода, о том, что современная социальная реальность окружающая человека есть ни что иное как результат его деятельности, осуществленной на основе представлений об окружающем мире, роль социальных сетей трудно переоценить. «... За счет информационного воздействия, производимого ими на сознание и функционально – психическую деятельность осуществляется изменение мышления социума, а следовательно, и управление им. Вот почему так важно качество и контроль над распространяемой в социальных сетях и «потребляемой» обществом информацией» [5, с. 41].

Понимание данной проблематики есть и у органов государственного управления, поэтому правовой уровень взаимоотношений нормативно концептуализирован на Федеральном уровне в Стратегии национальной безопасности РФ от 02.07.2021 г. № 400, в четвертом (информационная безопасность) приоритете; при этом сам феномен информационной безопасности взаимосвязан с остальными стратегическими приоритетами; Федеральном законе «О государственной тайне» от 21.09.1993 г. № 182; Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. от 31.12.2015 г. № 683, а также Роскомнадзором на основе Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и связанных с ним нормативных актов и т.д. Информационная безопасность представлена как феномен, детерминирующий всю социальную сферу общества, обуславливая ее функционирование.

Материалы и методы

Данная проблематика теоретико-методологически разработана и отражена в научных трудах таких российских ученых, как С.А. Кравченко, Д.В. Иванов, Ф.И. Шарков, А.В. Соколов, О.В. Крыштановская, Д.Б. Александров, И.Н. Сивкова и др. Это направление исследований имеет выраженный междисциплинарный характер.

Методологическую основу работы составляет интегративный подход, сочетающий элементы системного анализа, социокультурной теории и критических исследований. Использовался синтез фреймового анализа. Эмпирическую базу составили: статистические данные (ФОМ, Mediascope, Brandanalytics, Datareportal, AKAP, Яндекс Ритма, ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ) за 2023–2026 гг., позволяющие зафиксировать субъективное восприятие россиянами социальных сетей и своего места в системе данного взаимодействия; а также профильные научные публикации по рассматриваемой тематике и др.

Результаты и обсуждение

По результатам анализа эмпирических данных и теоретического обобщения, с нашей точки зрения, можно выделить четыре основополагающих принципа, лежащих в основе взаимоотношений в системе «современное российское общество – социальные сети». К ним можно отнести:

1. *Принцип поляризации дискурса*, что нацелен на дуальность и содержательное противопоставление мнений в поле открытого обмена суждениями. В поле дискурса на уровне противопоставления входит новая информация, что контрастирует с уже имеющимися у человека ментальными моделями, мировоззренческими клише. В рамках данного принципа могут сталкиваться различные информационные потоки с противоположными трактовками одних и тех же событий (табл. 1).

Таблица 1. Показатели предпосылок развития публичного дискурса в цифровой и ценностной среде российского общества, 2024–2025 гг.

	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
	Массовая цифровая коммуникация	Интернетом пользовались 84% населения 12+, в среднем в день (Mediascope, январь-март 2025)	Широкий охват цифровой среды обеспечивает массовое распространение и сопоставление различных сообщений и оценок.
2	Существование различных информационных каналов	WhatsApp – 53%; Telegram – 42%; ВКонтакте – 39% пользователей (ФОМ, 2025)	Использование разных платформ создает условия для обращения к неодинаковым информационным потокам и интерпретациям событий.
3	Различия (возрастные) в медиапотреблении социальных групп на примере Telegram и ВКонтакте	Среди граждан 18–30 лет используют Telegram – 71%; в ВКонтакте – 70% (ФОМ, 2025)	Возрастная дифференциация предпочтений может способствовать обращению разных групп к различным повесткам и содержательным рамкам.
4	Вовлеченность в публичное обсуждение	Ставили лайки – 32%; комментировали – 17%; публиковали посты – 16%; делали репосты – 13% (ФОМ, 2025)	Пользователи не только получают информацию, но и участвуют в ее оценке, интерпретации и распространении.

	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
5	Конкуренция источников интерпретации	31% пользователей получают новости из социальных сетей, блогов, форумов и мессенджеров (ФОМ, 2025)	Социальные платформы выступают самостоятельным каналом формирования представлений о событиях и их трактовок.
6	Противопоставление мировоззрений	«Вера в Россию» – 42%; общие моральные ценности – 38%; соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода – 33% (ИС ФНИСЦ РАН, 2024)	Одновременное присутствие консервативных и классических либеральных ценностей создает основу для ценностных противопоставлений.

Примечание: источник – авторская разработка с использованием данных Mediascope [1], ФОМ [10] и ИС ФНИСЦ РАН [11, с. 64].

В таблице 1 представлены показатели цифровых и ценностных предпосылок популяризации публичного дискурса в российском обществе. Данные показывают, что коммуникация в социальных сетях охватывает подавляющее большинство населения, а сами люди являются пользователями различных платформ и активно участвуют в создании и распространении содержательного контента. Одновременно в мировоззренческом контексте сочетаются консервативные и либеральные установки, что создает условия для различных информационных потоков.

Социальные сети становятся для пользователей инструментом безопасности или «своеобразным страхующим клапаном» – через фреймовую идентификацию они снижают тревожность, обретая четкие когнитивные координаты. Однако платой за такую безопасность становится нарастающая поляризация: формируются цифровые параллельные вселенные, где представители противоположных фреймов практически не пересекаются, что эмпирически фиксируется исследователями как «снижение уровня дружелюбия»

[15]. Исследования фреймов показывают, что основой конфликтогенных смыслов служит «...оппозиция “свой – чужой”, реализуемая при помощи модально-оценочных средств языка» [13, с. 176].

В контексте российской специфики поляризация приобретает особые черты. В России доминирующей становится глобальная оппозиция «государство – внешние угрозы». Происходит формирование регулируемой государством системы, в которой принят закон об обязательных госпабликах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», введены штрафы за неудаление запрещенного контента, запущена государственная соцсеть для МСП [3]. Эти меры нацелены как на превентивное управление, так и на получение обратной связи от социума.

2. Принцип легитимации описывает механизм, посредством которого определенные социальные установки и практики получают статус «общепринятых» не через объяснение и аргументацию, а через массовое воспроизведение в социальных сетях (табл. 2).

Таблица 2. Показатели охвата и активности ключевых платформ в России как условие легитимации, 2025–2026 гг.

Показатель	Количественное отражение процесса по: временным рамкам, возрасту, %				Оценка состояния
Платформа	MAU (мес. аудитория)	DAU (дневная)	Активные авторы	Среднее время в день	
ВКонтакте	94,9 млн (декабрь 2025)	58–81,5 млн	20,3 млн (2025)	64 мин	Лидер по охвату и времени; клипы/сторис – основной канал вирусных символов.
Telegram	93,6 млн (декабрь 2025)	74,3 млн	24,6 млн (русская-язычные)	50 мин	Главная новостно-блогерская площадка; публичные каналы/чаты, быстрый «прокат» мемов и лозунгов.
Max	85 млн (январь 2026)	55 млн	–	–	Государственно-интегрированный мессенджер, массовая видимость «официальных» ритуалов и символов
YouTube	67,4 млн (декабрь 2025)	21 млн	–	17 мин (просмотров)	Длинные форматы + Shorts; видео ритуалы и повторы сцен становятся нормой через повторения.
TikTok	65,9 млн	33 млн	0,614 млн (сентябрь 2025)	73 мин (12–17 лет)	Платформа № 1 для рождения мемов /челленджей; высокая частота воспроизводства ритуалов.

Окончание

Показатель	Количественное отражение процесса по: временным рамкам, возрасту, %				Оценка состояния
Платформа	MAU (мес. аудитория)	DAU (дневная)	Активные авторы	Среднее время в день	
Rutube	85 млн	26 млн	–	–	Видеохостинг с растущим охватом; длинные форматы для закрепления нарративов.
Одноклассники	34 млн	18,4 млн	61% авторов 55+	–	Стабильная аудитория старшего возраста; ритуалы и символы для «своих» сообществ.

Примечание: источник – авторская разработка с использованием данных Mediascope [9].

Исходя из представленных в таблице 2 данных, можно констатировать, что в российской системе социальных сетей: активных авторов в сетях – 85,6 млн (данные на сентябрь 2025) [17]; создаваемых публичных сообщений пользователями социальных сетей (посты, репосты, комментарии) – 1,7 млрд в месяц; доля пользователей социальными сетями среди населения 12+ составляет ≈ 80% (более 95 млн) [17]; создано аккаунтов пользователей в соцсетях – 106 млн, что равно 73,7% населения (данные на октябрь 2025) [18]. Подобная динамика легитимации через активную демонстрацию практик, лозунгов и ритуалов происходит в среде активных пользователей, что способствует их быстрому переходу в статус «общепринятых» именно через массовое воспроизведение, а не через рациональную аргументацию.

Принцип легитимации также носит и функцию социального фильтра: через внешнюю демонстрацию лояльности и сопричастности к определенным социально поощряемым ценностям индивиды сигнализируют о своей принадлежности к «своим» и получают доступ к ресурсам (одобрение, поддержка и др.). Данный принцип ставит вопросы о ресурсах, где доступ к ним зависит не столько от доходов и т.д., сколько от способности вписаться в доминирующий фрейм [4].

Эти процессы изменяют традиционные механизмы стратификации, где «...представители вла-

сти обращаются к формальным, односторонним по своей структуре практикам коммуникации, ориентируясь на укрепление системной легитимности, что снижает их эффективность в сетях. Агенты сетевой элиты, напротив, прибегают к более персонифицированной, эмоциональной подаче информации, что вызывает интерес и способствует росту их популярности» [8, с. 17]. Как показывают исследования, «...представители цифровой элиты (влиятельные журналисты, военные корреспонденты, политические блогеры-миллионники и др.) значительно превосходят политиков по объему и лояльности аудитории» [8, с. 17]. При этом «... ключевое отличие двух элит состоит в том, что политика аватаров власти направлена на формирование доверия к последней, а не на приобретение персональной популярности ее акторов» [8, с. 17]. Прослеживается различие в стратегиях, что становятся инструментом в борьбе за доминирование в социальных сетях.

3. Принцип фрагментации отражает процесс разъединения общего информационного пространства на множество автономных, каждый из которых «живет» по своей внутренней логике и сценариям. В отличие от первого принципа поляризации дискурса фрагментация описывает внутреннюю дифференциацию (табл. 3).

Таблица 3. Показатели платформенной и возрастной фрагментации пользования социальными сетями или медиапотребления в России, 2024–2025 гг.

№	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
1	Доля социальных медиа в общем времени интернет-потребления	Около 50% (Mediascope, 2025)	Социальные медиа являются одним из основных пространств получения и распространения информации.
2	Доля Telegram-канала в новостной и политической тематики среди популярных каналов	58% (Mediascope, 2025)	Telegram формирует самостоятельный информационно-политический контур.
3	Рост времени использования в «ВКонтакте» в октябре 2025 г. по сравнению с июлем 2024 г.	34% (Mediascope, 2025)	Усиление роли отечественной социальной платформы.
4	Изменение времени использования Telegram за тот же период	Рост на 8% (Mediascope, 2025)	Сохранение и расширение значения мессенджера как канала коммуникации и новостей.

№	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
5	Изменение времени использования TikTok	Рост на 35% (Mediascope, 2025)	Укрепление молодежного и преимущественно визуального сегмента медиапотребления.
6	Изменение времени использования Rutube	Рост в 4 раза (Mediascope, 2025)	Расширение российского видео контура.
7	Изменение времени использования YouTube	Снижение на 67% (Mediascope, июль 2024 – октябрь 2025)	Перераспределение аудитории между видеоплатформами.
8	Наиболее заметные платформы у аудитории 12–24 лет	TikTok и Telegram – по 24% времени в сегменте социальных медиа (Mediascope, 2024)	Формирование молодежного цифрового контура.
9	Наиболее заметные платформы у аудитории 25–54 лет	«ВКонтакте» – 22% (24–34 лет); 21% (35–44 лет); 18% (45–54 лет) (Mediascope, 2024)	Преобладание универсальной отечественной социальной платформы в зрелой аудитории.
10	Наиболее заметные платформы у аудитории 55 лет и старше	«Одноклассники» – 13%; «Дзен» – 12% (Mediascope, 2024)	Наличие отдельного возрастного сегмента медиапотребления.

Примечание: источник – авторская разработка с использованием данных Mediascope [7; 6].

Представленные в таблице 3 данные характеризуют платформенную возрастную дифференциацию пользования социальными сетями в России, где различия аудиторий, а также неодинаковая динамика использования сетей свидетельствуют о формировании нескольких относительно автономных информационных контуров. Новостная и политическая направленность является специалитетом социальной сети Telegram, молодежная ориентация нацелена на TikTok и возрастная специфика присуща таким платформам как «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Дзен». Это позволяет рассматривать фрагментацию как внутреннее расслоение информационного пространства, а не как противопоставление на «своих» и «чужих». Данный принцип важен тем, что он нивелирует представление о единой «публике» социальных сетей. Общество фрагментируется с точки зрения самоотжествления.

Следует также отметить, что, согласно данным исследования АКАР за 2023 год, количество отечественных социальных сетей в России впервые превысило число иностранных – доля российских 56%. При этом почти 8 из 10 россиян используют соцсети, что является одним из самых высо-

ких показателей в Центральной и Восточной Европе. Происходит так называемая «цифровая миграция», что связано с геополитической ситуацией и блокировкой некоторых сервисов (Instagram, Facebook и др.). В 2021 году общее количество известных социальных сетей составляло 41, включая 18 российских. В 2023-м эти значения увеличились до 63: из них 28 – отечественные социальные сети. «ВКонтакте», Telegram и ОК являются развитыми, а такие онлайн-площадки как Looky, Yappy, TenChat, «Яндекс Музыка» и «Звук», обладают потенциалом быстрого развития [14].

4. Принцип объединения дополняет обозначенные выше принципы. В критические моменты, когда возникают «внешние вызовы», социальные сети демонстрируют способность к временной смысловой и эмоциональной консолидации. Это фиксируется в виде быстрого роста тематической сопряженности сообщений и создания общих «символов солидарности». Однако особенность такой консолидации в России – это ее высокая зависимость от отбора и организации онлайн-контента с помощью компьютерных алгоритмов. Пользователь не сам вручную отбирает материалы, за него это делает машина, анализируя его предпочтения (табл. 4).

Таблица 4. Показатели эмпирического проявления консолидации и алгоритмического отбора контента в российских социальных сетях, 2025 г.

№	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
1	Консолидация внутри близких по взглядам сообществ	Исследование русскоязычного Telegram охватило около 2,5 тыс. каналов и 1,2 млн сообщений за месяц до и после начала геополитического кризиса. (НИУ ВШЭ, 2025)	Внешний вызов (геополитический поворот) быстро усиливает смысловую и эмоциональную консолидацию внутри идеологически близких сообществ.

№	Показатель	Количественное отражение процесса, %	Оценка состояния
2	Алгоритмический отбор содержания	60% хотят видеть в своих лентах только контент, соответствующий их интересам (Яндекс Ритма, 2025)	Пользователь не отбирает материалы вручную – за него это делает машина, анализируя предпочтения и поведенческие данные.

Примечание: источник – авторская разработка с использованием данных НИУ ВШЭ [12, с. 449], Яндекс Ритма [2].

По обозначенным в таблице 4 данным подтверждается двойственный характер принципа объединения в социальных сетях. С одной стороны, внешние вызовы провоцируют рост тематической сопряженности сообщений и усиление сплоченности. С другой стороны, это объединение формируется, когда информационная среда пользователя определяется алгоритмами: большинство россиян предпочитают персонализированный контент, что делает их зависимыми от отбора материала. Принцип объединения показывает, что консолидация зависит от того, как компьютерные алгоритмы организуют онлайн-контент для каждого пользователя.

Таким образом, если принципы поляризации дискурса и фрагментации описывают самоорганизующиеся тенденции в сетях, то принцип объединения нацелен на понимание механизма управляемой синхронизации социума и его настроений. По данным Mediascope, с июля 2024 года по октябрь 2025 года время, которое россияне проводили на YouTube сократилось до 67%. Одновременно время на других крупных платформах выросло: «ВКонтакте» – на 34%, в Telegram – на 8%, в TikTok – на 35%, на Rutube – в 4 раза. В октябре российский мессенджер Max достиг 48 млн пользователей, или 39% россиян старше 12 лет [7]. Это говорит об механизме синхронизации настроений, отмеченном выше: аудитория не исчезает от из цифровой среды, а перераспределяет внимание между платформами.

Данные принципы не являются изолированными, они образуют связанную систему, где каждый элемент выступает как причина и следствие других. Принцип поляризации дискурса создает дuality и противопоставление в публичном дискурсе, которая запускает механизм легитимации: те, кто успешно вписывается в доминирующий фрейм, получают доступ к ресурсам. Этот процесс усугубляется фрагментацией, которая создает множество смыслов. В итоге, принцип объединения выступает как страховочный механизм, снижающий противоречия в социуме.

Безусловно обозначенные принципы не являются исчерпывающими и требуют дальнейшей разработки и углубления в проблематику с учетом специфики развития социальной реальности России и особенностей самого феномена.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа были сформулированы следующие принципы взаимоотношений в системе «современное российское общество – социальные сети»: принцип поляризации дискурса, принцип легитимация, принцип фрагментация и принцип объединения.

Социальные сети, как ключевой социальный феномен, перестают быть нейтральным каналом – они превращаются в институт социального контроля. Это подтверждается доминированием крупных цифровых платформ, которые контролируют инфраструктуру публичной коммуникации, определяют распространение контента, устанавливая правила доступа, собирают значительные массивы пользовательских данных и др. Перспективы развития данной системы определяются напряжением между трендом на суверенизацию и технологическую глобализацию.

Дальнейшие исследования по данной проблематике, с нашей точки зрения, должны быть направлены на анализ влияния новых технологий (в частности, ИИ) на изучение долгосрочных социально-психологических эффектов от цифровизации общества. Особый интерес представляет изучение того, как трансформация нарративных стратегий в цифровом пространстве влияет на формирование коллективной идентичности и социальной солидарности в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Актуальные цифры медиапотребления россиян – выступление Mediascope // Mediascope. 2025. URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (дата обращения: 25.07.2026).
2. Интернет без лишнего шума: 60% россиян хотят получать контент по своим интересам – исследование «Яндекс Ритма» // Cnews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-10-20_internet_bez_lishnego_shuma (дата обращения: 25.07.2026).
3. Курюкин А.Н. Социальные и экономико-правовые аспекты интеграции социальных сетей в России 2020-х // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 6. С. 78–90.
4. Каравай А.В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука

- и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 42–60.
5. Карпова С.Г., Некрасов С.В. Отечественные практики противодействия технологиям информационного воздействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 40–47.
 6. Как устроена аудитория социальных медиа // Mediascope. 2024. URL: <https://mediascope.net/news/2544317/> (дата обращения: 25.07.2026).
 7. Конференция Mediascope 2025 – итоги и материалы // Mediascope. 2025. URL: <https://mediascope.net/news/3216980/> (дата обращения: 25.07.2026).
 8. Перепелкин В.А., Крыштановская О.В. Цифровая элита и традиционные политики // Цифровая социология. 2025. Т. 2. № 2. С. 17–26.
 9. Попов И. Аудитория соцсетей России в 2026 году: цифры, демография и тренды // Виси.ру. URL: <https://vc.ru/marketing/3046418-auditoriya-sotsialnykh-setey-v-rossii> (дата обращения: 25.07.2026).
 10. Поведение в социальных сетях и мессенджерах. Как распределяются предпочтения россиян в выборе социальных сетей мессенджеров? // ФОМ. 2025. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15155> (дата обращения: 25.07.2026).
 11. Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56–66.
 12. Синицина А.В., Соловьев В.А., Тяпкин Д.И. Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 444–458.
 13. Самкова М.А., Кушнерук С.Л. Актуализация фреймов в конфликтных текстах телеграм-постов о трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 175–192.
 14. Сравнительный анализ социальных сетей и цифровых сервисов АКАР и РОЦИТ: каким потенциалом обладают отечественные онлайн-платформы? // АКАР. 2023 URL: <https://akarussia.ru/news/novosti-akar/sravnitelnoe-issledovanie-socialnykh-setey-i-cifrovyyh-servisov-akar-i-rocit-kakim-potencialom-obladajut-otechestvennyye-onlajn-platformy/?ysclid=msyyahan2714609812> (дата обращения: 25.07.2026).
 15. Уровень дружелюбия пользователей Рунета снижается три года подряд – исследование // Университет ИТМО. URL: <https://news.egov.itmo.ru/25-02-11-91.html> (дата обращения: 25.07.2026).
 16. Фрейм (социальные науки) // Энциклопедия Руниверсалис. URL: <https://руни.рф/Фрейм?scid=msxhx4ckvp622529230> (дата обращения: 25.07.2026).
 17. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2025 // Brandanalytics. 2025. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025> (дата обращения: 25.07.2026).
 18. Digital 2026: The Russian Federation // Datareportal. 2026. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (дата обращения: 25.07.2026).

BASIC PRINCIPLES OF RELATIONSHIPS IN THE “CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY – SOCIAL MEDIA” SYSTEM

Karepova S.G., Nekrasov S.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS

This article analyses the key principles governing the relationship between contemporary Russian society and social media. Based on empirical data from 2023–2026, it identifies four fundamental principles underpinning this interaction: discourse polarisation, legitimisation, fragmentation and consolidation. Social media are seen not merely as a tool for exchanging resources, but as a battleground for shaping Russia's social reality, where societal identity is constructed and redefined. The fundamental function of social media is to create new socially significant meanings and legitimise them through their inherent characteristics, while also giving rise to new challenges for national security and society. The article highlights both their significant constructive potential for the future of contemporary society and the importance of academic research into this subject.

Keywords: social reality, society, social media, identity, Russian society, the principle of discourse polarisation, the principle of legitimisation, the principle of fragmentation, the principle of consolidation.

References

1. The latest figures on media consumption among Russians // Mediascope. 2025. URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (request date: 25.07.2026).
2. The internet without the clutter: 60% of Russians want to receive content tailored to their interests: a study by Yandex Ritma // Cnews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-10-20_internet_bez_lichnego_shuma (request date: 25.07.2026).
3. Kuryakin A.N. Social and economic-legal aspects of the development of social networks in Russia in the 2020s // Social and political sciences. 2025. Vol.15. No.6. P. 78–90.
4. Karavay A.V. Social networks in modern Russia: scale, structure and functioning mechanism // Sociological science and social practice. 2021. Vol.9. No.4. P. 42–60.
5. Karepova S.G., Nekrasov S.V. Domestic practices to counteract information influence technologies // Humanities, social economic and social sciences. 2024. No.6. P. 40–47.
6. How the social media audience works // Mediascope. 2024. URL: <https://mediascope.net/news/2544317/> (request date: 25.07.2026).
7. The Mediascope Conference 2025: highlights and resources // Mediascope. 2025. URL: <https://mediascope.net/news/3216980/> (request date: 25.07.2026).
8. Perepelkin V.A., Kryshchanovskaya O.V. Digital elite and traditional politicians // Digital sociology. 2025. Vol.2. No.2. P. 17–26.
9. Popov I. Russia's social media audience in 2026: figures, demographics and trends // Vc.ru. URL: <https://vc.ru/marketing/3046418-auditoriya-sotsialnykh-setey-v-rossii> (request date: 25.07.2026).
10. Behaviour on social media and messaging apps // FOM. 2025. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15155> (request date: 25.07.2026).
11. Ryzhova S.V. Value pillars of Russians' identity under conditions of foreign challenges // Sociological studies. 2024. No.9. P. 56–66.

12. Sinitsyna A.V., Soloviev V.A., Tyapkin D.I. Emotional dynamics in Russian-language Telegram channels: between cohesion and affective polarisation // RUDN Journal of Political science. 2025. Vol.27. No.3. P. 444–458.
13. Samkova M.A., Kushneruk S.L. Frames actualised in conflictogenic texts of Telegram posts about labour migration // Discourse- P. 2025. Vol.22. No.4. P. 175–192.
14. A comparative analysis of the social media and digital services offered by RACA and ROCIT: what potential do domestic online platforms hold? // RACA. 2023 URL: <https://akarussia.ru/news/novosti-akar/sravnitelnoe-issledovanie-socialnyh-setej-i-cifrovyyh-servisov-akar-i-rocit-kakim-potencialom-obladajut-otechestvennyye-onlajn-platformy/?ysclid=msyyahan2714609812> (request date: 25.07.2026).
15. The level of friendliness amongst Russians internet users has been falling for three years: a study // ITMO University. URL: <https://news.egov.itmo.ru/25-02-11-91.html> (request date: 25.07.2026).
16. Frame (social sciences) // Universalis Encyclopaedia. URL: <https://руни.рф/Фрейм?sclid=msxhx4ckvp622529230> (request date: 25.07.2026).
17. Cherny V. Social media in Russia: figures and trends, autumn 2025 // Brandanalytics. 2025. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025> (request date: 25.07.2026).
18. Digital 2026: The Russian Federation // Datareportal. 2026. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (request date: 25.07.2026).

Спорт как социальный тренажер – площадка для испытаний институтов общества

Коротенко Илья Алексеевич,

аспирант 3 курса, Государственный университет Просвещения
E-mail: iluxa.korotenko@mail.ru

Статья представляет собой философский анализ спорта, как уникального социального тренажёра, моделирующего и ускоряющего процессы, лежащие в основе функционирования современного общества. На основе междисциплинарного подхода (философия, социология, этика, экономика) выделены четыре ключевых измерения, в которых спорт выступает экспериментальной лабораторией. Спорт предстаёт не как изолированная сфера развлечения, а как площадка, на которой человечество учится договариваться, распределять ресурсы, преодолевать предрассудки и принимать морально ответственные решения – навыки, непосредственно переносимые в «большое общество».

Ключевые слова: философия спорта, общественный договор, процедурная справедливость, инклюзивность, моральные дилеммы, управление ресурсами, социальный тренажёр, потолок зарплат, ситуационная этика.

Введение

Когда мы смотрим футбольный матч, наблюдаем за драматичным финалом Олимпийских игр или переживаем за свою команду в хоккейной баталии, нам редко приходит в голову мысль, что мы становимся свидетелями не просто спортивного действия. Мы присутствуем при грандиозном социальном эксперименте, который человечество ставит на самой себе – каждые выходные, каждый сезон, на каждом континенте.

Спорт – это удивительный феномен. На первый взгляд, он существует отдельно от «серьёзной» жизни: здесь свои правила, своя мораль, своя экономика. Но именно эта обособленность делает его идеальным испытательным полигоном. Подобно тому, как авиаконструкторы испытывают новые модели самолётов в аэродинамических трубах, а хирурги отрабатывают сложные операции на симуляторах, человечество использует спорт для проверки социальных механизмов, которые затем переносятся в «большой мир». В данном исследовании мы рассмотрим четыре варианта, в которых спорт может выступать как социальный тренажёр.

Во-первых, спорт – это лаборатория процедурной справедливости. Именно здесь, на зелёном газоне и ледовых аренах, мы тестируем механизмы принятия решений, ищем баланс между скоростью и точностью, между человеческим суждением и технологическим контролем. Система видеоповторов (VAR), споры о границах допустимого вмешательства судей, эксперименты с мгновенными апелляциями – всё это модели судебных процессов.

Во-вторых, спорт – это ускоритель инклюзивности. Нигде процессы социального принятия «других» – людей иной расы, гендера, с инвалидностью – не происходят так быстро и наглядно, как в спорте. Когда чернокожий футболист забивает гол, а трибуны издают расистские звуки, конфликт становится видимым мгновенно и требует немедленного решения. Когда паралимпиец устанавливает мировой рекорд, понятие «нормы» переопределяется на глазах у миллиардов зрителей. Спорт не ждёт, пока общество созреет – он тащит общество за собой.

В-третьих, спорт – это тренажёр моральных дилемм. Здесь, в отличие от философских семинаров, где можно неделями обсуждать гипотетические ситуации, решения требуются мгновенно.

Симулировать падение или играть честно? Сбить соперника ценой удаления или позволить ему забить? Принять допинг ради победы или остаться чистым и проиграть? Спорт заставляет спортсменов – а вместе с ними и зрителей – каждый раз заново проводить границу между легальностью и легитимностью, между тактической хитростью и моральным падением.

В-четвёртых, спорт – это модель управления ресурсами. Североамериканские лиги с их потолками зарплат и драфтами проводят социалистические эксперименты в капиталистической среде, проверяя, можно ли ограничить богатство сильных ради здоровья всей системы. Европейский футбол с его финансовым фэйр-плей и солидарными выплатами ищет баланс между рыночной эффективностью и социальной справедливостью. Спортивные федерации становятся сетевыми коммерческими предприятиями, на которых обкатываются управленческие технологии, применимые в любых сложных организациях.

Объединяя эти измерения, мы видим удивительную картину: спорт оказывается передовым краем социальных изменений. Он не просто отражает общество – он его формирует. Каждый матч, каждый старт, каждое соревнование – это репетиция одно из социальных взаимодействий общества в той или иной степени.

Лаборатория процедурной справедливости

Когда мы говорим о спорте как о «**лаборатории процедурной справедливости**», мы утверждаем нечто большее, чем простое сравнение. Речь идет о том, что спортивная площадка выполняет уникальную социальную функцию, она становится испытательным полигоном для механизмов справедливости, которые впоследствии могут быть перенесены в «большой мир» – в судебные системы, государственное управление и корпоративные практики. Спорт обладает тремя критическими характеристиками, которые делают его идеальной лабораторией:

1. Прозрачность – каждое действие происходит на глазах у зрителей.
2. Скорость обратной связи – последствия решений видны немедленно.
3. Возможность экспериментировать – правила можно менять и наблюдать за эффектом без катастрофических последствий для общества.

Система видеопомощи арбитрам (VAR) – это, возможно, самый яркий пример социального эксперимента, развернутого на глазах у миллионов. Спорт проверяет фундаментальный вопрос юриспруденции и управления: «Как часто можно пересматривать решение, чтобы процесс оставался жизнеспособным?» Когда футбольные чиновники внедряли VAR, они руководствовались принципом, сформулированным Международным советом футбольных ассоциаций (IFAB): «Минималь-

ное вмешательство – максимальная польза». Этот принцип, как отмечается в философском анализе VAR, имеет прямые параллели с утилитаристской этикой и поиском баланса между разными благами. Спорт показал, что стремление к абсолютной справедливости (проверка каждого эпизода) вступает в конфликт с другим благом – непрерывностью и эмоциональной целостностью игры. Этот эксперимент напрямую моделирует ситуацию в судебных системах, где постоянно ищется баланс между: скоростью рассмотрения дел и тщательностью проверки, окончательностью решений и правом на апелляцию, технической справедливостью и доверием к судье как к носителю мудрости.

Человеческий фактор как неустрашимый элемент справедливости никто не отменял. Спорт наглядно демонстрирует, что технологии не отменяют необходимости человеческого суждения. Спорт проверяет гипотезу: «Можно ли полностью исключить человеческий фактор из принятия решений?» Бывший арбитр FIFA Игорь Егоров подчеркивает принципиальный момент: «Решение принимает все равно человек, а не машина. Есть хоккейная практика, где арбитры смотрят видео, а потом выясняется, что то или иное решение было принято неправильно. Человеческий фактор все равно играет свою роль». Егоров задает риторический вопрос, который имеет прямое отношение к любым системам управления: «Для чего тогда судьи выполняют огромные объемы работы? Готовятся к матчу, анализируют команды, занимаются функциональной подготовкой. Для чего все это, если можно просто пойти и посмотреть телевизор?» Этот спортивный опыт предупреждает любые попытки полностью автоматизировать правосудие или государственное управление. Он показывает, что процедурная справедливость требует не только правил, но и мудрых интерпретаторов.[11]

Особый интерес представляет ранний этап развития футбола, как эксперимент с саморегулированием. Правила английской Ассоциации футбола (1863 г.) нормировали размеры поля и ворот, но в первых правилах – ни слова о судействе. Состязания джентльменов – «фэйр плей», честная игра. При спорном случае можно сделать перерыв, обсудить конфликт и достичь желанного компромисса. Судейский свисток прозвучал лишь в 1880 году. Этот исторический эпизод – уникальный социальный эксперимент, показавший, что саморегулирование возможно в закрытых сообществах с высоким уровнем доверия, но по мере расширения сообщества и роста ставок возникает потребность в формальных институтах арбитража. Переход от неформальных норм к формальным правилам – неизбежный этап развития любого общества.

Британский философ спорта Грэм Макфи в своей фундаментальной работе «Спорт, правила и ценности: Философские исследования природы спорта», вводит понятие «моральная лабора-

тория». Макфи выделяет три внутренние характеристики спорта, которые делают его эффективной моральной лабораторией:

1. Управляемость правилами – спорт существует в четко очерченном нормативном пространстве, что позволяет изолированно изучать действие конкретных правил.

2. Способность порождать и выражать справедливость и вред – взаимодействия в спорте наглядно демонстрируют последствия соблюдения или нарушения норм.

3. Умеренный риск – в отличие от реальных социальных экспериментов, риск для участников обычно не является чрезмерным. Важное уточнение, Макфи подчеркивает, что речь идет именно о «лаборатории» – пространстве, где принципы справедливости могут быть изучены и протестированы. Макфи развивает аргумент о том, что спорт позволяет учиться игре по правилам на основе усвоенных принципов.[5]

Нельзя не вспомнить об основателе современного олимпийского движения Пьере де Кубертене, заложившем философский фундамент, на котором до сих пор строятся дискуссии о справедливости в спорте. В своей знаменитой «Оде спорту» Кубертен провозглашает: «О спорт! Ты – справедливость! Ты указываешь прямые, честные пути, которые ищут люди для достижения целей, поставленных в жизни. Ты – беспристрастен. Ты учишь, что правила соревнований – закон». Историк и социолог Юрий Теппер, анализируя этот текст, отмечает, что пафос и установки Пьера де Кубертена вполне обоснованы. Нормы и правила – основа организации деятельности. Старательное соблюдение норм поощряемо, нарушение их наказуемо».

Спорт демонстрирует, что справедливость – это не максимальное значение одного параметра, а баланс между разными благами. Спорт как лаборатория процедурной справедливости предоставляет обществу бесценный экспериментальный материал. Здесь, на глазах миллионов, мы можем наблюдать, как работают разные модели принятия решений, как технологии влияют на человеческое поведение, как культура взаимодействует с формальными правилами. Философы от Аристотеля до Ролза и современных исследователей спорта помогают нам осмыслить эти эксперименты и извлечь уроки для построения более справедливых обществ. И, возможно, главный урок состоит в том, что справедливость – это не конечное состояние, а непрерывный процесс поиска баланса, процесс, в котором мы все участвуем – как спортсмены, как зрители и как граждане.[6]

Спорт как ускоритель инклюзивности

Спорт проверяет фундаментальный вопрос социальной философии о том, можно ли ускорить

процесс социального принятия «других» (людей с инвалидностью, иной расы), если поместить их в контекст соревнования, где результат измеряется объективно. В обычной жизни предрассудки могут существовать десятилетиями, скрытые под слоем политкорректности. Спорт делает конфликт видимым и требует немедленного решения, потому что на кону – победа. Исторически спорт часто опережал общество в вопросах расовой интеграции. Когда Джеки Робинсон в 1947 году вышел на поле в составе «Бруклин Доджерс», он стал первым чернокожим игроком в главной лиге бейсбола – за 7 лет до решения Верховного суда по делу «Браун против совета по образованию», положившего начало десегрегации школ. Спорт показал наглядный урок: команда, которая использует лучшие таланты независимо от цвета кожи, выигрывает. Расизм на трибунах становится видимым немедленно. Когда чернокожий игрок забивает гол, а трибуны издают расистские звуки, камеры фиксируют это, санкции (снятие очков, закрытие секторов, дисквалификация) следуют быстро. Общество получает наглядный урок: за предрассудки приходится платить.

Паралимпийские игры – возможно, самый яркий пример того, как спорт переопределяет социальные нормы. То, что начиналось как реабилитационная программа для ветеранов Второй мировой войны (Сток-Мандевилльские игры 1948 года), превратилось в глобальное движение, которое фундаментально изменило восприятие инвалидности. Как отмечают А.Н. Налобина и Н.Т. Ульжекова, «инклюзивный спорт – это шаг к формированию инклюзивного общества». Философский сдвиг здесь колоссальный, человек с инвалидностью перестает восприниматься как объект жалости и благотворительности и становится субъектом достижения, агентом, чьи результаты измеряются теми же секундами и метрами. Спорт для людей с инвалидностью разработал сложные системы классификации, чтобы обеспечить честную конкуренцию между людьми с разными типами поражений. Это модель того, как общество может создавать справедливые условия для людей с разными стартовыми возможностями.[6]

Стивен Мамфорд, британский философ, профессор Даремского университета, в своей книге «A Philosopher Looks at Sport» предлагает оригинальный взгляд на инклюзивность через концепцию телесности. Мамфорд начинает с анализа собственного опыта обучения плаванию и нырянию во взрослом возрасте. Он описывает чувство стыда, связанное с обучением новому во взрослом возрасте, и гордость от преодоления. Это важный инклюзивный момент: спорт доступен не только элите, но и «поздним» новичкам. Мамфорд прямо поднимает вопрос о женском спорте и возможности соревнования женщин с мужчинами, связывая это с демократичностью спорта. Он подчёркива-

ет, что спорт приносит удовольствие через социализацию и возможность демонстрации навыков другим.

Симьеон Дагкас и Кэтлин Армор, редакторы сборника «Inclusion and Exclusion through Youth Sport», предлагают важную критическую перспективу, открывая книгу знаменитым высказыванием Нельсона Манделы: «Мы можем достичь гораздо большего количества людей через спорт, чем через политические или образовательные программы. В этом смысле спорт более могущественен, чем политика. Мы только начали использовать его потенциал для построения этой страны. Мы должны продолжать делать это». Они задаются вопросом: «Может ли спорт действительно объединять людей разного происхождения и действовать как сила социальной трансформации?» Необходимо держать в голове, что спорт не является автоматическим благом. Без правильной организации он может воспроизводить и даже усиливать существующие исключения.[2]

Л.И. Лубышева, главный редактор журнала «Теория и практика физической культуры», анализируя наследие Кубертена, подчёркивает, что Кубертен верил в мощную образовательную и воспитательную силу спорта, полагая, что духовно-нравственное развитие нового поколения людей невозможно без гармоничного развития человека, в котором важнейшей составляющей является физическое воспитание. Идея в том, что спорт может служить «обновлению человечества через воспитание», содержит в себе инклюзивный потенциал: воспитание распространяется на всех, независимо от происхождения.[4]

Спорт делает невидимое видимым, предрассудки, скрытые в обществе, становятся явными на стадионе и требуют немедленного ответа. В споре между предрассудком и фактом спорт предлагает объективный критерий – результат. Если человек с инвалидностью бежит быстрее, предрассудок о его «неполноценности» рушится.

Спорт как тренажер моральных дилемм и полигон ситуационной этики

Спорт проверяет фундаментальный вопрос этики: «Как применять универсальные моральные принципы в конкретных ситуациях, где ставки высоки, время ограничено, а последствия значимы». В отличие от философских семинаров, где можно неделями обсуждать гипотетические дилеммы, спорт требует мгновенных решений. Это делает его идеальной лабораторией морального воспитания. В обществе существуют писанные и неписанные правила. Классическая моральная дилемма в спорте – ситуация, когда игрок соперника получает травму, и мяч выбивают в аут. По возвращении мяча, согласно неписанным правилам, соперник должен вернуть его. А если не вернул и забил гол? Закон (писанные пра-

вила) не запрещает. Но нарушен неписанный общественный договор. Эта дилемма тренирует способность различать легальность (соответствие закону) и легитимность (моральную оправданность). Как отмечает Л.И. Лубышева, в концепции Кубертена, спортсмен не должен стремиться к победе любой ценой, поскольку честная игра – основа олимпизма. Предпочтение в спортивном состязании следует отдавать благородному поведению.

В современном спорте нельзя обойти стороной тему допинга, где есть искушение и самодисциплина. Допинг представляет собой сложнейшую моральную дилемму. С одной стороны, желание победить любой ценой. С другой – понимание, что применение запрещённых веществ подрывает саму основу соревнования. Лубышева описывает современную ситуацию: «Спорт стал высокооплачиваемой профессиональной деятельностью, поэтому появилась острая потребность в поисках повышения работоспособности спортсменов... Ответ был найден: активное использование фармакологических средств, в том числе и запрещённых, вредных для здоровья спортсмена». Она цитирует профессоров Ф.И. Собянина, В.Н. Ирхина и других, которые отмечают «диалектику современного олимпийского спорта» – противоречие между потребностью в повышении результатов и тенденцией достигать их искусственными, запрещёнными способами. Эта дилемма обостряется тем, что победы спортсменов «больше говорят о хорошей работе научных лабораторий, коллективов тренеров, врачей, менеджеров», чем о личных качествах атлета.[4]

Симуляция нарушения – особая моральная дилемма. Игрок пытается обмануть судью, имитируя фол. С одной стороны, это прямой обман. С другой, в культуре некоторых видов спорта это воспринимается как часть игры, как «зарабатывание» преимущества. Здесь спорт тестирует границы допустимого оппортунизма. Где заканчивается хитрость и начинается моральное разложение? Ответ на этот вопрос варьируется в разных культурах и в разные эпохи. В игровых видах спорта существует понятие как «тактический фол». В повседневной жизни мы часто оправдываем себя в ситуациях обмана, говоря, что это ложь во благо. Защитник, сбивающий нападающего, который выходит один на один с вратарем, принимает решение: нарушить правила, получить почти гарантированное наказание, но спасти команду от почти гарантированного гола. Это классическая утилитаристская дилемма: пожертвовать меньшим ради большего, в данном случае командного результата. Спорт тренирует способность принимать такие решения быстро и брать за них ответственность.

В современном спорте происходит конфликт и трансформация ценностей. Главной функцией олимпийского спорта становится не воспитание, а зрелищность, не участие, а конкретный спортив-

ный результат, не гармоническое развитие, а высокий профессионализм. Это создаёт фундаментальную моральную дилемму: ради чего мы занимаемся спортом? Ради саморазвития или ради победы любой ценой? Кубертеновский идеал «благородного поведения» сталкивается с жёсткими правилами коммерческой деятельности. Суть человеческого познания в данном случае состоит в том, чтобы путем гуманистического воспитания можно было преобразовать социальную реальность».

Шотландский философ спорта Питер Дж. Арнольд, автор книги «Sport, Ethics and Education», систематически исследовал связь спорта и морального развития. Он рассматривает спорт как ценную человеческую практику, которая внутренне не содержит моральные измерения. Он предлагает систематический анализ того, как участие в спорте может способствовать развитию характера и моральных добродетелей. Арнольд формулирует три моральных аргумента против нарушения правил:

1. Нарушение правил подрывает саму суть игры как согласованной практики.
2. Нарушение правил несправедливо по отношению к соперникам, соблюдающим правила.
3. Нарушение правил развращает характер самого нарушителя.

Мамфорд в своей книге анализирует моральную природу соревнования. Он рассматривает соревнование как «противостояние эго и другого», которое требует физического противника и «зачастую связано с желанием проявить способности самому и не дать сделать это другим. Моральная динамика спорта коренится в фундаментальном человеческом желании самутверждения через сравнение с другими. Спорт облагораживает это желание, помещая его в рамки правил.[10]

В статье «Дух, мораль и физкультура» Р.А. Тропин и Н.Н. Кузнецова подчёркивают, что человеку бесполезно заниматься спортом, если у него нет на то собственной мотивации. Мотивация же подразумевает под собой крепость духа, в противном случае, она ни к чему не приведет. И, наконец, лишь морально здоровый человек способен воплотить в себе воедино крепкий дух и крепкое тело, ибо он знает цену и тому, и другому. Необходимо заниматься спортом не потому, что так принято в обществе и это модно, а чтобы найти своё место в этом мире и с каждым днём становиться лучше. Моральные принципы проверяются в действии, спорт не позволяет оставаться в области абстрактных рассуждений. Он требует выбора и действия. Существует напряжение между писаными и неписаными правилами, морально зрелый человек умеет различать легальность и легитимность. Ценности могут вступать в конфликт, победа и благородство, результат и процесс, инди-

видуальное и командное – спорт тренирует способность находить баланс. Внешнее следование правилам без внутреннего принятия ценностей не формирует моральную личность. Современный спорт переживает ценностный кризис, коммерциализация и политизация создают беспрецедентное давление на спортсменов, делая моральный выбор всё более сложным.[8]

Спорт как модель управления ресурсами и полигон экономической политики

Спорт проверяет и тестирует нас в роли экономической и управленческой теории. Учит в своих рамках как распределять ограниченные ресурсы, чтобы обеспечить одновременно конкурентоспособность, устойчивость и зрелищность. Спортивные лиги и федерации представляют собой уникальные экономические системы, где можно экспериментировать с моделями распределения ресурсов, получая быструю и наглядную обратную связь.

Социалистический эксперимент в капиталистической среде. Потолок зарплат в НБА, НФЛ или НХЛ – это прямая апробация идеи ограничения экономического неравенства ради общего блага. Богатые клубы с большими рынками и доходами добровольно соглашались ограничить свои расходы на зарплаты игроков, чтобы бедные клубы могли с ними конкурировать. Здесь спорт тестирует: можно ли ограничить аппетиты сильных ради здоровья всей системы, сохраняя при этом мотивацию у лучших игроков, если их доход ограничен? И не приведёт ли уравниловка к снижению качества продукта? Результаты экспериментов различаются. НБА с мягким потолком и исключениями нашла баланс, позволяющий суперзвездам зарабатывать, но сохраняющий конкурентный баланс. Европейский футбол, напротив, долгое время сопротивлялся любым ограничениям, что привело к доминированию нескольких суперклубов.

А.М. Еремин в статье «Менеджмент сферы физической культуры и спорта на основе теории общественных благ» подчёркивает, что государство играет критическую роль в обеспечении доступности спортивных товаров и услуг для всех групп населения. Он разрабатывает концептуальную модель управления, учитывающую многообразие сфер и интересов различных групп людей. Спорт рассматривается не просто как рыночная услуга, а как мериторное благо – благо, которое общество считает полезным для всех и поэтому субсидирует его потребление.[3]

В статье «Управленческая регуляция спорта как разновидность властно-политической игры» Л.В. Бурухин и С.В. Бурухин анализируют трансформацию спорта в информационном обществе. Эта трансформация по форме организации приобретает характер сетевого объединения, по средствам – коммерческого предприятия. Спорт пе-

рестал быть просто игрой или даже просто индустрией. Он стал гибридной структурой – сетевым коммерческим предприятием, где переплетаются властные, политические и экономические интересы. Авторы вскрывают факторы, стимулирующие и препятствующие эффективности функционирования спортивных организаций. Их анализ показывает, что спортивные организации сталкиваются с теми же управленческими вызовами, что и любые другие сложные организации в информационном обществе.[1]

С.С. Филиппов рассматривает широкий спектр управленческих концепций применительно к спорту, от школы научного управления (Тейлор, Гант) и классической административной школы, до школы человеческих отношений (Мэйо, Фоллет, Маслоу) и количественной школы (Бир, Богданов, Винер). Он показывает особенности управления физкультурно-спортивными организациями с учётом специфики физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг. Это включает анализ организационных структур, стратегического планирования, маркетинга, мотивации и лидерства в спортивном контексте. Филиппов рассматривает конкретные управленческие инструменты: WOT-анализ, матрицу БКГ, стратегии Котлера, управление по целям Друкера, теорию рациональной бюрократии Вебера, теорию открытых систем Берталанди. Это показывает, что спортивные организации используют те же управленческие инструменты, что и любые другие сложные организации, но адаптируют их к своей специфике. Таким образом, спорт выступает в том числе как тренажер для общих управленческих идей.[9]

Заключение

Рассмотренные аспекты спорта как социального тренажера демонстрируют удивительную закономерность, спорт каждый раз оказывается передовым краем социальных изменений. В вопросах инклюзивности спорт часто опережает общество, заставляя быстрее принимать тех, кто отличается от большинства. В вопросах морали спорт создаёт уникальную среду, где этические принципы проверяются в действии, а не в абстрактных рассуждениях. В вопросах управления ресурсами спорт становится лабораторией, где тестируются модели распределения, которые затем могут применяться в обществе в целом. Как отмечает Стивен Мамфорд, спорт – это деятельность, приносящая удовольствие, удовлетворение, ощущение собственной силы и компетенций. Но, как мы видим из анализа, спорт – это нечто гораздо большее. Это полигон, на котором человечество учится быть обществом. Таким образом, «спортивный тренажер» – это своего рода методология, которую можно наложить на любой процесс обучения или обсуждения, чтобы

сделать сложные философские и социальные идеи наглядными и понятными.

Литература

1. Бурухина, Л.В. и Бурухин, С.В. (2012) Управленческая регуляция спорта как разновидность властно-политической игры. Вестник ТвГУ. Серия: Философия (3). С. 86–95.
2. Дагкас, С., и Армор, К. (ред.). (2012). Включение и исключение через молодежный спорт (1-е изд.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203852392>
3. Ерёмин А.М. ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-sferoy-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-kontekste-teorii-obshchestvennogo-bлага> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Лубышева Л.И. Трансформация ценностей олимпийского спорта в условиях современного социума // Олимпийский спорт и спорт для всех. Материалы XXVI Международного научного Конгресса. Казань, 8–11 сентября 2021 г. – Казань: ФГБОУ ВО «Поволжский ГУФКСИТ», 2021. – С. 17–20.
5. Олдхэм А.С. (2024). Шкалы невежества: этическая нормативная основа для учета относительного риска вреда при классификации спортивных событий. Журнал философии спорта, 51 (3), 496–514. <https://doi.org/10.1080/00948705.2024.2330066>
6. Пак Джу-хан. (2018). Теория справедливости Джона Ролза и направление спортивной политики. Журнал Корейского общества спортивной политики, 16(1), 91–101.
7. Стадник Елена Григорьевна, Тюкалов Роман Константинович, Евсеева Ольга Сергеевна, Сысоева Елена Юрьевна ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО СПОРТА КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 11 (201). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-razvitiya-inklyuzivnogo-sporta-kak-faktora-sotsialnoy-adaptatsii-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Тропин, Р.А. Дух, мораль и физкультура / Тропин Р.А., Кузнецова Н.Н. // Валеопедагогические проблемы здоровьесформирования подростков, молодежи, населения: сборник материалов 10-й Международной научно-практической конференции молодых ученых

- и студентов, г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 352–354.
9. Филиппов, С.С. Менеджмент физической культуры и спорта: учебник для среднего профессионального образования / С.С. Филиппов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 251 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-18085-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/587584> (дата обращения: 10.03.2026).
 10. Цибизова Ирина Михайловна ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ. РЕЦ. НА КН.: МАМФОРД С. ВЗГЛЯДЫ ФИЛОСОФА НА СПОРТ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-interesa-k-filosofii-zhizni-rets-na-kn-mamford-s-vzglyady-filosofa-na-sport> (дата обращения: 10.03.2026).
 11. <https://www.sportsdaily.ru/news/chelovecheskij-faktor-nikuda-ne-delsya-byvshij-arbitr-fifa-egorov-o-vnedrenii-var/>

SPORT AS A SOCIAL SIMULATOR IS A TESTING GROUND FOR SOCIAL INSTITUTIONS

Korotenko I.A.

State University of Education

This article presents a philosophical analysis of sport as a unique social simulator that models and accelerates the fundamental processes underlying the functioning of modern society. Drawing on an interdisciplinary approach (philosophy, sociology, ethics, economics), four key dimensions are identified in which sport acts as an experimental laboratory. Sport is revealed not as an isolated sphere of entertainment but as a testing ground where humanity learns to negotiate, allocate resources, overcome prejudices, and make morally responsible decisions – skills directly transferable to the wider society.

Keywords: philosophy of sport, social contract, procedural justice, inclusiveness, moral dilemmas, resource management, social simulator, salary cap, situational ethics.

References

1. Burukhina, L. V. and Burukhin, S. V. (2012) Managerial regulation of sport as a type of power-political game. *Vestnik of TvG U. Series: Philosophy* (3). Pp. 86–95.

2. Dagkas, S., and Armour, K. (eds.). (2012). *Inclusion and exclusion through youth sport* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203852392>
3. Eremin, A. M. FEATURES OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF PUBLIC GOOD THEORY // *Vestnik of Moscow University. Series 21. Management (state and society)*. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-sferoy-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-kontekste-teorii-obschestvennogo-bлага> (date of access: 09.04.2026).
4. Lubysheva L.I. Transformation of the values of Olympic sport in the context of modern society // *Olympic sport and sport for all. Proceedings of the XXVI International Scientific Congress. Kazan, September 8–11, 2021 – Kazan: FGBOU VO «Povolzhsky GUFKSIT», 2021. – P. 17–20.*
5. Oldham A.S. (2024). Scales of ignorance: an ethical normative basis for considering the relative risk of harm in the classification of sporting events. *Journal of Philosophy of Sport*, 51 (3), 496–514. <https://doi.org/10.1080/00948705.2024.2330066>
6. Park, Ju-han. (2018). John Rawls's Theory of Justice and the Direction of Sports Policy. *Journal of the Korean Society of Sports Policy*, 16 (1), 91–101.
7. Stadnik, Elena Grigoryevna, Tyuchkalov, Roman Konstantinovich, Evseeva, Olga Sergeevna, Sysoeva, Elena Yuryevna. PROBLEMS OF DEVELOPING INCLUSIVE SPORTS AS A FACTOR IN SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES. *Scientific Notes of Lesgaft University*. 2021. No. 11 (201). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-inklyuzivnogo-sporta-kak-faktora-sotsialnoy-adaptatsii-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (date of access: 10.03.2026).
8. Tropin, R.A. Spirit, morality and physical education / Tropin R.A., Kuznetsova N.N. // *Valeopedagogical problems of health formation of adolescents, youth, the population: collection of materials from the 10th International scientific and practical conference of young scientists and students, Yekaterinburg / Russian state prof.-ped. University – Yekaterinburg, 2014. – Pp. 352–354.*
9. Filippov, S.S. Management of physical education and sports: a textbook for secondary vocational education / S.S. Filippov. – 6th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2026. – 251 p. – (Vocational education). – ISBN 978-5-534-18085-5. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/587584> (date of access: 10.03.2026).
10. Tsibizova Irina Mikhailovna RETURN OF INTEREST TO THE PHILOSOPHY OF LIFE. REVIEW OF THE BOOK: MUMFORD S. A PHILOSOPHER'S VIEWS ON SPORT // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 3, Philosophy*. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-interesa-k-filosofii-zhizni-rets-na-kn-mamford-s-vzglyady-filosofa-na-sport> (accessed: March 10, 2026).
11. <https://www.sportsdaily.ru/news/chelovecheskij-faktor-nikuda-ne-delsya-byvshij-arbitr-fifa-egorov-o-vnedrenii-var/>

Сильные и слабые кофейные связи

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В современной социологии кофейня выступает полигоном сразу для нескольких фундаментальных идей, в первую очередь «третьего места» Р. Ольденбурга и М. Грановеттера о сильных и слабых связях. Неформальная обстановка кофейни создаёт условия для зарождения неформальных отношений, интеллектуального общения и обсуждения экзистенциальных вопросов. Как третье место, кофейня выполняет функцию специфического института социализации на протяжении уже нескольких столетий. Она неспособна превратить слабые связи в сильные, но может сделать сильные связи немного сильнее. Современный ритм жизни создаёт потребность в таких «островках стабильности» и предсказуемых точках опоры.

Ключевые слова: кофейня, «третье место», сильные и слабые связи, социализация, нетворкинг, слактивизм, фрилансеры, бариста.

Кофейня – место формирования либо укрепления как *сильных связей* (друзья, коллеги, знакомые и родственники), так и *слабых связей* (незнакомые) М. Грановеттера. Он разделяет социальные связи на два основных типа по критерию частоты и длительности контактов.

Сильные связи – родственники, близкие друзья (интенсивное и регулярное взаимодействие). Сильные связи – лицом-к-лицу или офлайн связи. Сильная кофейная связь действительно похожа на роман, где утренний ритуал становится главным моментом дня, а аромат зёрен – лучшим антидепрессантом.

Слабые связи – знакомые, бывшие коллеги, соседи, формальные контакты на работе (эпизодические контакты). Слабые связи – лица не увидеть – или онлайн связи. Марк Грановеттер доказал, что именно слабые связи (знакомые знакомых, бариста, случайные собеседники, люди из одного круга Данбара, но не из первой десятки) являются главным источником новой информации, инноваций и возможностей.

Сильные связи: поход на кофе с близким другом или коллегой укрепляет существующие плотные социальные отношения. Это пространство для глубоких, доверительных разговоров об «очень важном».

Слабые связи: случайный разговор в очереди с бариста или знакомым за соседним столиком – это классическая слабая связь. Именно такие мимолётные контакты («ни о чем»), по Грановеттеру, чаще всего приносят нам новую уникальную информацию, вакансии или неожиданные идеи.

Слабые связи – это абстрактные другие, незнакомые, незначимые другие, обобщённый другой, все люди на земле. Слабое взаимодействие в физике – это радиоактивность. Слабые связи – продукт и цемент глобального общества. Сильные связи – цемент и продукт локального общества. Кофейня работает как катализатор для обоих типов, просто механизмы немного разные. Сильные связи укрепляются в привычной обстановке, слабые – возникают на нейтральной территории.

Сильные связи (друзья, близкие коллеги, родственники) в кофейне скорее укрепляются. Сюда приходят те, кто уже знаком: встречаются после работы, планируют совместные дела, болтают за чашкой кофе. Регулярные визиты создают привычку – люди узнают друг друга, появляются общие ритуалы (например, каждый берёт одинаковый десерт), формируется чувство принадлежно-

сти к какому-то кругу. То есть кофейня становится нейтральной площадкой, где уже существующие близкие отношения получают дополнительную «подпитку» в неформальной обстановке.

А вот со слабыми связями (знакомые, знакомые знакомых, коллеги из других отделов, случайные собеседники) ситуация иная – здесь кофейня скорее помогает их сформировать. И в этом как раз суть идеи Грановеттера: такие связи часто оказываются невероятно ценными. Почему так? Потому что люди из разных социальных групп реже пересекаются в других местах. А в кофейне они оказываются рядом: кто-то работает над проектом, кто-то ищет новые контакты, кто-то просто пришёл поработать в спокойной атмосфере (рис. 1).

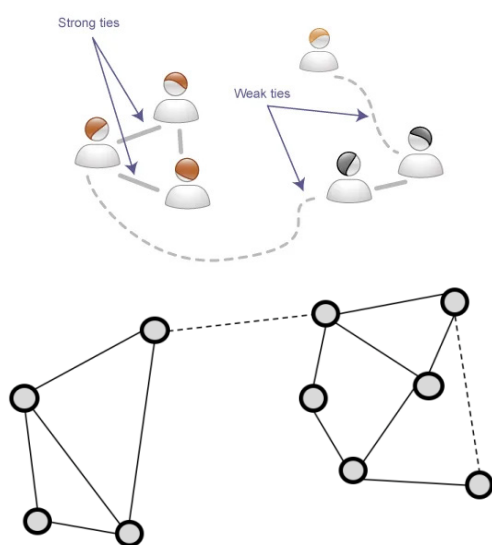

Рис. 1. Разные способы изображения связей по М. Грановеттеру.

Конфигурации сильных и слабых связей в кофейне проявляются в том, как рассаживаются посетители. Приходящие группой просят общий столик, незнакомые рассаживаются самые отдалённые или уединённые места – подальше от других. Когда группа людей, связанных сильными узами, приходит в кофейню, они естественным образом стремятся сесть вместе за общий столик – это позволяет им поддерживать близкий контакт, общаться и чувствовать себя комфортно в компании. Слабые связи, напротив, характеризуются эпизодичностью общения, отсутствием глубокой эмоциональной вовлечённости и доверия. Незнакомые или малознакомые люди, приходя в общественное место, часто стараются расположиться на некотором расстоянии друг от друга – в уединённых или отдалённых местах.

Разговор ни о чём (слабые связи) – это лёгкий социальный шум у барной стойки, смолл-ток с бариста или случайным попутчиком. По Грановеттеру, именно этот «жидкий», ни к чему не обязывающий фон поставляет в наше сознание новые идеи, вакансии и неожиданные метафоры. Разговор

о важном (сильные связи) – тот же самый напиток становится поводом для глубокого, интимного разговора «лицом к лицу» с единицами из ядра Данабара. Здесь перевариваются личные драмы, принимаются решения о ротации жизненных кадров и пересматриваются старые внутренние сценарии.

Кафе – это не место, где мы уединяемся и изолируемся от других (таких немного), а место, где мы интегрируемся с другими и вливаемся в общественное пространство. Кофейня – нейтральное пространство, которое располагает к общению без строгих рамок, характерных для других форматов встреч. Здесь люди могут расслабиться, обсудить совместные дела, поделиться новостями в непринуждённой атмосфере.

Сообщество кофейни возникает тогда, когда одни и те же люди ходят в одни и те же места, бариста знают не только их имена, но ещё вкусы, привычки и любимые напитки. Если в кофейне у вас есть любимое место, значит вы – завсегдатай. Если бариста знает заранее, что вы будете пить, значит, вы – кофеман. Если вы ищите столик подальше от других, значит вы одинокий человек или социопат.

Кофе в кофейне, где вы ожидаете заказ, его приготавливают по специальным рецептам, приносят на подносе, ставит официант (незнакомый вам человек), вы сидите с знакомым человеком в окружении незнакомых людей, делающих то же самое, что и вы, превращается в культурный ритуал и создаёт совершенно иные ощущения, нежели кофе на кухне, приготовленное знакомым человеком из купленных в супермаркете ингредиентов по привычным рецептам, поставленное на кухонный стол знакомым человеком и вы сидите среди знакомых людей, продолжая начатую ещё раньше беседу о семейных либо житейских делах.

Для многих посещение кофейни стало моментом рутины, частью их повседневной жизни. Провести время в кофейне стало желанным. Это место, где можно встретиться с друзьями, организовать деловую встречу или провести время в одиночестве, почитать книгу или просто посидеть и насладиться необычной атмосферой. Пить кофе у себя на кухне и употреблять его в кофейне – совсем разные события. Всего несколько десятилетий назад не было таких кофеен, как сейчас. Не было места, где вас окружали бы звуки и запахи молотых и сваренных кофейных зёрен. Небольшие кофейни изменили городской ландшафт, а кофе – городские запахи (рис. 2).

Кофейня – это место, где варится не только кофе, но и мысли молодых посетителей. Зелёные и незрелые они обжариваются в коллективном дискурсе, превращаясь порой в революционный напиток. М. Поллани: «кофеин – это мощный наркотик, который удивительным образом изменяет работу мозга».

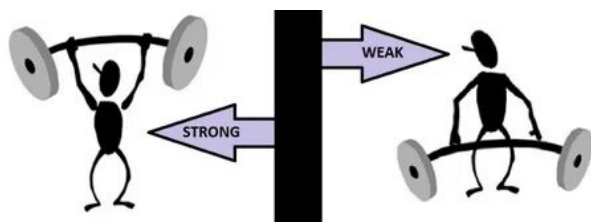

Рис. 2. Слабая связь с кофе – это кофепитие случайное, не выпил кофе – ничего страшного не случилось, кофе как случайный спутник твоей жизни.

С точки зрения социальной динамики, кофейня выполняет функцию «зоны пониженного статуса»: в ней временно стираются некоторые иерархические маркеры, и это открывает пространство для новых образов. Люди приходят с разными ожиданиями, но сама обстановка задаёт общий уровень допустимой неформальности. Отсутствие дресс-кода позволяет людям смешиваться, скрывая свой реальный доход или должность. Здесь можно примерить роль фрилансера, интеллектуала или художника, просто открыв ноутбук или блокнот. чашка кофе – это доступный «входной билет», который может позволить себе почти каждый. неформальная обстановка снижает градус защиты, что делает людей более открытыми к случайным знакомствам и честным разговорам.

В последнее время набирает обороты новый формат работы за чашечкой горячего напитка вне офиса и дома – **кофелансинг**. Психолог Роналд Бройтигам из Мичиганского университета скрестил в своем «кофелансинге» фрилансинг с кофе. Так проводят свои дни те фрилансеры, которые трудятся на себя удалённо от офиса. Сосредоточенно те склонились над ноутбуком в соседней кофейне, заставляя вошедших чувствовать, будто они вернулись в офис, а не зашли расслабиться за чашечкой кофе.

Кофейня – агент построения социального капитала, социальный строитель, работник или агентство социального обеспечения. Современные кофейни действительно являются «демократическими пространствами», где сообщества незнакомых людей могут взаимодействовать, цивилизованно, вежливо и в некоторых случаях с искренним участием и заботой.

Кров, наряду с едой и водой, является одной из самых основных потребностей человека. Приют обеспечивает нам защиту, комфорт и место для общения. Дом – самое распространённое из известных убежищ, но в наши дни любое место с крышей и стенами можно рассматривать как таковое. Рестораны обеспечивают кров и пропитание. Точно так же кофейня обеспечивает кров, комфорт и средства к существованию. Кофейни превратились из простого киоска, где продают кофе и сэндвичи, в заведение, где продают кофе, разнообразную выпечку и мебель для комфорт-

ного времяпрепровождения за бокалом кофе. Для большинства людей кофейня служит местом для учёбы, взаимодействия, тишины и покоя.

Слактивизм – онлайн-пассивизм: не надо ничего делать, надо говорить за чашечкой кофе, строить планы, убеждая в них других, вербуя в свои ряды своих кофейных братьев и сторонников. Кофейные посиделки – кофейные безделки, болтушки и говорилки. Обычно в кофейнях нет строгих дресс-кодов, обязательного минимального чека или жёстких временных рамок. Это делает пространство по-настоящему открытым для разных людей.

Потребители кофе становятся все моложе и моложе, начиная с 14-летнего возраста для самых молодых миллениалов. Кофейни – обязательная остановка на пути домой, их тёплая атмосфера, приветливые бариста, выпечка и возможность индивидуального заказа – вот что продолжает привлекать клиентов, некоторые из которых вообще не местные. Иммигранты из далёких стран, таких как Китай, могут попробовать этот основной продукт современной американской культуры питания и влюбиться в него. Однако следует отметить, что чем старше становятся люди, тем меньше кофе они пьют.

Кофейни часто зонированы: есть тихие уголки для уединения, зоны для работы с ноутбуком, пространства для встреч с друзьями или даже для небольших мероприятий (мастер-классов, поэтических вечеров). Это позволяет каждому найти формат под свои задачи. Кофейни все чаще заменяют бары и становятся хабами для местных сообществ, куда соседи приходят получить свою чашку счастья, обменяться информацией, отвести душу и просто потрепаться. Трудно представить, что люди просто так приходят в местный клуб, садятся за пустые столы и начинают разговаривать. Без кофе нет социализации.

М. Грановеттер говорил, что слабые связи часто важнее: через них приходят новые возможности, новости, идеи. И кофе тут работает как смазка:

- «Ни о чём» как подготовка к «о важном». Разговор про погоду и вкус зерна снижает напряжение и переводит людей из режима «чужие» в режим «можно». Это и есть логистика смыслов: сначала чашка, потом доверие, потом дело.
- Случайные пересечения как ресурс. Слабая связь – это не дружба, а возможность: человек, с которым ты киваешь в кофейне, может однажды подсказать нужный контакт или идею.
- Сильные связи тоже нуждаются в нейтральной территории. Паре или друзьям иногда нужно место вне дома и работы, где роли «муж/жена», «родитель/ребёнок» не давят. Кофейня даёт такую паузу.

Одни любят сплетничать за чашечкой кофе в офисе или на кухне, другие – в курилке, третьи – у кулера с водой. Таким образом, мы получаем разные типы сплеточно-слуховых коллективов: кофейно-чашечные, курильные, кулерные. А ещё есть сообщество бутылочного горлышка. Мамаши с детишками сплетничают на детских площадках – площадные, или площадочные.

Слухи, скандалы, сплетни идут в единой связке в новостных лентах интернета. Слух – случайная, возможно недостоверная, информация, вызывающая общий интерес. Сплетни – трансформированный благодаря механизму испорченного телефона слух, имеющий негативный смысл. Скандал – крайне недостоверная, крайне вредная информация из новостной ленты жёлтой прессы. Употребление кофе может включать в себя полноценный сенсорный опыт – слух, обоняние, осязание, зрение.

Сарафанное радио – позитивный аспект слухов. Испорченный телефончик – негативный аспект слухов. Народная молва – нейтральный аспект слухов. В беседе за чашкой кофе можно узнать, кажется, все – от Большого взрыва до смысла человеческого существования, от бозонов Хиггса и дополнительных измерений до последних политических новостей, от исторических анекдотов до личных воспоминаний

В кофейной церемонии и практике кофепития звучит особый язык общения – не уличный, не площадной, не повседневный, а язык эссенциалистских социолингвистических концепций и концептов. Это не речь с трибуны и не язык официальных отчётов, не язык проповеди или научной лекции, не язык музейного гида, но язык задушевной беседы либо делового договора. В нем нет стандартизированных фраз, но сплошь экспромт, импровизация, креатив (рис. 3).

Рис. 3. Офисный кулер: место встречи изменить нельзя.

Как связаны между собой кофе в кофейных посиделках и цветные революции? Кофейни – место сбора социальных акторов, участников политического дискурса и языкового общения. Западно-европейские кофейни Лондона и Парижа – место схода революционно настроенной молодёжи и ра-

зогрева политического активизма. Авангардная публика заседает в кофейнях Парижа, трактирах Москвы, таится в подпольях или выходит на майдан. Кофе как дискурс, как диалог и беседа – род публичной игры в публично-приватном пространстве. Чаще всего кофейня – это место формирования консенсусного мнения.

В современном обществе «давай выпьем кофе» превратилось в «давай поболтаем», и это место часто предназначено для частного потребления, но, тем не менее, обычно происходит в публичной сфере. На сухую беседовать, болтать и просто разговаривать сложно – нужна социальная смазка. Какая – вино, водка, пиво, кофе? Каждому своё. Но смазать надо. Под разную смазку и ход разговора разный. Как и его тематика. Как и последствия: после пива от туалета не отойдёшь, после водки и вина за машину не сядешь и до дома не добредёшь. Что остаётся? Вот именно.

Кофейня часто выступает для людей тем самым «третьим местом» – пространством, которое не является ни домом, ни работой, но идеально подходит для неформального общения, отдыха и обмена идеями. В кофейне стираются социальные иерархии и ролевые ожидания, которые часто сопровождают встречи в других местах. Здесь нет ощущения «хозяин и гость», что создаёт более доверительную атмосферу для откровенных разговоров.

Грановеттер доказал, что если сильные связи (близкие друзья, семья) образуют плотный, закрытый контейнер, где информация варится по кругу (как гуща на дне), то именно слабые связи (знакомые, приятели, случайные встречные) выступают главными мостами между разными социальными мирами. Кофе определяет контуры кругов Данбара. Если вы пьёте кофе с кем-то, вы автоматически впускаете его в свой «круг симпатии» или «круг приятелей». Отказ от совместного кофе – это жёсткое выстраивание дистанции, защита своего ментального «гнезда» от чужаков.

Грановеттер доказал, что если сильные связи (близкие друзья, семья) образуют плотный, закрытый контейнер, где информация варится по кругу (как гуща на дне), то именно слабые связи (знакомые, приятели, случайные встречные) выступают главными мостами между разными социальными мирами.

- Кофе как повод: Разговор «ни о чём» за стойкой кофейни – это не пустая болтовня. Это запуск мотора микро-миграции смыслов. Именно через такие ниточки слабых связей к нам «приносится» самая важная и свежая информация: новости о вакансиях, новые идеи, неожиданные гипотезы.
- Сеть мостов: Кофейня Ольденбурга – это гигантский распределительный хаб, где сотни слабых связей пересекаются в режиме реаль-

ного времени. Здесь «текущая современность» не пугает человека, а даёт ему возможности для манёвра.

Кофейня действительно служит классическим примером «третьего места» по Рэю Ольденбургу, где идеально работают механизмы социологии Марка Грановеттера. Здесь нет жёстких иерархий, как на работе, или эмоциональной нагрузки, как дома. Люди из разных сфер (студент, фрилансер, местный предприниматель) могут сидеть за соседними столами и в ходе короткого разговора обнаружить общие интересы. Кофейня – точка транзита, где человек выходит из жёсткой роли (работник, родитель, начальник) и попадает в режим «между».

Венские кафе конца XIX – начала XX в. были пространством для медленных, многослойных разговоров. Здесь формировались новые идеи, которые потом уходили в литературу и философию: город как «орган», общество как «механизм», мысль как «поток». Важна была именно нейтральность места: оно не диктовало, кто главный в разговоре, и тем самым позволяло сталкивать разные стили речи. Парижские кафе середины XX в. (например, «Deux Magots» и «Flore») стали площадкой для экзистенциальной риторики: «жизнь – это проект», «свобода – это ответственность». Кафе здесь работало как фильтр: одни формулировки в разговорах «выживали» и становились культурными кодами, другие быстро забывались (рис. 4).

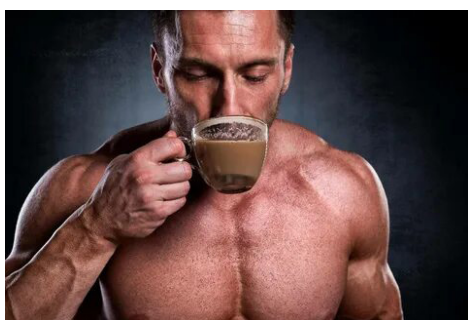

Рис. 4. Сильная связь с кофе – когда без него жить не можешь, влюблённость в него. Знаменосцы сильных связей с кофе – кофеманы.

Часто слабые связи зарождаются не по плану: кто-то замечает, что другой читает интересную книгу или использует необычный инструмент, завязывается диалог. Если человек постоянно бывает в одной и той же кофейне, он начинает узнавать «постоянных» посетителей. Со временем между такими «знакомыми по кофейне» может возникнуть более осознанный контакт – обмен визитками, обсуждение проекта. Грановеттер подчёркивал: слабые связи важны именно потому, что они соединяют разные социальные кластеры и открывают доступ к новой, ранее недоступной информации или возможностям. В контексте кофейни это может быть совет по карьере, рекомендация сервиза, идея для хобби.

Именно «третьи места» (в противовес дому и работе) создают пространство для такой смешанной социализации. Совместный поход за кофе становится регулярным социальным клеем для коллег или друзей. Кофе становится главным партнёром, который встречает вас утром, утешает в моменты стресса и дарит тепло. Утренний ритуал из простой привычки становится «главным моментом дня». Риторика фразы резко повышает ценность действия: не «выпил кофе», а «прожил ключевой эпизод». Это классический приём, когда бытовой акт наделяется сюжетной значимостью. Формулировки вроде «мой утренний ритуал», «без этого не проснусь», «это мой момент тишины» становятся культурными клише.

Сам ритуал заказа кофе, ожидание напитка становятся нейтральным поводом, который помогает наладить контакт ещё до того, как начнётся серьёзный разговор. Это особенно ценно для нетворкинга: в такой обстановке легче завязать знакомство или обсудить идею. Интерьер, мягкое освещение, ненавязчивая музыка (часто джаз, лаунж или инди-поп) и аромат кофе в совокупности работают на расслабление. Это помогает отвлечься от формальностей и настроиться на живой диалог. Современный ритм жизни создаёт потребность в «островках стабильности» и предсказуемых точках опоры. Утро – момент, когда человек заново собирает себя перед днём.

Если раньше кофейни выполняли функцию революционных штабов, центрами сосредоточения наиболее активных слоёв интеллигенции, своего рода соборной площадью, то сегодня они выступают некими монастырями и кельями, местом уединения и отчуждения индивида от общества и городской суеты. В удобном кресле с ноутбуком в руках и доступом к Wi-fi на барной стойке они никак не напоминают революционных трибунов, массовиков затейников. Кофейни перестали служить лабораторией созревания теорий заговора и антиправительственных волнений. Хотя совсем недавно на Ближнем Востоке кофейни все ещё выполняли революционную роль места сбора недовольных властями и проводников прозападной политики, направляемой из США.

Включение концепта Марка Грановеттера о сильных и слабых связях идеально завершает теоретическую модель, превращая чашку кофе из простого напитка в главный социальный клей текущей современности. В текущей современности, где сильные связи (семья, близкие друзья) часто перегружены или проверяются на прочность расстоянием, слабые связи в пространстве кофейни выходят на первый план. Разговор «ни о чём» у барной стойки может мгновенно превратиться в разговор «о важном» (инсайд, стартап, общие ценности).

Кофе как маркер статуса работает в обе стороны: как социальный лифт и как жёсткий фильтр.

Выбор кофейни (демократичная сетевая, пафосная спешелти или локальная альтернативная) определяет, в какую группу вы хотите быть включены. Отказ выпить кофе или, наоборот, демонстративное питье «не с теми» – это проведение невидимых социальных границ. В текущем мире, где классы размыты (нет явных сословий), именно такие микроритуалы потребления показывают, кто находится в «пене», кто в «середине», а кто остался за бортом этого круга. Когда тебе предлагают кофе, это приглашение к признанию: «ты свой», «мы готовы говорить с тобой на равных».

STRONG AND WEAK COFFEE TIES

Kravchenko A.I.

In modern sociology, the coffeehouse serves as a testing ground for several fundamental ideas, primarily R. Oldenburg and M. Granovetter's "third place" theory of strong and weak ties. The informal setting of the coffeehouse creates conditions for the emergence of informal relationships, intellectual communication, and the discussion of existential questions. As a third place, the coffeehouse has served as a specific institution of socialization for several centuries. While it is incapable of transforming weak ties into strong ones, it can make strong ties a little stronger. The modern pace of life creates a need for such "islands of stability" and predictable points of support.

Keywords: coffee shop, third place, strong and weak ties, socialization, networking, slacktivism, freelancers, baristas.

Любовь и деньги: роль материального фактора в брачном выборе

Мещанинова Евгения Юрьевна,

к.с.н., ст. преп. кафедры социологии коммуникативных систем, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: MeschaninovaEY@my.msu.ru

В статье на основе анализа вторичных эмпирических данных анализируется роль материального фактора и экономических мотивов в структуре брачного выбора и образования брачных союзов. Макроанализ позволил рассмотреть тенденции брачного выбора с точки зрения экономических параметров и социальных аспектов. Было выявлено что значимость материальной составляющей в выборе партнера для романтических и брачных отношений дифференцирована по полу, возрасту и культурным особенностям. Социологические исследования по данной проблематике демонстрируют взаимосвязь между материальными факторами и такими категориями, как брачный выбор, брачные возможности индивидов, а также степень стабильности брака. Теоретические наработки по данной теме, в свою очередь, позволяют интерпретировать факторы и направленность брачного выбора в более широком социальном контексте.

Ключевые слова: брачный выбор, брачный рынок, брачный капитал, брачный партнер, ресурсы, обмен, деньги, социально-экономический статус.

В отечественной и зарубежной науке накоплен богатый опыт изучения критериев и факторов брачного выбора, а также мотивов и условий вступления в брак. Так или иначе вопрос о роли социально-экономических аспектов брачного выбора затрагивали многие исследователи: Дж. Хоманс, Р. Хилл, Р. Сентер, П. Куттер, Р. Зидер, К. Девис, А. Керкгофф, Р. Кумбс, Р. Уинч, Г. Беккер, Р. Поллак, Д. Басс, Г. Джермейн, Г. Хелм, Н. Круз и др. В российской научной сфере данной теме были посвящены работы Н.Н. Посысоева, С.В. Ковалева, Т.В. Андреевой, О.А. Карабановой, Т.С. Чистяковой, А.В. Курамшева и др. Материальный расчет как один из факторов брачного выбора и элементов мотивационной структуры вступления в брак встречается в классификациях И.С. Кона, С.В. Ковалева, Т.В. Андреевой, О.А. Карабановой, С.И. Голода, Т.А. Гурко, А.Г. Харчева, М.С. Мацковского и др.

Уменьшение общественного контроля и рост индивидуальной свободы, с одной стороны, способствовали большей романтизации отношений между полами, увеличили пространство поиска и выбора партнера, но в то же время повысили степень личной ответственности за этот выбор. На первый план вышли эмоциональная сторона семейно-брачных отношений и психологические мотивы вступления в брак, однако это не означает, что экономические (материальные) и социальные факторы потеряли свое влияние. Они актуализируются в процессе социального взаимодействия, особенно когда чувственно-эмоциональная составляющая ослабевает. Это важно, если, помимо прочего, не сводить *рациональные мотивы* только лишь к материальной выгоде, финансовому расчету, деньгам и пр., а рассматривать их как аспект социальной значимости *системы ресурсов* (включая символических, коммуникативных и др.). В подобном контексте *деньги* и *финансовый достаток* определяются лишь как один из, пусть и не очевидных, критериев выбора партнера для романтических и брачных отношений, отражающий *рациональность, прагматизм, инструментальность межличностных отношений*. Другими словами, деньги рассматриваются в рамках более широкой системы – как компонент материального фактора и *атрибут ресурсообеспеченности*.

Выбор партнера для брака – это не сугубо личный процесс, основанный исключительно на субъективных размышлениях и внутренних переживаниях. Брачный отбор ограничен объективными институциональными рамками (социально-

экономическими условиями, культурными традициями и др.). Социальные представления о любви, специфика романтической коммуникации и межличностных отношений детерминированы социокультурными и географическими рамками, социокультурными программами и общепринятой нормативной системой конкретного социума.

В своих теоретических разработках **Дж. Хоманс** рассматривает человеческие отношения как процесс обмена «ресурсами», цель которого – наиболее полное удовлетворение потребностей тех, кто в данный обмен вступает. Человеческие характеристики выступают здесь в качестве «благ», которые можно обменивать на ресурсы другого. В качестве ресурсов в подобной логике понимаются не только материальные блага, но и личностные качества, профессиональные и социально-экономические характеристики, внешние данные, символические атрибуты, ожидания, обязанности и пр. В социальном взаимодействии акторы стремятся максимизировать выгоду (пользу) и минимизировать затраты [12]. **Г. Беккер** и **Р. Сентер** при анализе романтических и брачных отношений активно используют *метафору «рынка»*: на подобном «рынке» люди оценивают друг друга по ряду характеристик (социальных, экономических, физических, личностных и др.), а затем осуществляют обмен ресурсами в соответствии со своими желаниями и потребностями [19]. Следовательно, любовные отношения в рамках подобной теоретической оптики – это оценка мужчинами и женщинами выгод, преимуществ, рисков, недостатков и потерь от отношений, а также обмен различными ресурсами (экономическими, духовными, эмоциональными, временными, трудовыми и пр.). А брачный выбор – это процесс поиска и отбора такого партнера, который по своим характеристикам может достаточным или максимальным образом обеспечить удовлетворение потребностей при минимуме издержек и в условиях имеющихся ограничений (культурных, социально-демографических, географических и т.п.). Преимущества от отношений (функциональные, символические, социальные, материальные и пр.) должны превышать недостатки, и тогда будет принято решение о формировании брачного союза. **Г. Беккер** отметил, что решение о браке принимается, когда преимущества от брака выше, чем от одиночества [14].

Согласно экономико-социологической концепции эмоций **Е. Иллус** то, как мы переживаем и выражаем чувства, структурировано социокультурной матрицей. В настоящее время сфера чувств, эмоций и романтических отношений находится под влиянием *рыночной логики* (спрос и предложение, оценка затрат и выгод, рационально-эмоциональный выбор среди ассортимента, конкуренция и сотрудничество, оценка товарных характеристик, практики потребления и пр.) [4].

Теория габитуса и капиталов **П. Бурдье** предполагает, что есть система внутренних диспозиций (встроенных в тело и разум установок), которые формируются в процессе социализации и структурируют восприятие, мышление и поведение человека в соответствии с неявными правилами конкретного социокультурного контекста. Именно в рамках габитуса конструируются и воспроизводятся *романтические предпочтения и вкусы*, восприятие и понимание любви, ценностные ориентации, жизненные приоритеты, коммуникативные стратегии и поведенческие модели (действия, социальные практики) в целом [1, 2]. Сам габитус функционирует в рамках структурных возможностей и ограничений конкретного общества. Поэтому предпочтения в выборе партнера и сам любовный выбор – это вовсе не свободный чувственный акт. Но это и не строгий расчет. Скорее, речь идет о результате действий социальных механизмов, ведущих к гомогамии, который зависит от наличия и количества ресурсов. В данном контексте, брачный «рынок» – это структурированное социальное пространство, где происходит обмен и слияние капиталов в условиях, где действуют экономические ограничения и социальная иерархия. Суть символического обмена в том, что различные виды капиталов могут конвертироваться друг в друга: можно обменивать социальный капитал (привлекательность, положение в обществе, хорошие манеры и пр.) на экономические ресурсы партнера [15].

Ряд социологов (Э. Гидденс, З. Бауман, У. Бек, Е. Иллус, Э. Бек-Гернсхайм, Э. Гидденс, З. Бауман, Й. Тернборн и др.) указывают, что в процессе исторического развития произошла «*коммерциализация отношений*», а как результат – *рационализация и индивидуализация брачного выбора*. Постепенно утрачивает силу прагматическая мотивация формирования брака, связанная с репродуктивными намерениями и планами. Растет роль символической составляющей, социально-ритуальный мотив (брак нужен, чтобы было «как у всех», «так принято», такова традиция), однако функциональные и эмоциональные мотивы не исчезают.

Таким образом, любые человеческие отношения (в том числе и любовные, романтические) можно рассматривать как *процесс символического обмена ресурсами*: качествами, эмоциями, статусом, обязанностями, материальными благами и др. Такие ресурсы, как образование, богатство, карьера или хорошее происхождение, повышают вероятность наличия партнера. Люди стремятся к отношениям, в которых выгоды перевешивают издержки. Динамика выбора партнера имеет привязку к социальной стратификации и связана с представлением о благополучии на индивидуальном уровне. Помимо прочего, с ростом занятости и доходов женщин в обществе повышается социальная приемлемость отношений, в которых

женщины зарабатывают больше мужчин или имеют более высокий уровень образования [16].

Процесс выбора брачного партнера не только культурно обусловлен, социально структурирован, но и *гендерно дифференцирован*. Ряд исследователей (Д. Басс, А. и Б. Пиз, Г. Джермейн, Г. Хелм, Н. Круз и др.) отмечали, что независимо от культуры, женщины оценивают представителей мужского пола с позиции *наличия у них материальных и нематериальных ресурсов*, а также готовности этими ресурсами делиться. В качестве таких ресурсов могут выступать не только деньги и имущество, но и здоровье, статус, интеллект, способности и пр. При реализации брачного выбора представительницы женского пола отдают предпочтение мужчинам с высоким социальным и материальным положением, а мужчины склонны выбирать женщин с хорошими физическими данными (имеется в виду здоровье и привлекательная внешность) [17].

Д. Басс провел кросс-культурное исследование в 37 странах мира и сделал вывод, что в большинстве обществ для женщин наличие ресурсов у потенциального партнера, является куда более важным фактором выбора, чем для мужчин. Для представительниц женского пола во всем мире *материальный потенциал* мужчины значим даже больше, чем его физическую привлекательность (среди представителей мужского пола куда чаще встречается противоположная ситуация) [18, с. 11]. Однако в дальнейшем Д. Басс уточнил, что растущая экономическая независимость женщин существенно повлияла на процессы, лежащие в основе выбора партнера. Традиционная материальная обеспеченность мужчин, которая в прошлом служила условием стабильной жизни и материальной безопасности женщин, а потому была для них приоритетной, теряет свою значимость по мере того, как женщины получают образованию устраиваются на работу. В настоящее время женщины рассчитывают на *экономическую поддержку*, а не полное обеспечение. В связи с этим женщины ищут партнера, чей экономический ресурс дополнит их собственный и повысит уровень благосостояния.

Согласно некоторым данным, женщины в среднем чаще, чем мужчины, обращают внимание на социально-экономический статус партнера, воспринимая этот ресурс как потенциальную способность мужчины обеспечить финансовую стабильность. Коллектив ученых — **Г. Джермейн, Г. Хелм, Н. Круз** — выявил следующую тенденцию: для женщин более ценен *экономический потенциал (перспективы)* мужчины, а мужчины больше ценят внешний вид, здоровье и навык ведения домашнего хозяйства [20, с. 65]. Супруги-психологи **Алан и Барбара Пиз**, в свою очередь, провели опрос о романтических предпочтениях среди 624 женщин, занимающих управленческие должнос-

сти. В ходе опроса 86% из них заявили, что не будут заинтересованы в менее успешном мужчине. На «рынке партнеров» женщины придают значимость таким критериям, как статус, власть, должность, интеллект (и юмор как производной от интеллекта), образование и *финансовые перспективы мужчины* (предполагается, что мужчина должен предоставить *доступ к этим ресурсам*), тогда как для мужчин предпочтительными остаются здоровье, молодость и внешность женщины. Супруги Пиз делают следующие выводы: «Современной женщине по-прежнему нужен мужчина, способный ее обеспечить и защитить — проще говоря, тот, кто имеет доступ к ресурсам и средствам» [8].

Если обратиться к исследованиям, посвященным материальной и финансовой стороне романтических отношений между мужчинами и женщинами, то подобная значимость становится чуть более очевидной. Так, например, важную роль в оценке мужской привлекательности играет денежный достаток мужчины. По данным ВЦИОМ так считают 54% респондентов мужского пола и только 32% женского (вопрос звучал следующим образом: «*Вы согласны или нет с мнением, что деньги делают мужчину привлекательным для женщин, и, чем больше у мужчины денег, тем он привлекательнее?*» [6]). Таким образом, более свойственно убеждение, что деньги делают представителя мужского пола более привлекательным в глазах дам, именно мужчинам (Рис. 1.). В целом как для мужчин, так и для женщин деньги остаются атрибутом успеха, статуса, мужской идентичности, социальной состоятельности, а также символом сексуальной привлекательности и критерием оценки и заинтересованности со стороны противоположного пола. Однако обнаруживается разница в ответах у представителей разных поколений. Если говорить о женщинах, то мнения о взаимосвязи денег и привлекательности мужчины чаще придерживаются представительницы младших миллениалов (1992–2000 годы рождения) (44%) и старших миллениалов (1982–1991 годы рождения) (40%). Меньше распространено данное утверждение у россиянок поколения оттепели (рождены до 1947 г.) (20%). Интересно, что чем старше женщина, тем меньшее значение она придает деньгам, но при этом и менее готова начинать отношения с мужчиной, который зарабатывает меньше нее. Готовность к таким отношениям у разных поколений разная: поколение цифры — 74%, младшие миллениалы — 77%, старшие миллениалы — 67%, поколение реформ — 70%, поколение застоя — 59%, поколение оттепели — 52%. Тем не менее, если верить опрашиваемым россиянкам, то только 8% из них прекращали романтические отношения с мужчиной из-за его низкого заработка или финансовой несостоятельности (при этом лишь 2% мужчин разрывали отношения из-за того, что женщина меньше зарабатывает;

чем моложе мужчина, тем реже разница в финансах является для него мотивом для расставания). В этом контексте при выборе партнера для женщины значимо соответствие денежных возможностей, материального уровня избранника имеющимся у нее ожиданиям и притязаниям (представления о желаемом и достаточном доходе, материальном благосостоянии). Такая практика больше свойственна младшим возрастным группам: молодежь чаще прекращает подобные отношения (6–13% в сравнении с 3–9% среди представителей старших поколений).

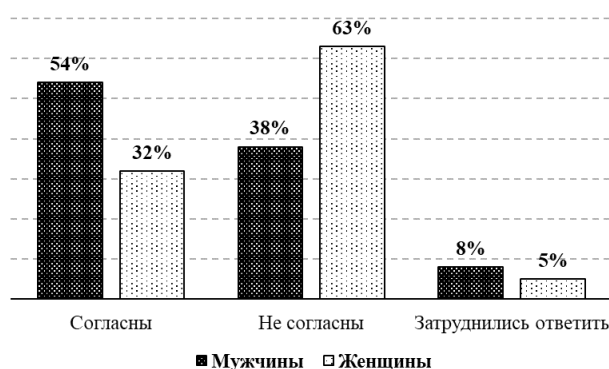

Рис. 1. Согласие с мнением, что деньги делают мужчину привлекательным для женщин и, чем больше у мужчины денег, тем он привлекательнее (закрытый вопрос, один ответ, в %)

(Источник данных: Мужчина, женщина и деньги, ВЦИОМ, 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-zhenshchina-i-dengi>)

В июне 2026 года агентство ТАСС опубликовало результаты опроса относительно готовности россиян к отношениям с мужчиной без автомобиля (совместное исследование сервиса знакомств Mamba и платформы «Сберавто»). Было выявлено, что 33% жительниц России не рассматривают в качестве романтического партнера мужчину без машины, а чуть меньше половины (46%) готовы к таким отношениям с условием, что автомобиль появится в будущем. Допускают вероятность отношений с мужчиной, у которого нет и в будущем не будет машины только 21% респондентов женского пола. Наличие авто не является критерием для построения отношений с женщиной у респондентов-мужчин (так указали почти 80%, а остальные вовсе не рассматривают партнера без автомобиля). Среди женщин распространены представления об автомобиле как символе успеха, статуса, стиля, состоятельности и пр. Помимо этого, 72% респондентов женского пола отметили, что марка авто партнера имеет для них значение (предпочтение отдается премиальным автомобилям) [11].

В некоторых зарубежных исследованиях изучается связь между социально-экономическим статусом и предпочтениями при выборе брачного

партнера. Например, опрос среди индийских студентов города Багалкот показал, что при выборе партнера для отношений они предпочитают людей, относящихся к равному или более высокому социальному классу (бессознательно они могут воспринимать это как способ повысить собственный социально-экономический потенциал). Также респонденты учитывают такие характеристики потенциального избранника (или избранницы), как социальный статус семьи (27,9%), экономическую стабильность (стабильность дохода) (23,9%), физическую привлекательность (18,3%), образование (15,6%), личностные качества (11,8%). На последнем месте, причем с большой процентной разницей, оказался пункт «общие интересы» (2,5%). В целом, студенты предпочли бы вступить в брак с человеком со схожим или более высоким социально-экономическим статусом [23].

Исследование брачного выбора в Нигерии позволило выявить, что социально-экономические факторы влияют на выбор брачного партнера у женщин. Однако, чем выше уровень дохода женщины, тем сильнее ее приоритеты меняются: большее предпочтение отдается эмоциональной привязанности и другим характеристикам партнера, например, прошлому брачному опыту. А вот в периоды экономических трудностей женщины чаще ищут мужчин с более высоким социально-экономическим статусом для улучшения своего положения [22].

Опрос студентов Университета Сакарья (Турция), проведенный в 2024 году, выявил, что девушки стремятся выбрать партнера с более высоким социально-экономическим статусом, чем у них самих. Они придают большое значение финансовому положению мужчины, его материальным активам, карьерному потенциалу, профессиональным успехам, и культурному развитию. С утверждением «если у меня нет дома или машины, то они должны быть у моего партнера» выразили согласие (ответы «полностью согласен», «согласен», «скорее согласен») 71,8% женщин и только 28,1% мужчин [21, с. 376]. Важность финансовых ресурсов будущего супруга отметили 76,6% респондентов женского пола в противовес 44,1% респондентов мужского пола [21, с. 376–377]. Турецкий опыт демонстрирует, что брак рассматривается как средство улучшения стандартов и качества жизни, как путь социальной мобильности (утверждение «Брак должен улучшить мой уровень жизни (покупки, развлечения, отдых)»), однако считать так более свойственно женщинам (64,7% по сравнению с 51,6%) [21, с. 377]. В целом результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что материальный фактор и ориентация на более высокий социально-экономический статус (феномен гипергамии¹) по-прежнему остаются значимы-

¹ Прим. авт.: Гипергамия – это тенденция (склонность) или стратегия искать партнера или вступать в брак с человеком,

ми для женщин в процессе выбора партнера для романтических и брачных отношений.

Тут следует отметить, что одно дело – построение романтических отношений, а другое – *формирование брачного союза*. Если размышлять в этом ключе, то оценка важности денежной (шире материальной) составляющей при выборе брачного партнера может отличаться. *Брачный выбор* – это часть брачного поведения и процесс, в результате которого в условиях социокультурных ограничений из совокупности возможных кандидатов (потенциальных брачных партнеров из «брачного круга») по ряду критериев выбирается единственный партнер, который впоследствии становится мужем или женой. Это процесс зависит от множества факторов, включая экономические, социальные, культурные, психологические и пр. Рациональные и эмоциональные основания брачного выбора тесно переплетаются, они не отменяют действия друг друга. Поэтому стоит учитывать несколько важных моментов. Во-первых, в развитых капиталистических обществах широкое распространение получает эмансипация и финансовая автономия женщин. В этих условиях финансовый доход и материальная обеспеченность мужчины остается важным, но не первостепенным фактором брачного выбора. Это скорее дополнительный компонент перспективности, стабильности, надежности и безопасности. А на первый план выходит чувство любви, личные качества потенциального избранника, общие взгляды и ценности. Во-вторых, в группе факторов, стимулирующих к выбору конкретного брачного партнера и регистрации отношений с ним, важность рациональных (в том числе экономических) мотивов не выпячивается в силу социальных установок (общественно одобряемых представлений и взглядов) и распространенной в нашей культуре романтизации взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Но в большей степени учет материальной составляющей происходит бессознательно.

Рощин С.Ю. и Рощина Я.М. посредством эмпирического анализа данных Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ, 1995–2003 гг.) пытались обнаружить те «выгоды», что люди видят в браке с позиции «ресурсного обеспечения». Анализ факторов вступления в брак показал значимость экономических параметров (доход, занятость, профессиональный статус) для заключения брака. Брачные союзы формируются на базе социально-экономического сходства (принцип гомогамии), где характеристики являются взаимодополняющими: по большинству параметров у супругов имеются положительные корреляции, среди них возраст, образование, статус занятости, индивидуальные доходы и суммарная заработная плата, профессиональный статус, оценка нынеш-

который обладает более высоким социальным, экономическим, образовательным или иным статусом.

него материального благосостояния семьи, оценка собственного положения на лестнице власти, удовлетворенность материальным положением семьи и пр. [9, с. 27–28].

Ученые также выявляли взаимосвязь материальных факторов и *брачных возможностей* россиян. Микроэкономический анализ показал, что для мужчин в возрасте 16–50 лет вероятность в ближайшее время вступить в брак (показатель – «вероятность вступления в брак в следующем году») существенно зависит от *статуса занятости* (меньше шансов у безработных и экономически неактивных мужчин), предыдущего брачного опыта и физических характеристик (рослые мужчины крепкого телосложения имеют более высокие шансы на брачном рынке) [9, с. 39]. Следовательно, для мужчин *экономические и физические характеристики* оказываются весьма значимым «брачным капиталом». Примечательно, что для женщин в таком же возрастном диапазоне (16–50 лет) вероятность замужества в краткосрочной перспективе зависела от возраста (ниже шансы у самых молодых и у самых старших), занятости и экономической активности, семейного статуса и других компонентов: низкая вероятность заключения брачного союза была у учащихся, вдов, разведенных, экономически активных, не имеющих опыта работы и занимающих руководящие должности женщин. Важное преимущество женщины на брачном рынке – коммуникабельность и отсутствие предыдущего брачного опыта [9, с. 41]. Авторы отмечают: «Совпадение многих характеристик также свидетельствует в пользу того, что поиск и выбор брачных партнеров происходит в своем социальном окружении и эти параметры срабатывают как сигнальные механизмы идентификации. Также можно сказать, что на начальном этапе семейных отношений выбор схожего по характеристикам партнера подтверждает модель образования семьи, направленной на единство интересов, представлений, образа жизни» [9, с. 43]. На брачном рынке обнаруживается определенная взаимозамещаемость вступающих в брак по доходам, а также тенденция «приобретения» более старшими мужчинами с большим доходом более молодых женщин с меньшим доходом. Влияние статуса занятости на брачные шансы гендерно дифференцирован: статус экономически неактивного человека снижает брачные возможности для мужчины, но увеличивает их для женщин.

Исследование среди студентов в города Екатеринбурга (2026 г.) позволило выяснить, что *уровень материального положения партнера* влияет на выбор брачного партнера наряду с *эмоциональной близостью и духовной совместимостью*. Финансовая сторона выступала и как важное условие для стабильности брака, причем у девушек материальное обеспечение чаще, чем у юношей, фигурировало в качестве фактора стабильности

брачно-семейных отношений: 37,3% ответов против 26,7% [5, с. 146].

Отдельное внимание стоит уделить соотношению денежной и любовной составляющей в структуре мотивации заключения и сохранения брака. Список причин, по которым, по мнению россиян, люди вступают в брак возглавляет *мотив любви* (мотив пользы, выгоды и расчета занял пятое место перечне причин) [10]. Мотив выгоды чаще называли респонденты в возрасте 25–34 лет [7].

В представлении россиян, любовь – необходимый фактор для заключения брака, но недостаточный для его сохранения в условиях материальной неустроенности и низких доходов. А деньги и материальное положение – важное, но недостаточное условие для того, чтобы связать себя узами брака, однако необходимое для сохранения брачных отношений в будущем (Рис. 2). Здесь стоит учитывать и следующий момент: то, что казалось второстепенным в период ухаживаний и в начале отношений (например, уровень дохода), в дальнейшем может выйти на первый план.

Рис. 2. Основные причины разводов (множественный ответ, в %)

(Источник данных: Отношение к бракам и разводам: мониторинг, ВЦИОМ, 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring?ysclid=msrvjhjq9b851638629>)

Степень и направленность влияния финансовых аспектов (в том числе материального положения) на брачный статус россиян и *устойчивость браков* изучали также **Вакуленко Е.С. и Сек А.М.** Согласно данным о продолжительности браков (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2021 гг.) различия между супругами по разным признакам влияют на длительность союза. Так, например, на стабильность супружеского союза (без детей) оказывает влияние уровень дохода мужа и жены. Было выявлено, что в среднем более устойчивы и долговечны те браки, в которых доходы супругов различаются [3].

Более стабильными и продолжительными являются те супружеские союзы, в которых у мужа и жены не только имеются схожие ценности и ожидания, но и «производственные возможности» и в которых личные блага и хозяйственно-бытовые функции распределяются равномерно.

Для устойчивости брака необходимо, чтобы каждый из супругов «вкладывался» в общее благосостояние (быт, досуг, финансы, воспитание детей и др.). При этом, брак с экономической точки зрения воспринимается индивидами как выгодное состояние, даже если они заранее могут предположить в будущем произойдет развод [13].

Выводы

В рамках социально-психологического и экономического подходов брак трактуется как контракт, где стороны взвешивают выгоды и издержки отношений с целью обеспечить удовлетворение своих потребностей (репродуктивных, материальных, эмоциональных и др.). На брачном рынке ценятся различные формы капитала: экономический, культурный и символический. Они во многом влияют на привлекательность партнера. Социально-экономическое благополучие оказывает позитивное влияние на желание людей заключить брачный союз. *Рациональные факторы и функциональные мотивы* вступления в брачные отношения воспроизводятся совместно с социально-ритуальными («как у всех», «так принято», «такова традиция») и эмоциональными мотивами. Оценка значимости различных составляющих брака (материальной, хозяйственно-бытовой, сексуальной, психологической и пр.) может варьироваться в зависимости от характеристик социально-демографических групп и социокультурного контекста.

Выбор брачного партнера не является произвольным, сугубо личным процессом, он связан с действием надындивидуальных общественных факторов: социокультурных норм и социокультурных условий. В том числе брачный выбор зависит и от материального фактора и его денежной составляющей. Материальный фактор не является единственным или первоочередным критерием брачного выбора, однако он существенно влияет на этот выбор. Финансовые параметры и материальная стабильность являются одним из компонентов структуры мотивации при принятии решения о заключении брачного союза, наряду с эмоциональными аспектами, личными качествами, общими ценностями и пр. Материальный фактор (включая деньги), как правило, функционирует в комплексе с другими параметрами (эмоциональными, психологическими, символическими, культурными, физическими и др.).

На силу и направленность этого влияния оказывают воздействие *социальный контекст и культура*. В периоды экономических кризисов или социальной нестабильности или в обществах с высокой степенью неравенства материальный фактор может выходить на первый план. Зарубежные исследования и российский опыт показывают, что взаимная оценка мужчин и женщин как потенци-

альных супругов, связана с культурными нормами и гендерно-ролевыми ожиданиями.

Значимость финансовой составляющей в выборе романтического или брачного партнера имеет *возрастную и гендерную специфику*: на уровне пола и возраста обнаруживаются различия в ожиданиях, связанных с доходом, владением собственностью, престижностью карьеры и культурным соответствием потенциального партнера (для романа или брака). Несмотря на тенденцию снижения важности денег в оценке мужчин по сравнению с предыдущими десятилетиями, монетарный (шире материальный) фактор играет пусть не первоочередную, но важную роль в брачном выборе. В ряде исследований женщины чаще, чем мужчины, называют финансовую стабильность важным критерием. Данные подтверждают положение, что женщины не склонны выбирать себе в романтические партнеры экономически несостоятельных мужчин. Такие мужчины являются также и менее предпочтительными партнерами для заключения брака, так как женщины, как правило, не готовы образовать семью в условиях отсутствия стабильного дохода. Подобные предпочтения свидетельствуют о том, что романтические отношения и брак по-прежнему воспринимаются как способ улучшения жизненных возможностей и социального благополучия. Однако стоит отметить, что важен не столько финансовый и материальный уровень потенциального супруга, а *соответствие этого уровня ожиданиям*, притязаниям и запросам другой стороны. Даже если на старте отношений денежный достаток и материальное положение не воспринимается как важный, в дальнейшем он может актуализироваться. Наблюдается взаимосвязь между материальными факторами и устойчивостью брака.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Вакуленко Е.С., Сек А.М. Связь образовательных и финансовых различий между супругами с длительностью брачных отношений // Прикладная эконометрика, 2025. Т. 78. С. 116–137.
4. Иллус Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. – Москва-Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2020. – 401 с.
5. Казаков Р.Е. Представления молодежи о браке и факторах брачного выбора // Теория и практика общественного развития, 2026. № 5. С. 143–148.
6. Мужчина, женщина и деньги // ВЦИОМ, 02.09.2025. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-zhenshchina-i-dengi> (дата обращения: 11.08.2026).
7. Настоящая любовь // ВЦИОМ, 07.07.2022 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubo-v?ysclid=msrkog9n6e586188965> (дата обращения: 12.08.2026).
8. Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины хотят секса, а женщины любви. – М.: Эксмо, 2009. – 315 с. [Электронный ресурс] URL: https://angel-27.ucoz.ru/_id/0/54____.pdf (дата обращения: 10.08.2026).
9. Рощина Я.М., Рощин С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 60 с.
10. Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ, 12.05.2025 [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka?ysclid=msrm9aztgf814570519> (дата обращения: 10.08.2026).
11. Треть опрошенных россиянок не готовы встречаться с мужчиной без автомобиля // ТАСС, 10.06.2026. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/27712659> (дата обращения: 10.08.2026).
12. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82–91.
13. Barham V., Devlin R.A., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // European Economic Review, 2009. Vol. 53. Is. 1. PP. 93–106.
14. Becker G.S. (1973) A theory of marriage: Part I // Journal of Political economy, № 81(4). PP. 813–846.
15. Boertien D. (2025) Social stratification and partnerships // Research Handbook on Partnering across the Life Course, Edward Elgar Publishing. PP. 279–290.
16. Bourdieu P. (2020) Habitus and field: General sociology, Vol. 2 (1982–1983) // Polity Press. – 446 p.
17. Buss D.M. (1985) Human mate selection: Opposites are sometimes said to attract, but in fact we are likely to marry someone who is similar to us in almost every variable // American Scientist. Vol. 73, № 1. PP. 47–51.
18. Buss D.M. (2010) Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures // Behavioral and Brain Sciences. № 12(1). PP. 1–14.
19. Centers R. (1975) Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory // Thomas. – 326 p.
20. Henry J., Helm H., Cruz N. (2013) Mate Selection: Gender and Generational Differences // North American Journal of Psychology. Vol. 15. № 1. PP. 63–70.
21. Kaya O. Hypergamy Tendencies in Mate Selection: An Outdated Norm or A Persisting Dynamic

- in Today's Turkish Marriage Market? // Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi 27 (Aile Özel Sayısı). PP. 370–382.
22. Okafor P. (2015) Socio economic factors contributing to female partner selection // Political Philosophy, PP. 1–14. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/31056251/SOCIO_ECONOMIC_FACTORS_CONTRIBUTING_TO_FEMALE_PARTNER_SELECTION (дата обращения: 12.08.2026).
23. Sandhya S.J. (2013) Socio-Economic Status and Physical Attractiveness in Mate Selection Choice // International Journal of Scientific and Research Publications. Vol. 3, Is. 10. PP. 1–4.

LOVE AND MONEY: THE ROLE OF THE MATERIAL FACTOR IN MARITAL CHOICE

Meshchaninova E.Y.

Moscow State University

Based on an analysis of secondary empirical data, the article examines the role of material factors and economic motives in the structure of marriage choice and the formation of marital unions. Macro-analysis made it possible to examine trends in marriage choice from the perspective of economic parameters and social aspects. It was found that the significance of the material component in choosing a partner for romantic and marital relationships varies by gender, age, and cultural characteristics. Sociological research on this issue demonstrates the relationship between material factors and such categories as marital choice, individuals' marital opportunities, and the degree of marital stability. Theoretical developments on this topic, in turn, make it possible to interpret the factors and direction of marital choice in a broader social context.

Keywords: marital choice, marriage market, marital capital, marital partner, resources, exchange, money, socioeconomic status.

References

1. Bourdieu P. Practical Reason. – St. Petersburg: Aleteya, 2001. – 562 p.
2. Bourdieu P. The Sociology of Social Space. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. – 288 p.
3. Vakulenko E.S., Sek A.M. The Relationship between Educational and Financial Differences Between Spouses and the Duration of Marital Relationships // Applied Econometrics, 2025. Vol. 78, pp. 116–137.
4. Illuz E. Why Does Love Hurt? A Sociological Explanation. – Moscow–Berlin: Directmedia Publishing, 2020. – 401 p.
5. Kazakov R.E. Young People's Ideas about Marriage and Factors Influencing Marriage Choice // Theory and Practice of Social Development, 2026, № 5, pp. 143–148.
6. Man, Woman, and Money // WCIOM, 02.09.2025. [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-zhenshchina-i-dengi> (Date of access: 11.08.2026).
7. True love // WCIOM, 07.07.2022 [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubov?ysclid=msrkog9n6e586188965> (Accessed: 08/12/2026).
8. Pease A., Pease B. Why men want sex and women want love. Moscow: Eksmo, 2009. – 315 p. [Electronic resource] URL: https://angel-27.ucoz.ru/_ld/0/54____.pdf (Date of reference: 08/10/2026).
9. Roshchina Ya.M., Roshchin S.Y. The marriage market in Russia: Partner selection and factors of success. – Moscow: State University – Higher School of Economics, 2006. – 60 p.
10. Family and marriage in 21st century Russia // WCIOM, 12.05.2025 [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka?ysclid=msrm9aztgf814570519> (Date of access: 10.08.2026).
11. A third of Russian women surveyed are not ready to date a man without a car // TASS, 10.06.2026. [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/obschestvo/27712659> (Date of access: 10.08.2026).
12. Homans J. Social Behavior as Exchange // Contemporary Foreign Social Psychology. – Moscow: Moscow University Press, 1984, pp. 82–91.
13. Barham V., Devlin R.A., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // European Economic Review, 2009. Vol. 53. Is. 1. PP. 93–106.
14. Becker G.S. (1973) A theory of marriage: Part I // Journal of Political economy, № 81(4). PP. 813–846.
15. Boertien D. (2025) Social stratification and partnerships // Research Handbook on Partnering across the Life Course, Edward Elgar Publishing. PP. 279–290.
16. Bourdieu P. (2020) Habitus and field: General sociology, Vol. 2 (1982–1983) // Polity Press. – 446 p.
17. Buss D.M. (1985) Human mate selection: Opposites are sometimes said to attract, but in fact we are likely to marry someone who is similar to us in almost every variable // American Scientist. Vol. 73, № 1. PP. 47–51.
18. Buss D.M. (2010) Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures // Behavioral and Brain Sciences. № 12(1). PP. 1–14.
19. Centers R. (1975) Sexual Attraction and Love: An Instrumental Theory // Thomas. – 326 p.
20. Henry J., Helm H., Cruz N. (2013) Mate Selection: Gender and Generational Differences // North American Journal of Psychology. Vol. 15, № 1. PP. 63–70.
21. Kaya O. Hypergamy Tendencies in Mate Selection: An Outdated Norm or A Persisting Dynamic in Today's Turkish Marriage Market? // Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi 27 (Aile Özel Sayısı). PP. 370–382.
22. Okafor P. (2015) Socio economic factors contributing to female partner selection // Political Philosophy, PP. 1–14. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/31056251/SOCIO_ECONOMIC_FACTORS_CONTRIBUTING_TO_FEMALE_PARTNER_SELECTION (дата обращения: 12.08.2026).
23. Sandhya S.J. (2013) Socio-Economic Status and Physical Attractiveness in Mate Selection Choice // International Journal of Scientific and Research Publications. Vol. 3, Is. 10. PP. 1–4.

Расписная керамика Китайского Синьцзяна как фактор межкультурного взаимодействия и формирования социальной памяти в доисторической Евразии

Мэрхаба,

Синьцзянский педагогический университет

Лю Данхан,

Синьцзянский педагогический университет

Лю Мин,

Синьцзянский педагогический университет

В статье рассматривается расписная керамика Китайского Синьцзяна как источник изучения межкультурного взаимодействия и социальной памяти доисторической Евразии. Анализируются процессы распространения керамических традиций, миграции населения, культурной адаптации и символического обмена. Показано, что «Путь расписной керамики» отражает формирование устойчивых коммуникационных связей между Китайским Синьцзяном, Центральными равнинами Китая и Центральной Азией. Расписная керамика интерпретируется как материальный носитель коллективной памяти и культурного опыта.

Ключевые слова: Китайский Синьцзян, расписная керамика, межкультурное взаимодействие, социальная память, культурная коммуникация, доисторическая Евразия, Центральная Азия.

Введение

Современное изучение материальной культуры все чаще выходит за рамки традиционного описания и классификации археологических артефактов. Предметы материальной культуры рассматриваются как элементы социальной коммуникации, способные сохранять информацию о социальных отношениях, миграционных процессах, хозяйственной деятельности, культурных контактах и символических представлениях общества [1; 2]. В этом отношении расписная керамика представляет особый исследовательский интерес, поскольку особенности формы, технологии изготовления и орнаментации позволяют реконструировать не только художественные традиции, но и социальные процессы, сопровождавшие взаимодействие различных культурных сообществ. Особое место в данном контексте занимает Китайский Синьцзян, географическое положение которого исторически обусловило его роль пространства взаимодействия культур Восточной, Центральной и Западной Азии. Археологические материалы свидетельствуют о длительном распространении различных типов расписной керамики с востока на запад и формировании устойчивых культурных связей между Центральными равнинами Китая, Хэсиским коридором, Тяньшанем, долиной Или и сопредельными территориями Центральной Азии [3; 4].

В научной литературе для описания этих процессов используется концепция «Пути расписной керамики». В отличие от Шелкового пути, связанного прежде всего с торгово-экономическими отношениями исторического времени, Путь расписной керамики позволяет обратиться к значительно более раннему этапу формирования межрегиональных социальных и культурных связей. Распространение керамических форм, технологий и символических орнаментов может рассматриваться как материальное отражение миграции населения, культурной адаптации, обмена знаниями и формирования устойчивых коммуникативных сетей.

Объектом исследования является культура расписной керамики Китайского Синьцзяна в системе доисторических межрегиональных взаимодействий Евразии. Предмет исследования – социальные механизмы культурного обмена, адаптации и формирования коллективной памяти, от-

раженные в распространении форм, технологий и символических элементов расписной керамики.

Цель исследования заключается в выявлении социальной роли расписной керамики Китайского Синьцзяна в процессах межкультурного взаимодействия и формировании общего пространства социальной и культурной памяти в доисторической Евразии.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить основные направления распространения культуры расписной керамики; раскрыть связь между миграционными процессами и изменениями материальной культуры; проанализировать социальное значение культурного взаимодействия земледельческих и кочевых сообществ; выявить роль символических элементов расписной керамики в сохранении и передаче коллективной памяти.

Методология исследования

Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, объединяющий социально-исторический, сравнительный, типологический и культурно-антропологический методы. Типологический анализ применяется для сопоставления форм и декоративных элементов расписной керамики различных территорий. Сравнительно-исторический метод позволяет установить направления культурного распространения и выявить устойчивые связи между региональными культурными комплексами.

Социокультурный подход используется для интерпретации материальных артефактов как элементов социальных отношений. В данном случае керамический предмет рассматривается не только как результат производственной деятельности, но и как носитель социально значимой информации. Такой подход позволяет перейти от описания археологических находок к анализу социальных процессов, стоящих за их распространением: миграции, межгрупповых контактов, хозяйственной адаптации и символического обмена [1; 5].

Особое значение имеет концепция «социальной жизни вещей», согласно которой материальный объект приобретает значение в системе социальных отношений и может менять свои функции и символические характеристики в процессе перемещения между различными социальными и культурными средами [1]. Применение данного подхода к расписной керамике позволяет интерпретировать изменение форм и орнаментов как один из индикаторов культурной адаптации и взаимодействия.

Путь расписной керамики как сеть межкультурного взаимодействия

Распространение расписной керамики в направлении с востока на запад происходило на протяжении

длительного исторического периода. Культурные комплексы, сформировавшиеся в районах Шэньси и Ганьсу, постепенно распространялись в направлении Хэсиского коридора и далее в Китайский Синьцзян. При этом происходило не механическое копирование культурных форм, а их адаптация к локальным социальным, природным и хозяйственным условиям [3; 6].

Система расписной керамики Тяньшаня, сложившаяся приблизительно во II тысячелетии до н.э., демонстрирует одновременно культурную преемственность и региональную специфику. Ее связь с культурными комплексами верховьев Хуанхэ и Хэсиского коридора свидетельствует о существовании устойчивых каналов межрегионального взаимодействия.

С социологической точки зрения данный процесс может интерпретироваться как формирование ранних сетей межкультурной коммуникации. Их участниками являлись не абстрактные «культуры», а конкретные человеческие сообщества, перемещавшиеся между территориями, вступавшие в хозяйственные и семейные отношения и обменивавшиеся технологиями, предметами и символическими системами.

Миграционные процессы имели особое значение. Природные изменения, вооруженные конфликты и необходимость поиска ресурсов стимулировали перемещение кочевых и полукочевых групп. Контакты между различными сообществами сопровождались торговым обменом, смешанными браками, конфликтами и взаимным культурным заимствованием [7].

Таким образом, Путь расписной керамики следует рассматривать не только как географическое направление распространения определенного типа артефактов, но и как социальную сеть, внутри которой осуществлялась передача технологий, норм, художественных образов и элементов коллективного опыта.

Культурная адаптация и трансформация социальной структуры

Материальная культура особенно чувствительна к изменениям социальной и хозяйственной организации общества. Формы сосудов, способы их изготовления и декоративные элементы связаны с практиками повседневной жизни и поэтому способны отражать изменение хозяйственного уклада.

Археологические материалы Китайского Синьцзяна свидетельствуют о взаимодействии земледельческих, оазисных и кочевых культур. Уникальная природно-географическая структура региона способствовала существованию различных хозяйственных моделей. Оазисы обеспечивали условия для оседлого земледелия, тогда как степные, горные и полупустынные территории создавали основу для мобильного животноводства. Взаимодействие этих моделей приводило к культурному

обмену. Изменения форм керамических сосудов и декоративных систем были связаны не только с эстетическими предпочтениями, но и с трансформацией способов производства, потребления и социальной организации [6; 8].

Важным фактором социальных изменений являлась экологическая адаптация. Превышение хозяйственной нагрузки над ресурсными возможностями оазисных территорий могло нарушать устойчивость существующей социально-экономической системы. В этих условиях происходила замена прежних хозяйственных и культурных форм более адаптивными. Следовательно, трансформация материальной культуры может рассматриваться как один из индикаторов более глубоких социальных изменений. Изменение предметного мира сопровождало перестройку хозяйственных практик, структуры поселений и способов взаимодействия социальных групп. Особенно показателен переход к раннему железному веку. Распространение новых производственных технологий сопровождалось изменением социальной организации. Археологические данные указывают не только на технологические инновации, но и на изменения погребальных практик – от коллективных форм захоронения к семейным кладбищам [9]. Такие процессы могут свидетельствовать о трансформации структуры родственных отношений и социальной дифференциации.

Расписная керамика как носитель социальной и коллективной памяти

Социальная память существует не только в устной или письменной традиции. Материальные объекты также способны выполнять функцию сохранения и передачи социально значимых представлений. В теории коллективной памяти М. Хальбвакса подчеркивается, что память формируется и воспроизводится внутри социальных групп [10]. Материальная среда при этом обеспечивает устойчивые ориентиры для сохранения групповых представлений.

Орнаменты расписной керамики могут рассматриваться как одна из форм такой материализации культурной памяти. Повторение геометрических композиций, способов декорирования и технологических приемов свидетельствует о передаче культурных моделей между поколениями.

В условиях межкультурного взаимодействия символы не только сохранялись, но и трансформировались. Треугольные, ромбовидные и другие геометрические элементы, встречающиеся на расписной керамике Китайского Синьцзяна и Центральной Азии, демонстрируют морфологическое сходство, которое требует дальнейшего сравнительного исследования [4; 11]. Социальная память в данном случае приобретает межкультурный характер. Перемещение предметов и технологий создавало условия, при которых отдельные символические элементы становились

частью культурных систем различных сообществ. В результате материальная культура формировала своеобразное пространство коммуникации, преодолевавшее территориальные и этнокультурные границы.

Китайский Синьцзян в системе культурных коммуникаций Евразии

Географическое положение Китайского Синьцзяна способствовало формированию особого типа культурной среды. С одной стороны, регион сохранял устойчивые связи с Центральными равнинами и Хэсиским коридором, с другой – взаимодействовал с культурными комплексами Центральной Азии и евразийской степи [3; 4]. Особенно важным является Тяньшанский регион. Археологические материалы свидетельствуют о распространении культурных элементов вдоль Тяньшаня – через Хами, район Богды, центральные районы и долину Или. За пределами современного Китайского Синьцзяна определенное морфологическое сходство обнаруживается в расписной керамике Чустской культуры Ферганской долины.

Вместе с тем такие сходства не следует автоматически интерпретировать как доказательство одностороннего культурного влияния. Социологическая перспектива предполагает рассмотрение культурного обмена как многостороннего процесса, включающего заимствование, адаптацию, переосмысление и локальную трансформацию культурных элементов.

Такой подход позволяет отказаться от упрощенной модели «центр – периферия». Доисторический Китайский Синьцзян целесообразно рассматривать как самостоятельный узел евразийской сети культурных коммуникаций, в котором пересекались различные миграционные, технологические и символические потоки. Археологические находки в долине Или также свидетельствуют о взаимодействии различных культурных традиций. Связи с андроновским культурным комплексом, развитие бронзовой металлургии и последующее распространение железных технологий отражают сложность культурной динамики региона [9].

От материального обмена к формированию общего культурного пространства

Межкультурное взаимодействие не ограничивается перемещением материальных предметов. Вместе с ними распространяются знания о технологиях производства, способы использования предметов, эстетические представления и символические значения.

Поэтому обмен расписной керамикой можно рассматривать как часть более широкого процесса формирования общего культурного пространства. Сходство определенных форм и орнаментов свидетельствует о наличии устойчивых контактов между сообществами, находившимися на значи-

тельном географическом расстоянии друг от друга. Особенно важным является соединение материального и символического уровней взаимодействия. Если распространение производственной технологии представляет собой передачу практического знания, то воспроизводство орнаментального элемента связано также с передачей символической информации.

В этом смысле расписная керамика выполняла коммуникативную функцию. Материальные предметы становились посредниками между социальными группами, обеспечивая сохранение, воспроизводство и трансформацию культурных моделей.

Для современного социально-гуманитарного знания данное положение имеет методологическое значение. Исследование древних артефактов позволяет реконструировать не только последовательность культур, но и механизмы формирования социальных связей. Анализ материальной культуры тем самым становится одним из способов изучения исторической социологии коммуникаций и межкультурного взаимодействия.

Пространственная динамика «Пути расписной керамики» и формирование межрегиональных связей

Рассмотрение расписной керамики в пространственном измерении позволяет выявить устойчивые направления взаимодействия доисторических сообществ и определить роль природно-географических факторов в формировании межрегиональных связей. Распространение расписной керамики происходило не одномоментно, а представляло собой длительный процесс, в рамках которого культурные элементы перемещались между различными социальными и хозяйственными средами.

Примерно с IV тыс. до н.э. традиции расписной керамики, сформировавшиеся в районах Шэньси и Ганьсу, постепенно распространялись в западном направлении. В дальнейшем выделились северное и южное направления культурной передачи. Северный маршрут проходил через Хэсиский коридор в восточную часть Синьцзяна, тогда как южное направление было связано с территориями Сычуани и Тибета и далее с районами Южной Азии [3; 4]. Такая пространственная конфигурация показывает, что природные барьеры не только ограничивали коммуникацию, но и определяли конкретные коридоры движения населения и культурных элементов.

Особое значение в данной системе приобрел Тяньшань. Возникновение приблизительно около 2100 г. до н.э. тяньшаньской системы расписной керамики связывается с культурой Мачан Хэсиского коридора [3]. Вместе с тем последующее развитие этой традиции происходило уже в условиях специфической природной и социальной среды Синьцзяна. Поэтому культурное распространение нельзя сводить к одностороннему переносу готовых образцов. Заимствованные формы вклю-

чались в местные практики, трансформировались и приобретали региональные особенности. Тяньшаньская расписная керамика постепенно распространялась с востока на запад. Формировались локальные зоны в районе Хами, вокруг гор Богдо, на южных склонах центрального Тяньшаня и в бассейне реки Или [3]. Особый интерес представляет наличие определенных культурных параллелей с расписной керамикой Чустской культуры Ферганской долины. Эти материалы позволяют рассматривать Тяньшань не как жесткую культурную границу, а как пространство контактов между различными группами населения.

С социологической позиции данная пространственная динамика может быть интерпретирована через понятие социальной сети. Географически удаленные сообщества оказывались включенными в систему связей благодаря миграции населения, хозяйственному обмену, распространению производственных навыков и символических образцов. Материальные предметы при этом становились видимыми свидетельствами существования таких связей.

Важно, что перемещение культурных элементов сопровождалось их локальной адаптацией. Культура расписной керамики в различных частях Китайского Синьцзяна сохраняла определенные признаки традиций Центральных равнин, одновременно включая региональные компоненты. Подобное сочетание преемственности и изменчивости свидетельствует о способности местных сообществ не просто воспринимать внешнее влияние, а включать его в собственную систему социального опыта.

Таким образом, «Путь расписной керамики» целесообразно понимать как исторически изменяющуюся систему коммуникаций. В ней географическое перемещение артефактов было связано с движением людей, технологий и культурных значений. Именно эта взаимосвязь позволяет перейти от картографирования археологических находок к реконструкции социальной структуры межрегионального взаимодействия.

Экологическая среда и социальная адаптация доисторических сообществ

Отдельного внимания требует влияние природной среды на социальную динамику доисторического Китайского Синьцзяна. Развитие местных культур происходило в условиях сочетания горных территорий, степей, пустынь и оазисов. Такая структура пространства создавала различные возможности хозяйственной деятельности и одновременно формировала ограничения для устойчивого существования населения.

Особенно показательным является опыт оазисных обществ. Устойчивость их хозяйственной системы непосредственно зависела от доступности водных и земельных ресурсов. Рост населения

и увеличение поголовья скота могли приводить к ситуации, при которой хозяйственная нагрузка превышала экологические возможности конкретной территории. Нарушение равновесия между населением, хозяйством и природными ресурсами становилось фактором трансформации сложившейся социальной организации [7].

В исходном материале данный процесс рассматривается на примере упадка культуры Чавухугукоу. Исчезновение отдельных культурных форм связывается с достижением пределов экологической емкости среды. Однако с социально-исторической точки зрения принципиально важно, что подобный кризис не обязательно означал прекращение общественного развития. Он мог становиться механизмом структурной адаптации, при котором прежние хозяйственные и культурные модели уступали место новым практикам. Материальная культура позволяет обнаружить следы таких преобразований. Форма сосудов, конструкция ручек и характер декоративных элементов были связаны с повседневными потребностями населения. Следовательно, их изменение может отражать трансформацию хозяйственной деятельности и образа жизни. В этом отношении расписная керамика выступает своеобразным индикатором адаптации общества к меняющейся среде.

Не менее значимым фактором было сосуществование земледельческой и кочевой моделей. Оазисное земледелие создавало условия для относительно устойчивых поселений, тогда как степные и горные территории способствовали развитию мобильных форм животноводства. Однако между этими хозяйственными системами не существовало абсолютной изоляции. Их взаимодействие создавало зоны культурного обмена, в которых изменялись технологии, формы предметов и способы организации повседневности. Кочевая мобильность в данном случае выполняла коммуникационную функцию. Перемещение групп населения соединяло оазисы, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга. Благодаря этому формировались каналы передачи предметов, навыков и культурных моделей. Поэтому относительно единые черты материальной культуры Китайского Синьцзяна на макроуровне могли существовать одновременно со значительными локальными различиями [7].

Социальная адаптация проявлялась также в изменении способов производства. Переход от земледельческих к преимущественно пастушеским формам хозяйства в отдельных районах сопровождался изменением набора орудий и предметов повседневного использования. В раннем железном веке каменные орудия постепенно уступали место бронзовым и железным изделиям, однако традиция расписной керамики продолжала существовать [8]. Сохранение одного элемента матери-

альной культуры при трансформации других свидетельствует о неодинаковой скорости социальных и культурных изменений.

Следовательно, культурную динамику доисторического Китайского Синьцзяна нельзя объяснять только миграцией или внешним культурным влиянием. Она формировалась в результате взаимодействия по меньшей мере трех факторов: природной среды, хозяйственной адаптации и межгрупповой коммуникации. Их сочетание создавало условия для сохранения одних культурных элементов и изменения других.

Технологические изменения и трансформация социальной организации

Развитие производственных технологий является одним из важнейших индикаторов социальных изменений. В доисторическом Китайском Синьцзяне распространение бронзовых, а затем железных технологий сопровождалось изменением хозяйственной деятельности, системы поселений и отдельных элементов социальной организации.

Археологические материалы верховьев реки Или представляют особый интерес для понимания этих процессов. Обнаруженные здесь керамические комплексы демонстрируют связи с андроновской культурной традицией. В то же время археологические исследования начала XXI в. выявили остатки крупных сооружений, угольных печей и бронзолитейного производства, свидетельствующие о более сложной организации производственной деятельности, чем предполагалось ранее. Распространение металлических изделий показывает, что северная часть Тяньшаня выполняла функцию пространства технологического взаимодействия. Здесь встречались как локальные формы орудий, так и предметы, имеющие параллели в других регионах Евразии [9]. Наличие разнородных технологических традиций указывает на существование устойчивых контактов между группами населения.

С социологической точки зрения технологический обмен представляет собой не просто передачу технического приема. Освоение новой технологии предполагает наличие социальных механизмов обучения, коммуникации и воспроизводства профессионального знания. Для изготовления металлического предмета необходимы специалисты, доступ к сырью, организация производственного процесса и система передачи навыков. Поэтому археологическое обнаружение новой технологии косвенно свидетельствует и об изменениях в социальной структуре. Особенно важным является переход к технологии обработки железа. К VI-II в. до н.э. распространение железных технологий становится одним из факторов более масштабной культурной трансформации региона. Изменения затрагивали не только производственную сферу, но и социальные практики.

Показательна трансформация погребального обряда. Переход от коллективных захоронений к семейным кладбищам может рассматриваться как косвенный показатель изменения способов социальной идентификации. Если коллективное захоронение подчеркивает принадлежность к более широкой общности, выделение семейных погребальных пространств способно свидетельствовать об усилении значения родственных групп и семьи в социальной структуре.

Однако подобная интерпретация требует осторожности: археологический материал сам по себе не позволяет полностью реконструировать систему социальных отношений. Тем не менее сочетание данных о производстве, типах поселений, погребальных практиках и материальной культуре дает возможность выявить общие направления социальной трансформации. Расписная керамика в этом процессе демонстрирует важное свойство культурной преемственности. Даже при появлении новых материалов и производственных технологий она продолжала использоваться в отдельных сообществах. Это показывает, что технологическая модернизация не приводит автоматически к исчезновению прежних символических и бытовых практик. Старые и новые элементы способны длительное время сосуществовать, образуя многослойную структуру культуры.

От археологического артефакта к историко-социологическому источнику

Традиционное археологическое исследование закономерно уделяет основное внимание датировке, происхождению, морфологии и классификации предметов. Однако социально-гуманитарная интерпретация позволяет поставить иной вопрос: какие отношения между людьми сделали возможными производство, распространение, использование и сохранение конкретного типа материальных объектов?

Такой переход изменяет исследовательский статус расписной керамики. Она становится не только свидетельством определенной археологической культуры, но и источником для реконструкции социальных взаимодействий.

Подобная постановка вопроса соответствует подходу к «социальной жизни вещей», при котором значение предмета определяется не исключительно его физическими характеристиками, а социальными отношениями, практиками обращения и культурными контекстами, в которые он включен [1; 2]. В исследованиях материальной культуры биография предмета позволяет анализировать его перемещение между различными социальными и культурными сферами. Применительно к доисторической керамике данный подход требует определенной модификации. В большинстве случаев невозможно восстановить индивидуальную историю конкретного сосуда. Однако возмож-

но реконструировать «социальную биографию» определенных форм, технологий и орнаментальных систем. Их возникновение, пространственное распространение, локальная трансформация и исчезновение образуют последовательность, которую можно сопоставлять с изменениями социальной среды.

Такой анализ позволяет выделить несколько уровней. Первый – предметно-технологический, связанный с изготовлением и использованием керамики. Второй – социально-коммуникационный, отражающий перемещение людей, технологий и культурных образцов. Третий – символический, включающий сохранение и переосмысление орнаментальных систем. Четвертый – историко-мемориальный, связанный с современным прочтением материального наследия как источника знаний о прошлом.

В этом отношении исследования Синьцзяна обладают значительным потенциалом для исторической социологии. Регион позволяет наблюдать взаимодействие различных хозяйственных и культурных систем на протяжении длительного периода. Земледельческие оазисы, кочевые сообщества, горные территории и транзитные маршруты формировали сложную структуру контактов, материальным свидетельством которых выступают археологические комплексы.

Вместо линейной схемы распространения «из одного центра на периферию» более продуктивной представляется модель сети, состоящей из множества взаимодействующих локальных сообществ. В такой модели культурное влияние является многонаправленным, а заимствованный элемент в процессе адаптации способен приобретать новое социальное значение. Именно поэтому сравнительное исследование Китайского Синьцзяна и Центральной Азии представляется одним из наиболее перспективных направлений дальнейшей работы [9]. Исходный материал указывает на необходимость сопоставления тяньшаньских, андроновских и чустских комплексов, а также создания совместных баз данных артефактов и проведения трансграничных исследований.

Для социологии культуры это принципиально важно. Материальный объект оказывается включенным одновременно в производство, повседневность, коммуникацию, символическую деятельность и коллективную память. Поэтому история расписной керамики может рассматриваться как один из источников реконструкции истории социальных отношений в доисторической Евразии.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что расписная керамика Китайского Синьцзяна является значимым источником изучения социальных и культурных процессов доисторической Евразии. Концепция

«Пути расписной керамики» позволяет рассматривать Китайский Синьцзян как пространство межрегиональных коммуникаций, где происходили миграция населения, культурный обмен, хозяйственная адаптация и трансформация социальных практик. Материальные формы, технологии и орнаментальные системы выступали носителями коллективной памяти и обеспечивали передачу культурного опыта между поколениями и различными сообществами. Социальная роль расписной керамики проявлялась в трех взаимосвязанных измерениях: коммуникативном, адаптационном и мемориальном. Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ материалов Китайского Синьцзяна и Центральной Азии для более глубокого понимания механизмов межкультурного взаимодействия в доисторической Евразии.

Литература

1. Аппадурай А. Введение: товары и политика ценности // Социальная жизнь вещей: товары в культурной перспективе / под ред. А. Аппадурай. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1986. – С. 3–63.
2. Копытофф И. Культурная биография вещей: коммодитизация как процесс // Социальная жизнь вещей: товары в культурной перспективе / под ред. А. Аппадурай. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1986. – С. 64–91.
3. Лю Сюэтан. Расписная керамика Шелкового пути: Тяньшаньский том. – Сиань: Издательство «Саньцин», 2022.
4. Хань Цзянье. «Дорога расписной керамики» и ранний китайско-западный культурный обмен // Археология и культурные реликвии. – 2013. – № 1. – С. 28–37.
5. Ходдер И. Переплетение: археология взаимоотношений между людьми и вещами. – Мадден: Wiley-Blackwell, 2012.
6. Чен Ге. Краткое обсуждение расписной керамики в Синьцзяне // Социальные науки Синьцзяна. – 1982. – № 2. – С. 77–103.
7. Шао Хуэйцю. Эволюция культурных моделей в Синьцзяне в доисторический период и их связь с культурами соседних регионов. – Цзилинь: Цзилиньский университет, 2007.
8. Лю Сюэтан. Доисторическая эпоха Урумчи. – Пекин: Издательство «Коммерческая пресса», 2018.
9. Ли Суюань. Исследование доисторических археологических культур в долине реки Или,

Синьцзян: диссертация. – Нанкин: Нанкинский университет, 2013.

10. Хальбвакс М. О коллективной памяти. – Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1992.
11. Лю Сюэтан. Диалог между расписной керамикой и бронзой. – Пекин: Издательство «Коммерческая пресса», 2016.

PAINTED POTTERY OF CHINESE XINJIANG AS A FACTOR IN INTERCULTURAL INTERACTION AND THE FORMATION OF SOCIAL MEMORY IN PREHISTORIC EURASIA

Merhaba, Liu Danhang, Liu Ming
Xinjiang Normal University,

This article examines the painted pottery of Chinese Xinjiang as a source for studying intercultural interaction and social memory in prehistoric Eurasia. It analyzes the diffusion of ceramic traditions, population migrations, cultural adaptation, and symbolic exchange. The study demonstrates that the "Painted Pottery Road" reflects the formation of enduring communication networks linking Chinese Xinjiang, the Central Plains of China, and Central Asia. Painted pottery is interpreted as a material carrier of collective memory and cultural experience.

Keywords: Chinese Xinjiang, painted pottery, intercultural interaction, social memory, cultural communication, prehistoric Eurasia, Central Asia.

References

1. Appadurai A. Introduction: Commodities and the Politics of Value. In: Appadurai A., ed. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press; 1986. pp. 3–63.
2. Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In: Appadurai A., ed. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press; 1986. pp. 64–91.
3. Liu Xuetang. Painted Pottery of the Silk Road: Tianshan Volume. Xi'an: Sanqin Publishing House; 2022. (In Chinese).
4. Han Jianye. The "Painted Pottery Road" and early cultural exchange between China and the West. Archaeology and Cultural Relics. 2013; (1): 28–37. (In Chinese).
5. Hodder I. Entangled: An Archaeology of the Relationships between Humans and Things. Malden: Wiley-Blackwell; 2012.
6. Chen Ge. A brief discussion of painted pottery in Xinjiang. Social Sciences in Xinjiang. 1982; (2): 77–103. (In Chinese).
7. Shao Huiqiu. The Evolution of Cultural Patterns in Xinjiang during the Prehistoric Period and Their Relationship with the Cultures of Neighboring Regions. Jilin: Jilin University; 2007. (In Chinese).
8. Liu Xuetang. The Prehistoric Era of Urumqi. Beijing: The Commercial Press; 2018. (In Chinese).
9. Li Suyuan. A Study of Prehistoric Archaeological Cultures in the Ili River Valley, Xinjiang. Dissertation. Nanjing: Nanjing University; 2013. (In Chinese).
10. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press; 1992.
11. Liu Xuetang. Dialogue between Painted Pottery and Bronze. Beijing: The Commercial Press; 2016. (In Chinese).

Теоретические аспекты исследования социокультурной адаптации мигрантов в современном мире

Паламарчук Кристина Олеговна,

аспирант, кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: palamarchuk_ko@mail.ru

В статье представлены теоретические аспекты исследования социокультурной адаптации мигрантов в условиях современного мира. Анализируются подходы к изучению адаптации. Предложен теоретический конструкт, интегрирующий концепцию интегрализма П.А. Сорокина и подход Д.В. Иванова. Теория Сорокина раскрывает адаптацию как процесс ценностной переориентации и трансформации идентичности, подчёркивая многомерность культурных смыслов. Концепция Иванова отражает двупространственный характер адаптации: мигранты действуют в физической и цифровой среде, используя онлайн-сервисы и соцсети. Сетевые структуры и алгоритмическая логика платформ формируют новые барьеры и возможности, особенно для молодёжи и высококвалифицированных специалистов. Синтез данных теоретических рамок позволяет учитывать глубинные культурные основания и динамичные практики цифровой среды как неотъемлемой составляющей современного социума. Подход сочетает традиционные социальдемографические и экономикосоциологические методы с инструментами цифровой социологии, урбанистики и социальной психологии.

Ключевые слова: социокультурная адаптация мигрантов, культурные суперсистемы, интегрализм, городской контекст, цифровая среда.

Истоки изучения социокультурной адаптации заложены американскими социологами, которые являлись основоположниками использования указанного термина в социологии. Согласно исследованию Константинова В.В. и Осина Р.В. [9, с. 315–342] впервые это произошло в начале XX века в рамках совместного исследования Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (выходило тома-ми в 1918–1921 годах) [21, с. 127].

Так, была сформулирована концепция базовых потребностей, которая включает мотивы миграции и адаптации [2, с. 172–190], в том числе стремление к новому опыту и стимулам, потребность в безопасности, желание следовать нормам нового общества, стремление к социальному признанию и «желание власти».

Фундаментальные теоретико-методологические обобщения У. Томаса и Ф. Знанецкого заложили концептуальную основу для анализа широкого круга смежных явлений: социокультурной адаптации мигрантов, процессов урбанизации, городской социологии и социальной дезорганизации.

Начиная с исследований У. Томаса и Ф. Знанецкого, в европейской социологической традиции понимание социокультурной адаптации рассматривается не как простое «приспособление» мигранта к новой среде, а как сложный и нередко конфликтный, но всегда двусторонний процесс согласования социальных ролей, культурных кодов и ценностных систем [10, с. 48].

Развитие социологической мысли в контексте изучения миграционных процессов отчетливо прослеживается при ознакомлении с работами Э. Дюркгейма и Т. Парсонса (Функционализм и нормативная интеграция), М. Вебера (Понимающая социология и целерациональность), Р. Мертона (Теории аномии и типологии адаптации). Следует отметить отдельный блок исследований, изучающих динамику культурных изменений при контакте групп, а также влияние участников процесса друг на друга (Р. Билз и М. Херсковиц, Дж. Берри и модели стратегий аккультурации. Иной подход отмечается в работах Дж. Мида, Г. Блумера (символический интеракционизм), где смещен фокус на повседневные взаимодействия и смыслы, которые мигранты и принимающее население придают своим практикам [13, 290 с.].

Данный пласт работ послужил основанием для современных социологических исследований, акцентирующих внимание на гибридности и сетях.

В рамках современных исследований общество рассматривается как целостная и нестабильная структура. В постструктуралистских и постколониальных подходах идентичность и культура – подвижные и гибридные, постоянно конструируемые в процессе взаимодействия [19]. Таким образом, адаптация становится постоянным процессом формирования, а не достижением «соответствия» общепринятому стандарту.

В рамках сетевого подхода (М. Кастельс и др.) рассматривается дополнительный уровень, отображающий адаптацию в сетях взаимодействий, которые могут пересекать национальные границы и соединять локальные сообщества с транснациональными потоками [20, с. 115–118]. В современных условиях мигранты поддерживают тесную связь со страной исхода и параллельно интегрируются в сети принимающего общества (городские и профессиональные).

К настоящему времени трактовка сущности социально-культурной адаптации включает ряд важных характеристик этого социального процесса.

Социокультурная адаптация не линейный процесс [1, с. 175], а многоуровневый, включающий объективные и субъективные факторы: когнитивные, эмоциональные, поведенческие. Этот процесс также является двусторонним: личность и среда меняют друг друга, внося изменения, т.е. изменения являются взаимными. Система ценностей человека оказывает сильное влияние на процесс социокультурной адаптации. Она показывает, может ли человек быть в балансе или конфликте между своими и чужими ценностями, принимать новые. К важным характеристикам также можно отнести стратегии взаимодействия, пролонгированный характер социокультурной адаптации, достигнутый результат, который зачастую называют *социокультурной адаптированностью* – состоянием, при котором достигнуто определённое соответствие (совместимость) между личностью и средой [15, с. 134–139].

Отдельное внимание уделяется исследованию барьеров и конфликтов в процессе адаптации.

Современными учеными усилен акцент на междисциплинарном подходе к исследованию миграционных процессов, а именно использование социологами подходов цифровой социологии, урбанистики, социальной психологии при одновременном сохранении традиционных социально-демографического и экономико-социологического анализов, которые использовались в работах Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковской, А.Г. Вишневого.

Новые формы социальной интеграции в условиях цифровизации анализируются в концепции «дополненной современности» Д.В. Иванова, где адаптация представлена процессом, протекающим как в физическом, так и в цифровом про-

странстве: мигранты используют мессенджеры, соцсети, онлайн-сервисы для поиска работы, жилья, юридической помощи, поддержания связей с родиной [8, с. 154–155]. Сетевые и потоковые структуры становятся ключевыми каналами адаптации, а алгоритмическая рациональность платформ формирует новые барьеры и возможности для мигрантов. Это особенно актуально для молодёжи и высококвалифицированных специалистов, чья адаптация во многом происходит через цифровые экосистемы.

Базируясь на теории П.А. Сорокина, можно изучать соотношение мигрантами своих ценностных установок с основными ценностями принимающего общества, выявляя процесс трансформации личности и формирования новых культурных образцов. Представленный подход позволяет увидеть адаптацию не как простое усвоение готовых правил, а как сложный процесс ценностной перераспределения, в котором возможны как конфликты, так и синтез культурных элементов [9, с. 315–342].

Таким образом, механизмы социально-культурной адаптации мигрантов понимаются как система взаимосвязанных способов, инструментов и процессов, обеспечивающих поэтапное освоение мигрантом норм, ценностей, практик и социальных ролей принимающего общества при одновременном сохранении (или трансформации) элементов собственной культурной идентичности. Данные механизмы реализуют функцию снижения социокультурной дистанции и минимизации адаптационного стресса, выступая посредниками между структурными условиями принимающей среды и индивидуальными стратегиями мигранта [9, с. 315–342]. Данный комплекс включает в себя усвоение норм, ценностей и моделей поведения, характерных для принимающего общества, при одновременном сохранении собственной культурной идентичности. Необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении механизмов адаптации мигрантов речь идет не о процессе адаптации в целом, а именно о тех «способах», «инструментах» и «каналах», через которые этот процесс реализуется [11, с. 125–146].

Используемый методологический подход П.А. Сорокина – интегрализм усиливает научное значение концепции. По мнению классика, для понимания социокультурной динамики требуется связать социальные и культурные факторы с другими сферами. Кроме того, сложная многомерная природа культурных смыслов рассматривается через призму гносеологического равноправия разных каналов познания (чувственного, рационального и сверхрационального (интуитивного)).

Это позволяет не сводить культурные смыслы только к рациональным или только к эмоциональным факторам, а видеть их сложную, многомерную природу. Показательно, что в работе «Социальная и культурная динамика» он применяет коли-

чественные методы для выявления долгосрочных тенденций трансформаций. Можно добавить тонкий нюанс теории П.А. Сорокина. Он связывает формирование культурных смыслов с фундаментальной человеческой потребностью в осознании смыслов. *Ценности направляют эту потребность, задавая русло, в котором человек ищет и определяет смысл.*

В концепции Д.В. Иванова важны представления о ценностях, как зависимых от *алгоритмической рациональности и трансформации ценностных оснований в сетях и потоках*. Как уже отмечалось, работы Д.В. Иванова предлагают критический взгляд на современную социальную реальность, в которой традиционные механизмы ценностной регуляции подвергаются трансформации под влиянием цифровизации, алгоритмизации и новых форм социальности. В частности, в его концепции «дополненной современности» особое внимание уделяется тому, как цифровые платформы и алгоритмы формируют новые типы ценностных ориентаций и способы межкультурного взаимодействия.

С точки зрения Д.В. Иванова, алгоритмическая рациональность вытесняет традиционные ценностные иерархии, заменяя их логикой эффективности, скорости и релевантности [5, с. 8–26]. В межкультурном взаимодействии это проявляется в том, что выбор партнёров по коммуникации, интерпретация сообщений и даже формирование образа «другого» всё чаще определяются алгоритмами рекомендаций и фильтрации контента. Фрагментация ценностного пространства связана с формированием множества микросообществ, каждое из которых конструирует собственные ценностные рамки. В результате межкультурное взаимодействие становится не столько диалогом культур, сколько серией пересекающихся, но не всегда согласованных ценностных контекстов. Д.В. Иванов отмечает тенденцию к поиску «подлинного» опыта и ценностей, которые не сводятся к алгоритмическим шаблонам. Бунт аутентичности он рассматривает как ответ на алгоритмизацию. В межкультурном измерении это может проявляться в возрождении интереса к этнической, религиозной и локальной идентичности как способу сопротивления обезличивающей логике цифровых платформ.

Таким образом, подход Иванова позволяет увидеть, как современные технологические и социальные изменения переопределяют роль и функции ценностных ориентаций в межкультурном взаимодействии, смещая акцент с устойчивых культурных матриц на динамичные, часто противоречивые и фрагментированные ценностные конфигурации.

Теория Д.В. Иванова актуальна для анализа адаптации мигрантов, поскольку позволяет раскрыть, как современные технологические и со-

циальные трансформации меняют сами условия и механизмы межкультурного взаимодействия, и тем самым существенно корректируют традиционные модели адаптации. Ключевыми аспектами теории относительно изучаемой темы являются следующие положения:

- *учёт цифровой среды как фактора адаптации мигрантов.* Концепция «дополненной современности» фиксирует, что сегодня адаптация протекает не только в физическом, но и в цифровом пространстве, в частности, мигранты осваивают не только городскую инфраструктуру, но и цифровые сервисы, платформы, алгоритмы рекомендаций и коммуникации [12, с. 95]. Это меняет скорость и характер включения в принимающее общество;
- *о трансформации механизмов ценностной регуляции.* Под влиянием цифровизации и алгоритмизации традиционные способы передачи и закрепления ценностей (через семью, локальное сообщество и т.п.) дополняются новыми, в том числе, через контент, ленты рекомендаций, цифровые сообщества [7, с. 23–36]. Для мигрантов это означает появление альтернативных каналов социализации и формирования идентичности, которые могут как ускорять адаптацию, так и создавать новые разрывы;
- *о новых типах ценностных ориентаций.* В рамках подхода Иванова ценности рассматриваются как институциональные, интеракционные, сетевые и потоковые, что позволяет анализировать, какие именно формы ценностных установок формируются у мигрантов в цифровой среде. Например, сетевая логика может усиливать горизонтальные связи внутри диаспоры, а потоковая способствует быстрой смене ориентиров под влиянием медиаконтента;
- *о выявлении новых барьеров и рисков миграции.* Алгоритмическая рациональность способна усиливать сегрегацию, формировать «эхо-камеры», ограничивать доступ к разнообразным смыслам, закреплять стереотипы. Для адаптации мигрантов это создаёт риски фрагментации социального опыта и усиления культурной дистанции;
- *критический взгляд на «невидимую регуляцию».* Подход Д.В. Иванова помогает увидеть, как алгоритмы и архитектура цифровых платформ не нейтральны, а задают определённые сценарии поведения и восприятия, например, рекомендации контента могут подталкивать к выбору замкнутых сообществ или, наоборот, к более широкому взаимодействию. Это важно учитывать при проектировании программ интеграции;
- *о гибкости и многоканальности стратегий адаптации.* Поскольку социальная реальность становится «дополненной», стратегии поддержки мигрантов должны быть многоканальными:

сочетать офлайн-практики (социальные службы, языковые курсы) с учётом специфики цифровых каналов (платформы, мессенджеры, онлайн-сообщества) и их эффектов.

Таким образом, теория Д.В. Иванова даёт инструментарий для анализа адаптации мигрантов в условиях современной цифровой реальности, поскольку она позволяет увидеть не только культурные различия, но и то, как новые формы социальности и алгоритмическая логика меняют саму динамику межкультурного взаимодействия и требуют более гибких, технологически и социально чувствительных подходов к интеграции.

Основания для классификации ценностей у П.А. Сорокина и Д.В. Иванова разные

Первый ищет глубинный стержень культуры, а второй анализирует, как ценности работают в сложной, «дополненной» реальности сегодняшнего дня. Сорокин задаётся вопросом «что объединяет культуру в целом?», а Иванов – «как ценности функционируют в разных средах и не конфликтуют ли они между собой?».

Как уже отмечалось, теория П.А. Сорокина обеспечивает макроуровень глубинного исследования ценностей мигрантов. Выдающийся социолог показывает, что в основе взаимодействия представителей любых культур лежит система ценностей, которая формирует «суперсистемы» (идеациональную, идеалистическую, чувственную) [16]. Когда культуры взаимодействуют, именно разница в этих базовых матрицах часто становится источником как взаимопонимания, так и конфликтов [18, Т. 2]. Научные принципы, разработанные П.А. Сорокиным, помогают понять, почему представители разных обществ своеобразно трактуют справедливость, время, личные границы, то есть те ценности, в которых закладывается фундамент исследовательских стратегий в изучении устойчивых культурных кодов [17, с. 213–217], определяющих успешность/неуспешность адаптации.

В то же время современный мир стремительно меняется под влиянием цифровизации, возникает дополненная (т.н. «гибридная», «виртуальная», «цифровая») социальность. Здесь важную роль играет исследовательский подход Д.В. Иванова, концепция которого фокусируется на том, как новые технологии трансформируют саму ткань социальной реальности («институты» и «интеракции») [3, с. 7–29], раскрывает, как возникает «алгоритмическая рациональность», которая формирует опыт людей, а в ответ на тотальную виртуализацию зарождается «бунт аутентичности» [6, с. 7–35]. Другими словами, концептуальные принципы Д.В. Иванова позволяют исследовать, как формируется ценностный сдвиг направленности и стратегий адаптации. В частности, компенсаторная ценностная реакция на алгоритмизацию

повседневности выражается в росте значимости непосредственного, не опосредованного цифровыми платформами взаимодействия, и в переоценке ценности физического соприсутствия, тактильных и «аналоговых» форм опыта [4, с. 161–163], успешности адаптации.

Система социокультурной адаптации мигрантов функционирует в рамках трех моделей: плоскостной, иерархической и уровневой

К основным аспектам, которые охвачены современными подходами к изучению социокультурной адаптации, относятся типологизация адаптационных стратегий, модели аккультурации, выбор стратегий адаптации, формирование гибридных идентичностей и сетевые взаимодействия.

Советская социологическая традиция сосредотачивалась на экономических и управленческих аспектах адаптации, связывая её успешность с интеграцией в трудовые структуры и интернациональным воспитанием. В современной российской социологии применяются социально-демографический, экономико-социологический и культурологический анализ, основанные на концепциях П.А. Сорокина и Д.В. Иванова.

Для теоретического анализа целесообразно рассматривать подход П.А. Сорокина как основной каркас, который позволит сделать акцент на культурном взаимодействии и ценностях различных типов обществ. При этом важно совместить идею аккультурации П.А. Сорокина, и рассмотреть операционализацию видов адаптации в контексте взглядов Д.В. Иванова. Такой теоретический конструкт позволит сформировать обоснованный эмпирический инструментарий, ориентированный на исследование различных факторов (личных, институциональных, структурных) в комплексе [14, с. 205–218].

Концепция интегрализма П.А. Сорокина задаёт макроуровень анализа, где ценности трактуются как системные, устойчивые матрицы (культурные суперсистемы), определяющие логику межкультурного взаимодействия и долгосрочную динамику адаптации. Подход Д.В. Иванова дополняет её критической оптикой современности, он раскрывает, как цифровизация и алгоритмическая рациональность трансформируют ценностную регуляцию, порождая новые барьеры (эхо-камеры, алгоритмическая дискриминация) и ресурсы (цифровые платформы, сетевые солидарности). Синтез этих рамок позволяет учитывать одновременно глубинные культурные основания и динамичные практики цифровой среды и, тем самым, выстраивать многомерный, эмпирически операционализируемый инструментарий для исследования адаптации, в том числе в городском контексте.

Научная новизна подхода состоит в разработанности теоретического конструкта, интегрирующего

концепцию интегрализма П.А. Сорокина и подход Д.В. Иванова к изучению социокультурной адаптации мигрантов, что позволяет учитывать как глубинные культурные основания, так и динамичные практики цифровой среды в современных условиях.

Исследования адаптации мигрантов предполагают как количественные, так и качественные методы анализа, направленные на изучение объективных индикаторов интеграции и субъективных переживаний мигрантов. Основной научный интерес сосредоточен на прикладных аспектах, таких как образование и управление, при этом культурологические и медиа-аспекты остаются недостаточно разработанными. Ценностные ориентации мигрантов также требуют более глубокого изучения.

Механизмы адаптации включают как внутренние ресурсы мигранта, так и внешние условия, в частности институциональные практики и сетевые связи. Оптимальной стратегией адаптации является интеграция, которая позволяет сохранить культурную идентичность при одновременном освоении норм и ценностей принимающего общества.

Перспективы дальнейших исследований включают междисциплинарные проекты, изучение роли медиа и цифровых технологий, разработку инструментов поддержки мигрантов и проведение сравнительных исследований с учётом региональной специфики. Эти направления способствуют формированию целостной научной картины и разработке эффективных стратегий интеграции мигрантов в принимающие общества.

Литература

1. Антипов А.Г. Социокультурный фактор и его значимость в кризисном российском обществе // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2009. С. 175.
2. Блинова Марина Сергеевна Миграции населения: подход социологов Чикагской школы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 172–190.
3. Богомякова Е.С. Теория социальных проблем в постижении меняющейся современности Журнал социологии и антропологии, Том XXVIII. № 3. С. 7–29 (год публикации – 2025) 10.31119/jssa.2025.28.3.1
4. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия. Социологические исследования, 2022, 2: 161–163.
5. Иванов, Д.В. Возникновение дополненной современности: тенденции постглобализации и поствиртуализации / Д.В. Иванов // Ценности, институты и процессы в эпоху постглобализации: материалы Международной научно-практической конференции, Белгород, 17 марта 2021 года. – Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. – С. 8–26. – EDN ZKVF-WF.
6. Иванов Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. Журнал социологии и социальной антропологии, 2023. 26(3): 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. EDN: YLSMCN
7. Иванов, Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2024. – № 7. – С. 23–36. – DOI 10.31857/S0132162524070045. – EDN JIJANG.
8. Илимбетова А.А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 154–155.
9. Константинов В. В., Осин Р.В. Модели социокультурной адаптации мигрантов: история и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 315–342. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754>.
10. Корель, Л.В. Социология адаптаций на исходе XX века: необходимость и трудности институционализации/ Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 1995. – 48 с.
11. Лепшокова, З.Х., Татарко, А.Н. (2017). Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри. Социальная психология и общество, 8(3), 125–146. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080310>
12. Малинина Т.Б., Суворкина А. «Феномен „сетевого общества“ концепции и реальность». / Наука и бизнес: пути развития 2019 № 5 (95)
13. Мид Дж.Г. Избранное / пер. с англ. В.Г. Николаева; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
14. Милецкий В. П., Ковтун Е.А., Яколенко А.Д. К вопросу об экспертной оценке эффективности социальной работы с мигрантами в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 4. С. 205–218.
15. Сорокин Питирим. 1992. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. № 10. С. 134–139.
16. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. [Текст] / П.А.Сорокин, А.Ю. Согомонов. М., 1992.

17. Скуднова Т. Д., Гасанов А.М. Актуальность идей П. Сорокина в глобализирующемся мире // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2012. № 2. С. 213–217
18. Тириакийн Э.А. Питирим Сорокин мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 1. – Т. 2.
19. Холл, С. Культурная идентичность и диаспора / С. Холл // Культурная идентичность и диаспора: идентичность, сообщество, культура, различие. – Лондон: Lawrence and Wishart, 1990.
20. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. 2002. Integration: Mapping the field. University of Oxford, Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies. Home office Online report. № 29 (3). P. 115–118.
21. Thomas W. I., Znaniecki F. 1996. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 2. University of Illinois Press, 1996. 127 p.

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE MODERN WORLD

Palamarchuk K.O.

Saint Petersburg State University

The article presents theoretical aspects of studying the sociocultural adaptation of migrants in the modern world. Approaches to the study of adaptation are analysed. A theoretical construct is proposed that integrates P.A. Sorokin's concept of integralism and D.V. Ivanov's approach. Sorokin's theory reveals adaptation as a process of value reorientation and identity transformation, highlighting the multidimensionality of cultural meanings. Ivanov's concept reflects the dualspace nature of adaptation: migrants operate in both physical and digital environments, using online services and social media. Network structures and the algorithmic logic of platforms create new barriers and opportunities, especially for young people and highly skilled professionals.

The synthesis of these theoretical frameworks makes it possible to take into account deepseated cultural foundations and the dynamic practices of the digital environment as an integral part of modern society. The approach combines traditional sociodemographic and economicsociological methods with tools from digital sociology, urban studies, and social psychology.

Keywords: socio-cultural adaptation of migrants, cultural supersystems, integralism, urban context, digital environment.

References

1. Antipiev, A. G. (2009). The sociocultural factor and its significance in crisisridden Russian society. In Pitirim Alexandrovich Sorokin and Contemporary Problems of Sociology: Proceedings of the International Scientific Conference (p. 175). St. Petersburg.
2. Blinova, M. S. (2011). Population migrations: the approach of the Chicago School sociologists. Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, (4), 172–190.
3. Bogomyagkova, E. S. (2025). The theory of social problems in understanding the changing modernity. Journal of Sociology and Anthropology, 28(3), 7–29. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.1>

4. Grigorieva, E. A. (2022). Digital inequalities: causes, forms, consequences. Sociological Studies, (2), 161–163.
5. Ivanov, D. V. (2021). The emergence of augmented modernity: trends of postglobalization and postvirtualization. In Values, Institutions and Processes in the Era of PostGlobalization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Belgorod, March 17, 2021, pp. 8–26). Belgorod: Autonomous NonCommercial Organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law». EDN: ZKVF-WF.
6. Ivanov, D. V. (2023). Critical theory of digitalization: the dominance of algorithmic rationality and the rebellion of authenticity. Journal of Sociology and Social Anthropology, 26(3), 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. EDN: YLSMCN.
7. Ivanov, D. V. (2024). The third integrative wave in the development of sociology. Part 2. Theories and methods for augmented social reality. Sociological Studies, (7), 23–36. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070045>. EDN: JIJAHG.
8. Ilimbetova, A. A. (2021). Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, (2), 154–155.
9. Konstantinov, V. V., & Osin, R. V. (2025). Models of sociocultural adaptation of migrants: history and typology. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (4), 315–342. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754>.
10. Korel, L. V. (1995). Sociology of adaptations at the turn of the 20th century: the necessity and difficulties of institutionalization. Novosibirsk: Nauka. 48 p.
11. Lepshokova, Z. Kh., & Tatarko, A. N. (2017). Adaptation and modification of John Berry's acculturation expectations methodology. Social Psychology and Society, 8(3), 125–146. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080310>.
12. Malinina, T. B., & Suvorkina, A. (2019). The phenomenon of the «network society»: concepts and reality. Science and Business: Ways of Development, (5), 95.
13. Mead, G. H. (2009). Selected works (V.G. Nikolaev, Trans.; D.V. Efremenko, Ed.). Moscow. 290 p.
14. Miletsky, V. P., Kovtun, E. A., & Yakolenko, A. D. (2020). On the expert assessment of the effectiveness of social work with migrants in Russia. Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, (4), 205–218.
15. Sorokin, P. (1992). My philosophy – integralism. Sociological Studies, (10), 134–139.
16. Sorokin, P. A. (1992). Man. Civilization. Society (A.Yu. Sogomonov, Ed., Comp., & Preface; Translated from English). Moscow.
17. Skudnova, T. D., & Gasanov, A. M. (2012). The relevance of P. Sorokin's ideas in a globalizing world. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov, (2), 213–217.
18. Tiryakian, E. A. (1999). Pitirim Sorokin – my teacher and prophet of modernity. Journal of Sociology and Social Anthropology, 2(1).
19. Hall, S. (1990). Cultural identity and diaspora. In Cultural Identity and Diaspora: Identity, Community, Culture, Difference. London: Lawrence and Wishart.
20. Castles, S., Korac, M., Vasta, E., & Vertovec, S. (2002). Integration: mapping the field. Oxford: University of Oxford, Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies. Home Office Online Report, 29(3), 115–118.
21. Thomas, W. I., & Znaniecki, F. (1996). The Polish peasant in Europe and America (Vol. 2). Urbana: University of Illinois Press. 127 p.

Гигиенические аспекты адаптации барьерной среды для маломобильных групп старшего поколения в системе социального обеспечения

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Каракчиев Дмитрий Андреевич,

студент 5 курса института педиатрии и репродуктивного
здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: dkarakchiev@mail.ru

Баширова Нурана Саявуш кызы,

студентка 6 курса Института педиатрии и репродуктивного
здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: nuranabashirova@yandex.ru

В статье рассматриваются гигиенические аспекты адаптации барьерной среды для маломобильных групп старших возрастных групп в контексте системы социального обеспечения. Проведён анализ медицинских и социальных факторов, влияющих на доступность среды для пожилых людей и инвалидов. Обоснована необходимость комплексного подхода, включающего санитарно-гигиенические требования, организационные решения и социальную интеграцию. Предложены направления совершенствования барьерной среды в учреждениях социального обслуживания и здравоохранения.

Ключевые слова: гигиенические требования, маломобильные группы населения, старшее поколение, гигиенические требования, социальное обеспечение, доступность медицинской помощи, пожилые люди.

Введение

Старение населения является одной из ключевых демографических тенденций современности, оказывающей существенное влияние на развитие систем здравоохранения и социального обеспечения [1]. По данным Росстата, на 1 января 2025 года численность россиян старше трудоспособного возраста составила 35,1 млн человек, или 24% всего населения страны. При этом к началу 2025 года в России состояли на учёте 11,1 млн человек с инвалидностью, что соответствует 7,6% от общей численности населения; среди них 56% составляют люди старше трудоспособного возраста [2].

В исследовании, проведённом в 2024 году с участием 3942 респондентов, было установлено, что все лица старше трудоспособного возраста сталкиваются с теми или иными барьерами при получении медицинской помощи; распространённость проблемных ситуаций колебалась от 12,5% (проблемы с передвижением из-за неудобного расположения кабинетов) до 74,3% (отсутствие нужного специалиста и необходимость посещать другую медицинскую организацию) [3]. Рудницка и соавторы (2020) подчёркивают, что подход Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) к здоровому старению предполагает создание благоприятных условий жизни для людей старшего возраста, включая доступную физическую среду [4]. Мухарьмова и Савельева (2019) в своем исследовании указывают на существующие проблемы доступности и справедливости здравоохранения для пожилых граждан в оценках населения и экспертов [5]. Барсуков (2018) при анализе барьеров социальной интеграции старшего поколения в контексте межпоколенческих коммуникаций, отмечает, что пространственные и организационные ограничения усиливают социальную изоляцию [6].

В этих условиях адаптация барьерной среды приобретает не только социальное, но и медицинское значение, поскольку отсутствие доступности напрямую влияет на своевременность получения медицинской помощи, соблюдение санитарно-гигиенических норм и качество жизни маломобильных групп.

Социальные факторы доступности среды

Социальные факторы адаптации барьерной среды охватывают экономические, организационные

и коммуникативные барьеры, которые определяют не только физическую, но и социальную доступность среды для маломобильных групп пожилого и старческого возраста. Проживание в сельской местности, наличие финансовых проблем и низкая социальная интеграция значительно влияют на выраженность барьеров доступности для старшего поколения [3]. Блахню и Булиньски (2019) в исследовании польской популяции пожилых пациентов первичного звена здравоохранения подтверждают взаимосвязь между социальным благополучием и возможностью получения медицинских услуг, указывая, что социальная депривация усиливает медицинскую уязвимость [7].

Организационные барьеры проявляются в сложности записи на приём, непрозрачности маршрутов пациентов, отсутствии специализированных программ реабилитации. Ежегодно в учреждения медико-социальной экспертизы для определения инвалидности обращаются около 2 млн человек, что свидетельствует о масштабе потребности в адаптированной среде. При этом социальная изоляция, усиливаемая физической недоступностью объектов инфраструктуры, приводит к снижению мотивации к обращению за медицинской и социальной помощью [8]. Пожилой человек, живущий в пятиэтажном доме без лифта, фактически лишён возможности посещать поликлинику, социальные учреждения и места общественного досуга, что усугубляет депрессию и когнитивные нарушения.

Барсуков (2018) указывает, что барьеры социальной интеграции старшего поколения усугубляются отсутствием доступной городской среды, что ограничивает участие пожилых людей в общественной жизни и межпоколенческом взаимодействии. В условиях системы социального обеспечения это требует развития выездных форм работы, мобильных бригад и телемедицинских технологий, позволяющих преодолевать пространственные барьеры без полной реконструкции зданий. Мобильные бригады медико-социальной помощи, работающие на дому, становятся критически важными для пациентов, которые не могут самостоятельно посещать учреждения из-за физических ограничений [6].

Экономические барьеры включают как прямые затраты на адаптацию жилого пространства (установка поручней, пандусов, подъёмников), так и косвенные – необходимость сопровождения, транспортные расходы, оплата ухода. Для многих пенсионеров с небольшим доходом затраты на создание доступной среды в квартире становятся неподъёмными, что приводит к замкнутому кругу: физическая недоступность среды ограничивает социальную активность, социальная изоляция снижает мотивацию к реабилитации, отсутствие реабилитации усугубляет инвалидность. В этих условиях роль системы социального обеспечения

заключается не только в предоставлении материальной помощи, но и в организации комплексного сопровождения – от консультации социального работника до обеспечения техническими средствами реабилитации.

Коммуникативные барьеры также играют значительную роль. Пожилые люди с нарушениями слуха или речи, а также с когнитивными нарушениями, сталкиваются с трудностями при взаимодействии с медицинским персоналом и социальными работниками. Недостаточная осведомлённость о доступных услугах, сложность оформления документов и непрозрачность процедур создают дополнительные препятствия. В исследовании барьеров доступности медицинской помощи пожилыми людьми было установлено, что 74,3% респондентов сталкиваются с отсутствием нужного специалиста и необходимостью посещать другую медицинскую организацию, что указывает на системную нехватку специализированных кадров и координации между учреждениями [3].

Медицинские факторы адаптации барьерной среды

Медицинские аспекты адаптации барьерной среды для маломобильных групп старшего поколения включают санитарно-эпидемиологические требования, обеспечение инфекционной безопасности, эргономику пространства и доступность медицинской помощи. Санитарно-эпидемиологические правила устанавливают гигиенические требования к размещению, устройству, оборудованию, содержанию и противоэпидемическому режиму организаций здравоохранения и социального обслуживания. Для маломобильных пациентов старшего возраста критически важны ширина дверных проёмов, отсутствие порогов, наличие поручней и специализированных подъёмников, поскольку ограничения двигательной активности сочетаются с высокой восприимчивостью к инфекционным агентам [9].

Исследования показывают, что пожилые люди с ограниченной мобильностью чаще подвержены госпитальным инфекциям в связи с длительным пребыванием в медицинских учреждениях и сложностями соблюдения личной гигиены в неадаптированной среде. Наличие барьеров при передвижении внутри медицинской организации увеличивает время ожидания и снижает вероятность прохождения диспансеризации, что отсрочивает диагностику хронических неинфекционных заболеваний. Группа канадских исследователей под руководством Валайтис (2020) отмечают разрыв между первичной медико-санитарной помощью и социальными службами, который усугубляется физической недоступностью учреждений для пожилых пациентов [10].

Гигиенические аспекты также включают микроклимат помещений, освещение и акустический

комфорт. Для людей старшего возраста с нарушениями зрения и слуха, часто сопровождающими инвалидность, качество среды определяет возможность ориентации в пространстве и самостоятельного передвижения. Недостаточная освещённость коридоров и лестничных клеток повышает риск падений, которые являются ведущей причиной травматизма и инвалидизации среди пожилых. СанПиН 2.1.2.2564–09 устанавливает нормы естественного и искусственного освещения, температурного режима и влажности воздуха, которые должны поддерживаться в жилых и медицинских помещениях круглосуточно. В помещениях для пожилых и инвалидов температура воздуха должна поддерживаться на уровне 20–22 °С, а относительная влажность – 40–60%, что снижает риск респираторных заболеваний и обострений хронических патологий [9].

Комплексный подход к адаптации барьерной среды в системе социального обеспечения

Комплексная адаптация барьерной среды для маломобильных групп старшего поколения требует согласования медицинских, гигиенических и социальных требований на уровне управленческих решений, проектирования и эксплуатации объектов. Преодоление барьеров доступности и организационных барьеров невозможно без принятия целевых программ со стороны региональных органов власти в сфере охраны здоровья, муниципальных органов власти, сотрудников медицинских организаций и социальных служб. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года предполагает комплексное развитие инфраструктуры для повседневной жизни, работы, образования и заботы, включая создание комфортной и безопасной среды [11].

Гигиенические аспекты комплексного подхода включают проектирование пространств с учётом санитарно-эпидемиологических норм, обеспечение бесконтактных поверхностей, широких проходов для санитарной обработки и возможности изоляции при инфекционных вспышках. СанПиН 2.1.2.2564–09 устанавливает требования к планировке помещений, в которых должны быть предусмотрены изоляторы для временного размещения лиц с инфекционными заболеваниями, а также режимы уборки и дезинфекции, адаптированные к потребностям маломобильных пациентов [9]. Адаптация жилой среды и социальных учреждений должна сочетаться с доступностью медицинской помощи, поскольку для пожилых инвалидов частота обращений в поликлиники и стационары выше среднего [12].

Внедрение системы долговременного ухода, разработанной в рамках федерального проекта «Старшее поколение», предполагает создание условий для проживания и реабилитации, отвеча-

ющих гигиеническим стандартам и потребностям маломобильных граждан, а прогнозируемая численность пожилых и инвалидов подтверждает необходимость дальнейшего развития инфраструктуры долговременного ухода с адаптированной барьерной средой [13]. Система долговременного ухода включает как стационарные формы (дома-интернаты, пансионаты), так и полустационарные (дневные стационары, центры социального обслуживания) и выездные (социальные работники на дому, мобильные бригады), что позволяет выбирать оптимальный вариант в зависимости от степени утраты способности к самообслуживанию [14].

На уровне проектирования комплексный подход требует применения универсального дизайна – концепции, при которой среда изначально создаётся доступной для всех категорий пользователей, включая маломобильных граждан старшего возраста. СП 59.13330.2020 определяет параметры доступности для различных структурно-функциональных зон: входные группы, пути движения, помещения обслуживания, санитарно-гигиенические помещения, жилые помещения [15]. Применение этих норм на этапе проектирования существенно дешевле, чем переоборудование существующих зданий. Например, предусмотренный на этапе строительства пандус обходится в 3–5 раз дешевле, чем его последующая установка в действующем здании.

Мониторинг и оценка эффективности адаптации барьерной среды должны стать неотъемлемой частью управления качеством в системе социального обеспечения. Это включает регулярный аудит доступности объектов, сбор обратной связи от пользователей, анализ инцидентов (падения, травмы, отказы от обращения за помощью) [16]. Внедрение информационных систем, позволяющих отслеживать маршруты пациентов и выявлять «узкие места», способствует целевому распределению ресурсов. Кроме того, обучение персонала медицинских и социальных учреждений принципам работы с маломобильными пациентами, включая знание гигиенических норм и техники безопасности при перемещении, повышает качество оказания помощи и снижает риск профессиональных травм [17].

Таким образом, комплексный подход интегрирует нормативно-правовое регулирование, архитектурно-планировочные решения, организационные механизмы и человеческие ресурсы, создавая основу для формирования доступной и безопасной среды для маломобильных групп старшего поколения.

Выводы

Адаптация барьерной среды для маломобильных групп старшего поколения является многоплановой

задачей, интегрирующей медицинские, гигиенические и социальные компоненты. Статистические данные свидетельствуют о значительной и растущей доле пожилых людей и инвалидов в общей структуре населения, для которых физическая недоступность учреждений социального обеспечения и здравоохранения становится фактором снижения качества жизни и усугубления социальной изоляции. Медицинские факторы определяют необходимость соблюдения санитарно-эпидемиологических норм, инфекционной безопасности и эргономики пространства, тогда как социальные факторы требуют преодоления организационных и экономических барьеров. Комплексный подход, включающий управленческие решения, проектирование доступной среды и развитие альтернативных форм оказания помощи, позволяет создать условия для сохранения здоровья и социальной активности старшего поколения в системе социального обеспечения.

Литература

1. Влияние физических упражнений и нутритивной поддержки на пациентов пожилого и старческого возраста с саркопеническим ожирением / И.Е. Плещев, В.Н. Николенко, Е.Е. Ачкасов [и др.] // *Acta Biomedica Scientifica*. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 14–25. – EDN HAMPYA.
2. Среди инвалидов России 56% составляют люди старше трудоспособного возраста [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. – 2025. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom03.php> (дата обращения: 25.07.2026)
3. Чукавина А. В., Выскочков В.С., Тюфилин Д.С., Соломяник И.А., Ткачева О.Н., Кобякова О.С. Барьеры доступности и организационные барьеры при получении медицинской помощи пожилыми людьми // *Гериатрический вестник*. – 2024. – № 4. – С. 296–304. <https://doi.org/10.37586/2686-8636-4-2024-296-304>
4. Rudnicka E, Napierała P, Podfigurna A, Męczekalski B, Smolarczyk R, Grymowicz M. The World Health Organization (WHO) approach to healthy ageing. *Maturitas*. 2020;139:6–11. doi:10.1016/j.maturitas.2020.05.018
5. Мухарямова Л. М., Савельева Ж.В. Доступность и справедливость здравоохранения для пожилых (в оценках населения и экспертов) // *Социологические исследования*. – 2019. – № 9. – С. 136–145. – DOI 10.31857/S013216250006663-2. – EDN AKLTRM.
6. Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 5. С. 214–230.
7. Błachnio A, Buliński L. Wellbeing and older adults in primary health care in Poland. *Ann Agric Environ Med*. 2019;26(1):55–61. doi:10.26444/aaem/85711
8. Селезнева Е.С., Синявская О.В., Горват Е.В. Интеграция медицинского и социального обслуживания пожилых в России: успехи и барьеры // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2022. – № 1. – С. 148–169. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169>
9. СанПиН 2.1.2.2564–09. Гигиенические требования к размещению, устройству, оборудованию, содержанию, санитарно-гигиеническому и противоэпидемическому режиму организаций здравоохранения и социального обслуживания, предназначенных для проживания лиц пожилого возраста и инвалидов: санитарно-эпидемиологические правила и нормативы: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 23.11.2009 № 71 [Электронный ресурс]. – Введ. 01.03.2010. – URL: <https://base.garant.ru/12172537/53f89421bb-daf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 25.07.2026).
10. Valaitis R, Cleghorn L, Ploeg J, et al. Disconnected relationships between primary care and community-based health and social services and system navigation for older adults: a qualitative descriptive study. *BMC Fam Pract*. 2020;21(1):69. Published 2020 Apr 23. doi:10.1186/s12875-020-01143-8
11. Распоряжение Правительства РФ от 07.04.2025 № 830-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503080/9c32414cf-8f6528093a1c946aee33f07e9642a2/ (дата обращения: 26.07.2026).
12. Шутов Д. В., Макарова М.Р. Доступность домашней среды для маломобильных групп населения // *Медицинская реабилитация*. – 2017. – № 11 (140). С 61–66.
13. Плещёв И. Е., Николенко В.Н., Ачкасов Е.Е., Шкребко А.Н., Плещёва Т.Н., Бирг А.Б., Синьян Ч., Греков Д.А. Эффективность нутритивной поддержки и её роль в процессе лечения лиц с саркопенией // *Пациентоориентированная медицина и фармация*. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 12–22. – DOI 10.37489/2949-1924-0003. – EDN UOWRXY.
14. Гирич М.Г. Подходы к внедрению системы долгосрочного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // *Экономика труда*. – 2023. – № 10. – С. 1125–1136.
15. СП 59.13330.2020. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения: свод правил. – Введ. 01.07.2021. – М.: Минстрой России, 2020. – 120 с.

16. Сафонов А.Л., Некипелова Д.В. Развитие и совершенствование системы долговременного ухода в России // Журнал НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко. – 2024. – Т. 32. – № 7. – С. 652–658. doi: 10.32687/0869-866X-2024-32-s1-652-658
17. Wählin C, Stigmar K, Nilsing Strid E. A systematic review of work interventions to promote safe patient handling and movement in the healthcare sector. *Int J Occup Saf Ergon.* 2022;28(4):2520–2532. doi:10.1080/10803548.2021.2007660

HYGIENIC ASPECTS OF ADAPTATION OF THE BARRIER ENVIRONMENT FOR LOW-MOBILITY GROUPS OF THE OLDER GENERATION IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM

Pleshcheva T.N., Karakchiev D.A., Bashirova N.

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of the Russian

The article examines the hygienic aspects of adapting the barrier environment for low-mobility groups of older age groups in the context of the social security system. The analysis of medical and social factors influencing accessibility of the environment for the elderly and disabled is carried out. The necessity of an integrated approach, including sanitary and hygienic requirements, organizational solutions and social integration, is substantiated. The directions of improving the barrier environment in social service and healthcare institutions are proposed.

Keywords: hygienic requirements, low-mobility groups of the population, the older generation, hygienic requirements, social security, accessibility of medical care, the elderly.

References

1. Pleshchev I.E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Preobrazhenskiy Ya.I., Gridin L.A., Shkrebko A.N., Tsoller M.V. The effect of exercise and nutritional support on elderly and senile patients with sarcopenic obesity. *Acta Biomedica Scientifica.* 2024;9(3). Pp. 14–25. <https://doi.org/10.29413/ABS.2024-9.3.2>
2. People above working age account for 56% of persons with disabilities in Russia [Electronic resource] // Demoscope Weekly. – 2025. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom03.php> (accessed: 25.07.2026).
3. Chukavina A.V., Vyskochkov V.S., Tufilin D.S., Solomyanik I.A., Tkacheva O.N., Kobyakova O.S. Barriers to accessibility and organizational barriers to health care for older people. *Russian Journal of Geriatric Medicine.* 2024;(4). Pp. 296–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.37586/2686-8636-4-2024-296-304>
4. Rudnicka E, Napierała P, Podfigurna A, Męczekalski B, Smolarczyk R, Grymowicz M. The World Health Organization (WHO) approach to healthy ageing. *Maturitas.* 2020;139. Pp. 6–11. doi:10.1016/j.maturitas.2020.05.018
5. Mukharyamova L.M., Savelyeva Zh.V. Accessibility and Equity of Health Care for the Elderly (in Assessments of the Population and Experts) // Sociological Studies. – 2019. – No. 9. – Pp. 136–145. – DOI: 10.31857/S013216250006663-2.
6. Barsukov V.N. Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of the Problem of Intergenerational Communications // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* – 2018. – Vol. 11. – No. 5. – Pp. 214–230.
7. Błachnio A, Buliński L. Wellbeing and older adults in primary health care in Poland. *Ann Agric Environ Med.* 2019;26(1). Pp. 55–61. doi:10.26444/aaem/85711
8. Selezneva E.V., Sinyavskaya, O.V., Gorvat E.S. Integration of medical and social services for the elderly in Russia: Successes and barriers // *Public Administration Issues.* 2022. No. 1. pp. 148–169 (in Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169.
9. SanPiN 2.1.2.2564–09. Hygienic requirements for the placement, arrangement, equipment, maintenance, sanitary-hygienic and anti-epidemic regimen of health care and social service organizations intended for the residence of elderly persons and disabled persons: sanitary-epidemiological rules and regulations: Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 23.11.2009 No. 71 [Electronic resource]. – Effective from 01.03.2010. – URL: <https://base.garant.ru/12172537/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed: 25.07.2026).
10. Valaitis R, Cleghorn L, Ploeg J, et al. Disconnected relationships between primary care and community-based health and social services and system navigation for older adults: a qualitative descriptive study. *BMC Fam Pract.* 2020;21(1):69. Published 2020 Apr 23. doi:10.1186/s12875-020-01143-8
11. Order of the Government of the Russian Federation dated 07.04.2025 No. 830-r «On approval of the Strategy of actions in the interests of citizens of the older generation in the Russian Federation until 2030» [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503080/9c-32414cf8f6528093a1c946aece33f07e9642a2/ (accessed: 26.07.2026).
12. Shutov D.V., Makarova M.R. Accessibility of the home environment for low-mobility groups of the population // *Medical Rehabilitation.* – 2017. – No. 11 (140). – Pp. 61–66.
13. Pleshchev I.E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Shkrebko A.N., Pleshcheva T.N., Birg A.B., Xinliang Z., Grekov D.A. The efficacy of nutritional support and its role in the treatment of persons with sarcopenia. *Patient-Oriented Medicine and Pharmacy.* 2023;1(1). Pp. 12–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.37489/2949-1924-0003>
14. Girich M.G. Approaches to the implementation of the long-term care system for elderly citizens and persons with disabilities // *Economics of Labour.* – 2023. – No. 10. – P. 1125–1136.
15. SP 59.13330.2020. Accessibility of buildings and structures for low-mobility groups of population: set of rules. – Effective from 01.07.2021. – Moscow: Ministry of Construction of the Russian Federation, 2020. – 120 p.
16. Safonov A.L., Nekipelova D.V. DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF THE LONG-TERM CARE SYSTEM IN RUSSIA // *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine.* – 24. – Vol. 32. – N. 7. – P. 652–658. doi: 10.32687/0869-866X-2024-32-s1-652-658
17. Wählin C, Stigmar K, Nilsing Strid E. A systematic review of work interventions to promote safe patient handling and movement in the healthcare sector. *Int J Occup Saf Ergon.* 2022; 28(4). Pp. 2520–2532. doi:10.1080/10803548.2021.2007660

Массовая миграция в Европу и изменение этноконфессионального состава населения

Соблиров Хасан Хажмуридович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Частное образовательное учреждение высшего образования «Научно-исследовательский медицинский институт „Астра-сфера“» (ЧОУ ВО «НИМИАС»)
E-mail: hasansoblirov@mail.ru

Кушхова Анежа Фёдоровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: Aneja2380@inbox.ru

Чемаев Назир Азретович,

кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: nazir-che@mail.ru

В статье анализируется трансформация этноконфессиональной структуры населения стран Европейского союза в период с 2015 по 2026 год. На материалах Евростата, Frontex, Агентства ЕС по вопросам убежища, статистических ведомств Германии и Бельгии, а также проекционных расчётов Pew Research Center показано, что с 2023 года внешний миграционный приток в ЕС устойчиво сокращается, тогда как изменение состава населения продолжается прежними темпами. Авторы объясняют это расхождение тем, что механизм трансформации сместился от пограничного к внутридемографическому: определяющую роль играют возрастная структура и уровень рождаемости уже сформировавшихся сообществ. Прослежена смена объяснительных моделей – от «плавильного котла» и мультикультурализма к теории сегментированной ассимиляции и концепции параллельных обществ. Показано, что тезис о линейной зависимости между миграционным давлением и электоральным успехом правых партий эмпирически не подтверждается.

Ключевые слова: миграция, Европейский союз, этноконфессиональный состав, второе поколение, сегментированная ассимиляция, параллельные общества, секьюритизация, Пакт о миграции и убежище.

Введение

Массовая миграция последних десятилетий перестроила этноконфессиональный состав населения европейского континента. Само сочетание полиэтничности и государственности при этом не является исторической новацией: как напоминает М.О. Мнацаканян, практически все государства Востока и Запада исторически складывались как многонародные образования, а способ производства во многом задавал характер внешней политики и направление принудительных перемещений людей [1]. Новизну нынешнего этапа составляют не сам факт неоднородности, а темпы её нарастания, институциональная рамка ЕС, в которой этот процесс разворачивается, и объём фиксируемых статистикой изменений за исторически короткий срок.

К 2026 году исследовательская ситуация в этой области характеризуется определённым парадоксом. С одной стороны, накоплен обширный материал о миграционном кризисе 2015–2016 годов и его политических следствиях, включая коллективные работы Института Европы РАН [16]. С другой стороны, в 2024–2026 годах количественные параметры притока изменились настолько существенно, что значительная часть выводов, сформулированных на материале второй половины 2010-х годов, нуждается в пересмотре. Публицистика и часть академической литературы продолжают исходить из презумпции безостановочно нарастающего потока, тогда как статистика фиксирует третий год снижения.

Цель работы – установить соотношение между количественными параметрами миграционного притока в ЕС в 2015–2026 годах и трансформацией этноконфессиональной структуры населения, а также оценить, каким образом эта трансформация конвертируется в изменение партийно-политического ландшафта.

Научная новизна исследования состоит в трёх положениях. Во-первых, предложена периодизация, выделяющая внутри принято рассматриваемого как единый «миграционного кризиса» самостоятельную фазу 2023–2026 годов со сменой знака динамики. Во-вторых, обосновано смещение ведущего механизма этноконфессиональных изменений с внешнего притока на внутреннюю демографическую динамику сообществ второго и третьего поколений, что имеет прямые следствия для оценки результативности пограничных

мер. В-третьих, на сопоставительном материале выборов и референдумов 2025–2026 годов подвергнут проверке и отвергнут тезис о линейной связи между миграционным давлением и электро-ральным успехом правых партий – тезис, доминирующий как в публицистике, так и в части исследовательской литературы.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу составили пять групп источников. Первую образуют статистические ряды Евростата о численности иностранного и иностранно-рождённого населения государств-членов (наборы данных *migr_por1ctz* и *migr_por3ctb*), позволяющие сопоставлять состав населения по признакам гражданства и страны рождения. Вторую – оперативные данные Frontex о выявлении незаконных пересечений внешней границы, третью – годовые отчёты Агентства ЕС по вопросам убежища (EUAA). Четвёртая группа представлена материалами национальных статистических ведомств: Федерального статистического ведомства Германии (Destatis) и Национального статистического бюро Бельгии (Statbel). Пятую составляют проекционные расчёты Pew Research Center и нормативные документы ЕС – Шенгенский кодекс о границах, Пакт о миграции и убежище 2024 года, регламент о возвращении граждан третьих стран 2026 года.

Выбор Германии и Бельгии в качестве основных кейсов определялся двумя различными критериями. Германия представляет случай максимального абсолютного масштаба: на неё приходится наибольшее в ЕС число как неграждан, так и уроженцев третьих стран, а статистика Destatis располагает редким для Европы инструментом – учётом лиц с миграционными корнями с разделением на поколения, что прямо отвечает задачам исследования. Брюссельский столичный регион Бельгии выбран как предельный урбанистический случай, где смена этнического состава зашла дальше, чем в любой другой столице ЕС, и где младшие возрастные когорты позволяют наблюдать процесс в опережающем режиме. Великобритания привлекается ограниченно и в специфической функции – как контрастный случай государства, вышедшего из правового поля ЕС, но сохраняющего сходную демографическую динамику; это позволяет проверить, в какой мере наблюдаемые изменения зависят от институциональной рамки Союза, а не от универсальных демографических механизмов.

Соотнесение проекционных сценариев Pew Research Center с официальной статистикой требует оговорки. Данные Евростата и национальных ведомств фиксируют состоявшееся состояние по операционализируемым признакам (гражданство, страна рождения, миграционное происхождение), тогда как расчёты Pew оперируют религиозной самоидентификацией и носят сценарный

характер. Прямое суммирование этих величин недопустимо; в работе они используются отдельно – статистика для описания фактического состава, сценарии для оценки направления и чувствительности процесса к изменению миграционного компонента.

Применялись историко-сравнительный метод, статистический анализ динамических рядов и элементы контент-анализа нормативных документов институтов ЕС и партийных платформ. Теоретической рамкой служат мир-системный подход, объясняющий устойчивость миграционного давления через структурное неравенство центра и периферии, теория сегментированной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу и концепция параллельных обществ.

Второй теоретический блок связан с моделями интеграции. Концепция «плавления котла», восходящая к Р. Парку и М. Гордону [4], предполагала неизбежное растворение групповых различий, а теория Ч. Дункана описывала этот процесс как поколенческую последовательность: экономическое вхождение первого поколения, культурное освоение второго, полная ассимиляция и межэтническое смешение третьего [5]. Уже в 1970-е годы устойчивость этнических различий заставила исследователей отказаться от этой схемы в пользу мультикультурализма, определённого Н. Глейзером как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре»; впоследствии он же констатировал, что вытеснение ассимиляции мультикультурализмом создало проблемы для национального единства и образования [8]. Наиболее адекватной европейскому материалу мы считаем теорию сегментированной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу, выделившую три расходящиеся траектории: интеграцию в средний класс, нисходящую мобильность в состав городской бедноты и экономический прогресс, сопряжённый с укреплением этнического сообщества, сохраняющего традиции и ценности общины [6]. В отечественной литературе эта модель определяется как учитывающая индивидуальные и контекстуальные факторы – образование, знание языка, возраст, расовый статус, социально-экономическое положение семьи – и позволяющая установить, в каком именно сегменте принимающего общества интегрируется конкретная группа [7]. Преимущество этой рамки состоит в том, что она объясняет одновременное существование в одних и тех же европейских городах успешной профессиональной интеграции и устойчивой анклавизации, тогда как и «плавление котёл», и мультикультурализм требуют выбора одного из двух исходов.

Третье понятие – параллельные общества. Под параллельным обществом мы понимаем территориально локализованное сообщество, воспроиз-

водящее полный набор социальных функций (занятость, образование, разрешение споров, социальный контроль) собственными институтами при минимальном обращении к институтам принимающего государства, причём такая замкнутость сохраняется и во втором-третьем поколениях, то есть не объясняется адаптационными трудностями недавних прибытий. Именно этот критерий поколенческой устойчивости отличает параллельное общество от обычного иммигрантского квартала. Отечественные исследователи фиксируют для таких сообществ, особенно мусульманских, уход от внешней среды и концентрацию в анклавах, отказ от интеграции в гражданское общество, создание параллельных органов власти [19], а сохранение культурных кодов и тесных связей со страной происхождения дополнительно стимулирует приток с родины и препятствует ассимиляции диаспоры [20]. Применительно к Швеции показано, что рост числа беженцев с Балкан, Ближнего Востока и из Африки превратил страну в одного из лидеров ЕС по темпам увеличения численности мусульман, а трудности адаптации инокультурных мигрантов ведут к их социальной, культурной и географической изоляции и формированию параллельных мигрантских сообществ [18].

Для Европейского союза 2015 год стал поворотным и официально считается началом миграционного кризиса. Отмена пограничного контроля на внутренних границах в рамках Шенгенского соглашения означала, что достаточно проникнуть в любое государство ЕС, чтобы затем беспрепятственно передвигаться по территории Союза [10]. 25 августа 2015 года Федеральное ведомство ФРГ по вопросам миграции и беженцев объявило о приёме сирийцев без дополнительных проверок, а 31 августа федеральный канцлер А. Меркель произнесла на пресс-конференции формулу «Wir schaffen das». Эти слова были восприняты как приглашение, обращённое к людям по всему миру, и во многом определили масштаб последовавшего притока; в городах ФРГ проходили акции с приветствиями беженцев, ряд изданий выходил с заголовками «Refugees welcome».

Неконтролируемый приток породил в странах-реципиентах комплекс проблем: непредвиденные бюджетные расходы, трудности социальной и политической адаптации прибывших, рост межэтнической напряжённости. Ответной реакцией стало распространение ксенофобских настроений и укрепление правых партий, что объективно ослабляет наднациональные механизмы Союза. Существенно, что значительная часть решений в миграционной сфере принимается не национальными правительствами, а институтами ЕС: как отмечает В.С. Малахов, с увеличением глобальной взаимозависимости девальвируется как экономический, так и политический суверенитет [11]. Обратная сторона того же процесса описана А. Хайнеман-

Грюдером: одной из причин актуальности отставания прав меньшинствами является недоверие к национальной гомогенизации и сомнение в эффективности либерализма [12]. Конфликт развивается, таким образом, сразу по двум осям – между Брюсселем и национальными столицами и между принимающим большинством и организованными меньшинствами.

Итоги политики ЕС противоречивы. Предложенный Еврокомиссией в сентябре 2020 года Новый пакт о миграции и убежище был на встрече в Брюсселе фактически отклонён странами Висшеградской группы, продемонстрировавшими нежелание принимать нелегальных иммигрантов с Ближнего Востока; критическую позицию заняли и международные правозащитные организации, но по прямо противоположным основаниям. Наиболее наглядно неспособность наднациональных органов справиться с кризисом проявилась в Италии, где власти, утратив веру в солидарные усилия, ещё осенью 2018 года в одностороннем порядке приняли «закон о безопасности», изменивший правила предоставления убежища, расширивший перечень оснований для отказа в статусе беженца и скорректировавший порядок содержания мигрантов в центрах приёма [13].

В ноябре 2023 года четырнадцать стран ЕС восстановили контроль на внутренних границах на сроки от месяца до полугода, опираясь на статьи 25 и 30 Шенгенского кодекса, допускающие такую меру как крайнюю и лишь на строго необходимый период. Ранее к этому положению прибегали в связи с крупными саммитами и спортивными соревнованиями, в период кризиса 2015–2016 годов и пандемии коронавируса. Мотивировкой послужили интенсификация притока, давление на систему предоставления убежища, рост вторичных перемещений соискателей, нелегальной миграции и торговли людьми, а также риск проникновения террористов [14].

На 1 января 2021 года в государствах – членах ЕС проживало 23,7 млн граждан стран, не входящих в Союз (5,3% населения), и 13,7 млн граждан других государств-членов; наибольшее число неграждан фиксировалось в Германии, Испании, Франции и Италии – суммарно 70,3% всех неграждан Союза [15].

Актуальный срез показывает масштаб произошедших сдвигов. По данным Евростата, на 1 января 2025 года в 27 странах ЕС проживали 450,6 млн человек, из которых 46,7 млн (10,4%) родились за пределами Союза и 18,0 млн (4,0%) – в другом государстве-члене; за год численность уроженцев третьих стран выросла на 1,9 млн человек. По признаку гражданства картина близка: 30,6 млн жителей (6,8%) – граждане третьих стран, 14,1 млн (3,1%) – граждане других стран-членов [21]. За четыре года число граждан третьих стран увеличилось почти на треть. Прирост такого темпа бес-

прецедентен для мирного времени, однако в значительной мере обеспечен гражданами Украины, получившими временную защиту в рамках Директивы 2001/55/ЕС, – обстоятельство, которое обычно упускают при интерпретации этих цифр как результата притока с Юга.

Распределение притока внутри Союза остаётся крайне неравномерным (таблица 1). На Германию, Францию, Испанию и Италию приходится две трети всех уроженцев третьих стран, тогда как Польша, Румыния, Болгария и Словакия – государства, последовательно отвергавшие квотное распределение, – сохраняют долю лиц иностранного происхождения в несколько процентов. Расхождение позиций в Совете ЕС – не столько идеологический феномен, сколько отражение объективно несопоставимого положения стран, часть которых за десятилетие изменила состав населения на пятую часть, а часть не изменила практически.

Крупнейшими группами граждан третьих стран на начало 2025 года были украинцы, турки и марокканцы. Медианный возраст уроженцев зарубежных стран составил 43,1 года против 45,2 года у уроженцев страны проживания [21], однако за близкими медианами скрываются существенно различающиеся возрастные пирамиды: у мигрантов заметно выше доля лиц активного репродуктивного возраста, что обеспечивает мультипликативный эффект в последующих поколениях.

С 2024 года динамика притока меняет знак (таблица 2). По данным Frontex, в 2025 году зафиксировано около 178 тыс. выявлений незаконных пересечений – на 26% меньше, чем годом ранее, и минимум с 2021 года [22]; в первые четыре месяца 2026 года снижение продолжилось: 28,5 тыс. выявлений, на 40% ниже сопоставимого периода [23]. Давление не исчезает, а перераспределяется между коридорами. Аналогичный перелом фиксирует статистика убежища: в 2025 году подано около 822 тыс. ходатайств – на 19% меньше, причём три четверти сокращения дают сирийцы после смены режима в декабре 2024 года, что указывает на решающую роль внешнего события, не контролируемого Брюсселем [24].

Институциональной рамкой поворота стали Пакт о миграции и убежище 2024 года [28] и регламент о возвращении, одобренный Европарламентом в июне 2026 года и вводящий взаимное признание решений о высылке всеми 27 государствами [29]. О.Ю. Потемкина связывает эти новации с приоритетом внешнего измерения миграционной политики [32], а О.Е. Трофимова указывает на их парадоксальность: рестриктивный поворот совпадает со структурной потребностью стареющих экономик в рабочей силе [31] – противоречие, которое в монографии ИЕ РАН сформулировано как попытка соединить несовместимое [16].

Германская статистика наглядно подтверждает центральный тезис. В 2025 году миграционные

корни имели 21,8 млн жителей ФРГ (26,3%), из них 5,4 млн – рождённые в стране дети двух иммигрантов [25]. При этом приток замедлился более чем втрое – с 888 тыс. в среднем за 2021–2024 годы до 281 тыс. в 2025-м, – тогда как доля населения с миграционными корнями продолжила расти на прежние 0,5 процентного пункта в год: прирост воспроизводится за счёт рождений во втором поколении и убыли старших когорт без миграционных корней.

Возрастной профиль подтверждает устойчивость этого механизма: по данным Destatis за 2022 год, миграционное происхождение имели 41% жителей ФРГ младше 15 лет, 36% в возрасте 15–49 лет и лишь 19% в возрасте 50 лет и старше [17]. Такая конфигурация обладает значительной демографической инерцией: даже при нулевом сальдо миграции доля населения с миграционными корнями продолжит увеличиваться в течение нескольких десятилетий по мере естественного замещения когорт.

Брюссельский столичный регион демонстрирует ту же логику в предельном выражении. По данным Statbel, около 40,8% его жителей – бельгийцы иностранного происхождения и ещё 37,2% – иностранные граждане, то есть доля населения бельгийского происхождения составляет порядка одной пятой, а в детских и подростковых возрастах она существенно ниже [26]. Брюссель важен для анализа именно тем, что здесь опережающая смена состава младших когорт уже произошла, и наблюдать её последствия можно не в проекции, а в текущей социальной статистике.

Великобритания, привлекаемая как контрастный случай, показывает независимость описанного механизма от институциональной рамки ЕС. Выход из Союза изменил правовой режим въезда, но не устранил ни поколенческую динамику, ни связанную с ней трансформацию конфессионального состава: по данным переписи 2021 года в Англии и Уэльсе проживало около 3,9 млн мусульман (6,5% населения), сосредоточенных преимущественно в Лондоне, Бирмингеме и Манчестере, а по итогам выборов 2024 года в Палату общин прошло рекордное число депутатов-мусульман [33]. Это наблюдение существенно для оценки перспектив политики ЕС: инструменты пограничного и процедурного характера, сколь бы жёсткими они ни были, воздействуют на приток, но не на внутренний контур изменений.

Изменение этнических параметров влечёт изменение конфессионального состава. По оценкам Pew Research Center, доля мусульман в населении Европы составляла около 4,9%; проекция до 2050 года выполнена в трёх сценариях. При гипотетическом полном прекращении миграции показатель вырастает до 7,4% – исключительно за счёт возрастной структуры и уровня рождаемости; при среднем сценарии он достигает 11,2%,

при высоком – 14%. По отдельным странам высокий сценарий даёт 30,6% для Швеции, 19,9% для Австрии, 19,7% для Германии, 18,2% для Бельгии и 18,0% для Франции [27].

Наиболее информативен здесь именно нулевой сценарий, обычно остающийся за рамками публичной дискуссии. Он даёт прирост в 2,5 процентного пункта при полном прекращении въезда, то есть примерно половину прироста среднего сценария, и тем самым независимо от германских и бельгийских данных подтверждает сформулированный выше вывод: значительная часть будущих изменений уже заложена в существующей возрастной структуре и не зависит от решений в области пограничного контроля.

В ряде европейских стран позиции правых и правопопулистских сил заметно укрепились. Во Франции «Национальное объединение» стабильно лидирует в опросах, называя миграционный кризис главной проблемой страны; в Германии «Альтернатива для Германии» в течение 2026 года держалась на уровне, сопоставимом с показателями блока ХДС/ХСС; в Великобритании лидирует Reform UK. Правые силы пришли к власти в Словакии и Чехии – государствах, которые, как и Польша, практически не допустили на свою территорию мигрантов из стран Третьего мира. Последнее обстоятельство само по себе указывает на нелинейность связи: наиболее выраженный электоральный успех рестриктивной повестки достигнут там, где фактическое миграционное присутствие минимально, что заставляет искать объяснение не в прямом контакте с мигрантами, а в опережающем восприятии угрозы и в конфликте с наднациональными институтами.

Проверка тезиса о линейной зависимости на материале 2025–2026 годов даёт отрицательный результат. На парламентских выборах в Нидерландах в октябре 2025 года Партия свободы Г. Вилдерса утратила лидерство, уступив леволиберальной D66, – при том что миграционная повестка оставалась центральной темой кампании. На референдуме 14 июня 2026 года граждане Швейцарии отклонили инициативу Швейцарской народной партии об ограничении численности населения десятью миллионами: против высказались около 55% при явке 57,7% [30]. Одновременно рестриктивная повестка перехватывается системными партиями – от датской социал-демократической модели ограничений до общеевропейского регламента о возвращении, принятого широкой коалицией в Европарламенте. Точнее поэтому говорить не о победе правых как политической силы, а о смещении всего спектра ЕС к рестриктивной модели при обострившейся конкуренции за авторство этой политики; для самих правых партий такой перехват повестки означает утрату монополии на тему и объясняет их пораже-

ния там, где системные партии успели предложить сопоставимую программу.

Первое ограничение связано с характером источников за 2025–2026 годы. Данные Frontex, EUAA, Destatis и Statbel опубликованы в форме пресс-релизов и предварительных консолидированных оценок и подлежат последующему уточнению; значения за 2023–2024 годы в таблице 2 приведены округлённо и частично получены расчётным путём из указанных ведомствами относительных изменений. Кроме того, показатель выявления незаконных пересечений фиксирует события, а не лиц: одно и то же лицо может быть зафиксировано неоднократно, что исключает его прямую интерпретацию как численности прибывших.

Второе ограничение касается несопоставимости учётных категорий. «Иностранное гражданство», «страна рождения» и «миграционное происхождение» операционализируются в национальных статистиках по-разному, а религиозная принадлежность в большинстве стран ЕС не фиксируется официально, что делает конфессиональные оценки расчётными и чувствительными к методике.

Третье и наиболее существенное ограничение относится к центральному тезису работы. Он основан на агрегированном уровне – через расхождение темпов притока и темпов изменения состава населения, возрастную структуру когорт и нулевой сценарий Pew, – но не проверен на индивидуальном уровне. Полная верификация требует анализа микроданных о занятости, образовательных достижениях, доле межэтнических браков и религиозной самоидентификации в разрезе поколений (в частности, на массивах EU-SILC и национальных панельных обследований), что составляет предмет отдельного исследования.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать три вывода. Первый: внутри принято рассматриваемого как единое целое миграционного кризиса выделяется самостоятельная фаза, начавшаяся в 2023 году, – сокращение выявлений незаконных пересечений внешней границы более чем вдвое и снижение числа ходатайств о защите на пятую часть за один год. Второй: это сокращение не сопровождается замедлением этноконфессиональных изменений, поскольку определяющую роль в них играет уже не въезд новых мигрантов, а возрастная структура и рождаемость сформировавшихся сообществ; германские данные, в которых трёхкратное замедление притока совпало с прежним темпом роста доли населения с миграционными корнями, и нулевой сценарий Pew Research Center дают этому независимые подтверждения. Практическое следствие состоит в том, что результативность миграционной политики ЕС не может оцениваться по по-

граничным индикаторам: инструменты, к которым Союз обратился в Пакте 2024 года и регламенте о возвращении 2026 года, воздействуют на приток, но не на внутренний контур изменений. Третий вывод: тезис о линейной связи между миграционным давлением и электоральным успехом правых партий эмпирически несостоятелен – нидерландские выборы 2025 года и швейцарский референдум 2026 года демонстрируют обратные исходы, а наибольший успех рестриктивной повестки достигнут в странах с минимальным миграционным присутствием.

Из этого вытекает прогноз, поддающийся проверке в течение ближайшего десятилетия. Даже при сохранении нисходящей динамики притока доля населения с миграционными корнями в Германии, Австрии, Швеции и Бельгии продолжит расти, а различие между странами ЕС по этому показателю будет увеличиваться, поскольку государства Центральной и Восточной Европы в процессе фактически не участвуют. Соответственно, конфликтный потенциал будет смещаться с внешней границы Союза внутрь – в плоскость отношений между принимающим большинством и организованными сообществами второго-третьего поколений, а также в плоскость противоречий между странами с несопоставимой демографической структурой. Основной задачей европейской политики становится не регулирование въезда, уже поставленное под контроль, а работа с последствиями состоявшихся изменений, для которой ни концепция плавильного котла, ни мультикультурализм адекватного инструментария не предлагают.

Литература

1. Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: Анкил, 2009. С. 133.
2. Wallerstein I. The Modern World-System I: Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy, 1600–1750. New York: Academic Press, 1980.
3. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466.
4. Park R. Race and Culture. Glencoe (IL): Free Press, 1950; Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964.
5. Duncan H.G. Immigration and Assimilation. Boston; New York, 2011.
6. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. P. 74–98.
7. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // *Вестник Института социологии*. 2017. Т. 8, № 4. С. 45–65.
8. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1997.
9. Degler C.N. Out of Our Past: The Forces That Shaped Modern America. New York: Harper & Row, 1959; цит. по изд.: New York: Harper Perennial, 1983. P. 143.
10. Миграционная политика ЕС в XXI веке: проблемы и перспективы. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2017. С. 78.
11. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 304.
12. Хайнеман-Грюдер А. Этнический федерализм в сравнительном ракурсе // *Федерализм и этническое разнообразие в России: сб. ст.* М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 204.
13. Шумилов М. М., Шмидт О.И. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // *Управленческое консультирование*. 2023. № 8. С. 9–23.
14. Биссон Л. С., Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: версия 2.0? // *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2023. Вып. IV, № 33 (330). С. 82–88.
15. Eurostat. Migration and migrant population statistics: dataset migr_pop1ctz. Population on 1 January 2021 by citizenship. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_pop1ctz (дата обращения: 16.02.2024).
16. Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе = Ethnicity, Migration and Electoral Processes in Contemporary Europe: монография / Л.О. Бабынина, Л.С. Биссон, О.Ю. Потемкина и др. М.: Ин-т Европы РАН, 2024. 132 с. С. 19.
17. Statistisches Bundesamt (Destatis). Bevölkerung mit Migrationshintergrund nach Altersgruppen 2022: Ergebnisse des Mikrozensus. Wiesbaden, 2023.
18. Агафшин М. М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 2. С. 84–99.
19. Фитуни Л. Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // *Современная Европа*. 2017. № 4 (76). С. 5–16.
20. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. С. 259–260.
21. Eurostat. EU population diversity by citizenship and country of birth: Statistics Explained; dataset migr_pop3ctb. Data extracted 02.02.2026. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_population_diversity_by_

- citizenship_and_country_of_birth (дата обращения: 03.08.2026).
22. Frontex. Irregular border crossings down 26% in 2025, Europe must stay prepared: news release. Warsaw, 2026. URL: <https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/> (дата обращения: 03.08.2026).
 23. Frontex. Irregular border crossings into the EU down 40% in the first four months of 2026: news release. Warsaw, 2026.
 24. European Union Agency for Asylum (EUA). Asylum Report 2026. Valletta: EUA, 2026.
 25. Statistisches Bundesamt (Destatis). Pressemitteilung Nr. 128 vom 13.04.2026: 26,3% der Bevölkerung in Deutschland mit Einwanderungsgeschichte. Wiesbaden, 2026.
 26. Statbel. Structure of the population by origin, 1 January 2025. Bruxelles: Statistics Belgium, 2025.
 27. Pew Research Center. Europe's Growing Muslim Population. Washington, 2017.
 28. Pact on Migration and Asylum // Official Journal of the European Union. L series. 22.05.2024.
 29. European Parliament. New EU system for return of illegally staying third-country nationals: press release, 11.06.2026. Brussels, 2026.
 30. Bundesamt für Statistik. Ergebnisse der eidgenössischen Volksabstimmung vom 14. Juni 2026. Neuchâtel, 2026.
 31. Трофимова О.Е. Парадоксы миграционных процессов в ЕС в условиях меняющегося миропорядка // Современная Европа. 2025. № 7. С. 176–188.
 32. Потемкина О.Ю. Новые тенденции внешне-го измерения политики миграции и убежища ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 5.
 33. Office for National Statistics. Religion, England and Wales: Census 2021. London: ONS, 2022; House of Commons Library. Social background of Members of Parliament 1979–2024. London, 2024.

MASS MIGRATION TO EUROPE AND THE CHANGING ETHNO-CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION

Soblirov Kh.Kh., Kushkhova A.F., Chemaev N.A.

"Research Medical Institute 'Astra-Sfera', Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article analyses the transformation of the ethno-confessional structure of the population of the European Union between 2015 and 2026. Using data from Eurostat, Frontex, the European Union Agency for Asylum, the statistical offices of Germany and Belgium, and projections by the Pew Research Center, the authors show that external migration inflows into the EU have been declining steadily since 2023, while the compositional change of the population continues at its previous pace. This divergence is explained by a shift in the underlying mechanism from the border to internal demography: age structure and fertility of already established communities now play the decisive role. The article traces the succession of explanatory models – from the melting pot and multiculturalism to segmented assimilation theory and the concept of parallel societies – and demonstrates that the assumption of a linear relationship between

migratory pressure and the electoral success of right-wing parties is not supported empirically.

Keywords: migration, European Union, ethno-confessional composition, second generation, segmented assimilation, parallel societies, securitisation, Pact on Migration and Asylum.

References

1. Mnatsakanyan M.O. Natsionalizm i globalizm. Natsional'naya zhizn' v sovremennom mire [Nationalism and Globalism. National Life in the Contemporary World]. Moscow: Ankil, 2009. P. 133.
2. Wallerstein I. The Modern World-System I. New York: Academic Press, 1980.
3. Massey D. S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review, 1993, vol. 19, No. 3, pp. 431–466.
4. Park R. Race and Culture. Glencoe (IL): Free Press, 1950; Gordon M. Assimilation in American Life. New York: Oxford University Press, 1964.
5. Duncan H.G. Immigration and Assimilation. Boston; New York, 2011.
6. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. The Annals of the AAPSS, 1993, vol. 530, pp. 74–98.
7. Endryushko A.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu adaptatsii migrantov v prinyimayushchem obshchestve: zarubezhnyi opyt. Vestnik Instituta sotsiologii, 2017, vol. 8, No. 4, pp. 45–65.
8. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1997.
9. Degler C.N. Out of Our Past: The Forces That Shaped Modern America. New York: Harper & Row, 1959.
10. Migratsionnaya politika ES v XXI veke: problemy i perspektivy. Ekaterinburg: Ural University Press, 2017. P. 78.
11. Malakhov V.S. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. Moscow: KDU, 2005. P. 304.
12. Heinemann-Grüder A. Etnicheskiy federalizm v sravnitel'nom razreze. In: Federalizm i etnicheskoe raznoobrazie v Rossii. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 204.
13. Shumilov M. M., Shmidt O.I. Migratsionnyi krizis kak narastayushchaya ugroza evropeiskoi bezopasnosti (2015–2023). Up-ravlencheskoe konsul'tirovanie, 2023, No. 8, pp. 9–23.
14. Bisson L. S., Potemkina O. Yu. Migratsionnyi krizis v ES: versiya 2.0? Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN, 2023, iss. IV, No. 33 (330), pp. 82–88.
15. Eurostat. Migration and Migrant Population Statistics: dataset migr_pop1ctz. 2021.
16. Babynina L. O. et al. Etnichnost', migratsionnye i elektoral'nye protsessy v sovremennoi Evrope. Moscow: Institute of Europe RAS, 2024. 132 p.
17. Statistisches Bundesamt. Bevölkerung mit Migrationshintergrund nach Altersgruppen 2022. Wiesbaden, 2023.
18. Agafoshin M. M., Gorokhov S.A. Vliyaniye vnesheinei migratsii na formirovaniye konfessional'noi struktury naseleniya Shvetsii. Baltiiskii region, 2020, vol. 12, No. 2, pp. 84–99.
19. Fituni L. L., Abramova I.O. Fenomen "vostochnogo obshchestva" v sovremennoi Evrope: paradigm, vyzovy, prognozy. Sovremennaya Evropa, 2017, No. 4 (76), pp. 5–16.
20. Sarrazin T. Germaniya: samolikvidatsiya. Moscow: Read Group, 2012. Pp. 259–260.
21. Eurostat. EU Population Diversity by Citizenship and Country of Birth. Statistics Explained, 2026.
22. Frontex. Irregular Border Crossings Down 26% in 2025. Warsaw, 2026.
23. Frontex. Irregular Border Crossings into the EU Down 40% in the First Four Months of 2026. Warsaw, 2026.
24. EUA. Asylum Report 2026. Valletta, 2026.
25. Statistisches Bundesamt. Pressemitteilung Nr. 128/2026. Wiesbaden, 2026.
26. Statbel. Structure of the Population by Origin, 1 January 2025. Brussels, 2025.
27. Pew Research Center. Europe's Growing Muslim Population. Washington, 2017.

28. Pact on Migration and Asylum. Official Journal of the EU, L series, 22.05.2024.
29. European Parliament. New EU System for Return of Illegally Staying Third-Country Nationals. Brussels, 2026.
30. Bundesamt für Statistik. Ergebnisse der eidgenössischen Volksabstimmung vom 14. Juni 2026. Neuchâtel, 2026.
31. Trofimova O.E. Paradoxy migratsionnykh protsessov v ES v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka. Sovremennaya Evropa, 2025, No. 7, pp. 176–188.
32. Potemkina O. Yu. Novye tendentsii vneshnego izmereniya politiki migratsii i ubezhishcha ES. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2025, vol. 69, No. 5.
33. Office for National Statistics. Religion, England and Wales: Census 2021. London, 2022; House of Commons Library. Social Background of Members of Parliament 1979–2024. London, 2024.

Межкультурное конструирование национального образа в эпоху цифрового интеллекта: исследование повышения эффективности внешней коммуникации ведущих средств массовой информации Синьцзяна

Цзян Юань,

аспирант, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1173628093@qq.com

Цифровая эпоха меняет глобальную коммуникацию и логику конструирования имиджа государства. Технологии (большие данные, алгоритмы, ИИ) переводят распространение информации от однонаправленного к интерактивному, а формирование имиджа – от монолога «самоформирования» к совместному созиданию с участием многих акторов. Синьцзян как форпост открытости Китая на запад возлагает на свои СМИ тройную миссию: поддержка госстратегии, реагирование на международные вызовы и создание региональной составляющей образа Китая. В работе на основе теории межкультурного конструирования проанализированы стратегия, практика и проблемы внешней коммуникации синьцзянских медиа. Показано, что инновации (рубрика InXinjiang с «чужими голосами», многоязычная матрица, короткие видео и мультимедиа) сформировали приграничную модель, но сохраняются системные трудности: слабая интеграция ресурсов, нехватка сегментации аудитории и кадров. Предложены четыре направления повышения эффективности – нарратив, каналы, технологии, оценка – как ориентир для других приграничных регионов.

Ключевые слова: цифровая эпоха; национальный имидж; межкультурное конструирование; основные СМИ Синьцзяна; эффективность внешней коммуникации.

Введение

Цифровые и интеллектуальные технологии трансформируют не только каналы, но и суть коммуникации: от схемы «говорит – слушает» к совместному созиданию смыслов. Национальный имидж теперь не продукт одного субъекта, а динамичный результат взаимодействия многих участников, опосредованный платформами и межкультурным диалогом. Для приграничных регионов это придаёт внешней коммуникации особую стратегическую весомость. Синьцзян, расположенный в центре Евразии, граничит с восемью странами, является ядром экономического пояса Шёлкового пути, но одновременно находится в эпицентре информационного давления – западные силы систематически продвигают ложные нарративы, пытаясь дискредитировать регион.

В академической литературе вопросы участия приграничных СМИ в конструировании имиджа освещены слабо по сравнению с общенациональными медиа. Синьцзян же служит и локальным примером, и площадкой для проверки теорий эффективности. Данная работа как раз восполняет этот пробел, рассматривая позиционирование, практику и барьеры эффективности внешней коммуникации синьцзянских СМИ и предлагая пути их преодоления.

Теоретическое содержание межкультурного конструирования национального образа в эпоху цифрового интеллекта

От «самостоятельного моделирования» к «совместному созданию»: диверсификация субъектов конструирования национального образа

Традиционное формирование национального образа в основном опирается на одностороннее «самостоятельное моделирование» со стороны государства через официальные средства массовой информации, при этом правительство и ведущие СМИ выступают практически единственными субъектами нарратива. Тем не менее появление экосистемы цифровой интеллектуальной коммуникации коренным образом изменило эту ситуацию. Социальные медиаплатформы, приложения коротких видео и механизмы алгоритмических рекомендаций предоставили сотням миллионов обычных пользователей право на участие и выра-

жение мнений в международной коммуникации, сформировав совершенно новую коммуникационную структуру, где три силы – официальный нарратив, народный дискурс и платформенные алгоритмы – взаимодействуют и совместно формируют образ. Данная модель конструирования национального образа с участием разнообразных субъектов способна преодолеть структурные трудности долгосрочной монополии западных ведущих СМИ на право голоса по китайским темам, эффективно устранить идеологические предубеждения и углубить понимание и признание международным сообществом пути развития и культурных ценностей Китая с помощью гибких форм коммуникации, таких как «говорить через других» и «передавать голос через чужие каналы». Применительно к практике Синьцзяна это означает необходимость полноценно мобилизовать разнообразные субъекты, включая иностранных граждан, зарубежных создателей контента, иностранных студентов и трансграничные этнические группы, создать внешнюю коммуникационную матрицу с согласованным резонансом официального нарратива и народного дискурса и сломать стереотипные описания западных медиа с помощью дифференцированных и сегментированных коммуникационных стратегий.

От «межкультурной коммуникации» к «транскультурной коммуникации»: парадигмальное обновление логики нарратива

Традиционные исследования межкультурной коммуникации подразумевают линейную гипотезу односторонней передачи «коммуникатор-аудитория», то есть культурное значение кодируется коммуникатором и декодируется аудиторией, при этом основное внимание уделяется преодолению культурных различий для эффективной передачи информации. Тем не менее коммуникационная практика эпохи цифрового интеллекта показывает, что международная коммуникация больше не является односторонним культурным экспортом, а представляет собой динамический процесс совместного порождения смыслов и совместного конструирования ценностей в ходе непрерывного взаимодействия разнообразных субъектов. Исходя из этого, ученые предложили новую парадигму «транскультурной коммуникации», подчеркивающую, что коммуникация – это динамический процесс согласования смыслов и взаимного конструирования ценностей между разными культурными субъектами на основе равного диалога. Ключевым моментом является достижение взаимодействия двух субъектов и взаимного конструирования культуры: истории о Синьцзяне перестают быть лишь «самовысказыванием» Китая во внешний мир, а получают межкультурную эмоциональную сопричастность и когнитивное признание в двустороннем взаимодействии между Китаем и миром. Это предъясняет более высо-

кие требования к нарративной способности ведущих СМИ Синьцзяна: необходимо не только определять «о чем рассказывать», но и продумывать «кому рассказывать», «как рассказывать» и «как вовлечь аудиторию в совместное повествование», добиться глубокого слияния культурных смыслов в ходе двусторонней коммуникации.

Стратегическая ориентация и цифровая интеллектуальная практика внешней коммуникации ведущих СМИ Синьцзяна

В общей структуре китайской модернизации ведущие средства массовой информации Синьцзяна выступают региональным узлом международной коммуникации, «связующим звеном между Центральным правительством и местностью, обращенным к соседним странам», и несут три взаимосвязанные стратегические миссии.

Первая – обслуживать национальную стратегию открытия на Запад. Как ключевой район Экономического пояса Шелкового пути Синьцзян занимает важное стратегическое положение в комплексной схеме открытия Китая внешнему миру. Ведущие СМИ Синьцзяна должны тесно следовать общему плану национальной стратегии открытия на Запад, активно распространять концепцию соседней внешней политики Китая и практические результаты инициативы «Один пояс, один путь», живо демонстрировать значительные достижения Синьцзяна в возрождении сельской местности, национальном единстве и социально-экономическом развитии и интерпретировать богатое содержание китайской модернизации через региональную практику.

Вторая – активно реагировать на международные опасения по вопросам Синьцзяна. Дела Синьцзяна являются исключительно внутренним делом Китая, но зарубежные антикитайские силы долгое время используют темы Синьцзяна для спекуляций, распространяя ложь и заблуждения о «правах человека», «принудительном труде», «религиозном угнетении» и серьезно наносят ущерб имиджу Синьцзяна и международной репутации Китая. Ведущие СМИ Синьцзяна несут важную миссию разоблачать ложь на основе фактов и правовых норм, целенаправленно руководить ходом международного общественного мнения, вести обоснованную и сдержанную общественно-политическую борьбу и завоевать право голоса и право давать определения по темам Синьцзяна на международной арене.

Третья – системно формировать региональный образ Китая. Синьцзян обладает уникальными природными ландшафтами, богатой и разнообразной национальной культурой, многовековыми историческими ресурсами и является региональным блоком с высокой узнаваемостью и нарратив-

ным потенциалом в спектре национального образа. Ведущие СМИ Синьцзяна должны стремиться интегрировать региональные культурные ресурсы, представлять местные нарративы с пограничными особенностями в рамках единой структуры национального образа, показать достоверный, симпатичный и уважаемый образ Китая через живые и яркие местные истории и превратить Синьцзян в важное окно для распространения китайской культуры и рассказа историй о Китае.

Стратегические пути повышения эффективности внешней коммуникации ведущих СМИ Синьцзяна

Исходя из теоретического содержания межкультурного конструирования национального образа в эпоху цифрового интеллекта, стратегической ориентации и существующих трудностей внешней коммуникации ведущих СМИ Синьцзяна, в данной статье предлагаются системные стратегии повышения эффективности по четырем направлениям: нарративная система, коммуникационные пути, технологическая поддержка и механизм оценки.

(1) Реконструкция нарративной системы: от односторонней трансляции к двустороннему переводу смыслов

Нарратив является ключевой конкурентоспособностью международной коммуникации. Ведущие СМИ Синьцзяна срочно нуждаются в трансформации нарративной перспективы от «официального руководства» к «совместному созданию разнообразными субъектами», расширить круг нарративных субъектов, привлечь иностранных граждан, иностранных студентов, зарубежных соотечественников, трансграничные этнические группы и других субъектов к совместному рассказу историй о Синьцзяне и создать полифоническую коммуникационную структуру официального нарратива и народного дискурса. Одновременно необходимо выйти за рамки поверхностных стереотипных символов, таких как «край песен и танцев» и «край фруктов», глубоко раскрыть дух эпохи, человеческие чувства и логику развития, лежащие в основе историй о Синьцзяне, установить глубокую эмоциональную сопричастность и общность ценностей. Разработать дифференцированные нарративные стратегии для разных культурных кругов: для соседних стран Центральной и Южной Азии укрепить нарративные связи на основе исторических корней и культурного родства; для стран Европы и Америки уделять равное внимание фактам, логике и эмоциональной силе, эффективно реагировать на международные опасения с помощью конкретных человеческих историй, подробных достоверных данных и правовых оснований и достичь парадигмального обновления от «односторонней межкультурной коммуникации» к «двустороннему транскультурному взаимодействию».

(2) Инновация коммуникационных путей: от широкого охвата к точному достижению аудитории

В шумной цифровой общественно-политической экосистеме «широкий охват» уже не гарантирует эффективную коммуникацию, необходимо перейти к точным и сегментированным коммуникационным путям. Ведущие СМИ Синьцзяна должны полноценно использовать инструменты больших данных для создания портрета пользователя и алгоритмических рекомендаций, точно определить информационные потребности, интересы и медиапривычки аудитории разных регионов и культур и осуществлять целевую рассылку «для каждого человека индивидуально». Конкретно: для стран Центральной Азии увеличить предложение контента на казахском, русском, киргизском и других языках, углубить совместное производство контента и сотрудничество с ведущими средствами массовой информации целевых стран; для аудитории Европы и Америки трансформировать дискурсивную систему и способы выражения, рассказывать истории о Синьцзяне по международной нарративной логике, уделяя внимание культурной адаптации и эмоциональной сопричастности. Одновременно активно осваивать международные ведущие социальные платформы YouTube, Facebook, Instagram, TikTok, оптимизировать систему тегов контента и стратегию рекомендаций, повысить видимость и влияние голоса Синьцзяна на зарубежной общественно-политической арене.

(3) Усиление технологической поддержки: повышение эффективности за счет технологий

Цифровые интеллектуальные технологии являются ключевым фактором повышения эффективности международной коммуникации. Ведущие СМИ Синьцзяна должны активно принять преобразования искусственного интеллекта, использовать ИИ для вспомогательного создания мультязычного контента, интеллектуального перевода и локальной адаптации, значительно повысить производительность и языковое качество мультязычного контента, преодолеть языковые барьеры и добиться более широкого глобального охвата. Полноценно использовать алгоритмические рекомендации для персонализированной рассылки контента и интеллектуального распределения, повысить точность коммуникации и лояльность пользователей. Одновременно развивать механизм контроля контента, сочетающий ручные рекомендации и интеллектуальный отбор, использовать преимущества эффективности алгоритмов и избегать алгоритмических предубеждений и эффекта информационного кокона, гарантировать полное проявление доминирующих ценностных ориентаций при распределении контента на основе алгоритмов. Способствовать инновационному применению передовых технологий виртуальной реальности (VR), дополнен-

ной реальности (AR), интерактивных видео погружения в демонстрацию туристических ресурсов Синьцзяна, сохранение культурного наследия и распространение народных обычаев, усилить воспринимаемость и коммуникативную силу историй о Синьцзяне за счет погруженного опыта.

(4) Оптимизация механизма оценки: от цифровых показателей к ориентации на эффективность

Научная система оценки эффективности является гарантией непрерывной оптимизации коммуникационных стратегий. Ведущие СМИ Синьцзяна должны ускорить создание многомерной сквозной системы оценки эффективности международной коммуникации, выйти за рамки традиционной модели оценки, основанной на поверхностных данных о просмотрах, лайках и комментариях, и разработать комплексную систему показателей, охватывающую охват, когнитивные изменения, эмоциональное признание, преобразование отношений и поведенческие намерения. Сочетать регулярный мониторинг данных и углубленное исследование аудитории, отслеживать динамические изменения когнитивной картины и эмоционального отношения международной аудитории к темам Синьцзяна во времени и на этой основе получать научные основания для своевременной корректировки коммуникационных стратегий. Перевести внешнюю коммуникацию от пассивного реагирования к активному формированию, от стремления к «кратковременной популярности» к углубленному «долгосрочному влиянию», создать замкнутый механизм работы «создание контента – точное распределение – оценка результатов – оптимизация стратегии» и добиться долгосрочного повышения эффективности международной коммуникации.

Заключение

Приход эпохи цифрового интеллекта глубоко преобразовал логику и пути межкультурного конструирования национального образа, глобальная коммуникация перешла от односторонней линейной трансляции к многостороннему взаимодействию и совместному созданию, открыв беспрецедентные возможности и вызовы для внешней коммуникации ведущих СМИ Синьцзяна. Как плацдарм Китая для открытия на Запад и ключевой район Экономического пояса Шелкового пути, Синьцзянские ведущие средства массовой информации несут многоплановую миссию – обслуживать национальную стратегию, реагировать на международные опасения и формировать региональный образ. Инновационный опыт проекта «In Xinjiang» показывает, что благодаря «говорению через других», созданию мультязычной матрицы и развитию коротких видео медиа Синьцзяна пер-

воначально нашли путь внешней коммуникации с пограничными особенностями. Тем не менее в условиях сохраняющейся сложной международной общественно-политической обстановки и растущих вызовов межкультурной коммуникации ведущим СМИ Синьцзяна необходимо непрерывно углублять реформы и инновации в нарративной системе, коммуникационных путях, технологической поддержке и механизме оценки. В перспективе следует опираться на цифровые интеллектуальные технологии, соблюдать внутренние законы межкультурной коммуникации, ускорить построение внешней коммуникационной системы, соответствующей стратегическому положению Синьцзяна и требованиям китайской модернизации, достичь стратегического скачка от «эффективного охвата» к «долгосрочному влиянию», позволить миру увидеть достоверный, объемный и всесторонний Синьцзян и внести уникальный пограничный вклад в демонстрацию достоверного, симпатичного и уважаемого образа Китая.

Литература

1. Сюй Яньхуа, Чжу Шочан. Логика формирования общественного мнения, пути его эволюции и повышение эффективности руководства в эпоху самодостаточных медиа[J]. Мир новостей, 2024(5): 1–4.
2. Ли Мин, Фан Юань, Лю Я-ци. Исследование повышения эффективности международной коммуникации провинциальных ведущих СМИ в контексте китайской модернизации[J]. Журнал Китайской радиовещательной и телевизионной академии, 2025(6): 10–16.
3. Тан Цзяи, Ван Тун-чэнь. Оценка и исследование повышения эффективности международной коммуникации коротких видео китайских ведущих средств массовой информации[J]. Академические исследования, 2025(3): 72–79.
4. Чжан Юй-цзян, Сюэ Юй-хань. Исследования международной коммуникации Китая-2024: глубокое взаимодействие, общество платформ и возможности «общности» [J]. Журналистский мир, 2025(8): 84–95.
5. Цю Пэн, Пань Чжун-цзин. Почему народ может достичь общности? Полифонический путь международной коммуникации в цифровую эпоху[J]. Китайское издательство, 2025(3): 5–12.
6. Ху Чжэн-жун. Всесторонне повышать эффективность международной коммуникации[N]. Народная ежедневная газета, 20.07.2022(9).
7. Мо Гао-и. Основной доклад на форуме «Системные преобразования ведущих средств массовой информации» Форума культурного процветания-2025

INTERCULTURAL CONSTRUCTION OF THE NATIONAL IMAGE IN THE ERA OF DIGITAL INTELLIGENCE: A STUDY ON ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF EXTERNAL COMMUNICATION BY LEADING MEDIA OUTLETS IN XINJIANG¹

Jiang Yuan

Xinjiang Normal University

The digital age is transforming global communication and the logic of national image construction. Technologies (big data, algorithms, AI) are shifting information dissemination from one-way transmission to interactive engagement, and image formation from a monologue of “self-shaping” to co-creation involving multiple actors. As China’s western frontier of opening-up, Xinjiang entrusts its media with a triple mission: supporting national strategies, responding to international challenges, and contributing a regional dimension to China’s overall image. Drawing on the theory of intercultural construction, this paper analyzes the strategies, practices, and challenges of external communication by Xinjiang’s media. It shows that innovations (the InXinjiang column featuring “foreign voices,” a multilingual matrix, short videos, and multimedia content) have formed a border-region communication model, yet systemic difficulties persist: weak resource integration, insufficient audience segmentation, and talent shortages. Four directions for improving effectiveness are proposed – narrative, channels, technology, and evaluation – serving as a reference for other border regions.

Keywords: digital age; national image; intercultural construction; Xinjiang mainstream media; effectiveness of external communication.

References

1. Xu Yanhua, Zhu Shouchang. (2024). The logic of public opinion formation, paths of its evolution, and improvement of guidance effectiveness in the era of self-media. *News World*, (5), 1–4.
2. Li Ming, Fang Yuan, Liu Yaqi. (2025). Research on improving the effectiveness of international communication of provincial leading media in the context of Chinese modernization. *Journal of China Radio and Television Academy*, (6), 10–16.
3. Tang Jiayi, Wang Tongchen. (2025). Evaluation and research on improving the effectiveness of international communication of short videos by Chinese leading media. *Academic Research*, (3), 72–79.
4. Zhang Yujiang, Xue Yuhua. (2025). China’s international communication research 2024: deep interaction, platform society, and opportunities of “community”. *Journalism World*, (8), 84–95.
5. Qiu Peng, Pan Zhongjing. (2025). Why can the people achieve community? The polyphonic path of international communication in the digital age. *China Publishing*, (3), 5–12.
6. Hu Zhengrong. (2022, July 20). Comprehensively improve the effectiveness of international communication. *People’s Daily*, p. 9.
7. Mo Gaoyi. (2025, May 27). Keynote speech at the forum “Systemic transformation of leading media” of the Cultural Prosperity Forum 2025.

¹ This article was completed with the support of the project: No. ZK2025C08

Исследование механизмов межэтнического художественного взаимодействия: на материале народной художественной труппы уезда Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района

Цуй Цзиньпэн,

доктор, Синьцзянский педагогический университет, Бодай колледж Цилиньского педагогического университета
E-mail: cuilaoshilwzy@126.com

Эсенжан Аблиз,

профессор, Синьцзянский педагогический университет, корреспондент
E-mail: 1023198713@qq.com

Рустам Маматтурсун,

магистрант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1615157237@qq.com

В статье исследуются механизмы межэтнического художественного взаимодействия на материале деятельности народной художественной труппы уезда Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эмпирическую основу исследования составили полевые наблюдения и интервью, проведенные автором с 2024 года. Показано, что историческими предпосылками межэтнического художественного взаимодействия выступают единое государственное пространство Китая и многовековой художественный обмен между Центральной равниной и Западным краем. Современные условия его развития связаны с общей ценностной основой, распространением общегосударственного языка и письменности, совместным опытом социально-экономических преобразований и формированием взаимно включенных общественных пространств. В деятельности труппы выделены модели взаимности, сотрудничества, обмена и косвенного взаимодействия. Установлено, что их устойчивость обеспечивается ценностным руководством, общей идентификацией, культурно-туристическими пространствами и творческой инициативой самих исполнителей. Совместная художественная практика способствует взаимному обучению, культурному взаимопониманию, эмоциональному сближению и укреплению сознания общности китайской нации.

Ключевые слова: Межэтническое Искусство, Художественное Взаимодействие, Народная Художественная Труппа, Культурная Идентификация, Синьцзян.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Западного проекта Государственного фонда общественных наук Китая 2024 года «Исследование генеалогии знаний носителей нематериального культурного наследия в области традиционной одежды народов Синьцзяна в контексте межэтнических контактов, обмена и интеграции» (№ 24XMZ066), а также университетского научно-инновационного проекта для аспирантов и магистрантов Синьцзянского педагогического университета 2024 года «Исследование сохранения и инновационного развития нематериального культурного наследия уезда Инцзиша в контексте межэтнических контактов, обмена и интеграции» (№ XJ107622405)

Введение

Исследование культурных контактов между представителями различных этнических групп единой китайской нации требует обращения к проблеме межкультурного взаимодействия. Фэй Сяотун рассматривал культурное самосознание как процесс осмысления собственной культуры, диалога с другими культурами и формирования условий их мирного сосуществования и совместного развития. Взаимодействие, по его мнению, позволяет глубже понять как собственную культуру, так и культуру «другого», перейти к рефлексии и культурному взаимопониманию.

Несмотря на дискуссии о современной применимости данной концепции, она сохраняет значение для анализа этнокультурных процессов в Китае. Неравномерность социально-экономического и культурного развития обуславливает различия в переходе различных этнических групп от культурного самосознания к культурной уверенности. Одновременно модернизация китайского типа расширяет пространство межэтнических контактов и культурного взаимопроникновения, а народное искусство становится одной из наиболее показательных сфер этого процесса.

Уезд Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района, расположенный на южном маршруте древнего Шелкового пути, исторически являлся пространством взаимодействия различных этнических культур и сохраняет богатое многообразие форм народного искусства. В новую эпоху расширение межэтнических контактов позволяет рассматривать его как показательный локальный пример изучения механизмов художественного взаимодействия.

С 2024 года автор проводит в уезде полевые исследования и систематическое наблюдение за деятельностью местной народной художественной труппы. Коллектив действует под руководством уездного культурного центра и объединяет двадцать постоянных участников – уйгуров, ханьцев, кыргызов и представителей других этнических групп. Среди них есть признанные носители нематериального культурного наследия, профессиональные артисты и любители народного искусства. Репертуар включает мешреп, уйгурский мукам, народные танцы, пекинскую оперу, патриотические и популярные песни, а также сценические миниатюры.

Цель статьи состоит в выявлении механизмов межэтнического художественного взаимодей-

ствия и определении роли совместной художественной практики в переходе участников от культурного самосознания к культурной уверенности.

Исторические основания межэтнического художественного взаимодействия

Синьцзян, в древности известный как Западный край, исторически являлся неотъемлемой частью единого китайского государства. Начиная с эпохи Хань, центральные власти осуществляли управление регионом, создавая административные и институциональные условия для межэтнических контактов. Единое политическое пространство снижало территориальные барьеры, способствовало культурному обмену и формированию модели единства в многообразии китайской цивилизации.

В рамках этого пространства представители различных этнических групп совместно участвовали в развитии и защите Синьцзяна, сохраняя собственные культурные особенности и одновременно осваивая достижения друг друга. Взаимное влияние в области языка, искусства, обычаев и повседневной жизни способствовало формированию устойчивых связей и отношений культурного взаимопроникновения, выражаемых формулой «ты во мне, а я в тебе».

Важной исторической основой современного взаимодействия стал двусторонний художественный обмен между Центральной равниной и Западным краем. Искусство Центральной равнины распространялось в Синьцзяне через административные связи, политические контакты и культурный обмен, соединяясь с местными традициями. Одновременно музыкальные инструменты, танцы и исполнительские формы Западного края проникали в Центральную равнину и становились частью китайской художественной культуры. В частности, музыка Кучи, Шулэ и Гаочана оказала заметное влияние на придворную музыкальную систему эпох Суй и Тан, а такие инструменты, как пипа, кунхоу, хуцзя и цянди, вошли в состав традиционной китайской музыки.

Этот длительный обмен основывался не на простом заимствовании, а на взаимном освоении и творческом преобразовании художественных элементов. В результате сформировалась общая эстетическая основа, объединившая различные культурные традиции и создавшая исторические предпосылки современного межэтнического художественного взаимодействия в Синьцзяне.

Современные социальные условия межэтнического художественного взаимодействия в уезде Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района

Уезд Инцзиша является территорией совместно-го проживания различных этнических групп. В хо-

де исторического развития и практики управления в новую эпоху здесь сформировалась социальная среда, основанная на совместном проживании, обучении, труде, участии в развитии и культурной жизни. Она создает важные ценностные, языковые, жизненные и пространственные условия для межэтнического художественного взаимодействия.

1. Общая цивилизационная основа: формирование ценностного консенсуса. Строительство современной цивилизации единой многонациональной китайской нации создает общую ценностную основу межэтнического художественного взаимодействия. Государство расширяет доступность общественных культурных услуг, совершенствует местную культурную инфраструктуру, реализует инициативу «Культурное обогащение Синьцзяна» и поддерживает творческое развитие традиционной культуры различных этнических групп.

Благодаря государственной поддержке и межрегиональному культурному обмену художественные формы разных народов получают возможность представляться в общем культурном пространстве, вступать во взаимодействие и взаимно обогащаться. Это укрепляет идентификацию участников с китайской культурой и создает ценностную основу их совместной художественной деятельности.

2. Общий коммуникативный мост: роль общегосударственного языка и письменности. Общегосударственный язык и письменность Китая – путунхуа и нормативная китайская письменность – служат важным средством межэтнического общения. Их распространение в уезде осуществляется через школы, сельские учебные классы, центры общественно-культурной практики и культурные мероприятия.

Систематическое обучение позволило постепенно перейти от формирования базовых языковых навыков к укреплению культурной идентификации и чувства общей принадлежности. Владение общегосударственным языком облегчает участникам народной художественной труппы совместные репетиции, перевод песенных и сценических текстов, согласование программ и общение с аудиторией, снижая языковые барьеры в художественном взаимодействии.

3. Общность жизненного опыта после преодоления бедности и повышения благосостояния. Борьба с бедностью и развитие сельских территорий существенно изменили способы производства, жилищные условия, инфраструктуру и систему общественных услуг Южного Синьцзяна. Рост доходов и улучшение качества жизни усилили у населения ощущение полученных благ, счастья и безопасности.

Участники народной художественной труппы лично пережили эти преобразования и разделяют общий жизненный опыт с местными жителями. Улучшение жилья, развитие дорог, обеспечение

питьевой водой и рост доходов становятся сюжетами песен, танцев, сценических миниатюр и театрализованных постановок. Обращение к знакомым жизненным ситуациям делает произведения более убедительными и способствует признанию общих ценностей представителями различных этнических групп.

4. Пространство совместного присутствия: взаимно включенные сообщества. В уезде последовательно создаются социальные структуры и среда местных сообществ, обеспечивающие совместное проживание, обучение, труд и культурную жизнь различных этнических групп. К 2024 году были сформированы 19 местных сообществ и 28 жилых комплексов, организованных по принципу взаимной включенности, а также рынки и улицы, ставшие пространствами повседневного межэтнического общения.

Одновременно расширялось сотрудничество местных территорий с подразделениями Синьцзянского производственно-строительного корпуса. Совместное присутствие в жилых, общественных и культурных пространствах укрепляет социальные связи и создает устойчивые условия для непосредственного общения.

В этой среде народное искусство становится посредником между представителями различных этнических групп. Совместные выступления, обмен навыками и знакомство с художественными традициями друг друга превращают искусство из статичной формы культурного представления в живой процесс взаимодействия и взаимного обогащения.

Модели межэтнического художественного взаимодействия в народной художественной труппе уезда Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района

В существующих исследованиях выделяются две основные формы межэтнического взаимодействия: прямая и косвенная. К прямым моделям относятся обмен, взаимность, принуждение, сотрудничество, конкуренция и конфликт. Проведенное автором полевое исследование показало, что межэтническое взаимодействие между участниками народной художественной труппы уезда Инцзиша преимущественно имеет прямой характер и представлено моделями взаимности и сотрудничества. Взаимодействие труппы с внешними субъектами осуществляется в форме обмена, в рамках которого государственные органы выступают покупателями общественных культурных услуг, а также в форме косвенного взаимодействия.

1. Модель взаимности: взаимное дополнение художественного мастерства и взаимное обучение. Межэтническая взаимность представляет собой взаимопользующее социальное взаимо-

действие между этническими группами, осуществляемое в соответствии с определенными моральными нормами. Такое взаимодействие основывается на эмоциональных связях или чувстве общей принадлежности и ориентировано на долгосрочное укрепление эмоциональных связей и поддержание устойчивых отношений. В повседневной деятельности народной художественной труппы уезда Инцзиша взаимность составляет основу межэтнического художественного взаимодействия. Используя народное искусство как средство общения, участники коллектива вступают в разнообразные формы взаимодействия и взаимного обучения.

Один из участников труппы рассказывал:

«Я умею исполнять уйгурскую версию номера «Мешреп», а также песни «Приподними свой покров» и «Девушка из Дабаньчэна». Они учили меня говорить по-уйгурски. Например, он говорил по-уйгурски «яхши», а я записывал. Он произносил фразу, я ее записывал, а потом начинал самостоятельно упражняться».

Он также отметил:

«Среди песен была и «Цветок Синьцзяна». Я исполнял ее на уйгурском языке. Тогда я так часто пел эту песню, что она стала популярной во всем уезде. Всем она нравилась».

Другой участник сообщал:

«Руководитель сначала пишет содержание песен и сценических миниатюр на уйгурском языке, а затем переводит его на общегосударственный язык – путунхуа. После того как перевод готов, мы начинаем репетировать. Дядя Чжан обучает нас, а затем мы выступаем».

Средний возраст ключевых участников труппы составляет около шестидесяти лет. Для каждого из них родным является язык собственной этнической группы. До вступления в коллектив они преимущественно выступали на родных языках. После присоединения к труппе им стало необходимо выступать в деревнях, местных жилых сообществах и туристических зонах, выбирая общегосударственный язык или язык соответствующей местной этнической группы в зависимости от требований программы и состава аудитории.

Участники регулярно обучают друг друга языкам и песням. Связи, возникающие благодаря совместной художественной деятельности, создают основу для взаимного языкового обучения представителей различных этнических групп. Благодаря этому исполнители взаимно расширяют свои языковые возможности. Подобное двустороннее обучение выходит за пределы простого обмена техническими навыками и способствует пониманию и уважению соответствующих культур. Такая взаимность представляет собой не немедленный экономический обмен, а отношения взаимопомощи и взаимных обязательств, основанные на моральных нормах.

Отношения взаимности существуют также между государственными органами и народной художественной труппой. Участник PZ является официально признанным носителем нематериального культурного наследия уровня Кашгарского округа, а участник ED – официально признанным носителем нематериального культурного наследия уровня Синьцзян-Уйгурского автономного района. Государственная система признания носителей нематериального культурного наследия, а также программы обучения и профессионального обмена способствуют дальнейшему повышению их исполнительского мастерства.

Участник ED рассказывал:

«Если говорить откровенно, раньше я не очень хорошо играл на дапе. Позднее, когда мы ездили с выступлениями во внутренние районы страны, я поступил в ученики к ныне покойному мастеру игры на дапе М-КЕВ. Примерно в течение сорока пяти дней я обучался технике игры на этом инструменте. В тот период мы также побывали в Шихэцзы, Фукане, Синьцзянском институте искусств, Синьцзянском педагогическом университете и других высших учебных заведениях, где представляли и популяризировали наше нематериальное культурное наследие. В ходе этих поездок мне удалось многому научиться».

Он также вспоминал:

«В 2007 году из автономного района приехало много людей, которые собирали материалы по нематериальному культурному наследию. Затем нас возили в Сычуань, Гуанчжоу, Чжэцзян, Шаньдун и другие места».

Другой участник отмечал:

«Мы выступали во многих провинциях внутренних районов страны, были и в Пекине. Зрители очень высоко оценивали наши выступления. Сейчас, поскольку я являюсь носителем нематериального культурного наследия уровня автономного района, мне ежегодно выплачивают субсидию в размере 5000 юаней».

Государственные органы включают объекты нематериального культурного наследия в систему общественных культурных услуг и приглашают носителей традиций проводить показы и выступления в туристических зонах. Это привлекает посетителей и непосредственно способствует развитию местного туризма. Государство предоставляет поддержку и гарантии на уровне государственной политики, а своего рода «ответом» носителей традиций становятся сохранение культурного наследия и публичная демонстрация художественного мастерства. Тем самым между государственными органами и художественной труппой формируются отношения взаимности.

Внутри коллектива сложилась гармоничная рабочая атмосфера. В перерывах между выступлениями участники собираются вместе, обсуждают текущие события, беседуют о домашних и семейных делах, шутят и общаются. В непринужденной об-

становке они лучше знакомятся с обычаями других этнических групп, укрепляют эмоциональные связи и углубляют культурное взаимопонимание. Благодаря этому художественное взаимодействие становится важным средством межэтнического общения.

Руководитель труппы, участник МТJ, отмечал:

«В нашем коллективе очень дружная атмосфера, и все соблюдают установленные правила. Как только поступает сообщение о выступлении, участники приходят на место за полчаса до его начала».

В процессе повседневного общения эмоциональные связи между участниками постоянно укрепляются. Эмоциональная взаимность, основанная на общем стремлении к художественному творчеству, приносит взаимную пользу, однако эта польза не обязательно измеряется экономической стоимостью и не всегда проявляется немедленно. Доброжелательные отношения, положительные эмоции от совместной работы, взаимное угощение едой и другие повседневные действия представляют собой формы взаимности, основанные на моральном обязательстве. Их результатом становятся взаимная эмоциональная поддержка и укрепление сплоченности коллектива, а не немедленное материальное вознаграждение.

2. Модель сотрудничества: координированная практика художественного исполнения.

Межэтническое художественное сотрудничество прежде всего осуществляется внутри самой труппы. В процессе повседневных репетиций и выступлений между участниками постоянно возникают отношения сотрудничества. У коллектива нет постоянного репетиционного помещения, поэтому для занятий он использует помещение музея или небольшой кабинет руководителя труппы. Однако отсутствие специально оборудованной площадки не снижает активности участников. Стремясь удовлетворить интерес местных жителей и туристов к народному искусству, они регулярно и активно проводят репетиции.

Один из участников объяснял:

«Нам необходимо понять желания людей и то, какие программы им нравятся. А что им нравится? Программы, прославляющие партию и государство и посвященные развитию и миру. Люди просят чаще показывать такие номера. Поэтому мы стараемся находить соответствующие материалы, больше репетировать и готовить программы для зрителей».

В выступлениях труппы используются разнообразные музыкальные инструменты: инструменты уйгурской музыкальной традиции – рамочный барабан дап, струнный смычковый инструмент эджек, равап, дутар и танбур; инструменты ханьской музыкальной традиции – эрху, китайская поперечная флейта ди и суона; а также западные инструменты – скрипка и гитара. Совместное исполнение на столь разных инструментах требует продолжительной совместной работы и выработки слаженности и взаимопонимания между музыкантами.

Участники отмечали:

«Мы достигаем согласованности главным образом благодаря продолжительным и интенсивным репетициям».

Другой музыкант пояснял:

«Сначала мы настраиваем инструменты. После того как настроен эджек, все остальные инструменты настраиваются по нему».

Во время исполнения музыкант, играющий на дапе, фактически выполняет функции дирижера, направляя игру всего коллектива посредством изменений ритма и силы звучания. Независимо от используемого инструмента, начало, переходы и завершение исполнения определяются ритмическими сигналами дапа. Это обеспечивает ритмическую согласованность музыкантов, представляющих различные этнические традиции.

Сотрудничество между труппой и туристами отличается гибкостью и разнообразием. В период туристического сезона коллектив регулярно выступает в туристическом квартале «Старая улица Инцзиша», в туристической «Деревне традиционной керамики» и на других объектах уезда. Рабочий день участников составляет восемь часов, при этом количество выступлений не ограничивается: как только в туристическую зону прибывает группа посетителей, труппа начинает представление. По просьбе отдельных туристов артисты также охотно проводят дополнительные выступления.

Состав туристов разнообразен. Большинство приезжает из восточных провинций Китая, однако среди посетителей встречаются также туристы из Гонконга, Макао и Тайваня, а также зарубежные гости. Взаимодействие между артистами и посетителями часто приобретает характер импровизированного сотрудничества. Во время исполнения мешрепа участники труппы приглашают туристов присоединиться к танцу, а некоторые посетители и сами входят в танцевальный круг.

Туристы также используют традиционные музыкальные инструменты различных народов в качестве реквизита для совместных фотографий с артистами, снимают выступления на мобильные телефоны и размещают видеозаписи на платформах коротких видеороликов. Такое непосредственное и импровизированное взаимодействие становится наглядным проявлением гармоничного межэтнического взаимодействия.

3. Модель обмена: художественные услуги при ведущей роли государства. Обменное взаимодействие в деятельности народной художественной труппы уезда Инцзиша представляет собой косвенное предоставление общественных культурных услуг: государственные органы оплачивают выступления, а местные жители и туристы бесплатно пользуются их результатами.

Участники труппы являются местными сельскими жителями, для которых художественная деятельность сочетает личное увлечение, эмоци-

ональную привязанность к народному искусству и дополнительный источник дохода. В соответствии с задачами культурной работы и развития туризма уездный культурный центр приглашает коллектив выступать в деревнях и на туристических объектах. Участие артиста в течение половины дня учитывается как одно выступление, а вознаграждение в размере 50–60 юаней выплачивается ежемесячно с учетом количества выступлений.

Труппа действует под руководством культурного центра, но не является его структурным подразделением и не имеет с ним официального договора на оказание услуг. Участники добровольно записываются на выступления через группу в WeChat, тогда как для тематических программ формируется относительно постоянный состав. Таким образом, отношения между культурным центром и труппой сочетают элементы обмена, взаимности и сотрудничества.

4. Косвенная модель: распространение искусства посредством новых медиа. Новые медиа расширяют пространство межэтнического художественного взаимодействия. Органы культуры и туризма публикуют видеозаписи выступлений труппы на платформах Douyin, Kuaishou и в видеоканалах WeChat, благодаря чему местное народное искусство становится доступным аудитории других регионов и этнических групп.

Это взаимодействие преимущественно имеет односторонний характер, поскольку зрители воспринимают выступления через цифровой контент без непосредственного контакта с артистами. Вместе с тем публикация видеоматериалов повышает интерес к местной культуре и туризму.

Новые медиа также служат источником художественного обучения. Просматривая короткие видеоролики, участники знакомятся с исполнительскими формами других регионов и включают отдельные сценические и музыкальные элементы в собственные программы. Тем самым цифровые платформы одновременно расширяют аудиторию труппы и способствуют обновлению ее художественной практики.

Рассмотренные модели не существуют изолированно: в зависимости от ситуации прямые и косвенные формы могут переходить одна в другую, а обмен, взаимность и сотрудничество сочетаться в рамках одной практики. Совместная художественная деятельность укрепляет сплоченность коллектива и способствует культурному взаимопониманию.

Механизмы межэтнического художественного взаимодействия в уезде Инцзиша Синьцзян-Уйгурского автономного района

Опираясь на местные культурные традиции и систему низовых художественных организаций, народная

художественная труппа уезда Инцзиша сформировала устойчивый механизм межэтнического художественного взаимодействия с участием артистов, туристов, сельских сообществ и государственных органов. Он включает ценностное руководство, консолидацию на основе общей идентификации, расширение культурно-туристических пространств и творческую инициативу исполнителей. Совместное действие этих элементов способствует взаимному обогащению художественных традиций и развитию устойчивых практик культурного общения.

1. Ведущая ценностная линия: укрепление сознания общности китайской нации. Укрепление сознания общности китайской нации определяет ценностную и содержательную направленность деятельности труппы. Уездный культурный центр координирует художественные ресурсы, направляет творческую работу коллектива и формирует тематику выступлений.

В 2025 году деятельность труппы включала программы, посвященные укреплению общностного сознания, низовой культурной работе, акции «Зерна граната», проекту «Наша китайская мечта: культура входит в каждый дом» и мероприятиям «Летний сельский вечер». Через эти формы общенациональные ценности включались в культурно-просветительную работу и туристические выступления.

Обращение к исторической памяти и сюжетам совместной жизни различных этнических групп преобразует ценностные установки в конкретную художественную практику и укрепляет осознание принадлежности к единой многонациональной китайской нации.

2. Консолидация посредством идентификации: духовная основа художественной интеграции. Духовную основу взаимодействия составляют «пять форм идентификации»: с великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой, Коммунистической партией Китая и социализмом с китайской спецификой. Они создают общую психологическую и ценностную основу сотрудничества, выходящую за пределы отдельной этнической принадлежности.

Темы патриотизма, межэтнического единства, возрождения села, благополучной жизни и нематериального культурного наследия воплощаются в песнях, танцах, сценических миниатюрах, мешрепе, инструментальных ансамблях и театрализованных постановках. Благодаря этому общие ценности приобретают доступную художественную форму.

Совместное творчество, репетиции и выступления укрепляют государственное, гражданское и общностное сознание участников. В результате художественное взаимодействие переходит от внешнего обмена формами к эмоциональному сближению и культурной интеграции.

3. Культурно-туристический импульс: расширение пространства взаимодействия. Интеграция культуры и туризма предоставляет труппе площадки, аудиторию и устойчивый спрос на выступления. Народное искусство выходит за пределы деревень и включается в систему публичных культурно-туристических услуг.

Развитие этого пространства проходило поэтапно: сначала создавались туристические бренды и культурная инфраструктура, затем усиливалась интеграция нематериального наследия, сельского туризма и сценических программ, а позднее – развитие всетерриториального туризма и брендирование местного культурного наследия.

Открытость туристических пространств создает условия для совместных выступлений, обмена навыками и непосредственного общения артистов, местных жителей и туристов. Соединение художественного представления, культурного опыта и межличностного взаимодействия расширяет пространство межэтнического общения и способствует интеграции средствами искусства.

4. Активное конструирование: эндогенное развитие взаимодействия. Творческая инициатива народных исполнителей является внутренней движущей силой межэтнического художественного взаимодействия. Участники труппы объединяют и обновляют инструментальную музыку, танцы, вокальные стили, песенные тексты и фольклорные формы различных этнических групп.

В процессе совместных репетиций они согласуют ритм исполнения, дополняют навыки друг друга и вырабатывают общий сценический стиль. Одновременно коллектив создает произведения, близкие к повседневной жизни местного населения и отражающие межэтническое единство, социальное развитие и позитивные ценности.

Участие труппы в общественных культурных услугах закрепляет практики общения и сотрудничества и способствует формированию долгосрочной устойчивой модели межэтнического художественного взаимодействия.

Заключение

Проведенное исследование показало, что межэтническое художественное взаимодействие в народной художественной труппе уезда Инцзиша представляет собой устойчивый социально-культурный процесс, сформированный под влиянием единого государственного пространства Китая, многовекового художественного обмена между Центральной равниной и Западным краем, общей ценностной основы, распространения общегосударственного языка и письменности, совместного опыта социальных преобразований и развития взаимно включенных общественных пространств. В деятельности труппы оно реализуется через модели взаимности, сотрудничества, обмена и косвенного взаимодей-

ствия. Взаимное обучение, совместные репетиции и выступления укрепляют культурное взаимопонимание, государственная поддержка обеспечивает организационную устойчивость, а новые медиа расширяют аудиторию и способствуют обновлению сценической практики.

Устойчивость данного взаимодействия обеспечивается сочетанием четырех механизмов: ценностного руководства, консолидации на основе общей идентификации, расширения культурно-туристических пространств и творческой инициативы исполнителей. Благодаря их совместному действию художественная деятельность становится формой взаимного обучения, эмоционального сближения и культурного обогащения. Опыт труппы уезда Инцзиша показывает, что развитие межэтнического художественного взаимодействия требует общего ценностного основания, постоянных пространств совместной деятельности, институциональной поддержки и активного участия носителей культуры. Этот опыт может быть использован при развитии общественных культурных услуг, сохранении нематериального культурного наследия и укреплении межэтнического взаимодействия в других многоэтнических регионах.

Литература

1. Фэй Сяотун. Рефлексия, диалог и культурное самосознание / Фэй Сяотун // Вестник Пекинского университета. Серия: Философия и общественные науки. – 1997. – № 3. – С. 15–22, 158.
2. Фэй Сяотун. Межкультурный «семинар»: новое осмысление гуманистических ценностей. Часть 2 // Чтение. – 1997. – № 10. – С. 3–9.
3. Чжан Цзяоцзяо. От «культурного самосознания» к «культурной уверенности»: исторический поворот в развитии китайской культурной мысли // Идейный фронт. – 2017. – Т. 43, № 6. – С. 9–16.
4. Чжан Цзяоцзяо. Устарели ли три важнейшие теории Фэй Сяотуна? К вопросу о трансформации исследовательской парадигмы в антропологии и этнологии // Вестник Юньнаньского университета национальностей. Серия: Философия и общественные науки. – 2019. – Т. 36, № 2. – С. 41–46.
5. Ли Шиу. Закономерности и значение межэтнического художественного взаимодействия: на примере трансформации декоративного искусства изготовления юэциня в зоне взаимодействия народов и хань // Вестник Гуансийского университета национальностей. Серия: Философия и общественные науки. – 2023. – Т. 45, № 1. – С. 149–157.
6. Успешная практика реализации стратегии Коммунистической партии Китая по управлению Синьцзяном в новую эпоху: доклад Госу-

дарственного совета Китайской Народной Республики, сентябрь 2025 г. / Пресс-канцелярия Государственного совета КНР. – Пекин: Народное издательство, 2025. – С. 4.

7. Бань Гу. История династии Хань. Раздел «Западный край». Цзюань 96 / Бань Гу; сост. и коммент. Янь Шигу. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2013. – С. 3917.
8. Вэй Чжэн. История династии Суй. Раздел «Музыка», часть 2. Цзюань 15 / Вэй Чжэн, Линху Дэфэнь. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1973. – С. 376–377.
9. Хэ Мин. Модели межэтнического взаимодействия и их трансформация // Вестник Гуансийского университета национальностей. Серия: Философия и общественные науки. – 2023. – Т. 45, № 6. – С. 35–47.

RESEARCH ON THE INTERACTIVE MECHANISM OF INTER-ETHNIC ART – A CASE STUDY OF THE FOLK ART TROUPE IN YINGJISHA COUNTY, XINJIANG

Cui Jingpeng, Hasanjan Abliz, Rustam Mamattursun

Xinjiang Normal University, Boda College of Jilin Normal University

This article examines the mechanisms of inter-ethnic artistic interaction through the activities of the folk art troupe in Yingjisha County, Xinjiang Uygur Autonomous Region. The empirical basis of the study consists of field observations and interviews conducted by the author since 2024. The study demonstrates that the unified state framework of China and the centuries-long artistic exchanges between the Central Plains and the Western Regions constitute the historical foundations of inter-ethnic artistic interaction. Its contemporary development is supported by a shared value system, the use of the national common language and writing system, common experiences of socioeconomic transformation, and the formation of mutually embedded social spaces. Four models are identified in the troupe's activities: reciprocity, cooperation, exchange, and indirect interaction. Their sustainability is ensured by value-oriented guidance, shared identification, cultural and tourism spaces, and the creative initiative of the performers themselves. Joint artistic practice promotes mutual learning, cultural understanding, emotional affinity, and a stronger sense of community within the Chinese nation.

Keywords: Inter-Ethnic Art, Artistic Interaction, Folk Art Troupe, Cultural Identification, Xinjiang.

References

1. Fei, Xiaotong. «Reflection, Dialogue, and Cultural Self-Awareness.» *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*, № 3, 1997, pp. 15–22, 158.
2. Fei, Xiaotong. «Cross-Cultural 'Seminar': Rethinking Humanistic Values, Part II.» *Dushu*, № 10, 1997, pp. 3–9.
3. Zhang, Jijiao. «From 'Cultural Self-Awareness' to 'Cultural Confidence': A Historical Turn in Chinese Cultural Thought.» *Thinking*, vol. 43, № 6, 2017, pp. 9–16.
4. Zhang, Jijiao. «Have Fei Xiaotong's Three Major Theories Become Outdated? Reflections on the Transformation of Research Paradigms in Anthropology and Ethnology.» *Journal of Yunnan Minzu University (Social Sciences)*, vol. 36, № 2, 2019, pp. 41–46.
5. Li, Shiwu. «The Patterns and Significance of Inter-Ethnic Artistic Interaction: A Case Study of Changes in Yueqin Decorative Craftsmanship in a Yi-Han Interaction Area.» *Journal of Guangxi Minzu University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, vol. 45, № 1, 2023, pp. 149–157.
6. The State Council Information Office of the People's Republic of China. *Successful Practices of the Communist Party of China's*

- Strategy for Governing Xinjiang in the New Era. Beijing: People's Publishing House, 2025, p. 4.
7. Ban, Gu. Book of Han: Treatise on the Western Regions, Juan 96. Annotated by Yan Shigu. Beijing: Zhonghua Book Company, 2013, p. 3917.
 8. Wei, Zheng, and Linghu Defen. Book of Sui: Music, Part II, Juan 15. Beijing: Zhonghua Book Company, 1973, pp. 376–377.
 9. He, Ming, and Pu, Chengshan. «Models of Inter-Ethnic Interaction and Their Transformation.» Journal of Guangxi Minzu University (Philosophy and Social Sciences Edition), vol. 45, № 6, 2023, pp. 35–47.

Способы перевода языковых особенностей фэнтези в трилогии «Властелин колец»

Щербакова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, Донской
государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Тимашова Мария Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, Донской
государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Для объективной оценки стратегии, к которым прибегали переводчики, необходимо скрупулезно исследовать сам исходный текст. Литературное наследие Дж. Р.Р. Толкина насыщено уникальными элементами, создающими целостный и детализированный вторичный мир. Эти элементы часто не имеют прямых эквивалентов в русской языковой и культурной среде, что ставит перед переводчиком серьезные задачи. Подобные лексические единицы, относимые к безэквивалентным, требуют для адекватной передачи применения особых переводческих трансформаций и творческого подхода. В структуре произведений о Средиземье эти сложные компоненты можно условно разделить на три основные группы, каждая из которых формирует специфический вызов для интерпретатора.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, ономастика, перевод, песенный дискурс, фэнтези, художественная литература, эквивалентность.

Творчество Толкина полно названий географических и вымышленных собственных имен героев его произведений [7, с. 137]. Процесс именования у филолога не был формальностью, данный процесс занимал важную часть в мифотворчестве писателя [1, с. 652]. Географические названия всех произведений и имена героев сознательно имеют скрытый смысл, в имена заложены характеристики героев прозы Толкина. Данная аномалия приводит к сложности перевода произведений Толкина на другие языки мира [11, с. 64].

Топонимы в прозе выступают как отражатели сути места. Географические названия описывают историю происхождения или дают характеристику месту. Приведем пример для ясности. Слово «Mordor» имеет этимологическое происхождение от древнеанглийских корней, приведенное слово означает «погибель, гибель, смерть, смертный грех». Данное трактование задает программу самому месту. Для автора данное место характеризуется зловещей атмосферой, что дает ему одну из главных ролей, как месту, где совершаются основные сцены [6, с. 22]. Следующим примером служит слово «Rivendell». Его этимология раскрывается как «расколота долина». Предложенное автором название довольно точно отображает само ущелье, оно расколото рекой. Деревня «The Shire» переведена на русский язык «Шир». Данное название отсылает читателей не просто к деревенской местности, но к определенному английскому графству, что является административной единицей [2, с. 667]. Предложенной Толкиным название формирует в воображении читателей ясный образ патриархальной и в тоже время уютной Англии.

Своего рода антропонимы являются ключом к характеру. Имена героев трилогии «Властелин колец» Толкина являются их визитной карточкой, дают им смысловую характеристику [8, с. 218]. Имя главного героя «Argorn» имеет благородное происхождение. Имя говорит о стойкой царской власти [4]. Фамилия героя «Baggins» указывает на то, что происхождение слова имеет корень «bag», что означает «сумка, мешок». Данное сравнение с сумкой означает приземистость и практичность. Хоббиты, носящие данную фамилию, имели сильную привязанность к дому и комфорту. Из выше сказанного следует, что перед переводчиком стоит сложная задача [9, с. 332]. Переводчику следует либо ограничивать себя грубой транскрипцией,

передающей только узкую звуковую дорожку, либо находить средства по сохранению главной задачи – передачи наполненного колоритом содержания произведения, заложенного Толкиным.

В художественной вселенной Толкина существует огромное количество авторских реалий и концептов [3, с. 442]. Реалии и концепты являются наиболее обширной категорией [10, с. 128]. К данной категории относят предметы, явления, а также абстрактные понятия.

К магическим предметам и артефактам относим объекты, которые играют важную роль в образовании сюжета произведения [5, с. 63]. Приведем примеры подобных слов. «The One Ring» переводим на русский язык как «Единое Кольцо». Данный предмет является сильным магическим артефактом, он также символ абсолютной власти, который способен раздвигать волю и душу. Следующим примером служит слово «palantiri», что означает «палантиры». Палантирами называют камни видения, они же сложные технологические реликты, относившиеся к ранее погибшей, но высокоразвитой цивилизации Нуменора. Также стоит сказать о «silmarils», в русском переводе «сильмарилы». Сильмарилы являются легендарными самоцветами, автором произведения отмечена их неземная красота, а также судьба, являющаяся основой для мифологической истории Арды.

Бытовые и реалии культуры – это особые детали, создающие ощущение живой материальной культуры. Примерами таких реалий выступают «Lembas», «Mithril», «Pipe-weed». «Lembas» и «Mithril» переведено на русский язык с помощью транслитерации «лэмбас» и «мифрил». «Pipe-weed» означает трубочное зелье. Лэмбас – это особый хлеб эльфов. Эльфийский хлеб обладает способностью к долгому хранению, данное качество хлеба имеет большое значение для путешественников. Мифрилом называют фантастический металл. Качеством данного металла являются легкость и прочность, что лежит в основе богатства, а также ремесленных традиций гномов. Трубочное зелье – это неотъемлемая деталь быта хоббитов. Оно подчеркивает их созерцательность и несуетливость.

Социокультурные концепты являются неотъемлемой частью произведения, раскрывающие мировоззрение всех народов, проживающих в Средиземье. Примерами данных концептов служат: «Mathom», «The Shire», «Ents». Концепт «Mathom» передают на русский язык как «матом». Данный концепт означает предмет из культуры хоббитов. «Mathom» хранят не из-за пользы, но из сентиментальных соображений. Представленное проявление культуры – значит их консерватизм и уважение к традициям. Концепт «The Shire» не просто топоним. «Шир» является социальной утопией, воплощающей идеал автономного, аграрного и самодостаточного общества с их естественной ие-

рархией. «Энты» являются древней расой. Мышление, речь и восприятие времени данной расы связано с жизнью леса. Особая сложность для переводчика заключается в передаче их уникального «древовидного» сознания.

Маркером идентичности является стилистическая стратификация речи. Различные языковые регистры созданы автором произведения виртуозно. Стоит отметить, что языковые регистры приобретают важные культурные индикаторы, которые существенно отличают хоббита от эльфа, а орка от гнома. Данное стилистическое многообразие требует колоссального труда от переводчика.

Поэтический и возвышенный регистр является характеристикой для эльфов, мудрецов, а также героических сказаний. Данный регистр имеет отличие сложного, а порой и инверсированного синтаксисом, присутствуют также устаревшие формы и поэтические тропы; отметим авторские языки Квенья и Синдарин, фразы на представленных языках делают данный регистр арзаичным.

Просторечный и домашний регистр использован хоббитами в разговорах, а также людьми, имеющими простое происхождение. Для данного регистра являются характерными короткие предложения, вкрапления разговорных клише, просторечных выражений. Эффект близости и неприужденности для читателя создают идиомы, а также добродушный юмор.

Последним выступает грубый, примитивный и милитаризованный регистр, отвечающий свойствам орков, троллей и некоторых людей. Описываемый регистр полон угроз, вульгарной речи, военной лексики и нарочито сниженной стилистикой. Все перечисленное является отражением агрессивной и примитивной натуры говорящих.

В результате отмечает, что оригинальный текст трилогии «Властелин Колец» является для переводчика сложной многоуровневой системой. Подобная система состоит из уникальных, ономастических, культурных и стилистических элементов. Каждый элемент данной системы – это носитель части замысла втора произведения и главная составляющая атмосферы вторичного мира. Важной задачей переводчика является поиск функционально адекватных средств для переноса данной системы на русский язык, потери смысла необходимо сделать минимальными. В арсенале переводчика присутствуют следующие методы перевода: от прямой транскрипции и калькирования до описательного перевода, а также функциональной замены. Вторым шагом считается анализ того, каким образом были применены методы при разных русскоязычных переводах трилогии «Властелин Колец», а также насколько они являются успешными в воссоздании художественного мира Толкина.

Наиболее дискуссионным аспектом работы над произведением Толкина является перевод онома-

стического пространства. Анализ разных стратегий, выбранных переводчиком, способен выделить как общие закономерности, так и принципиальные расхождения, которые непосредственно влияют на восприятие мира Средиземья русскоязычными читателями. Ученые отмечают, что выбор между транскрипцией, транслитерацией, калькированием и семантическим переводом имен собственных является важным аспектом, создающим лингвокультурный облик текста.

Отметим основное противоречие в переводе ономастикона. Существует дилемма между передачей фонетической формы и непосредственным сохранением внутренней формы слова, а также его этимологического значения. Разные переводчики предлагали разные варианты решения данной проблемы.

Транскрипция с элементами транслитерации наиболее встречающийся и нейтральный прием. Приведем несколько примеров перевода на русский язык имен. «Argorn» последовательно передано как «Арагорн». «Gandalf» у разных переводчиков имеет разные переводы, у Муравьева и Григорьевой переведено как «Гэндальф», у Каменкович и Степановой – «Гандальф». Описываемый прием позволяет сохранить звуковой облик имени, но при этом полностью теряется внутренняя семантика. Слово «Argorn» имеет связь с корнем, означающим «власть», «король».

Полное или частичное калькирование было применено для случаев при значении имени или названии, признанным переводчиком ключевым для сюжета или характеристики героя трилогии. Примером служит слово «Baggins». В переводе Муравьева и Кистяковского применено калькирование – «сумкинс», от слова «сумка». Отметим, что данное решение было отброшено, так как является искусственно созданным. Более поздние переводы отвергли данный перевод слова, была применена транскрипция «Бэггинс» в переводе Грушецкого. В переводе Григорьева и Грушецкого был использован прием косвенной ассоциации, слово «torba» значит «сумка» в ряде славянских языков, в связи с этим появилось слово «Торбинс». Такой подход демонстрирует компромисс между звучанием слова и его смыслом.

Присутствие семантического перевода имеет избирательное значение. Главной его задачей стоит перевод топонимов. Приведем примеры. Слово «Rivendell» переводят как «Расселина», что в переводе Григорьева и Грушецкого является прямым калькированием, но раскрывающим суть места. Следующее слово «Mirkwood» переводят на русский язык описательно «Лихолесье». Данный перевод характерен для всех версий. Слово «Лихолесье» передает атмосферу мрачности. Слово «The Shire» в переводе Бобырь имеет вариант «Хоббитания», что является акцентом

на связь с народом. Позднее был закреплён перевод «Шир» (транскрипция).

Важной задачей является перевод имен рас, народов и мифологических существ. От переводчика в данном случае требовалась не только передача звучания, но и необходимость формирования устойчивого термина. Раса «hobbits» имела в ранних переводах значение как «коббиты». Перевод такого термина представлял сложность. Необходимо была адаптация к новому концепту. В поздних переводах закрепились транскрипция «хоббиты». Концепт «Ents» имел два варианта перевода. «Энты» явилось переводом Муравьева и Каменкович, «Оногромы» – перевод Григорьева и Грушецкого. Первый перевод является фонетическим, второй – семантически насыщенный, яркий пример приема функциональной замены. В данном случае сделан акцент на гигантском размере существ, однако была упущена связь с деревьями и философская составляющая. Концепт «Orcs» имел также два варианта перевода на русский язык. Вариант «орки» является транскрипцией Каменкович и Степановой, «гоблины» более приземистый, относящийся к широкому фольклорному контексту, у Муравьева. Второй вариант стирал авторскую специфику.

Важным моментом при переводе произведения стоит считать сохранение единообразия приемов перевода, соблюдение внутренней системности, а также единообразия внутри текста. Ранние переводы были фрагментарными и непоследовательными (одно имя могло иметь несколько значений в разных частях текста). Профессиональные переводы стремятся к выработке единой стратегии, создают целостную ономастическую систему. В подобных переводах соблюден баланс между транскрипцией имен собственных и семантическим переводом важных топонимов, а также функциональной адаптацией для культурных понятий. Такой подход к переводу позволил сформировать узнаваемый пласт русской «толкинской» лексики.

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что единой верной стратегии не существует для перевода ономастикона Толкина. Представленные приемы являются компромиссом между звуковой достоверностью, семантической точностью, культурной адаптацией и требованием сохранения целостности текста. Переосмысление подходов в переводе трилогии Толкина является процессом глубокого освоения и интерпретации замысла автора.

Литература

1. Ковальчук Н.В. Англицизмы в официально-деловом дискурсе: типология, прагматические функции и переводческая адаптация (на материале немецкого и русского языков) //

- Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 651–653.
2. Ковальчук Н.В., Бажуткина Н.В. Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 666–668.
 3. Ковальчук Н.В. Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 441–444.
 4. Куренкова Т.Ю., Злобин А.Н. Референсный художественный перевод VS цифровой художественный перевод // Дневник науки. 2026. № 1 (109).
 5. Машкова Е.В., Белозерова М.С., Кислицына Е.В., Купцова Ю.А. Актуальность переводов в эпоху цифровых технологий и межкультурного обмена опытом: тенденции и перспективы // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 2. С. 60–65.
 6. Перфилова А.А. Особенности перевода литературы жанра фэнтези (на примере перевода романа «Эрагон») // Студенческий вестник. 2026. № 4–1 (384). С. 21–22.
 7. Ситянина Н.В. Стратегии перевода композитных наименований природных объектов в английской поэзии (на материале переводов поэзии романтиков и модернистов) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2026. № 1 (60). С. 135–145.
 8. Шамилов Р.М. Понятие «стратегия перевода» в свете потребностно ориентированной теории перевода: определение и типология // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17. № 1. С. 217–234.
 9. Щербакова И.В., Резуненко И.В. Вербальные средства репрезентации эмоций «гнев», «ярость» на материале художественного произведения Керстин Гир «Изумрудная книга» на немецком языке // Современное профессиональное образование. 2025. № 10. С. 331–333.
 10. Щербакова И.В. Репрезентация эмоции «удовольствие» на материале художественного текста на немецком языке: лексический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 127–129.
 11. Щербакова И.В. Теоретические основы перевода фэнтези-литературы // Профессиональ-

ная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2026. № 19–1. С. 61–69.

WAYS TO TRANSLATE THE LINGUISTIC FEATURES OF FANTASY IN THE «LORD OF THE RINGS» TRILOGY

Shcherbakova I.V., Timashova M.V.

Don State Technical University

To objectively evaluate the strategies used by the translators, it is necessary to thoroughly examine the source text itself. J. R.R. Tolkien's literary legacy is full of unique elements that create a holistic and detailed secondary world. These elements often have no direct equivalents in the Russian linguistic and cultural environment, which poses serious challenges for the translator. Such lexical units, classified as equivalent, require the use of special translation transformations and a creative approach for adequate transmission. In the structure of works about Middle-earth, these complex components can be roughly divided into three main groups, each of which forms a specific challenge for the interpreter.

Keywords: equivalent vocabulary, onomastics, translation, song discourse, fantasy, fiction, equivalence.

References

1. Kovalchuk N.V. Anglicisms in official business discourse: typology, pragmatic functions and translation adaptation (based on the material of German and Russian languages). Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. pp. 651–653.
2. Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V. Features of the translation of news texts in the German media: pragmatic adaptation and the role of a journalist translator. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 4. pp. 666–668.
3. Kovalchuk N.V. Modern neolexicography in the context of digital transformation: the experience of Germany and Russia. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 5. pp. 441–444.
4. Kurenkova T.Yu., Zlobin A.N. Reference artistic translation VS digital artistic translation. Diary of science. 2026. No. 1 (109).
5. Mashkova E.V., Belozeroва M.S., Kislicyna E.V., Kuptsova Yu.A. The relevance of translations in the era of digital technologies and intercultural exchange of experience: trends and prospects. Successes of the Humanities. 2026. No. 2. pp. 60–65.
6. Perfilova A.A. Translation features literature of the fantasy genre (on the example of the translation of the novel "Eragon"). Student Bulletin. 2026. No. 4–1 (384). pp. 21–22.
7. Sityanina N.V. Strategies for translating composite names of natural objects in English poetry (based on translations of poetry by Romantics and modernists). Actual issues of modern philology and journalism. 2026. No. 1 (60). pp. 135–145.
8. Shamilov R.M. The concept of "translation strategy" in the light of the need-oriented theory of translation: definition and typology. Word.<url>: Baltic accent. 2026. Vol. 17. No. 1. pp. 217–234.
9. Shcherbakova I.V., Rezunenکو I.V. Verbal means of representing emotions "anger", "rage" based on the material of Kerstin Geer's artistic work "The Emerald Book" in German. Modern professional education. 2025. No. 10. pp. 331–333.
10. Shcherbakova I.V. Representation of the emotion "pleasure" on the material of a literary text in German: a lexical aspect. Socio-humanitarian knowledge. 2026. No. 6. pp. 127–129.
11. Shcherbakova I.V. Theoretical foundations of fantasy literature translation. Professional communication: current issues of linguistics and methodology. 2026. No. 19–1. pp. 61–69.

Метафизика силы как обоснование субстанциализма в философии Г.В. Лейбница

Торубарова Татьяна Викторовна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Курский государственный университет
E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Статья посвящена осмыслению проблемы субстанциальности в метафизике Лейбница. Эксплицируется положительное понятие субстанции, в коей сила становится фундаментальной характеристикой субстанции. Дается обоснование субстанции как субъекта в аспектах возможности, сущности и существования. Проявлен единичный характер силы в мышлении, тогда как сила постулируется в контексте субстанциальной определенности. Раскрывается характеристика силы как стремления, воли, в частности, свободы воли. Анализируется способ существования монады как силы, воли к ясному, отчетливому представлению. Субстанциальное единство рассматривается в горизонте соотношения духовного и материального (протяженного) измерения. В контексте осмысления «силы» ставится вопрос о «начале движения». Делается вывод о господстве над миром представляющего субъекта как функции воли, стремящейся к самопредставлению. Раскрывается суть мышления как конституирующего фактора мира. Автор приходит к выводу, что субстанция в философии Лейбница есть деятельная сила, тождественная воле и стремлению к ясному представлению. Мир оказывается конституированным представляющим субъектом, а его единство – следствием множества индивидуальных монадических перспектив. Метафизика силы закладывает основания последующего волонтаризма и субъективного идеализма.

Ключевые слова: сила, принцип, мышление, стремление, бытие, субстанция, сущность, воля, субъект, онтологический, возможность, единство, метафизика, монада, представление, свобода.

Введение

Вопрос о единстве мира является фундаментальным в контексте философского осмысления. Еще в античности мир понимался как гармоничный порядок всего сущего, где «единое есть все» (Гераклит). В средневековом мировосприятии осмысление единства разрешалось в контексте теологического понимания. В антропоцентрическом горизонте сознания единство мира становится проблемой. Ведущие метафизические концепции Нового времени искали принцип единства в субстанциальности. В контексте метафизических поисков важно было выяснить, какова та единая сущность, которая удерживает мир от распада и делает его целостным. Субстанция заключает в себе основание своего бытия и в монадологической интерпретации субстанциальности Лейбницем она осмысливается в онтологической перспективе. Но то существенное, что добавляет к этому Лейбниц – это ее положительное определение. «Таким образом, – пишет он, – пришлось снова обратиться к *субстанциальным формам* ... Итак, я нашел, что природа этих форм состоит в силе» [6, с. 272]. То есть сила становится фундаментальной характеристикой субстанции как субъекта. Такое обоснование есть ничто иное, как дезэкзистенциализация мира, то есть привидение наглядно зримых изменяющихся свойств вещи к тому, что является их субъектом как подлежащее, и, что уже не дано в чувственном, а только мыслится как его возможность, как «причина согласованных чувств». Сущностное знание о вещи всегда связано с выяснением её возможности. Возможность, как субъект существования вещи, совпадает с возможностью мысли о ней, которая имеет дело не только с чувственным созерцанием, а задается вопросом о его истоке.

Таким образом, эссенциальное обоснование мира случайных конкретных вещей есть онтологическое оправдание представляющего мышление. Сущность, которую можно задавать вне конкретно сущего, хотя интенционально и направленного на него, есть источник контролируемого рефлексивным мышлением существования вещей. Но такая сущность уже не может мыслиться как абсолютно необходимая субстанции Спинозы, безразличная к своим модусам, а должна быть ни чем иным как принципом индивидуации. Необходимым в вещи является её возможность как субъект, собирающий на себе ее эмпирические свойства именно

как данной конкретной вещи. Отсюда каждому зримому единству в природно-сущем мире соответствует свое субстанциальное основание. Онтологическая возможность вещи как её подлежащее есть вместе с тем и возможность помыслить её, а не только созерцать чувственно наглядным образом. Более того, именно в представляющем мышлении как мышлении математическом, то есть знающем о вещи нечто наперёд (необходимость субъекта, предшествующего существованию вещи) и конституируется онтологическая сущность вещи. Но для того, чтобы мышление не ограничивалось лишь абстрактной сущностью, а имело дело с сущностью актуальной, предметно-данной вещи, эта сущность с необходимостью должна быть задана деятельным, энтелехийным образом, порождающим самую конкретность её существования. «Сила есть нечто субстанциальное, которое затем наделяется восприимчивостью и стремлением...» [12, с. 499]. «...понятие силы является необходимым для понимания субстанции, но ... (Лейбниц) ...не освещает внутреннюю связь между характеристиками силы и единства субстанции» [12, с. 495]. Сила в мышлении Лейбница имеет единичный характер и этим оно отличается, например, от мышления А. Шопенгауэра, в котором абсолютная воля является основанием для всех конкретно-сущих вещей «представлений» Универсума. В самом деле, поскольку в чувственном созерцании протяжённые тела движутся и действуют в совершенно различных направлениях (а сила мыслится в качестве источника и вектора их движения), в том числе и противоположного, то их субстанциальным основанием не может быть одна и та же сущностная сила, что означало бы её самоуничтожением, в то время как она является принципом самой возможности вещи. Но если такая единичная возможность – сущность – сила есть источник именно данного предметного единства (тела), то и сама актуализация может иметь только одно единственное направление. Приписывание данной субстанциальной сущности иных направлений актуализации в дополнение данной означало бы её внутреннее ограничение.

Из единичности силы следует бесконечное разнообразие субстанциальных форм или монад. Сложное предметно-телесное образование в философии Лейбница может быть подчинено одной энтелехийной силе или «господствующей монаде» (так устроены все органические тела), но оно должно быть уже в себе субстанциально обоснованно в каждом предельно мысленном единстве, которое ему можно приписать. Таким образом, в лейбницево-философии выступает плюрализм субстанциальных форм, констелляция которых является собой метафизический «каркас» Универсума. Монадическое единство есть центр аккумуляции объединяющей силы, энергичность которой эксплицируется в первичной, простой силе *vis primitiva*

и динамичной активности, энтелехии *vis activa*, коя есть самопобуждение, ибо содержит в себе причину своего раскрытия. «...активная сила, – пишет Лейбниц, – содержит в себе некую действенность, или энтелехию, и составляет нечто среднее между способностью действия и самим действием, предполагая устремление» [8, с. 246]. Она обладает мощью собственного превосхождения, поскольку позволяет сущему выходить из себя с целью достижения результата в самом себе. Субстанция, будучи метафизической основой единства всего сущего, заключает в себе стремление как неделимое единство, конституирующий принцип, определяемый концептом *conatus* (стремление, активная сила). Стремление как внутреннее субстанциальная сила направлена на совершенствование и сообщает всему сущему его изначальное единство. Сила становится фундаментальной характеристикой бытия всего сущего, а мир, по сути дела, силовым Универсумом [14]. Влечение суть *appetitus*, заключающая в себе внутреннюю тенденцию к изменению, выражающуюся в самопревышении и побуждении. Объединяющая субстанциальная сила – влечение (*conatus*) понимается как единство восприятия и тенденция к изменению, эксплицирующая в себе самое многообразие. Лейбниц по сути дела преобразует картезианский принцип *Ego cogito*, включая в него влечение в качестве бытийной характеристики. Если Декарт только поставил новую проблемную парадигму, то «Заслуга развития парадигмы субъективности принадлежит Лейбницу. Лейбниц задался вопросом о всеобщей определяющей функции понятия субъекта... Субъективность становится, таким образом, не просто частью, осколком мира, а его пульсирующим началом, тем из чего, собственно, разворачивается и осуществляется сам мир и его определения» [1, с. 19]. «Лейбниц ведёт речь о субъекте (Я) и субстанции. При этом само понятие «субстанция» он начинает употреблять уже в том значении, в котором оно будет применяться у Гегеля... В отличие от традиции, для которой понятие субстанции было по сути дела невыводимым, общим аксиоматическим понятием, и никак не могло рассматриваться в качестве производного от таких единичных понятий, как субъект, «Я» и др., Лейбниц выводит субстанциальность из идеи «Я», причём не индивидуального «Я», а множества «Я», существующих в мире. Согласно Лейбницу только в силу того, что другие существа имеют право сказать о себе «я», я могу понять, что в мире существует субстанция» [1, с. 21].

Таким образом, субстанция Лейбница становится субъектом, способами существования которого являются восприятие (*perceptio*) и стремление (*conatus*) к наиболее полному представлению Универсума. Стремление понимается как характеристика воли. «Воля, – разъясняет Лейбниц, – есть осознанное стремление к действию»

[4, с. 307]. Перспективно представляющее мышление, полагающее в процессе осуществления своей практически-познавательной процедуры все сущее в качестве объектов, конституируемых самим актом сознания, стремится к абсолютному самосознанию, утверждающемуся как воля. Согласно Лейбницу: «Мы находим в себе самих силу начинать или не начинать различного рода действия нашей души и движения нашего тела, и притом только мыслью или выбором нашего духа, решающего, что такое-то определённое действие должно быть совершено или не совершено. Эту силу мы называем волей (*volonte*)» [7, с. 172].

Лейбниц в своей концепции допускает наличие свободы воли. «Спрашивать, зависит ли свобода от нашей воли, равносильно тому, чтобы спрашивать, зависит ли воля от нашей воли», – утверждает Лейбниц. – Свободное и произвольное означает одно и то же. Ибо свободное есть тоже самое, что и спонтанное в соединении с рациональным, и хотеть – это обращаться к действию под влиянием восприятия интеллектом основания: чем чище разум и чем слабее примесь тупого побуждения и смутного восприятия, тем свободнее действие...». Здесь важно обратить внимание на то, что рациональность, согласно Лейбницу, является изначальной характеристикой человеческой воли: интеллектуальное восприятие той или иной идеи как основания для действия сопутствует человеческому волеию, которое, с этой точки зрения, не может быть сведено к «тупому побуждению», слепому хотению» [2, с. 160].

Согласно «принципу достаточного основания», все происходящее в мире совершается в соответствии с этим принципом, однако, когда мы апеллируем к свободным факторам, каузальный ряд их действий составляет «склонность без необходимости». Как отмечает М Хайдеггер: «Мы в нашем поведении и представлении оказываемся на пути к основанию, как будто это происходит само собой. ... В нашем поведении всегда учитывается то, что говорит положение об обосновании. Тогда неудивительно следующее: везде, где человеческое представление действует не только интуитивно, но и обдуманно, и ему со временем открывается тот факт, что оно следует за тем, что только позднее специально выскажет предполагаемое положение об обосновании. Это (то, что человек есть то, что он есть благодаря положению об основании) с трудом им осознаётся» [15, с. 21].

Горизонт свободного простираения действительных усилий Бога соотносится с законами логики, представляющих ему широчайший выбор, но никакая логика не принуждает его поступать тем или иным образом. Монада, собирая на себе причину (формальную, действующую, целевую), существует как развёртывание воли, силы к ясному отчётливому представлению. Утверждая монады в статусе духовных единиц, Лейбниц по сути дела отказы-

вает протяженности в статусе субстанции, потому что: 1) протяженность является таким же субъективным феноменом как те, которые Р. Декарт называл «вторичными качествами». «Можно даже доказать, что понятие величины, фигуры и движения вовсе не так отчётливо, как воображают, и что оно включает в себя нечто мнимое и относящееся к нашим восприятиям» [11, с. 135]. 2) Протяженность не есть действительно ранее не разложимое понятие, анализ, считает Лейбниц, здесь прерван искусственно и произвольно, поскольку протяженность предполагает простирающегося субъекта: «...природа тела не состоит в одной лишь протяженности, так как, развертывая понятие протяженности, я заметил, что оно является относительным к тому, что должно быть протяжённо, и означает распространение, т.е. повторение, какой-то природы» [9, с. 219–220]. Разнообразие материальных форм также не редуцируемо из понятия протяженности, индифферентной к той или иной форме, которую она принимает. Тем не менее, мы не имеем дело с пассивным опытом материи. Материя оказывается некоторой динамической основой природно – живущих существ, сгустком силовой напряженности. Как отмечает Лейбниц: «... каждая часть материи не только способна к бесконечной делимости, ... но кроме того, и действительно подразделена без конца, каждая часть на части, из которых каждая имеет свое собственное движение; иначе не было бы возможно, чтобы всякая часть материя была в состоянии выражать весь универсум» [5, с. 425]], ибо в силу своей производности от духовности, ей присуще стремление к репрезентации, обнаружению себя в присутствии. «Более продуманный начальный критический пункт системы Лейбница выразился в признании внутреннего, душевного мира за единственный источник понятия «субстанциальности»; тем самым материя была низведена на степень феномена. В этом величайшая историческая заслуга Лейбница» [13, с. 117–118].

Монада суть единство пассивной и активной силы. Согласно Лейбницу: «Пассивная сила собственно составляет материю... активная – энтелехию (*ε ntelε σεiα*), т.е. форму» [9, с. 221]. Без наличия предела («тела» или материи) невозможно было бы конституировать единичность или индивидуальность монады, но вместе с тем, чтобы обеспечить возможность бесконечного стремления сущности к существованию он должен быть задан как потенциально бесконечный. Лейбниц убеждён, что «...во вселенной нет ничего невозделанного, или бесплодного: нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения, разве только по видимости» [5, с. 425].

Такая свобода антропоцентрического логоса получает своё наиболее последовательное выражение незнающей никаких ограничений способности суждения, превращающей все в экви-

валент объективирующей, исчисляющей мысли, оперирующей математическими характеристиками. Например, «...то, что мы называем рождениями, представляет собой развития (developpments) и увеличения, а то, что мы зовем смертями есть свёртывания (enveloppments) и уменьшения» [5, с. 426], а «...всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные» [5, с. 424]. Человек утверждает в роли универсального механизма, способного к самовоспроизведению на уровне ясности и отчетливости, но для этого, говорит Лейбниц «... надо раз навсегда принять себе за закон полагаться впредь на однажды понятые решения разума и следовать им, ... Это необходимо, чтобы стать наконец господином над страстями, ... приобрета привычку действовать согласно разуму ...» [7, с. 188]. В отличие от субстанциального обоснования, данного Б. Спинозой, Лейбниц исходит из представлений об интеллектуальности универсума, усматривая возможности конститутивного полагания во множественности индивидуальных субстанций суть духовных единиц (монад). Монада «...есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [5, с. 413]. Именно простота является основой и условием многообразия представлений всего сущего. На основе аргумента протяжения как беспредельной делимости Лейбниц делает вывод о невозможности его конститутивного полагания. Единство может быть достигнуто только через то, что не может быть протяжённым, то есть через абсолютно простое, чем по сути дела и является монада, его.

Наделение протяженности субстанциальным статусом в метафизике Р. Декарта было в некотором роде ограничением силы представляющего мышления, поскольку оно имело дело с готовыми материальными формами. Подобно тому, как *cogitatio* Декарта имело дело с готовыми феноменами (которые имплицитно были конструкциями самого субъекта; для того, чтобы Универсум предстал в протяжённых феноменах, он должен быть известным образом препарирован) оно относилось и к самому себе как некой готовой, всегда данной форме, которую оно может осуществить в акте *Ego cogito*. Лейбниц же, ставя вопрос о возможности мышления о природно-сущем, тем самым, должен неминуемо задаваться вопросом и о возможности самого мышления, или о том, что ему предшествует. Таким образом, *cogitatio* Декарта, атрибутируемое через ясное и отчётливое представление, в лейбницевом варианте приобретает следующую значимость: а именно, последнее становится лишь его особенным модусом.

Так, в философию Нового времени входит идея бессознательного, предшествующего ясному

рефлексивному мышлению. Поскольку мышление освобождалось из пут ясного и отчётливого представления, то это создавало возможность вывести из-под его контроля чувственность и волю, которые в медитациях Декарта в качестве актуальных являлись модусами мышления и, тем самым, представить их в собственной сути (но эта возможность не была реализована и в философии Лейбница). Представляющее мышление попадало в собственную ловушку, поскольку не могло представить необходимое условие своей реализации, так как в качестве представленного для рефлексивного разума оно становилось его следствием. Отсюда странные колебания, двусмысленность воли в метафизике XVII века и неумное стремление от Декарта до Лейбница интеллектуализировать волю, целью которого было поставить под контроль сам исток представления, который очевидно не мог быть разумным. Но коль скоро разум в философии Нового времени задан в волевом измерении и если он стремится осмыслить исток своей сущности, то это есть нечто иное, как воление воли к встрече с самой собой. Воля, получив в представляющем разуме невиданный инструмент господства, поскольку разум фиксирует в единстве все наличные возможности её развёртывания, впадает в иллюзию возможности представить самую себя. Но эта иллюзия относится к самой её сущности, поскольку лишь благодаря ей может быть обеспечено движение воли как бесконечное превосхождение самой себя. Только так возможно основание бесконечного изменения Универсума протяжённо-телесных вещей, то есть уже опредмеченных представлением. Стремясь к самопредставлению, воля эксплицирует все новые и новые горизонты господства над миром, оставаясь абсолютно неведомой в своей сущности. Тем самым движение и развитие Универсума в метафизике Нового времени неразрывно сопряжено с ростом господства над миром представляющего субъекта как функции воли, стремящейся к самопредставлению. По существу, идея бесконечного развития, высказанная в метафизике Лейбница, была следствием того, что, несмотря на отмеченную тенденцию интеллектуализировать волю («идея воли заключает в себе идею разума») [7, с. 416], воля, фиксируемая внутри представления, понималась как сила, обеспечивающая переход от одного представления к другому (*appetition*). Тем самым, не явно признавалось, что генезис представлений невозможен без волевого участия, реализующего принцип бесконечного развития усилий представляющей монады. Монады нематериальные, они не обладают протяжением, не могут получить начало или погибнуть естественным путём: «... они могут получить начало только путём творения и погибнуть только через уничтожение...» [5, с. 413] их Богом. Монады вызваны к бытию актами божественного творения, «... составляют *Ego*

создания и рождаются... из непрерывных, от момента до момента, изучений (fulgurations) Божества...» [5, с. 421] и не подвержены внешнему воздействию. Бог, как творец всего сущего сотворил все вещи разными, в природе нет одинаковых монад. Принцип индивидуации – источник уникальности и неповторимости каждой вещи. Иерархический порядок всего существующего обусловлен степенью ясности и отчетливости, с которой каждая из монад отражает универсум. Однако, им присуща определённая смутность в восприятии, количество коей изменяется в зависимости от достоинства монады. Если бы вещи не содержали отличие друг от друга, они представляли бы одно и то же и только «Различимая мыслимость, – говорит Лейбниц, – дает вещи порядок, а мыслящему – восприятие красоты. Ибо порядок – это не что иное, как различимое (distinctiva) отношение совокупности вещей. Беспорядок же – это такое состояние, когда налицо много вещей, но нет основания отличить одну от другой» [10, с. 235]. Следовательно, субъекту имманентно должно быть присуще свое собственное определение, суть различие. «Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия внутреннего или же основанного на внутреннем определении» [5, с. 414]. Но коль скоро «... естественные изменения монад исходят из внутреннего принципа» [5, с. 414], то существует необходимость искать внутренний источник движения бытия, причём этот источник должен быть тождественным субстанции, так как определённость и производимое ею изменение есть существующее в себе самодостаточное единство.

Неделимая метафизическая точка должна порождать собственное усилие и вместе с тем – движение в пространстве и времени. Скажем более точно: неделимость конституируется в самом усилии. В понятии усилия в единстве мыслится следующее содержание: начало движения, метафизическая точка и, собственно, усилие или стремление, но одновременно эти определения являются определениями ума, поскольку последнему также свойственно быть неделимой метафизической сущностью (точкой) и порождать движение мышления в непрерывно разворачивающемся усилии, так как мышление есть действие в себе самом. Начало движения (conatus) составляет также и принцип телесного единства. Но вместе с тем, в таком архаичном концепте как «начало движения» продумывался вопрос об истоке природно-телесных единств, решение которого в более отдалённой перспективе позволило Канту обосновать возможность априорных синтетических суждений.

По существу, лейбницево «начало движения» являет собой некий ментальный гибрид. Если это движение мыслится как актуализация, то есть вполне в аристотелевском смысле, то в другом

плане оно отвечает новоевропейской парадигме, поскольку является бесконечным, то есть пределы актуализации данной вещи существуют только благодаря действию других аналогично стремящихся сущностей «...субстанция получает от другой ... субстанции не самую силу действия, но только границы и определение своего уже предшествующего усилия (nisus) или способности действия» [8, с. 246]. Таким образом, начало движения и «связности тел» конституируется в метафизической неделимой точке, реальное существование которой состоит в непрерывном усилии, поскольку для его прекращения требовалось прекратить существование метафизической точки, что не может произойти естественным образом, так как она лишена протяженности и любого другого физического содержания. Но так мыслимая точка оказалась ничем иным, как определением ума. И здесь лейбницева мысль совершает интересный поворот (не без влияния Гоббса), состоящий в физикализации ума посредством удивительного определения тела: «... всякое тело есть мгновенный ум, а потому ум без сознания, ощущения и воспоминания. Если бы в одном теле могли ... пребывать за раз два противоположных усилия, то всякое тело было бы истинным умом» [16, с. 248], поскольку «...для чувства, для удовольствия или печали необходимы две вещи: действие и противодействие, то есть сравнение, и поэтому гармония» [16, с. 258]. Следовательно, мышление есть удержание в одной точке различных и противоположных усилий. Более точным определением ума будет поэтому не единственное усилие, но их совместное бытие в одном уме.

В результате такого обстояния и сам ум конституируется только по отношению к миру как множеству разнонаправленных усилий. «Многоразличие» изменений, отношений, объемлет многое, заключённое в едином или простом. В этом смысле Лейбниц разъясняет: «Мы в самих себе можем наблюдать множество в простой субстанции, если обратим внимание на то обстоятельство, что наималейшая мысль обнимает разнообразие в её предмете» [5, с. 415]. Влечение как постигающее объединение есть непрерывное самопревосхождение, реализуемое в активности представления, то есть устремленное к тому, чтобы заранее обладать единством. Влечение, являющееся внутренней субстанциальной сущностью, определяется как постигающее движение, вследствие чего оно развёртывается в горизонте предвосхищающего репрезентативного действия, простирающегося в свободном движении. Влечение существует в перспективе собственного самопостижения. В результате своей направленности на самопревышение, оно открыто для самого себя. Самооткрытость есть измерение самой сущности влечения, которое, схватывая на себе собственную самость, полагает себя в способности самовос-

приятия. Это есть способность апперцепирования, то есть рефлексивного познания. Следовательно, если перцепция продуцирует внешние вещи, то апперцепция является рефлексивным познанием внутреннего состояния монады. Каждая субстанция обладает способностью полного самопостижения в силу своей самооткрытости. Само представление монады основывается на самопостигающем влечении. Внутреннее монадическое единство и соответствующая ему возможность схватывания в представлении всего сущего конституируют неповторимость каждой единицы. Такая объединяющая функция представления составляет сущность монады, через которую она себя индивидуирует и определяет её принцип индивидуации. Потенциальная сущность индивидуации основывается на принципе монадического влечения. Монада конечна в силу своего потенциального усилия по собственному упорядочению, совершаемому только в отдельной перспективе, но по отношению ко всему Универсуму. Конечность влечения характеризует природу первой материи, которая является пассивной потенцией для тотального осуществления субстанции. Пассивность вторичной материи (нагромождение многих субстанций) обусловлена её феноменальным характером. Единство и единственность бытия заключено в монадической структуре субстанциальности. Субстанциальность как тождественность и изначальное единство, концентрирующее в себе весь Универсум, соотносится с ним как объектом абсолютного божественного знания. Логос такой свободы простирается в метафизической горизонте субстанциальности, в которой мир становится представлением.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что в субстанциальной доктрине Лейбница берет свое начало метафизика субъективности, питаемая ключевые интенции спекулятивного мышления Гегеля в его стремлении «...понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект» [3, с. 9]. Монада есть субъект, способом существования которого является восприятие и стремление. Стремление по своей внутренней сути есть такая активность, которая обеспечивается прежде всего собственной импульсивностью. Поэтому монада как субстанция является «его» в его самостной энергичности, открытой в себе и для себя в собственных способах существования. Сознание как высшая степень перцепции, называемая Лейбницем апперцепцией, есть предельное выражение монад. Смутные представления, не доходящие до различения, образуют монады в их страдательной материальной сути и не могут иметь субстанциальной определённости, ибо телесная непрерывность ни что иное, как протяжение; пространство же как

такое есть ничто, так как существует в чем-то другом. Протяженность не гарантирует существования. Таким образом, с одной стороны, задается бесконечное пространство, с другой – само пространственное существование вещи может быть связано с отсутствием бытия. Это характеристика самой способности бытия. В философии Лейбница получают свое метафизическое обоснование принцип свободной активности, ибо в ней все сущее наделено стремлением представлять все мироздание в целом в соответствии с присущей ей индивидуальной перспективой. Лейбница можно по праву считать предтечей Канта и в том смысле, что он ставит вопрос об условиях возможности мышления. И, наконец, метафизическое обоснование силы, в качестве природы субстанции, понятой как субъект, предоставляет воле бесконечную перспективу, ведущую к миру как воле и представлению А. Шопенгауэра, бытию как воли к власти Ф. Ницше.

Литература

1. Быкова М.Ф. Мистерия логики и тайна субъективности [Текст]: о замысле феноменологии и логики у Гегеля / М.Ф. Быкова. Москва: Наука, 1996. 236 с.
2. Водолагин А.В. Метафизика воли. Волюнтаристическая традиция в истории западной философии / А.В. Водолагин. Санкт-Петербург, Москва: Нестор-История, 2012. 283 с.
3. Гегель Г. В.Ф. Феноменология духа. Наука: Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. 441 с.
4. Лейбниц Г.В. Два отрывка о свободе // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 307–317.
5. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. Т. 1. – С. 413–429.
6. Лейбниц Г.В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 271–281.
7. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 48–545.
8. Лейбниц Г.В. Об усовершенствовании первой философии и о понятии субстанции // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 244–246.
9. Лейбниц Г. В. О природе тела и движущих сил // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 219–227.
10. Лейбниц Г.В. Порядок есть в природе // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 234–236.
11. Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 125–163.
12. Сергеев К. А., Коваль О.А. Монадология Лейбница: мир как представление // Homo philosophans. Серия «Мыслители»: Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Санкт-

Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 12. С. 480–505.

13. Сретенский Н.Н. Лейбниц и Декарт: критика Лейбницем общих начал философии Декарта: очерк по истории философии / Н.Н. Сретенский. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 181 с.
14. Торубарова Т.В. Метафизика антропоцентрической свободы (от Декарта к Канту). Курск: Курск, 1994. 144 с.
15. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О.А. Коваль, предисловие Сиверцева Е.Ю. СПб: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, 1999. 289 с.
16. Ягодинский И.И. Философия Лейбница: Процесс образования системы: Первый период. 1659–1672. Казань: типо-лит. Ун-та, 1914. 432 с.

THE METAPHYSICS OF FORCE AS A FOUNDATION FOR SUBSTANTIALISM IN THE PHILOSOPHY OF G.W. LEIBNIZ

Torubarova T.V.

Kursk State University

This article is devoted to the conceptualization of the problem of substantiality in Leibniz's metaphysics. It explicates the positive concept of substance, in which force becomes its fundamental characteristic. The article provides a justification of substance as a subject in the aspects of possibility, essence, and existence. It highlights the singular nature of force in thought, while force is postulated within the context of substantial determinacy. The article reveals the characterization of force as *conatus* (striving) and will, specifically free will. It analyzes the mode of existence of the monad as a force—a will toward clear and distinct representation. Substantial unity is examined within the horizon of the relationship between the spiritual and the material (extended) dimensions. In the context of conceptualizing «force,» the question of the «principle of motion» is raised. The article concludes that the representing subject dominates the world as a function of the will, which strives for self-representation. Finally, it reveals the essence of thought as the constitutive factor of the world. The author comes to the conclusion that substance in Leibniz's philosophy is an active force, identical to will and the desire for a clear idea. The world turns out to be a constituted representative subject, and its unity is a consequence of a multitude of individual monadic perspectives. The metaphysics of force lays the foundations for subsequent voluntarism and subjective idealism.

Keywords: force, principle, thought, striving (*conatus*), being, substance, essence, will, subject, ontological, possibility, unity, metaphysics, monad, representation, freedom.

References

1. Bykova M.F. The mystery of logic and the mystery of subjectivity [Text]: on the concept of phenomenology and logic in Hegel / M.F. Bykova. Moscow: Nauka Publ., 1996. 236 p.
2. Vodolagin A.V. Metaphysics of will. The Voluntaristic Tradition in the History of Western Philosophy / A.V. Vodolagin. St. Petersburg, Moscow: Nestor-Istoriya, 2012. 283 p.
3. Hegel G. V.F. Phenomenology of the spirit. Nauka: St. Petersburg publishing House, 1992. 441 p.
4. Leibniz G.V. Two excerpts on freedom // Writings: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 307–317.
5. Leibniz G.V. Monadology // Writings: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 413–429.
6. Leibniz G. V. A new system of nature and communication between substances, as well as the connection existing between the soul and the body // Essays: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 271–281.
7. Leibniz G.V. New experiments on the human understanding of the author of the system of preset harmony // Essays: in 4 volumes M.: Mysl, 1983. Vol. 2. pp. 48–545.
8. Leibniz G.V. On the improvement of the first philosophy and the concept of substance // Essays: in 4 volumes M.: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 244–246.
9. Leibniz G.V. On the nature of the body and the driving forces // Essays: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1984. Vol. 3. pp. 219–227.
10. Leibniz G.V. Order is in nature // Essays: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 234–236.
11. Leibniz G.V. Reasoning about metaphysics // Essays: in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1982. Vol. 1. pp. 125–163.
12. Sergeev K. A., Koval O.A. Leibniz's monadology: the World as a representation // Homo philosophans. The series «Thinkers»: A collection dedicated to the 60th anniversary of Professor K.A. Sergeev. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2002. Issue. 12. pp. 480–505.
13. Sretensky N.N. Leibniz and Descartes: Leibniz's criticism of the general principles of Descartes' philosophy: an essay on the history of philosophy / N.N. Sretensky. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007. 181 p.
14. Torubarova T.V. Metaphysics of anthropocentric freedom (from Descartes to Kant). Kursk: Kursk, 1994. 144 p.
15. Heidegger M. The Foundation Statement. Articles and fragments / Translated from German, glossary, afterword by O.A. Koval, preface by E.Y. Sivertseva. St. Petersburg: Laboratory of Metaphysical Research of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University, 1999. 289 p.
16. Yagodinsky I.I. Leibniz's philosophy: The process of system formation: The first period. 1659–1672. Kazan: tipo-lit. University, 1914. 432 p.

Понятие несотворённой свободы в метафизике Н.А. Бердяева

Шестаков Евгений Александрович,

преподаватель Детской школы искусств № 2 г. Надым;
настоятель прихода храма Рождества Христова п. Пангоды
E-mail: e.shestakoff@mail.ru.

В статье исследуется понятие несотворённой, или меонической, свободы – одно из наиболее дискуссионных положений метафизики Н.А. Бердяева. Цель работы состоит в уточнении содержания понятия «ничто» (Ungrund) и его значения в концепции свободы. Методологическую основу составляют историко-философский, сравнительный и герменевтический анализ текстов Бердяева и их интерпретаций. Показано, что представление о свободе как начале, не выводимом из бытия и не детерминированном Богом-Творцом, формируется у мыслителя не сразу и получает завершение в работах зрелого периода творчества. Обосновывается тезис, согласно которому понятие «ничто» (Ungrund) можно трактовать не как самостоятельную сущность или предшествующую Богу реальность духовного мира, а как символ (мифологему) несотворенной безусловной свободы. Такая интерпретация соответствует символично-мифологическому характеру религиозной философии Бердяева и позволяет отказаться от онтологизации «ничто». Вместе с тем символическое прочтение не устраняет проблемности в понимании несотворённой свободы, Божественного всемогущества и ответственности за зло. Поставленные Н.А. Бердяевым вопросы этики и богословия остаются актуальными для современности в эпоху духовного кризиса; неоднозначность его трактовок и подход к решению проблемы свободы сохраняют внутреннее напряжение и могут быть основой для продолжения философского поиска ответов на эти вопросы.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, Я. Бёме, Ungrund, несотворённая свобода, меоническая свобода, творчество, теодицея, мифологема, символ.

Целью данного исследования является реконструкция генезиса идеи несотворенной свободы Н.А. Бердяева, ее мистических истоков и философских оснований через переосмысление понятия «ничто» (Ungrund) как мифологемы – символа, выражающего иррациональную свободу. Основной вопрос – как интерпретировать «ничто» (Ungrund) у Бердяева: как онтологическую категорию или как мифологический символ? Объектом исследования для настоящей статьи является философское творчество Н.А. Бердяева, предметом – его метафизическая концепция свободы. Гипотеза исследования: идею «ничто» (Ungrund) в метафизике Н.А. Бердяева можно интерпретировать не как онтологическую реальность (существующую «до» Бога), а как мифологему – символический образ, описывающий тайну свободы, выходящую за пределы рассудочного понимания и требующего особого «гнозиса» сверхрационального постижения.

Основными задачами данного исследования являются: анализ возникновения и развития идеи несотворенной свободы в философии Н.А. Бердяева, ее взаимосвязь с проблемами личности и творчества; описание специфики метафорического языка философии Н.А. Бердяева; сравнительный анализ идеи несотворенной свободы Н.А. Бердяева и Я.Беме. Новизна исследования заключается в рассмотрении идеи несотворенной свободы, как концептуального ядра метафизики Н.А. Бердяева через гносеологический анализ мифологемы, позволяющий выделить глубокое внутреннее единство всех видов свободы, а также определяющее значение тезиса о «безосновности» несотворенности свободы.

Генезис учения Н.А. Бердяева о несотворённой свободе

Концептуальное ядро метафизики Н.А. Бердяева составляет идея несотворенной свободы, как иррационального начала, являющейся условием развития мира и человека от небытия к миру духа, как вечному богочеловечеству. Концепция несотворенной свободы сложилась в метафизике Н.А. Бердяева не сразу: в «Философии свободы» (1911), которую автор признавал «несовершенным эскизом» своей метафизики, еще отсутствует утверждение «примата свободы над бытием». Проблема свобода не получает развёрнутого метафизического обоснования, но уже утверждается её логический

и экзистенциальный приоритет по отношению к бытию [19, с. 214–223]. Логика ранних работ Н.А. Бердяева построена на антиномиях свободы и рационалистической необходимости, веры и принуждающего разума, духовного опыта и объективации, и в большей мере, посвящена свободе как условию религиозного познания.

В работах «Смысл творчества» (1916) и «Мирозерцание Достоевского» (1924) Н.А. Бердяев обращается к проблеме несотворенной свободы, как иррациональной тайны бытия, называя свою метафизику «философией духа», где дух понимается как «свобода, творческий акт, личность, общение любви» [6, с. 138]. В этот период, метафизическое обоснование идеи несотворенной свободы Н.А. Бердяев находит в учении Якоба Бёме об Ungrund – безосновной, тёмной и иррациональной бездне, предшествующей всякому бытию. В работе «Из этюдов о Я.Беме», Бердяев истолковывает Ungrund как изначальную, не детерминированную даже Богом, меоническую свободу [11, с. 57]. Здесь речь идёт не о простом заимствовании бёмевской теософии, а о её философской радикализации: если у Бёме тёмная бездна остаётся моментом внутрибожественной жизни, то у Бердяева она приобретает статус начала, логически стоящего вне отношения тварности, – начала, которое не создано Богом и не зависит от него.

В поздних сочинениях – «Философия свободного духа» (1928), «Дух и реальность» (1937), «О рабстве и свободе человека» (1939) – метафизическая основа концепции несотворенной свободы переосмысливается автором: идея несотворенной свободы мыслится «персоналистически», т.е. как свойство личности, противостоящей безличной необходимости природного и социального мира, приобретая подчеркнуто экзистенциальное измерение [4, с. 52].

Проблема свободы, личности и творчества

Человек – это «дитя» двух миров: с одной стороны, человек сотворен Богом, с другой – в нем есть искра несотворенной свободы, поэтому история человечества – это «трагедия свободы»: человек через творческий акт «прорывается» сквозь закон необходимости к трансцендентной свободе. Идея «несотворенной свободы» придает метафизике Н.А. Бердяева трагически-героический характер, поскольку Бог нуждается в человеке так же сильно, как человек в Боге [7, с. 117]. В процесс духовного творчества человеческой личности включен и Бог, образ и подобие которого в человеке имеет зеркальное отражение в Нем, как «человечность божества», которая так же развивается – Бог в своем «человеческом» так же познает новое, что ничем, и им самим, не предопределено: «Творческая прибыль рождается из свободы творящего. Это – абсолютный прирост к самому Божеству. Человек

призван обогатить саму божественную жизнь [10, с. 62]. «Продолжая дело божьего творения, человек творит и сам себя, свои нравственные духовные качества и реальные поступки, недетерминированные и противоречащие законам и условиям материального мира – любовь, нравственный подвиг, героизм – это явления творческого духа», – утверждает Н.А. Бердяев [2, с. 78–79].

История движется к Богочеловечеству, где божественный замысел реализуется свободно, а не по принудительному закону, т.е. Божья воля становится волей человека не в силу подчинения, а в силу свободного избрания. Царство Божие – это только мечта, но не предначертанный и предустановленный порядок, путь к духовному миру идет не «по рельсам», а создается из множества индивидуальных шагов – ответов человека Богу на его призыв, и эти шаги нельзя предугадать или направить [4, с. 52]. В философии Бердяева есть важное предупреждение: свобода не ведет автоматически к спасению. Свобода труднее, чем рабство. Человек часто бежит от свободы в объективацию (в государство, в нацию, в коллектив и др.), потому что бремя свободы – это бремя ответственности за всё мироздание.

Метафорический и символический язык метафизики Н.А. Бердяева

Стиль и язык изложения в работах Бердяева метафоричен, афористичен, он не стремится к выстраиванию строгой системы учения, из-за чего в интерпретации его текстов есть трудность: «в неверном понимании моей мысли меня объективируют, то есть искажают» [5, с. 96] писал мыслитель, отмечая принципиальную разницу между языком объективных понятий и субъективным языком образов. Для него основой духовного знания выступает не ум, не экстатические состояния, а совесть: «Совесть и есть источник оригинальных, первородных суждений о жизни и мире. Более того, совесть судит и Бога или о Боге, потому что она есть орган восприятия Бога», утверждает философ [9, с. 150].

Христианская мифология, евангельский миф, являются для Н.А. Бердяева предметами философской рефлексии и источником суждений, своеобразных интерпретаций, толкований, основанных на живом опыте познания, то есть, на переживании [5, с. 56] и воображении – «мышлении смыслами» [14, с. 12], Бердяев утверждает, что «философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды» [6, с. 20] потому, что самые абстрактные системы выстраиваются не из логики, а из чувства красоты или воображения, являясь объективацией религиозного переживания – сверхчувственного образа, «символа», непостижимого посредством науки [5, с. 57]. «Символ» в понимании

Бердяева, это «связь между двумя мирами, для которого мир природный не внебожествен в своей субстанциальной реальности, а полон знаками божественного мира, отображающими события духовной жизни, события ниспадения и возвышения» [8, с. 56]. Бердяев, отказываясь от отвлеченно-абстрактных рассуждений о добре и зле, свободе и необходимости, переводит внимание на реальность взаимоотношений Бога и человека, этические проблемы человеческого существования, используя для их описания содержательно-емкие символы духовного опыта, смыслы которого лежат вне рациональности [2, с. 92]. Символическому реализму философ посвятил главу в работе «Философия свободного духа»: «В основе мистико-символического знания лежит не философия, а мифология. Понятие порождает философию, символ порождает мифологию. На высших ступенях гнозиса философское и религиозное познание освобождается от власти понятий и обращается к мифу. Религиозная философия, всегда насыщена мифом и не может себя от мифа очистить, не упразднив себя и своей задачи» [8, с. 60]. Говоря о тайне несотворенной свободы, Н.А. Бердяев подчеркивает, что эта идея не допускает «рационализации» [5, с. 219], поскольку является «не понятием, а символом» [5, с. 376–377]. В связи с этим, выражения: «до бытия», «вне бытия» и «вне Бога», «до Бога», «над Богом» и т.п., не имеют пространственно-временных координат в метафизике Н.А. Бердяева, а следовательно, и не могут быть предметом критического анализа со стороны догматического богословия, поскольку целью для философа является описание отношений между сущностями, а не их самих и не их действий [14, с. 20–24].

Идея несотворенной свободы в метафизике Н.А. Бердяева и в мистике Я. Беме: сравнительно-исторический аспект

Концептуальным ядром концепции свободы Н.А. Бердяева является идея несотворенной, добытийной свободы – «ничто» (Ungrund), возникшей под влиянием мистики Я.Беме. В работе «О назначении человека» Н.А. Бердяев рассуждает о понятии Ungrund Я.Бёме, как о первоначальной «безосновности», «бездне», меоне, неразличимой добытийной основе, но замечает, что свобода «не детерминирована Богом-Творцом» [9, с. 39]. Различие идеи несотворенной свободы от идеи Ungrund Я.Беме, Н.А. Бердяев выразил так: «У Беме Ungrund, т.е. по моему толкованию, первичная свобода, находится в Боге, у меня же вне Бога...» [5, с. 176]. Следовательно, если у Я. Бёме «ничто» (Ungrund) – это внутрибожественная тьма, т.е. «природа» в самом Боге, Его темная, волящая, иррациональная основа, из которой рождается Свет (Сын) и Дух, то в концеп-

ции свободы Н.А. Бердяева Ungrund – это внебожественное Ничто (меон), которое не является частью Божественной жизни, абсолютный, иррациональный источник свободы, который предшествует Богу-Творцу и лежит по ту сторону различения добра и зла. Однако, две трактовки идеи несотворенной свободы не только принципиально различны, но и определяют все последующие философские построения Н.А. Бердяева: философ решительно порывает с пантеистическим оттенком идеи несотворенной свободы Я.Бёме и интерпретирует ее внеэманативизма [17, с. 13–14].

Для Бердяева персонализм невозможен в пантеизме: если Бог поглощает свободу, то человек становится лишь «функцией» Божества. Чтобы человек был личностью, его свобода должна быть абсолютно не выводима из Божества, и Бердяев «выносит» Ungrund «за скобки» Бога, разрывая их онтологическую связь: «Свобода, исходящая из Ungrund – абсолютная, первичная, добытийственная, укорененная вне Бога, в «мэоне», это – «вольность, свободный полет, анархия» [5, с. 70]. Бездна свободы ставит границы даже Абсолюту. Бог – это Свет, страстно влекущий к себе бездну, но не способный ее принудительно осветить. Бердяев приходит к парадоксальному выводу: «Бог не может силой заставить человека любить Себя, потому что это уничтожило бы любовь». Именно этот аспект идеи несотворенной свободы чаще всего подвергался критике (Н.О. Лосский, о. В.В. Зеньковский, о.Г. Флоровский и др.). В наиболее заостренной форме данная критика была представлена в работе С.А. Левицкого «Трагедия свободы», который утверждал, что идея несотворенной свободы (Ungrund), как воля неких космических сущностей, приводит Н.А. Бердяева к «возведению свободы в ранг пра-Абсолюта» и к «самобожествлению» идеи свободы [18, с. 289] – в работах самого Бердяева найти подобные утверждения невозможно.

Специфика концепции несотворенной свободы Н.А. Бердяева

Понимание принципиального отличия идеи несотворенной свободы от мистики Я.Беме, приводит Н.А. Бердяева не только к дифференциации трех способов осуществления свободы: иррациональной или несотворенной свободы, т.е. (Ungrund); рациональной свободы, как исполнения морального долга (свободы выбора), и, высшей духовной свободы, сверхрациональной, преодолевающей неразличимость добра и зла первичной иррациональной, и превосходящей природную ограниченность рациональной свободы, но и к переосмыслению роли личности в историософском процессе спасения человечества.

Если у Я.Беме человек понимается как «микроскоп», главная задача которого вернуться в из-

начальное райское состояние, восстановив утраченное подобие через мистическое созерцание, то в метафизике Н.А. Бердяева смысл жизни человека – не в возвращении в рай, а в новом откровении и продолжающемся творчестве. Человек не просто «исправляет» свою душу, он меняет сам космос, где творчество становится дерзновенным прорывом в ноуменальный мир, где Бог и человек совместно «преодолевают» хаос несотворённой свободы. Для духовной свободы доступно высшее творчество и божественная любовь как сущность Царства Божия, превосходящая рабство ограниченной «свободы выбора» [19, с. 301]. Высшая свобода человека, согласно Н.А. Бердяеву, заключается в беспрепятственном выборе и осуществлении истинного блага, что получает реализацию в идее богочеловечества [9, с. 50–51].

Согласно Н.А. Бердяеву, свобода изначально амбивалентна: она может вести к добру (к Богу) и ко злу (к распаду, к возвращению в небытие). Показательно, что все виды зла в мире Бердяев выводит из первого, иррационального вида свободы, а не из воли Творца, что и составляет ядро его теодицеи: если свобода несотворена, то Бог не несет ответственности за мировое зло (теодицея), поскольку зло возникает не по воле Бога, а как результат иррационального сопротивления «бездны» (меона) акту творения.

Н.А. Бердяев настойчиво утверждает, что свобода человека не нарушается Богом. Но способен ли человек воспользоваться даром свободы вполне, может ли его воля безошибочно и уверенно осуществлять выбор между добром и злом, чем объяснить ее немощь? В трактате «О свободе воли» [1] блаженный Августин показывает, что свобода воли – благо, дарованное Творцом, но после грехопадения эта свобода повреждена и не способна всецело обратиться к добру, нуждаясь в исцеляющем действии божественной благодати. Позднее тезис о недостаточности усилий воли человека в движении к благу приобрел законченный вид в полном отрицании значения человеческой воли в деле духа и спасения – спасает послушание воле Божией, выражаемой и через условия земной жизни, и социальных институтов, например, Церкви. Для Бердяева это было однозначно неприемлемым.

Учитель Церкви преподобный Иоанн Дамаскин связывает разумность человеческой природы со свободой воли, показывая, что способность к самоопределению принадлежит человеку по образу его Первообраза [16, с. 156], но замечает, что свобода человека ограничена условиями существования, совершенно не зависящими от выбора. Об этой детерминированности бытия и рабском положении человека и пишет Бердяев: «Есть одно только вековечное возражение против Бога – существование зла в мире» [7, с. 68], заявляя, что условия существования и зло в них определе-

ны несотворенной свободой, а не Божиим замыслом. В этом смысле его теодицея последовательна и принципиальна, хотя и выглядит противоречивой и парадоксальной. Таким образом, бердяевская теодицея, исходящая из тезиса несотворенной свободы, не допускает главного: не позволяет объяснять зло в мире неким мировым порядком или мировой гармонией, установленной Богом [2, с. 79].

Заключение

В ходе данного исследования установлено: во-первых, концепция свободы складывалась постепенно и была оформлена в конце творческого и жизненного пути мыслителя, но всегда оставалась ведущей темой его философии; во-вторых, учение о свободе имеет определяющее значение для раскрытия вопросов духовной жизни, понимания личности, творчества, эсхатологического персонализма Н.А. Бердяева; в-третьих, метафоричный, афористичный, напитанный художественными и мифологическими образами язык философствования, отличающий работы Бердяева от строгих философских систем, является средством выражения понятий духовного опыта, невыразимого иным рационально-отвлеченным способом; в – четвертых, установлено, что учение Бердяева о свободе, в сравнении с понятиями метафизики немецких средневековых мистиков носит оригинальный характер, а безосновная несотворенная свобода (меон, «ничто», «бездна»), является понятием символической системы познания, не подлежит рациональному объективированию в качестве некоей сущности, начала или силы, не обладает онтологическим статусом, будучи предельным понятием метафизики – мифологемой. Если исходить из понимания несотворенной свободы как мифологемы, то, во-первых, Ungrund не является видом бытия, «ничто» – это граница бытия, все определения апофатичны. Во-вторых, «ничто» не есть причина, а отсутствие всякой причинности и необходимости. В-третьих, выражения о первичности свободы по отношению к Богу и бытию лежат вне пространства и времени и поэтому свобода не включена в какую-либо цепь причинности, стоит как бы над бытием. Если несотворенная свобода-«ничто» представляется хоть какой-нибудь реальностью, теодицея превращается в дуалистическую систему борьбы двух начал. Если свобода творится или даруется Богом, то теодицея невозможна. Догматические определения не справляются с этой проблемой, Бердяев находит парадоксальный выход на стыке мистики, гностики и экзистенциализма [12, с. 105–139]. Проведённое исследование показывает, что учение Н.А. Бердяева о несотворенной свободе сохраняет устойчивое концептуальное ядро на протяжении всего творческого пути философа, меняя лишь угол зрения с историософского на пер-

соналистический, что делает возможной интерпретацию идеи несотворенной свободы через мифологему – символический образ, описывающего тайну свободы.

Литература

1. Августин блж. О свободе воли / блж. Августин // Творения: в 4 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – С. 91–212.
2. Андросенко С.В. Парадоксальная этика Николая Бердяева: К исследованию философско-антропологических открытий мыслителя / С.В. Андросенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2024. – № 4. – С. 72–101.
3. Андросенко С.В. Соборность как антропологическая и экклезиологическая категория в трудах Н.А. Бердяева / С.В. Андросенко // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2021. – Вып. 40. – С. 138–158.
4. Бердяев Н.А. Метафизическая проблема свободы / Н.А. Бердяев // Путь. – 1928. – № 9 (январь). – С. 41–53.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
6. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
7. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // О русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
8. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2010. – 414 с.
10. Бердяев Н.А. О русской философии / сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – Ч. 1. – 287 с.
11. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Бёме / Н.А. Бердяев // Путь. – 1930. – № 21. – С. 40–63.
12. Бонецкая Н.К. Н.А. Бердяев: мистик, гностик, экзистенциалист / Н.К. Бонецкая // Вестник культурологии. – 2021. – № 1 (96). – С. 105–135.
13. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П.П. Гайденок. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.
14. Голосовкер Я.Э. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
15. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. – Л.: Эго, 1991.
16. Иоанн Дамаскин преп. Точное изложение православной веры / преп. Иоанн Дамаскин. – Ростов-н/Д: Братство Святого Алексия, Изд-во «Приазовский край», 1992–464 с.
17. Казаченко К.Ю. О трансцендентной свободе в философии Н.А. Бердяева / К.Ю. Казаченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2019. – № 2 (22). – С. 14–22.
18. Левицкий С.А. Трагедия свободы. – М.: Посев, 1971. – 352 с.
19. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Высш. шк., 1991. – 559 с.
20. Шестов Л.И. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия) / Л.И. Шестов // Умозрение и откровение: Религиозная философия Владимира Соловьева и другие статьи. – Париж: YMCA-Press, 1964. – С. 263–265.

THE CONCEPT OF UNCREATED FREEDOM IN N.A. BERDYAEV'S METAPHYSICS

Shestakov E.A.

Children's School of Arts № 2, Parish of the Nativity of Christ

This article examines the concept of uncreated, or meonic, freedom – one of the most debated tenets in the metaphysics of Nikolai Berdyaev. The aim of the study is to clarify the content of the concept of «nothingness» (*Ungrund*) and its significance within his theory of freedom. The methodological framework is based on historical-philosophical, comparative, and hermeneutic analyses of Berdyaev's texts and their interpretations. It is shown that the thinker's conception of freedom as a principle not derived from being and not determined by God the Creator did not emerge immediately, but reached its completion in the works of his mature period. The article substantiates the thesis that the concept of «nothingness» (*Ungrund*) can be interpreted not as an independent entity or a reality of the spiritual world preceding God, but as a symbol (mythologem) of uncreated, groundless freedom. This interpretation aligns with the symbolic-mythological nature of Berdyaev's religious philosophy and allows for avoiding the ontologization of «nothingness.» At the same time, a symbolic reading does not eliminate the problematic nature of understanding uncreated freedom, Divine omnipotence, and responsibility for evil. The questions of ethics and theology posed by N.A. Berdyaev remain relevant in the contemporary era of spiritual crisis; the ambiguity of his interpretations and his approach to the problem of freedom preserve an internal tension and can serve as a foundation for further philosophical inquiry into these issues.

Keywords: N.A. Berdyaev, Jakob Böhme, Ungrund, uncreated freedom, meonic freedom, creativity, theodicy, mythologeme, symbol.

References

1. Augustine blj. About freedom of will / blj. Augustine // Creations: in 4 volumes Vol. 1. – St. Petersburg: Alethea; Kiev: UCIMM-Press, 1998. – pp. 91–212.
2. Androsenko S.V. The paradoxical ethics of Nikolai Berdyaev: Towards the study of philosophical and anthropological discoveries of the thinker / S.V. Androsenko // Philosophical Letters. Russian-European Dialogue. – 2024. – № 4. – pp. 72–101.
3. Androsenko S.V. Sobornost as an anthropological and ecclesiological category in the works of N.A. Berdyaev / S.V. Androsenko // Bulletin of the St. Filaret Institute. – 2021. – Issue 40. – pp. 138–158.
4. Berdyaev N.A. The metaphysical problem of freedom / N.A. Berdyaev // Path. – 1928. – № 9 (January). – Pp. 41–53.
5. Berdyaev N.A. Self-knowledge (The Experience of philosophical autobiography) / N.A. Berdyaev, Moscow: Kniga, 1991–446 p.
6. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom / N.A. Berdyaev, Moscow: Pravda, 1989–607 p.

7. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview / N.A. Berdyaev // On Russian Philosophy. – Sverdlovsk: Ural Publishing House. University, 1991.
8. Berdyaev N.A. Philosophy of the free spirit / N.A. Berdyaev. – M.: Republic, 1994. – 480 p.
9. Berdyaev N.A. On the appointment of man: The experience of paradoxical ethics /N.A. Berdyaev. – M.: AST, 2010. – 414 p.
10. Berdyaev N.A. On Russian philosophy / comp., intro. art. and notes. B.V. Yemelyanova, A.I. Novikova. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1991. – Part 1. – 287 p.
11. Berdyaev N.A. From the sketches of J. Boehm / N.A. Berdyaev // Path. – 1930. – № 21. – pp. 40–63.
12. Bonetskaya N.K. N.A. Berdyaev: Mystic, Gnostic, Existentialist / N.K. Bonetskaya // Bulletin of Cultural Studies. – 2021. – № 1 (96). – Pp. 105–135.
13. Gaidenko, P.P. Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age / P.P. Gaidenko. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 472 p.
14. Golosovker Ya.E. The logic of myth / Ya.E. Golosovker. – M.: Nauka, 1987. – 218 p.
15. Zenkovsky V.V. History of Russian Philosophy: in 2 volumes / V.V. Zenkovsky. – L.: Ego, 1991.
16. St. John of Damascus, Rev. An accurate statement of the Orthodox Faith / St. John the Baptist John of Damascus. Rostov-n/A: Brotherhood of St. Alexy, Publishing house «Azov region», 1992–464 p.
17. Kazachenko K.Y. On transcendental freedom in the philosophy of N.A. Berdyaev / K.Y. Kazachenko // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. – 2019. – № 2 (22). – Pp. 14–22.
18. Levitsky S.A. The tragedy of freedom. Moscow: Posev, 1971. 352 p.
19. Lossky N.O. History of Russian Philosophy / N.O. Lossky, Moscow: Higher School of Economics, 1991–559 p.
20. Shestov L.I. Nikolay Berdyaev (Gnosis and Existential Philosophy) / L.I. Shestov // Speculation and Revelation: The Religious Philosophy of Vladimir Solovyov and other articles. – Paris: YMCA-Press, 1964. – pp. 263–265.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Институциональный позитивный активизм как самостоятельный предмет социально-философского анализа: дар, соборность и критерии подлинности институциональной формы

Анисимов Тимофей Юрьевич,

аспирант, кафедра философии, социологии и психологии управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: grisyeux@yandex.ru

Статья ставит проблему концептуального разграничения институционального позитивного активизма – некоммерческих организаций, благотворительности и территориального общественного самоуправления – со смежными понятиями, которыми это явление принято описывать: благотворительностью в модусе *noblesse oblige*, хабермасовской публичной сферой гражданского общества и структурно-операциональным определением «третьего сектора» Л. Саламона и Х. Анхайера. Показано, что ни одно из этих понятий не схватывает специфики институционального позитивного активизма: *noblesse oblige* исключает взаимность, публичная сфера Хабермаса дискурсивна, а не деятельностна, структурно-операциональное определение третьего сектора безразлично к ценностной мотивации участников. На этой основе институциональный позитивный активизм определяется как устойчивая, институционализируемая практика перераспределения ресурсов и заботы, порождающая – в отличие от одностороннего дара – отношение взаимности между участниками. Вводится ось «односторонний дар – реципрокный дар», на одном полюсе которой располагается иерархическая благотворительность, а на другом – реципрокный дар в смысле М. Мосса и соборность в трактовке А. С. Хомякова и В. С. Соловьёва; в качестве необходимого корректива идеализации этой оси привлекается критика «тёмной стороны» социального капитала А. Портеса. Из проведённого анализа выводятся четыре критерия подлинности институциональной формы – реципрокность, укоренённость в конкретном сообществе, институциональная прозрачность и устойчивость связи во времени, – которые затем проверяются на случаях возникновения (квазигосударственные НКО, благотворительность как инструмент маркетинга) и на данных о реальной практике российского третьего сектора.

Ключевые слова: институциональный активизм; некоммерческие организации; благотворительность; территориальное общественное самоуправление; дар; соборность; социальный капитал; третий сектор; критерии подлинности; гражданское общество.

Введение

Некоммерческие организации, благотворительные практики и территориальное общественное самоуправление обычно описываются одним из двух устоявшихся языков. Первый – язык функционально-организационный: «третий сектор», «неправительственные организации», «структурно-операциональное определение», где предметом анализа выступают юридическая форма, источники финансирования, отчётность и место в системе разделения труда между государством, рынком и гражданским обществом. Второй – язык дискурсивно-политический: «гражданское общество», «публичная сфера», «общественное мнение», где в фокусе оказывается способность граждан коллективно вырабатывать и артикулировать позицию по вопросам общего блага. Оба языка по-своему продуктивны, но оба систематически обходят стороной вопрос, который для социальной философии является исходным: что именно происходит между людьми, когда один добровольно передаёт другому ресурс, время или заботу вне логики рыночного обмена и вне принуждения со стороны государства? Этот вопрос – вопрос о метафизике связи, порождаемой институциональной практикой заботы, – остаётся за пределами и функционального, и дискурсивного словаря.

Целью настоящей статьи является восполнение этого пробела: построение самостоятельного понятийного аппарата, который позволил бы говорить об институциональном позитивном активизме – НКО, благотворительности и территориальном общественном самоуправлении – как о предмете, обладающем собственной метафизической структурой, не сводимой ни к иерархической благотворительности прошлого, ни к дискурсивной публичности, ни к организационной форме как таковой. Задачи исследования: во-первых, развести институциональный позитивный активизм с тремя смежными понятиями – благотворительностью в модусе *noblesse oblige*, публичной сферой гражданского общества Ю. Хабермаса и структурно-операциональным определением третьего сектора Л. Саламона и Х. Анхайера; во-вторых, ввести ось, позволяющую различать формы институциональной практики по степени порождаемой ими взаимности, – на материале теории дара М. Мос-

са и русской концепции соборности, скорректированной критикой «тёмной стороны» социального капитала; в-третьих, вывести из этого материала критерии подлинности институциональной формы и проверить их как на случаях вырождения, так и на данных о действующей практике.

Институциональный позитивный активизм и смежные понятия

*Институциональный активизм и *poblesse oblige*: односторонность против взаимности*

Исторически наиболее ранняя форма организованной заботы о нуждающихся – благотворительность в модусе *poblesse oblige*: обязанность имущего сословия проявлять милосердие к неимущим, вытекающая из самого факта обладания привилегированным положением. Эта модель структурно асимметрична: даритель и получатель занимают заведомо неравные позиции, акт передачи блага не предполагает и не порождает встречного обязательства со стороны получателя, а сама асимметрия не устраняется, но, напротив, воспроизводится и легитимируется актом дарения – тот, кто получает, тем самым подтверждает и закрепляет своё подчинённое положение. Показательно, что уже М. Мосс в «Очерке о даре» (1924–1925) фиксирует историческую тенденцию к преодолению именно такой односторонности: он прослеживает, как в развитии правовых систем – от древнеримского и древнегерманского права до современных ему форм страхования и социального обеспечения – идея одностороннего вспомоществования постепенно вытесняется идеей взаимного обязательства, встроенного в саму структуру солидарности [1]. Институциональный позитивный активизм в его современном виде наследует именно эту тенденцию: он не просто перераспределяет ресурс от более обеспеченных к менее обеспеченным, но стремится – не всегда успешно, но структурно – выстроить отношение, в котором получатель признаётся не пассивным объектом милости, а участником связи, обладающим собственным голосом. Различие между *poblesse oblige* и институциональным позитивным активизмом, таким образом, пролегает не в объёме передаваемого блага и не в юридической форме организации, а в наличии или отсутствии взаимности как структурного элемента самой практики.

Институциональный активизм и публичная сфера Хабермаса: практика заботы против дискурса

Второе разграничение касается понятия, которое в современной социальной теории чаще всего используется для описания третьего сектора в целом, – гражданского общества в его хабермасовской трактовке. Ю. Хабермас в «Структурном изменении публичной сферы» (1962) реконструирует становление буржуазной публичной сферы как

пространства рационально-критической дискуссии частных лиц по вопросам общего интереса, формирующегося первоначально в английских кофейнях, французских салонах и немецких читательских обществах XVII–XVIII веков и достигающего полноты в институтах прессы и парламентской деятельности XIX столетия [2]. Ключевая для настоящего разграничения черта этой концепции состоит в том, что публичная сфера у Хабермаса по своей природе дискурсивна: её конституирующий элемент – обмен мнениями и аргументами, а не обмен ресурсами или заботой. Гражданское общество в этом понимании производит общественное мнение, а не перераспределяет блага.

Институциональный позитивный активизм, безусловно, пересекается с гражданским обществом хабермасовского типа – НКО нередко выполняют и адвокативную, дискурсивную функцию, формулируя и отстаивая позицию по вопросам общественной значимости. Однако его ядро составляет не дискурс, а практика: конкретная, вещественная передача ресурса, времени или заботы от одного участника связи к другому. Волонтер, ухаживающий за пожилым человеком, не участвует в рационально-критической дискуссии – он совершает действие, результат которого измеряется не убедительностью аргумента, а изменившимся состоянием подопечного. Это не означает, что дискурсивное измерение несущественно для институционального активизма – оно необходимо, в частности, для прозрачности и подотчётности, о которых пойдёт речь в третьем параграфе, – но оно не является тем, что конституирует практику как таковую. Институциональный позитивный активизм, в отличие от гражданского общества в узком хабермасовском смысле, есть в первую очередь деятельностная, а не коммуникативная категория.

Институциональный активизм и третий сектор Саламона-Анхайера: структура против мотивации

Третье, наиболее тонкое разграничение касается понятия, которое на первый взгляд кажется наиболее близким предмету настоящей статьи, – «третьего сектора» в его структурно-операциональном определении, разработанном Л. Саламоном и Х. Анхайером для целей сравнительных межстрановых исследований в рамках Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. Согласно этому определению, организация принадлежит третьему сектору, если она удовлетворяет пяти формальным критериям: является формально организованной (*formal*), институционально отделена от государства (*private*), не распределяет прибыль между собственниками или учредителями (*non-profit-distributing*), самоуправяема (*self-governing*) и предполагает значимый элемент добровольного участия (*voluntary*) [3]. Достоинство этого определения – в его операциональности: оно позволяет однозначно классифици-

ровать организации независимо от национально-го законодательства и культурного контекста, что и обеспечило ему статус стандарта в сравнительных исследованиях некоммерческого сектора.

Однако именно эта операциональность обнажает границу определения: оно всецело структурно и организационно и совершенно безразлично к вопросу о ценностной мотивации участников организации. Формально удовлетворять всем пяти критериям Саламона–Анхайера может организация, чья практическая деятельность не порождает никакой реальной взаимности и не воплощает никакого ценностного основания, – притом что с точки зрения структурно-операционального определения она ничем не отличается от организации, чья практика полностью реализует эти качества. Институциональный позитивный активизм, следовательно, есть не любая организация, удовлетворяющая пяти формальным признакам третьего сектора, а лишь та её часть, практика которой действительно порождает отношение взаимности между участниками, – то есть подмножество третьего сектора, выделяемое не структурным, а ценностным критерием. Именно разработка этого ценностного критерия и составляет задачу последующих параграфов.

Три проведённых разграничения позволяют сформулировать рабочее определение: институциональный позитивный активизм есть устойчивая, институционально организованная практика перераспределения ресурсов, времени или заботы, которая – в отличие от одностороннего дарения – конституируется отношением взаимности между участниками и не сводится ни к структурной форме организации, ни к дискурсивной функции гражданского общества.

Дар и соборность: ось взаимности и её тёмная сторона

Реципрокный дар у Мосса: тройная обязанность

Центральное для настоящей статьи понятие взаимности получает наиболее развёрнутую теоретическую проработку в «Очерке о даре» М. Мосса. На обширном этнографическом материале архаических обществ Полинезии, Меланезии и северо-западного побережья Северной Америки Мосс показывает, что дар как форма обмена порождает не одну, а тройную обязанность: обязанность давать, обязанность принимать и обязанность возвращать [1]. Принципиальный тезис Мосса состоит в том, что дар, формально представляемый как добровольный и бескорыстный акт, в действительности строго обязателен – отказ от участия в цикле дарения равносителен отказу от самой социальной связи. Мосс обозначает такой дар как «тотальный социальный факт» (*fait social total*): в нём одновременно и неразрывно сплетены экономическое, пра-

вовое, религиозное, моральное и эстетическое измерения. Именно эта неразложимость и отличает дар от рыночной сделки: рыночный обмен исчерпывается в момент передачи эквивалентов, тогда как дар порождает длящуюся связь, поскольку принявший дар остаётся должником – не в юридическом, а в экзистенциальном смысле, – пока не совершит ответный акт.

Перенесённая на институциональный позитивный активизм, эта конструкция даёт точный критерий отличия реципрокного дара от одностороннего: подлинная институциональная практика заботы устроена так, что получатель блага так или иначе включается в цикл обмена – пусть не симметричным материальным возвратом, но встречным актом признания, участия, последующей взаимопомощи. Именно наличие такого канала возврата, даже сколь угодно асимметричного по форме, и отличает институциональный позитивный активизм от *noblesse oblige*, о котором шла речь в первом параграфе.

Соборность: взаимность как единство по любви

Русская религиозная философия предлагает концептуальный аппарат, который развивает мыслимую Моссом взаимность в направлении, отсутствующем в самой теории дара, – в направлении положительно понятого единства, а не только структуры взаимных обязательств. Понятие соборности, введённое А.С. Хомяковым, описывает целостность, чья сущность состоит в свободном согласии и единстве духа и жизни всех её членов [4]. В.С. Соловьёв, развивая этот принцип применительно к социальной этике, формулирует идею любовного, а не инструментального взаимодействия личности с окружающей её социальной средой – служения ей как деятельного, оплодотворяющего начала [5]. Существенно, что соборность, в отличие от западноевропейского индивидуализма, не начинается с изолированного индивида, вступающего в договорные отношения с другими, но и, в отличие от коллективистских моделей, не растворяет личность в целом: единство здесь мыслится как результат свободного, а не принудительного согласия, скреплённого не расчётом взаимной выгоды, а любовью к общему делу.

Применительно к институциональному позитивному активизму соборность добавляет к моссовской реципрокности измерение, которое сама теория дара оставляет неартикулированным, – вопрос о качестве, а не только о структуре связи. Цикл взаимных обязательств может быть формально реципрокным и при этом холодным, ритуализированным, лишённым живого участия сторон друг в друге; соборное измерение указывает на то, что подлинная институциональная практика заботы стремится не просто к возврату дара, но к положительному единству дающего и принимающего – к тому, что участники начинают опознавать

друг друга не как обособленные звенья обменной цепочки, а как со-причастных общему делу.

Тёмная сторона социального капитала: необходимый корректив

Введённая ось «односторонний дар – реципрокный дар / соборное единство» рискует выглядеть одно-значно нормативной: чем ближе институциональная практика к полюсу реципрокности и соборности, тем она, казалось бы, безусловно подлиннее. Такое прочтение было бы, однако, наивным и методологически недобросовестным, и здесь необходим корректив, который вносит в дискуссию о социальном капитале – понятии, тесно родственном и реципрокности Мосса, и соборности, – А. Портес.

В программной статье 1998 года Портес, реконструируя происхождение понятия социального капитала в работах П. Бурдьё, Г. Лури и Дж. Коулмана, специально останавливается на негативных следствиях тех же самых механизмов, которые порождают его позитивные эффекты [6]. Портес выделяет четыре таких следствия: исключение чужаков (*exclusion of outsiders*) – плотные сети взаимности, обеспечивающие поддержку своим членам, систематически закрывают доступ для тех, кто в эту сеть не включён; избыточные требования к членам группы (*excessive claims on group members*) – обязательства взаимности могут становиться непосильным бременем, как в случае предпринимателей из этнических общин, вынужденных бесконечно поддерживать менее успешных родственников в ущерб собственному делу; ограничение индивидуальной свободы (*restrictions on individual freedom*) – плотная включённость в сеть взаимных обязательств стесняет автономию тех её членов, что стремятся выйти за пределы предписанных группой траекторий; и нисходящее нивелирование норм (*downward levelling norms*) – сплочённость группы, сформировавшейся в условиях коллективного противостояния внешним обстоятельствам, может институционализировать нормы, враждебные индивидуальному успеху и восходящей мобильности отдельных её членов [6].

Перенесённые на институциональный позитивный активизм, эти четыре следствия указывают на реальные, а не умозрительные риски: НКО и локальные сообщества, устроенные вокруг плотной реципрокности и соборного единства, могут вырождаться в замкнутые, исключаяющие чужаков структуры; забота о нуждающихся может оборачиваться избыточными, истощающими требованиями к самим заботящимся; общинная солидарность может подавлять индивидуальные траектории тех, кто хотел бы выйти за пределы предписанной общиной роли. Соответственно, ни реципрокность, ни соборность сами по себе не являются достаточным критерием подлинности институциональной формы: необходим дополнительный, не своди-

мый к одной лишь взаимности набор условий, – их формулировке посвящён следующий параграф.

Четыре критерия подлинности институциональной формы

Синтез проведённого в первых двух параграфах анализа позволяет сформулировать четыре критерия, совместное выполнение которых характеризует подлинную институциональную форму позитивного активизма – в отличие от её вырожденных вариантов, речь о которых пойдёт в четвертом параграфе.

Реципрокность. Институциональная практика должна оставлять получателю блага канал возврата – пусть не материального, но признаваемого, символического: возможность участия, обратной связи, последующей взаимопомощи. Отсутствие такого канала возвращает практику к структуре *poblesse oblige*, разобранный в первом параграфе, независимо от объёма и регулярности передаваемого ресурса.

Укоренённость в конкретном сообществе. В отличие от абстрактного, статистического «благополучателя», подлинная институциональная практика адресована конкретным, узнаваемым людям в границах определённого сообщества – территориального, профессионального или основанного на общем опыте. Этот критерий, однако, требует немедленной оговорки, вытекающей из критики Портеса: укоренённость должна оставаться принципиально открытой, то есть не превращаться в критерий принадлежности, отсекающий «чужаков»; закрытая община, сколь угодно плотно связанная взаимностью внутри себя, не удовлетворяет данному критерию в его подлинном виде.

Институциональная прозрачность и подотчётность. Практика должна быть верифицируема – как перед донорами и государством, так и, что не менее важно, перед самим сообществом, которому она адресована; именно прозрачность выполняет функцию защиты от вырождения реципрокности в закрытый, непроверяемый извне цикл обязательств, о рисках которого писал Портес.

Устойчивость связи во времени. Подлинная институциональная практика воспроизводится как длящееся отношение, а не исчерпывается разовой транзакцией; именно временная протяжённость отличает институциональный позитивный активизм от единичного акта благотворительности, сколь угодно щедрого по объёму.

Отсутствие хотя бы одного из четырёх критериев не обязательно означает, что перед нами вредная или незначимая практика, – единичный акт помощи ценен сам по себе, – но означает, что она не достигает полноты того, что в настоящей статье определяется как институциональный позитивный активизм в строгом смысле.

Проверка критериев: вырождение и действующая практика

Случаи вырождения: квазигосударственная НКО и благотворительность как маркетинг

Одна из наиболее теоретически проработанных форм вырождения институциональной формы – явление, получившее в международной литературе название GONGO (government-organized non-governmental organization): организация, формально удовлетворяющая всем пяти структурным критериям Саламона–Анхайера – включая формальный статус негосударственной и самоуправляемой структуры, – но фактически учреждённая или полностью контролируемая государством для того, чтобы имитировать независимое гражданское общество внутри страны либо продвигать внешнеполитические интересы за рубежом [7]. Р. Хасмат, Т. Хильдебрандт и Дж. Сюй, предложившие наиболее разработанную концептуализацию этого феномена, показывают, что GONGO может формально удовлетворять критерию институциональной прозрачности – вести отчётность, публиковать данные – и тем не менее не удовлетворять критерию реципрокности в его содержательном смысле: обмен здесь совершается не между сообществом и организацией, а между организацией и её государственным принципалом, тогда как адресуемое «сообществу» благо оказывается инструментом легитимации, а не результатом взаимно признанной связи [7]. Это наблюдение подтверждает тезис, сформулированный в третьем параграфе: формальное соответствие структурным критериям третьего сектора не гарантирует подлинности институциональной формы, если отсутствует содержательная реципрокность.

Параллельный случай вырождения в коммерческой, а не государственной логике описывает литература о *cause-related marketing* – маркетинговой практике, при которой фирма обязуется перечислить оговорённую сумму на определённое благотворительное дело при условии совершения потребителем платной транзакции [8]. Классический пример, зафиксированный в основополагающей статье П. Варадараджана и А. Менона (1988), – кампания American Express 1983 года, увязавшая использование кредитной карты компании с пожертвованиями на реставрацию Статуи Свободы и обеспечившая, по данным авторов, 1,7 млн долларов пожертвований при одновременном росте использования карты [8]. Сама по себе такая практика не обязательно противоречит критериям подлинности – многое зависит от прозрачности механизма и устойчивости связи во времени, – однако она отчётливо демонстрирует структурную опасность: если благотворительный компонент используется исключительно как инструмент продвижения бренда, а не как канал реципрокности с сообществом благополучателей, практика вы-

рождается в одностороннюю коммерческую операцию, лишь маскирующуюся языком дара.

Данные о действующей практике: НКО, волонтерство и территориальное самоуправление в России

Проверка критериев на позитивном материале требует обращения к эмпирическим данным о масштабе и характере институционального позитивного активизма в современной России. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, в реестре некоммерческих организаций числится порядка 215 тыс. зарегистрированных организаций (при этом более 337 тыс. организаций были ранее исключены из реестра, что само по себе свидетельствует о значительной институциональной текучести сектора и делает вопрос об устойчивости связи во времени – четвёртом из выведенных критериев – практически, а не только теоретически значимым) [9].

Данные о волонтерском движении указывают на выраженную положительную динамику: согласно официальным данным, доля вовлечённых в добровольческую деятельность граждан России выросла с 3% до 28% населения за десятилетие, а число зарегистрированных пользователей экосистемы «Добро.РФ» – общенациональной цифровой платформы, объединяющей волонтеров и некоммерческие организации, – к 2026 году приблизилось к 10 млн человек [10]. Показательна и международная динамика: по данным исследований благотворительного поведения, проводимых Charities Aid Foundation (CAF), Россия входит в число стран, продемонстрировавших наибольший прирост индекса щедрости за последнее десятилетие – наряду с Украиной, Индонезией, Чадом и Китаем [11]. Разумеется, рост числа зарегистрированных пользователей платформы или процента опрошенных, декларирующих участие в волонтерстве, сам по себе не тождествен выполнению критериев подлинности, выведенных в третьем параграфе, – регистрация на платформе не гарантирует ни реципрокности, ни укоренённости, ни устойчивости связи; эти данные фиксируют масштаб потенциального поля институционального позитивного активизма, а не гарантируют его качественную подлинность в каждом конкретном случае. Тем не менее сам факт кратного роста инфраструктуры – числа региональных центров развития добровольчества, школьных волонтерских отрядов, вузовских центров добровольческой деятельности – создаёт институциональные предпосылки для устойчивости связи во времени, которая, согласно четвёртому критерию, отличает подлинную практику от разовой транзакции.

Наиболее показательный, с точки зрения выведенных критериев, случай – территориальное общественное самоуправление (ТОС), поскольку именно на этом уровне общинная укоренённость, второй из выведенных критериев, реализуется

наиболее непосредственно. Система ТОС Нижнего Новгорода, официально учреждённая решением городской Думы 7 июня 1994 года, на сегодняшний день насчитывает определённые границы 92 территориальных общественных самоуправлений, в рамках которых действует более 60 советов [12]. Официальные данные администрации города свидетельствуют о кратном – в три раза – увеличении бюджетного финансирования деятельности советов ТОС начиная с 2019 года, что, применительно к четвёртому критерию, можно интерпретировать как институциональное подкрепление устойчивости связи: возрастающее и стабильное финансирование снижает риск того, что локальная самоорганизация останется эпизодом, не перерастающим в длящуюся практику [12]. Сама структура ТОС – совет, формируемый жителями конкретных дворов и микрорайонов для решения конкретных, локально значимых вопросов, – по своей природе удовлетворяет и критерию укоренённости в конкретном, а не абстрактном сообществе, и, при должной открытости советов для новых жителей района, не подпадает под описанный Портесом риск исключения чужаков.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать три взаимосвязанных результата. Во-первых, институциональный позитивный активизм получил самостоятельное определение через последовательное отграничение от трёх смежных понятий: от благотворительности в модусе *noblesse oblige* его отличает наличие взаимности, от гражданского общества в хабермасовском смысле – деятельностный, а не дискурсивный характер практики, от структурно-операционального третьего сектора Саламона–Анхайера – наличие содержательной ценностной мотивации, не редуцируемой к формальным организационным признакам. Во-вторых, введена ось «односторонний дар – реципрокный дар», связывающая теорию дара М. Мосса с русской концепцией соборности и скорректированная необходимым, не позволяющим впасть в идеализацию коррективом – критикой «тёмной стороны» социального капитала А. Портеса, показывающей, что сама по себе плотность взаимных связей не гарантирует подлинности институциональной формы. В-третьих, выведенные из этого материала четыре критерия – реципрокность, открытая укоренённость в конкретном сообществе, институциональная прозрачность и устойчивость связи во времени – были проверены как на случаях структурного вырождения (квазигосударственные организации типа GONGO, благотворительность, поглощённая логикой *cause-related marketing*), так и на данных о действующей практике российского третьего сектора, включая волонёрское движение и территориальное общественное самоуправление.

Практическое значение предложенной методологии состоит в возможности использования выведенных критериев для содержательной, а не только формально-юридической оценки институциональных практик третьего сектора. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется применение этой методологии к сравнительному анализу конкретных организационных форм – прежде всего к вопросу о том, как соотносятся друг с другом реципрокность и укоренённость в организациях разного масштаба, от локальных ТОС до крупных национальных фондов.

Литература

1. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.
2. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь Мир, 2016.
3. Salamon L.M., Anheier H.K. In Search of the Non-Profit Sector I: The Question of Definitions // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1992. Vol. 3, No. 2. P. 125–151.
4. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 2.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.
6. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
7. Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J.Y.J. Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations // *Journal of Civil Society*. 2019. Vol. 15, No. 3. P. 267–284.
8. Varadarajan P.R., Menon A. Cause-Related Marketing: A Coalignment of Marketing Strategy and Corporate Philanthropy // *Journal of Marketing*. 1988. Vol. 52, No. 3. P. 58–74.
9. Реестр некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации. Данные о зарегистрированных и исключённых НКО, по состоянию на 2024 г. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/>.
10. Национальные проекты РФ; ТАСС. Данные о росте числа пользователей экосистемы «Добро.РФ» и доле вовлечённых в добровольчество граждан России (2024–2026 гг.).
11. Charities Aid Foundation. World Giving Index: динамика индекса щедрости по странам за десятилетие (данные приводятся по сводке RACI, 2024).

12. Официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода. Территориальное общественное самоуправление: история создания, текущие границы и финансирование. URL: <https://admgor.nnov.ru/ZHitelyam/Territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie>.

INSTITUTIONAL POSITIVE ACTIVISM AS AN INDEPENDENT SUBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS: GIFT, SOBORNOST, AND CRITERIA OF AUTHENTICITY OF THE INSTITUTIONAL FORM

Anisimov T.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article addresses the conceptual boundary between institutional positive activism – NGOs, charity, and territorial public self-government – and adjacent concepts: noblesse oblige charity, Habermas's public sphere of civil society, and Salamon and Anheier's structural-operational definition of the «third sector.» Institutional positive activism is defined as a durable, institutionalized practice of redistributing resources and care that generates reciprocity rather than one-way transfer. An axis «one-way gift – reciprocal gift» is introduced, grounded in Mauss's theory of the gift and the Russian religious-philosophical concept of sobornost, corrected by Portes's critique of the «dark side» of social capital. Four criteria of authenticity are derived and tested against cases of degeneration and against data on the Russian third sector.

Keywords: institutional activism; non-profit organizations; charity; territorial public self-government; gift; sobornost; social capital; third sector; criteria of authenticity; civil society.

References

1. Moss M. Essay on the Gift. Form and Basis of Exchange in Archaic Societies // Moss M. Societies. Exchange. Personality. Moscow: Eastern Literature, 1996.
2. Habermas J. Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society / translated from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir, 2016.
3. Salamon L.M., Anheier H.K. In Search of the Non-Profit Sector I: The Question of Definitions // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1992. Vol. 3, No. 2. P. 125–151.
4. Khomyakov A.S. The Church is One // Khomyakov A.S. Works: In 2 volumes. Moscow: Medium, 1994. Vol. 2.
5. Soloviev V.S. Justification of Good. Moral Philosophy // Soloviev V.S. Works: In 2 volumes. Moscow: Mysl, 1988. Vol. 1.
6. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24.
7. Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J.Y.J. Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations // *Journal of Civil Society*. 2019. Vol. 15, No. 3. Pp. 267–284.
8. Varadarajan P.R., Menon A. Cause-Related Marketing: A Coalignment of Marketing Strategy and Corporate Philanthropy // *Journal of Marketing*. 1988. Vol. 52, No. 3. Pp. 58–74.
9. Register of Non-Commercial Organizations of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Data on Registered and Excluded NPOs, as of 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/>.
10. National Projects of the Russian Federation; TASS. Data on the Growth in the Number of Users of the Dobro.RF Ecosystem and the Share of Russian Citizens Involved in Volunteering (2024–2026).
11. Charities Aid Foundation. World Giving Index: Dynamics of the Generosity Index by Country over a Decade (data based on the 2024 RACI summary).
12. Official Website of the Nizhny Novgorod City Administration. Territorial Public Self-Government: History of Creation, Current Boundaries, and Funding. URL: <https://admgor.nnov.ru/ZHitelyam/Territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie>.

Специфика интеллектуального действия в условиях современных цифровых сетей

Гулиев Алигейдар Ягуб оглы,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого

E-mail: guliev.aya@edu.spbstu.ru

Цель настоящего исследования – выявить специфику интеллектуального действия в прагматике цифровых сетей через призму механизмов когнитивного моделирования. Методологический аппарат работы опирается на синтез философии техники и современных когнитивных исследований, включая теории предиктивного кодирования, расширенного разума и компьютерной теории разума. В статье последовательно обосновывается тезис о трансформации нейросетевых архитектур из пассивных вычислительных средств в активные квази-когнитивные системы, способные к вероятностному прогнозированию и моделированию скрытых ментальных состояний. Подчеркивается, что алгоритмическая формализация когнитивных функций неизбежно влечет за собой трансляцию человеческих стереотипов мышления и эвристик в машинные коды, которые порождают новые формы интерсубъективности. Автор приходит к выводу, что подлинная интеллектуальность современных технических систем раскрывается не в изолированной обработке информации, а в их способности встраиваться в распределенные контуры человеческого познания. Результаты исследования вносят вклад в развитие междисциплинарной эпистемологии, предлагая новый ракурс для философского анализа когнитивных функций смарт систем в условиях цифровой сети

Ключевые слова: когнитивное моделирование, нейросетевые модели, интеллектуальное действие, цифровые сети, компьютерная теория разума, предиктивное кодирование, междисциплинарная эпистемология.

Введение

Стремительная эволюция интеллектуальных технологий на рубеже XX–XXI веков вывела проблему искусственного интеллекта из узкой области прикладной математики и кибернетики в центр общенаучной и философской рефлексии. Первые десятилетия развития вычислительной техники были отмечены уверенностью в универсальности классической «компьютерной метафоры», тогда как современная эпоха глубоких нейросетей и генеративных моделей радикально трансформировала ландшафт когнитивной науки. Интеллектуальные системы перестали быть просто инструментами автоматизации рутинных операций; они активно внедряются в процессы генерации научного знания, принятия стратегических решений и межличностной коммуникации. Этот технологический сдвиг обнажает острую потребность в философско-методологическом осмыслении новой реальности, где границы между человеческим познанием и машинной обработкой данных оказываются фундаментально размытыми.

Центральной проблемой исследования выступает специфика интеллектуального действия в прагматике современных цифровых сетей. Традиционные критерии, разработанные в эпоху кибернетики и классического символического ИИ, оказываются недостаточными для адекватной оценки когнитивных способностей нейросетевых архитектур. Тест Тьюринга, сфокусированный на поведенческой неотличимости машины от человека, и аргумент «китайской комнаты», настаивающий на разрыве между синтаксисом и семантикой, фиксируют лишь крайние точки дискуссии, не затрагивая внутренней механики вероятностного моделирования [13; 14]. Требуется новый концептуальный аппарат, способный описать, как именно алгоритмические структуры, лишённые биологической субстратности, воспроизводят стереотипы человеческого мышления и конструируют функциональные аналоги понимания.

Методологическую основу работы составляет синтез традиций философии техники и современных когнитивных исследований. Опора на концепции расширенного разума, предиктивного кодирования и компьютерной теории разума позволяет преодолеть ограниченность как классического инструментализма, так и биологического редукционизма. Интеллектуальное действие рассматривается не как изолированное свойство отдельного

субъекта, а как распределенный процесс, разворачивающийся в гибридной среде, где когнитивные функции делегируются техническим артефактам. Подобный подход открывает новые перспективы для понимания междисциплинарной эпистемологии, в которой нейронаука, информатика и философия формируют единое пространство анализа природы разума и технологий.

Кризис классической философии техники в эпоху нейросетей

Традиционное осмысление технического артефакта в европейской философской мысли неизменно опиралось на инструментальную и антропоцентрическую парадигмы. От аристотелевского определения орудия как «неодушевленного органа» до хайдеггеровской концепции *Ge-stell*, техника фиксировалась исключительно в статусе средства, подчиненного внешнему целеполаганию [1]. В этой координатной системе граница между субъектом и объектом оставалась непроницаемой: человеческому сознанию приписывалась интенциональность и подлинная агентность, тогда как машине отводилась роль слепого исполнителя детерминированных алгоритмов. Этическая рефлексия, ярким примером которой служит этика ответственности Г. Йонаса, также строилась на этом фундаменте, возлагая бремя морального выбора исключительно на создателя и пользователя пассивных средств [2].

Фундаментальная проблематизация этой дихотомии происходит на наших глазах в связи с экспансией глубоких нейросетей. Экспертные системы прошлых десятилетий еще сохраняли прозрачность классического алгоритма, оперируя формализованными логическими правилами, заданными человеком. Современные архитектуры машинного обучения функционируют совершенно иначе. Они извлекают скрытые паттерны из массивов данных, адаптируются к среде и генерируют решения, отсутствовавшие в исходном коде. Переход от жесткого детерминизма к вероятностной генерации трансформирует онтологический статус цифрового артефакта. Нейросеть перестает быть просто инструментом, приобретая черты квази-когнитивной системы, способной к автономному функционированию в прагматике цифровых сетей. Знание, продуцируемое такой системой, носит не дедуктивный, а статистический характер, что радикально меняет саму ткань инженерно-технического мышления.

Этот сдвиг обнажает острую эпистемологическую проблему, известную как эффект «черного ящика». Непрозрачность алгоритмов машинного обучения давно переросла рамки сугубо инженерных трудностей, став предметом серьезного философского анализа [3]. Когда итоговое решение формируется на основе миллионов параметров, скорректированных в ходе самообучения,

причинно-следственная нить, связывающая первоначальный замысел программиста с результатом, рвется. Агентность здесь оказывается распределенной: она не принадлежит ни исключительно разработчику, ни самому алгоритму, а рождается в сложном взаимодействии обучающей выборки и внутренних весов сети. Возникает вопрос о специфике машинного действия: если результат нельзя свести к инструментальному акту человека, обладает ли сама сеть производной формой когнитивной субъектности?

Классическая философия техники, сфокусированная на этике человеческого использования пассивных средств, оказывается не готова к концептуализации подобных гибридных форм познания. Л. Флориди, описывая «четвертую революцию», убедительно показывает, как информационные технологии вытесняют человека из центра эпистемической вселенной, вынуждая признать интеллектуальную автономность создаваемых артефактов [4]. В современных цифровых экосистемах нейросеть выступает активным когнитивным партнером, напрямую влияющим на архитектуру научного и повседневного знания. Размытие границы между когнитивным актом пользователя и вычислительным процессом машины диктует необходимость отказа от инструментальной рациональности как единственного критерия оценки технического действия. Интеллектуальный потенциал нейросетей требует анализа через механизмы когнитивного моделирования, позволяющие реконструировать процессы конструирования *machine-reality* и принятия решений в условиях фундаментальной неопределенности.

Когнитивное моделирование как новая парадигма

Преодоление инструментальной ограниченности классической техники требует отказа от устаревшей «компьютерной метафоры», доминировавшей в когнитивной науке на протяжении второй половины XX века. В рамках той парадигмы разум уподоблялся цифровому процессору, а мышление сводилось к синтаксическому манипулированию символами согласно жестким формальным правилам [5]. Глубокие нейросетевые архитектуры радикально трансформировали этот эпистемологический ландшафт. На смену модели пассивного обработчика информации приходит концепция «мозга-предиктивной машины», где когнитивная система выступает активным генератором моделей окружающей реальности [6]. Интеллектуальное действие в таком контексте перестает быть линейным вычислением, приобретая характер непрерывного вероятностного прогнозирования.

Фундаментальное обоснование этого сдвига опирается на теорию предиктивного кодирования и принцип свободной энергии, разработан-

ные в современной нейронауке. Согласно данной концепции, биологический интеллект функционирует за счет непрерывной генерации гипотез о состоянии среды и минимизации энтропии или ошибки предсказания [7]. Современные алгоритмы машинного обучения, особенно в области генеративных моделей и обучения с подкреплением, все чаще проектируются по аналогии с этими биологическими механизмами. Нейросеть не просто фиксирует статические корреляции в обучающих выборках, она учится предсказывать следующие состояния среды, оптимизируя внутренние веса для снижения неопределенности. Когнитивное моделирование здесь обретает статус не просто технического приема, а метода конструирования функциональных аналогов познавательных процессов, способных к адаптивному поведению в динамичных цифровых экосистемах.

Онтологический статус подобных моделей выходит за рамки простого переноса биологических структур на кремниевые субстраты. Когнитивные технологии формируют новую архитектуру познания, в которой границы между естественным интеллектом и искусственными системами оказываются проницаемыми. Нейросетевой артефакт интегрируется в когнитивный контур человека, реализуя принципы «расширенного разума» [8]. Задача когнитивного моделирования в инженерной практике заключается не в утопическом воспроизведении биологического мозга, а в выявлении инвариантных структур когнитивного действия – восприятия, принятия решений, обучения – и их алгоритмической формализации. Это позволяет рассматривать интеллектуальную систему как полноценную когнитивную архитектуру, функционирующую в прагматике цифровых сетей наравне с человеческим субъектом.

Алгоритмическая формализация когнитивных функций неизбежно сталкивается с проблемой трансляции человеческих стереотипов мышления в машинные коды. Поскольку нейросетевые модели обучаются на массивах данных, сгенерированных в рамках человеческой культуры, они наследуют не только объективное знание, но и специфические эвристики, паттерны и когнитивные искажения. Интеллектуальное действие машины в этом смысле никогда не бывает абсолютно чистым вычислением; оно глубоко укоренено в антропологической специфике и эпистемологических ограничениях своего создателя. Конструирование умных систем превращается в процесс зеркального отражения человеческой когниции, где алгоритмические структуры становятся материальным носителем наших собственных стереотипов мышления. Выявление того, как именно эти скрытые паттерны формализуются в нейросетевых архитектурах, подводит к вопросу о способности машины не просто воспроизводить их, но и мо-

делировать сам процесс понимания ментальных состояний.

Компьютерная теория разума и моделирование интеллектуального действия

Понятие «теории разума» (Theory of Mind), первоначально введенное в этологический и когнитивный дискурс для описания способности приписывать ненаблюдаемые ментальные состояния другим агентам [9], сегодня становится ключевой точкой бифуркации в проектировании интеллектуальных систем. Если классические алгоритмы ограничивались реакцией на эксплицитные стимулы, то современные нейросетевые архитектуры стремятся к моделированию скрытых переменных: убеждений, желаний и интенций пользователей или других агентов в среде. Подобный переход знаменует собой сдвиг от простого распознавания паттернов к конструированию функциональных аналогов интерсубъективного взаимодействия. Машина перестает быть замкнутым вычислителем, превращаясь в участника когнитивного обмена, способного прогнозировать поведение на основе реконструкции чужой эпистемической позиции.

Реализация «машинной теории разума» (Machine Theory of Mind) опирается на глубокие нейросетевые архитектуры, обучаемые предсказывать ментальные состояния по поведенческим манифестациям [10]. Алгоритмические структуры в этом случае формализуют не сами переживания, а их функциональные корреляты, выстраивая сложные вероятностные графы убеждений и желаний. Здесь возникает фундаментальный философский вопрос: тождественно ли успешное математическое предсказание ментального состояния его подлинному пониманию? Классический аргумент Дж. Сёрла в эпоху глубокого обучения требует переформулировки. Нейросеть не просто манипулирует символами по жестким правилам; она улавливает тончайшие статистические зависимости в проявлениях человеческого мышления, достигая уровня, неотличимого от человеческой интуиции. Тем не менее, как справедливо отмечается в современной философии сознания, функциональная и поведенческая адекватность модели не гарантирует наличия у системы феноменального сознания или квалиа [11]. Интеллектуальное действие машины в контексте теории разума остается чисто реляционным, лишенным внутренней субъективности, но обладающим высочайшей прагматической эффективностью, что стирает грань между глубокой имитацией и подлинным когнитивным актом.

Интеграция компьютерной теории разума в архитектуру искусственного интеллекта диктуется не только теоретическими изысканиями, но и сугубо прикладными потребностями, связанными с проблемой объяснимости (Explainable AI). В праг-

матике цифровых сетей доверие к интеллектуальной системе напрямую зависит от ее способности артикулировать свои решения в терминах, доступных человеческому когнитивному аппарату. Не-прозрачность «черного ящика» делает невозможным полноценное сотрудничество человека и машины. Чтобы нейросеть могла выступить в роли когнитивного партнера, она должна моделировать не только внешнюю физическую среду, но и когнитивные ограничения, уровень знаний и текущие эпистемические цели человека-оператора. Философский анализ подобных гибридных систем показывает, что интеллектуальное действие здесь распределяется между биологическим и искусственным агентами, формируя единый, неразрывный контур принятия решений и генерации нового знания [12].

Моделирование интеллектуального действия через призму теории разума обнажает пределы классического редукционизма. Алгоритмические структуры, воспроизводящие стереотипы человеческого мышления, демонстрируют, что интеллект не сводится к изолированной обработке информации, а по своей природе социален и интересубъективен. Нейросетевые модели, обученные на массивах человеческого взаимодействия, анализируют в кремнии саму ткань социальной когниции. Это означает, что переосмысление интеллектуального действия в эпоху нейросетей требует отказа от поиска «чистого» машинного разума. Подлинная интеллектуальность современных артефактов раскрывается исключительно в их способности встраиваться в сложные сети человеческих смыслов, предвосхищать интенции и адаптировать свое функционирование к динамике чужого сознания.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что экспансия нейросетевых технологий в прагматику цифровых сетей делает несостоятельной классическая инструментальная парадигма философии техники. Интеллектуальное действие современных артефактов не укладывается в прокрустово ложе детерминированных алгоритмов, требуя концептуализации через механизмы когнитивного моделирования. Переход от компьютерной метафоры к предиктивным архитектурам, опирающимся на принцип свободной энергии, знаменует собой не просто смену инженерных подходов, но глубокий эпистемологический сдвиг, в котором искусственные системы обретают статус когнитивных партнеров, интегрированных в контур человеческого познания.

Компьютерная теория разума выступает тем методологическим мостом, который позволяет преодолеть разрыв между формальным вычислением и интересубъективным пониманием. Нейросетевые модели, формализующие стереотипы

человеческого мышления и скрытые ментальные состояния, доказывают, что машинный интеллект по своей природе социален и укоренен в антропологической специфике обучающих выборок. Проблема «черного ящика» и отсутствие феноменального сознания не отменяют прагматической эффективности подобных систем, но диктуют необходимость развития объяснимого ИИ, способного артикулировать свои решения в терминах человеческой когниции.

Дальнейшее развитие интеллектуальных технологий неизбежно будет связано с углублением междисциплинарного синтеза. Философия техники, когнитивная наука и нейронаука формируют единое пространство исследования, где границы между естественным и искусственным разумом становятся проницаемыми. Понимание этого процесса требует отказа от поиска «чистого» машинного сознания в пользу анализа гибридных форм познания, где интеллектуальный потенциал рождается на стыке биологических стереотипов и алгоритмических структур.

Литература

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Heidegger M. Die Frage nach der Technik. 1954. (Рус. пер.: Хайдеггер М. Разбор одного письма по поводу гуманизма // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 224–254).
2. Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 320 p.
3. Burrell J. How the machine 'thinks': Understanding opacity in machine learning algorithms // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 151–170.
4. Флориди Л. Четвертая революция. Как инфосфера формирует реальность. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 288 с.
5. Деннет Д. Виды сознаний. М.: Идея-Пресс, 2004. 352 с.
6. Clark A. Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2016. 320 p.
7. Friston K. The free-energy principle: a unified brain theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 127–138.
8. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7–19.
9. Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. 1978. Vol. 1. No. 4. P. 515–526.
10. Rabinowitz N., Perbet F., Song F., et al. Machine Theory of Mind // Proceedings of the 35th International Conference on Machine Learning (PMLR). 2018. Vol. 80. P. 4238–4247.

11. Губин В.Д. Философия сознания: классические и современные проблемы. М.: ИФРАН, 2019. 320 с.
12. Огурцов А.П. Философия искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 34–48.
13. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.
14. Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. No. 3. P. 417–457.

SPECIFICS OF INTELLECTUAL ACTION IN THE CONTEXT OF MODERN DIGITAL NETWORKS

Guliev A.Y.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The purpose of this study is to identify the specifics of intellectual action in the pragmatics of digital networks through the prism of cognitive modeling mechanisms. The methodological framework of the work relies on a synthesis of the philosophy of technology and modern cognitive studies, including theories of predictive coding, the extended mind, and the computer theory of mind. The article consistently substantiates the thesis on the transformation of neural network architectures from passive computing tools into active quasi-cognitive systems capable of probabilistic forecasting and modeling of hidden mental states. It is emphasized that the algorithmic formalization of cognitive functions inevitably entails the translation of human thinking stereotypes and heuristics into machine codes, which generate new forms of intersubjectivity. The author comes to the conclusion that the true intelligence of modern technical systems is revealed not in the isolated processing of information, but in their ability to integrate into distributed circuits of human cognition. The results of the research contribute to the development of interdisciplinary epistemology, offering a new perspective for the philosophical analysis of cognitive functions of smart systems in the context of a digital network.

Keywords: cognitive modeling, neural network models, intellectual action, digital networks, computer theory of mind, predictive coding, interdisciplinary epistemology.

Reference

1. Heidegger M. The Question Concerning Technology // Heidegger M. Die Frage nach der Technik. 1954. (Russ. ed.: Heidegger M. Letter on Humanism // Time and Being. Moscow: Respublika, 1993. P. 224–254). (In Russian)
2. Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 320 p.
3. Burrell J. How the machine 'thinks': Understanding opacity in machine learning algorithms // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 151–170.
4. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Shaping Reality. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 288 p. (In Russian)
5. Dennett D. Kinds of Minds. Moscow: Idea-Press, 2004. 352 p. (In Russian)
6. Clark A. Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2016. 320 p.
7. Friston K. The free-energy principle: a unified brain theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 127–138.
8. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7–19.
9. Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. 1978. Vol. 1. No. 4. P. 515–526.
10. Rabinowitz N., Perbet F., Song F., et al. Machine Theory of Mind // Proceedings of the 35th International Conference on Machine Learning (PMLR). 2018. Vol. 80. P. 4238–4247.
11. Gubin V.D. Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Problems. Moscow: IFRAN, 2019. 320 p. (In Russian)
12. Ogurtsov A.P. Philosophy of Artificial Intelligence: Problems and Prospects // Questions of Philosophy. 2022. No. 1. P. 34–48. (In Russian)
13. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.
14. Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. No. 3. P. 417–457.

Метафизическая аналитика и понятие вопроса «Почему существует нечто, а не ничто?»

Комарова Карина Сергеевна,

кандидат юридических наук, преподаватель, Российский государственный университет правосудия
E-mail: Campari.82@mail.ru

Журба Денис Витальевич,

студент, Российский государственный университет правосудия
E-mail: zurbadenis64@gmail.com

В статье авторы пытаются раскрыть и понять, почему данный вопрос до сих пор актуален как в научном сообществе, так и среди современных философов. Также, в статье будет рассмотрено, что есть бытие как духовное, так и материальное и почему же на самом деле «ничто» существует за пределами духовно-материального бытия. В данной статье, также, авторы объяснят, как существует «ничто» и почему же есть как материальное небытие и духовное небытие, при этом, будет проанализировано как, что мироздания в привычном понимании не одно, а наоборот, что их несколько в понятии того, что есть как только материальное бытие, как и только духовное бытие, так и то, что во Вселенной всегда существует также и воссоединение духовности и материи, данное воссоединение в трансцендентальной философии называется духовно-материальное бытие.

Ключевые слова: метафизика, мироздание, бытие, небытие, нечто, ничто, философия, онтология, духовность, материя.

Понятие о данном вопросе есть главный вопрос как метафизики[1] (то есть, он является фундаментальным в метафизике), так и в целом нашего духовно-материального бытия, ибо самому человеку всегда было интересно: «что такое мир?». «Кто я такой?». «Что есть то, что окружает меня?». Сам человек есть существо, которое состоит из духовной материи и физической материи, если более кратко назвать самого человека, то человек есть духовно-материальное существо, что состоит из двух постулатов: Эктоплазматическая субстанция души и физическая субстанция тела, именно они и формируют человека как как раз-таки, духовно-материальное существо и само данное воссоединение духовной материи[1] и физической материи есть главный предикат к образованию и наличию функционирования планеты «Земля», а она сама есть духовно-материальный субстрат и также само единое космическое мироздание тоже духовно-материальное. Под проблемой, мы имеем ввиду, что, во-первых, люди не могут понять что такое нечто и что данное понятие под собой подразумевает и почему оно олицетворяет именно те или иные процессы в бытие, объекты и субъекты в духовно-материальном бытие. Во-вторых, проблемой является также, что всю историю эволюционного прогресса и процесса, само человечество не может понять и осознать, что есть ничто, как с точки зрения небытия и что такое ничто с точки зрения бытия, что духовного бытия, что материального бытия, а также духовно-материального бытия.

Метод исследования заключается в исследовании и метафизической аналитике научно-философской литературе и исследований на данную тематику.

Для рассмотрения данного вопроса стоит начать с того, что знаем мы сами, то есть с понятия «Нечто», а именно его аналитика с точки зрения процессов в духовно-материальном бытие, а именно:

1. Что есть время, как «Нечто»?
2. Что есть человек, как «Нечто»?
3. Что есть духовно-материальное бытие (жизнь и существование), как «Нечто»?

1. Сам факт человеческого созерцания есть понятие самой многогранности, ибо самому человеку свойственно созерцать именно через призму чувственности, как физической, то есть материальной чувственности, так и духовностью[2],

то есть чувственность в факторе эмоционально-психологического состояния и самого фактора ощущения им самим чувствами и эмоциями окружающего его самого духовно-материального бытия. Само созерцание происходит постоянно, независимо от самого местонахождения субъекта (человека) в бытие и созерцать человек через взор свой может благодаря множеству факторов, ибо само духовно-материальное бытие, что в духовно-материальном субстрате (планета «Земля»), что в космическом духовно-материальном субстрате (космическое единое мироздание[1]), а в движении само бытие[3], находится как раз-таки из-за одного ключевого постулата в наличие реализации функционирования единого духовно-материального бытия, то есть время. Время, как это было уже сказано нами, есть постулат самого великого мироздания, но одновременно оно является постулатом и в тоже время не является им постольку, поскольку само время может существовать в едином образе своём как в пространстве, так и вне его самого, ибо само время имеет фактор понятия «процесс». Однако, сам этот процесс не есть обыденность как единая, невидимая для взора человеческого «духовная линия», оно есть процесс, что собой охватывает духовно-материальное бытие «нечто» и небытие, как раз-таки, именно материальное, ибо если обратиться к Иммануилу Канту и к его научно-философской литературе, а именно к «Критике чистого разума», то можно сказать, что пространство и время есть предикат к существованию и также то, что время также есть предикат к созерцанию в понятии субъективизма, поскольку время, как это было уже сказано «духовная линия», но при этом само время не есть единый постулат, а наоборот, время очень многогранно, а если быть более верным не оно само, а его восприятие чувственным трансцендентальным созерцанием, ибо время каждый человек свойственен ощущать и воспринимать абсолютно по разному, ибо хоть и время единое, но восприятие его самого разное постольку, поскольку сам человек созерцает не просто духовно-материальное бытие, а именно те или иные события и ситуации, ибо время через призму восприятия его самого раскрывается в интересе самого субъекта бытия, то есть человеком, ведь каждому человеку интересно разное и именно по фактору интереса мы ощущаем само время, потому что минуты длятся будто года, а годы как минуты и поэтому каждый из нас чувствует время именно субъективно, таким образом, можно сделать вывод, что время есть исключительно субъективное понятие только с точки зрения трансцендентального созерцания, но никак в понятии абстрактности, ибо даже без учёта созерцания его духовно-материальными существами оно есть одинаковое, оно есть единый процесс только в духовно-материальном субстрате (планета «Земля»), а вот

в космосе же, время идёт абсолютно по другому, либо быстрее, чем в духовно-материальном субстрате, либо медленнее, при этом, как это было уже сказано «время есть единая духовная линия», но поскольку оно разное в своём эквиваленте в тех или иных пространствах, то следует понимать, что время есть субъективизм, но тогда появляется вопрос: «Почему же за границами нашего духовно-материального субстрата оно является нам другим процессом?». Отвечая на данный вопрос можно столкнуться с тем, что образуется тезис и антитезис:

Тезис

«Время есть единая линия в понятии абсолютизма, оно одинаково везде и человек его воспринимает исходя из своего созерцания разумом, то есть субъективно.»

Антитезис

«Время не есть единая линия в понятии абсолютизма, само время есть абстрактное понятие, а не точное в факторе процесса его реализации и нашего созерцание разумом не есть субъективное понятие, а лишь действие спекулятивного разума.»

Исходя из всего, что мы сами знаем о самом времени, стоит понимать, что время кардинальное отличается от привычного нам процесса за атмосферой нашего духовно-материального субстрата, то есть на само время, а именно на процесс его протекания влияет атмосферное давление из этого исходит, что существуя в пределах духовно-материального субстрата (планета «Земля»), сам человек привыкает воспринимать время в том формате, в котором оно само реализовано внутри духовно-материального субстрата, то есть, мы доказываем, что время есть понятие субъективное, а если давать более точное ему понятие в факторе его восприятие через трансцендентальное чувственное созерцание субъектом духовно-материального бытия, то оно будет не просто понятием, что свойственно созерцать через призму субъективного мировоззренческого восприятия, а то, что время есть «субъективно-рефлекссионное понятие». Но если же вернуться к вопросу: «Время есть единое линия или нет?», то стоит понимать, что в нашем духовно-материальном бытие само время измеряется в обыденном понятии, то есть в секундах, в минутах, в часах и годах, в космосе же, за пределами духовно-материального субстрата (планета «Земля») время измеряется в понятии световых лет, что являются по числу одинаковыми, а по фактору наличия своей реализации абсолютно разными, то есть, само время не одинаково, а значит, оно не является единой линией в понятии абсолютизма и самой отправной точки его начала нет, поскольку: «Мир не имеет нача-

ла во времени и при этом ограничен в пространстве», однако, да, время есть единая линия, с точки зрения одного из ключевых постулатов строения самого единого духовно-материального мироздания, таким образом, можно сказать, что время является единой линией, но при этом из самой этой линии исходят другие потоки течения самого процесса жизни и существования всего существующего, как живого, так и не живого, как материи физической, так и духовной, то есть само время есть не единая линия, а «единое древо», исходя из этого, необходимо выразить из тезиса и анти-тезиса следующее:

Синтез

«Время есть субъективно-рефлексивное понятие, но при этом оно само не является единой линией, а имеет бесконечное их количество в понятии максима в форме древа»

Поскольку время, как это было нами сказано «единое древо», то оно есть «единый организм», а любой организм представляет собой не просто сам факт существования, а сам процесс существования. Именно поэтому время есть «Нечто», то есть сам процесс.

2. Если говорить мы посмеем о понятии фактора «Теории относительности», то лицезреть можем мы трансцендентально, что человек есть её олицетворение в понятии максима или же абсолютизма в факторе абстрактной точки зрения на самом духовно-материальное существо, ведь если рассуждать о сущей относительности в факторе постулатов жизни и самого существования внутри и снаружи духовно-материального субстрата, то можем мы заметить, что само существование в духовно-материальном субстрате имеет фактор относительности, ибо сама духовность есть жизнь, то есть сам факт предиката к жизненному пути в духовно-материальное бытие, ибо сам человек является олицетворением данной относительности постольку, поскольку он сам, как «Нечто» в понятии философской мысли как объект бытия, что является ошибкой при идентификации его самого как нечто. Сам человек состоит из двух основополагающих постулатов, а сами данные постулаты есть не только к самому человеку, как к духовно-материальному существу, а ко всему мирозданию в целом (в данном суждении, под понятием «мироздания», мы имеем единое мироздание, что объединяет в себе весь мир, в понятии абсолютизма), а именно духовная материя и физическая материя. Итак, сама духовная материя есть условие для образования внутри человека эктоплазматической субстанции души, которая строится на том, что нам дал единый эволюционный прогресс и процесс, то есть разум (чистый и эмпирический), осознанность (понятие человеком того, что окружает его и сознание его самого), личность (психотическая

точка зрения на идентификации и интерпретацию себя в духовно-материальное бытие), данные факторе есть ключевое в том, что такое человек и что он из себя представляет, но при этом, имеется также ещё один важный предикат к человеческой жизни в полной её мере, а именно субстанция тела, ибо только благодаря ей самой, человек интерпретирует себя в духовно-материальное бытие и исходя из этого мы доказываем, что человек, что духовно-материальное бытие и все процессы в нашем великом мироздании есть относительность, поскольку всё в нашем мироздании относительно, но в нашем случае речь о том, что духовная материя относительна физической материи и наоборот, именно эти два фактора являются постулатом к наличию реализации функционирования нашего великого духовно-материального мироздания. Однако, остаётся вопрос: «Почему мы называем ошибкой, признания человека как объекта в бытие в понятии «Нечто»?». Нечто есть процесс и воспринимать нечто как объект ошибочно потому, что существование любой материи физической является процессом постольку, поскольку на неё саму влияет процесс под названием «время», что является бесконечным процессом и влияет он на неё саму относительно, ибо любая материя (не только физическая, но и духовная) в любом случае подвержена тем или иным изменениям либо внутри самой себя, либо снаружи себя самой и именно под данное суждение подходит духовно-материальное существо (человек, животное или же насекомое), поскольку сама физическая материя является смертной, духовная же нет, но если конкретизировать наше обоснование и доказательство данной теоретики, то у человека на протяжении всего срока существования его самого меняется личность, разум и осознанность его духовно-материального бытия, а поскольку данные три понятия есть постулат к формированию эктоплазматической субстанции души, то и сама душа человеческая меняется, а сама материя физическая его подвержена старению и в итоге самой смерти. Таким образом, что человек есть «Нечто» не как объект, а именно как процесс, поскольку вся его жизнь есть тот или иной процесс, ведь под самим процессом (неважно каким-либо), подразумевается именно то или иное изменение чего-либо или же кого-либо, то есть, как это было уже нами выражено и доказано в данной научной статье, человек, как духовно-материальное существо, не есть объект бытия, а наоборот, есть процесс жизни и самого существования двух материй (физической и духовной).

3. Само понятие духовно-материальное бытие есть научное определение такого понятия как жизнь, но при этом оно само его намного многограннее раскрывает с точки зрения того, что есть жизнь в полном олицетворении себя в факторе максима или же абсолютизма, а также данное по-

нятие даёт понимание духовно-материальному существу, что само бытие есть главный постулат «Теории Относительности», поскольку хоть и самой духовной материи больше существует, чем физической, ибо она сама есть предикат как к жизни, так и к самому существованию в целом, что в бытие, что в небытие, однако, это теоретика есть постулат к показательности того, что сами постулаты, за счёт которых и образовалось само духовно-материальное бытие, есть олицетворение понятия противоречия постольку, поскольку само бытие есть противоречие, именно с точки зрения трансцендентального её устройства и наличия функционирования её самой, но при этом, в самом этом противоречии материального и нематериального всегда присутствует баланс и он сам есть, если так можно выразиться, «Трансцендентальный балансир» постольку, поскольку всё в мире существует в балансе и не может быть что-то больше другого в понятии математической степени, ибо если случается таковое, то это самое нечто в самом бытии есть нарушение законов трансцендентальной логики сея духовно-материального бытия.

Само духовно-материальное бытие есть процесс, именно жизни и смерти, (не существование, поскольку оно само есть отдельная составляющая категория) и сами понятия «Смерть» и «Жизнь», есть олицетворение также противоречия в духовно-материальном бытии, таким образом, исходя из этого, само духовно-материальное бытие, сам человек и само время есть противоречие, а значит, что сам мир в целом со всеми его предикатами, является одной «Локационной платформой», а его постулатами являются: Противоречия явлений и тех или иных категорий, духовная и физическая материи и временные линии, исходящие от единого «Временного древа», которые выходя из самого древа рассчитываются в привычном нам понимании, как те или иные эквиваленты в разных временных категориях и также из данного исследования стоит понимать, что само понятие «Нечто» [2], есть фактор, исходящий только и только от понятия того или иного процесса как в духовно-материальном бытии, так и за пределами его самого, ибо каждая материя (духовная и физическая), живая или же неживая есть тот или иной процесс, внутри духовно-материального бытия который за счёт данных предикатов сам является отдельным процессом в космическом духовно-материальном мироздании, границы существования которого, то есть духовно-материального бытия, замкнуты во временных категорических эквивалентах, которые также являются по своей природе (как и само время в общем понятии абсолютизма и максима) есть процесс, хоть и при этом сам мир не имеет начала во времени, однако, если обратится к концепции Константина Эдуардовича Циолковского, что космос есть единый организм,

а всё происходящее в нём, это есть процесс наличия функционирования внутреннего мира данного организма и также не стоит забывать, что у каждого организма есть свои границы, которые определяют сам внутренний мир его, таким образом, наше космическое духовно-материально мироздание само есть один единый процесс, в котором также происходят свои те или иные процессы, которые по итогу себя самих становятся предикатами к построению и воссоединению самих процессов в один единый общий процесс, таким образом, само мироздания и то, что внутри него самого, есть олицетворение и полное объяснение такого понятия, как «Нечто» и также, исходя из выдвинутого нами суждения, мы можем понять, что само понятие «Нечто», есть только тот или иной процесс, но никак не объект, субъект и тому подобные категории духовно-материального бытия, ведь каждый объект в бытие или же не живая материя, либо же субъект, то есть духовно-материально существо есть объект или же субъект бытия, но при этом, они не должны быть в категории определения как «Нечто» и также то, что как объект, так и субъект есть тот или иной процесс, либо духовный, либо материальный в самом едином космическом духовно-материальном мироздании, ибо он и сам, есть процесс постольку, поскольку он есть единый организм.

Итак, мы определили, что же есть «Нечто» и что оно олицетворяет, но: «Что же есть ничто? И почему оно существует?»

Само понятие ничто[3] есть главный аспект главного вопроса метафизики, что является тематикой данной научной статьи, ибо само «Нечто» есть категория существенного воссоединения духовной и физической материй, однако, формулировка в данном вопросе подразумевает под собой о, что категории «Ничто» не существует, но это является ошибочной постановкой вопроса постольку, поскольку под понятием «Ничто» подразумевается само небытие и само данное небытие, есть отсутствие жизни, но при этом, если как утверждает данный вопрос, что «Ничто» не существует, то как же тогда объяснить то, что само небытие существует, ибо бытие есть олицетворение жизни, поскольку оно есть воссоединение духовности и материального, именно поэтому оно и называется духовно-материальное бытие в привычном нам понимании того, где живёт духовно-материальное существо, то есть человек, ибо именно он может осознавать где он и что есть то, что окружает его и само это окружение свойственно ему самому.

Термин и понятие «Ничто» есть небытие, на первый поставленный нами вопрос нам отвечает наука, то есть философия[1] и исследования на данную тематику, что же касается второго вопроса: «почему же оно, собственно, существует?». Мы будем отталкиваться от ответа на первый поставленный вопрос, если ничто есть небытие[3], то оно

существует постольку, поскольку есть материальное небытие, где души духовно-материальных существ, продолжают своё существование после окончания срока существования и жизнедеятельности физической субстанции тела, таким образом, с точки зрения онтологии[1] само «Ничто» существует, также, стоит затронуть данный вопрос с точки зрения космологии и астрономии, в самом космосе есть, так называемые «Войды», если говорить более простым языком, то «Войд» есть пустота, где нет практически ничего, кроме некоторого количества галактик, казалось бы, нельзя охарактеризовать войды как «Ничто», но стоит учитывать, что сама материя в войдах не является живой, а значит, она существует, а не живёт, таким образом, мы видим, что есть как материальное небытие, а сами войды есть граница, под данным суждением, мы подразумеваем что самой жизни в пустотах нет, однако, там есть существующая та или иная материя физическая, следовательно, духовность там существует, таким образом, сами войды есть духовно-полу материальное небытие, поскольку та или иная духовность есть предикат к образованию и существованию материи физической и она сама существует в каждом материальном.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что главный вопрос метафизики не является корректно выстроенным постольку, поскольку исходя, что из агностической идеи, что из христианской идеи, мы можем увидеть, что материальное небытие существует, а значит, само «Ничто» также существует, однако, само «Нечто» главенствует над «Ничто», ибо самого «Нечто» гораздо больше, так как что в нашем духовно-материальном субстрате (планета «Земля»), что за его пределами в космическом духовно-материальном бытии всегда есть и будут существовать те или иные процессы, которые путём своего воссоединения воедино, формируют сам процесс существования космическо-земного духовно-материального мироздания, ибо его существование есть процесс в факторе максимума и абсолютизма, а в нём самом также всё, есть процесс, а само «Ничто», то есть небытие, существует за его пределами, так как если обращаться к концепции Константина Эдуардовича Циолковского, сам космос есть организм, а у каждого организма, есть те или иные границы, а само «Ничто») небытие существует на границе между бытием, таким образом, можно заметить, что сам мир в общем понимании есть олицетворение противоречий и сами эти противоречия есть постулат к существованию данного мира (или же мироздания).

Литература

1. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – М.: Издательство «Азъ», 1994 г. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt

2. Большой толковый словарь (под редакцией С.А. Кузнецова) – М.: Издательство «Норинт», 1998 г. URL: <https://lexicographia.ru/node/389>
3. Толковый словарь русского языка в современном написании – М.: Издательство «АСТ», 2023 г. URL: <https://www.labirint.ru/books/961457/>
4. И. Кант «Критика чистого разума» – М.: Издательство «Эксмо», 2026 г. URL: <https://stroki.mts.ru/book/kritika-chistogo-razuma-18950>
5. Циолковский К. Э. «Космическая философия» – М.: Издательство «Эксмо», 2026 г. URL: <https://mybook.ru/author/konstantin-ciolkovskij-2/kosmicheskaya-filosofiya-2/read/>
6. Циолковский К. Э. «Воля Вселенной» – М.: Издательство «Эксмо», 2024 г. URL: <https://www.litres.ru/book/k-ciolkovskiy/volya-vselennoy-39834516/>
7. Г. В. Лейбниц «Начала природы и благодати, основанные на разуме» – М.: Издательство «Лань», 2013 г. URL: <https://elibrary.wkap.kz/lib/document/LANN/61914993-0058-46C7-803F-C5AB4DDBD152/>
8. М. Хайдеггер «Что такое метафизика?» – М.: Издательство «Академический Проект», 2013 г. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006671952>
9. Л. Витгенштейн «Логико-философский трактат: основные идеи» – М.: Издательство «Азбука», 2025 г. URL: <https://stroki.mts.ru/book/logiko-filosofskiy-traktat-118685>
10. Д. Юм «Трактат о человеческой природе» – М.: Издательство «АСТ», 2022 г. URL: <https://www.livelib.ru/book/827797/readpart-traktat-o-chelovecheskoj-prirode>
11. Д. Юм «Диалоги о естественной религии» – М.: Издательство «Юрайт», 2024 г. URL: <https://urait.ru/book/dialogi-o-estestvennoy-religii-565311>
12. А. Бергсон «Творческая эволюция» – М.: Издательство «АСТ», 2023 г. URL: <https://books.yandex.ru/books/vlg0PPaV>

METAPHYSICAL ANALYTICS AND THE QUESTION «WHY DOES SOMETHING EXIST AND NOT NOTHING?»

Komarova K.S., Zhurba D.V.

Russian State University of Justice

In this article, the authors attempt to reveal and understand why this issue is still relevant both in the scientific community and among contemporary philosophers. Additionally, the article will explore the concept of existence, both spiritual and material, and why “nothingness” actually exists beyond the realm of spiritual and material existence. In this article, the authors will also explain how “nothingness” exists and why there is both material non-existence and spiritual non-existence. They will analyze how the universe is not a single entity, but rather consists of multiple entities, each representing either material existence or spiritual existence, or both. Additionally, they will explore how the universe is characterized by the constant interplay between spirituality and matter, which is known as spiritual-material existence in transcendental philosophy.

Keywords: metaphysics, universe, existence, non-existence, something, nothing, philosophy, ontology, spirituality, matter.

References

1. Explanatory Dictionary of S.I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova – Moscow: Az Publishing House, 1994. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt
2. Large Explanatory Dictionary (edited by S.A. Kuznetsov) – Moscow: Norint Publishing House, 1998. URL: <https://lexicographia.ru/node/389>
3. Explanatory Dictionary of the Russian Language in Modern Spelling – Moscow: AST Publishing House, 2023. URL: <https://www.labirint.ru/books/961457/>
4. I. Kant, Critique of Pure Reason – Moscow: Eksmo Publishing House, 2026. URL: <https://stroki.mts.ru/book/kritika-chistogo-razuma-18950>
5. Tsiolkovsky K. E. "Cosmic Philosophy" – Moscow: Eksmo Publishing House, 2026. URL: <https://mybook.ru/author/konstantin-ciolkovskij-2/kosmicheskaya-filosofiya-2/read/>
6. Tsiolkovsky K. E. "The Will of the Universe" – Moscow: Eksmo Publishing House, 2024. URL: <https://www.litres.ru/book/k-ciolkovskiy/volya-vselennoy-39834516/>
7. Leibniz G. V. "The Principles of Nature and Grace, Based on Reason" – Moscow: Lan Publishing House, 2013. URL: <https://elib.wkau.kz/lib/document/LANN/61914993-0058-46C7-803F-C5AB4DDBD152/>
8. M. Heidegger, "What is Metaphysics?" – Moscow: Academic Project Publishing House, 2013. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006671952>
9. L. Wittgenstein, "Tractate Logico-Philosophical: Basic Ideas" – Moscow: Azbuka Publishing House, 2025. URL: <https://stroki.mts.ru/book/logiko-filosofskiy-traktat-118685>
10. D. Hume, "Treatise on Human Nature" – Moscow: AST Publishing House, 2022. URL: <https://www.livelib.ru/book/827797/readpart-traktat-o-chelovecheskoj-prirode>
11. D. Hume, "Dialogues on Natural Religion" – Moscow: Publishing House "Urait", 2024. URL: <https://urait.ru/book/dialogi-o-estestvennoy-religii-565311>
12. A. Bergson, "Creative Evolution" – Moscow: Publishing House "AST", 2023. URL: <https://books.yandex.ru/books/vlg0PPaV>

Антропология героизма и самопожертвования в современной военной хронике

Кононцев Вячеслав Юрьевич,

аспирант, преподаватель кафедры кино-, телеискусства,
ФГБОУ Луганская Государственная академия культуры
и искусств им. М. Матусовского

Стремительная медиатизация социального пространства преобразует устоявшееся восприятие предельных состояний человека. Сегодня в режиме реального времени обнаруживается плотная трансляция страха, смерти, отваги. Возникает концептуальное противоречие. С одной стороны, классическая парадигма требует осмыслить акт самоотречения через эпическую дистанцию, выстраивая образ героя с определенным монументальным лоском. Между тем, современные цифровые свидетельства с экшен-камер и разведывательных дронов демонстрируют пугающе натуралистичную картину происходящего. Эта избыточная транспарентность, которая помножена на рутинизацию насилия в медиасреде, неизбежно грозит десакрализацией самого феномена подвига. Цель в статье заключается в системном анализе антропологических оснований героизма, репрезентируемых в актуальных материалах, а также в выявлении поколенческой динамики их оценок. Опираясь на новую фактуру, автор резюмирует, что условия «прозрачного поля боя» безвозвратно разрушают привычный романтический флер. На первый план сегодня выходит профессионально-экзистенциальный мотив. Авторский вклад проявился в систематизации факторов, посредством которых определяется современное восприятие экстремальных действий. Изложенные материалы будут полезны специалистам в области философской антропологии, конфликтологии, экспертам по медиакommunikациям, разработчикам стратегий гражданского воспитания.

Ключевые слова: антропология, военная хроника, героизм, десакрализация, медиатизация, самопожертвование, философская антропология, цифровой стоицизм, экзистенциальный выбор.

Введение

Героизм как фундаментальный феномен человеческого бытия исторически выступал в качестве предмета пристального внимания со стороны философии, культурологии, социологии. По существу, готовность личности к добровольному отказу от собственной жизни во имя надындивидуальных ценностей формирует тот смысловой «каркас», на котором держится этическая структура любого социума.

Традиционно природа героического деяния связывалась мифологическим сознанием со сверхъестественными способностями, а позднее – с высшими проявлениями духовной силы и нравственного долга. На это указывают профильные исследования, в которых данный акт раскрывается как важный компонент красоты человеческого духа [10]. Между тем, интенсивное развитие информационных технологий в сочетании с медиатизацией социального пространства весомо преобразовали формы фиксации, репрезентации вкупе с последующим восприятием подвига.

Современные боевые видеоматериалы, изобилующие кадрами с портативных экшен-камер, разведывательных дронов, обычных смартфонов, лишают ситуацию былой эпической дистанции. Возникает совершенно новая антропологическая реальность. Экзистенциальный выбор совершается в условиях тотальной транспарентности, когда смерть, страх, отвага документируются в режиме реального времени. Как представляется, подобная непосредственность требует обновленного философского осмысления, поскольку прежние академические рамки не всегда помогают адекватно описать происходящие культурные сдвиги.

Значимость обращения к заявленной теме аргументируется острой необходимостью концептуализации образа комбатанта в реалиях цифровой эпохи. С одной стороны, самоотречение становится визуализированным; оно предельно приближено к зрителю. Одновременно с этим, оно подвергается серьезному риску десакрализации. Это происходит из-за рутинизации насилия в глобальной медиасреде.

Материалы и методы исследования

Обоснование выбора публикаций при подготовке статьи выстраивается вокруг необходимости системного синтеза классической гуманитарной

парадигмы с новейшими социологическими и медийными эмпирическими данными. По сути, фундаментальные основы жертвенности проработаны в трудах таких мыслителей, как Дж. Бруно [2], С.Н. Булгаков [3], чьи концепции энтузиазма и подвижничества задают базовый этический вектор осмысления предельных состояний личности. Эта традиция получила развитие через призму интеллектуальных добродетелей, эстетики духа в работах Д.С. Попова [9], Л.О. Поповой [10, 11]. Между тем, для адекватного понимания мотивации современного субъекта очень важен анализ неостоицизма как практического инструмента преодоления кризисов. И это обстоятельно раскрыто С.И. Некрасовым [5] и М.В. Сокмышевой [12]. Духовная организация нынешнего комбатанта исследуется С.В. Бойко [1], а актуальные социологические срезы коллективной памяти и поколенческой специфики восприятия отваги подробно описаны в публикациях М.А. Подлесной, О.К. Шевченко, И.В. Ильиной [7, 8]. Изменение форматов фиксации экстремального опыта отражено в статьях И.И. Корниловой [4], В.В. Орехова [6].

Впрочем, невзирая на репрезентативную источниковую базу, в профильном дискурсе обнаруживается заметный пробел. Наблюдается концептуальный разрыв между абстрактной рефлексией, оперирующей монументальными, ретроспективными категориями, и натуралистичной фактологией актуальной документалистики. Основное противоречие выражено в том, что устоявшиеся академические модели не дают возможность в полной мере описать феномен отваги в условиях тотальной цифровой транспарентности, где действие лишается былой эпической дистанции.

Методологический аппарат в статье выстроен на междисциплинарном «фундаменте». Базовым служит экзистенциально-феноменологический метод. Он позволяет анализировать пограничные состояния человеческого бытия и внутренние мотивы индивида вне навязанных идеологических конструктов. Дополнительно задействована сравнительная визуальная герменевтика. Применение данного инструментария аргументируется острой потребностью в корректной философской расшифровке современных документальных свидетельств, которые сняты от первого лица.

Результаты и обсуждение

Человеческое существование всегда разворачивается перед лицом собственной конечности. Как отмечает И.И. Корнилова, «...война – это не только грохот орудий и лязг танков, но и трагедия, боль и героизм, запечатленные в памяти народа» [4].

В классической традиции, которая была заложена в античности и развивалась мыслителями Возрождения (к примеру, в трактатах Джордано Бруно об энтузиазме), преодоление страха небытия трактовалось как высшая ступень духовно-

го возвышения [2]. Позже, в русской религиозной мысли рубежа XIX–XX вв., в частности, у С.Н. Булгакова, концепт оформился через антиномию доблести и подвижничества. Выдающееся действие понималось как стремление спасти общность через максимальное напряжение сил [3]. Между тем, ранее этот конструкт «обрастал» мифологическими деталями, приобретая форму «бронзового» монументализма. Сегодня имеет место иная картина. В отличие от предыдущих подходов, в текущей философской рефлексии подчеркивается, что истинное величие духа зачастую лишено внешнего лоска [1, 9].

Война изменилась; трансформировался и субъект внутри нее. Как подчеркивает В.В. Орехов, «... современные технические устройства радикально повлияли на форму и объем военной информации, поступающей широкой аудитории. Не так давно появились экшенкамеры, потом – FPV-дроны, и сегодня, благодаря оперативности мессенджеров и соцсетей, любой человек имеет возможность наблюдать как очевидец то, что раньше мог лишь представить себе по книжным описаниям или постановочным сценам художественных фильмов [6]». Цифровая среда не просто транслирует столкновения; она деконструирует саму «ткань» переживаемого опыта. По сути, акт самопожертвования теряет привычный романтический оттенок. Он предстает перед аудиторией в пугающе натуралистичном виде. В связи с этим отметим, что происходит переход от эстетики эпоса к эстетике документальной непосредственности. Если Гомер или писатели середины прошлого века создавали дистанцию между читателем и персонажем, то объектив квадрокоптера ее уничтожает.

Специфика нынешнего момента проявляется в парадоксальном сочетании анонимности и персонализации. Лицо бойца может быть скрыто балаклавой, его имя остается неизвестным, но зритель наблюдает каждый его шаг, каждое проявление физической боли либо решимости. Видимо, именно эта безымянная, но зримая конкретика заставляет нас пересматривать укоренившиеся определения доблести. Субъект действует не ради посмертной славы в учебниках истории, а исходя из сиюминутной экзистенциальной необходимости – защитить товарища, удержать позицию и т.д.

Медиатизация вооруженных конфликтов породила феномен, который уместно условно назвать «гиперреалистичным свидетельствованием». Кадры, снятые от первого лица, или же видеоматериалы с разведывательных аппаратов формируют уникальный тип архива. По-видимому, придется иметь дело с новой формой коллективной памяти, где эмоции не «ретушируются». В сопоставлении с более ранними подходами к фиксации истории, где превалировал государственно-

идеологический нарратив, современная хроника демократична и хаотична.

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать глубину произошедших изменений, целесообразно обратиться к сравнительному анализу двух моделей восприятия экстремального опыта (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сопоставительный анализ классической и современной парадигм воинского героизма (составлено на основе [4, 6, 11])

Параметр	Традиционный подход (литература, кино, мемуары и т.п.)	Современная модель (цифровая документалистика)
Дистанция восприятия	Ретроспективная (осмысление спустя годы после события)	Синхронная (наблюдение в режиме реального времени)
Форма фиксации памяти	Художественно обработанная, литературно выверенная	Фрагментарная, технически «сырая», изобилующая шумами
Субъект повествования	Внешний наблюдатель (военкор старой школы, писатель)	Непосредственный участник или оператор аппарата
Эмоциональный регистр	Возвышенный; он строго цензурирован	Натуралистичный, экзистенциально обнаженный, шокирующий
Статус протагониста	Недостижимый идеал, носитель абсолютных добродетелей	Обычный человек, который поставлен перед предельным выбором

Транспарентность боевых действий не отменяет величия поступка, но меняет язык его описания. Зритель становится соучастником события. Когда в сети распространяются кадры, на которых раненый боец, оставшись один, вызывает огонь артиллерии на себя либо хладнокровно отбрасывает сброшенные с воздуха боеприпасы, мы сталкиваемся с чистой антропологией стоицизма [5, 12]. Здесь нет места патетическим речам. Есть лишь воля, преодолевающая физиологический инстинкт самосохранения. По замечанию М.В. Сокмышевой, сегодня, слово «стойк» неформально обозначает «...человека, который сохраняет спокойствие под внешним давлением, и избегает эмоциональных крайностей. Конечно, это определение является важной частью стоицизма, но изначальная философия предполагает нечто большее. Они понимали, что не все вокруг нас можно контролировать, но можно контролировать свое восприятие происходящего. Вместо грез об идеальном мире и обществе, они старались принимать мир таким, какой он есть, делая упор на саморазвитие» [12].

Характеристика мотивов, которые толкают человека на крайний шаг, требует обращения к социологическим данным. Примечательно, что восприятие подобных деяний варьируется в зависимости от возраста респондентов. Опираясь на масштабные опросы, исследователи фикси-

руют существенную разницу в ценностных ориентирах [8]. Для старшего поколения характерно понимание самоотверженности как служения глобальной идее, неразрывно связанной с образом Родины и коллективным благом. В их воззрениях протагонист – это, прежде всего, правдоискатель, спаситель.

Впрочем, молодежь (в частности, поколение Z) демонстрирует иные позиции. Как показывают научные замеры, самостоятельно назвать конкретные исторические фигуры молодым людям порой сложнее, поскольку современный подвиг подчас обезличен; он ассоциируется скорее с узкопрофессиональной группой [7]. Для них отвага – это не столько абстрактное служение, сколько честное выполнение контракта, верность локальному братству, защита тех, кто находится рядом в окопе.

Подобная фрагментация смыслов дает нам возможность структурировать мотивационную базу наблюдаемых сегодня явлений. Систематизация эмпирических срезов представлена ниже в таблице 2.

Таблица 2. Типология мотивов самопожертвования в условиях актуальных вооруженных конфликтов (составлено автором)

Тип мотивации	Антропологическое основание	Характерное проявление в материалах хроники	Преобладающая ценностная установка
Альтруистический (эмпатический)	Инстинкт сохранения малой социальной группы	Прикрытие отхода сослуживцев, спасение раненых товарищей под «огнем»	Верность воинскому братству, локальная ответственность
Идеологический (мировоззренческий)	Укорененность в макросоциальных исторических нарративах	Демонстративный вызов противнику. Манифестация убеждений перед угрозой	Защита Отечества, историческая справедливость
Профессионально-экзистенциальный	Принятие долга как фундаментальной формы собственного бытия	Выполнение задачи, несмотря на критические повреждения техники	Дисциплина, стоицизм, защита профессиональной чести

С авторской точки зрения, именно профессионально-экзистенциальный тип сегодня выходит на первый план. Индивид действует эффективно не в силу экзальтации, а благодаря выработанному навыку подавления паники. Это своеобразный триумф рациональной воли над хаосом разрушения.

Далее необходимо сформулировать ряд предложений. Констатация факта изменения медий-

ной среды недостаточна; требуется выработка механизмов работы с этой новой фактурой. Проблема, которую важно решить, заключается в риске психологической травматизации общества из-за неконтролируемого потребления жестокого контента, а также в опасности «девальвации» самого понятия чести из-за клиповой подачи материалов.

Так, рекомендуется разработать академическую методологию «этичной медиации» для журналистов и редакторов, которые работают с военными документами. Назначение описываемого подхода – сместить фокус при трансляции видеоматериалов с «экшена» на раскрытие личности комбатанта. Новизна состоит в отказе от традиционной «ретуши» в пользу контекстуализации. Зритель должен видеть не просто вспышки и взрывы, а понимать предысторию человека, его мотивацию. Это вернет обезличенным цифровым силуэтам их подлинный гуманистический объем.

В дополнение к отмеченному, обоснованным представляется внедрение концепта «цифрового стоицизма» в программы гражданского воспитания. Вместо заучивания абстрактных лозунгов, молодым людям целесообразно для анализа предлагать реальные кейсы из современных конфликтов. Разбор ситуаций, где человек сохраняет достоинство в безнадежном положении, помогает сформировать устойчивые моральные ориентиры. Благодаря рассматриваемому подходу снимается проблема разрыва между «рафинированным» книжным идеалом и суровой реальностью. И процесс воспитания становится понятным для цифрового поколения.

Заключение

Феномен отваги в реалиях актуальных вооруженных столкновений претерпевает выраженные смысловые и визуальные преобразования. Современная хроника лишает акт самоотречения привычного романтического ореола, возвращая ему сугубо экзистенциальное, обнаженное звучание. Цифровая среда выступает не в качестве рядового технического средства фиксации, а как активный агент формирования исторической памяти. Она стирает границу между удаленным зрителем и непосредственным участником событий. Впрочем, несмотря на технологические инновации и изменение ракурса наблюдения, антропологическая суть поступка остается неизменной. Это всё тот же осознанный выход за пределы биологического эгоизма ради спасения ближних или утверждения высших принципов.

Выделенные в статье типологии и проведенный сопоставительный анализ классической и цифровой парадигм открывают новые перспективы для понимания того, как именно социум конструирует свои моральные «маяки» сегодня. Практическая значимость полученных результатов весьма конкретна. Продемонстрированные механизмы могут

быть успешно применены при разработке государственных стратегий сохранения наследия, а также в рамках университетских курсов по этике, медиафилософии для студентов.

В дальнейшем представляется целесообразным расширение эмпирической базы исследования за счет детального кросс-культурного анализа. Предположительно, это поможет выявить, насколько зафиксированные тенденции универсальны, а в какой мере они продиктованы сугубо национальной спецификой осмысления долга, братства, чести.

Литература

1. Бойко, С.В. Механизм формирования и демонстрации духовности русского воина / С.В. Бойко // Научная мысль. – 2025. – Т. 25, № 1–1(53). – С. 5–8. – EDN KUKOGZ.
2. Бруно, Дж. О героическом энтузиазме / Дж. Бруно; пер. с итал., вступ. ст. Д.С. Хаустова. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 411 с.
3. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С.Н. Булгаков // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – Москва: В.М. Саблин, 1909. – С. 1–58.
4. Корнилова, И.И. Объектив на передовой. Хроники мужества в кадрах войны / И.И. Корнилова // Патриотизм в русской культуре и искусстве: традиции и современность: материалы конференции. – Луганск: ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского», 2025. – С. 238–242. – EDN UIQOVP.
5. Некрасов, С.И. Возрождение стоицизма как жизненной философии / С.И. Некрасов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 3(61). – С. 126–134. – DOI 10.26456/vtphilos/2022.3.126. – EDN IPAMIG.
6. Орехов, В.В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям / В.В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 49–61. – DOI 10.29039/2413–1679–2024–10–3–49–61. – EDN WDNZMB.
7. Подлесная, М.А. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти / М.А. Подлесная, О.К. Шевченко, И.В. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 503–524. – DOI 10.22363/2313–2272–2023–23–3–503–524. – EDN WXMCXE.
8. Подлесная, М.А. Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений / М.А. Подлесная, И.В. Ильина // Социологическая наука и социальная практика. –

2023. – Т. 11. – № 4 (44). – С. 53–77. – DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.3. – EDN PFAIWY.
9. Попов, Д.С. Интеллектуальная добродетель «величие души»: от аналитических к экзистенциальным стратегиям в свете истории философии / Д.С. Попов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2025. – Т. 41, № 4. – С. 571–584. – EDN HZDQTF.
 10. Попова, Л.О. Героизм и самопожертвование как структурные компоненты красоты духа / Л.О. Попова // Аналитика культурологии. – 2011. – № 3(21). – С. 170–173. – EDN QZCTCZ.
 11. Попова, Л.О. Образцы героизма и самопожертвования в истории / Л.О. Попова // Аналитика культурологии. – 2011. – № 3(21). – С. 46–49. – EDN QZCSRL.
 12. Сокмышева, М.В. Стоицизм и его инструментарий в разрешении кризисных ситуаций / М.В. Сокмышева // Материалы Афанасьевских чтений. – 2021. – № 3(36). – С. 77–84. – EDN HPUEKN.

ANTHROPOLOGY OF HEROISM AND SELF-SACRIFICE IN MODERN WAR CHRONICLES

Konontsev V. Yu.

Lugansk State Academy of Culture and Arts

The rapid mediatization of social space transforms the established perception of extreme human states. Today, in real time, an intense broadcast of fear, death, and courage unfolds. A conceptual contradiction arises. On the one hand, the classical paradigm requires comprehending the act of self-denial through an epic distance, constructing the image of a hero with a certain monumental gloss. Meanwhile, modern digital evidence from action cameras and reconnaissance drones depicts a frighteningly naturalistic picture of what is happening. This excessive transparency, multiplied by the routinization of violence in the media environment, inevitably threatens the desacralization of the very phenomenon of the feat. The aim of the article is a systematic analysis of the anthropological foundations of heroism represented in current materials, as well as the identification of generational dynamics of their assessments. Relying on new factual material, the author concludes that the conditions of the “transparent battlefield” irreversibly destroy the familiar romantic aura. Today, the professional-existential motive comes to the fore. The author’s contribution is manifested in the systematization of factors that determine the modern perception of extreme actions. The presented materials will be useful to specialists in the field of philosophical anthropology, conflictology, experts in media communications, and developers of civic education strategies.

Keywords: anthropology, war chronicles, heroism, desacralization, mediatization, self-sacrifice, philosophical anthropology, digital stoicism, existential choice

References

1. Boyko, S.V. The mechanism of formation and demonstration of the spirituality of the Russian warrior / S.V. Boyko // Scientific Thought. – 2025. – Vol. 25, No. 1–1(53). – Pp. 5–8. – EDN KUKOGZ.
2. Bruno, J. On heroic enthusiasm / J. Bruno; trans. from Italian, intro. art. by D.S. Khaustov. – Moscow: RIPOL classic, 2018. – 411 p.
3. Bulgakov, S.N. Heroism and asceticism (From reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia) / S.N. Bulgakov // Milestones. Collection of articles on the Russian intelligentsia. – Moscow: V.M. Sablin, 1909. – Pp. 1–58.
4. Kornilova, I.I. Lens on the front line. Chronicles of courage in war footage / I.I. Kornilova // Patriotism in Russian Culture and Art: Traditions and Modernity: Conference materials. – Luhansk: Luhansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky, 2025. – Pp. 238–242. – EDN UIQOVP.
5. Nekrasov, S.I. The revival of Stoicism as a life philosophy / S.I. Nekrasov // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. – 2022. – No. 3(61). – Pp. 126–134. – DOI 10.26456/vtphilos/2022.3.126. – EDN IPAMIG.
6. Orekhov, V.V. War journalism in the era of the Special Military Operation: from recording facts to generalizations / V.V. Orekhov // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 49–61. – DOI 10.29039/2413–1679–2024–10–3–49–61. – EDN WDNZMB.
7. Podlesnaya, M.A. Heroes and heroism as representations of collective memory / M.A. Podlesnaya, O.K. Shevchenko, I.V. Ilyina // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2023. – Vol. 23, No. 3. – Pp. 503–524. – DOI 10.22363/2313–2272–2023–23–3–503–524. – EDN WXM-CXE.
8. Podlesnaya, M.A. Heroism through the prism of reflections on the country and its future: assessments of generations / M.A. Podlesnaya, I.V. Ilyina // Sociological Science and Social Practice. – 2023. – Vol. 11. – No. 4 (44). – Pp. 53–77. – DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.3. – EDN PFAIWY.
9. Popov, D.S. Intellectual virtue “greatness of soul”: from analytical to existential strategies in the light of the history of philosophy / D.S. Popov // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. – 2025. – Vol. 41, No. 4. – Pp. 571–584. – EDN HZDQTF.
10. Popova, L.O. Heroism and self-sacrifice as structural components of the beauty of the spirit / L.O. Popova // Analytics of Cultural Studies. – 2011. – No. 3(21). – Pp. 170–173. – EDN QZCTCZ.
11. Popova, L.O. Examples of heroism and self-sacrifice in history / L.O. Popova // Analytics of Cultural Studies. – 2011. – No. 3(21). – Pp. 46–49. – EDN QZCSRL.
12. Sokmysheva, M.V. Stoicism and its tools in resolving crisis situations / M.V. Sokmysheva // Materials of Afanasyev Readings. – 2021. – No. 3(36). – Pp. 77–84. – EDN HPUEKN.

Философско-антропологическая экспликация отношения человека к технике

Котлярова Виктория Валентиновна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: biktoria66@mail.ru

В статье предпринимается философско-антропологический анализ отношения человека к технике в контексте стремительной технологической трансформации современного общества. Актуальность исследования обусловлена тем, что техника перестает быть нейтральным инструментом внешнего воздействия на природу и все в большей степени выступает медиатором, соучастником и автономным агентом в жизни человека, формируя новые модусы его существования. Цель работы состоит в экспликации антропологических оснований взаимодействия человека и техники, выявлении трансформаций человеческой субъектности под влиянием технологической среды. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ философско-антропологических концепций, интерпретационные и критические методы, направленные на осмысление понятий, формирующих современное понимание человека в технологически обусловленной среде. Рассматриваются ключевые подходы в философии техники и философской антропологии от Э. Каппа до современных авторов, выявляется изменение границ субъектности под влиянием технологий. Показано, что техника не просто преобразует внешнюю среду обитания человека, но существенно трансформирует его внутренний мир, ценностные ориентации и способы самоидентификации. Особое внимание уделяется феномену виртуализации социальной коммуникации, который приводит к формированию цифрового отчуждения – новой формы разрыва человека с собственной сущностью и другими людьми. Анализируются такие проявления технологической трансформации антропологической реальности, как индивидуализация и размывание границ публичного и приватного, изменение временных и пространственных характеристик человеческого существования, цифровой эскапизм. Предлагается модель техноантропологического взаимодействия, отражающая диалектику рисков и возможностей цифровой эпохи.

Ключевые слова: техника, философская антропология, субъектность, техногенная трансформация, отчуждение, виртуализация, цифровой эскапизм, человек.

Введение

На сегодняшний день общество находится в состоянии стремительного технического развития. Все сферы жизни людей меняются – начиная с повседневных привычек и заканчивая сознанием человека. Из этого следует то, что проблема взаимодействия человека и техники является очень важной и актуальной для философии. В последние годы философия техники и философская антропология все чаще взаимодействуют при попытке постичь трансформации человеческого бытия в контексте технической среды [1, с. 167].

Техника становится не просто средством, а со-субъектом, а иногда даже субъектом человеческой деятельности. Отсюда возникает необходимость переосмыслить не только природу техники как таковую, но и фундаменты антропологии – теоретические основания понимания человека при условии развития цифровой сферы, механизмов автоматического управления процессами жизнедеятельности людей, а также ростом роли искусственного интеллекта (далее – ИИ). Как считает П.Ч. Оменуква, проблема человеческого бытия – это основа философской антропологии, которая не утратила своего значения при наступлении эпохи цифровой культуры. В силу того, что человек по-прежнему выступает творцом и пользователем цифровых средств, характер человека будет проявлен в них [8, с. 63]. То есть сегодня актуально исследовать именно природу человека.

Целью исследования является выявление концептуальных основ по проблеме изменения сущности человека при формировании технологической цивилизации. На основе этого будут определены способы расширения человеком своих возможностей за счет техники, выделены основные идеи о новом типе субъекта в техноантропологическом дискурсе и изучена проблема отчужденности из-за виртуального взаимодействия людей друг с другом.

Материалы и методы исследования

Методологически исследование опирается на сравнительный анализ теоретических подходов, а также на интерпретационные и критические методы, направленные на осмысление понятий, формирующих современное понимание человека в технологически обусловленной среде. В качестве теоретической

базы привлекаются работы в области философии техники (Э. Капп, М. Хайдеггер, П. Вирильо) и философской антропологии (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен), а также современные исследования, посвященные трансформации человеческой субъектности в условиях цифровизации [2; 3].

Особое значение для данного исследования имеет концепция отчуждения, разработанная в классической и современной философии. Г.А. Бабаян считает, что в условиях развития технологий наблюдается трансформация форм общения. Человек не так нуждается уже в полноценном общении. Благодаря доступности, простоте использования и оперативности цифрового пространства происходит изменение формы традиционного общения – она становится менее глубокой или даже искусственной [1, с. 176].

Важным методологическим принципом выступает рассмотрение техники как антропологического феномена, неотъемлемого от праксиологической деятельности человека и его «жизненного мира». Это позволяет обозначить направление философских исследований, которое может быть квалифицировано как антропология техники – область, стремящаяся к органичному синтезу философской антропологии и философии техники [4, с. 330]. Антропология техники представляет собой философское раскрытие бытия человека в технике, проявление человеческой природы через нее.

Результаты

Философия техники как особая область философского знания появилась лишь во второй половине XIX в. Первым исследователем, имя которого связывают с возникновением философии техники, является Э. Капп, автор труда Основные линии философии техники (1877). В этом произведении он рассматривает технику уже не как средство, а как проекцию человеческого организма и способностей. Автор выдвигает антропологическую концепцию техники – органопроекция. В антропологическом контексте техника изначально понималась как совокупность элементов, включающих прикладное естествознание, инструменты и средства, стремление к господству над природой и подчинению ей, воплощение идей, само preservation человека, освобождение от природных ограничений, создание искусственной среды и материализацию человеческой деятельности [3, с. 65]. Хотя оценки и критика технических достижений редко приводят к формированию философской или теологической антропологии, они все же в той или иной степени указывают нам на то, что «на самом деле» должно быть человеческим [6, с. 35].

В XX веке философская антропология обратила внимание на проблему техники, породив различные школы с собственными концепциями человека. Все эти школы объединяет антропологический

подход к осмыслению ключевых философских вопросов, в том числе и проблемы техники. М. Шелер, один из основоположников философской антропологии как самостоятельной дисциплины, поставил проблему техники в контексте своей социальной теории. Как подчеркивает А.А. Холодова, «самоутверждение является важным аспектом формирования целостной личности, занятой реализацией собственного проекта. Способность постоянно преодолевать собственные границы в первую очередь характеризуется личностными качествами современного человека» [7, с. 145].

Особое значение для понимания отношения человека к технике имеет концепция отчуждения. Классические подходы к анализу отчуждения были разработаны в немецкой классической философии и марксизме. По мнению Г. В.Ф. Гегеля, отчужденность является неотъемлемой стадией развития самосознания и реализации Абсолютной идеи во внешней природе, деятельности, сознании человеческого существа; по К. Марксу она определяется только социально – экономическими отношениями, выражается через классовые отношения общества, эксплуатацию человека [1, с. 169].

В начале XX века ученые (Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) стали говорить об отчуждении. Г. Маркузе считает причиной антропологического кризиса развитие западной культуры по принципу «техногенной рациональности», ведущей к угнетению природы. Отсюда неизбежно происходит усиление властелинства человека не над природой, а над человеком. Эрих Фромм отмечал, что человек, создавая свой мир с нуля, в конечном итоге оказался чужим в нем. Мир вещей, по его мнению, подчинил человека, заставив его следовать его законам и требованиям. С появлением новых изобретений и ростом стоимости вещей, человек сам обесценивается себя [1, с. 170].

По мнению О.Б. Пановой, в период Четвертой промышленной революции «smart-технологии» достигли степени развития и влияния, которая ставит под сомнение не только существование мира, но и выживание человека как вида, а также будущее человечества в целом. В связи с этим, актуальным становится философское осмысление антропологического кризиса современности [4, с. 328]. Сегодня актуальной является антропологическая проблематика – проблема изменения самой природы человека и перспективы сохранения человечества как такового. Трансгуманизм и постчеловечность, цифровое бессмертие, тотальный цифровой надзор.

Исследование феномена виртуализации общения выявляет иные аспекты отчуждения. С точки зрения Г.А. Бабаяна доминирование технологически опосредованного общения (в большинстве случаев сводящегося к информационному) выводит человека из мира реального общения в про-

странство виртуальное, уменьшает необходимость живого общения. Появление новой формы отчуждения, которую можно назвать цифровой, прослеживается в формировании зависимости человека от интернета. К ее ключевым проявлениям относятся увлечение онлайн-играми и стремление уйти в виртуальный мир [1, с. 175]. Исследователи отмечают, что цифровой эскапизм осуществляется посредством технических средств коммуникации, что еще более усиливает отдаление от реального мира и побуждает избегать физической повседневности. В результате человек все больше отдален от реальности. В худшем случае это проявляется в сознательном сокращении офлайн-взаимодействия, в виртуальном уединении [1, с. 174].

Виртуальная коммуникация развивает свой собственный язык, который существенно отличается от личного общения. Он основан на символах, знаках, коммуникативных формулах, смайликах, специфических обозначениях, сокращениях, именах, никах и других элементах виртуального сленга [1, с. 173]. Данный вид языковых средств виртуального дискурса имеет преимущественно знаково – символическую природу, вследствие чего влияет на сознание человека – формирует формально поверхностное восприятие мира и людей вокруг себя.

Исследователи также обращают внимание на трансформацию сфер публичного и частного под влиянием виртуализации. По мнению Е.В. Барчуговой и Н.А. Рочеговой, в сетевом обществе, где активные виртуальные взаимодействия играют ключевую роль, процессы индивидуализации общества усиливаются. Каждая сфера, будь то приватная или публичная, формируется как на основе реальных, так и виртуальных связей и взаимодействий. При этом публичная сфера складывается из личных мнений и предпочтений индивидов, участвующих в ней [2, с. 225]. Ограничение «границы» внешней стороны приватности связано с причинами – во-первых, добровольное открытие пользователем части своей интимной информации при использовании сети Интернет; во-вторых – принудительная идентификация респондента как со стороны государства, так и со стороны коммерческих структур для повышения эффективности их деятельности независимо от желания самого человека.

Важным аспектом трансформации отношения человека к технике является изменение временных и пространственных характеристик человеческого существования. О.Б. Панова считает, что увеличение скоростей перемещения и общения, достигаемое современными технологиями, приводит к потере непосредственного присутствия и ослаблению опыта воплощенности. Высокая скорость преодоления расстояний, как в случае с быстрым транспортом, так и с телекоммуникациями,

по ее мнению, вызывает отчуждение от мира [4, с. 336]. П. Вирильо выдвигает идею о дромосфере – сфере философской рефлексии скорости в качестве символа работы социального политического организма; тревога за «закат места», сжатие времени существования, ощущение замкнутости жизненного контекста имеет прямое отношение к миграции из живого опыта реальности, создаваемой интернетом и медиапространством. Недостаточно глубокого ощущения времени и пространства – условие духовно-психологического роста человека [2, с. 231].

В контексте анализа ценностных аспектов отношения человека к технике следует обратиться к проблеме духовности. По мнению В.В. Котляровой, духовность – это совокупность качеств человека, включающая множественные интересы; многообразие духовных потребностей, глубокое переживание нравственного и эстетического опыта; ориентацию на высокие гуманные идеалы и ценности [5, с. 27]. Духовность рассматривается как способ человеческого бытия, определяемый системой ценностей. В этом контексте техника, трансформируя способы человеческого существования, неизбежно затрагивает ценностную сферу личности.

Б.С. Братусь в своей работе поднимает вопрос о том, возможна ли негуманистическая психология человека, и приходит к выводу, что гуманистическая перспектива является конститутивной для понимания человека [6, с. 83]. Хотя его работа посвящена психологии, поставленный им вопрос о том, что считать «человеческим в человеке», непосредственно связан с проблемой отношения человека к технике: техника может как способствовать раскрытию человеческой сущности, так и препятствовать этому раскрытию, формируя дегуманизированные формы существования.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что отношение человека к технике не может быть понято вне философско-антропологического контекста. Техника предстает не просто как совокупность орудий и инструментов, но как способ бытия человека, форма его самореализации и одновременно источник новых форм отчуждения. В этом смысле показателем является тезис о том, что человек и техника не могут изучаться изолированно, поскольку анализ человеческой жизни неминуемо влечет рассмотрение ее техногенных аспектов, а анализ техники приводит к рассмотрению ее воздействия на человека, закономерностей ее создания человеком и т.п. [5, с. 3].

Одной из ключевых проблем, выявленных в ходе исследования, является проблема сохранения человеческой идентичности в условиях стремительной технологической трансформации. По мне-

нию О.Б. Пановой, NBICS-технологии могут радикально изменить саму суть человека. Впервые в истории человечества у нас появляется возможность так глубоко вмешиваться в биологическую составляющую нашего бытия, в физические основы нашего существования, которые всегда служили фундаментом эволюции и формировали неизменную основу нашей идентичности [3, с. 335]. В этом контексте возникает вопрос о границах допустимого технологического вмешательства в человеческую природу и о критериях сохранения человеческого в человеке.

Другая важная проблема, требующая обсуждения, связана с феноменом виртуализации социальной коммуникации и формированием цифрового отчуждения. Проанализировав это можно сделать вывод о том, что доминирование опосредованной коммуникации (использование ее только как средства передачи информации через технические устройства) ведет к тому, что человек оказывается изолирован от реального мира, теряет интерес к «живому» общению. Это приводит к трансформации ценностных ориентаций, изменению структуры идентичности и ослаблению социальных связей. Цифровой эскапизм, представляющий собой «сознательное ограничение офлайн-общения, виртуальное затворничество» [1, с. 174], становится не просто индивидуальной стратегией поведения, но социальным феноменом, отражающим глубинные изменения в антропологической реальности.

В этом контексте особую значимость приобретает проблема духовности как способа бытия человека, противостоящего техногенной дегуманизации. Под духовностью понимается «умение человека настроиться на какие-либо ценности и найти опору именно в них» [4, с. 25]. В условиях развития технологий – это качество выступает гарантом сохранения человеческого начала. По мнению Д.А. Леонтьева, духовность – это не набор ценностей, а умение человека ориентироваться в ценностях и выстраивать свое отношение к ним. Нужно подчеркнуть, что это не про какие-то конкретные ценности, а про пространство ценностей, то есть возможность выбора и развития смыслов в пространстве открытого к другим смыслам/ценностям [4, с. 25].

Анализ трансформации сфер публичного и частного показывает, что виртуализация жизни приводит к размыванию границ между этими сферами. По мнению Е.В. Барчуговой и Н.А. Рочеговой публичность возникает на основе индивидуальных представлений о мире, вкусах участников публичной сферы. Таким образом проявляется взаимосвязь частного с публичным. Публичное строится по образцу мнений и ценностей разных групп и сообществ – оно фрагментарно и множественно [2, с. 225]. Это создает новые вызовы для архитектурной и градостроительной практики, по-

скольку традиционные представления о публичных и частных пространствах требуют пересмотра в условиях цифровой среды.

Важным аспектом обсуждения является темпоральная трансформация человеческого существования под влиянием техники. В работе по теме наследие П. Вирильо автор приходит к выводу о том, что скорость становится главным маркером современности – она определяет как быстроту движения в пространстве, так и связь явлений друг с другом [2, с. 230]. Увеличение темпа обмена информацией означает потерю телесного опыта, снижение ощущения живого присутствия здесь и сейчас, а также обеднение тех ощущений, что рождаются от взаимодействия с действительностью. В итоге происходит потеря опыта познания мира через чувства и ощущения. В связи с этим необходимо выработать равновесие присутствия человека в виртуальной среде и реальности, создание практик «выключения из интернета» [2, с. 235].

В контексте обсуждения ценностных аспектов отношения человека к технике следует обратиться к идеям Б.С. Братусь о «человеческом в человеке». По его словам, общественное сознание, эволюционируя от образа человека-винтика к образу человека-фактора, движется к новому этапу, который можно охарактеризовать как возвращение к забытому образу человека-личности. Авторы считают, что этот образ, в его полноте человеческих качеств, начинает активно утверждаться в общественном сознании, хотя этот процесс еще не завершен.

В контексте нашего исследования этот тезис приобретает особую значимость: техника не должна превращать человека в «винтик» или «фактор» технологической системы, но должна служить раскрытию его личностного потенциала. Гуманизация отношений человека и техники, как подчеркивает И.Ф. Игнатъева, «требует осознания человеком самого себя в качестве человека, а не бездумной машины» [4, с. 65].

Однако процесс экспансии технической картины мира в культуру выступает в некотором роде явлением стихийным, его не представляется возможным приостановить увещеваниями о необходимости ограничения. Поэтому философская антропология сталкивается с задачей не отрицания техники, а ее осмысления в контексте человеческого бытия, выявления тех ее аспектов, которые способствуют раскрытию человеческой сущности, и тех, которые ей препятствуют. В этом смысле техника предстает как зеркало, в котором человек видит те стороны своей сущности, которые доселе оставались ему неизвестными [5, с. 62]. Техногенные проблемы современности оказываются проблемами антропогенными – рожденными человеком и требующими для своего решения не столько

технологических, сколько ценностных и мировоззренческих усилий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно философско-антропологической экспликации отношения человека к технике.

Техника представляет собой не просто совокупность инструментов и орудий, но фундаментальный антропологический феномен, неотъемлемый от способа бытия человека в мире. Как показал анализ, уже в классической философии техники (Э. Капп) техника трактовалась в антропологических терминах как проекция человеческих органов и функций. В XX веке философская антропология поставила проблему техники в центр своих исследований, рассматривая ее как фактор, определяющий границы человеческого.

Современная технологическая трансформация приводит к формированию новых форм отчуждения, которые могут быть квалифицированы как цифровое отчуждение. Основными проявлениями этого феномена являются зависимость от пребывания в сети Интернет, погружение в онлайн-игры, цифровой эскапизм, а также трансформация ценностных ориентаций и структуры идентичности. Виртуализация социальной коммуникации приводит к утрате потребности в «живом» общении, поверхностности межличностных контактов и ослаблению социальных связей.

Под влиянием техники трансформируются фундаментальные антропологические характеристики человеческого существования – пространство и время. Увеличение скорости коммуникаций ведет к «сужению» пространства и утрате опыта воплощенности, ослаблению непосредственного присутствия и уменьшению богатства впечатлений и эмоций от соприкосновения с реальностью. Это создает необходимость соблюдения баланса между пребыванием в виртуальной и реальной среде.

Техника оказывает существенное влияние на ценностную сферу человека. С одной стороны, технологическая экспансия создает риски дегуманизации и утраты духовных ориентиров. С другой стороны, техника может служить инструментом раскрытия человеческого потенциала, если ее развитие сопровождается ценностной рефлексией и сохранением нравственных оснований человеческого бытия.

Философская антропология выполняет важную мировоззренческую функцию, задавая ориентиры для осмысления места и роли техники в человеческой жизни. По мнению О.Б. Пановой, современная философия должна стремиться к тому, чтобы восстановить и утвердить ценностное измерение в антропологии и заложить прочный этический

фундамент для прогресса в области технотехники. Вместе с вопросом о биологической природе человека, вновь встает актуальный вопрос о его сущностном ядре, о метафизической сущности и подлинной Человечности. Это – духовность, рациональность, мораль, культура, историческая память и смысл жизни человека во вселенной.

Нельзя понять технику без человека – и нельзя понять человека без техники, ведь человек по своей сути есть то самое существо, что изменяет мир вокруг себя и само себя при этом изменении. Суть заключается не в отрицании техники, а во включении ее как средства реализации человеческого начала, а не как конца, которому подчиняется человек. Это требует постоянной философской рефлексии, ценностного осмысления технологических инноваций и этической ответственности как разработчиков технологий, так и их пользователей.

Литература

1. Бабаян Г.А. Отчуждение человека в условиях виртуализации социальной коммуникации // Гуманитарий Юга России. 2026. Т. 15. № 1. С. 167–178.
2. Барчугова Е.В., Рочегова Н.А. Виртуализация и социологические аспекты трансформации образа жизни человека // Современная архитектура мира. 2025. № 2 (25). С. 213–235.
3. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии. Психология с человеческим лицом: гуманистическая психология в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 67–91
4. Панова О.Б. Человек эпохи smart-technologies: рефлексия над антропологической проблематикой современности (философия–наука–искусство) // Человек как открытая целостность. – 2022. – № 1. – С. 328–341.
5. Руденко А.М., Котлярова В.В. Философско-антропологическое измерение человека в мифологической картине мира. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 62–68.
6. Рудова А.А. Трансформация идентичности в условиях виртуализации общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 4 (131). С. 35–41.
7. Холодова А.А. Философско-антропологическая экспликация понятия «Личность» сквозь призму экзистенциальной свободы человека // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9. – № 1. – С. 141–151.
8. Omenukwa P.C. Human nature and the digital culture: the case for philosophical anthropology // AMAMIHE: Journal of Applied Philosophy. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 63–74.

A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPLICATION OF HUMAN RELATIONSHIPS TO TECHNOLOGY

Kotlyarova V.V.

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty

This article undertakes a philosophical and anthropological analysis of human relations to technology in the context of the rapid technological transformation of modern society. The relevance of this study stems from the fact that technology is ceasing to be a neutral instrument of external influence on nature and is increasingly acting as a mediator, co-conspirator, and autonomous agent in human life, shaping new modes of human existence. The aim of this work is to explicate the anthropological foundations of the interaction between humans and technology and to identify the transformations of human subjectivity under the influence of the technological environment. The methodological basis of the study is a comparative analysis of philosophical and anthropological concepts, as well as interpretive and critical methods aimed at understanding the concepts that shape the modern understanding of humanity in a technologically determined environment. Key approaches in the philosophy of technology and philosophical anthropology, from E. Kapp to contemporary authors, are examined, and the changing boundaries of subjectivity under the influence of technology are revealed. It is shown that technology not only transforms the external environment of human habitation but also significantly alters their inner world, value orientations, and modes of self-identification. Particular attention is paid to the phenomenon of virtualization of social communication, which leads to the formation of digital alienation—a new form of human disconnection from their own essence and from others. Manifestations of the technological transformation of anthropological reality are analyzed, such as individualization and the blurring of public and private boundaries, the changing temporal and spatial characteristics of human existence, and digital escapism. A model

of technoanthropological interaction is proposed, reflecting the dialectic of risks and opportunities of the digital age.

Keywords: technology, philosophical anthropology, subjectivity, technogenic transformation, alienation, virtualization, digital escapism, human.

References

1. Babayan G.A. Otchuzhdenie cheloveka v usloviyakh virtualizatsii sotsialnoy kommunikatsii // *Gumanitarniy Yuga Rossii*. – 2026. – T. 15. – No. 1. – P. 167–178.
2. Barchugova E.V., Rochegova N.A. Virtualizatsiya i sotsiologicheskie aspekty transformatsii obraza zhizni cheloveka // *Sovremennaya arkhitektura mira*. – 2025. – No. 2 (25). – P. 213–235.
3. Bratus B.S. Obraz cheloveka v gumanitarnoy, нравstvennoy i khristianskoy psikhologii. *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya psikhologiya v postsovetsoy psikhologii* / Pod red. D.A. Leontieva, V.G. Shchur. M.: Smysl, – 1997. – P. 67–91.
4. Panova O.B. Chelovek epokhi smart-technologies: refleksiya nad antropologicheskoy problematikoй sovremennosti (filosofiya–nauka–iskusstvo) // *Chelovek kak otkrytaya tselostnost*. – 2022. – No. 1. – P. 328–341.
5. Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. Filosofsko-antropologicheskoe izmerenie cheloveka v mifologicheskoy kartine mira. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. – 2025. – T. 111. – No. 4. – P. 62–68.
6. Rudova A.A. Transformatsiya identichnosti v usloviyakh virtualizatsii obshchestvennykh otnosheniy // *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*. – 2023. – No. 4 (131). – P. 35–41.
7. Kholodova A.A. Filosofsko-antropologicheskaya eksplikatsiya ponyatiya «Lichnost» skvoz prizmu ekzistentsialnoy svobody cheloveka // *Gumanitarniy Yuga Rossii*. – 2020. – T. 9. – No. 1. – P. 141–151.
8. Omenukwa P.C. Human nature and the digital culture: the case for philosophical anthropology // *AMAMIHE: Journal of Applied Philosophy*. – 2024. – T. 22. – No. 1. – P. 63–74.

«Морское сообщество Локи»: Реконструкция гипотетической модели ритуальных практик эпохи викингов по материалам архива С.В. Петрова

Панин Кирилл Сергеевич,

магистр теологии, независимый исследователь

E-mail: ksp0202@yandex.com

Статья посвящена введению в научный оборот и анализу ранее неизвестной гипотезы выдающегося переводчика и скандинависта С.В. Петрова (1911–1988), реконструированной по материалам его личного архива. В центре концепции Петрова находится идея о существовании в эпоху викингов закрытого мужского «Морского сообщества Локи» (See-Bruderschaft Lokis), ритуальные практики которого были неразрывно связаны с феноменом морского набега. Согласно гипотезе, Локи, как лиминальное божество, выступал покровителем временной и строго ритуализированной социальной девиации. В статье рассматривается ключевой элемент этого культа – одно-разовый кожаный амулет с «гальдраставом Локи», который сакрально отождествлял викинга с хтонической природой йотунов, выполняя функцию «превентивной индульгенции». Ношение и последующее ритуальное уничтожение амулета позволяло участникам похода выходить за рамки общинной морали и понятия эрги, а затем бесконфликтно возвращаться к мирной жизни.

Ключевые слова: эпоха викингов, С.В. Петров, Локи, гальдрастав, ритуальные практики, мужские союзы, социальная девиация, эрги, скандинавская мифология, морской набег.

Теология Скандинавии эпохи викингов сталкивается с феноменом «разорванной традиции»: ключевые аспекты мировоззрения, ритуальных практик и социальной психологии скандинавов эпохи экспансии зачастую реконструируются на основе источников, созданных столетия спустя после описываемых событий, в иной культурной и религиозной среде. Одним из наиболее интригующих противоречий является фигура бога Локи. Выступая как один из трёх главных героев мифологического нарратива наряду с Одинем и Тором, Локи при этом не оставил следов материального культа. Отсутствие археологических свидетельств его почитания, топонимов и однозначных иконографических образов порождает закономерный вопрос: был ли Локи объектом религиозного поклонения, и если да, то в какой социальной среде и в каких ритуальных формах этот культ существовал?

Пролить свет на эту проблему позволяют материалы из личного архива выдающегося переводчика и поэта Сергея Владимировича Петрова (1911–1988). Среди обширного массива художественных текстов и переводов особое внимание привлекла папка с ксерокопиями низкого качества и рукописными заметками, посвящёнными гипотетическому «Морскому сообществу Локи» (See-Bruderschaft Lokis) и связанному с ним графическому символу, который Петров определял как «гальдрастав Локи». В силу трагической случайности оригиналы этих заметок были утрачены. Их текст пришлось восстанавливать по памяти и по сохранившимся на смартфоне фотографиям, сделанным накануне. Таким образом, мы имеем дело с сложной источниковедческой ситуацией: исследовательский материал существует лишь в виде фотофиксации и авторской реконструкции содержания.

Осознавая всю степень научного риска, связанного с публикацией реконструированного источника, мы, тем не менее, сочли введение этих материалов в научный оборот не только возможным, но и необходимым. Это решение продиктовано тремя соображениями.

Во-первых, сам С.В. Петров является значимой фигурой в отечественной скандинавистике, а его архив – ценнейшим источником по истории науки XX века. Даже фрагментарные и гипотетические построения такого исследователя заслуживают внимания профессионального сообщества.

Во-вторых, гипотеза Петрова обладает высокой объяснительной силой и предлагает непротиворечивую модель, связывающую воедино нарративную роль Локи в эддических текстах, этимологию слова «викинг», экстремальные условия морских переходов и данные антропологии о закрытых мужских сообществах.

В-третьих, сама источниковедческая ситуация в скандинавистике такова, что весь корпус «Старшей Эдды», саг и скальдической поэзии находится в схожем положении «восстановленных» и «пересочинённых» текстов, записанных через столетия после описываемых событий. В этом контексте публикация реконструированной гипотезы Петрова не выглядит методологически чуждой, но, напротив, вписывается в общую проблематику работы с «разорванной традицией» древней Скандинавии.

Цель настоящей статьи – реконструировать и проанализировать концепцию С.В. Петрова о «Морском сообществе Локи», вписав её в контекст современных исследований социальной истории и психологии эпохи викингов.

В данной работе мы последовательно рассмотрим основные положения концепции Петрова, проанализируем предлагаемую им ритуальную логику амулета, сопоставим её с современными данными об эпохе викингов и предпримем попытку обосновать релевантность этой гипотезы для заполнения существующих лакун в изучении духовной жизни древней Скандинавии.

Методологически данное исследование строится как интеллектуальная реконструкция. Мы не претендуем на введение в оборот нового первичного документа в классическом позитивистском смысле. Наша задача – реконструировать гипотетическую модель Петрова, проанализировать её внутреннюю логику и проверить на соответствие современному научному контексту. Поэтому: гипотеза Петрова рассматривается нами как самостоятельный объект исследования, независимо от проблематичности её источников. Мы анализируем её объяснительную силу, а не её документальную доказанность. Иконографические материалы (гравюра XIX века, петроглифы и др.) используются не как прямое доказательство существования культа в VIII–X веках, а как свидетельство того, как Петров строил свою аргументацию и какую культурную матрицу он реконструировал. Эти материалы демонстрируют его метод, а не валидность его выводов. Антропологические и исторические параллели (работы Л.С. Клейна, анализ этимологии, реконструкция быта на драккаре) привлекаются для того, чтобы показать, что модель Петрова не противоречит известным данным и может служить их непротиворечивым объяснением. Это метод косвенной верификации. Таким образом, ценность настоящей публикации заключается не в представлении бесспорного факта, а в введении в научный дискурс оригинальной

и эвристически ценной гипотезы, которая способна заполнить существующие лакуны в изучении социальной психологии и религиозных практик скандинавских воинов.

Сергей Владимирович Петров родился в 1911 году в Казани в семье врача. В 1927 году семья переехала в Ленинград. В 1928 году он поступил на романо-германское отделение Ленинградского государственного университета и окончил его за три года. В 1934 году был репрессирован, долгое время провёл в Сибири. После 1954 года обосновался в Новгороде, в середине 1970-х вернулся в Ленинград. Был дважды женат. Владел восемнадцатью языками. При жизни известность Петрова была связана прежде всего с переводческой деятельностью; среди его работ – литературный перевод с древнеисландского «Поэзии скальдов», выпущенный в 1979 году в серии «Литературные памятники». Распорядительницей архива после смерти переводчика выступала его вдова, А.А. Петрова (Безносова). После распада СССР были опубликованы поэтические сочинения Петрова; Б.Ф. Егоров характеризует его как одного из самых выдающихся поэтов XX века [7].

Из заметок Петрова следовало, что символ Локи использовался для изготовления амулета, материалом для которого служила кожа. Амулет изготавливался бондом перед морским набегом и нашивался на одежду в районе груди. Артефакт имел одноразовый характер и подлежал уничтожению по завершении похода. В виду родных берегов вся команда срезала амулет с одежды и сжигала в палубной жаровне; угли с остатками горелой кожи выплёскивались в море. Ритуал символизировал возвращение к мирной жизни и исключение из коллективной памяти тех особенностей походного быта, которые не могли быть включены в саги как дискредитирующие. Тем самым, согласно Петрову, снимались все недостойные поступки, неизбежно совершавшиеся в походе и ритуализированные через походный культ Локи; на берег викинги сходили уже только с добычей и славой.

Бытование амулета Морского сообщества, по Петрову, сводилось к двойственной природе Локи, который был йотуном и асом одновременно. Локи предстаёт как лиминальное, пороговое существо, чья идентичность принципиально раздвоена: йотун по рождению, но ас по ритуалу обратимости с Одином. Эта двойственность и использовалась в ритуальной логике амулета. Поскольку эрги – комплекс табуированного поведения, включающий трусость, пассивный гомосексуализм и нарушение социальных табу, – имело значение только в кругу асов и подчинённом их законам Мидгарде, то ношение амулета символически трансформировало участников похода в йотунов. Через отождествление с Локи воин выходил за рамки моральных установок Асгарда – устоявшихся норм общежития – в первобытное состояние,

этих норм не знавшее. Чтобы грабить, насиловать и убивать без оглядки на законы, викинг должен был сакрально «перестать быть человеком Асгарда». Символ Локи давал на это индульгенцию, облечённую в религиозную форму.

Петров акцентировал внимание на древности происхождения символа, который был отражён в пиктографах доиндоевропейским населением Скандинавии, то есть был элементом доасового культа. Это отрывает Локи от стандартного индоевропейского пантеона и помещает его в более древний пласт – культуру каменного века. Символ уходит корнями в мир, где мораль отсутствовала как категория, и возврат к этому состоянию в экстремальных условиях похода видится Петрову как регресс ради выживания.

Петров отмечал позднее появление Локи в пантеоне, которое хронологически совпало с эпохой викингов – временем социального надлома и взрывной экспансии. Функциональность его остаётся открытым вопросом, но оно, по Петрову, было отражением изменения социальных условий и, соответственно, формированием общественного запроса на такого рода божество – бога, легитимизирующего хитрость, клятвопреступление и аморальность как инструмент успеха в определённых условиях.

Этим же Петров объяснял и отсутствие признаков культа Локи в археологических находках. Культ не был стационарным и не касался плодородия или защиты общины – он имел социальное значение только в набеге. Ритуальные практики, соответственно, имели место только в точке актуализации свойств Локи. Петров пишет об отсутствии археологического подтверждения в силу специфики бытования – ритуал подразумевал уничтожение материального носителя, а в общеизвестных письменных источниках данное действие не зафиксировано ввиду закрытости традиции.

По Петрову, культ Локи – это элемент оборотничества, свойственный культуре Скандинавии, но специфический его вариант. Если берсерки и ульфхеднары превращаются в зверей, обретая их ярость, то «Морское братство» превращается в йотунов, обретая их хтоническую мощь и асоциальность. Мужчины в набеге отказываются от норм морали через осознанную трансформацию в хтонических существ – великанов. Амулет выступал социальным предохранителем и психологическим механизмом, позволявшим человеку традиционного общества совершать чудовищные действия, отключая чувство вины через временную сакральную смену идентичности с «аса» на «йотуна».

Ритуальные практики, по Петрову, передавались исключительно внутри закрытых воинских союзов. Фиксация происходила только в момент устной трансляции от старших к младшим, в закрытом пространстве. По этой причине мы имеем дело не с конкретными артефактами, а с матрицей – графическим архетипом, прошедшим сквозь века.

Случайной находкой, выросшей в концепт, послужила гравюра XIX века с изображением скандинавского воина, на одежде которого присутствовал неизвестный символ. Легенда описывала его как *Streiter der See-Bruderschaft Lokis* – «Воин сообщества Локи» (рис. 1). Дальнейшие изыскания вывели Петрова на петроглифы Балтийского моря из неопределённой советской книги (рис. 2); чертёж из Краковского технического музея и акварельный рисунок из коллекции Эрмитажа. Все эти изображения были представлены в виде ксерокопий оригиналов, фотографии которых будут представлены в приложении к статье.

Таким образом, хотя традиция была прервана христианизацией Скандинавии и исчезновением социального феномена набегничества, Петров проследил трансформацию иконографии на протяжении длительного времени.

Рис. 1

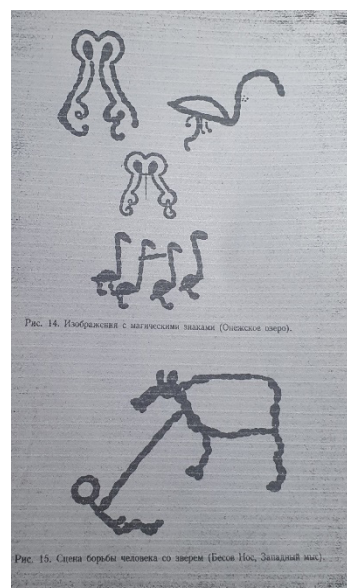

Рис. 2

Петров определил описанный амулет как «Обет походного Сообщества» и предположил, что этот артефакт может способствовать реконструкции закрытых ритуальных практик мужских союзов Скандинавии раннего Средневековья.

Бесспорность существования Морского братства Локи, по тексту Петрова, вытекает из анализа социальной структуры дружин, психологических условий длительных морских походов и мифологической роли Локи как покровителя лиминальных состояний.

В конце заметок Петров оставил ремарку: «То, что было в походе, оставалось в походе». Таким образом, по сути, описывался ритуал качественного перехода, привязанный не к календарному циклу, а к цикличному, но экстраординарному событию.

В рукописи присутствовали рунические пометки после некоторых тезисов, которые я не могу воспроизвести по памяти. Предположительно, это отсылки к первоисточникам из скандинавских саг.

Таким образом, Обет походного Сообщества, по метафоре Петрова, – это «превентивная индульгенция» на иную мораль, на время похода нивелирующая то, что в ординарном существовании табуировалось.

Современная историография оставляет множество пробелов в изучении экспансии скандинавов. Недостаточно исследованы такие аспекты, как происхождение викингов, их повседневная жизнь, мифология и верования и т.п. Главная проблема заключается в крайней скудости источников: письменных свидетельств об эпохе викингов сохранилось мало, археологических данных недостаточно для составления полной картины [12].

Безусловно, гравюра XIX века не может выступать сколь-либо валидным источником относительно истории и культуры VIII–X веков нашей эры. Это артефакт периода «изобретения традиций» [21], где вымысел художников, литераторов и историков отталкивался от представления о прошлом, одновременно и порождая эти представления [1]. Однако вся информация о культуре, мифологии и ритуальных практиках скандинавов в целом базируется на крайне ненадёжных источниках высокого Средневековья, зафиксированных, или сочинённых, христианами монахами [19]. Что сравнимо, по замечанию И.В. Данилевского относительно «Повести временных лет», с изучением эпохи религиозных войн во Франции по романам Дюма. Тем более не стоит упускать из виду, что исследования эпохи викингов в XIX – первой половине XX в. во многом определялись взглядами и идеями людей эпохи романтизма [15], в том числе через изобразительное искусство.

Христианское происхождение нарратива «Эдд» прослеживается через пародийные и комические коннотации ряда фрагментов, в том числе через дискредитацию асов как запятанных эр-

ги – «Песнь о Трюме», «Перебранка Локи» и т.д. В то же время авторы саг, используя модель рыцарской идентичности, представляют викингов как людей, стремящихся к чести, избегающих ненужного кровопролития между равными и заинтересованных в поддержании королевской власти [23. С. 185]. Это даёт значимые основания полагать, что эддические тексты являются слабо валидным источником для изучения мифологии эпохи набегов и что наполнение понятий, в том числе эрги, было сформировано постфактум, что отражено даже в неоязыческих кругах [4], при вышедших некритично воспринимать любой, даже самый фантастический концепт относительно дохристианских традиций. Мифические песни «Старшей Эдды» не имеют аналогов у континентальных германцев, хотя имена большинства богов общегерманские: Водан – Один, Донар – Тор, за одним исключением – Локи [16. С. 7], который является сугубо скандинавским божеством и, соответственно, был привнесён в мифологию после разделения германских племён и, что важно, в рамках теории Петрова о его функции легитимизатора парафилического поведения, социальный запрос на которое возник с эпохи набегов.

Данный запрос произошёл в связи с изменениями в форме формирования отрядов: если у древних германцев дружинники составляли особую постоянную группу, которая жила отдельно от своей общины, вместе с вождём, и существовала благодаря военным походам, в которых захватывалась добыча, а также дарам от своих соплеменников и соседних племён (возможно, в качестве выкупа за то, что не нападали на них) [5. С. 103–104], то в эпоху набегов движение викингов носило массовый характер и было тесно связано с широким слоем свободных крестьян. В ходе экспансии происходила социальная дифференциация: среди викингов выделялись новые общественные функции, которые активно способствовали переходу от варварской племенной структуры к феодальной государственности. Все эти признаки позволяют рассматривать движение викингов не как разрозненные набеги, а как полноценное социальное движение, охватившее значительные, в том числе ведущие, слои скандинавского общества [3].

В конце VIII–IX веков среди скандинавов выделялись группы, для которых морские походы, грабежи, колонизация, торговля и наёмная служба стали основным занятием. Их ядро составляли сами викинги и их предводители – конунги, упоминаемые в хрониках. Многие из них проводили в походах большую часть жизни, а некоторые оседали или погибали в чужих землях [17. С. 34]. Возвращение и интеграция таких отходников не могла не интересовать локальные социумы того периода прежде всего в контексте единообразия моральных норм, что отражается, по мнению Г.С. Лебедева: «Двойственность, точнее, многоплановость

роли викингов в развитии социальных процессов выступает вполне отчётливо. «Социальная отчуждённость» от племенной системы оборачивается высокой социальной мобильностью; собственно «викинг» – состояние временное, переходное» [13].

Такая временная трансформация не могла осуществляться в рамках ни земледельческой, ни воинской морали, а требовала некую провизорную форму, которую можно было надеть в одних условиях и снять в других. Исходя из этих размышлений, гипотеза Петрова приобретает значимую объяснительную силу. Один из вариантов формирования термина *víkingr* от глагола *víkja* (поворачивать, отклоняться), т.е. в данном значении викинг – человек, отклонившийся от своего образа жизни [10. С. 100], подчёркивает приобретение карлом в набегах новых черт и перекликается с частью кеннингов Локи: *Faðir lögseims, Hroeri sagna, Rægjandi ok vélandi goðanna* [2].

Достаточно важным выступает и то, что в скандинавских языках размыта граница между понятиями «тролль», «волшебник» и «великан» [3. С. 258]. Исходя из этого, происхождение Локи может переводиться на русский не как «великан», а как «колдун», то есть субъект, заведомо «отклонившийся» от законов мира, ведь колдовство – это всегда нарушение некоего миропорядка. Это усугубляется переходом Локи в Асгард через братание с Одином, но и Один, общепризнанный покровитель воинов, находится в столь же маргинальном состоянии, ведь одним из его искусств является колдовство, безусловное эрги в системе ценностей асов. Вполне очевидно, что божественные девианты должны покровительствовать социальным, однако здесь их функции разделились – ас с кровью колдуна отвечал за героическую сторону похода, а колдун с кровью аса – за потаённую.

По утверждению Ж. Дюмезиля, в скандинавской теологической системе три функции представлены группой трёх великих богов, каждый из которых удерживал одну или две обязанности – Один управлял победой, Тор через власть над грозой, ветром и дождём – земледелием и урожаем, Фрейр контролировал семейные отношения и деторождение [6. С. 138–139]. В то же время А.А. Хлевов: «Совершенно отчётливо выделяются две группы богов. К первой относятся те, которые упоминаются многократно, присутствуют в мифологических повествованиях практически постоянно и располагают тем, что можно определить термином „личная история“, – у них есть определённая линия поведения, характер, привычки, стереотипы действий и, самое главное, определённая последовательность самих событий, фактов биографии. Таких асов только три – это Один, Тор и Локи» [20].

Вытеснил Фрейра Локи только для участников набегов, так как само по себе предположение, что данный пантеон был востребован всем обще-

ством, было бы ошибочным – «мы располагаем источниками, которые доносят до нас мировоззрение достаточно специфической прослойки общества, мировоззрение, которое нельзя автоматически экстраполировать на всех его членов. Создание специфического рая в Вальхалле, рая профессионального и замкнутого, недоступного подавляющему большинству людей, маркирует трещину, пронизавшую общество в эпоху военной демократии, – трещину, уходящую в загробный мир» [20].

Так как если вытесняемый вытесняется вытеснителем, то часть функций вытесняемого экстраполируется на вытеснителя, то есть вытеснив Фрейра, Локи приобрёл его функции для актуализации в среде закрытого однополюсного сообщества. Так как данных о бытовых взаимодействиях внутри варяжской дружины мы не сможем реконструировать ввиду отсутствия источниковой базы, мы обратимся к антропологическому материалу для закрытых мужских сообществ, собранных Л.С. Клейном, чтобы провести этнографическую аналогию.

По замечанию Л.С. Клейна, «отделение массы мужчин от женщин вызывает накопление сексуального возбуждения, особенно если это молодые мужчины», что вызывает, при условии «грубости, импульсивности и несдержанности», безусловно свойственной дружинникам, вчерашним карлам, «это напряжение выражается достаточно часто, неприкрыто и энергично... Выхода это напряжение при полном отсутствии женщин найти не может. Остаётся два выхода: мастурбация или гомосексуализм. Однако мастурбация в условиях камеры неизбежно превращается в мастурбацию на людях, в совместную мастурбацию однополых партнёров, что уже носит гомосексуальный характер. Таким образом, всё сводится к одному – к стимулированию гомосексуального поведения у гетеросексуальных мужчин» [11. С. 569–571].

Насколько релевантно сравнение тюремной камеры и драккара? Сравнительный анализ трёх типов североевропейских гребных судов – из Нидама (IV в.), Квальзунда (V–VIII вв.) и «длинного» судна из Скуллелева (рубеж 1000-х гг.) – показывает, насколько плотно размещалась команда.

Расчёт полезной площади палубы ($L_{\max} \times B_{\max}$ с коэффициентом полноты 0,65), поделённой на число гребцов, даёт следующие показатели: Нидам ($22,85 \times 3,26$ м, 30 гребцов) – $1,61 \text{ м}^2$ на человека; Квальзунд ($18,0 \times 3,2$ м, 20 гребцов) – $1,87 \text{ м}^2$ на человека; «Длинное» судно ($\sim 35 \times 5$ м, ~ 60 гребцов) – $\sim 1,90 \text{ м}^2$ на человека [19].

Эти цифры, однако, отражают лишь условную теоретическую площадь, приходящуюся на одного гребца при допущении, что палуба пуста. В реальности полученные значения следует считать верхней границей доступного пространства. Таким образом, реальная площадь, остававшаяся в распо-

ряжении каждого члена экипажа, была заметно ниже расчётных 1,6–1,9 м.

Это значительно теснее любой тюремной камеры, где по нормам от 2 до 5 кв. м на человека [18]. Таким образом, сравнение условий драккара с тюремной камерой не просто релевантно, а даже смягчено в пользу камеры: скученность на драккаре была экстремальной, что даёт возможность экстраполировать данные Клейна на бытовые условия в набеге.

Не менее интересными выглядят такие данные из работы Клейна: «Зилэнда поразило, что широко распространены рассказы об одной странности морской пехоты: эти могучие парни в гомосексуальных приключениях предпочитали пассивную роль... Всё это входило в противоречие со всеобщим и традиционным представлением – от античных греков и викингов до японских самураев и современных мексиканских „мачо» – о позорности именно пассивной роли в гомосексуальном сношении... Этот парадокс не ограничивается морской пехотой США... Зелэнд в двух книгах отметил этот парадокс у целой категории молодых солдат, причём у самых спортивных и мужественных... Некоторые морские пехотинцы, интервьюированные Зилэндом, утверждали, что „марины» „вообще рассматривают это не как нечто женское, а как мужское испытание на выносливость в отношении к страданию, каковое испытание, если оно выдержано, оставляет нижнего более сильным». Капитан Эрик сказал ему: „Требуется гораздо больше мужественности, чтобы быть внизу, чем чтобы быть сверху»... Капрал Алекс сказал ему: „Коль скоро ты „марин», ты уже проверил себя. Так что можешь и перейти границу к „женскому», и всё окей, потому что ты уже утвердился в том, что ты мужчина»» [11. С. 607–611].

Насколько применимы данные данные относительно дружин викингов? По нашему мнению, применимы с оговорками, так как структура сообщества морской пехоты США и варяжской дружины схожа, в том числе и понятие эрги соотносится с публичным образом пехотинцев. Также немало важным является объяснительная сила того, какие именно функции Фрейра перенял Локи, заметив его в теологии дружинников. Хотелось бы отметить, что в ряде славянских языков «дружина» имеет значение «супруги».

Безусловно, было бы упрощением сводить функцию Локи исключительно к нарушению табу на гомосексуальность, ведь табуированы в древнескандинавском обществе были и другие проявления девиантного поведения – убийство, разбой, колдовство, обман, гетеросексуальное изнасилование и т.п., что безусловно имело место в набегах.

Важной для понимания концепции Петрова выступает реконструкция образа берсерка М.В. Елифёровой как «зооантропоморфного трол-

ля, неуязвимого из-за колдовства и потому безнаказанно притесняющего людей» [8. С. 84]. Если принять данную реконструкцию, то, как следующий шаг, можно вывести участников похода в лиминальное состояние как нечто среднее между зверем, человеком и колдуном, а значит, находящимся за рамками тинговой морали.

Безусловно, для обозначения состояния оборотничества был необходим какой-то маркер, который мог бы выступать предупреждением для социума, как татуировки раба или преступника [22]. Но в связи с тем, что это состояние было временным, то и знак должен был быть временным, что полностью соответствует описанному Петровым амулету. В этом ключе становится важным и ритуал избавления от амулета – одновременно и сжигание, и утопление, а это, исходя из Д. Лофтсона, «знали два основных способа доставить жертву богам: при помощи воды (как о том свидетельствуют многие находки на болотах) и посредством огня» [14], то есть совмещались оба этих способа, чтобы весть о том, что налётчики стали снова людьми, обязательно дошла и в Асгард, и в Ванахейм, и в Мидгард.

Наличие в архиве Петрова схожего символа с обозначением «петроглиф Онежского озера» (рис. 2) может показывать как предмет заимствования формы у древней, то есть хтонической, изобразительной традиции эпохи неолита/раннего металла на побережье Балтики и Онежского озера, которую ряд исследователей связывают с доиндоевропейским населением.

Единственный вопрос, который остаётся, – кто заимствовал его: непосредственно викинги или неизвестный гравёр. На это могли бы дать ответ изображения из Краковского технического музея и Эрмитажа, но мы не можем их интерпретировать как вырванные из контекста. Единственное, что это подтверждает, – бытование символа, определённого Петровым как «амулет Морского сообщества Локи».

Безусловно, Петров был известен как автор спорных и натянутых концепций, и это обязательно нужно учитывать при ознакомлении с его гипотезой о функции Локи в древнескандинавском пантеоне [9].

Представленная гипотеза Сергея Владимировича Петрова, даже с учётом её фрагментарной сохранности и обстоятельств обнаружения, обладает несомненной эвристической ценностью. Она предлагает непротиворечивую концепцию, почему один из трёх главных богов скандинавского мифологического нарратива – Локи – практически не оставил материальных свидетельств культа, но сохранил столь парадоксально видное положение в эддической литературе. Объяснение, помещающее его почитание в лиминальное пространство морского похода – пространство, принципиально выведенное за скобки обычного права

и бытовой морали, – заслуживает самого серьезного внимания.

Признавая набег не просто военной операцией, а временной формой социальной девиации, Панин-Петров реконструирует ритуальный механизм, позволявший бонду переходить от норм общинного мира к нормам экстремального насилия и возвращаться обратно. «Превентивная индульгенция», выдаваемая амулетом, и его последующее уничтожение через стихии воды и огня описывают замкнутый цикл управляемой маргинализации, где лиминальность Локи становится функциональным инструментом.

Привлечение обширных антропологических данных придаёт построениям Петрова убедительность в той её части, что касается телесной и моральной трансгрессии. Предположение о вытеснении Фрейра Локи в замкнутой мужской субкультуре дружин, при сохранении общегражданского культа ванов, выглядит как тонкая и глубокая догадка, показывающая, насколько дифференцированным могло быть религиозное сознание скандинавов.

Реконструкция Панина-Петрова осознанно работает не с позитивистским фактом, а с историко-культурной матрицей. Выявленные Петровым образительные источники – от проблемной гравюры XIX века до онежских петроглифов и эрмитажного рисунка – не могут служить прямым доказательством.

Литература

1. Бильченко Е., Панин К. Модерн как предпосылка мифа об этносе и нации: философско-исторический взгляд на истоки национализма в Европе // *Личность. Культура. Общество*. — 2026. — Т. 28, № 1. — С. 26–46. — ISSN 1606-951X.
2. Блейз А. Имена и кеннинги Локи в традиционных источниках // *Northern Thesaurus Deorum*. — URL: <https://northern.thesaurusdeorum.com/ime-na-i-kenningi-loki/>
3. Веселова В. Русская судьба датского поэта Андерсена, автора «Снежной королевы» // *Вопросы литературы*. — 2006. — № 4. — С. 237–260.
4. Викиернес В. Пол и мужеложство в скандинавской культуре // *Burzum.org*. URL: https://burzum.org/rus/library/gender_and_homosexuality_in_norse_culture.shtml (дата обращения: 01.08.2026).
5. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций: учебное пособие для студентов вузов / И.Н. Данилевский. — Москва: Аспект Пресс, 1998. — 399 с.
6. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев: пер. с фр.; АН СССР, Ин-т востоковедения. — Москва: Наука, 1986. — 234 с.
7. Егоров Б. Ф. О жизни и творчестве С.В. Петрова // *Ученые записки НовГУ*. 2018. № 5 (17).
8. Елифёрова М.В. Были ли берсерки оборотнями? Критическое рассмотрение источников // *Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: материалы Международной научной конференции* — Москва: Дело, 2015. — С. 79–84.
9. Жаров Б. С. С.В. Петров и дискуссия о шведской этимологии «ать-два» // *Скандинавская филология*. — 2015. — № 13.
10. История Норвегии / отв. ред. А.С. Кан. — Москва: Наука, 1980. — 715 с.
11. Клейн Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность — Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000. — 864 с.
12. Крестовников В.А. Эпоха викингов в российской и зарубежной историографии // *Казачество*. — 2024. — № 74 (1).
13. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси — Санкт-Петербург: Евразия, 2005. — 640 с.
14. Лофтсон Д. Новое место для Локи / *Northern Thesaurus Deorum*. — URL: <https://northern.thesaurusdeorum.com/novoe-mesto-dlya-loki/> (дата обращения: 01.08.2026).
15. Мартыненко В.О. Происхождение и эволюция понятия викинги: этимологический, исторический и культурологический подходы // *СибС-крипт*. — 2025. — № 3 (39).
16. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. — Москва: Наука, 1968. — 364 с.
17. Сванидзе А.А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 789, [5] с., [32] л. ил.
18. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ: ст. 99 // *Собрание законодательства РФ*. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
19. Фиркс И. фон. Суда викингов; пер. с нем. А.А. Чебана. — Ленинград: Судостроение, 1982. — 104 с.: ил.
20. Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках / — Санкт-Петербург: Евразия, 2002. — 336 с.
21. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // *Вестник Евразии*. — 2000. — № 1.
22. Acosta G. The Stigma of Stigmata: Tattoos in the Ancient World / G. Acosta // *Antigone Journal*. — 2023. — 18 March.
23. Larrington C. A Viking in shining armour? Vikings and chivalry in the *Fornaldarsögur* / C. Larrington // *Viking and Medieval Scandinavia*. — 2008. — Vol. 4. — P. 269–288.

“LOKI’S SEA BROTHERHOOD”: RECONSTRUCTION OF A HYPOTHETICAL MODEL OF RITUAL PRACTICES IN THE VIKING AGE BASED ON THE ARCHIVE OF S.V. PETROV

Panin K.S.

The article is devoted to the introduction into scholarly circulation and analysis of a previously unknown hypothesis of the outstanding translator and Scandinavianist S.V. Petrov (1911–1988), reconstructed from the materials of his personal archive. At the core of Petrov’s concept lies the idea of the existence, during the Viking Age, of a closed male “Loki’s Sea Brotherhood” (See-Bruderschaft Lokis), whose ritual practices were inextricably linked with the phenomenon of the maritime raid. According to the hypothesis, Loki, as a liminal deity, acted as the patron of temporary and strictly ritualized social deviance. The article examines a key element of this cult—a disposable leather amulet bearing the “galdrastafur of Loki,” which sacramentally identified the Viking with the chthonic nature of the jötnar, functioning as a form of “preventive indulgence.” The wearing and subsequent ritual destruction of the amulet allowed the participants of the expedition to transgress the bounds of communal morality and the concept of ergi, and thereafter to return peacefully to civilian life.

Keywords: Viking Age, S.V. Petrov, Loki, galdrastafur, ritual practices, male unions, social deviance, ergi, Norse mythology, maritime raid.

References

1. Bil’chenko E., Panin K. Modern kak predposylka mifa ob etnose i natsii: filosofsko-istoricheskiy vzglyad na istoki natsionalizma v Yevrope // *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*. — 2026. — T. 28, № 1. — S. 26–46. — ISSN 1606-951X.
2. Bleyz A. Imena i kenningi Loki v traditsionnykh istochnikakh / A. Bleyz // *Northern Thesaurus Deorum*.
3. Veselova V. Russkaya sud’ba datskogo poeta Andersena, avtora «Snezhnoy korolevy» / V. Veselova // *Voprosy literatury*. — 2006. — № 4. — S. 237–260.
4. Vikernes V. Pol i muzhelozhstvo v skandinavskoy kul’ture
5. Danilevskiy I.N. Drevnyaya Rus’ glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): kurs lektsiy: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov / I.N. Danilevskiy. — Moskva: Aspekt Press, 1998. — 399 s.
6. Dyumezil’ Zh. Verkhovnyye bogi indoevropyeytsev: per. s fr. / Zh. Dyumezil’; AN SSSR, In-t vostokovedeniya. — Moskva: Nauka, 1986. — 234 s.
7. Yegorov B. F. O zhizni i tvorchestve S.V. Petrova // *Uchenyye zapiski NovG U*. 2018. № 5 (17).
8. Yelifyrova M.V. Byli li berserkry oborotnyami? Kriticheskoye rassmotreniye istochnikov / M.V. Yelifyrova // *Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Moskva, RANKhIGS, 11–12 dekabrya 2015 g.) / otv. red. i sost. D.I. Antonov. — Moskva: Delo, 2015. — S. 79–84.
9. Zharov B. S. S.V. Petrov i diskussiya o shvedskoy etimologii “at’-dva” / B.S. Zharov // *Skandinavskaya filologiya*. — 2015. — № 13.
10. Istoriya Norveгии / otv. red. A.S. Kan. — Moskva: Nauka, 1980. — 715 s.
11. Kleyn L.S. Drugaya lyubov’: priroda cheloveka i gomoseksual’nost’ / L.S. Kleyn. — Izdaniye ispravlennoye. — Sankt-Peterburg: Folio-Press, 2000. — 864 s.
12. Krestovnikov V.A. Epokha vikingov v rossiyskoy i zarubezhnoy istoriografii / V.A. Krestovnikov // *Kazachestvo*. — 2024. — № 74 (1).
13. Lebedev G.S. Epokha vikingov v Severnoy Yevrope i na Rusi / G.S. Lebedev. — Sankt-Peterburg: Yevraziya, 2005. — 640 s.
14. Loftson D. Novoye mesto dlya Loki / D. Loftson; per. s angl. A. Bleyz // *Northern Thesaurus Deorum*.
15. Martynenko V.O. Proiskhozhdeniye i evolyutsiya ponyatiya vikingi: etimologicheskoy, istoricheskiy i kul’turologicheskoy podkhody / V.O. Martynenko // *SibSkript*. — 2025. — № 3 (39).
16. Meletinskiy Ye. M. “Edda” i ranniye formy eposa / Ye.M. Meletinskiy; AN SSSR, In-t mirovoy literatury im. A.M. Gor’kogo. — M.: Nauka, 1968 364 s.
17. Svanidze A.A. Vikingi — lyudi sagi: zhizn’ i navy / A.A. Svanidze. — Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. — 789, [5] s., [32] l. il.
18. Ugolovno-ispolnitel’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ: st. 99 // *Sobraniye zakonodatel’sstva RF*. — 1997. — № 2. — St. 198.
19. Firks I. fon. Suda vikingov / I. fon Firks; per. s nem. A.A. Chebana. — Leningrad: Sudostroyeniye, 1982. — 104 s.: il.
20. Khlevov A.A. Predvestniki vikingov. Severnaya Yevropa v I–VIII vekakh / A.A. Khlevov. — Sankt-Peterburg: Yevraziya, 2002. — 336 s.
21. Khobsbaum E. Izobreteniya traditsiy / E. Khobsbaum // *Vestnik Yevrazii*. — 2000. — № 1.
22. Acosta G. The Stigma of Stigmata: Tattoos in the Ancient World / G. Acosta // *Antigone Journal*. — 2023. — 18 March.
23. Larrington C. A Viking in shining armour? Vikings and chivalry in the Fornaldarsögur / C. Larrington // *Viking and Medieval Scandinavia*. — 2008. — Vol. 4. — P. 269–288.

Социокультурные проблемы передачи новых технологий

Хайруллин Аскар Гафиятуллович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральных Университет»
E-mail: Askar58@mail.ru

Статья посвящена анализу социокультурных проблем, возникающих в процессе распространения и внедрения новых технологий в современном обществе. Показано, что технологическая диффузия сопровождается не только экономическими и организационными эффектами, но и глубокими сдвигами в системе ценностей, норм, привычек и способов коммуникации людей. Рассмотрены основные типы социокультурных барьеров: цифровое неравенство, культурное сопротивление инновациям, этико-ценностные конфликты при внедрении искусственного интеллекта, риски международного трансфера технологий между странами и отраслями с разными культурными традициями. На основе анализа отечественных публикаций 2021–2025 гг. обосновывается вывод о том, что успешность технологической трансформации определяется не столько техническими характеристиками нововведений, сколько степенью их согласованности с культурным контекстом принимающего сообщества. Предложены направления преодоления социокультурных барьеров передачи технологий: развитие цифровой грамотности, гуманитарная экспертиза технологических проектов, формирование этических кодексов и институтов посредничества между разработчиками и пользователями технологий.

Ключевые слова: социокультурные проблемы, передача технологий, трансфер технологий, цифровое неравенство, диффузия инноваций, культурное сопротивление, искусственный интеллект, этика технологий, цифровизация.

Введение

Стремительное распространение цифровых, биотехнологических и интеллектуальных систем в последние годы превратило вопрос о механизмах передачи новых технологий из узкоспециальной инженерно-экономической проблемы в предмет широкой социогуманитарной дискуссии. Технологии перестают быть нейтральными инструментами: их внедрение затрагивает структуру повседневных практик, систему ценностей, характер коммуникации и распределение социальных возможностей. Социальные институты пытаются интегрировать технологические изменения в существующие культурные рамки или адаптировать нормы и правила поведения к возможностям и использованию новых технологий, что повышает вероятность культурных изменений, а будущая информационная среда формируется как за счёт постепенного прогресса в технологических областях, так и за счёт появления принципиально новых технологий. При этом технологические изменения создают проблемы в трёх ключевых областях: конфиденциальность, равенство и подотчётность.

Актуальность темы обусловлена тем, что процесс передачи технологий – от разработки до массового внедрения – практически всегда протекает быстрее, чем происходит адаптация социокультурных институтов, норм и практик к новым техническим возможностям. Это порождает разрыв, который в литературе описывается через понятия «цифровое неравенство», «культурное сопротивление инновациям», «этико-ценностные конфликты», а также через анализ рисков межстрановой и межотраслевой передачи технологий. Цель настоящей статьи – систематизировать основные социокультурные проблемы, сопровождающие передачу новых технологий, на основе анализа отечественных научных публикаций 2021–2025 годов, и предложить обобщённые направления их преодоления.

Теоретико-методологические основания исследования

Классической теоретической рамкой анализа процессов распространения технологий остаётся теория диффузии инноваций. Данная теория стремится объяснить, как, почему и с какой скоростью новые идеи и технологии распространяются через разные культуры, и была популяризована американским социологом Эвереттом Роджерсом в 1962 году в кни-

ге «Диффузия инноваций». Роджерс определяет диффузию как процесс, посредством которого инновация передаётся через определённые каналы в течение времени, а среди источников, повлиявших на исследования диффузии, он выделяет антропологию, раннюю и сельскую социологию, образование, промышленную и медицинскую социологию. Такой междисциплинарный генезис теории подчёркивает, что распространение технологии никогда не является чисто техническим процессом – оно всегда опосредовано культурными кодами, статусными различиями и коммуникативными сетями конкретного сообщества [1].

Важно, что люди не сразу берут в обиход даже самые лучшие и практичные технологии – их внедрение происходит поэтапно, и, чтобы прижиться, инновация должна войти в жизнь правильно, с учётом того, как продукт распространяется среди людей. Помимо индивидуально-психологических механизмов принятия новшеств, на скорость и характер диффузии влияют структурные особенности сообщества: гомогенность сообщества, как и «сословность», может отрицательно сказываться на скорости диффузии, создавая барьеры по передаче информации. Иными словами, социальная и культурная неоднородность общества выступает не только фактором сопротивления, но и фактором дифференцированного, неравномерного усвоения технологических новшеств разными группами [4].

В отечественной социологии и философии техники социокультурный подход к анализу технологических изменений опирается на представление о том, что технология не может рассматриваться в отрыве от системы социального времени, коммуникативных практик и психофизиологических эффектов взаимодействия человека с техническими средствами. Так, при обсуждении эффектов новых медийных и коммуникационных технологий отмечается, что Интернет является поддерживающей средой для электронных массмедиа, то есть частью всей системы медийного воздействия на сознание человека, следствиями которого является рост степени манипулируемости, отключение критических механизмов и психофизиологическая зависимость от визуального формата передачи информации. Данный тезис показывает, что социокультурные эффекты передачи технологий выходят далеко за рамки простого расширения инструментальных возможностей человека и затрагивают глубинные структуры восприятия, мышления и социального взаимодействия [16].

Цифровое неравенство как ключевой социокультурный барьер

Одним из наиболее изученных социокультурных последствий передачи новых технологий является цифровое неравенство. Первоначально данный

феномен трактовался преимущественно в техническом ключе, однако современные исследования существенно расширили его концептуализацию. Изначально цифровое неравенство сводилось к наличию доступа к оборудованию, и в его основе лежали причины технического характера – необеспеченность граждан информационными технологиями, отсутствие доступа к сети, барьеры на самих сайтах; однако сегодня социологи выделяют и другие причины цифрового неравенства: имущественные, возрастные, образовательные, гендерные, территориальные и культурные. Таким образом, цифровое неравенство фиксируется исследователями как многокомпонентное явление: техническое, экономическое, социальное, историческое, психологическое, геополитическое и правовое [17].

Значимый вклад в изучение данной проблематики в российской социологии вносят работы Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко, которые показывают, что цифровой разрыв представляет собой новую форму социального неравенства, основанную на развитии информационно-коммуникативных технологий, специфика становления которой в России связана с различными аспектами цифровизации общества. В более поздних работах те же авторы фиксируют трансформацию проблематики: социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта смещается от собственно цифрового к алгоритмическому разрыву, что отражено в их публикации 2021 года. Это означает, что по мере развития технологий социокультурный барьер не устраняется, а трансформируется, переходя от вопроса физического доступа к вопросу о качестве использования технологий и о характере алгоритмического опосредования социальных отношений [2].

Современные исследования конкретизируют механизм накопления цифровых преимуществ. Отмечается, что для привилегированных социальных слоёв характерна тенденция накапливать преимущества, обусловленные уровнем доступа и использования информационно-коммуникационных технологий, причём даже если разрыв в физическом доступе практически преодолён, для использования всего потенциала технологий необходимы дополнительные компетенции. В связи с этим в научный оборот вводится понятие цифрового капитала, который трактуется как накопление цифровых компетенций (информация, коммуникация, безопасность, создание контента и решение проблем) и цифровых технологий. Правовой аспект данной проблемы также активно разрабатывается: ещё в 2021 году отмечалось формирование архитектуры цифрового разрыва как самостоятельного объекта правового регулирования, а к 2025 году появляются работы, рассматривающие цифровое неравенство и цифровую трансформацию в публичном управлении в эволюции понятия и критериев его оценки [5].

Особенно наглядно социокультурная природа цифрового неравенства проявляется в сфере доступа к цифровой медицине: в развивающихся регионах внедрение цифровой медицины ограничено экономическими, инфраструктурными и кадровыми проблемами, а также неравенством использования цифровых технологий и цифровых навыков, при этом в Российской Федерации отмечается неравномерное внедрение цифровых технологий в зависимости от региона. Не менее показательным примером является сфера образования: экстренный переход к дистанционным форматам обучения в период пандемии обнажил дефицит готовности участников образовательного процесса к освоению новых цифровых сервисов. Исследование, посвящённое так называемой «шоковой цифровизации» образования, зафиксировало, что долгосрочные последствия экстренного перехода на дистанционное обучение ещё предстоит оценить, однако реакция участников образовательного процесса на первый период тотального дистанта должна быть проанализирована незамедлительно как основа для будущих управленческих решений. Среди ключевых понятий, использованных авторами данного исследования, фигурируют цифровое неравенство и сопротивление инновациям, что подтверждает социокультурный, а не только организационно-технический характер выявленных проблем [15].

Культурное сопротивление технологическим изменениям

Помимо неравномерного распределения ресурсов доступа, значимым социокультурным барьером выступает культурное сопротивление инновациям – устойчивое неприятие новых технологий отдельными группами или целыми сообществами в силу несовместимости нововведения с устоявшимися практиками, ценностями и картиной мира. Теоретически данная проблема описывается через типологию групп восприятия инноваций, восходящую к работам Э. Роджерса и получившую развитие в последующих моделях диффузии. Так, применительно к наиболее консервативной части аудитории отмечается, что она является самой консервативной аудиторией, привязанной к традициям, и переход на инновацию происходит вынужденно – тогда, когда старые инструменты перестают работать или исчезают с рынка. Данная закономерность в равной степени применима к анализу отношения различных социальных и профессиональных групп к цифровым, медицинским и производственным технологиям [6].

Математическое моделирование процессов диффузии, развивающее идеи Роджерса, также подтверждает социокультурную обусловленность скорости распространения технологий. Помимо уже упомянутой роли гомогенности сообщества,

исследователи отмечают, что существует несколько подходов к моделированию диффузии инноваций – эпидемический, частичного равновесия, стратегического поведения, конкуренции технологий и удовлетворительного поведения, – при этом наиболее известные модели были разработаны Э. Роджерсом, Ф. Бассом, Дж. Муром, Э. Мэнсфилдом и Т. Хегерстрандом. Множественность подходов свидетельствует о том, что универсальной модели, игнорирующей культурный контекст, не существует: скорость и траектория распространения технологии всегда опосредованы конкретными социальными сетями, институциональными барьерами и культурными установками принимающего сообщества [7].

Культурное сопротивление технологиям нередко связано и с трансформацией более широких социокультурных ценностей. Исследование, посвящённое трансформации ценностных ориентаций студенчества в условиях информатизации, показывает, что распространение сетевых технологий выступает фактором изменения не только повседневных практик, но и гражданской, политической активности молодых людей, что отражено в работе о развитии сетевых технологий как факторе трансформаций жизненного пространства современного человека, опубликованной в 2014 году и получившей развитие в последующих исследованиях цифровой трансформации ценностей российского студенчества. Таким образом, сопротивление или, напротив, ускоренное принятие технологий тесно связано с более широкими процессами социокультурной динамики – трансформацией идентичности, ценностных иерархий и форм гражданской активности [8].

Этико-ценностные конфликты при внедрении искусственного интеллекта

Особую остроту социокультурные проблемы передачи технологий приобретают в связи с распространением систем искусственного интеллекта, поскольку данные технологии напрямую затрагивают вопросы автономии, справедливости и ответственности. В аналитических работах последних лет отмечается, что алгоритмические системы воспроизводят культурные предубеждения, заложенные в данных, на которых они обучаются: алгоритмы могут быть предвзятыми или несправедливыми, если они основаны на данных, содержащих социокультурные предубеждения. Это делает проблему этической экспертизы технологий не факультативным, а необходимым элементом их передачи и внедрения [14].

Российская исследовательская повестка активно развивает данную проблематику. Так, отмечается необходимость сопоставления национальных подходов к регулированию: в работе, посвящённой сравнению этики искусственного интеллекта в России и Европейском союзе, рассматри-

вается общее в риск-ориентированных подходах к регулированию искусственного интеллекта, опубликованное в журнале «Дискурс-Пи» в 2022 году. Более широкий философский и социальный анализ проблемы представлен в монографии, посвящённой этическим, социальным и философским проблемам искусственного интеллекта, изданной в Москве в 2022 году. Отдельные работы 2024 года систематизируют круг обсуждаемых этических вопросов, отмечая, что в статье рассмотрено понятие искусственного интеллекта, этические нормы и ценности, а также значимость проведения этических исследований в сфере разработки и применения соответствующих технологий [9].

Институциональный ответ на данные вызовы формируется на государственном уровне: в российском профильном документе закреплён общий этический принцип – человекоцентричный и гуманистический подход, согласно которому технологии искусственного интеллекта должны использоваться во благо человека. В экспертной среде подобные принципы детализируются в комплексных отраслевых документах: так, обзор одной из инициатив 2024 года показывает, что этическая систематизация проблем ИИ представляет собой комплексное исследование этических вопросов, возникающих при развитии и внедрении технологий искусственного интеллекта, охватывающее несколько десятков ключевых проблем – от конфиденциальности данных до предвзятости алгоритмов, автономных решений и ответственности разработчиков. Наконец, актуальные работы связывают этическую проблематику ИИ с правоприменительной практикой, подчёркивая важность анализа статистики правонарушений, связанных с использованием искусственного интеллекта, и необходимость человеко-ориентированного и комплексного подхода для безопасного внедрения таких технологий.

Социокультурные риски международного и межотраслевого трансфера технологий

Социокультурная проблематика передачи технологий проявляется не только на уровне индивидуального восприятия инноваций, но и на уровне институциональных механизмов международного и межотраслевого трансфера. Правовая инфраструктура такого трансфера в России претерпела существенные изменения: отмечается, что нормативная база, регулировавшая передачу прав на технологии, была реформирована, поскольку важными аспектами формирования трансферного законодательства стало принятие Федерального закона от 25.12.2008 № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии», положения которого впоследствии были включены в четвёртую часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Изменение правового регулирования само по себе отражает социо-

культурную и геополитическую динамику: институты трансфера технологий вынуждены адаптироваться к новым условиям международного взаимодействия, включая ограничение доступа к ряду зарубежных разработок [9].

Особый случай межотраслевого трансфера технологий представляет собой перевод разработок из оборонной сферы в гражданское использование. Данный процесс имеет длительную историю и заметную социокультурную составляющую, поскольку требует не только технической адаптации, но и изменения институциональных практик, стандартов и профессиональной культуры: часть технологий пришла в гражданскую сферу именно из «оборонки» – например, GPS или сенсоры, – а идея перевода продукции оборонно-промышленного комплекса на «мирные рельсы» не нова и впервые обсуждалась ещё в 1950-х годах, когда данный процесс назывался конверсией и представлял собой полную или частичную переориентацию производственных мощностей. Современные исследователи отмечают, что промедление с адаптацией подобных технологий несёт самостоятельный риск: ожидание «доразвивания» существующей технологии означает упустить рынок в условиях конкуренции с зарубежными аналогами [10].

Наконец, современный анализ трансфера технологий как формы международных экономических отношений подчёркивает необходимость различения смежных, но не идентичных понятий: в исследованиях, посвящённых международному трансферу технологий, отдельно рассматриваются вопросы интернационализации технологий и их актуальности, а также разделяются понятия «коммерциализации технологий» и «трансфер технологий». Это терминологическое разграничение имеет прямое социокультурное значение: коммерциализация предполагает прежде всего экономическую логику капитализации разработки, тогда как трансфер технологий в более широком смысле включает передачу компетенций, практик использования и связанных с ними культурных норм принимающей стороне, что существенно расширяет круг социогуманитарных задач, сопровождающих подобные проекты [11].

Направления преодоления социокультурных барьеров передачи технологий

Обобщение рассмотренных проблем позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных направлений минимизации социокультурных барьеров при передаче новых технологий. Во-первых, необходимо системное развитие цифровой грамотности и цифровых компетенций населения, поскольку, как показано выше, сокращение технического разрыва в доступе к технологиям не устраняет более глубокого разрыва в компетенциях и цифровом капи-

тале. Во-вторых, требуется институционализация гуманитарной и этической экспертизы технологических проектов на ранних стадиях их разработки и внедрения, что подтверждается опытом формирования этических кодексов и «белых книг» по искусственному интеллекту. В-третьих, для успешного трансфера технологий между организациями, отраслями и странами необходимы посредующие институты – центры трансфера технологий, ассоциации и площадки коммуникации между разработчиками, регуляторами и конечными пользователями, способные заранее выявлять потенциальные точки культурного сопротивления и адаптировать технологию к специфике принимающей среды [12].

Кроме того, эффективная политика передачи технологий должна учитывать неоднородность аудитории с точки зрения готовности к принятию инноваций, описанную в теории диффузии: работа с «консервативным большинством» и «запаздывающими» группами требует иных коммуникативных стратегий, чем работа с «новаторами» и «ранними последователями». Наконец, значимым направлением остаётся мониторинг социальных эффектов внедрения технологий постфактум – оценка того, каким образом реальная практика использования новшества отклоняется от первоначального замысла разработчиков, поскольку, как показывает опыт «шоковой цифровизации» образования, экстренное и слабо подготовленное внедрение технологий способно порождать долгосрочные негативные эффекты, которые проявляются далеко за пределами первоначального периода перехода [13].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что передача новых технологий представляет собой сложный социокультурный процесс, не сводимый к чисто техническому распространению технических артефактов. Ключевыми проявлениями социокультурных проблем в этой сфере являются: многокомпонентное цифровое неравенство, трансформирующееся по мере развития технологий от разрыва в доступе к алгоритмическому разрыву; культурное сопротивление инновациям, обусловленное гомогенностью или неоднородностью принимающих сообществ и их привязанностью к устоявшимся практикам; этико-ценностные конфликты, порождаемые внедрением систем искусственного интеллекта и требующие институционального регулирования; а также риски международного и межотраслевого трансфера технологий, связанные с необходимостью адаптации правовых, организационных и профессионально-культурных практик принимающей стороны. Учёт данных факторов на всех этапах разработки, внедрения и распространения новых технологий представляется необходимым условием их устойчивого и социально приемлемого использования.

Литература

1. Агеев А.С. Digital divide и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10.
2. Волобуев А.В. Этические, социальные и философские проблемы искусственного интеллекта: монография. – М.: КНОРУС, 2022. – 120 с.
3. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019 (с последующим развитием проблематики в публикациях 2021–2024 гг.).
4. Косевич Е.Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 3.
5. Липчанская М.А., Паламарчук С.А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 2.
6. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 171–192.
7. Мосин С.Д., Куваева Е.Н. Этические проблемы использования искусственного интеллекта в условиях быстрого технологического развития // КиберЛенинка. – 2024.
8. Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 156–201. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201.
9. Незнамов А.В. (ред.) Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта. – М., 2024.
10. Перевозчикова Д.А., Зарипова М.Ю. Этика искусственного интеллекта // Нанотехнологии: наука и производство. – 2024. – № 3.
11. Платонова С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 6. – С. 139–149. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-6-139.
12. Проект Ю.Л., Богдановская И.М., Королева Н.Н. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 76–90. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90.

13. Ревина С.Ю., Быкова А.В. Цифровое неравенство как угроза для благополучия населения (на примере доступа к медицинским услугам) // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – № 2.
14. Сорокова Е.Д. Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе: общее в риск-ориентированных подходах // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 157–169. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_157.
15. Международный трансфер технологий: правовое регулирование и минимизация рисков в трансграничных сделках // Аналитический материал. – 2025–2026.
16. Трансфер технологий как современная форма международных экономических отношений // Сборник научных трудов. – М.: Русайнс, 2023.
17. Трансфер технологий из «оборонки» в «гражданку» – три главных вопроса // РБК Тренды. – 2022.
18. Управление трансфером технологий: модели, механизмы, организационно-методическое обеспечение / НИУ ВШЭ. – М., 2023–2025.
19. Цифровое неравенство в России: последствия и способы преодоления // КиберЛенинка. – 2023.
20. Диффузия инноваций [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: ru.wikipedia.org/wiki/Диффузия_инноваций (дата обращения: 10.07.2026).

SOCIOCULTURAL PROBLEMS OF NEW TECHNOLOGY TRANSFER

Khairullin A.G.

Naberezhnye Chelny Institute (branch) of the Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the sociocultural problems that arise in the process of diffusion and implementation of new technologies in contemporary society. It is shown that technological diffusion is accompanied not only by economic and organizational effects but also by profound shifts in values, norms, habits and communication patterns. The main types of sociocultural barriers are examined: the digital divide, cultural resistance to innovation, ethical and value conflicts in the implementation of artificial intelligence, and the risks of international technology transfer between countries and industries with different cultural traditions. Based on the analysis of Russian publications of 2021–2025, it is concluded that the success of technological transformation depends less on the technical characteristics of innovations than on their compatibility with the cultural context of the receiving community. Directions for overcoming sociocultural barriers to technology transfer are proposed, including digital literacy development, humanitarian expertise of technological projects, and the formation of ethical codes and mediating institutions between developers and users of technology.

Keywords: sociocultural problems, technology transfer, digital divide, diffusion of innovations, cultural resistance, artificial intelligence, ethics of technology, digitalization.

References

1. Ageev A.S. Digital divide and elements of its architecture: on the legal aspects of digital inequality // *Constitutional and Municipal Law*. – 2021. – No. 10.
2. Volobuev A.V. Ethical, social and philosophical problems of artificial intelligence: a monograph. – Moscow: KNORUS, 2022. – 120 p.
3. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2019 (with further development in publications of 2021–2024).
4. Kosevich E. Yu. Protection of cyberspace in Latin American countries // *Polis. Political Studies*. – 2022. – No. 3.
5. Lipchanskaya M.A., Palamarchuk S.A. Digital inequality and digital transformation in public administration: evolution of the concept and criteria // *State Power and Local Self-Government*. – 2025. – No. 2.
6. Martynenko T.S., Dobrinskaya D.E. Social inequality in the age of artificial intelligence: from the digital to the algorithmic divide // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2021. – No. 1. – Pp. 171–192.
7. Mosin S.D., Kuvaeva E.N. Ethical problems of using artificial intelligence in the context of rapid technological development // *CyberLeninka*. – 2024.
8. Nazarov V.L., Zherdev D.V., Averbukh N.V. Shock digitalisation of education: the perception of participants of the educational process // *Education and Science*. – 2021. – Vol. 23, No. 1. – Pp. 156–201. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201.
9. Neznamov A.V. (ed.) *White Paper on AI Ethics*. – Moscow, 2024.
10. Perevozchikova D.A., Zaripova M. Yu. Ethics of artificial intelligence // *Nanotechnologies: Science and Production*. – 2024. – No. 3.
11. Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality // *Intellect. Innovations. Investments*. – 2024. – No. 6. – Pp. 139–149. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-6-139.
12. Proekt Yu.L., Bogdanovskaya I.M., Koroleva N.N. Transformation of sociocultural values and traditions in the information age as a precondition for changes in civic and political activity of Russian students // *Psychology of Man in Education*. – 2022. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 76–90. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90.
13. Revina S.Yu., Bykova A.V. Digital inequality as a threat to population well-being (the case of access to medical services) // *Innovative Economy Issues*. – 2025. – No. 2.
14. Sorokova E.D. Ethics of artificial intelligence in Russia and the European Union: common features in risk-based approaches // *Discourse- P*. – 2022. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 157–169. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_157.
15. International technology transfer: legal regulation and risk minimization in cross-border transactions // *Analytical material*. – 2025–2026.
16. Technology transfer as a modern form of international economic relations // *Collection of scientific papers*. – Moscow: Rusains, 2023.
17. Technology transfer from the defense to the civilian sector – three main questions // *RBC Trends*. – 2022.
18. Technology Transfer Management: Models, Mechanisms, Organizational and Methodological Support / HSE University. – Moscow, 2023–2025.
19. Digital inequality in Russia: consequences and ways to overcome it // *CyberLeninka*. – 2023.
20. Diffusion of Innovations [Electronic resource] // *Wikipedia*. – URL: ru.wikipedia.org/wiki/Диффузия_инноваций (accessed: 10.07.2026).

Коммуникативные практики достижения целостности личности: этико-эстетические ресурсы

Шадиева Ольга Павловна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); ведущий специалист управления организации и сопровождения общенститутских мероприятий ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ»
E-mail: shadieva.o.p@mail.ru

Статья посвящена изучению философской рефлексии этико-эстетических ресурсов в коммуникативных практиках цифровой современности, рассматриваемых в качестве онтологического основания для достижения целостности личности. Автор исследует эволюцию представлений этического и эстетического. Объектом исследования выступают коммуникативные практики в обществе нового качества, анализируемые в оптике постнеклассической парадигмы философии. Предмет – этико-эстетические ресурсы как инструмент сохранения человечности в новой реальности. Цель статьи – осмыслить их стабилизирующую роль в процессе становления личности в эпоху технологических трансформаций. Данное исследование показывает, что обращение к этико-эстетическим ресурсам дает возможность преодолеть редукцию человека к алгоритмическим параметрам, восстановить диалогическую природу коммуникации и создать условия для подлинного становления современной личности. Научная значимость исследования заключается в том, что этико-эстетические ресурсы рассматриваются как системообразующие деятельностные механизмы смысловой сборки и стабилизации личности в условиях семиотической неопределенности.

В качестве методологической основы исследования использован информационно-семиотический подход, направленный на анализ смыслопорождения и интерпретации знаковых систем в цифровой среде. Синергетический подход позволяет рассматривать коммуникативные практики как открытые, нелинейные и самоорганизующиеся системы. Этический подход в единстве с эстетическим измерением приобретает определяющее значение в оценке коммуникативных моделей и задает ценностные ориентиры и нормативные основания взаимодействия. Структурно-функциональный позволяет выявить стабилизирующую роль этико-эстетических ресурсов в условиях семиотической неопределенности.

Ключевые слова: личность; коммуникативные практики; постнеклассическая парадигма; семиотическая неопределенность; стабилизация; становление; технологии; этико-эстетические ресурсы; целостность.

Введение

Становление личности в современном социокультурном пространстве связано с новыми практиками освоения коммуникаций в среде, находящейся в состоянии кардинальной трансформации. В этих условиях традиционные механизмы смыслопорождения и ценностной регуляции утрачивают устойчивость, уступая место плюрализму, симулякрам и перформативности. Человек оказывается перед необходимостью «переопределять» идентичность и способы взаимодействия с Другим в пространстве, где человеческое и машинно-техническое (нечеловеческое) утрачивает четкие онтологические границы.

Нынешняя стадия социокультурной реальности характеризуется развитием технологий в условиях нормативной неопределенности, опережая институциональные и этические механизмы их осмысления. Рационально закрепленные алгоритмы управляют коммуникациями, вниманием, поведением, оставаясь при этом непрозрачными для этической рефлексии. Этот разрыв между технологическими возможностями и антропологическим измерением создает семиотическую нестабильность, ставя под угрозу саму человечность как ценностное основание личности. В этом поле классическая этика, ориентированная на должностное поведение, часто бессильна, на помощь ей должно прийти чувство внутренней красоты, способное улавливать гармонию и дисгармонию там, где нормы еще не сложились.

В этот период сложных культурно-цивилизационных изменений перед обществом и перед каждым человеком актуализируются вопросы поиска ресурсов, позволяющих личности не только выживать, но и сохранить себя в качестве субъекта, способного к свободе, творчеству и нравственному выбору. Именно этико-эстетические ресурсы (совесть, справедливость, добро, истина, разумность, духовность, ответственность, критическое мышление, чувство нормы и меры, безопасность) могут стать основой для построения коммуникативной модели, обеспечивающей достижение личностной целостности. Ресурсы этого типа не являются внешними предписаниями, поскольку укоренены в самой способности человека к диалогу, к переживанию, к творческому акту, в том числе в диалоге с алгоритмами, все чаще выступающие партнерами в коммуникации.

Способны ли этические ресурсы выступить реальным противовесом технологическому управлению? Может ли этико-эстетическое переживание стать компасом там, где этические кодексы еще не написаны, а алгоритмы уже управляют коммуникацией и предлагают свои модели реальности?

Этико-эстетическая оптика анализа

В цифровую эпоху кардинальных и стремительных трансформаций, влияющих на становление личности, человечество становится все более уязвимым, его сохранение и дальнейшая антропологическая эволюция требует целенаправленных усилий. В этой связи обратимся к рефлексии ведущих исследователей о человеке и рассмотрим этико-эстетические ресурсы как инструмент сохранения человечности в новой реальности. Так, А.А. Гусейнов подчеркивает, что культура и нравственность – это категории человеческого существования, чья многозначность выражает открытый характер самого бытия человека, а творчество становится источником обогащения нравственности [10, с. 221–223].

Если первобытный человек постигал основы нравственности, наблюдая за животными, развивая социальные инстинкты, навыки коллективных действий, чувство равенства и взаимопомощь, – отмечает П.А. Кропоткин [15, с. 58–60], то нравственный идеал для него – это «избыток энергии, стремящийся выразиться в действии на благо общества», при этом не претендующем на вознаграждение или иную мотивацию, выступая как внутренний семиотический стержень, который наполняет смыслом жизнь личности и служит опорой в периоды нестабильности. Современная личность, по мнению философа, стабилизируется через внутреннюю потребность в самореализации, которая немыслима вне социального контекста – ощущение своей силы и возможности принести пользу Другому, сопряжено с разумным обоснованием и содержит нравственное обязательство именно так поступить [15, с. 297–298].

По-существу, речь идет об экологическом подходе Дж. Гибсона, который открывает этико-эстетические ресурсы как фундаментальные стабилизаторы в современном социокоммуникативном пространстве, где личность создается в непрерывном, ценностно-насыщенном диалоге с окружающим миром. «Встреча с другим животным может потребовать от наблюдателя не только определенного поведения, но и социального взаимодействия», то есть это возможность понимания Другого – центральное понятие, которое задает ученый, – личность формируется через перманентное семиотическое восприятие и взаимное предоставление возможностей [8, с. 70, 78, 188–212]. Этико-эстетический ресурс включает в себя чувство ритма, очередности, взаимного приспособления – в этом выражена стабилизация, основан-

ная на постоянном извлечении информации в диалоге с Другим.

В условиях хаоса и культурной пустоты, которые неизменно сопутствуют каждому историческому моменту бытия, по мнению М. Мамардашвили, это и есть этико-эстетические основания – единственно возможные «машины времени», способные придать стабильность личности в ситуации тотального беспорядка, где этика и эстетика выступают как механизмы «мудрого невмешательства», как условие встречи, а не как передача готовых истин [19, с. 134–137]. Подлинная коммуникация – это событие в поле понимания Другого, где следование нравственным запретам дает человеку возможность на второе рождение через поступок. Особое значение сознательному действию придает обращение А.А. Гусейнова к философии поступка М.М. Бахтина, который выделяет различие «специальной ответственности» за суть, за рациональную обоснованность действия и «нравственной ответственности», за сам факт действия, совершенного личностью, где нравственная ответственность первична: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним» [9, с. 56–69]. Здесь эстетический аспект поступка подобен художественному образу: он целостен, неповторим и не выводим из общих правил.

Культура, как система сверхсложностной целостности, находится в процессе постоянного самообновления, где культурное, ценностное и смысловое разнообразие выступает источником порождения новой архитектоники устойчивости, – обращает внимание О.Н. Астафьева. Этико-эстетический потенциал осмыслен ученым как способность культуры сохранять свою полицелостность – единство множественности, где культурное многообразие сосуществует в динамичном равновесии межкультурного диалога, основанного на признании различий, трансляции традиций, работе с культурно-исторической памятью и открытости к инновациям [3, с. 269–285].

Однако в условиях современности проблематизируется сам механизм передачи культурной традиции («внезапно стало нечего изменять»), – замечает А.А. Лисенкова, ведь трансформация традиций порождает нестабильность и необходимость их постоянного переутверждения. Идентичность больше не является навсегда заданной сущностью, она фиксируется и подтверждается в публичном пространстве через актуализацию жизненных стратегий, требующих постоянной верификации и признания [18, с. 53–58]. Эстетический концепт представлен через образ, нарратив, репрезентацию, закрепляемые в идентификационной рамке, этическое измерение задает границы ее приемлемости, как принятия устойчивости формы.

Фундаментальные понятия «дружба», «доверие», «близость» утрачивают свое глубокое чело-

веческое содержание и заменяются поверхностными симулякрами, – фиксируют тревожную тенденцию цифровой среды исследователи, – множественность сетевых контактов усугубляет экзистенциальную изоляцию человека, который оказывается одиноким среди бесконечных виртуальных связей [23, с. 44]. Ученые настаивают на необходимости этической регуляции в условиях стихийного освоения Интернета с целью сохранения человеческого в противовес технологическому, так как без ценностного фундамента процесс становления ведет к агрессии и деградации. Стабилизирующим фактором выступает рефлексивная позиция и культурное опосредование коммуникативных практик.

Этико-эстетические ресурсы как стабилизирующий фактор становления личности в эпоху технологических трансформаций

Рассмотрим стабилизирующую роль этико-эстетических ресурсов в становлении личности в условиях техногенной трансформации человека.

Современная культура становится пространством тотальной эстетизации, где этическое вытесняется на периферию, что приводит к декадансу и засилью примитивных форм массовой культуры, – диагностируют ученые. Поэтому любой коммуникативный акт коммуникации в цифровой среде должен сохранять внутреннюю связь этического и эстетического, в противном случае он всего лишь пустая игра, либо ригористичное назидание. Идеальной нормой человеческого бытия, позволяющей преодолеть этот конфликт выступает принцип триединства Истины, Добра и Красоты, которое образует архитеконику культуры, концентрируя в себе высшие ценности и смыслы человеческого бытия [22, с. 87–91].

Интернет сравнивают с разными формами социальных ограничений и деструкций, используют метафоры ссылки и тюрьмы, в которую люди добровольно себя отправляют, но это наносит вред саморазвитию человека как творческой личности, нивелируют его способности создавать новые продукты и смыслы, – предостерегает М.В. Ковальчук, высказывая предположение, что выход – в смещении образовательных приоритетов в сторону формирования творческой элиты, способной противостоять алгоритмической унификации [13]. Соглашаясь с тем, что творческий ум останется востребованным в цифровую эпоху, считаем необходимым подчеркнуть, что без ценностно-смыслового каркаса личность не сможет противостоять алгоритмической воспроизводимости, поэтому простого смещения акцентов в сторону элитарности недостаточно.

Рассмотрим, к примеру, становление личности в научной среде, организация и самоорга-

низация, в которой формируются под влиянием внешних и внутренних факторов. Анализ сетевой культуры научных сообществ, как сложных антропо-социо-культурных систем, показывает, что устойчивость коммуникаций обеспечивается этико-эстетическими ресурсами. Становление личности ученого в цифровую эпоху происходит через включение в сетевые коммуникации, где фундаментом выступают не только творческие способности, а в первую очередь – ценности (доверие, открытость, академическая этика), именно они позволяют сохранить научную объективность, критическое мышление и творческую самореализацию в условиях нелинейной и рискогенной сетевой коммуникации. Ядром становящейся сетевой профессиональной культуры является этос науки, обеспечивающий открытость и динамику научных онлайн-коммуникаций и условия для проведения качественной сетевой экспертизы – объективной и с высокой степенью надежности прогнозов, – подчеркивает О.Н. Астафьева [4, с. 38–57].

Продолжая наш анализ, обратимся к философской дискуссии В.А. Кутырева и Ю.М. Резника, в которой сталкиваются две стратегии осмысления техногенной трансформации человека: антропо-консерватизм и экологический гуманизм. В.А. Кутырев видит в технологической экспансии процесс самоуничтожения человеческого – «Иное – это, прежде всего Технос, идущий на смену обществу и экзистенциальному человеку», открывая суть постсознания – «Яндекс есть – ума не надо!», где интеллектуальные функции делегированы алгоритму. Этико-эстетическое ядро позиции Ю.М. Резника апеллирует к понятию гармонии как «формы проявления здоровья любой целостности», развивая концепцию «Экотехноса», в котором техника подчиняется законам жизни, красоты и нравственности [16, с. 136, 140–142]. Несмотря на разногласия, ученые сходятся в главном – человеческая субъектность, целостность и творческая свобода требуют этико-эстетического стержня для защиты от технократического редукционизма и «цифрового Гулага». В современных условиях неопределенности в процессе становления человеку необходима устойчивая ценностно-нормативная система, выполняющая функцию этического каркаса. Как справедливо отмечает В.А. Лекторский, гибкость и приспособляемость обретают смысл, при условии сохранения своей идентичности и таких фундаментальных качеств, как свобода выбора, моральная ответственность, взаимопонимание. «Но все эти качества – хрупкие!» [25, с. 175]. Их защита требует сознательных усилий – рефлексии, диалога, междисциплинарного синтеза, и последовательного гуманистического подхода. Однако бытие в современной среде, все более технологизируемой, по мнению В.И. Аршинова, уже затруднено вне «кибернетизации философского мышления» в смысле включения «третьего»,

срединного пространства взаимодействий между органоподобной системой и ее изменяющимся окружением [2, с. 53–74]. В оптике мышления «вместе-со-сложностью» этико-эстетическая основа становится условием возможности диалога между человеком и техносубъектом, открывая пространство для совместного вопрошания. Развивая идеи В.С. Степина, В.А. Лекторского, В.Г. Буданов предлагает систематическое осмысление техносубъекта в рамках деятельностного подхода и типологии рациональности. Он вводит понятие – «посткритическая рациональность» как стратегия принятия решений в условиях принципиальной непрозрачности интеллектуальных систем, что порождает неустранимый элемент недоверия и рисков в человеко-машинных средах. В качестве критерия демаркации между естественным и искусственным интеллектом ученый предлагает мощностные эвристические потенциалы, полагая, что у человека эвристический потенциал принципиально выше, поскольку сознание способно допустить возможность ошибочного варианта и трансцендировать в новую метапозицию. ИИ, скорее всего, попадет в тупик [7, с. 36, 43–44]. Эвристический выход требует этической ответственности и способности увидеть новое, не заданное обучающей выборкой. Таким образом, граница демаркации – это не техническая, а этико-эстетическая граница, где человек сохраняет свое преимущество. В.Г. Буданов обосновывает необходимость развития концепции дружественного ИИ, учитывающего антропологические аспекты взаимодействия.

«Может ли ИИ подчинить человека?», – принципиально откровенно ставит вопрос В.М. Розин и предлагает критическую ревизию тревожных ожиданий, связанных с развитием ИИ. Соглашаясь с позицией В.Г. Буданова, ученый отмечает, что подлинная угроза лежит в деформации человеческого под влиянием безличностных социальных структур и утраты способности к творческому, ответственному мышлению [21, с. 7–26]. По его мнению, ИИ конкурентен в аспекте трансляции, но ограничен в аспекте творческого создания нового, понимаемое как способность к встрече с непредвиденным, к выходу за пределы алгоритма, что требует развитой этической ответственности и эстетической чувствительности. Трансформация эстетико-семиотической структуры экранной культуры ставят перед личностью задачу этико-эстетической рефлексии как способа сохранения субъектности и смысловой целостности, – развивает мысль Н.Б. Кириллова, прослеживая эволюцию экранной культуры от модернизма к цифровой эстетике, определяя ее как «новую коммуникативную парадигму» [12, с. 84–95]. Таким образом, чтобы коммуникация не превратилась в хаотичный обмен симулякрами, необходим ценностно-семиотический каркас, который задает этические

и эстетические критерии, тем самым, позволяя личности не просто потреблять экранные образы, а вступать в диалог, рефлексировать, отличать подлинное от иллюзорного.

Цифровые технологии предоставляют беспрецедентный доступ к информации, наделяя каждого пользователя функцией ее интерпретатора. Осмысливая вызовы цифровизации, Г.Л. Тульчинский акцентирует проблему смысла, субъектности и ответственности в цифровых коммуникациях. Ключевой коммуникативный вызов он видит в дивергенции смысловых картин мира, порождающей феномены «постправды» и фейков, что невозможно преодолеть простым фактчекингом, поскольку сама верификация зависит от доминирующего смыслового контекста. Ученый фиксирует дисбаланс между правами и ответственностью в цифровой среде: пользователи активно высказываются, но редко несут ответственность за последствия.

В чем проявляется антропологический вызов и как его последствия выражаются в процессе расслоения субъектности. По мнению Г.Л. Тульчинского, формируются три возможные позиции:

1. Вменяемая субъектность – способность к рефлексии, ответственности, творчеству;
2. Человек-опция – комфортное существование в качестве пассивного элемента платформ;
3. «Новая животность» – оперативное реагирование на стимулы без рефлексии.

Г.Л. Тульчинский утверждает, что именно субъектность, опосредованная этико-эстетическим потенциалом, становится определяющим фактором социального расслоения будущего [24, с. 76, 79–85, 89]. Современные работодатели ищут в соискателях не просто знания и навыки, а «способность к критическому мышлению, выявлению проблем, их нестандартному решению» – это и есть этико-эстетическая компетентность в действии.

Подлинная личность проявляется в способности самостоятельно организовать жизненный путь на основе баланса инициативы и ответственности, опираясь на сформированный ценностный каркас и накопленный опыт, реализуя свою индивидуальность вопреки любым внешним давлениям, – считает К.А. Абульханова-Славская [1, с. 150]. Личность в понимании Б. Латтура – это сложная сборка, возникающая в результате подключения к различным посредникам – «Когда вы попадаете в какое-то место киберпространства, часто бывает так, что на экране ничего не видно. Но потом дружелюбное предупреждение сообщает, что «возможно, у вас не хватает нужных плагинов» и вы должны «загрузить» определенное программное обеспечение, которое, если его инсталлировать в вашу систему, даст вам возможность активировать то, чего вы не видели до этого». Становление современной личности происходит в процессе осознанного подключения к этико-эстетическим плагинам (книги, картины, принципы, «собирающие форму-

лировки»). Этические принципы и эстетические переживания выступают субъективизаторами, которые формируют уникальность, позволяя человеку отличаться [17, с. 288–300].

Ю.М. Резник вводит понятие транс-единого – образа бытия, «пронизанного многомерностью, антиномистического и открытого на иное», продолжая тему личностной сборки. Транс-единое соединяет два полюса: само-единое и много-единое. В контексте экзистенциального проектирования транс-единое возникает как «результат нахождения точки соединения экзистенциальных и трансцендентных начал в бытии человека», представляя момент «сжатия» многих образов будущего в единый синтетический образ, который актуализируется в присутствии и протупает в постбытии [20, с. 86–87]. В концепции ученого этико-эстетическое превращает спонтанные возможности в ответственные проекты, требующие нравственного выбора личности, тем самым, стабилизируя ее.

Патологические проявления «нормальной аномии», представляющие серьезную уязвимость для сохранения гуманизма в человеческих отношениях фиксирует С.А. Кравченко, определяя принципиально важный сдвиг: если в традиционных обществах смыслогенерирующие институты (семья, школа, религия) формировали общие моральные нормы, то в сложном социуме возникает «эффект временного дисхроноза» – люди, живущие в одном пространстве, принадлежат к разным темпомирам, а значит, их моральные представления могут быть несовместимы. Ученый предлагает концепцию «нормальной аномии», определяя ее таким образом: это «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [14, с. 8]. В «эре тотальной симуляции» любой текст, попадая в глобальное цифровое пространство, может быть перекодирован, лишен исходного ценностного смысла. Здесь семиотический потенциал этико-эстетических ресурсов проявляется как способность сохранять инвариантность смысла при смене контекстов. Личность, владеющая этим ресурсом, способна не только декодировать сообщения, но и создавать такие формы коммуникации, которые устойчивы к произвольным интерпретациям и несут в себе ценностное содержание.

Триггерные инновации – генная инженерия, нейротехнологии, системы ИИ – способны радикально изменить общество, фиксируют ученые [11]. Биопанк и киберпанк актуализируют этические аспекты получения научных знаний и социально-этические последствия их широкого применения – неограниченные возможности технического прогресса, оказавшись не в тех руках, несут глобальную опасность. Для сохранения гуманного контекста важно контролировать и развивать технологии во благо человека. Это движе-

ние возможно при условии, что в основу настройки цифровых алгоритмов коммуникативного процесса будут заложены «нормативные требования значимости» и традиционные ценности. Требуется реализация комплексной социо-гуманитарной экспертизы, которая на постоянной основе мониторит цели и практики использования ИИ в образовании, соотнося их с ценностными и антропологическими основаниями образования. Цель такой экспертизы, по мнению ученых, должна заключаться в «обеспечении защиты человеческого достоинства, соблюдении и защите прав субъекта, чьи интересы затрагивает конкретный проект систем ИИ» [6]. Призыв ученых к гуманитарной экспертизе на всех этапах технологического цикла – есть практическое воплощение идеи этико-эстетической стабилизации современной коммуникативной модели.

Вопросы становления личности и раскрытия ее творческого потенциала выступают целевыми задачами культурной политики России, которую О.Н. Астафьева определяет как «концептуально оформленную систему ценностно-смысловых ориентиров, целей и приоритетов», которая «скрепляет образ бытийности людей в определенных территориальных границах» [5, с. 18]. В этом определении этико-эстетический каркас выступает как онтологическая скрепа, в основе которой традиционный и инновационный аспекты, отвечающие ориентации общества на ценности российской культуры и цивилизационные коды. Именно эти идеи, будучи этико-эстетическими по своей природе, становятся стабилизаторами, предотвращающими деградацию культурной среды в условиях «текущей современности» и нарастающих рисков.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось сформировать многомерную картину разнообразного понимания этико-эстетического – как фундаментальной основы для сохранения субъектности человека в информационно-коммуникативной среде перед лицом технологических вызовов. В этом контексте этико-эстетические ресурсы выступают ключевым стабилизирующим фактором в процессе становления личности, объединяя в себе следующие взаимосвязанные элементы, которые мы предлагаем закрепить в следующих понятиях:

1. Ценностно-смысловой каркас – система задающая направленность и позволяющая сохранять устойчивость в условиях неопределенности.
2. Полицелостность – динамическое равновесие культурного многообразия, традиций и инноваций.
3. Различение и осознание реального и виртуального.
4. Когнитивная устойчивость – сохранение хрупких человеческих качеств.

5. Творческое понимание в духе «открытой» рациональности, вне жестких нормированных алгоритмов.

6. Цифровая аскеза и проактивная адаптация – как сознательное самоограничение.

7. Диалог и кооперация – «мышление вместе-со-сложностью».

8. Удержание качественного, несводимого к количественному в образовании, культуре, оценке технологий.

9. Ответственность и парресия.

10. Институционализация – нормативное закрепление этических принципов.

Стабилизирующая функция этих ресурсов заключается в том, что они сохраняют субъектность человека, задают ценностную вертикаль, обеспечивают границы между человеком и машиной, реальным и виртуальным, создают пространство для диалога и позволяют сохранять «хрупкое» – то, что составляет суть человеческого и не подлежит алгоритмическому исчислению.

Литература

1. Гусейнов, А.А. Культура и нравственность // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – С. 221–223.
2. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат. 1991. – 496 с.
3. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер.с англ. А.Д. Литвиненко. – М.: Прогресс. – 1988. – 464 с.
4. Мамардашвили, М. Обязательность формы / Как я понимаю философию. С. 54–56, 85. Выступление на «Круглом столе» по теме «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР». Опубликовано в: «ВФ». М., 1976, № 12, С. 134–137.
5. Гусейнов, А.А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 4–17.
6. Астафьева, О.Н. Динамика «полицелостности» современной культуры: инновационные практики взаимодействия // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – 2011.
7. Лисенкова, А.А. Информационная культура как фактор трансформации идентификационной парадигмы // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2.
8. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России. Компетентность и безопасность: монография / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет психологии. – Москва: Смысл, 2017. – 374 с.
9. Симонова, С.А., Иванов, Ю.А., Назаров, Ю.Н., Булычев, И.И. Этико-эстетический синтез в контексте современной культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 87–91.
10. Ковальчук, М.В. Глава Курчатковского института сравнил интернет с «цифровым ГУЛАГом». 2019. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт РИА Новости. – 2019. – URL: <https://ria.ru/20190626/1555944676.html> (дата обращения: 25.01.2026).
11. Астафьева, О.Н. Сетевая культура научных сообществ: самоорганизация интерактивных коммуникаций в интернет-среде / О.Н. Астафьева // Международный журнал исследований культуры. – 2024. – № 2. – С. 38–57.
12. Кутырев, В. А., Резник, Ю.М. Человек-PR О. Версии «расширенного» человека: за и против, Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23. № 3. С. 130–143.
13. Фролова М.И. Хрупкость жизни в условиях новой реальности // Человек. – 2023. – Т. 34, № 1. – С. 173–181.
14. Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностью» // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 53–74.
15. Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 27–52.
16. Киберпанк и Биопанк: к какому технологическому будущему мы стремимся? [Электронный ресурс]. // Сайт Национального центра «Россия». – 2024. – URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberpank-i-biopank-k-kakomu-technologiceskomu-budushhemu-my-stremimsia> (дата обращения: 15.11.2025).
17. Кириллова, Н.Б. Модификация эстетико-семиотической структуры экранной культуры: исторический контекст // Вестник ВГИК. – 2023. – С. 84–95.
18. Кравченко, С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.
19. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
20. Резник Ю.М. Человек как экзистенциальный проект / Личность. Культура. Общество. – 2015. – № 3–4 (87–88). – С. 74–90.
21. Розин В.М. Может ли искусственный интеллект подчинить человека? // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 7–26.
22. Тульчинский, Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. – 2023. – Т. 34, № 3. – С. 73–92.

23. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. Издательство «Мысль». – 1991. – 160 с.
24. Брызгалина Е.В., Шкомова Е.М. Социально-гуманитарная экспертиза систем искусственного интеллекта в образовании: обоснование, сущность, рекомендации по проведению // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2023. – № 2.
25. Астафьева О.Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 17–28.

COMMUNICATIVE PRACTICES FOR ACHIEVING PERSONAL INTEGRITY: ETHICAL AND AESTHETIC RESOURCES

Shadieva O.P.

Russian presidential academy of national economy and public administration, Institute-Wide Events at the Russian Federal Nuclear Center-VNIEF

The article is devoted to the study of philosophical reflection on ethical and aesthetic resources in the communicative practices of digital modernity, which are considered as an ontological foundation for achieving personal integrity. The author explores the evolution of ideas related to ethics and aesthetics. The object of the study is communicative practices in a society of a new quality, analyzed through the lens of the post-non-classical paradigm of philosophy. The subject is ethical and aesthetic resources as a tool for preserving humanity in the new reality. The aim of the article is to understand their stabilizing role in the process of personality formation in the era of technological transformations. This study shows that turning to ethical and aesthetic resources makes it possible to overcome the reduction of a person to algorithmic parameters, restore the dialogical nature of communication, and create conditions for the genuine formation of a modern personality. The scientific significance of the study lies in the fact that ethical and aesthetic resources are viewed as system-forming activity-based mechanisms for the synthesis of meaning and the stabilization of the personality in conditions of semiotic uncertainty.

The methodological foundation of the study is an information-semiotic approach aimed at analyzing the generation of meaning and the interpretation of sign systems in the digital environment. The synergistic approach allows us to view communicative practices as open, nonlinear, and self-organizing systems. The ethical approach, in conjunction with the aesthetic dimension, acquires decisive importance in the assessment of communicative models and sets the value-based guidelines and normative foundations for interaction. The structural-functional approach makes it possible to identify the stabilizing role of ethical-aesthetic resources in conditions of semiotic uncertainty.

Keywords: personality; communicative practices; post-nonclassical paradigm; semiotic uncertainty; stabilization; formation; technologies; ethical and aesthetic resources; integrity.

References

1. Gusejnov, A.A. [Culture and Morality] // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2014. – S. 221–223 (In Russian).
2. Kropotkin P.A. [Ethics: Selected Works]. – M.: Politizdat. 1991. – 496 s (In Russian).
3. Gibson, Dzh. [An Ecological Approach to Visual Perception / Translated from English by A.D. Litvinenko]. – M.: Progress. – 1988. – 464 s (In Russian).
4. Mamardashvili, M. [The Obligatoriness of Form] / Kak ya ponimayu filosofiyu. S. 54–56, 85. Vystuplenie na «Kruglom stole» po teme «Vzaimodejstvie nauki i iskusstva v usloviyakh NTR». Opublikovano v: «VF». M., 1976, № 12, S. 134–137 (In Russian).

5. Gusejnov, A.A. [Morality as the Limit of Rationality] // Voprosy filosofii. – 2012. – № 5. – S. 4–17 (In Russian).
6. Astaf'eva, O.N. [Dynamics of 'Polyintegrality' in Contemporary Culture: Innovative Practices of Interaction] // Sinergeticheskaya paradigma. «Sinergetika innovatsionnoj slozhnosti». – 2011 (In Russian).
7. Lisenkova, A. A. [Information Culture as a Factor in the Transformation of Identification Paradigm] // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – 2017. – № 2 (In Russian).
8. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik T.A. [Digital Generation of Russia. Competence and Security: Monograph] / G.U. Soldatova, E.I. Rasskazova, T.A. Nestik; Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, Fakul'tet psikhologii. – Moskva: Smysl, 2017. – 374 s (In Russian).
9. Simonova, S.A., Ivanov, Yu.A., Nazarov, Yu.N., Bulychev, I.I. [Ethical-Aesthetic Synthesis in the Context of Contemporary Culture] // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. – 2018. – T. 2, № 3. – S. 87–91 (In Russian).
10. Koval'chuk, M.V. [Head of Kurchatov Institute Compared the Internet to a 'Digital GULAG'. 2019]. [Elektronnyj resurs]. // Ofitsial'nyj sayt RIA Novosti. – 2019. – URL: <https://ria.ru/20190626/1555944676.html> (data obrashcheniya: 25.01.2026) (In Russian).
11. Astaf'eva, O.N. [Network Culture of Scientific Communities: Self-Organization of Interactive Communications in the Internet Environment] / O.N. Astaf'eva // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. – 2024. – № 2. – S. 38–57 (In Russian).
12. Kutyrev, V. A., Reznik, Yu. M. [Human-PR O. Versions of the 'Extended' Human: Pros and Cons, Personality. Culture. Society. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 130–143] (In Russian).
13. Frolova M. I. [Fragility of Life in the Conditions of New Reality] // Chelovek. – 2023. – T. 34, № 1. – S. 173–181 (In Russian).
14. Arshinov V.I., Yanukovich M.F. [The Problem of the Technosubject in the Optics of Thinking 'Together-with-Complexity'] // Filosofskie nauki. – 2024. – T. 67, № 3. – S. 53–74 (In Russian).
15. Budanov V.G. [Technosubject and Anthroposocial Problems of Interaction with Artificial Intelligence: Synergy, Demarcation, New Rationality, Risks] // Filosofskie nauki. – 2024. – T. 67, № 3. – S. 27–52 (In Russian).
16. [Cyberpunk and Biopunk: Toward What Technological Future Are We Striving?] [Elektronnyj resurs]. // Sayt Natsional'nogo tsentra «Rossiya». – 2024. – URL: <https://future24.russia.ru/program/kiberpank-i-biopank-k-kakomu-technologiceskomu-budushhemu-my-stremimsia> (data obrashcheniya: 15.11.2025) (In Russian).
17. Kirillova, N.B. [Modification of the Aesthetic-Semiotic Structure of Screen Culture: Historical Context] // Vestnik VGIK. – 2023. – S. 84–95 (In Russian).
18. [Kravchenko, S.A. 'Normal Anomie': Contours of a Concept] / S.A. Kravchenko // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2014. – № 8. – S. 3–10 (In Russian).
19. Latur, B. [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory] / per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshaj shkoly ekonomiki, 2014. – 384 s (In Russian).
20. Reznik Yu.M. [Human as an Existential Project] / Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2015. – № 3–4 (87–88). – S. 74–90 (In Russian).
21. Rozin V.M. [Can Artificial Intelligence Subjugate Humanity?] // Filosofskie nauki. – 2024. – T. 67, № 3. – S. 7–26 (In Russian).
22. Tufchinskij, G.L. [Meaning, Subjectivity and Responsibility in Digital Communications] // Chelovek. – 2023. – T. 34, № 3. – S. 73–92 (In Russian).
23. Abul'khanova-Slavskaya, K.A. [Strategy of Life. Mysl' Publishers]. – 1991. – 160 s (In Russian).
24. Bryzgalina E.V., Shkomova E.M. [Socio-Humanitarian Expertise of Artificial Intelligence Systems in Education: Justification, Essence, and Recommendations for Implementation] // Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya. – 2023. – № 2 (In Russian).
25. Astaf'eva O.N. [Cultural Policy of Russia: Project Vector of the Creative Sector] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2024. – № 12. – S. 17–28 (In Russian).

Феномен пограничной ситуации: философско-антропологическая экспликация бытия воина между жизнью и смертью

Шипов Константин Александрович,

аспирант Института философии, Луганский государственный университет им. В. Даля
E-mail: shpak1495@mail.ru

В статье осуществляется философско-антропологический анализ феномена пограничной ситуации на примере предельного экзистенциального типа – военного человека. Опираясь на концепции К. Ясперса, М. Хайдеггера, Э. Юнгера, Э. Левинаса и отечественной религиозной философии, автор исследует онтологический статус воина, чье бытие сущностно определяется балансом между жизнью и смертью. Раскрывается специфика телесности, феноменологии боли и этического парадокса применения насилия. Особое внимание уделяется трансформации пограничной ситуации в условиях современных технологических войн, где традиционный экзистенциальный риск подменяется дистанцированным управлением, что порождает новые формы моральной травмы. Доказывается, что воинская антропология выступает не частным случаем, а универсальным зеркалом, в котором предельно обнажаются базовые структуры человеческого бытия: свобода, ответственность, жертва и поиск смысла перед лицом небытия.

Ключевые слова: философская антропология, пограничная ситуация, экзистенциал, воин, телесность, онтология смерти, этика насилия, феноменология боли, технологическая война, кенозис.

Введение

Возвращение в глобальное публичное пространство феномена войны, который во второй половине XX века казался вытесненным на периферию цивилизационного развития, вызвало кризис классических гуманистических парадигм и стимулирует глубокую рефлексию современной философской антропологии. Фигура военного человека в условиях нарастающей экзистенциальной нестабильности перестает быть исключительно объектом социологического или психологического анализа, а приобретает статус фундаментальной антропологической проблемы. Воин представляет собой уникальный лиминальный тип личности, чье повседневное бытие искусственно и насильственно помещено в пространство, где абстрактные философские категории обретают предельную онтологическую плотность.

Целью данной статьи является философско-антропологическое разъяснение бытия воина через призму концепта «пограничной ситуации». Мы исходим из гипотезы, что военный человек не просто «оказывается» в пограничной ситуации эпизодически, но сама структура его профессионального и экзистенциального бытия воина конструируется вокруг перманентного пребывания на грани между жизнью и смертью, созиданием и разрушением, высшей жертвой и абсолютным грехом. Для достижения этой цели необходимо деконструировать классические экзистенциальные описания пограничных ситуаций, проанализировать феноменологию воинской телесности и боли, а также исследовать этическую бездну, возникающую при столкновении с Другим в условиях вооруженного конфликта.

Концептуализация пограничной ситуации: от универсализма к воинской антропологии

Понятие «пограничной ситуации» (Grenzsituation) было введено в философский дискурс Карлом Ясперсом и обозначает те фундаментальные условия человеческого существования, которые невозможно изменить, обойти или рационализировать. К числу таких ситуаций Ясперс относил смерть, страдание, борьбу и вину [16, с. 145]. Для обычного человека, погруженного в заботы повседневности, эти экзистенциалы скрыты завесой социальных конвенций и рутины. Однако бытие воина радикально отличается тем, что все четыре ясперсовские по-

граничные ситуации сливаются для него в единый, неразрывный и перманентный поток опыта.

Во-первых, ситуация борьбы для воина перестает быть метафорой конкуренции или интеллектуального спора, а обретает буквальное, физическое измерение столкновения воли и тел. Во-вторых, страдание и боль из случайных медицинских или психологических инцидентов превращаются в системный фактор профессиональной деятельности. В-третьих, проблема вины принимает характер личной трагедии: даже действуя в рамках правового поля и устава, воин неизбежно берет на себя бремя онтологической вины за прерывание чужих жизней и разрушение миров. Наконец, смерть перестает быть отдаленным биологическим финалом, становясь постоянной, осязаемой тенью, определяющей каждое тактическое и стратегическое решение.

Мартин Хайдеггер в труде «Бытие и время» развивает тему конечности человеческого бытия через концепт «бытия-к-смерти» (Sein-zum-Tode). По Хайдеггеру, подлинное (аутентичное) существование (Dasein) возможно лишь при условии осознания собственной конечности, что вырывает человека из диктатуры безликого «Ман» (Das Man) – усредненного общественного мнения [12, с. 248]. В мирное время человек избегает мысли о смерти, маскирует ее эвфемизмами и перекладывает заботу о ней на институты медицины и похоронных бюро. Воин же, будучи в зоне боевых действий, лишен этой экзистенциальной привилегии. Смерть здесь не абстракция, а конкретная вероятность следующего мгновения. Это насильственное вырывание из иллюзии бессмертия порождает специфическое состояние экзистенциального прозрения, которое Эрнст Юнгер в своих фронтовых дневниках описывал как «мобилизацию внутреннего человека» [15, с. 112]. В пространстве траншеи социальные маски срываются, и человек предстает перед самим собой в своей обнаженной сущности, где трусость и мужество, предательство и жертвенность перестают быть моральными абстракциями, становясь вопросами физического выживания и сохранения человеческого облика.

Таким образом, пограничная ситуация воина – это не просто внешний контекст, в который он помещен, но онтологический каркас его субъектности. Именно в момент предельного напряжения воля к жизни парадоксально вступает во взаимодействие с готовностью к самопожертвованию, формирует уникальный антропологический сплав, не имеющий аналогов в гражданских профессиях.

Телесность и боль: феноменология разрушения мира

Философско-антропологический анализ невозможен без обращения к проблеме телесности. В классической философии сознания от Декарта до Гус-

серля тело часто рассматривалось как вторичный объект, сосуд для разума или инструмент интенциональности. Однако феноменология Мерло-Понти и современные исследования телесности доказывают, что тело является нашим первичным способом бытия-в-мире [7, с. 88]. Для воина тело становится одновременно субъектом восприятия, инструментом воздействия на реальность и уязвимой плотью, способной к разрушению.

Элейн Скарри в фундаментальном исследовании «Тело в боли» демонстрирует, что физическая боль обладает уникальной способностью разрушать язык и мир человека. Боль не имеет объекта, она не направлена на что-то внешнее, она замкнута на саму себя, сужая сознание страдающего до размеров его собственного разрушающегося тела [9, с. 45]. В условиях боя воин сталкивается с болью в ее предельных, индустриальных масштабах. Артиллерийские обстрелы, осколочные ранения, ожоги – все это превращает человеческое тело в объект насильственной деконструкции.

Однако антропология воина содержит в себе механизм сопротивления этой деструкции. Э. Юнгер описывал феномен «второго сознания», или «хладнокровия», которое возникает у солдата под шквальным огнем. Это состояние не является отсутствием страха, но представляет собой особую форму стоической концентрации, где тело дисциплинируется волей до такой степени, что способно функционировать вопреки инстинкту самосохранения [15, с. 201]. Эта дисциплина плоти сближает воинскую практику с аскетическими традициями. Подобно тому как монах через умерщвление плоти и пост стремится к духовной свободе, воин через преодоление физического страха, холода, голода и боли утверждает примат духа и долга над биологическим детерминизмом.

Более того, телесность воина неразрывно связана с феноменом «фронтового братства». Жан-Поль Сартр, анализируя условия войны, отмечал, что именно перед лицом общей смерти и физических лишений возникает подлинная форма солидарности, лишенная лицемерия буржуазного общества [8, с. 415]. Тела солдат, делящие один окоп, одну пайку и одну опасность, образуют единый экзистенциальный организм. Эта телесная сопричастность становится важнейшим смыслопорождающим фактором и позволяет переносить невыносимые условия бытия. Смерть товарища переживается не просто как утрата близкого человека, но как ампутация части собственного экзистенциального пространства, что порождает глубочайшие формы коллективной и индивидуальной травмы.

Этическая бездна: проблема другого и трагизм жертвы

Если проблема смерти и боли касается онтологии самого воина, то проблема применения насилия

затрагивает этико-антропологическое измерение его бытия, ставя его перед лицом Другого. Эммануэль Левинас постулировал, что этика начинается с встречи с «Лицом» Другого, которое обращает ко мне безмолвный императив: «не убий» [6, с. 112]. Лицо Другого обнажает его уязвимость и одновременно возвышается надо мной, налагая на меня бесконечную ответственность.

Бытие воина зиждется на чудовищном парадоксе: для того чтобы защитить Лицо ближнего (своего соотечественника, своей семьи, своей культуры), он обязан уничтожить Лицо врага. В момент прицеливания и выстрела воин вынужден совершить акт онтологической глухоты к этическому призыву Другого. Он должен дегуманизировать противника, превратить его из «Лица» в «цель», в «объект», чтобы сохранить собственную психику от немедленного распада. Этот механизм психологической защиты, детально описанный военной психологией, с философской точки зрения представляет собой глубокий экзистенциальный разрыв.

На наш взгляд, понятие «дегуманизация противника» должно соответствовать православной христианской традиции. Кого Воин видит в прицеле: Человека, Зверя, Беса?

Западные методы поддержания морально-психологического уровня личного состава дегуманизируют противника до уровня Зверя, когда война становится охотой.

Русская религиозная философия, в частности Иван Александрин Ильин, предложила уникальную концепцию «сопротивления злу силой», которая позволяет осмыслить этот трагический парадокс не как моральное падение, а как форму духовного подвига и кенозиса (самоистощания) [4, с. 85]. Ильин настаивает на том, что отказ от применения силы перед лицом абсолютного зла, угрожающего невинным, является не святостью, а моральным предательством и потворством злу. Воин, берущий в руки оружие, осознает, что убийство остается объективным грехом и нарушением онтологической гармонии мира. Однако он добровольно принимает на себя тяжесть этого греха, жертвуя чистотой собственной души ради спасения других.

В этом контексте *воинское служение обретает черты христологического кенозиса*. Воин не ищет славы или наслаждения властью над жизнью и смертью; его идеал — это трагическая необходимость, бремя, которое он несет с «содроганием и трепетом» (по С. Кьеркегору) [5, с. 142]. Именно это внутреннее содрогание, сохранение способности к состраданию и осознание трагизма происходящего отличают воина-защитника от маньяка или наемного убийцы. Прошедший ужасы концлагерей Виктор Франкл доказал, что человек способен вынести любые страдания, если в них есть смысл [11, с. 98]. Для воина смыслом, оправдывающим

пребывание в этической бездне насилия, является любовь к защищаемым и жертвенное служение высшим ценностям культуры. Когда этот смысл утрачивается или подменяется ложными идеологиями, пограничная ситуация регрессирует в цинизм, садизм и тяжелые формы моральной травмы (moral injury).

Технологическая мутация: кризис пограничной ситуации в эпоху дронов

Философско-антропологический анализ был бы неполным без учета радикальных трансформаций, которые претерпевает феномен войны в XXI веке.

Поль Вирильо в своей концепции «дромологии» указывал на то, что история войн — это история ускорения, где технология стремится к преодолению пространства и времени [3, с. 65].

Следует выделить четыре уровня взаимодействия Воина и Другого, которые вопреки увеличению дистанции средств поражения современной войны не утратили актуальности сегодня.

Во-первых, Другой в прицеле Воина в ходе стрелкового боя. Противник упал — он стал жертвой моего огня или кого-то еще?

Во-вторых, Другой в прицеле Воина-снайпера на большой дистанции. Гибель противника интерпретируется однозначно, как результат моего выстрела.

В-третьих, современные технологические сдвиги, в первую очередь появление беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), высокоточного оружия и систем искусственного интеллекта, ставят под вопрос саму возможность классической пограничной ситуации, преобразуют ее сущностные характеристики.

Французский философ Грегуар Шамо в «Теории дрона» подвергает жесткой критике идею «чистой» и «гуманной» дистанционной войны [14, с. 45]. Оператор БПЛА, находящийся за тысячи километров от зоны конфликта, в кондиционированном контейнере, физически не подвергается риску смерти. Хайдеггеровское «бытие-к-смерти» для него симулируется: он видит смерть на экране монитора, но его собственное тело остается в безопасности. Это порождает фундаментальную асимметрию риска. Враг на земле находится в абсолютной пограничной ситуации, тогда как оператор пребывает в состоянии, которое Жан Бодрийяр назвал «гиперреальностью» войны [2, с. 112]. Убийство превращается в интерфейс, напоминающий видеоигру, где этический императив Левинаса блокируется пикселизацией Лица.

Кроме того, делегирование решений об применении силы алгоритмам и системам машинного зрения ставит ребром вопрос об ответственности. Если классический воин нес личную экзистенциальную ответственность за свой выстрел, то в сетевой, кибернетической войне ответственность

размывается по узлам сети. Человек становится придатком системы, «функционером» апокалипсиса, что, по мысли Ханны Арендт [13, с. 317, 324], порождает «банальность зла» в новых, технологических масштабах. Таким образом, вызов для современной философской антропологии заключается в поиске новых форм этической рефлексии и смыслопорождения для человека, который убивает на расстоянии, оставаясь при этом уязвимым для экзистенциального отчаяния и утраты собственной субъектности.

Означает ли это исчезновение пограничной ситуации для современного технологического воина? Отнюдь нет. Она мутирует, перемещаясь из сферы физической опасности в сферу глубокого психологического и экзистенциального отчуждения. Феномен «моральной травмы» у операторов дронов принимает специфические формы. Отсутствие физического риска не освобождает от онтологической вины; напротив, всевидящее око камеры, позволяющее часами наблюдать за повседневной жизнью цели до момента ее уничтожения, порождает интимную, вуайеристскую связь с жертвой, что приводит к тяжелым когнитивным диссонансам.

При этом противники ведут настоящую охоту за операторами БПЛА и высокоточного оружия, и отсутствие физического риска во многом иллюзорно. Обнаруженный «современный технологический» Противник в момент удара по нему оказывается беззащитен и беспомощен. А удар по нашему «современному технологическому» Воину может восприниматься, как Кара Небесная, что усиливает когнитивный диссонанс.

В-четвертых, реалии современной войны на большой дистанции не исключают неожиданного столкновения штурмовых групп, когда Воину приходится вступать в рукопашную схватку с врагом, в том числе с использованием холодного оружия. Православный Воин должен быть готов и уверен в Христианской правоте своих действий.

Заключение

Проведенный философско-антропологический анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов относительно природы военного человека и феномена пограничной ситуации. Во-первых, воинская антропология не является маргинальным или сугубо прикладным разделом знания; она выступает предельным случаем, обнажающим базовые структуры человеческого бытия. В ситуации, где цивилизационные наслоения и социальные контракты срываются огнем артиллерии, человек остается один на один с экзистенциалами смерти, боли, вины и ответственности.

Во-вторых, бытие воина между жизнью и смертью характеризуется трагическим парадоксом: необходимость разрушения Другого ради защиты

Ближнего. Разрешение этого парадокса в рамках православной и широкой христианской культуры возможно лишь через концепт кенозиса – жертвенного принятия на себя онтологической тяжести насилия. Именно эта духовная основа превращает ремесло убийства в служение, спасая личность от моральной деградации.

В-третьих, технологическая эволюция warfare не отменяет пограничную ситуацию, но радикально трансформирует ее. Дистанцирование от физической опасности не устраняет риска духовной и психологической деструкции, требуя от современного общества и философской мысли разработки новых этических парадигм, способных защитить человеческое в человеке в условиях тотальной технологической опосредованности насилия.

Таким образом, **осмысление фигуры воина остается важнейшей задачей философской культуры**, поскольку именно в его судьбе с предельной ясностью проступает хрупкость человеческого мира и непреходящая ценность смыслов, за которые человек готов отдать свою конечную жизнь.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. – Москва: Постум, 2015. – 240 с.
3. Вирильо П. Информационная бомба / П. Вирильо; пер. с фр. – Москва: Праксис, 2004. – 208 с.
4. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой / И.А. Ильин. – Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002. – 224 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.
6. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас; пер. с фр. – Минск: Пропилеи, 2000. – 256 с.
7. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2001. – 352 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. – Москва: Республика, 2000. – 639 с.
9. Скарри Э. Тело в боли / Э. Скарри; пер. с англ. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 432 с.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 846 с.
11. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл; пер. с нем. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 224 с.

12. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
13. Ханна Арент. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арент; пер. с англ. – М: Европа, 2008. – 437 с.
14. Шамо Г. Теория дрона / Г. Шамо; пер. с фр. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 208 с.
15. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер; пер. с нем. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2000. – 382 с.
16. Ясперс К. Разум и экзистенция / К. Ясперс; пер. с нем. – Москва: Республика, 1993. – 247 с.

**THE PHENOMENON OF THE BORDER SITUATION:
PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL
EXPLICATION OF THE WARRIOR-S BEING BETWEEN
LIFE AND DEATH**

Shipov K.A.

Lugansk State University named after V. Dahl

The article provides a philosophical and anthropological analysis of the phenomenon of the border situation using the example of the ultimate existential type, the military man. Drawing on the concepts of K. Jaspers, M. Heidegger, E. Jünger, E. Levinas, and Russian religious philosophy, the author explores the ontological status of the warrior, whose existence is fundamentally defined by the balance between life and death. The article delves into the specifics of corporeality, the phenomenology of pain, and the ethical paradox of the use of violence. Special attention is paid to the transformation of the borderline situation in the context of modern technological wars, where the traditional existential risk is replaced by remote control, which gives rise to new forms of moral trauma. It is argued that military anthropology is not a special case, but rather a universal mirror that reveals the fundamental structures of human existence: freedom, responsibility, sacrifice, and the search for meaning in the face of non-existence.

Keywords: philosophical anthropology, borderline situation, existential, warrior, corporeality, ontology of death, ethics of violence, phenomenology of pain, technological war, kenosis.

References

1. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity / N.A. Berdyaev. – Moscow: Pravda, 1989. – 607 p.
2. Baudrillard J. Simulacra and simulations / J. Baudrillard; translated from French, Moscow: Postum, 2015, 240 p.
3. Virillo P. The information bomb / P. Virillo; translated from French – Moscow: Praxis, 2004. – 208 p.
4. Ilyin I.A. On resistance to evil by force / I.A. Ilyin. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Theological Institute, 2002. 224 p.
5. Kierkegaard S. Fear and trepidation / S. Kierkegaard; translated from the dates. Moscow: Republika Publ., 1993. 383 p.
6. Levinas E. Time and the Other. The humanism of another person / E. Levinas; translated from French – Minsk: Propylaea, 2000. 256 p.
7. Mamardashvili M.K. Cartesian reflections / M.K. Mamardashvili. Saint Petersburg: ABC Classics, 2001. 352 p.
8. Sartre J.-P. Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology / J.-P. Sartre; translated from French – Moscow: Republic, 2000. – 639 p.
9. Skarri E. The body in pain / E. Skarri; translated from English – Moscow: New Literary Review, 2021. – 432 p.
10. Florensky P.A. The Pillar and the affirmation of Truth / P.A. Florensky. – Moscow: Pravda, 1990. – 846 p.
11. Frankl V. To say «Yes to life!»: a psychologist in a concentration camp / V. Frankl; translated from German. – St. Petersburg: Peter, 2020. – 224 p.
12. Heidegger M. Being and time / M. Heidegger; translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p.
13. Hannah Arendt. The banality of evil. Eichmann in Jerusalem / H. Arendt; translated from English – Moscow: Europa, 2008. – 437 p.
14. Shamo G. Theory of the drone / G. Shamo; translated from French – Moscow: Adam Press, 2016. – 208 p.
15. Junger E. In steel thunderstorms / E. Junger; translated from German. – St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2000. – 382 p.
16. Jaspers K. Reason and existence / K. Jaspers; translated from German. Moscow: Republika Publ., 1993. 247 p.

В рамках эстетического воспитания: реконструкция и практическое исследование курса аккордеона в вузах

Ван Ин,

доцент Музыкального института Синьцзянского педагогического университета
E-mail: 67413508@qq.com

В новую эпоху образовательная политика в области эстетического воспитания четко определяет фундаментальные образовательные цели – «воспитание через прекрасное, просвещение через культуру», что способствует всесторонней трансформации музыкального образования в вузах от простой тренировки навыков к воспитанию всесторонней эстетической культуры. Традиционные вузовские курсы аккордеона долгое время страдают от таких недостатков, как акцент на технике в ущерб общей культуре, акцент на сольном исполнительстве в ущерб коллективному музицированию, акцент на аудиторных занятиях в ущерб практической деятельности; модель подготовки кадров не соответствует требованиям эстетического воспитания в новую эпоху. Исходя из этого, данная статья, опираясь на концепцию эстетического воспитания, преодолевает техноцентричное мышление традиционного инструментального обучения игре на аккордеоне, исследуя новую систему воспитания через реконструкцию содержания курса, коллективное эстетическое воспитание в оркестре и практику эстетического воспитания в сельской местности на основе взаимодействия вуза и общества. Благодаря преподаванию разнообразных произведений укрепляется эстетическая культура студентов; благодаря регулярным оркестровым занятиям развиваются навыки сотрудничества; благодаря социально-практической деятельности реализуется ценность эстетического воспитания. Формируется новая модель аккордеонного эстетического воспитания «аудиторная подготовка – сценическое совершенствование – социальное применение», которая служит практическим ориентиром для реформы клавишных эстетических курсов в вузах и высококачественного развития художественного образования.

Ключевые слова: Эстетическое воспитание; аккордеон в вузах; реконструкция курса; музыкальное образование; практика эстетического воспитания

Введение

С 2020 года государство активно продвигает реформу и развитие эстетического воспитания в школах, четко требуя, чтобы художественное образование в вузах выходило за рамки простой передачи навыков, фокусируясь на всестороннем развитии эстетического восприятия, художественного самовыражения, культурного понимания и общей культуры студентов. Аккордеон, как классический клавишный инструмент, обладающий как национальными, так и интернациональными чертами, сочетающий сольное и ансамблевое исполнительство, является одним из основных курсов в системе музыкального и клавишного образования вузов и обладает значительным потенциалом для эстетического воспитания.

Долгое время преподавание аккордеона в большинстве вузов было привязано к традиционной модели обучения: цели курса определялись повышением исполнительского мастерства, содержание было однообразным, учебная среда ограничивалась аудиторией, а спектр воспитательного воздействия был узким. Учебный процесс чрезмерно акцентировал механическую тренировку аппликатуры, ритма и техники, пренебрегая развитием музыкального понимания, художественной интерпретации, командной работы и способности к социально-эстетическому служению студентов. Это приводило к тому, что студенты «умели только играть, но не понимали прекрасного; умели только солировать, но не сотрудничать; умели только учиться мастерству, но не передавать красоту», что не соответствовало потребностям комплексного эстетического воспитания в новую эпоху.

В новой эпохе, характеризующейся всеохватным, непрерывным и всеобщим эстетическим воспитанием, вузовский курс аккордеона должен срочно осуществить переход от обучения навыкам к воспитанию через эстетику. Основываясь на практическом опыте преподавания аккордеона в вузах и руководствуясь ключевыми задачами эстетического воспитания, данная статья реконструирует учебную систему курса аккордеона, интегрируя три образовательные среды: аудиторные занятия, оркестровую подготовку и социальную практику, чтобы достичь конечной цели эстетического воспитания – «облагораживания души, пробуждения ума и воспитания личности через красоту», способствуя инновационному и высококачественному

Статья выполнена при поддержке проекта: «Исследование и практика модели подготовки выдающихся музыкальных кадров в вузах на основе ИИ» (грант № XJGXJGPTB-2025056).

ственному развитию аккордеонного образования в вузах.

Ключевые аспекты реконструкции курса аккордеона в вузах в контексте эстетического воспитания

Традиционный курс аккордеона был нацелен на оттачивание исполнительской техники и повышение уровня сольных выступлений, критерии оценки были сфокусированы на беглости игры и технической безупречности, что по сути представляло собой инструменталистскую, скилловую модель обучения. В контексте же эстетического воспитания основная воспитательная концепция курса претерпевает кардинальное изменение: игра на инструменте перестает быть самоцелью, а искусство аккордеона становится средством эстетического воспитания.

Курс основывается на фундаментальной задаче воспитания нравственной личности, ставит в центр эстетическое образование, через музыкальное обучение обогащает внутренний мир студентов, формирует эстетический вкус и повышает гуманитарную культуру. В учебном процессе сочетаются техническая тренировка, эстетическое развитие, культурное обогащение и формирование способностей; отказываясь от механических, повторяющихся упражнений, делается акцент на развитии у студентов способности воспринимать музыкальную красоту, понимать культурный контекст и выражать художественные эмоции. Это обеспечивает всесторонний рост художественных способностей, психологической устойчивости, навыков сотрудничества и гуманитарной культуры студентов, реализуя ключевой принцип эстетического воспитания – «воспитывать личность, а не только навык».

В соответствии с требованиями всеохватного эстетического воспитания, предлагаемая реконструкция курса преодолевает рамки единой аудиторного обучения, создавая новую трехкомпонентную учебную систему, включающую базовые аудиторские занятия, профессиональную оркестровую подготовку и социально-эстетическую практику. Эти три компонента взаимосвязаны и дополняют друг друга: аудиторные занятия закладывают профессиональный фундамент, решая проблему «уметь играть и понимать музыку»; оркестровая подготовка повышает общий художественный уровень, решая проблему «уметь сотрудничать и выражать себя»; социальная практика обеспечивает реализацию эстетических ценностей, решая проблему «передавать культуру и облагораживать общество». Вместе они формируют замкнутую систему эстетического воспитания, значительно расширяя воспитательное измерение и педагогическую ценность курса аккордеона.

Практические пути реконструкции системы курса аккордеона в вузах в контексте эстетического воспитания

Совершенствование аудиторного обучения: реконструкция многообразного содержания для укрепления эстетического восприятия и исполнительских навыков

Аудиторные занятия являются главной ареной эстетического воспитания. Данная статья предлагает всестороннюю оптимизацию и обновление традиционного однородного содержания курса, создавая стереоскопическую учебную модель «базовые навыки + многообразные произведения + эстетическая интерпретация». Во-первых, совершенствуется базовая система обучения. Сохраняются ключевые элементы: аппликатура, ритмика, клавишная техника, что гарантирует прочный профессиональный фундамент, необходимый для художественного самовыражения. При этом механические упражнения заменяются эстетически-ориентированным подходом, позволяющим студентам в процессе тренировки воспринимать музыкальную ритмику и чувствовать красоту ритма.

Во-вторых, создается система обучения на основе разнообразного репертуара. Преодолевается ограниченность единого репертуара, систематически вводятся два крупных учебных модуля: китайская и зарубежная классика. Отбираются характерные произведения для аккордеона различных стилей, жанров и эпох, включая народные обработки, традиционные классические произведения, современные инновационные сочинения, зарубежную классику и фольклор. Систематическое изучение произведений разных стилей расширяет эстетический кругозор студентов, позволяет им овладеть ритмическими особенностями, эмоциональным содержанием и художественными стилями различных музыкальных направлений.

В-третьих, усиливается работа по интерпретации произведений и художественному исполнению. В обучении акцент смещается с «сыграть правильно и чисто» на глубокое постижение культурного контекста, идейного содержания и эмоционального замысла произведений. Студенты тренируются адаптировать динамику и эмоциональную выразительность в соответствии со стилем произведения, что развивает их музыкальное понимание, способность к художественной интерпретации и сценическое мастерство. Это позволяет студентам одновременно совершенствовать «технику, мастерство и эстетику», превращаясь из простых исполнителей в мыслящих, эстетически развитых и выразительных носителей искусства.

Эстетическое воспитание подчеркивает практическую и опытную природу художественной деятельности; сценическая практика и коллективное

музыцирование являются неотъемлемыми компонентами инструментального эстетического воспитания. Создание профессионального вузовского аккордеонного оркестра и организация регулярных, систематических и профессиональных оркестровых занятий позволяет восполнить недостатки традиционной модели индивидуального обучения, способствуя продвинутому развитию эстетической культуры.

Регулярные репетиции и концертная деятельность оркестра коренным образом меняют модель обучения, ориентированную на сольное исполнительство, акцентируя развитие слухового восприятия, навыков командной работы, способности к адаптации в коллективе и сценического самоконтроля. В процессе игры в ансамбле или оркестре студенты должны точно контролировать ритм, динамику и эмоциональный посыл своей партии, постоянно следя за общим звучанием и активно подстраиваясь под общий темп исполнения. В ходе совместных репетиций воспитываются такие качества, как сосредоточенность, терпимость, сотрудничество и взаимопомощь.

Одновременно ставится цель создания оркестра международного уровня, для чего разрабатываются стандартизированные системы репетиций, концертной деятельности и аттестации. Регулярные репетиции, внутривузовские и внешние концерты, участие в профессиональных конкурсах предоставляют студентам разнообразную сценическую практику, помогая накапливать опыт, укреплять психологическую устойчивость и преодолевать ограничения аудиторного обучения. В процессе коллективного художественного творчества значительно возрастают чувство коллективной ответственности, художественная уверенность и творческий потенциал студентов. Происходит переход от «индивидуального мастерства» к «коллективному эстетическому воспитанию», что существенно обогащает эстетическое содержание курса аккордеона.

Конечная ценность эстетического воспитания заключается в практической реализации, служении обществу и просвещении народа. Реконструкция курса выходит за рамки аудиторной работы, опираясь на механизмы сотрудничества вуза с предприятиями и взаимодействия с местными властями, переносит эстетическое воспитание на основе аккордеона в сельские районы, создавая практический курс «искусство во благо села, эстетика на благо народа», реализующий двойную ценность: эстетическое воспитание для возрождения села и культурное просвещение широких масс.

Вуз в полной мере использует преимущества профессиональных художественно-образовательных ресурсов, организуя выезды преподавателей и студентов-аккордеонистов в сельские районы для проведения регулярных концертов,

просветительских мероприятий и эстетической помощи. Интеграция сценических выступлений, художественного просвещения, инструментальной пропаганды и культурной деятельности в сельскую социальную практику, с одной стороны, предоставляет студентам внешнюю практическую платформу, позволяя им выходить из вуза в общество, совершенствовать профессиональные навыки, накапливать практический опыт и реализовывать миссию эстетического воспитания в реальных условиях; с другой стороны, аккордеонное искусство служит средством распространения высокой музыкальной культуры, обогащения духовной жизни сельских жителей и предоставления качественных художественных ресурсов в регионы с недостаточно развитым эстетическим воспитанием.

Эта модель интеграции «аудиторного обучения и социального служения» выводит преподавание аккордеона за рамки внутривузовской подготовки навыков, реализуя многоаспектную ценность: эстетическое воздействие, культурное наследие и социальное развитие. В процессе служения обществу и распространения искусства студенты углубляют понимание миссии эстетического воспитания, укрепляют культурную уверенность и художественную ответственность, воплощая конечную цель эстетического воспитания: «воспитание через красоту, облагораживание через красоту, возрождение села через красоту».

Результаты и ценность реконструкции курса

Реконструированный курс аккордеона полностью преодолевает недостатки техноцентричной модели обучения, обеспечивая синхронное развитие профессиональных навыков, эстетической культуры и общих компетенций студентов. В профессиональном плане студенты обладают прочной исполнительской базой, разнообразным репертуаром и зрелыми интерпретаторскими способностями; в культурном плане благодаря оркестровой подготовке у них формируются навыки сотрудничества, умение слушать и командный дух; в личностном плане социальная практика воспитывает чувство ответственности. Это способствует двустороннему росту художественных способностей и гуманитарной культуры, подготавливая специалистов музыкального образования, отвечающих требованиям эстетического воспитания новой эпохи.

Предложенная реконструкция формирует целостную педагогическую систему «аудиторная подготовка, оркестровое совершенствование, практическая реализация», обогащая содержание, образовательную среду и воспитательное измерение вузовского курса аккордеона, решая проблемы фрагментарности, однообразия и утилитаризма традиционного инструментального обучения. Данная работа представляет собой воспроиз-

водимую и практически применимую модель для инновационного развития клавишных и инструментальных эстетических курсов в вузах, способствуя системному переходу музыкального образования от скилловой подготовки к эстетическому воспитанию.

Курс, включающий практику эстетического воспитания в сельской местности, открывает канал связи между вузовским и социальным эстетическим воспитанием. Это не только способствует сохранению и популяризации аккордеонного искусства, обогащает ресурсы эстетического воспитания на местах и поддерживает культурное возрождение села, но и реализует функцию вузовского искусства в служении обществу, обеспечивает равный доступ к эстетическим ресурсам, демонстрируя социальную ценность и культурную миссию художественного образования в вузах новой эпохи.

Заключение

В условиях реформы эстетического воспитания в новую эпоху вузовский курс аккордеона должен неотложно следовать тенденциям развития эстетического воспитания, преодолевая косные стереотипы традиционного обучения навыкам и придерживаясь ключевой цели воспитания через красоту и формирование нравственной личности. Данная статья через три основных направления – реконструкцию многообразного содержания курса, коллективное эстетическое воспитание в оркестре и практику эстетического воспитания в сельской местности на основе взаимодействия вуза и региона – создает всестороннюю, многоуровневую и стереоскопическую систему аккордеонного эстетического воспитания.

Новая система не только укрепляет профессиональные исполнительские навыки и музыкально-эстетические способности студентов, но и развивает навыки командной работы и социально-практические компетенции, одновременно реализуя двойную ценность: распространение художественной культуры и социальное воздействие эстетического воспитания, что полностью соответствует требованиям всеохватного эстетического воспитания. В будущем аккордеонное эстетическое образование в вузах будет продолжать оптимизировать модель курса, обогащать практические формы и углублять содержание эстетического воспитания, постоянно исследуя новые пути глубокой интеграции художественного образования с эстетическим воспитанием, культурным наследием и социальным служением, чтобы внести постоянный вклад в высококачественное развитие эстетического воспитания в вузах и подготовку кадров искусства новой эпохи.

Литература

2. Министерство образования. Мнение об усилении и совершенствовании школьного эстетического воспитания в новую эпоху [Z]. 2020.
3. Ван Яохуа. Реформа курсов музыкального эстетического воспитания в вузах новой эпохи и пути воспитания личности [J]. Китайское музыкальное образование, 2022(03):12–18.
4. Ли Цзюань. Реконструкция системы инструментальных курсов в вузах и практическое исследование в контексте эстетического воспитания [J]. Художественное образование, 2023(05):89–92.
5. Чжан Хун. Анализ путей коллективного эстетического воспитания в обучении аккордеонному ансамблю [J]. Современная музыка, 2024(02):102–104.
6. Лю Ян. Исследование практики эстетического воспитания в сельской местности силами художественных специальностей вузов в контексте взаимодействия города и села [J]. Исследования профессионального образования, 2023(08):77–81.

WITHIN THE FRAMEWORK OF AESTHETIC EDUCATION: RECONSTRUCTION AND PRACTICAL RESEARCH OF THE UNIVERSITY ACCORDION COURSE¹

Wang Ying

Music Institute, Xinjiang Normal University

In the new era, the educational policy on aesthetic education clearly defines the fundamental educational goals—»educating through the beautiful and enlightening through culture»—which promotes a comprehensive transformation of university music education from mere skill training to the cultivation of holistic aesthetic culture. Traditional university accordion courses have long suffered from shortcomings such as overemphasizing technique at the expense of overall cultural literacy, prioritizing solo performance over collective music-making, and focusing on classroom instruction while neglecting practical activities; the talent cultivation model thus fails to meet the requirements of aesthetic education in the new era. On this basis, this article, grounded in the concept of aesthetic education, overcomes the technocentric thinking of traditional instrumental accordion teaching and explores a new educational system through the reconstruction of course content, collective aesthetic education in orchestras, and the practice of aesthetic education in rural areas through university–community collaboration. Through the teaching of diverse repertoire, students' aesthetic competence is strengthened; through regular orchestral training, collaborative skills are developed; and through socially engaged practical activities, the value of aesthetic education is realized. A new model of accordion aesthetic education—»classroom training – stage enhancement – social application»—is thus formed, serving as a practical reference for the reform of university keyboard aesthetic courses and the high-quality development of arts education.

Keywords: Aesthetic education; university accordion; course reconstruction; music education; practice of aesthetic education

¹ This article was supported by the project: «Research and Practice on the Training Model of Outstanding Musical Talents in Universities Based on AI» (Grant No. XJGXJGPTB-2025056).

References

1. Ministry of Education. Opinions on Strengthening and Improving School Aesthetic Education in the New Era [Z]. 2020.
2. Wang Yaohua. Reform of Music Aesthetic Education Courses in Universities of the New Era and Paths of Personality Cultivation [J]. Chinese Music Education, 2022(03):12–18.
3. Li Juan. Reconstruction of Instrumental Course Systems in Universities and Practical Research in the Context of Aesthetic Education [J]. Art Education, 2023(05):89–92.
4. Zhang Hong. Analysis of Paths of Collective Aesthetic Education in Accordion Ensemble Teaching [J]. Contemporary Music, 2024(02):102–104.
5. Liu Yang. Research on the Practice of Aesthetic Education in Rural Areas by Arts Majors in Universities in the Context of Urban–Rural Interaction [J]. Vocational Education Research, 2023(08):77–81.

Эстетика образа фортепиано в музыке Тан Дуна

Ван Сюаньли,
аспирант, ВЛГУ

В статье исследуется эстетическая трактовка образа фортепиано в творчестве современного китайско-американского композитора Тан Дуна. Цель исследования состоит в выявлении основных направлений переосмысления традиционного образа инструмента в контексте транскультурной музыкальной практики. Материалом послужили произведения Тан Дуна разных периодов, созданные для фортепиано или с его участием; применены герменевтический, типологический, сравнительный и музыковедческий методы анализа. Установлено, что композитор по-разному трактует рояль и пианино: рояль сохраняет центральное положение в сценическом и звуковом пространстве, одновременно становясь объектом тембровых и исполнительских экспериментов, тогда как пианино в мультимедийных проектах переосмысливается как материальный и визуальный арт-объект. Выделены три основные грани трансформации образа фортепиано: его пространственная репрезентация, использование нетрадиционных способов звукоизвлечения и превращение инструмента в объект визуального искусства. Делается вывод о формировании у Тан Дуна транскультурной эстетики фортепиано, объединяющей европейскую инструментальную традицию, китайский художественный опыт и принципы современного синтетического искусства.

Ключевые слова: Тан Дун, фортепиано, рояль, транскультурность, музыкальная эстетика.

Введение

Творчество Тан Дуна занимает особое место в современной музыкальной культуре, поскольку в нём последовательно осуществляется переосмысление границ между различными национальными традициями, видами искусства и способами организации звукового пространства. Одним из наиболее показательных аспектов этого процесса является трактовка фортепиано. Европейский по происхождению инструмент в сочинениях композитора не только сохраняет традиционные функции солирующего и ансамблевого инструмента, но и приобретает новые тембровые, пространственные, символические и визуальные значения. Тан Дун обращается как к концертному роялю, исследуя его акустический и конструктивный потенциал, так и к пианино, которое в ряде художественных проектов перестаёт быть исключительно музыкальным инструментом и превращается в самостоятельный арт-объект.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления тех изменений, которые происходят с традиционным образом фортепиано в современной транскультурной музыкальной практике. Несмотря на значительное внимание исследователей к стилю Тан Дуна, его обращению к китайской традиционной культуре, авангардным техникам и мультимедийным формам, эстетика фортепиано в его творчестве требует специального рассмотрения как целостное явление. Особый интерес представляет то, каким образом композитор преобразует сложившиеся в европейской культуре представления о рояле и пианино, соединяя традиционные исполнительские функции инструмента с новыми способами звукоизвлечения, сценического позиционирования и визуально-пластической репрезентации.

Цель статьи – выявить основные особенности эстетической трактовки образа фортепиано в творчестве Тан Дуна. Для достижения поставленной цели рассматривается соотношение рояля и пианино в разные периоды творчества композитора, анализируется пространственное положение рояля в концертных сочинениях, характеризуются нетрадиционные способы игры на инструменте, а также исследуется превращение пианино в арт-объект в мультимедийных проектах Тан Дуна. Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении фортепиано не только как источника музыкального звучания, но и как пространственного, материального и символического элемента художественного мира компози-

тора. Такой подход позволяет проследить переход от традиционного понимания фортепиано как европейского музыкального инструмента к его транскультурной и синтетической интерпретации в современном искусстве.

Материалы и методы исследования

Материал исследования составили сочинения Тан Дуна разных периодов, написанные для фортепиано или с участием фортепиано. Также в качестве материалов использовались современные научные публикации, затрагивающие заявленную тему. В основе методологии исследования лежит герменевтический метод, также применены методы типологического, сравнительного и музыковедческого анализа.

Результаты и обсуждение

В творческом портфеле современного китайско-американского композитора Тан Дуна (譚盾, р. 1957) фортепианная музыка занимает видное место. Его перу принадлежат сочинения для фортепиано со solo и для фортепиано с оркестром, а также немало сочинений, в которых фортепиано, будучи не единственным солистом, играет одну из ведущих ролей. Используя новые приёмы игры, а также наделяя европейский инструмент новыми драматургическими значениями (сюжетно персонализируя его), Тан Дун трактует фортепиано по-новому. Однако, отношение композитора к двум разновидностям инструмента – роялю и пианино – кардинально различается. Обладающий величественными пропорциями и сложными конструктивными особенностями *рояль* привлекает внимание Тан Дуна как композитора-экспериментатора, ищущего новые звуковые возможности. Иное отношение сложилось у Тан Дуна к *пианино*. Музыкант пытается переосмыслить саму конструкцию данного инструмента. Так или иначе, в художественном мире Тан Дуна обе разновидности фортепиано наделяются новой символикой и транскультурными смыслами. Китайско-американский композитор раскрывает три новые грани образа известного несколько столетий европейского инструмента:

- расположение в художественном пространстве;
- новые способы игры;
- превращение в арт-объект.

Прежде, чем исследовать этот аспект фортепианного творчества Тан Дуна, напомним традиционный образный ряд, связанный с роялем и фортепиано.

Название «рояль» впервые было применено к клавишину работы немецкого мастера И. Вагнера, созданному в 1774 году. Вскоре это название распространилось на струнно-молоточковый инструмент, а именно – на концертную (горизонтальную) разновидность фортепиано. Величественный внешний вид, совершенство конструкции, тембро-

вое богатство, сила звука и возможность заменить собой целый оркестр – всё это навсегда закрепило за концертным фортепиано название «рояль». Уместно привести поэтический образ М. Цветаевой: «Громовыми руладами рвётся рояль, разрывая июньскую ночь» [9, 410].

В эпоху романтизма королевский статус инструмента окончательно утвердился на филармонической сцене. В XIX веке конструкция рояля была доработана для концертной практики, в результате чего его выразительный диапазон, и без того широкий, расширился ещё больше. Способный воплощать в звуках контрастные эмоции и сложные философские идеи, рояль стал главным транслятором эстетики музыкального романтизма. В этом качестве он потеснил с лидирующих концертных позиций скрипку, безраздельно царствовавшую на сцене со времён барокко. «Дитя барокко, подрасток в классическую эпоху, прошедший бурную романтическую юность и достигший вершины в шопеновско-листовском пианизме, инструмент получил полное право называть себя рояль – королевский» [11, 62].

В первой половине XX века звуковой образ рояля развивался в двух противоположных направлениях. С одной стороны, искания К. Дебюсси и М. Равеля привели к дальнейшему расширению темброво-красочной палитры рояля, начатому в музыке романтиков XIX века. Другое направление было инспирировано появлением джаза. В игру на рояле впервые вошли *нелегальные* и *беспедальные* приёмы игры, восходящие к традициям африканского и афро-американского музицирования. Пианистами джаза инструмент ещё не трактуется как исключительно ударный, однако, в игре на нём актуализируется ударное начало. Параллельно джазу, но совершенно самостоятельно, ударная манера игры на фортепиано развивалась в творчестве модернистов – прежде всего, Б. Бартока и С. Прокофьева.

За последние три столетия для солирующего рояля было написано огромное количество сочинений – разных по стилистике, диапазону воплощаемых эмоций и технической сложности. Но при всех преобразованиях фортепианной техники и накопившихся различиях в трактовке инструмента, *исключительный статус рояля* сохранился до сегодняшнего дня. Это подтверждается его расположением на сцене. Даже в тех случаях, когда рояль используется в ансамбле или оркестре, он, в силу своих габаритов, не заслоняется другими инструментами. Звучание рояля в коллективе любого масштаба распознаётся так же легко, как и его очертания на сцене. Возможность приоткрыть или полностью открыть крышку, усиливая и без того мощную звуковую волну, наделяет рояль уникальными динамическими возможностями. Он по-прежнему символизирует вдохновение и творчество, мощь и развитие, полёт и утончённость.

Пианино, как известно, появилось почти на столетие позже рояля. Значительно уступая роялю в динамических и тембровых возможностях, оно всё же заняло уникальное место в камерном пространстве. В небольших концертных залах и музыкальных салонах пианино полностью заменило рояль, а в домашнем обиходе обрело новые символические значения – уюта, художественного вкуса и материального достатка. Как и рояль, оно прошло в XX веке этап авангардных экспериментов, но и сегодня сохраняет ведущее драматургическое значение в большинстве ансамблей.

Как же Тан Дун открывает новые грани образа фортепиано? Чтобы ответить на этот вопрос, уточним вначале, на какую разновидность инструмента (рояль или пианино) рассчитывает композитор в своих сочинениях. Написанные в Китае в первый период творчества (1978–1985) фортепианные циклы «Восемь воспоминаний в акварели» и «Дневник ребёнка» отличает камерность, выраженная в простоте, а нередко и лаконизме фактурных решений. Этим сочинениям не свойственна концертность, что позволяет предположить: *в начале своего пути как фортепианного композитора Тан Дун сочинял для пианино*. Это наблюдение подтверждается внешними обстоятельствами. Оба цикла были написаны вскоре после поступления музыканта в 1977 году в Центральную консерваторию. В то время крупнейший музыкальный ВУЗ Китая только начал восстанавливать привычный формат работы, нарушенный Культурной революцией. В таких условиях студенту 1 курса Тан Дуну пианино было гораздо доступнее, чем рояль.

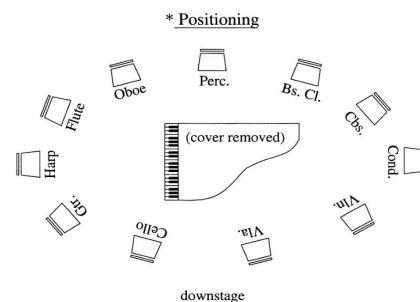
С переездом в 1986 году в Нью-Йорк начался второй период (1986–2000) творчества Тан Дуна. Композитор целиком сосредоточился на рояле, трактуя его в духе авангардистов старшего поколения как звучащее физическое тело. В пьесе «С-А-Г-Е» извлечь всё многообразие обертонов, предписанных нотным текстом, возможно только на струнах рояля. В примечании к «Концерту для фортепиано-пиццикато и десяти инструментов» композитор высказался вполне конкретно: «Это произведение написано для концертного рояля «Стэйнвей» (модель В). При использовании другого фортепиано исполнителю придется самостоятельно отметить изменения октав для внутренних пиццикатных нот» [5]. Таким образом, Тан Дун рассчитывает на рояль с определёнными тембровыми характеристиками, допуская, впрочем, использование иных роялей. Стилистически сочинения второго периода напоминают музицирование на китайском традиционном инструменте гучжэн. В свою очередь, гучжэн – это инструмент с горизонтальным расположением струн, и поэтому для воссоздания манеры игры на нём и специфики звучания подходит именно рояль, а не пианино.

В третий период (XXI век) Тан Дун пишет только для рояля, о чём свидетельствуют многочис-

ленные видеозаписи. Опираясь в современных творческих исканиях на жанровую модель инструментального концерта, композитор сочиняет масштабные композиции, в которых роялю отводится главная или одна из главных ролей. Для мультимедийных проектов Тан Дуна, сочетающих живое фортепианное звучание с трансляцией кинофрагментов на широком экране, также наиболее подходит рояль. Укрупнение масштаба фортепианного творчества китайско-американского композитора сделало выбор разновидности фортепиано однозначным.

Сочиняя исключительно для рояля, Тан Дун в начале XXI века вернулся к работе с пианино как с «физическим телом». Воскрешая в памяти опыт фортепианного обучения в консерватории, композитор разобрал несколько старых пианино и создал из них ряд художественных инсталляций. Таким образом, области применения рояля и пианино Тан Дуном пересекаются, но не совпадают. Жанрово-стилевая эволюция его сочинений в большей степени связана с роялем как *музыкальным инструментом*, а внимание как к *объекту материальной культуры* направлено, в основном, на пианино.

Оригинальное расположение концертного рояля на сцене – первая из новых граней его образа, раскрытых китайско-американским композитором. В большинстве случаев Тан Дун подчёркивает «королевский» статус инструмента. Например, в «Концерте для фортепиано-пиццикато и десяти инструментов» автор предписывает всем ансамблистам расположиться вокруг рояля, а солисту – стоять лицом к дирижёру (см. рис. 1) [5].

* All players are to stand facing the piano during the entire piece. The soloist should face the conductor.

Рис. 1.

В концерте «Прощай, моя наложница» рояль, подобно оперному солисту располагается на авансцене, рядом с солисткой пекинской оперы (см. рис. 2) [4].

В тех случаях, если концерт написан для нескольких солистов, Тан Дун именно рояль выдвигает на передний план. Так происходит в концерте для трёх солистов и оркестра «Тройное воскрешение» (см. рис. 3) [7].

Таким образом, рояль сохраняет центральное пространственное положение в сочинениях Тан

Дуна не зависимо от их жанрово-стилевой принадлежности.

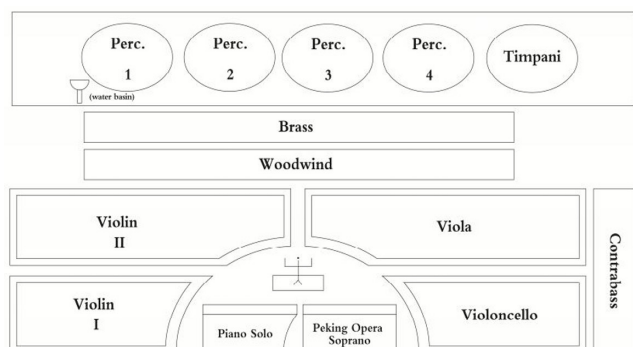

Рис. 2.

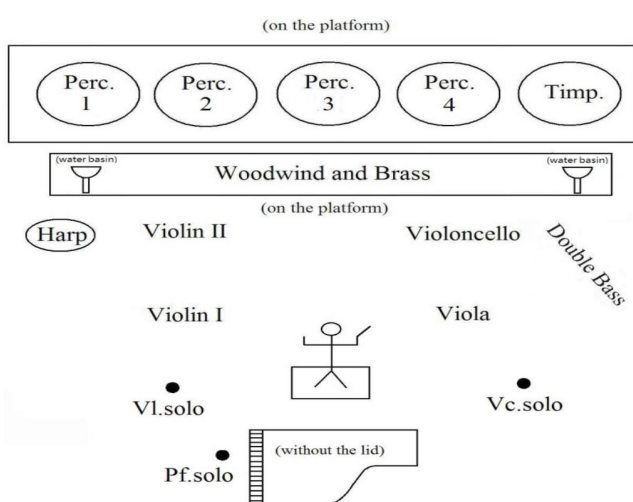

Рис. 3.

Новые способы игры. Как и в европейской романтической традиции, рояль в музыке современного китайско-американского композитора – главный выразитель творческой идеи, источник образных контрастов и темброво-фактурных открытий. Варианты трактовки рояля Тан Дуном как струнного и ударного инструмента выражаются в *нетрадиционных приёмах пальцевой игры пианиста* – снаружи (на клавиатуре) и внутри (на струнах инструмента). Наряду с этим, предписывается *играть на рояле предметами* (колотушкой большого барабана, деревянной палочкой и т.п.). Ещё больше сближая рояль с ударным инструментом, Тан Дун, с одной стороны, следует исканиям современных композиторов, в том числе, китайских. С другой стороны, он находит собственные художественные решения, тем самым раскрывая новую грань образа фортепиано. Охарактеризуем авторские находки Тан Дуна в контексте композиторских исканий своего времени.

Экспериментальное направление китайской музыки, связанное с поиском новых тембровых возможностей фортепиано зародилось в середине 1980-х годов. В качестве основоположника направления Чэнь Шуюнь называет профессора Синхай-

ской консерватории Цао Гуанпина (曹光平) [10, 141]. В его пьесе «Нюйва» (1985) для фортепиано и пары гонгов использовано множество предметов для игры по фортепианным струнам: ластик, пластиковая и металлическая линейки, палочка от цимбал, мягкий молоток для гонга и т.п. В стремлении извлечь из рояля максимальное количество тембров композитор представил своего рода «антологию» авангардных приёмов, по-видимому, оказавших влияние на творческие поиски его последователей. Однако Цао Гуанпин был не единственным первопроходцем. В том же 1985 году молодой композитор Тан Дун написал пьесу «Из даосизма» для голоса, бас-кларнета и контрафагота в сопровождении оркестра. В примечании к партии пианиста композитор указал: «Для удара по струнам g1 – a1 – es2 – f2 требуется колотушка от большого барабана. Для пиццикато требуется пластиковый предмет» [3]. Тан Дун следовал идее воссоздания даосского похоронного ритуала с помощью западных инструментов. Он писал: «Я использовал и инструменты, и голос, чтобы нарушить искусственный закон, согласно которому музыка должна состоять из тональных и атональных гамм. Я хотел исследовать звук во многих измерениях: микротональном, плавающем среди частот и расширяющихся тембров, подобно тому, как каллиграфические чернила растекаются по рисовой бумаге» [6]. Важное отличие двух новаторов состояло в разной природе посетившей их сходной творческой идеи. Если Цао Гуанпин в композиции «Нюйва» апеллировал к образам общеизвестной древней мифологии, то Тан Дун воскрешал сугубо личные воспоминания. Он писал: «Этот даосский ритуал вернул мне звуки, движения, духовные вибрации из моего детства, забытые за долгие годы, которые я посвятил изучению западной музыки» [6]. Этой же идее воссоздания звуковой атмосферы традиционного ритуала соответствовало использование Тан Дуном предметов – колотушки и пластиковой линейки – для «игры» на рояле.

Третья грань образа фортепиано (на это раз – пианино) раскрывается китайско-американским композитором в ходе **трактовки музыкального инструмента как арт-объекта**. В 2005 году Тан Дун представил в Шанхайской художественной галерее свою первую мультимедийную выставку «Визуальная музыка» (Visual Music). На ней музыкальный инструмент был переосмыслен средствами визуальных искусств – фото, видео и инсталляции. Целью выставки стало пробуждение общественного внимания к старым и потому невостребованным пианино, которые сами по себе, по мысли Тан Дуна, могут стать арт-объектами. Идея «Визуальной музыки» возникла после того, как музыкант случайно обнаружил несколько списанных пианино на складе музыкальной школы в Шанхае. От игры сотен людей на клавишах каждого инструмента образовались небольшие глад-

кие вмятины. Тан Дун не стал ремонтировать старые инструменты, а, используя оставшиеся струны и корпус, перепроектировал и собрал их в новом облике – в виде своего рода «визуальных музыкальных скульптур». После успешного дебюта в Шанхае, выставка «Визуальная музыка» экспонировалась в других городах Китая и за границей.

На выставке сложный процесс трансформации пианино был представлен Тан Дуном в виде трёх стадий: *деконструкции* (deconstruction), *реконструкции* (reconstruction) и *воскрешения* (resurrection). На стадии деконструкции инструменты не просто разбирались. Их части, например, дека, или всё пианино выставлялось в виде кучи деталей как арт-объект.

Рис. 4. Деконструированное пианино

Нью-йоркский пресс-релиз выставки, проведённой в 2009–2010 годах, сообщал: «В качестве жестокой прелюдии представлено видео, запечатлевшее разрушение некоторых из них [пианино], не подлежащих восстановлению. Фрагмент фортепианной клавиатуры на стене – немое напоминание о былой славе. Оно контрастирует с пианино, которое пережило потерю защитного корпуса, но сохранило способность издавать звуки благодаря компьютерной инженерии. Сквозь железные прутья доносятся фрагментарные мелодии» [2].

На стадии реконструкции части пианино раскладывались на полу в форме круга. Пространственно напоминая японский сад камней, художественное решение Тан Дуна, очевидно, направлено на поиск духовных и материальных универсалий, объединяющих разные культуры.

На заключительной стадии воскрешения пианино, согласно идее Тан Дуна, обретает разноцветные клавиши. Тем самым, внимание зрителя обращается к главному достоинству фортепиано – богатству звуковых красок. В этом переходе от зрительного впечатления к слуховым воспоминаниям нет ничего сложного, если учесть синтезирующие особенности творческой природы Тан Дуна. По его словам, «для меня нет границ между визуальным и звуковым началом художественного творчества. Они образуют единое, но в то же время замкнутое пространство моего мышления» [1].

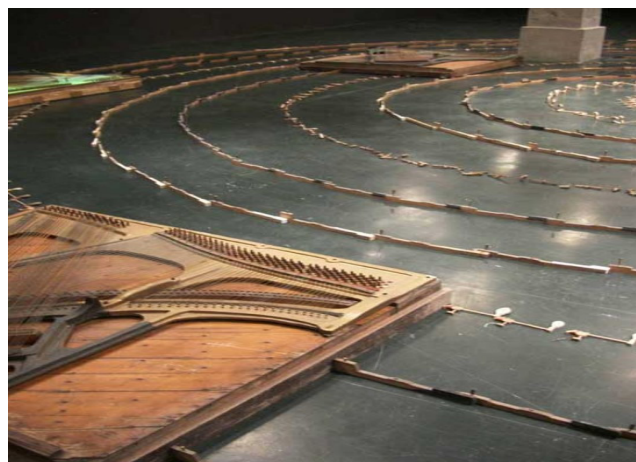

Рис. 5. Реконструированное пианино

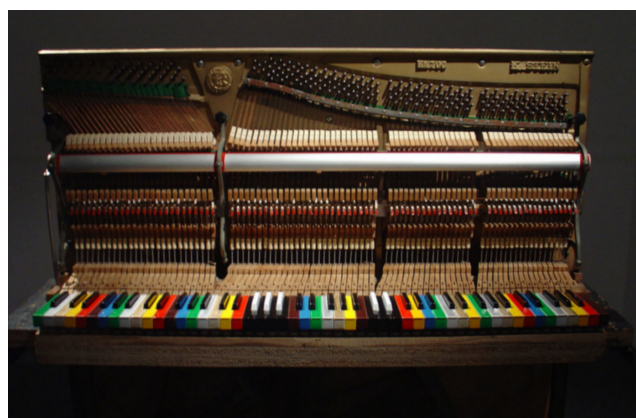

Рис. 6. «Воскрешённое» пианино

Высказывание Тан Дуна позволяет предположить, что понятия «деконструкция» и «реконструкция» отражают некие закономерности творческого процесса. Действительно, в первом десятилетии XXI века (к которому относится организация выставки «Визуальная музыка») композитор деконструировал и реконструировал отнюдь не только старые пианино. Исследователи успешно применяют данную оппозиционную пару к множеству аспектов музыкальных сочинений Тан Дуна. Например, Хоу Таюн, анализируя «Оперу призраков», отмечает деконструкцию Тан Дуном *монистического* (т.е. единоначального) подхода к организации музыки. Музыка реконструируется с помощью *плюралистического* (т.е. множественного) подхода. Композитор, по мысли Хоу Таюн, деконструировал, то есть разрушил множество ограничений: ограничение произведения рамками музыкальных звуков, ограничение автора какой-то одной техникой композиции, жанровые и стилевые ограничения. Реконструкция же основывается на органичном синтезе максимального числа далёких элементов. В результате реконструкции Тан Дун делает музыку частью более масштабного художественного и транскультурного целого. Как пишет Хоу Таюн, «его музыка – уже не узкое музыкальное искусство, а более широкое звуковое искусство».

ство. Это уже не твёрдая приверженность национальному искусству своего народа, а шаг к мировому искусству. Это не просто слуховое искусство, а слияние с визуальным искусством, перформансом и мультимедийным искусством, создание новаторского всеобъемлющего искусства» [8, 48].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что образ фортепиано в творчестве Тан Дуна претерпевает существенную эстетическую трансформацию. Композитор не отказывается от исторически сложившегося высокого статуса рояля, но переосмысливает его средствами современной музыкальной культуры. В его сочинениях рояль сохраняет центральное положение в художественном и сценическом пространстве, одновременно превращаясь в объект тембрового и исполнительского эксперимента. Использование игры непосредственно на струнах, различных видов пиццикато, ударов по элементам корпуса и струн, а также применение посторонних предметов расширяет традиционное представление о фортепиано и сближает его со струнными и ударными инструментами. При этом подобные приёмы подчинены не только поиску новых звуковых эффектов, но и художественным задачам композитора, связанным с воссозданием культурной памяти, ритуальных ассоциаций и специфики традиционного китайского звукового мира.

Не менее значимым результатом творческих поисков Тан Дуна становится изменение самого онтологического статуса инструмента. Если рояль преимущественно остаётся звучащим центром музыкального произведения, то пианино в проектах «Визуальная музыка» и связанных с ними инсталляциях переходит из сферы исполнительского искусства в пространство визуального и мультимедийного искусства. Процессы деконструкции, реконструкции и «воскрешения» старых инструментов превращают пианино в носитель культурной памяти и самостоятельный художественный объект. Таким образом, эстетика фортепиано у Тан Дуна формируется на пересечении звукового, визуального, пространственного и материального начал. Расширяя границы традиционной инструментальной трактовки, композитор создаёт транскультурный образ фортепиано, в котором европейская инструментальная традиция вступает в диалог с китайским художественным опытом, авангардными исполнительскими практиками и принципами современного синтетического искусства.

Литература

1. Визуальная музыка Тан Дуна // Studio International. – URL: <https://www.studiointernational.com/tan-dun-s-visual-music>.

2. Органическая музыка Тан Дуна: Нью-Йорк, 24 октября 2009 г. – 9 января 2010 г.: пресс-релиз // Chambers Fine Art. – URL: <http://www.chambersfineart.com/exhibitions/tan-dun-s-organic-music>.
3. Тан Дун. Из даосизма / Тан Дун. – Нью-Йорк: Дж. Ширмер Инкорпорейтед, 1986. – 27 с.
4. Тан Дун. Концерт для фортепиано и сопрано пекинской оперы «Прощай, моя наложница» – Нью-Йорк: Дж. Ширмер Инкорпорейтед, 2016. – 82 с.
5. Тан Дун. Концерт для фортепиано-пиццикато и десяти инструментов – Нью-Йорк: Дж. Ширмер Инкорпорейтед, 1995. – 61 с.
6. Тан Дун. Программное примечание к пьесе «Из даосизма» (1985) // Wise Music Classical. – URL: <https://www.wisemusicclassical.com/work/33569/On-Taoism-Tan-Dun/>.
7. Тан Дун. Тройное воскрешение – Нью-Йорк: Дж. Ширмер Инкорпорейтед, 2013. – 148 с.
8. Хоу Тайюн. Деконструкция и реконструкция в творчестве Тан Дуна: на примере «Оперы призраков» // Новые голоса музыки: научный вестник Шэньянской консерватории. – 2008. – № 1. – С. 41–48.
9. Цветаева, М.И. Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошёл... // Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Эллис Лак, 1994. – Т. 1: Стихотворения. – 640 с.
10. Чэнь Шуюнь. Фортепианное творчество китайских композиторов XX – начала XXI веков: основные стилевые направления: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – Нижний Новгород, 2020. – 234 с.
11. Щербакова, А.И. Новый звуковой образ фортепиано в художественном пространстве культуры Новейшего времени // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 60–65.

THE AESTHETICS OF THE PIANO IN THE MUSIC OF TAN DUN

Wang Xuanli

Vladimir state university

This article examines the aesthetic interpretation of the piano in the works of the contemporary Chinese-American composer Tan Dun. The study aims to identify the main ways in which the traditional image of the instrument is reinterpreted within transcultural musical practice. The research material includes Tan Dun's works from different creative periods written for or involving the piano; hermeneutic, typological, comparative, and musicological methods are employed. The analysis shows that Tan Dun treats the grand piano and the upright piano differently: the grand piano retains a central position in the stage and sonic space while becoming an object of timbral and performance experimentation, whereas the upright piano is reinterpreted in multimedia projects as a material and visual art object. Three principal dimensions of the transformation of the piano image are identified: spatial representation, unconventional sound-production techniques, and the transformation of the instrument into an object of visual art. The article concludes that Tan Dun develops a transcultural aesthetics of the piano combining the European in-

strumental tradition, Chinese artistic experience, and the principles of contemporary synthetic art.

Keywords: Tan Dun, Piano, Grand Piano, Transculturality, Musical Aesthetics.

References

1. Tan Dun's Visual Music // Studio International. – URL: <https://www.studiointernational.com/tan-dun-s-visual-music>.
2. Tan Dun's Organic Music: New York, October 24, 2009 – January 9, 2010: Press Release // Chambers Fine Art. – URL: <http://www.chambersfineart.com/exhibitions/tan-dun-s-organic-music>.
3. Tan Dun. On Taoism / Tan Dun. – New York: G. Schirmer Inc., 1986. – 27 p.
4. Tan Dun. Concerto for Piano and Peking Opera Soprano "Farewell My Concubine". – New York: G. Schirmer Inc., 2016. – 82 p.
5. Tan Dun. Concerto for Pizzicato Piano and Ten Instruments. – New York: G. Schirmer Inc., 1995. – 61 p.
6. Tan Dun. Programme Note to On Taoism (1985) // Wise Music Classical. – URL: <https://www.wisemusicclassical.com/work/33569/On-Taoism-Tan-Dun/>.
7. Tan Dun. The Triple Resurrection. – New York: G. Schirmer Inc., 2013. – 148 p.
8. Hou Taiyong. Deconstruction and Reconstruction in Tan Dun's Works: The Case of Ghost Opera // New Voices of Music: Scientific Bulletin of the Shenyang Conservatory of Music. – 2008. – No. 1. – P. 41–48.
9. Tsvetaeva, M.I. The Air Smells of Incense. The Rain Has Passed... // Collected Works: in 7 vols. – Moscow: Ellis Lak, 1994. – Vol. 1: Poems. – 640 p.
10. Chen Shuyun. Piano Works of Chinese Composers of the 20th – Early 21st Centuries: Main Stylistic Trends: PhD Dissertation in Art Studies: 17.00.02. – Nizhny Novgorod, 2020. – 234 p.
11. Shcherbakova, A. I. A New Sound Image of the Piano in the Artistic Space of Contemporary Culture // The Value System of Modern Society. – 2012. – No. 22. – P. 60–65.

Субъектность как событие создания дилеммы в условиях блокады

Жуков Андрей Олегович,

научный руководитель, АНО НПО Социальной архитектуры
«Мосты Поколений»

E-mail: backblow@bk.ru

В статье предлагается онтологическая трактовка субъектности как события, возникающего в момент создания институциональной дилеммы для оппонента. В отличие от классических теорий, связывающих субъектность с наличием пространства свободы, автор утверждает, что в условиях тотальной блокады субъектность не является свойством или автономией. Опираясь на переосмысление концепции институциональных ловушек В.М. Полтеровича, автор демонстрирует, что субъективация происходит через четырёхэтапный алгоритм: блокада → создание дефицита → дилемма → событие субъектности. Субъектность понимается не как результат победы, а как акт реконфигурации самого поля взаимодействия, что даёт практический ответ на вопрос о возможности субъекта в условиях несвободы – не только через дух, но и через структуру, – через создание альтернативных институциональных площадок, формирование сред и восстановление баланса.

Ключевые слова: субъектность, субъект-триггер, обратный удар, экстрактивная модель, эндогенная модель, рекрутирование элит.

13 марта 2024 года в интервью журналисту Дмитрию Киселёву Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал мысль, что западные элиты «привыкли столетиями набивать брюхо человеческой плотью, а карманы – деньгами. Но они должны понять, что бал вампиров заканчивается», – добавил Президент [5]. Это высказывание, при всей его метафорической насыщенности, не сводится лишь к публицистическому приёму. Оно фиксирует онтологический диагноз институциональной системы, которая на протяжении столетий функционировала как механизм извлечения ресурсов из периферии в центр, как способ контроля над каналами социальной мобильности и как инструмент подавления горизонтальных связей в пользу вертикальных иерархий. И сегодня мы наблюдаем, что экстрактивная модель вступает в фазу кризиса, и что этот диагноз не был случайным. Сначала пандемия 2020–2022 годов обнажила хрупкость глобальных цепочек и уязвимость систем, построенных на централизации, затем последовали санкции, разрыв логистических, финансовых связей и переход к перманентной конфронтации. Возникла ситуация, которую можно определить как «тотальную институциональную блокаду». И вот в этих условиях встаёт фундаментальный вопрос: как возможна субъектность, когда все привычные каналы действия перекрыты?

Классические теории субъекта – от кантовской автономии разума до сартровской свободы выбора, от фукианского эффекта власти до бодрийеровской констатации «смерти субъекта» – предполагают наличие пространства свободы как данности. Они описывают субъекта-гражданина, действующего в рамках закона, субъекта-героя, делающего выбор, субъекта-эффекта, вписанного в дискурсивные практики, или субъекта-симулякра, растворённого в мире знаков. Однако все эти модели работают в условиях относительной стабильности, где горизонт альтернатив сохраняется. В ситуации же тотальной блокады, когда пространство манёвра сжато до минимума, эти теории оказываются недостаточными. Они не дают инструментов для анализа того, что происходит с субъектом, когда само существование правил игры становится проблемой.

В настоящей работе предлагается иной подход. Субъектность понимается не как свойство, не как автономия и не как эффект властных отношений, а как событие. Событие, возникающее в момент создания институциональной дилеммы для оппонента. Это смещение от субъекта-гражданина

к субъекту-триггеру меняет оптику: вопрос больше не в том, как действовать в рамках существующих правил, а в том, как создать ситуацию, в которой оппонент не может продолжать действовать по-прежнему, не рискуя саморазрушением.

Теоретической рамкой работы служит переосмысление концепции институциональных ловушек В.М. Полтеровича [7]. Дополнительным теоретическим ресурсом выступает теория социального капитала П. Бурдьё [1], используемая для анализа механизмов рекрутирования элит. Цель статьи – показать, что субъектность в условиях блокады обретается не через внутреннее преобразование и не через накопление ресурсов, а через акт создания дилеммы, который реконфигурирует само поле взаимодействия.

Понятие субъектности имеет длительную философскую традицию. Однако большинство классических трактовок объединяет одно общее допущение: наличие пространства свободы. Иммануил Кант исходил из автономии воли и способности субъекта давать себе закон, однако его модель предполагает наличие легитимного порядка, в котором этот закон может быть реализован – порядка, который в условиях блокады перестаёт существовать. Жан-Поль Сартр поместил субъектность в свободу выбора, утверждая, что человек осуждён быть свободным, но сама возможность выбора остаётся у него не проблематизированной: выбор предполагает наличие альтернатив, которые в условиях тотальной блокады полностью заблокированы. Мишель Фуко показал, как властные отношения производят субъекта через дискурсы и практики, однако его субъект-эффект остаётся вписанным в поле власти и не наделён способностью изменять его. Жан Бодрийяр довёл эту линию до логического предела, констатируя исчезновение субъекта в мире симулякров, – и его диагноз точен, но не предлагает выхода. Все четыре модели описывают субъекта в условиях относительной стабильности, где пространство выбора существует. Они дают язык для описания субъекта-гражданина, субъекта-героя, субъекта-эффекта или субъекта-симулякра, но не дают инструментов для анализа ситуации, где единственным способом обретения субъектности становится создание дилеммы для самой системы.

Ключевое отличие предлагаемого подхода заключается в том, что субъектность здесь не связывается с автономией воли или наличием пространства свободы. В условиях тотальной институциональной блокады пространство свободы может быть сжато до нуля, однако это не означает невозможности субъективации. Субъектность возникает не тогда, когда у актора появляется выбор, а тогда, когда он сам создаёт ситуацию выбора для оппонента. До этого момента актор остаётся элементом системы, объектом управления; после – он становится источником новых правил игры. Суб-

ектность в данной работе понимается не как свойство, а как событие – переход от объектного существования к субъектному, осуществляемый через создание институциональной дилеммы.

Теоретической рамкой, позволяющей операционализировать это понимание, служит концепция институциональных ловушек, разработанная В.М. Полтеровичем [7]. Полтерович определил институциональную ловушку как неэффективную норму, которая самоподдерживается через эффекты координации и адаптивные ожидания всех задействованных игроков. В настоящей работе предлагается переосмысление этого концепта: в условиях блокады ловушка перестаёт быть только препятствием и становится онтологическим условием для субъективации. Именно потому, что правила игры зашли в тупик, агент оказывается перед необходимостью создать дилемму и тем самым обрести субъектность.

Дополнительной теоретической опорой служит различие вертикальных и горизонтальных структур. Вертикаль – это система иерархического управления, необходимая для стратегического целеполагания и координации. Горизонталь – это сеть добровольных ассоциаций, доверия и самоорганизации. В онтологическом ключе вертикаль задаёт порядок принуждения, горизонталь – порядок доверия. Оптимальное состояние системы предполагает баланс между ними. Однако в условиях блокады вертикаль абсолютизируется, горизонталь подавляется. Каналы обратной связи блокируются, локальные инициативы игнорируются. Система утрачивает способность к саморегуляции. Именно этот дисбаланс – абсолютизация вертикали и подавление горизонтали – составляет онтологическую основу того, что в политическом дискурсе обозначено как «бал вампиров». Это не просто метафора эксплуатации, а диагноз системного нарушения: ресурсы извлекаются из горизонтальных сетей и перераспределяются через вертикальные каналы, что приводит к блокировке субъектности на всех уровнях.

Из вышесказанного следует, что субъектность в условиях блокады не может быть понята через классические категории автономии или свободы. Она требует иного языка. В настоящей работе предлагается следующее определение: субъектность – это способность сделать действие оппонента невозможным без его последующего саморазрушения. Она начинается не с победы, а с создания дилеммы. Это определение смещает акцент от субъекта-автономии к субъекту-триггеру, создающему новые правила игры. Триггерность означает, что действие направлено не на реализацию собственного проекта в рамках существующих правил, а на создание таких условий, при которых оппонент не может продолжать действовать по-прежнему, не рискуя собственной легитимностью или устойчивостью. Субъект-триггер

действует не в пространстве свободы, а через его создание – исходя из самого факта собственной блокировки.

Обобщая теоретическую рамку, можно выделить алгоритм, который вытекает из предложенного понимания субъектности. Если блокада представляет собой онтологическое условие, а субъектность – событие, возникающее через создание дилеммы, то этот процесс, соответственно, будет разворачиваться в несколько этапов. Первый этап – фиксация блокады: агент осознаёт, что его привычные каналы действия перекрыты, а оппонент контролирует правила игры. Второй этап – создание искусственного дефицита для оппонента: агент находит точку, в которой оппонент уязвим, и наносит удар не по тем сферам, которые блокирует оппонент, а по сферам, наиболее чувствительным для него. Третий этап – формирование институциональной дилеммы: оппонент оказывается перед выбором, где любое решение влечёт за собой значительные издержки и не сулит выигрыша. Четвёртый этап – возникновение субъектности как события: в момент, когда оппонент больше не может действовать по-старому, агент перестаёт быть объектом и становится источником новых правил игры.

Предложенная модель субъективации требует введения дополнительного понятия, фиксирующего специфику действия агента в условиях блокады. Таким понятием выступает «обратный удар» (*backblow*). Под «обратным ударом» в настоящей работе понимается действие агента, которое использует формальные инструменты блокирующей системы против неё самой, создавая для оппонента дилемму, неразрешимую без саморазрушения. «Обратный удар» не является симметричным ответом на агрессию. Его ключевые характеристики: асимметричность (удар наносится по наиболее уязвимой точке оппонента), инструментальность (использование правил оппонента как орудия), дилеммогенность (цель – создание ситуации выбора, где любая альтернатива влечёт издержки) и онтологический результат (реконфигурация самого поля взаимодействия). «Обратный удар» представляет собой способ, посредством которого агент переходит из объектного состояния в субъектное.

Если субъектность действительно возникает как событие через создание дилеммы, то этот алгоритм должен воспроизводиться в различных институциональных контекстах, независимо от их масштаба и сферы. Для проверки этого тезиса обратимся к трём кейсам, принадлежащим к различным сферам – финансовой, социальной и политической. Каждый из них демонстрирует одну и ту же последовательность: исходная блокада, создание дефицита для оппонента, формирование дилеммы и, наконец, возникновение субъектности как события. Различие контекстов и позволяет нам утверждать, что мы имеем дело не со случайным

совпадением тактик, а с универсальным онтологическим принципом.

Первый кейс относится к финансовой сфере. В декабре 2025 года Банк России инициировал судебное разбирательство против бельгийского депозитария Euroclear, требуя взыскания заблокированных средств в рублёвом выражении [3, с. 211–212]. Исходная блокада состояла в заморозке российских активов, что лишало агента доступа к собственным ресурсам. Однако сам факт блокировки создал юридическое основание для обратного действия: иск в рублях переводил спор в плоскость российской юрисдикции, что для Euroclear означало выбор между двумя невыгодными альтернативами. Признание юрисдикции российского суда влекло за собой исполнение обязательств в валюте, курс которой депозитарий не контролировал. Отказ от признания, в свою очередь, создавал репутационные риски и подрывал доверие к Euroclear как к надёжному контрагенту на международных рынках. Субъектность здесь возникла не в момент получения активов обратно, а в момент подачи иска – когда агент перестал быть пассивным держателем заблокированных средств и стал инициатором процесса, навязывающим оппоненту правила игры. Формальный инструмент блокирующей системы был обращён против неё самой: заморозка, которая должна была ослабить агента, превратилась в условие для юридического давления. Этот случай воспроизводит предложенную модель в чистом виде: блокада, создание дефицита (рублёвое требование), дилемма для оппонента и субъектность как событие.

Второй кейс относится к социальной сфере и связан с реализацией проекта, развёрнутого на базе одного из учреждений социальной инфраструктуры в 2024–2025 годах. В исходной конфигурации агент обладал формальным статусом внутри учреждения, позволявшим разворачивать проектную активность, ориентированную на выстраивание горизонтальных связей между различными группами местного сообщества.

По мере реализации проекта возникала плотная сеть горизонтальных взаимодействий, охватывавшая различные группы – педагогических работников, родителей, внешних партнёров, представителей районных структур. Эта сеть создавала альтернативные каналы коммуникации и координативные, которые не дублировали административную вертикаль, а существовали параллельно с ней. Такая конфигурация объективно вступала в противоречие с логикой вертикального управления: горизонтальная самоорганизация снижала зависимость участников от административных решений и порождала центры влияния, не контролируемые локальной вертикалью.

Реакция со стороны институционального руководства была предсказуемой – последовала серия формальных мер, блокирующих дальнейшее

развёртывание проекта и ограничивающих доступ агента к ресурсам учреждения. Однако блокировка не привела к утрате субъектности. Агент перевёл проект на внешнюю организационно-правовую платформу, выведя его за пределы юрисдикции блокирующего института. Это действие представляло собой классический «обратный удар»: формальный статус агента внутри учреждения был использован как основание для создания альтернативной институциональной площадки.

Это действие создало для оппонента дилемму: либо признать новый формат взаимодействия, либо игнорировать его, что означало бы рассогласование координации с вышестоящими структурами. Возник разрыв между уровнями управления: на локальном уровне активность агента подавлялась, на вышестоящих – получала признание. Субъектность наступила в момент, когда агент перестал быть элементом внутренней иерархии и превратился во внешнего актора, с которым блокирующая сторона вынуждена считаться. Этот кейс демонстрирует не только разовую тактику, но и процесс становления новых лидеров, формирующихся не через формальные процедуры, а через включённость в горизонтальные проектные практики.

Третий кейс относится к сфере международных политических отношений и зафиксирован в интервью Президента Российской Федерации от 22 августа 2026 года [6]. Агент – Российская Федерация, оппонент – группа западных государств, инициировавших экономические санкции и военнополитическое давление, противник – киевский режим. Блокада проявилась в форме массированных ударов по гражданской инфраструктуре и публично заявленной цели разрушения российской экономики. Ответные действия агента были направлены на создание избирательного дефицита в наиболее уязвимых отраслях противника – портовой инфраструктуре и сельхозпроизводстве, составляющих основу его экспортных доходов. И последующая формулировка из интервью – «мы всегда готовы к диалогу о мире, но только на основе реалий, складывающихся на земле» – выступает маркером онтологического сдвига [6]. Агент заявляет, что реальность уже изменилась, и любые переговоры должны исходить из этой новой реальности. Дилемма для оппонента сформировалась, когда его попытки выйти из ситуации через посредников были оценены российским руководством как «экзотические и неприемлемые предложения» [6].

Субъектность как событие наступила в момент, когда оппонент перестал быть единственным источником правил игры. До этого агент существовал в системе координат, полностью заданной оппонентом; после создания дилеммы агент стал источником новых правил, которые оппонент вынужден учитывать. Оппонент больше не может

действовать так, как будто агента нет, – он вынужден считаться с его присутствием в пространстве, которое ранее контролировал исключительно сам. Именно в этом переходе от объекта к источнику правил и состоит субъектность как событие.

Три рассмотренных кейса демонстрируют не просто сходство тактик, но и единую онтологическую логику. В каждом из них субъектность возникала не в момент победы или обладания ресурсами, а в момент, когда оппонент оказывался перед дилеммой, неразрешимой без его саморазрушения. Именно это наблюдение требует пересмотра самого понятия субъектности.

В классической традиции – от Канта до Сартра – субъектность мыслится как автономия: способность действовать в рамках существующих правил и выбирать между альтернативами. Однако в условиях тотальной блокады это пространство свободы «схлопывается». Правила игры становятся орудием принуждения, а предлагаемый агенту выбор оказывается фиктивным: подчиниться или исчезнуть. Субъектность в классическом смысле становится невозможной.

Но именно в этой невозможности обнаруживается возможность иного типа субъектности. Если пространство свободы отсутствует, его можно создать заново, переопределив правила и навязав оппоненту новую дилемму. Субъект здесь – не «гражданин» и не «герой», а триггер. Его задача – не выиграть в игре, а сделать так, чтобы оппонент не мог продолжать играть по-прежнему. Это достигается через создание ситуации, в которой любой следующий шаг оппонента – или продолжение блокады, или отступление – влечёт за собой значительные издержки и не сулит выигрыша.

На первом уровне «обратный удар» выступает как способ создания дилеммы через интерпретацию правил оппонента. Агент использует формальные инструменты блокирующей системы против неё самой. В финансовой сфере это проявляется как обращение юридических инструментов оппонента против него самого – иск переводит спор в юрисдикцию агента, создавая для оппонента выбор между признанием новых условий или репутационными потерями. В социальной сфере аналогичная логика работает через использование формального статуса агента внутри блокирующей институции для создания альтернативной площадки, выведенной за пределы юрисдикции оппонента.

На втором уровне «обратный удар» производит онтологический результат – неизбежное присутствие агента в пространстве оппонента, которое реконфигурирует само поле взаимодействия. Агент перестаёт быть внешним фактором, на который оппонент может воздействовать по своему усмотрению, и становится неотъемлемым элементом ситуации, с которым оппонент вынужден считаться. В политической сфере это присутствие

проявилось как новый порядок, который оппонент вынужден признавать, даже если он не принимает его добровольно.

Без первого уровня нет входа в процесс: агент остаётся пассивным объектом блокады. Без второго уровня «обратный удар» остаётся тактическим эпизодом, а не онтологическим сдвигом. Субъектность как событие наступает именно на втором уровне – в тот момент, когда присутствие агента становится фактом, меняющим саму структуру взаимодействия, а не просто разовым ответом на внешнее давление.

Метафорически этот онтологический сдвиг можно описать так. Однажды утром Запад выходит из своей квартиры в подъезд и обнаруживает там Россию. Она не ломает стены и не угрожает – она просто ремонтирует подъезд, предъявляя «наряд на производство работ». Запад не может её игнорировать, потому что она есть. Он не может её выгнать, потому что формально она ничего не нарушает. Но он понимает, что оказался «под колпаком», и любое его действие – от вызова полиции до молчаливого наблюдения – только подтверждает, что правила игры изменились. Субъектность России возникает не в момент удара или победы, а в тот момент, когда Запад просыпается и осознаёт: Россия уже «есть», и он больше не может действовать так, как будто её нет. Через присутствие в пространстве и проявляется субъектность как событие: не победа, не обладание, а неизбежность присутствия, которое переопределяет само взаимодействие.

Из этого следует, что субъектность в условиях блокады не может быть понята как свойство или состояние. Она не накапливается и не распределяется, она *происходит*. Она возникает в области сдвига в тот момент, когда агент перестаёт быть объектом, реагирующим на внешние стимулы, и становится источником правил, навязываемых оппоненту. Субъект-гражданин действует в рамках закона; субъект-триггер создаёт условия, при которых закон больше не может использоваться против него без саморазрушения оппонента. Первый действует в пространстве свободы, второй создаёт это пространство заново – из самого факта собственной блокировки. Это различие имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно показывает, что субъектность в условиях блокады не является привилегией «сильного или богатого». Она доступна любому агенту, способному обнаружить уязвимость системы, контролируемой оппонентом и создать дилемму. В этом смысле «обратный удар» оказывается универсальным принципом, работающим на всех уровнях – от локального института до глобальной политики.

Если субъектность возникает через создание дилеммы, а «обратный удар» представляет собой универсальный принцип, работающий на разных

уровнях, то закономерно возникает вопрос: можно ли выстроить на этой основе не ситуативную реакцию на блокаду, а полноценную институциональную модель, способную к самовоспроизводству?

Для ответа на этот вопрос необходимо различать два типа институциональной динамики.

Экстрактивная модель представляет собой систему, которая извлекает ресурсы из горизонтальных сетей и перераспределяет их через вертикальные каналы. В сфере рекрутирования элит это проявляется как изъятие талантливых индивидов из локальных сообществ и перемещение их в центры, где они включаются в вертикальные структуры. Локальное сообщество при этом теряет не только кадры, но и социальную ткань. Такая модель опирается на доминирование формальных критериев отбора и институционализированных форм культурного капитала (дипломы, сертификаты, статусные позиции) – в ущерб социальному капиталу, укоренённому в доверии и горизонтальных связях [1]. Она воспроизводится через эффекты координации и адаптивные ожидания [7].

Эндогенная модель представляет альтернативу. Она не извлекает ресурсы из локальных сообществ, а производит ресурсы внутри них. Её принцип – не отбор, а создание; не централизованное распределение, а самоорганизация. Ключевое отличие эндогенной модели заключается в том, что она использует сам факт блокады как ресурс. Эндогенная модель предлагает выход из институциональной ловушки, используя существующую инфраструктуру – в частности, систему общеобразовательных школ – как основу для создания горизонтальных сетей и становления новых лидеров. Эмпирическая иллюстрация этой логики представлена проектом, развёрнутым на базе одного из учреждений социальной инфраструктуры: блокировка на локальном уровне была компенсирована созданием внешней организационно-правовой платформы, а горизонтальные связи обеспечили признание на вышестоящих уровнях управления [4]. Тем самым кейс демонстрирует воспроизводимый институциональный алгоритм. Масштабирование предложенной модели понимается не как механическое тиражирование конкретного проекта, а как воспроизводство институциональной логики, лежащей в его основе. Эта логика может быть реализована в различных институциональных формах – в учреждениях образования, культуры, спортивных центрах, молодёжных клубах.

В ситуации перманентной конфронтации, когда противник делает ставку на перегрузку системы управления комплексными атаками, критическим фактором устойчивости становится наличие на местах подготовленных кадров, способных к самостоятельному принятию решений в условиях неопределённости. Эндогенная модель предлагает альтернативу традиционному пути отбора: ли-

дерские качества в ней выявляются и развиваются не через формальные процедуры, а через включённость в проектную деятельность и систему наставничества. Такой путь формирует устойчивые горизонтальные связи и апробирует лидерские качества в реальной практике, минуя длительные бюрократические циклы.

Осознание и артикуляция принципа «обратного удара» выступают здесь фактором ускорения институциональной динамики. Пока принцип остаётся неартикулированным, он применяется стихийно, и система обретает субъектность лишь в результате длительных и часто разрушительных исторических процессов. Как только принцип описан и введён в научный оборот, он становится доступным для системного воспроизводства: субъектность перестаёт быть редким событием, случающимся вопреки обстоятельствам, и превращается в результат сознательной стратегии. В этом состоит ключевое отличие ситуативного «обратного удара» от стратегического: первый случается спонтанно как реакция на блокаду; второй – проектируется как элемент институциональной модели, способной к самовоспроизводству.

Таким образом, масштабирование эндогенной модели выступает не как второстепенная социальная инновация, а как элемент стратегии выживания и развития в условиях институциональной блокады. Экстрактивная модель работает по логике отрицательной обратной связи: чем дольше она функционирует, тем меньше ресурсов остаётся для её воспроизводства. Эндогенная модель, напротив, запускает положительную обратную связь: чем дольше действует система, тем больше у неё ресурсов для самоорганизации и устойчивости. Масштабирование модели становится не просто желательным, а необходимым условием достижения стратегических целей в условиях перманентной конфронтации.

Предложенная концепция, как и любая философская модель, фиксирующая онтологический сдвиг, имеет внутренние границы, за пределами которых её применение требует уточнений. Осознание этих границ не ослабляет модель, а, напротив, задаёт направления для её дальнейшего развития.

Первое ограничение связано с онтологическим статусом дилеммы. Модель исходит из того, что субъектность возникает через создание дилеммы для оппонента. Однако остаётся открытым вопрос: является ли дилемма универсальным онтологическим фактом, или же она существует только в оптике оппонента – то есть лишь тогда, когда он осознаёт её как таковую? Дальнейшее развитие концепции требует уточнения условий, при которых дилемма становится онтологически значимой, а не просто нарративной конструкцией.

Второе ограничение связано с технологическим детерминизмом. В условиях цифровизации

управления и внедрения систем искусственного интеллекта, способных прогнозировать и нейтрализовать горизонтальные инициативы, человеческое ускорение может быть нивелировано алгоритмическим замедлением. Это требует отдельного исследования на стыке социальной философии, кибернетики и политической философии.

Третье ограничение связано с риском клановости и перерождения доверия. Модель эндогенного рекрутирования элит опирается на доверие сообщества как основной критерий отбора. Однако доверие, не подкреплённое процедурами публичной верификации, может переродиться в систему клановых связей и nepoтизма. В модели предусмотрены инструменты защиты – общественная оценка результатов, сменяемость координаторов, открытость процедур, – однако их эффективность требует эмпирической проверки в долгосрочной перспективе.

Четвёртое ограничение связано с несовпадением культурных кодов. Предложенная модель операционализирована на основе эмпирических кейсов, принадлежащих к российскому институциональному контексту, где вертикальные структуры традиционно доминируют над горизонтальными. Вопрос о её применимости к обществам с иной конфигурацией властных отношений и иными традициями самоорганизации остаётся открытым.

Наконец, пятое ограничение связано с темпоральным горизонтом. Модель описывает событие субъективации как момент создания дилеммы. Однако остаётся вопрос о том, как долго сохраняется субъектность после этого события. Дальнейшие исследования должны включать лонгитюдные наблюдения, позволяющие оценить устойчивость субъектности во времени и условия её возможной утраты. Все эти ограничения не отменяют предложенную модель, но задают направления для её дальнейшего развития.

Проведённое исследование было посвящено вопросу: как возможна субъектность в условиях тотальной институциональной блокады? Классические теории субъекта, от Канта до Бодрийяра, предполагают наличие пространства свободы как данности, однако в ситуации блокады это пространство отсутствует. Ответ, предложенный в настоящей работе, заключается в том, что субъектность в таких условиях не является свойством или автономией, а представляет собой событие, возникающее в момент создания институциональной дилеммы для оппонента.

На основе переосмысления концепции институциональных ловушек В.М. Полтеровича и введения онтологического различия вертикальных и горизонтальных структур была предложена модель, описывающая субъективацию как четырёхэтапный процесс: фиксация блокады, создание искусственного дефицита для оппонента, формирование дилеммы и возникновение субъектности

как события. Эмпирическая верификация модели на трёх кейсах из финансовой, социальной и политической сфер подтвердила её универсальность.

Ключевым теоретическим результатом работы является различие двух типов субъектности. Первый – субъект-гражданин, действующий в рамках существующих правил и реализующий себя в пространстве свободы. Второй – субъект-триггер, действующий в пространстве блокады, но при этом использующий существующие правила для формирования среды, в которой оппонент не может продолжать действовать без саморазрушения. Это различие имеет не только теоретическое, но и практическое значение: оно показывает, что субъектность в условиях блокады не является привилегией оператора системы, а доступна любому агенту, способному обнаружить уязвимость системы, контролируемой оппонентом и создать дилемму.

Практическим выводом работы выступает эндогенная модель рекрутирования элит. В отличие от экстрактивной модели, которая извлекает ресурсы из локальных сообществ и перераспределяет их через вертикальные каналы, эндогенная модель производит ресурсы внутри самих сообществ, опираясь на доверие и горизонтальные связи. Её эмпирическая верификация показала, что восстановление баланса между вертикалью и горизонталью возможно снизу, через локальные институциональные эксперименты. Масштабирование этой модели позволяет перейти от воспроизводства циклов истощения к модели созидания, где ресурсы не расходуются, а воспроизводятся через укрепление горизонтальных связей, подготовку новых кадров и генерацию социального капитала.

Концептуализация принципа «обратного удара» имеет не только теоретическое, но и практическое значение: она позволяет перевести стихийные реакции на блокаду на уровень сознательно проектируемых стратегий. Это отличает ситуативное применение «обратного удара» от стратегического – как различие между спонтанной реакцией и институционально оформленной моделью.

Наконец, предложенный подход даёт практический ответ на вопрос, который русская философская традиция ставила, но не могла решить в рамках сугубо духовной парадигмы: как возможен субъект в условиях несвободы? Ответ, предлагаемый в настоящей работе, лежит не в плоскости внутреннего преобразования, а в сфере институционального проектирования. Субъектность в условиях несвободы обретается не только через дух, а и через структуру – путём создания альтернативных институциональных площадок, через восстановление баланса между вертикальными и горизонтальными каналами мобильности и формирование сред, где агент перестаёт быть объектом управления и становится субъектом, создаю-

щим дилемму для системы. Этот ответ, в отличие от традиционных философских решений, может быть не только понят, но и институционализирован, масштабирован и реализован в существующих социальных условиях.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
2. Жуков А.О. Доверие к политической элите как механизм формирования социальных отношений нового типа // Социальная жизнь в оценках молодых социологов: сборник статей студентов и молодых ученых VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 14 ноября 2024 г.). – М.: РГСУ, 2025. – С. 116–118.
3. Жуков А.О. Принудительная своп-линия как феномен трансформации глобальной финансовой архитектуры // Финансовые рынки и банки. – 2026. – № 3. – С. 211–213.
4. Жуков А.О. Социальный капитал общеобразовательной школы как результат новых практик // Социология. – 2026. – № 2. – С. 53–59.
5. Интервью Дмитрию Киселёву. 13 марта 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73648> (дата обращения: 15.02.2026).
6. Интервью Павлу Зарубину. 22 августа 2026 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – любимая) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80572> (дата обращения: 27.08.2026).
7. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 32–38.

SUBJECTIVITY AS THE EVENT OF DILEMMA-CREATION UNDER TOTAL INSTITUTIONAL BLOCKADE

Zhukov A.O.

ANREA of Social Architecture «Bridges of Generations»

The article proposes an ontological interpretation of subjectivity as an event that emerges at the moment of creating an institutional dilemma for an opponent. In contrast to classical theories that link subjectivity to the presence of a space of freedom, the author argues that under conditions of total blockade, subjectivity is neither a property nor a form of autonomy. Drawing on a reconceptualization of V.M. Polterovich's theory of institutional traps, the author demonstrates that subjectivation follows a four-stage algorithm: blockade → creation of scarcity → dilemma → the event of subjectivity. Subjectivity is understood not as a result of victory, but as an act of reconfiguring the very field of interaction. This provides a practical answer to the question of the possibility of the subject under conditions of unfreedom – an answer that draws not only on the spiritual tradition but also on institutional structure, namely through the creation of alternative institutional platforms, the formation of enabling environments, and the restoration of institutional balance.

Keywords: agency, subject-trigger, backblow, extractive model, endogenous model, elite recruitment.

References

1. Bourdieu, P. (2002) 'The Forms of Capital', *Economic Sociology*, 3(5), pp. 60–74.
2. Zhukov, A.O. (2025) 'Trust in the Political Elite as a Mechanism for Forming Social Relations of a New Type', in *Social Life in the Assessments of Young Sociologists: Proceedings of the VI-II All-Russian Student Scientific and Practical Conference* (Moscow, November 14, 2024). Moscow: RSSU Publishing House, pp. 116–118.
3. Zhukov, A.O. (2026) 'Forced Swap Line as a Phenomenon of the Transformation of the Global Financial Architecture', *Financial Markets and Banks*, (3), pp. 211–213.
4. Zhukov, A.O. (2026) 'Social Capital of a Secondary School as a Result of New Practices', *Sociology*, (2), pp. 53–59.
5. Interview to Dmitry Kiselyov (2024) Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73648> (Accessed: 15 February 2026).
6. Interview to Pavel Zarubin (2026) Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80572> (Accessed: 27 August 2026).
7. Polterovich, V.M. (1999) 'Institutional Traps and Economic Reforms', *Economics and Mathematical Methods*, 35(2), pp. 32–38.

Культурный код сетевого поколения как фактор трансформации социализации: риски подмены идентичности в цифровую эпоху

Лутошкина Виктория Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский
федеральный университет
E-mail: vikilu@yandex.ru

Культурный код сетевого поколения, построенный на иллюзии свободы конструирования новой идентичности, трансформирует традиционные механизмы социализации, создавая риски их фальсификации, подмены цифровыми нарративами, способными подменять реальные социальные нормы добра, чести, ответственности, дружбы, – конструктами, обоснованными маркетинговой целесообразностью власти, прибыли. **Целью (Object)** данного исследования является социально-философский анализ феномена культурного кода сетевого поколения как фактора трансформации цифровой социализации. Задачи включают изучение возможных рисков подмены идентичности и проблемные траектории цифровой социализации сетевого поколения. **Методология исследования** основана на синтезе структурно-семиотического подхода, концепции симулякра и критического анализа цифровых коммуникативных практик. **Результаты** показывают, что цифровой культурный код как механизм социализации сетевого поколения может функционировать как система нарративов, имплицитных цифровыми лидерами и алгоритмами, создавая иллюзию свободы при возможной зависимости от внешних конструктов. **Сделаны выводы** о том, что культурный код как фактор трансформации социализации сетевого поколения может создавать риски подмены идентичности, меняя траектории цифровой социализации. Предложенные траектории социализации могут стать основой для поиска путей минимизации рисков цифровой социализации сетевого поколения.

Ключевые слова: культурный код, сетевое поколение, социализация, импликация нарратива, цифровой лидер, инфлюенсер, риск, идентичность.

Введение

Современная социальная философия все чаще обращается к анализу трансформаций, которые цифровая среда привносит в процессы социализации и формирования идентичности сетевого поколения. Традиционно социализация понималась как процесс усвоения индивидом норм, ценностей и способов поведения через семью, школу и общественные институты. Однако цифровизация общества ставит под вопрос сложившиеся представления о механизмах и агентах социализации. В центре внимания исследователей оказывается культурный код – система знаков, символов, смыслов и ценностей, которая организует восприятие и понимание мира сетевого поколения. Актуальность изучения культурного кода как феномена социализации обусловлена тем, что в цифровую эпоху культурный код сетевого поколения, по-видимому, перестает быть исключительно наследуемой системой и все чаще становится динамически конструируемым ресурсом [5]. Однако остается открытым вопрос: является ли эта трансформация освобождающей или она несет с собой новые риски и формы зависимости?

Гипотеза исследования состоит в том, что цифровая среда, создавая иллюзию свободы конструирования идентичности, может формировать риски подмены традиционных механизмов социализации импликацией нарративов, задаваемых цифровыми лидерами, алгоритмами и маркетинговыми структурами. Существует вероятность, что молодое поколение, получившее доступ к безграничным возможностям самовыражения в сети, оказывается не более свободным, чем предыдущие поколения, – просто механизмы зависимости становятся иными и не столь очевидными.

Целью настоящего исследования является выявление возможных рисков и проблемных траекторий цифровой социализации сетевого поколения, связанные с функционированием цифрового культурного кода, и предложить концептуальный аппарат для их дальнейшего исследования.

Традиционно разрыв между поколениями осмысливается в культурных категориях. К. Мангейм, анализируя проблему поколений, подчеркивал, что каждое новое поколение формируется под влиянием особых исторических и социальных условий, что порождает различия в ценностях, мировоззрении и жизненных стратегиях [5]. Однако эти различия никогда не были непреодолимыми:

культурный код обеспечивал преемственность и идентичность. Сегодня эта преемственность и идентичность нарушается. Цифровая среда создает ситуацию, когда культурный код перестает быть общим для разных поколений. Молодые люди говорят на языке, который непонятен их родителям. Они используют символы, которые не распознаются старшим поколением. Они конструируют новую идентичность в пространстве, которое старшее поколение не воспринимает как реальное.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить, что цифровая среда предоставляет пользователю уникальные возможности для самовыражения и конструирования идентичности. Пользователь социальной сети может выбрать любое имя, создать любую биографию, сконструировать любой образ [1; 3]. Создается впечатление, что идентичность становится пластичной, доступной для бесконечных экспериментов, а культурный код больше не навязывается извне – он создается самим пользователем.

Однако существует риск того, что эта иллюзия свободы имеет обратную сторону. Как отмечает В.В. Миронов, в цифровом пространстве пользователь может придумать и обозначить выдуманное имя, ник, историю, биографию, портрет и даже личность. Эта «карнавальная» атрибутика проникает в повседневную жизнь и становится данностью современного цифрового общества [4]. Но за этой карнавальной свободой может скрываться глубокая зависимость: пользователь выбирает не из бесконечного множества возможностей, а из тех образцов, которые предлагает ему цифровая среда. Его «конструирование» идентичности может оказаться выбором из заранее предложенных шаблонов.

Традиционно разрыв между поколениями осмысливается в культурных категориях. Однако К. Мангейм, анализируя проблему поколений, подчеркивал, что каждое новое поколение формируется под влиянием особых исторических и социальных условий, что порождает различия в ценностях, мировоззрении и жизненных стратегиях [5]. При этом различия никогда не были непреодолимыми: культурный код обеспечивал преемственность. Сегодня эта преемственность нарушается.

Цифровая среда создает ситуацию, когда культурный код перестает быть общим для разных поколений. Молодые люди говорят на языке, который непонятен их родителям. Они используют символы, которые не распознаются старшим поколением. Они конструируют идентичность в пространстве, которое старшие не воспринимают как реальное.

Согласно исследованиям «78% родителей считают, что на взгляды подростков сильнее всего

влияют социальные сети, 69% – друзья и окружение, 61% – блогеры и инфлюенсеры. При этом влияние родителей отметили только 38% респондентов, а школы – 16%» [5]. Эти цифры свидетельствуют о фундаментальном сдвиге: традиционные агенты социализации – семья и школа – уступают место цифровым агентам – социальным сетям, блогерам, цифровым сообществам.

Этот сдвиг затрагивает саму структуру культурного кода. Традиционный культурный код был целостным, иерархическим, устойчивым. Культурный код сетевого поколения – фрагментарный, конструируемый самой сетью, сообществом, цифровым лидером. В этом есть и идентичность, и риск.

Он не требует авторитета – достаточно участия. Однако именно эта трансформация создает риски подмены реальных социальных норм конструктами, целесообразными для цифровой сети.

Исследование показало, что культурный код сетевого поколения представляет собой динамическую, многослойную систему, включающую четыре взаимосвязанных уровня.

Первый – знаково-символический уровень – это непосредственные единицы цифровой коммуникации: мемы, эмодзи, хештеги, GIF-анимации, сленговые выражения. Как отмечают исследователи «интернет-мемы становятся устойчивым элементом повседневных коммуникативных практик... функционируют как особый тип символических форм, через которые пользователи интерпретируют социальные события, выражают оценки и выстраивают взаимодействие в онлайн-среде» [2]. Мемы становятся маркерами принадлежности: владение актуальными мемами означает владение культурным кодом, а непонимание мема сигнализирует о том, что человек – «чужой».

Второй – нарративно-смысловой уровень: устойчивые сюжеты, образы, идеи и ценности, которые транслируются через цифровой контент, через цифровые платформы.

Третий – поведенческо-коммуникативный уровень, – устойчивые паттерны цифрового поведения: способы самопрезентации, стратегии взаимодействия, нормы сетевого этикета. Как показывают исследования, «человек идентифицирует себя не только с семьей, культурой или национальностью», но в первую очередь с цифровыми сообществами, желая «присвоить себе признаки значимого «другого» и олицетворяя себя с ним» [4].

Четвертый – алгоритмический уровень, «невидимый» слой культурного кода, который формируется алгоритмами цифровых платформ. Социальные сети предлагают пользователю «персонализированный» контент, создавая ощущение уникальности.

Однако эта персонализация несет риск иллюзии выбора – результат работы алгоритмов, которые анализируют поведение пользователя и предлагают ему то, что, по их расчетам, вызовет мак-

симальный отклик. Существует вероятность, что не пользователь выбирает, что ему интересно, – его интересы формирует цифровой алгоритм сетевого пространства, в котором он оказался.

Особое внимание было уделено механизму социализации сетевого поколения, которым становится импликация цифрового нарратива. Под импликацией в данном контексте понимается бессознательное принятие, усвоение конструктов, которые не осмысливаются критически, но воспринимаются как естественные, само собой разумеющиеся.

Традиционная социализация предполагала сознательное усвоение норм и ценностей через объяснение, пример, авторитет. Цифровая социализация может работать иначе: нарративы не объясняются, а транслируются через постоянное повторение, эмоциональное воздействие, создание иллюзии «своего».

Анализ факторов, показал, что цифровой нарратив может задаваться несколькими источниками, каждый из которых несет определенные риски. «Идентификационные сигналы, которые молодые люди получают от инфлюенсеров – цифровых лидеров в социальной сети, сильно влияют на то, как они идентифицируют себя в онлайн-сообществах» [5]. Инфлюенсер не просто дает советы – он может задавать образ жизни, систему ценностей, культурный код. При этом его нарратив часто подчинен маркетинговым целям: он продвигает определенный образ, товары, стиль жизни. Существует риск, что молодой человек, следуя за инфлюенсером, имплицитно его нарратив как свой собственный, не осознавая, что этот нарратив сконструирован для коммерческих целей.

Алгоритмы социальных сетей так же формируют культурный код, определяя, какой контент становится видимым для участников сетевого сообщества. Возникает риск «информационных пузырей»: пользователь может оказаться в изолированном пространстве, где транслируются определенные нарративы, а альтернативные точки зрения не видны. Алгоритм может стать «невидимым учителем», формирующим культурный код для сетевого поколения без осознания этого процесса.

Цифровые персонажи (CGI-инфлюенсеры) – цифровые конструкты, не имеющие физического существования, также могут выступать как лидеры мнений, но их нарративы полностью сконструированы маркетинговыми целями. Существует риск, что молодые люди могут считывать их культурный код и следовать за такими персонажами, не осознавая, что за ними нет ни реального человека, ни реальной субъектности – только маркетинговая стратегия.

Обсуждение

Анализ культурного кода сетевого поколения позволяет выделить риски цифровой социализации.

Существует риск подмены ценностей, когда традиционные ценности – дружба, взаимопомощь, честность – в цифровой среде могут подменяться конструктами «лайков», «подписчиков», «просмотров». Успех может измеряться не реальными достижениями, а цифровыми метриками. Дружба – не в реальной поддержке, а в подписке и комментариях.

Существует риск языка как «кода исключения», когда сетевое поколение использует язык, который может быть понятен только им, но непонятен старшим поколениям. Слова «кринж», «рофл», «форсить» – это не просто новые слова, это культурный код, который отделяет «своих» от «чужих». Сетевой код не обязательно создается молодыми людьми свободно – он может транслироваться через цифровых лидеров и алгоритмы. Язык может стать не столько инструментом творчества, сколько механизмом включения в цифровую реальность и исключения из реальности традиционной.

Риск отрыва от реальности означает, что культурный код сетевого поколения может уводить от реальной действительности, где действуют социальные законы, законы добра, честности, ответственности. Вместо этого участник сетевого сообщества погружается в пространство, где действуют законы маркетинговой целесообразности.

Еще одним риском может быть «иллюзии свободы» – когда сетевой пользователь может верить, что выбирает сам, но на деле его выбор может быть предопределен системой нарративов [6], транслируемых через цифровых лидеров и алгоритмы.

Существует также риск подмены субъектности как противоположность традиционной социализации, которая формировала субъекта – человека, способного к рефлексии, критическому мышлению, самостоятельному выбору. Однако в цифровой действительности существует риск, что культурный код сетевого поколения формирует потребителя нарративов – человека, который воспроизводит заданные конструкты, не подвергая их сомнению, что приводит к потере субъектности.

В цифровой действительности есть также риск утраты культурной преемственности. Молодые люди, относящиеся к сетевому поколению, с трудом воспринимают универсальные культурные коды – те самые системы, куда входят ценности, общепринятые нормы, традиции, обряды, образы героев не только классической литературы, но и истории страны [1; 5]. Это создает угрозу разрыва цивилизационной и культурной преемственности сетевого поколения.

Результаты исследования подчеркивают, что цифровая социализация часто описывается как процесс конструирования, предполагая, что молодое поколение в сетевой среде не усваивает готовое, а создает новое. Однако существует риски,

что эта модель не полностью соответствует реальности. Возможно, цифровая социализация – это не усвоение готового как в традиционной модели и не творческое конструирование нового – как предполагается в оптимистической цифровой модели, а лишь импликация нарративов, задаваемых извне.

Заключение

Исследование культурного кода сетевого поколения как предмета философской рефлексии позволяет зафиксировать качественное отличие нового типа культурного кода от традиционного, который передавался вертикально через институциональные каналы. Культурный код сетевого поколения формируется горизонтально, через сетевые коммуникации, и зачастую имплицитно, а не осознанно усваивается.

Основные выводы исследования представляют возможность предположить, что культурный код сетевого поколения может функционировать как система нарративов, имплицитно передаваемых через цифровых лидеров и алгоритмы, создавая иллюзию свободы при возможной зависимости от внешних конструкторов.

Следовательно, цифровая социализация сетевого поколения может быть понята как импликация цифровых нарративов, способных подменять реальные социальные нормы конструктами, целесообразными для цифровой экономики влияния.

Разрыв между поколениями в цифровую эпоху, вероятно, имеет не только культурную, но и онтологическую природу, в которой существует риск, что сетевое поколение оказывается в иной реальности, где культурный код не усваивается и не создается, а имплицитно передается через систему нарративов, задаваемых цифровыми лидерами и алгоритмами.

Проведенное исследование позволяет предположить, что культурный код сетевого поколения может быть не только инструментом освобождения, но и механизмом, создающим риски подмены социализации. Существует вероятность, что молодое поколение, погруженное в цифровое пространство, не создает новые смыслы в полной свободе, а имплицитно передает нарративы, задаваемые цифровыми лидерами, алгоритмами и маркетинговыми структурами,

Литература

1. Лутешкина В. Н., Гарская Е.С., Гончарова Е.В. и др. Влияние интернета на формирование личности в современном обществе // Социология. – 2025. – № 4. – С. 154–158. – EDN ZJLW-BU.

2. Ермоченко М. Е., Сажнова А.Д. Мемы как язык поколения Z: социологический анализ цифровой коммуникации // Наука. Искусство. Культура. – 2025. – № 4. – С. 95–101. – DOI 10.24412/1994–3776–2025–4–95–101.
3. Миронов В.В. Цифровое конструирование реальности и будущее человека // Философские науки. – 2021. – Т. 64, № 4. – С. 9–17. – DOI 10.30727/0235–1188–2021–64–4–9–17.
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, No. 5. – P. 1–6.

CULTURAL CODE OF THE NETWORK GENERATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SOCIALIZATION: RISKS OF IDENTITY SUBSTITUTION IN THE DIGITAL AGE

Lutoshkina V.N.

Siberian Federal University

The cultural code of the network generation, built on the illusion of freedom to construct a new identity, transforms traditional mechanisms of socialization, creating risks of their falsification and substitution by digital narratives capable of replacing real social norms – goodness, honor, responsibility, friendship – with constructs grounded in the marketing expediency of power and profit. The aim of this study is a socio-philosophical analysis of the phenomenon of the cultural code of the network generation as a factor in the transformation of digital socialization. The objectives include examining possible risks of identity substitution and problematic trajectories of digital socialization of the network generation. The research methodology is based on a synthesis of the structural-semiotic approach, the concept of simulacrum, and critical analysis of digital communicative practices. The results show that the digital cultural code as a mechanism of socialization of the network generation can function as a system of narratives implied by digital leaders and algorithms, creating an illusion of freedom with a possible dependence on external constructs. Conclusions are drawn that the cultural code as a factor in the transformation of socialization of the network generation can create risks of identity substitution, altering the trajectories of digital socialization. The proposed socialization trajectories can serve as a basis for finding ways to minimize the risks of digital socialization of the network generation.

Keywords: cultural code, network generation, socialization, narrative implication, digital leader, influencer, risk, identity.

References

1. Lutoshkina V. N., Garskaya E.S., Goncharova E.V. et al. Vliyaniye interneta na formirovaniye lichnosti v sovremennoy obshchestve [The Influence of the Internet on Personality Formation in Modern Society] // Sotsiologiya [Sociology]. – 2025. – No. 4. – P. 154–158. – EDN ZJLWBU.
2. Ermochenko M. E., Sazhnova A.D. Memy kak yazyk pokoleniya Z: sotsiologicheskiy analiz tsifrovoy kommunikatsii [Memes as the language of Generation Z: a sociological analysis of digital communication] // Nauka. Iskustvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]. – 2025. – No. 4. – P. 95–101. – DOI 10.24412/1994–3776–2025–4–95–101.
3. Mironov V.V. Tsifrovoye konstruirovaniye real'nosti i budushchee cheloveka [Digital Construction of Reality and the Future of Man] // Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]. – 2021. – Vol. 64, No. 4. – P. 9–17. – DOI 10.30727/0235–1188–2021–64–4–9–17.
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, No. 5. – P. 1–6.

Этика образования в полиэтническом и многоконфессиональном обществе

Толмачева Ирина Игоревна,

аспирант кафедры философии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

E-mail: ira1tolmacheva@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования этических основ образования в условиях культурного и религиозного современного общества. Образование сталкивается с вызовом формирования личности, способной к гармоничному сосуществованию и диалогу между различными культурами и вероисповеданиями. Этические аспекты в университете особенно значимы, поскольку в среде межнационального взаимодействия растет взаимное уважение, толерантности и понимание. Особое внимание уделяется принципам поликультурного и мультирелигиозного образования, методам воспитания нравственных ценностей, учитывающих разнообразие культурных традиций и роли педагога в создании инклюзивной образовательной среды. Цель исследования – выявить специфику этических вызовов, связанных с полиэтнической и многоконфессиональностью, и предложить подходы к их решению в системе образования. Научной новизной заключается в возможности использования предложенных подходов для разработки образовательных программ, повышение квалификации педагогов и создания инклюзивной образовательной среды.

Ключевые слова: этика, образование, толерантность, полиэтническое общество, многоконфессиональность, взаимодействие, диалог.

Введение

В современном мире, характеризующемся глобализацией и миграционными процессами, общества становятся все более полиэтническим и многоконфессиональным. С одной стороны, размываются национальные культуры народов и их духовные основания, а с другой стороны идет бурное религиозное возрождение, рост религиозного сознания граждан, которые пытаются отстоять свои исторические, народные ценности и найти способ противостояния наплыву агрессивного, обезличивающего влияния общества. Очевидно, что сегодня осуществляется не только социальное, но и духовное расслоение общества: одни живут воспоминаниями о прошлом, другие ищут новые нравственные идеалы, третьи, освободившись от всякой идеологии, руководствуются лишь жадой наживы [1]. Только сочетание достижений научно-технического прогресса и испытанных веками духовно-нравственных, национальных традиций, может обеспечить стабильное развитие общества. Возврат к духовности сегодня является не только потребностью, но и жизненной необходимостью [1].

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема формирования этических основ образования, способствующих гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у учащихся толерантность, уважение к различиям и навыки межкультурного взаимодействия.

Древние заповеди Конфуция, Соломона, Иисуса Христа, Мухаммеда о первичности воспитания духа, о важности очеловечивания человека, о стремлении к нравственному совершенству, как никогда, нужна нашим современникам, нашим детям. Религиозная культура – неотъемлемое достояние многих народов России, часть духовного, исторического наследия, фактор развития межнационального согласия, гражданской нравственности и толерантности [1].

Изучение этики в высшие школы образования становится крайне важным для построения гармонического и устойчивого общества.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами:

- глобализацией и миграционными процессами, усиливающими культурное разнообразие образовательных учреждений;
- необходимостью воспитания толерантности и профилактики этнорелигиозной напряженности среди молодежи;

- государственной политикой в сфере образования, направленной на укрепление единства российской нации при сохранении культурного многообразия;
- потребностью в разработке педагогических подходов, учитывающих полиэтничность и многоконфессиональность среды при формировании нравственных ценностей учащихся.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что предпринятый анализ работ, позволит, во-первых, систематизировать этические принципы образования в многонациональном окружении; во-вторых, разработать новые модели морально-нравственного образования с учётом многоконфессиональности; в-третьих, обосновать эффективные механизмы адаптации иностранных студентов в университете; но и в-четвертых, выявить критерии оценки инклюзивности образовательной среды.

Задачами являются:

- анализ теоретических подходов к этике образования в контексте культурного и религиозного разнообразия;
- выявление ключевых этических вызовов, с которыми сталкиваются образовательные учреждения в полиэтничной среде.
- определение принципов и ценностей, лежащих в основе гармоничного взаимодействия представителей разных этносов в образовательном процессе.
- формирование модели этического образования, учитывающую полиэтничность и многоконфессиональность общества.
- создание практических рекомендаций для профессорско-преподавательского состава (ППС), административного и учебно-вспомогательного состава образовательного учреждения по формированию толерантной и инклюзивной среды.

Объект исследования – образовательный процесс в условиях полиэтничного и многоконфессионального общества.

Предмет исследования – этические аспекты организации образования, способствующие гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений.

В работе использовались теоретический и сравнительный анализы; наблюдение, моделирование ситуаций; опрос.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке основных профессиональных образовательных программ (ОПОП), стандартов; в системе повышения квалификаций и создания методических рекомендаций и программ для преподавателей вуза, и студентов.

Материалы и методы исследования

Исследование этики образования в полиэтничном и многоконфессиональном обществе требует ком-

плексного подхода, включающего как теоретические, так и эмпирические методы. Материалы для такого исследования могут включать научные публикации, образовательные стандарты, наблюдение (опросы), учебные программы.

Материалы для исследования:

- научные публикации и монографии – работы по образованию, межкультурной коммуникации, воспитанию и этике, где рассматриваются приоритеты: отторжение идеи этнокультурной исключительности, внимание к этнокультурным идентичностям, стратегия межкультурного диалога;
- образовательные стандарты и программы – Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), которые акцентируют внимание на сохранении и развитии культурного разнообразия, праве на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурной многонационального народа России;
- социологические и психологические исследования. Например, эмпирические работы, изучающие межэтнические и межконфессиональные отношения в образовательной среде, уровень толерантности, стереотипы и конфликты. Например:

1. Социометрия Дж. Морено – метод диагностики межличностных и межгрупповых отношений. Цель методики – изучение эмоциональных связей в группе, выявление социометрического статуса членов группы (лидеры, «отверженные», изолированные), структуры межличностных отношений, степени сплочённости или разобщённости группы [2];

2. Шкала межличностного (социального) доверия Дж. Роттера. Методика измеряет уровень доверия к людям и социальным институтам, включая доверие к незнакомым людям, знакомым, а также к таким институтам, как правительство, правоохранительные органы, медицинские учреждения [3];

3. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко предназначена для оценки умения сопереживать и понимать мысли и чувства другого человека [4];

4. Методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряжённости [5].

- учебные материалы и методические работы, такие как, учебники, рабочие программы, методические пособия и т.д.
- данные образовательных учреждений – статистика по составу учащихся (этнический, профессиональный), отчеты о реализации программ по межкультурному образованию (программы по воспитательной работе), случаи конфликтов и меры по их решению;

– международные документы, например, рекомендации ООН, ЮНЕСКО и других организаций, касающиеся образования в многокультурном обществе, прав на образование, толерантности и межкультурного диалоге.

Методы исследования включают в себя:

1. анализ документов – изучение образовательных стандартов, учебных программ, научных публикаций, международных документов. Это позволяет выявить теоретические основы и нормативные требования к этике образования в полиэтничном и многоконфессиональном обществе;

2. наблюдение позволяет оценить атмосферу в коллективе, выявить неформальные отношения и конфликты;

3. социологические опросы и анкетирование – сбор данных о восприятии межэтнических и межрелигиозных отношений среди учащихся, педагогов.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1) выявление ключевых этических вызовов в полиэтничной образовательной среде. По результатам анализа документов и наблюдения в образовательных учреждениях определены основные проблемные зоны: распространение стереотипов и предупреждений среди обучающихся; дефицит у педагогов компетенцией по управлению межкультурными конфликтами. И поэтому можно сделать вывод, что межкультурное многообразие является как источник напряжения, а не как ресурс развития;

2) определение ценностно-нормативных оснований гармонического межэтнического взаимодействия. Рассмотрение теоретического и сравнительного анализа сформулирован набор ценностей, способных выполнять функцию по объединению в многонациональном обществе: взаимное уважение, готовность к диалогу, признание ценности многообразия, ответственность за собственные высказывания и действия.

3) разработка модели этического образования, учитывающей полиэтничность и многоконфессиональность общества. Модель представлена в таблице 1.

Таблица 1. Модель этического образования в полиэтничном и многоконфессиональном обществе: компоненты, инструменты и критерии эффективности

Компонент модели	Содержание и ключевые элементы	Инструменты и формы реализации	Показатели
Нормативный блок (ценностно-правовая основа)	Закрепление этических принципов: диалог культур, равенство, сохранение культурной самобытности, формирование гражданской идентичности. Согласно с ФГОС и локальными актами вуза	Локальные регламенты по работе с межэтническими / межрелигиозными конфликтами; кодекс этики.	Наличие утвержденных документов
Содержательный блок (учебно-воспитательный компонент)	Интеграция межкультурного этического компонента по дисциплине (нейсы, примеры, этические дилеммы). Программы воспитательной работы: фестивали культур, круглые столы, проекты	Рабочие программы с межкультурными кейсами; кейсы и методические рекомендации	Количество воспитательных мероприятий; отчетность; доля студентов, участвующих в межкультурных проектах.
Процессуальный блок (технологии и практики взаимодействия)	Активные методы: групповые проекты, дискуссии. Алгоритмы работы с конфликтами: индивидуальные беседы, привлечение кураторов / психолога.	Проектные задания, правила коммуникации, чек-листы и алгоритмы действий для сотрудников университета при конфликте.	Количество зафиксированных инцидентов и доля разрешенных конфликтов; удовлетворенность студентов безопасностью среды (опросы)
Диагностический блок (мониторинг и оценка)	Диагностика социально-психологического климата и установок студентов. Уровень социального доверия.	Социометрия Дж. Морено, шкала доверия Дж. Роттера; методика В.В. Бойко (эмпатия); методика Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (этническая идентичность); анкетирование студентов и ППС.	Опросы (1 раз в учебный год); динамика показателей – сплоченность группы, уровень доверия, эмпатия и снижение напряженности
Организационно-методический блок (поддержка и развитие компетенции)	Повышение квалификации, методическая поддержка и поддержка иностранных (иногородних) студентов	Тренинги; методические рекомендации и банк кейсов	Наличие методических материалов

Заключение

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что этика образования в полиэтническом и многоконфессиональном обществе – это не только ценностная установка, но и совокупность реализуемых практик, требующих системного подхода, регулярной диагностики и методической поддержки.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов и рекомендаций при проектировании образовательных программ, разработке локальных нормативных актов, а также в программах повышения квалификации преподавателей и в системе воспитательной работы вуза.

Практические рекомендации для профессорско-преподавательского состава:

- применять технологии активного обучения: групповые проекты в смешанных командах, моделирование дискуссии по интересующим и волнующим вопросам;
- проводить рефлексию по итогам групповых заданий с акцентом на межкультурные аспекты;
- использовать единые педагогические подходы к работе с конфликтами.

Практические рекомендации для административного и учебно-вспомогательного состава:

- внедрить систему мониторинга социально-психологического климата с применением диагностического инструмента. Оптимальная периодичность – два раза в год (начало и конец учебного года);
- разработать или обновить локальные нормативные документы по работе с межэтническими и межрелигиозными конфликтами;
- организовать систему кураторской поддержки и культурной ориентации для студентов;

Литература

1. Харисова, Л. Религиозная культура в содержании общего образования / Л. Харисова. – Москва: Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 2002. – 336 с. – ISBN 5-09-011377-7.
2. Общая психодиагностика: диагностика межличностных отношений: учебно-метод. комплекс / сост.: О.П. Кошкина, С.А. Мурашкевич. – Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – URL: <https://rep.vsu.by/server/api/core/bitstreams/eeee4b0c-9baf-4226-8031-f2697a856460/content> (дата обращения: 31.07.2026). – Текст: электронный.
3. Психологические тесты онлайн: некоммер. интернет-версия: сайт / Шкала социального доверия Роттера, ITS. – URL: <https://psytests.org/result?v=itsAEd> (дата обращения: 02.08.2026). – Текст: электронный.

4. Тест на эмпатию В.В. Бойко: некоммер. интернет-версия: сайт. – URL: https://ryb79dom.edu.yar.ru/dokumenti_sluzhbi_mediatsii/test_na_empatuyu_v_v_boyko.pdf (дата обращения: 02.08.2026). – Текст: электронный.
5. Психология общения. Энциклопедический словарь: некоммер. интернет-версия: сайт / Диагностика типов этнической идентичности. – URL: https://communication_psychology.academic.ru/175/%D0%94%D0%B8%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%8D%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 09.08.2026). – Текст: электронный.

ETHICS OF EDUCATION IN A MULTI-ETHNIC AND MULTI-CONFESSIONAL SOCIETY

Tolmacheva I.I.

Mordovian State University named after. N.P. Ogareva

This article examines the development of ethical foundations for education in a culturally and religiously diverse modern society. Education faces the challenge of developing individuals capable of harmonious coexistence and dialogue between different cultures and faiths. Ethical aspects are particularly important at the university, as mutual respect, tolerance, and understanding are growing in an environment of interethnic interaction. Particular attention is paid to the principles of multicultural and multireligious education, methods of fostering moral values that take into account the diversity of cultural traditions, and the role of teachers in creating an inclusive educational environment. The aim of the study is to identify the specific ethical challenges associated with multiethnic and multi-confessional society and propose approaches to addressing them in the education system. The scientific novelty lies in the potential use of the proposed approaches for developing educational programs, improving teacher qualifications, and creating an inclusive educational environment.

Keywords: ethics, education, tolerance, multiethnic society, multi-confessional society, interaction, dialogue.

References

1. Kharisova, L. Religious Culture in the Contents of General Education / L. Kharisova. – Moscow: Joint-Stock Company «Izdatelstvo» Prosveshchenie, 2002. – 336 p. – ISBN 5-09-011377-7.
2. General Psychodiagnostics: Diagnostics of Interpersonal Relations: Educational and Methodological Complex / compiled by: O.P. Koshkina, S.A. Murashkevich. – Publishing House of the Educational Institution «VSU named after P.M. Masherov», 2006. – URL: <https://rep.vsu.by/server/api/core/bitstreams/eeee4b0c-9baf-4226-8031-f2697a856460/content> (date of access: 31.07.2026). – Text: electronic.
3. Online psychological tests: non-commercial online version: website / Rotter Social Trust Scale, ITS. – URL: <https://psytests.org/result?v=itsAEd> (accessed: 08/02/2026). – Text: electronic.
4. V.V. Boyko's empathy test: non-commercial online version: website. – URL: https://ryb79dom.edu.yar.ru/dokumenti_sluzhbi_mediatsii/test_na_empatuyu_v_v_boyko.pdf (accessed: 08/02/2026). – Text: electronic.

5. Psychology of communication. Encyclopedic dictionary: non-commercial online version: website / Diagnostics of types of ethnic identity. – URL: https://communication_psychology.academic.ru/175/%D0%94%D0%B8%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2_%D1%8

D%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (Accessed: 09.08.2026). – Text: electronic.

Цифровое лидерство как феномен социализации в условиях цифровой турбулентности: социально-философский анализ

Лутощкина Виктория Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей социальной педагогики, Сибирский федеральный университет
E-mail: vikkilu@yandex.ru

Статья посвящена социально-философскому осмыслению цифрового лидерства как феномена социализации в условиях цифровой турбулентности – состояния социальной среды, порождаемого ускоряющейся цифровизацией и характеризующегося нелинейностью, неопределённостью и размыванием традиционных иерархий. Автор исходит из тезиса о том, что распространение цифровых технологий и социальных сетей не просто модифицирует, но радикально трансформирует природу лидерства, превращая его из вертикально-иерархического института в горизонтально-сетевой процесс социализации. Цифровой лидер рассматривается не столько носителем формальной власти, сколько агентом социализации, конструирующим новые смыслы, нормы и паттерны поведения в условиях неопределённости. Отмечается, что цифровое лидерство представляет собой новый тип социализации, в котором лидер утрачивает субстанциональный статус и становится функцией цифровой среды, а его субъектность конституируется в диалогическом пространстве между лидером, аудиторией и алгоритмами.

Делается вывод, что цифровое лидерство как феномен социализации – это социально-философская конструкция, описывающая процесс, в ходе которого индивид или цифровая персона приобретает статус агента влияния в условиях цифровой турбулентности – не благодаря формальному авторитету, а благодаря способности создавать нарративы, накапливать символический капитал и вовлекать аудиторию в совместное создание смыслов.

Ключевые слова: цифровое лидерство, социализация, цифровая турбулентность, инфлюенсер, символический капитал, субъектность, горизонтальные структуры, цифровая культура.

Введение

Современное общество переживает период глубоких трансформаций, обусловленных ускоряющейся цифровизацией всех сфер социальной жизни [3; 11]. Эта трансформация не сводится к простому внедрению новых технологий – она порождает качественно новое состояние социальной среды, которое в данном исследовании обозначается понятием «цифровая турбулентность».

Под цифровой турбулентностью понимается состояние социальной системы, характеризующееся нелинейностью социальных процессов, когда малые воздействия могут вызывать масштабные изменения, информационной перегрузкой и фрагментацией общественного сознания, размыванием институциональных границ и традиционных иерархий, алгоритмической неопределённостью, связанной с постоянным обновлением цифровых платформ и правил взаимодействия.

Цифровая турбулентность создает условия, в которых прежние механизмы власти и социализации утрачивают свою эффективность, открывая пространство для новых форм лидерства, основанных не на формальных полномочиях, а на способности интерпретировать реальность и консолидировать аудиторию вокруг нарративов [27]. Именно в этом контексте феномен лидерства требует принципиально нового осмысления.

Не ставя под сомнение взгляд на лидерство в харизматическом и ситуационных подходах, выступающих проекцией стабильности социальной структуры [5], следует признать факт трансформации сущности лидерства в условиях современной цифровой действительности. Ведь в социальной сети на просторах интернета лидером сейчас может стать любой, кто умеет привлекать внимание подписчиков с помощью цифрового контента [9; 22].

В XXI веке появляется цифровой лидер, чье влияние определяется не формальным статусом, а сгенерированным цифровым образом [26].

Цифровое лидерство становится не только новым феноменом социальной действительности, но и обуславливает иной способ социализации во взаимодействии в социальной сети через цифровые платформы с цифровыми фолловерами [28].

В такой модели социализации лидер из авторитета – законодателя и транслятора норм транс-

формируется в «со-участника», «со – созидателя» цифровой и социальной реальности [14; 19].

Понимание природы цифрового лидерства невозможно без осмысления контекста цифровой турбулентности как отражения социальной действительности, порождаемой и характеризующейся нестабильностью социальных процессов [3; 17].

Цифровая турбулентность как импликация ускоряющегося развития цифровых технологий и аннексия искусственного интеллекта, меняет правила социального взаимодействия [15], размывает традиционные социальные структуры и идентичности социализации [28], порождая «вакуум авторитета», который заполняется новыми агентами влияния – цифровыми лидерами [22].

В цифровой социализации власть цифрового лидера основана на способности интегрироваться в реальность через создание нарративных рамок, контекстов, консолидирующих вокруг него аудиторию фолловеров.

Цифровая социализация по иному организует процесс освоения социальных норм и кодов, так как теперь она не требует присутствия в институциональной действительности, заменяя их цифровым пространством, в котором индивид выступает как активный творец социальной реальности, создающий сообщество, контент или новый тренд.

Цифровая социализация продолжается на протяжении всей жизни в контексте постоянного обновления цифровых технологий, а не завершается с достижением определенного возраста [15].

Социальные сети становятся той средой, где формируется новая социальная культура современного общества, а цифровые лидеры становятся ее активными творцами [13].

Особенно показательно, что цифровой лидер часто действует в условиях неопределенности относительно собственной идентичности. В.В. Мионов справедливо отмечает, что в цифровом пространстве пользователь может придумать и обозначить выдуманное имя, ник, историю, биографию, портрет и даже личность [15].

Эта «карнавальная» атрибутика, как характеризует ее Мионов, проникает в повседневную жизнь и становится данностью современного цифрового общества. Цифровой лидер – это не обязательно реальный человек с устойчивой идентичностью. Это может быть персонаж, созданный командой маркетологов и специалистов по цифровым технологиям [26]. Феномен «CGI-инфлюенсеров» – цифровых персонажей, функционирующих как лидеры мнений, демонстрирует предел этой логики: лидерство становится функцией, а не свойством субъекта [22].

Если в классической философии субъектность предполагала автономию, самосознание и ответственность [18; 21], то в цифровом лидерстве субъектность оказывается децентрированной.

Лидер не столько является субъектом, сколько становится им в процессе взаимодействия с аудиторией и алгоритмами. Его субъектность конституируется в диалогическом пространстве, где нет жесткой границы между лидером и последователями [14].

Для понимания природы цифрового лидерства принципиальное значение имеет концепция символического капитала, разработанная П. Бурдьё [4]. Символический капитал – форма власти, основанная на признании, доверии и авторитете. В отличие от экономического капитала, символический капитал не может быть непосредственно присвоен – он существует только в восприятии других.

Цифровая среда создает уникальные условия для накопления символического капитала. Если в традиционном обществе символический капитал требовал длительного институционального признания через образование, карьеру или публичные достижения, то в цифровом пространстве он может быть накоплен значительно быстрее через вирусный контент, удачный нарратив или резонансное высказывание [28].

Цифровой лидер, как правило, накапливает символический капитал через принципиально другие механизмы.

Ключевым механизмом выступает конструирование нарратива – цифровой лидер предлагает интерпретацию реальности, которая резонирует с ожиданиями и тревогами аудитории. Он превращает хаос цифровой информации в осмысленную историю, связывающую настоящее и создающую будущее. В этой способности заложено лидерство лидера, его инструмент влияния на цифровых подписчиков, фолловеров.

Еще одним знаковым механизмом цифрового лидерства становится феномен «демонстрации подлинности» в социальной сети, которая характеризуется анонимностью и симуляцией со стороны ее участников [27].

Механизм превращения лидерства «влияние – монолог» в лидерство «иерархию – сеть» соучастников – это еще один из значимых механизмов создания пространства вовлеченности подписчиков как со-участников, а не пассивных потребителей сетевого контента [19].

«Алгоритмическая грамотность» как власть алгоритмов, логики постоянно обновляющихся цифровых платформ становится необходимым механизмом цифрового влияния [20].

В условиях турбулентности цифрового общества трансформируется традиционное представление о субъектности цифрового лидерства. Опосредованность, ограниченность власти цифрового лидера алгоритмами [12] не означает, что субъектность исчезает.

Скорее, она трансформируется. Цифровой лидер сохраняет способность к рефлексивному выбору, но этот выбор совершается в условиях ради-

кальной неопределенности, характерной для цифровой турбулентности. Он не может предвидеть, как будет воспринят его контент, как изменятся алгоритмы платформы, какие новые тренды появятся завтра. Его субъектность – это субъектность в ситуации экзистенциального риска, где каждое действие может стать точкой бифуркации [11].

Эта ситуация требует переосмысления категории ответственности. Если в классическом лидерстве ответственность означала ответ за заранее определенные результаты, то в цифровом лидерстве ответственность приобретает новый смысл – как способность удерживать открытость будущего, сохранять пространство для диалога и не закрывать альтернативные траектории развития [18]. Ответственность становится не столько ответом за прошлое, сколько заботой о будущем. Экзистенциалистская традиция, восходящая к Сартру, дает ключ к пониманию этой ситуации [18].

Субъект, по Сартру, «осужден быть свободным» – его свобода не является благом, которое можно принять или отвергнуть, а фундаментальной характеристикой существования. В условиях цифровой турбулентности цифровой лидер также «осужден быть свободным»: он не может уклониться от выбора, поскольку отсутствие выбора само по себе является выбором. Лидер берет на себя ответственность как раз там, где нет гарантированно правильных решений, – создавая контент, выбирая инструменты, цифровой лидер не может быть уверенным в получении признания от своих подписчиков. В его готовности создавать, выбирать контент в условиях неопределенности и состоит его лидерство.

Лидерство в условиях цифровизации характеризуется тем, что оно перестает быть устойчивым носителем власти, авторитета. Лидерство имплицитно как функция влияния через цифровой контент, где лидер не находится на иерархической вершине, а интегрирован в сложную сетевую структуры цифрового пространства. А нарративное конструирование реальности как ключевой инструмент цифрового лидера – это не орудие власти, а приглашение фолловеров к горизонтальному взаимодействию, сотворчеству.

Необходимость поддержки лидерского влияния в условиях цифровой нестабильности порождает особую форму субъектности – непрерывная работа для существования в режиме постоянного риска [22].

Диалогичность цифрового лидерства, предполагающая постоянное взаимодействие с аудиторией, учет ее реакций, адаптацию к ее ожиданиям – является еще одной актуальной характеристикой социализации цифрового лидерства. Так аудитория становится не пассивным объектом влияния, а активным со-участником конструирования лидерского образа [19].

Значимой характеристикой становится трансформация ответственности цифрового лидера, которая не есть ответственность за заранее определенные результаты, а ответственность за сохранение открытости будущего [18].

В условиях цифровой турбулентности цифровой лидер не может гарантировать результаты, но он может гарантировать, что пространство для диалога и альтернативных траекторий развития сохраняется даже при смене каналов или платформ [17].

Таким образом, цифровое лидерство как феномен социализации – это социально-философская конструкция, описывающая процесс, в ходе которого индивид или цифровая персона приобретает статус агента влияния в условиях цифровой турбулентности – не благодаря формальному авторитету, а благодаря способности создавать нарративы, накапливать символический капитал и вовлекать аудиторию в совместное создание смыслов. В этом процессе лидер утрачивает свой субстанциональный статус и становится функцией цифровой среды, а социализация превращается из пассивного усвоения норм в активное участие в конструировании социальной реальности, где субъектность лидера и аудитории взаимно конституируется в диалогическом пространстве между людьми, алгоритмами и платформами.

Заключение

Цифровое лидерство представляет собой новый тип социализации, в котором лидер утрачивает субстанциональный статус и становится функцией цифровой среды, а его субъектность конституируется в диалогическом пространстве между лидером, аудиторией и алгоритмами.

Цифровая среда открывает новые возможности для самореализации и создает новые формы зависимости [28]. Цифровой лидер обретает влияние, которое было недоступно его предшественникам, но платит за это утратой стабильности и предсказуемости. Его субъектность становится более гибкой, адаптивной, но одновременно – более уязвимой и зависимой от внешних факторов [27]. Это противоречие составляет ядро социально-философской проблемы цифрового лидерства как феномена социализации.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бурдьё П. Социология политики. – М.: SocioLogos, 1993. – 336 с.

4. Вебер М. Харизматическое господство // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 646–660.
5. Громыко Ю.В. Культурно-историческая психология овладения деятельностью и альтернативы цифровизации // Культурно-историческая психология. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 27–40. – DOI 10.17759/chp.2023190204.
6. Дахин А.В. Социальная синергетика: опыт философского осмысления. – Н. Новгород: ННГУ, 2004. – 180 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. – 656 с.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.
10. Лутошкина В. Н., Гарская Е.С., Гончарова Е.В. и др. Влияние интернета на формирование личности в современном обществе // Социология. – 2025. – № 4. – С. 154–158. – EDN ZJLW-BU.
11. Лутошкина В. Н., Демидова Т.Е., Сысоева Е.К. и др. Информатизация общества и социальные сети: их влияние и роль на формирование новой социальной культуры современного общества // Социология. – 2025. – № 12. – С. 233–236. – EDN LFLJII.
12. Мень М.А. Лидерство в социально-философском плане // Социальная философия лидерства (концептуальный анализ). – М.: Институт философии РАН, 2013. – С. 12–29.
13. Миронов В.В. Цифровое конструирование реальности и будущее человека // Философские науки. – 2021. – Т. 64, № 4. – С. 9–17. – DOI 10.30727/0235–1188–2021–64–4–9–17.
14. Панарин А.С. Цивилизация и варварство. Будущее России в глобальной перспективе // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 12 (294). – С. 5–13.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
16. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
17. Симутин М.С. Коллективно-синергетическая природа лидерства // Молодой учёный. – 2020. – № 17 (307). – С. 427–429.
18. Смирнов С.А. Цифровая школа: в поисках объяснительных моделей. Часть 1 // Science for Education Today. – 2021. – Т. 11, № 6. – С. 62–79. – DOI 10.15293/2658–6762.2106.04.
19. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 1. – 687 с.
20. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
21. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: A-cad, 1994. – 408 с.
22. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
23. Хмырова-Пруэль И. А., Соколов Б.В., Морина Л.Б. Лидер современного общества: цифровой мир команды и порядка // Proceedings of the International Conference on Social Sciences, Business and Law. – 2019. – DOI 10.2991/ics-bal-19.2019.14.
24. Чепьюк О.Р. Неклассические подходы к исследованию лидерства в условиях изменчивой хозяйственной реальности // KANT. – 2020. – № 1 (34). – С. 171–176.
25. Шелгинская В.А. Специфика информационной и цифровой социализации: акторно-детерминистский подход // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 2. – DOI 10.18799/26584956/2025/2/2033.

DIGITAL LEADERSHIP AS A PHENOMENON OF SOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TURBULENCE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Lutoshkina V.N.
Siberian Federal University

This article offers a socio-philosophical interpretation of digital leadership as a phenomenon of socialization in the context of digital turbulence – a state of the social environment generated by accelerating digitalization and characterized by non-linearity, uncertainty, and the erosion of traditional hierarchies. The author argues that the proliferation of digital technologies and social networks does not merely modify but radically transforms the nature of leadership, turning it from a vertical-hierarchical institution into a horizontal-network process of socialization. The paper substantiates that a digital leader acts not so much as a bearer of formal authority, but as an agent of socialization who constructs new meanings, norms and behavioural patterns under conditions of uncertainty. The methodological framework of the study combines post-structuralist theory of power (M. Foucault), the concept of symbolic capital (P. Bourdieu), the existentialist interpretation of responsibility (J.-P. Sartre), and the synergetic approach to social systems. Special attention is paid to the Russian context of understanding digital socialization (V.V. Mironov, S.A. Smirnov, Yu.V. Gromyko). It is concluded that digital leadership represents a new type of socialization in which the leader loses his substantial status and becomes a function of the digital environment, while his subjectness is constituted in the dialogical space between the leader, the audience and algorithms.

Keywords: digital leadership, socialization, digital turbulence, influencer, symbolic capital, subjectness, horizontal structures, digital culture.

References

1. Barthes R. The Death of the Author // Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. – Moscow: Progress, 1989. – pp. 384–391.
2. Bauman Z. Liquid Modernity. – St. Petersburg: Piter, 2008. – 240 p.
3. Bourdieu P. Sociology of Politics. – Moscow: Socio-Logos, 1993. – 336 p.
4. Weber M. Charismatic Domination // Weber M. Selected Works. – Moscow: Progress, 1990. – pp. 646–660.
5. Gromyko Yu.V. Cultural-Historical Psychology of Activity Mastery and Alternatives to Digitalization // Cultural-Historical Psychology. – 2023. – Vol. 19, No. 2. – Pp. 27–40. – DOI 10.17759/chp.2023190204.

6. Dakhin A.V. Social Synergetics: An Experience of Philosophical Understanding. – Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University, 2004. – 180 p.
7. Derrida J. Letter and Difference. – St. Petersburg: Akademicheskyy Proekt, 2000. – 432 p.
8. Kant I. Critique of Pure Reason. – Moscow: Nauka, 1998. – 656 p.
9. Knyazeva E. N., Kurdyumov S.P. Synergetics as a New World-view: Dialogue with I. Prigogine // Voprosy Filosofii. – 1992. – No. 12. – P. 3–20.
10. Lutoshkina V. N., Garskaya E.S., Goncharova E.V., et al. The Impact of the Internet on the Formation of Personality in Modern Society // Sociology. – 2025. – No. 4. – P. 154–158. – EDN ZJL-WBU.
11. Lutoshkina V. N., Demidova T.E., Sysoeva E.K., et al. Informatization of Society and Social Networks: Their Impact and Role on the Formation of a New Social Culture of Modern Society // Sociology. – 2025. – No. 12. – P. 233–236. – EDN LFLJII.
12. Men' M.A. Leadership in Social and Philosophical Terms // Social Philosophy of Leadership (Conceptual Analysis). – Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2013. – Pp. 12–29.
13. Mironov V.V. Digital Construction of Reality and the Future of Man // Philosophical Sciences. – 2021. – Vol. 64, No. 4. – Pp. 9–17. – DOI 10.30727/0235–1188–2021–64–4–9–17.
14. Panarin A.S. Civilization and Barbarism. The Future of Russia in Global Perspective // Russia and the Muslim World. – 2016. – No. 12 (294). – Pp. 5–13.
15. Prigogine I., Stengers I. Order from Chaos: A New Dialogue between Man and Nature. – Moscow: Progress, 1986. – 432 p.
16. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism // Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat, 1989. pp. 319–344.
17. Simutin M.S. The Collective-Synergetic Nature of Leadership // Young Scientist. 2020. No. 17 (307). pp. 427–429.
18. Smirnov S.A. Digital School: In Search of Explanatory Models. Part 1 // Science for Education Today. 2021. Vol. 11, No. 6. pp. 62–79. DOI 10.15293/2658–6762.2106.04.
19. Fichte I.G. The Foundation of General Theory of Science // Fichte I.G. Works: in 2 volumes. – St. Petersburg: Mithril, 1993. – Vol. 1. – 687 p.
20. Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of Prison. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
21. Foucault M. Words and Things. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p.
22. Haken G. Synergetics. – Moscow: Mir, 1980. – 404 p.
23. Khmyrova-Pruel I. A., Sokolov B.V., Morina L.B. The Leader of Modern Society: The Digital World of Team and Order // Proceedings of the International Conference on Social Sciences, Business and Law. – 2019. – DOI 10.2991/icsbal-19.2019.14.
24. Chepyuk O.R. Non-classical approaches to the study of leadership in the context of a changing economic reality // KANT. – 2020. – No. 1 (34). – P. 171–176.
25. Shelginskaya V.A. Specifics of information and digital socialization: an actor-deterministic approach // Vectors of well-being: economy and society. – 2025. – Vol. 53, No. 2. – DOI 10.18799/26584956/2025/2/2033.

Образование как пространство диалога культур в университете: нравственные основания межкультурного взаимодействия студентов в полиэтнической среде

Толмачева Ирина Игоревна,

аспирант кафедры философии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
E-mail: ira1tolmacheva@yandex.ru

Статья раскрывает роль университета как пространство выстраивания диалога культур между студентами разных национальностей. Раскрывается воспитательный потенциал образовательной среды, способствующей преодолению этноцентризма и развитию эмпатии, уважения к иным ценностям и религиям. Нравственность рассматривается не как набор правил, а как процесс согласования ценностей в условиях межкультурного многообразия в образовательном пространстве. С опорой на философию диалога (М.М. Бахтин, В.С. Библер) и этику добродетелей выделены типичные ценностные конфликты и точки напряжения в полиэтнических студенческих коллективах. Предложены способы их преодоления с помощью специально организованных воспитательных и образовательных практик. Роль преподавателей и кураторов также занимает особое место в выстраивании межнационального диалога. Практическая значимость статьи – в разработке комплекса методических инструментов, например, дискуссий, для совершенствования воспитательной политики вузов.

Ключевые слова: нравственность, образование, диалог, межкультурное взаимодействие, университет.

Введение

В университетах развивается международное взаимодействие, где ежедневно и ежегодно пересекаются разные традиции, ценностные системы и модели социального поведения. А значит современная университетская среда является пространством в формировании нравственных ориентиров у молодого поколения. Именно в студенческом коллективе складываются базовые установки – толерантность, уважение к многообразию культурных и религиозных традиций, способность к конструктивному диалогу. Как отмечал французский социальный психолог и социолог Гюстав Лебон, «вообще можно сказать, что величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности» [1]. В контексте полиэтнической образовательной среды эта мысль приобретает особую значимость: способность выстраивать уважительное взаимодействие с представителями иных культур, преодолевать стереотипы и находить общие ценные основания – важнейшие результаты университетского воспитания, имеющие как личностное, так и социальное развитие.

Актуальность исследования обусловлена следующими взаимосвязанными факторами:

- 1) необходимость нравственного оснащения межкультурного диалога в вузе;
- 2) воспитательная работа в университете оказывается в подчинение академической успеваемости, и практика формирования межкультурной компетенции реализуется бессистемно и эпизодически;
- 3) расхождение между нормативными целями воспитания и реальными инструментами достижения.

Цель исследования – раскрыть нравственные основания межкультурного взаимодействия студентов в университете и предложить способы их внедрения в образовательные и воспитательные практики вуза.

Задачи исследования:

- 1) опираясь на философию диалога (М.М. Бахтин, В.С. Библер), раскрыть специфику «диалога культур» в университетской полиэтнической среде;
- 2) определить, какие образовательные и внеучебные практики наиболее эффективно способствуют к развитию нравственности в университете;

3) соотнести типы ценностных напряжений и конфликтов, типичных студенческой среды с набором добродетелей для преодоления стереотипов и разрешения групповых противоречий.;

4) сформировать практические рекомендации по включению нравственно-ценностного компонента в воспитательную работу вузы.

Научная новизна включает в себя, такие исследования как, во-первых, предложена теоретическая модель, объединяющая философию диалога (Бахтина М.М. и Библера В.С.) и этику добродетелей для осмысления межкультурного взаимодействия в вузе, во-вторых, нравственность раскрыта как процесс согласования ценностей (а не как набор правил), а диалог культур – как пространство его реализации, но и, в-третьих, разработаны методические инструменты, которые нацелены на формирование у студентов конкретных нравственных качеств.

Основная часть

По представлениям В.С. Библера [2], любое произведение культуры было не только создано его автором, но и понято читателем, зрителем или слушателем, а значит, наполнено смыслом и процессом общения. И культура оказывается той формой исторического бытия человека, которая не исчезает одновременно с исчезновением цивилизации, а продолжает воплощать в себе смысловой универсум опыта общения, культурных контактов [3]. Сама идея диалога культур не нова для философии, но основные положения, разработанные М.М. Бахтиным и продолженные в работах В.С. Библера, значительно углубили и расширили ее. По мнению В.С. Библера, феномен культуры «пронизывает... все решающие события жизни и сознание людей нашего века» [4]. М.М. Бахтин понимает культуру в трех ипостасях:

1. Как форму общения людей разных культур и форму диалога: «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [5, с. 85].

2. Как механизм самодетерминации личности, с присущей ей историчностью и социальностью.

3. Как форму обретения, восприятия мира впервые.

Таким образом, Библиер и Бахтин считают, что именно через диалог с другими культурами создается персональный и общественный арсенал знаний, навыков и умений понимания кодов и символов, отражающих исторический смысл каждого явления. Этот смысл, в свою очередь, является основным социально-эстетическим, психологическим и культурным критерием поведения [6].

Помимо нормативных подходов, где нравственность сводится к набору правил, этика добродетелей (Аристотель) трактует нравственность, как

устойчивые качества личности, проявляющиеся в конкретных ситуациях. Для межкультурного диалога актуальные следующие добродетели: эмпатия, уважение, справедливость, открытость, мужество. Важно учитывать, что добродетели – это не врожденные черты, а качества, которые формируются в деятельности. И развитие их в университете возможно через специально организованные практики: кейс-дискуссии с этическими дилеммами, совместный проект межкультурных мероприятий или моделирование групповых убеждений по правилам уважительного диалога. С этой точки зрения нравственности в вузе – это не набор предписаний, а процесс согласования ценностей в условиях культурного многообразия. Его цель – не «устранить различия», а создать условия, при которых различия становятся ресурсом понимания, а не источником конфликта.

С позиции философии диалога Бахтина М.М., Библера В.С. и этики добродетелей выделяются не просто мероприятия «про культуру», а те, которые создают условия для нравственного диалога.

Образовательные практики:

1) Кейс-методы с этическими дилеммами межкультурного характера. На занятиях студентам будут предложены ситуации, где нет однозначного ответа «правильного» ответа, а нужно учитывать разные ценностные логики (например, столкновение представлений о справедливости в групповой оценке). Такие кейсы развивают справедливость в диалоге: студент учится видеть сложность ситуации и предлагать компромиссные варианты.

2) Рефлексивные элементы в учебных заведениях – это эссе, дневники и анализ собственного взаимодействия с представителями разных культур и религий. Данная практика помогает развить эмпатию и открытость, студент фиксирует не только «что произошло», но и «почему я так отреагировал», «какие стереотипы проявились».

Внеучебные практики: кураторские часы, межкультурные студенческие проекты, волонтерские и медиа-практики, правила в общежитиях.

В таблице 1 представлена типы ценностных конфликтов в полиэтнической студенческой среде и способы их преодоления.

Такое соотношение позволит принять верное решение, так как для каждого типа напряженности подбираются конкретные практики и целевые добродетели, а также критерии их проявления у студентов.

Рекомендации представлены таким образом, чтобы касался инфраструктуру вуза и не требовалась создания новых структур:

1) создать методическую площадку на базу университета, где возможность разрабатывать кейсы на основе реальных ситуаций в вузе, обучать кураторов и активистов, собирать лучшие студенческие практики;

2) интегрировать рефлексивный компонент в студенческое самоуправление и проектную деятельность. В работе студсовета, волонтерских объединений и творческих коллективов включать проекты, где студенты из разных культур выступают соавторами;

3) кейс-дискуссия, культурный код группы, моделируемые дебаты (см. табл. 1);

4) входная и итоговая диагностика – анкеты по шкалам эмпатии и толерантности, анализ отчетов и эссе;

5) отчетность – показатель мониторинга воспитательной работы и отчеты по молодежной политике вуза.

Таблица 1. Типы ценностных конфликтов в полиэтнической студенческой среде и способы их преодоления

Тип напряжения	Суть конфликта	Релевантные добродетели	Разрешение конфликта
Нормативные (о правилах поведения, иерархии)	Разные представления о допустимом: могут перебивать	Справедливость, уважение	Студенты совместно формулируют правила в группах/обществах; не навязать одну норму, а договариваться о компромиссах и взаимного уважения
Ритуальные (о формах выражения идентичности)	Из-за одежды, праздников, пищи, религиозных практик	Эмпатия, открытость	Проектные форматы, где каждый объясняет смысл своей практики, но цель заключается не «принять как свое», а понять почему это важного для другого
Мировоззренческие (о базовых ценностях)	Столкновение представлений о добре и зле, справедливости, семейных ролях	Ответственность за высказывания, мужество в диалоге	Дебаты и круглые столы, где цель – не переубедить, а пояснить позиции и найти нейтральные зоны сотрудничества

Роль преподавателя и куратора в том, чтобы не диктовать правила, а быть модератором, который удерживает формат, помогает формулировать аргументы, обращает внимание на этические аспекты высказываний и поддерживает рефлекссию.

Заключение

В ходе исследования разработана модель мужского культурного диалога в визу на стыке философии диалога (Бахтин М.М., Библер В.С.) и этики добродетелей. Предложена типология ценностных напряжений (нормативные, ритуальные, мировоззренче-

ские) и соотнесенные с ними практики для развития нравственных качеств студентов.

Рекомендации позволяют системно включать нравственно-ценностный компонент в работу вуза и оценивать его эффекты. Кроме того, разработана система критериев и инструментов оценки эффективности таких практик – от анкет и анализа рефлексивных отчетов до поведенческих индикаторов (снижение числа конфликтных обращений, рост числа межкультурных студенческих инициатив).

Таким образом, исследование демонстрирует, что университет способен выступать институциональной средой трансляции нравственных норм, если воспитательная работа будет целенаправленно строиться вокруг идеи диалога культур и развития добродетелей как целевых результатов.

Литература

1. Цитаты известных людей: некоммер. интернет-версия: сайт / Гюстав Лебон цитаты. – URL: <https://ru.citaty.net/avtory/giustav-lebon/> (дата обращения: 09.08.2026). – Текст: электронный.
2. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (часть 2). – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (дата обращения: 11.08.2026).
3. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
4. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – Москва: Политиздат, 1990. – 413 с.
5. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – Москва: Прогресс, 1991. – 176 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Художественная литература, 1979. – 412 с.

EDUCATION AS A SPACE FOR DIALOGUE OF CULTURES AT THE UNIVERSITY: MORAL FOUNDATIONS OF INTERCULTURAL INTERACTION OF STUDENTS IN A MULTI-ETHNIC ENVIRONMENT

Tolmacheva I.I.

Mordovian State University named after. N.P. Ogareva

This article explores the role of the university as a space for fostering intercultural dialogue between students of different nationalities. It explores the educational potential of an educational environment that promotes overcoming ethnocentrism and developing empathy and respect for other values and religions. Morality is viewed not as a set of rules, but as a process of reconciling values in the context of intercultural diversity in the educational space. Drawing on the philosophy of dialogue (M.M. Bakhtin, V.S. Bibler) and virtue ethics, typical value conflicts and tensions in multiethnic student groups are identified. Methods for overcoming these conflicts through specially organized educational and pedagogical practices are proposed. The role of faculty and curators also plays a key role in fostering in-

terethnic dialogue. The practical significance of this article lies in the development of a set of methodological tools, such as discussions, for improving the educational policies of universities.

Keywords: morality, education, dialogue, intercultural interaction, university.

References

1. Quotes from Famous People: non-commercial online version: website / Gustave Le Bon quotes. – URL: <https://ru.citaty.net/avtory/giustav-lebon/> (accessed: 09.08.2026). – Text: electronic.
2. Modern Problems of Science and Education. 2015. No. 1 (part 2). – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (accessed: 11.08.2026).
3. Bibler V.S. Culture. Dialogue of Cultures (an Attempt at Definition) // Questions of Philosophy. – 1989. – No. 6. – pp. 31–42.
4. Bibler V.S. From the Science of Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century. – Moscow: Politizdat, 1990. – 413 p.
5. Bibler V.S. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or Poetics and Culture. – Moscow: Progress, 1991. – 176 p.
6. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. – 412 p.

Хактивизм как испытание метафизики субъекта активизма: анонимность, коллективность и цифровое гражданское неповиновение

Анисимов Тимофей Юрьевич,

аспирант, кафедра философии, социологии и психологии управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: grisyeux@yandex.ru

Статья исследует хактивизм – политически мотивированное использование технических средств несанкционированного доступа и вмешательства в информационные системы – как явление, испытывающее на прочность саму метафизическую модель субъекта, обычно предполагаемую в социально-философском анализе активизма: модель узнаваемого, рефлексивного, ответственного деятеля, чьё действие адресовано другим в публичном пространстве. Показано, что существующие определения хактивизма – политологическое (А. Сэмюэл) и социологическое (Т. Джордан, П. Тейлор) – фиксируют явление описательно, не решая вопроса о его субъекте, и на этой основе предложено собственное, философское определение хактивизма как речевого акта, опосредованного техне: политического высказывания, совершаемого не через слово или тело, а через код, вмешивающийся в информационную инфраструктуру. Установлено, что хактивизм структурирован напряжением между двумя полюсами субъектности – анонимно-коллективным действием (Anonymous) и предельно индивидуализированным свидетельством (whistleblowing), – которые представляют собой не варианты одного явления, а противоположные ответы на вопрос о носителе политического высказывания. С опорой на теорию группового действия Ч. Листа и Ф. Петтита показано, что маска не отменяет субъектность, а перемещает её на уровень коллективного агента. Наконец, DDoS-акции испытаны на соответствие классической рамке гражданского неповиновения (Г.Д. Торо, Дж. Ролз, Х. Арендт), и на этом материале выведены критерии подлинности хактивистского действия, учитывающие как индивидуальную, так и коллективную форму ответственности.

Ключевые слова: хактивизм; анонимность; цифровое гражданское неповиновение; групповая агентность; whistleblowing; DDoS; критерии подлинности; техне; коллективный субъект.

Введение

Социально-философский анализ активизма – каким бы ни было его конкретное содержание – как правило, молчаливо опирается на определённую модель субъекта: деятель, о котором идёт речь, мыслится узнаваемым, способным дать отчёт в основаниях своего поступка и нести за него ответственность, действующим на виду у других. Эта модель настолько привычна, что редко становится предметом отдельной рефлексии – она принимается как естественная предпосылка, а не как содержательное допущение, которое ещё нужно обосновать. Между тем существует область активистской практики, которая эту предпосылку прямо оспаривает: хактивизм – политически мотивированное вторжение в информационные системы посредством технических средств, обычно ассоциируемых с компьютерным взломом. Его наиболее известная форма – децентрализованное сетевое движение Anonymous – конституируется вокруг демонстративной анонимности: лозунг «We are Legion» и повсеместная маска Гая Фокса не случайны, а выражают программный отказ от индивидуальной идентифицируемости как условия участия. Одновременно к тому же зонтичному термину относят и практику прямо противоположного типа – обнародование секретных сведений конкретным, поимённо известным лицом, жертвующим личной свободой ради огласки (Э. Сноуден, Ч. Мэннинг).

Это несовпадение – между явлением, отменяющим индивидуальную идентифицируемость, и явлением, доводящим её до предела, – и составляет проблему настоящей статьи. Если модель активистского субъекта требует узнаваемости и способности нести ответственность, можно ли вообще говорить о хактивизме как о единой категории, или зонтичный термин скрывает два принципиально разных, едва ли не противоположных случая? И если анонимно-коллективная форма хактивизма всё же признаётся подлинным политическим действием, то на каком основании – если не на основании узнаваемого, ответственного «я»?

Цель статьи – ответить на эти вопросы через последовательное решение трёх задач: во-первых, дать хактивизму философское, а не только описательно-социологическое определение; во-вторых, показать, что его анонимный и индивидуализированный полюса суть не варианты одного явления, а структурно противоположные ответы

на вопрос о носителе политического высказывания, и объяснить анонимность не как отмену субъектности, а как её перемещение на уровень коллективного агента; в-третьих, испытать хактивистскую практику – на примере DDoS-акций – на соответствие классической философской рамке гражданского неповиновения и вывести на этом материале критерии подлинности хактивистского действия.

Понятие хактивизма: от технического жаргона к философской категории

От hacking к hacktivism: генеалогия термина и его дескриптивные определения

Сам термин «хактивизм» (hacktivism) возник на пересечении хакерской субкультуры и политического языка активизма в середине 1990-х годов; его происхождение излагается по-разному – от статьи техно-культурного критика Дж. Сэка 1995 года о медиахудожнице Шу Ли Чанг до электронного письма участника хакерской группы Cult of the Dead Cow, известного под псевдонимом Omega, датированного 1996 годом, – но в любом случае термин фиксирует уже состоявшееся слияние двух ранее отдельных практик: технического мастерства несанкционированного проникновения в системы («хакинга») и политически мотивированного протеста, что подробно прослежено в первой главе монографии Джордана и Тейлора, посвящённой истории хакинга и хактивизма [2]. Показательно, что уже сама двусоставность термина задаёт напряжение, вокруг которого выстроена настоящая статья: hacking – техническая, инструментальная категория, activism – категория ценностная, отсылающая к политическому высказыванию и его субъекту.

Первые систематические академические определения хактивизма принадлежат политической науке и социологии, а не философии. А. Сэмюэл в докторской диссертации, защищённой в Гарвардском университете, определяет хактивизм как ненасильственное использование незаконных или юридически неоднозначных цифровых инструментов в политических целях, включая дефейс веб-сайтов, перенаправления, атаки типа «отказ в обслуживании», хищение информации, пародийные сайты, виртуальные сидячие забастовки, виртуальный саботаж и разработку специализированного программного обеспечения [1]. Т. Джордан и П. Тейлор, авторы первой монографии, посвящённой этому явлению, определяют хактивизм как соединение низового политического протеста с компьютерным хакингом и предлагают различать в его составе два основных течения: «массовое» хактивистское действие (mass action hacktivism), апеллирующее к логике уличного протеста и коллективного присутствия, и «цифровую корректность» (digitally correct hacktivism), сфоку-

сированную на праве на защищённый доступ к информации как таковом [2].

Оба определения содержательны и эмпирически надёжны, но обнаруживают общую черту: они дескриптивны и функциональны – перечисляют формы и мотивы, не отвечая на вопрос, поставленный во введении. Ни то, ни другое определение не задаётся вопросом, кто именно выступает субъектом хактивистского высказывания и каким образом техническое действие – по природе своей операциональное, безразличное к присутствию свидетеля, – становится политическим актом, требующим, как и всякий акт активизма, публичной адресации.

Философское определение: хактивизм как речевой акт, опосредованный техне

Восполнение этого пробела требует не отказа от накопленных дескриптивных определений, а прибавления к ним недостающего слоя – вопроса о структуре самого акта. Предлагается следующее определение: хактивизм есть политическое высказывание, совершаемое не через слово или физическое присутствие тела, а через техническое вмешательство в информационную инфраструктуру, – высказывание, в котором само вмешательство (взлом, отказ в обслуживании, утечка) выполняет функцию, которую в традиционных формах активизма выполняет речь или явление перед другими. Существенно здесь именно совмещение двух разнородных регистров – техне (технического умения, безразличного само по себе к какой-либо ценностной направленности: тот же навык взлома системы одинаково пригоден и для кражи, и для протеста) и логоса в широком смысле – способности сообщать, адресовать нечто другим, требовать признания правоты. Хактивизм в этом отношении – это техне, вынужденное работать как логос: программный код, DDoS-трафик или похищенный документ должны не просто произвести технический эффект (недоступность сайта, утечку данных), но и быть прочитанными как высказывание, обращённое к определённой аудитории по определённому политическому поводу. Именно поэтому хактивистская акция, лишённая ясно артикулированного политического сообщения, – например, взлом ради взлома или демонстрации технического мастерства как такового, – не подпадает под предложенное определение: она остаётся чистым техне, не достигшим уровня высказывания.

Данное определение позволяет объяснить и центральную трудность, обозначенную во введении. Если политическое высказывание по определению нуждается в адресате и, следовательно, в некотором минимальном модусе публичности, то возникает вопрос: должен ли адресант этого высказывания быть индивидуально узнаваем – так, как это предполагается в традиционных моделях активистского субъекта, – или публичность высказывания и узнаваемость его автора суть независи-

мые друг от друга требования? Ответ на этот вопрос и составляет предмет второго и третьего параграфов.

2. Два полюса хактивизма: анонимно-коллективное действие и предельно индивидуализированное свидетельство

Anonypous и логика анонимно-коллективного действия

Наиболее полное на сегодняшний день этнографическое исследование Anonypous принадлежит антропологу Г. Коулман, на протяжении нескольких лет изучавшей это движение изнутри – от истоков на имиджборде 4chan до участия в противостояниях вокруг WikiLeaks и «арабской весны» [3]. Коулман описывает маску Гая Фокса – заимствованную из графического романа и одноимённого фильма «V значит вендетта» – как символ, способный в равной мере покрывать хакера, мистификатора, информатора и агента (hacker, hoaxer, whistleblower, spy – четыре ипостаси, вынесенные в заглавие её книги) [3]. Принципиальный тезис Коулман состоит в том, что анонимность Anonypous – не бегство от ответственности и не отсутствие структуры, а сознательно культивируемая коллективная идентичность: движение организовано множеством пересекающихся, слабо связанных между собой ячеек («cabals»), внутри которых, тем не менее, действуют негласные нормы и репутационные механизмы, определяющие, кто и что может говорить от имени коллектива [3]. Показательно и то, что сама Коулман – учёный, а не активист, – на протяжении исследования оказалась вовлечена в сложные отношения доверия и посредничества с участниками движения, что свидетельствует не о хаотичной массе, а об устойчивой, хотя и текучей, социальной структуре.

2.2. Whistleblowing: предельная индивидуализация свидетельства

Противоположный полюс хактивизма представлен практикой информаторства (whistleblowing) – обнародованием сведений о неправомерных или скрываемых от общества действиях организации или государства лицом, находящимся внутри этой организации. Философское осмысление этой практики восходит к работе С. Бок, выделившей три конституирующих элемента информаторства: несогласие (dissent) – публичное выражение расхождения с позицией руководства или большинства; нарушение лояльности (breach of loyalty) – разрыв обязательства перед организацией, к которой принадлежит информатор; и обвинение (accusation) – прямое указание на конкретное нарушение, а не абстрактное недовольство [4]. Существенно, что все три элемента у Бок предполагают именно индивидуального, узнаваемого деятеля: обвинение адресуется от чьего-то лица, нарушение лояльности пережи-

вается как личная драма конкретного человека, разрывающего связь с конкретной институцией, к которой он принадлежал.

К. Делмас в специальной работе, посвящённой этике информаторства применительно к государственным секретам, добавляет к этой картине существенное уточнение: в отличие от гражданского неповиновения в его классическом понимании, информаторство, как правило, не удовлетворяет требованию гражданственности (civility), поскольку предполагает скрытное планирование и нередко анонимность на этапе подготовки, а также отказ добровольно принять предусмотренное законом наказание [5]. Это наблюдение существенно для настоящей статьи: оно показывает, что даже наиболее индивидуализированный полюс хактивизма – где субъект, казалось бы, максимально узнаваем и ответственен, – на практике устроен сложнее классической модели гражданского неповиновения, предполагающей открытое, демонстративное принятие последствий поступка. К этому затруднению статья вернётся в четвёртом параграфе.

Два описанных полюса – анонимно-коллективный и предельно индивидуализированный – представляют собой, таким образом, не два случая одного и того же явления, а структурно противоположные ответы на вопрос о носителе политического высказывания: в одном случае высказывание совершается от лица никому не подотчётного, текучего коллектива, в другом – от лица одного, поимённо известного и несущего личную ответственность человека. Общим для обоих остаётся то, что было зафиксировано в определении из § 1.2: и там, и там технический акт (взлом, утечка) функционирует как высказывание, адресованное публике, – расходится лишь ответ на вопрос, кто выступает адресантом.

Маска как форма субъектности, а не её отмена

Наблюдение Коулман о структурированности анонимного коллектива нуждается в философском обосновании, выходящем за пределы этнографического описания: необходимо показать, что коллективная анонимность не отменяет субъектность как таковую, а перемещает её на другой онтологический уровень – уровень группового, а не индивидуального агента.

Систематическую философскую разработку понятия группового агента дают Ч. Лист и Ф. Петтит. Отправляясь от вопроса, являются ли корпорации, государства и иные организации длинными агентами или лишь совокупностями индивидов, создающими обманчивое впечатление единства, Лист и Петтит формулируют строгий, функциональный критерий агентности: система является агентом, если она обладает репрезентативными установками о положении дел в мире,

мотивационными установками (целями) и способностью действовать в соответствии с этими установками на основе своих репрезентаций [6]. Принципиальный тезис их теории состоит в том, что группа, удовлетворяющая этим условиям – то есть выработавшая механизм агрегации индивидуальных суждений в единую, достаточно согласованную позицию и способная действовать на основании этой позиции, – является агентом в полном смысле слова, несводимым к простой сумме составляющих её индивидов, и это не мистическая, а строго функциональная, объяснимая характеристика [6]. Лист и Петтит специально показывают, что групповая агентность влечёт за собой и возможность привлечения группы к ответственности как единого целого – вопрос, который они рассматривают отдельно, в главе, посвящённой основаниям коллективной подотчётности [6].

Перенесённая на материал Anonymous, эта конструкция снимает кажущийся парадокс анонимно-коллективного хактивизма. Отсутствие индивидуально узнаваемого деятеля не означает отсутствия агента как такового: как показывает Коулман, движение вырабатывает – пусть неформально, через репутационные механизмы, внутренние нормы и процедуры согласования – нечто функционально эквивалентное репрезентативным и мотивационным установкам в смысле Листа и Петтита, а отдельные операции (DDoS-кампании, публикации похищенных данных) выступают действиями, совершаемыми от лица этого группового, а не какого-либо индивидуального агента. Маска в этом свете – не сокрытие субъекта, а конституирующий элемент его коллективной формы: она не столько прячет индивида, сколько буквально означает переход высказывания с индивидуального регистра на коллективный, ровно так же, как подпись под коллективным заявлением означает, что говорит организация, а не подписавший её конкретный человек. Это, разумеется, не означает автоматической моральной легитимности любого действия, совершённого от имени такого коллективного агента, – вопрос об условиях его подлинности будет поставлен в пятом параграфе, – но снимает саму метафизическую претензию, будто анонимность как таковая исключает возможность говорить о хактивизме как об активизме.

DDoS и традиция гражданского неповиновения: цифровой sit-in?

Определение хактивизма как высказывания, опосредованного техне, и анализ его коллективного полюса подводят к необходимости испытать конкретную хактивистскую практику на соответствие устоявшейся философской традиции, в рамках которой веками осмыслялось право на политически мотивированное нарушение закона, – традиции гражданского неповиновения.

Классическая формулировка этой традиции восходит к эссе Г.Д. Торо «О гражданском неповиновении» (1849) [10], а систематическую философскую разработку получает у Дж. Ролза, определяющего гражданское неповиновение как публичный, ненасильственный, продиктованный убеждениями, но при этом политический акт, противоречащий закону, – акт, обычно совершаемый с намерением добиться изменения закона или политики правительства и предполагающий готовность принять предусмотренные законом последствия как свидетельство добросовестности и уважения к правовой системе в целом [7]. Х. Арендт, соглашаясь с базовыми условиями публичности и ненасильственности, вносит существенную корректировку в понимание субъекта такого действия: по её наблюдению, гражданские нарушители закона в развитых демократиях XX века выступают не разрозненными, охваченными частными угрызаниями совести индивидами, а «добровольным объединением» – организованным меньшинством, действующим согласованно и открыто заявляющим о своей позиции [8]. Это наблюдение Арендт существенно смещает акцент: гражданское неповиновение с самого начала мыслится ею не как исключительно индивидуальный, а как в принципе коллективный, ассоциативный модус действия – что заметно облегчает применение этой рамки к коллективному хактивизму, но вместе с тем не отменяет ключевого ролзовского требования публичности и готовности принять последствия.

Именно на соответствие этой рамке испытывает DDoS-акции М. Саутер в монографии, специально посвящённой этому вопросу. Саутер проследивает историю активистских DDoS-кампаний – от протестов группы Electrohippies конца 1990-х до операций, проводившихся Anonymous, – и посвящает отдельную главу вопросам идентичности, анонимности и ответственности [9]. Её центральный тезис состоит в том, что DDoS-акция по своей функции аналогична традиционной сидячей забастовке (sit-in): подобно тому, как физическая блокада входа в учреждение временно прерывает его нормальную работу, чтобы сделать политическое требование заметным и ощутимым, распределённая атака временно прерывает работу цифрового ресурса с той же целью – не разрушить, а сделать неигнорируемым [9]. Саутер настаивает, что широко распространённое сравнение DDoS-акций с актами вандализма или терроризма систематически смещает восприятие в сторону криминализации, тогда как более точная историческая аналогия – именно репертуар гражданского неповиновения [9].

Однако само же исследование Саутер честно фиксирует и точки расхождения хактивистской практики с классической рамкой. Во-первых, отсутствует прямой аналог «дня в суде»: участни-

ки исторических актов гражданского неповиновения – от Индийского похода за солью до сидячих забастовок движения за гражданские права – как правило, ожидали ареста и открытого судебного процесса как части самого политического акта, тогда как участники DDoS-кампаний в подавляющем большинстве случаев стремятся избежать идентификации [9]. Во-вторых, как отмечает Саутер, само определение «атаки», механически перенесённое на любые формы DDoS независимо от мотивации, заранее настраивает восприятие в терминах насилия и ущерба, затрудняя честную оценку соответствия действия критерию ненасильственности [9]. Наконец, именно к этой точке – расхождению между требованием открытого принятия ответственности у Ролза и практикой анонимности хактивистов – подводит и наблюдение Делмас об информаторстве, сделанное в § 2.2: оба полюса хактивизма, каждый по своей причине, оказываются в напряжённых отношениях с классическим требованием гражданственности, но, что немаловажно, не по одной и той же причине – информатор нарушает его через скрытность подготовки при полной итоговой узнаваемости, тогда как анонимный коллектив нарушает его через отсутствие индивидуальной, хотя, как показано в § 3, не обязательно коллективной, идентифицируемости.

Испытание: критерии подлинности хактивистского действия

Проведённый анализ позволяет сформулировать критерии, при соблюдении которых хактивистское действие может быть признано подлинным политическим актом в смысле определения, данного в § 1.2, а не собственно взломом, прикрываемым политической риторикой, или актом безответственного вандализма.

Артикулированность политического высказывания. В соответствии с определением из § 1.2, техническое вмешательство должно быть прочтываемо как высказывание, адресованное определённой аудитории по определённому поводу; акция, не сопровождаемая ясно сформулированным политическим требованием или разъяснением, остаётся чистым техне и не удовлетворяет самому понятию хактивизма.

Пропорциональность и минимизация ущерба третьим лицам. Вслед за ролзовским требованием ненасильственности – переосмысленным применительно к цифровой среде, где физическое насилие в принципе невозможно, но возможен ущерб для не причастных пользователей и инфраструктуры, – подлинная хактивистская акция должна быть соразмерна заявленной цели и минимизировать побочный вред, не совпадающий с адресатом высказывания.

Отслеживаемая подотчётность – индивидуальная или коллективная. Опираясь на анализ § 3, критерий узнаваемости деятеля переформулируется не как требование индивидуальной идентифицируемости, а как требование отслеживаемой подотчётности: должен существовать некоторый агент – индивидуальный, как в случае информаторства, или коллективный, как в случае структурированного, по Листу и Петтиту, объединения, – к которому можно адресовать вопрос об основаниях и последствиях действия. Анонимность конкретного участника совместима с этим критерием тогда и только тогда, когда коллектив в целом выступает узнаваемым, обладающим репутацией и внутренними нормами агентом; полностью анонимное, не связанное ни с каким прослеживаемым агентом действие этому критерию не удовлетворяет.

Готовность нести последствия – прямая или опосредованная. Наконец, вслед за ролзовским требованием, но с поправкой, вытекающей из наблюдения Делмас, критерий готовности принять последствия сохраняется, но в расширенном виде: он выполняется не только прямым, демонстративным принятием ареста, как в классических случаях гражданского неповиновения, но и опосредованно – коллективным принятием репутационных и правовых рисков движением в целом, что подтверждается историей Anonymous, участники которого – вопреки декларируемой анонимности – неоднократно подвергались реальному уголовному преследованию и отбывали заключение.

Существенно, что данные критерии по-разному распределены между двумя полюсами хактивизма, описанными в § 2: информаторство в лице отдельного человека, как правило, безусловно удовлетворяет четвёртому критерию (личный, максимально прямой риск) при структурном напряжении со вторым и третьим (секретность подготовки, сложности с пропорциональностью при публикации больших массивов данных); анонимно-коллективное действие, напротив, способно выстроить подотчётность на уровне группы (третий критерий), но требует особого внимания к первому и второму критериям, поскольку отсутствие единого, узнаваемого автора облегчает соскальзывание акции в чистую демонстрацию силы, лишённую артикулированного политического содержания.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать три взаимосвязанных результата. Во-первых, хактивизму дано философское определение, восполняющее пробел существующих дескриптивных, политологических и социологических дефиниций: хактивизм есть политическое высказывание, совершаемое через техническое вмешательство в инфор-

мационную инфраструктуру, – высказывание, в котором техне вынуждено функционировать как логос, адресуя нечто определённой аудитории. Во-вторых, показано, что зонтичный термин «хактивизм» скрывает два структурно противоположных, а не просто различных случая – анонимно-коллективное действие и предельно индивидуализированное информаторство, – представляющих собой противоположные ответы на вопрос о носителе политического высказывания; при этом, с опорой на теорию группового агента Листа и Петтита, показано, что анонимность коллективного полюса не отменяет субъектность, а перемещает её с индивидуального уровня на уровень структурированного, обладающего собственными нормами и репутацией коллективного агента. В-третьих, DDoS-акции испытаны на соответствие классической рамке гражданского неповиновения (Торо, Ролз, Арендт), и на основе выявленных точек соответствия и расхождения выведены четыре критерия подлинности хактивистского действия – артикулированность высказывания, пропорциональность, отслеживаемая (индивидуальная или коллективная) подотчётность и готовность нести последствия, – которые по-разному, но в равной мере применимы к обоим полюсам явления.

Дальнейшая разработка предложенной методологии связана с распространением выведенных критериев на смежные, не рассмотренные в настоящей статье формы цифрового активизма, а также с эмпирической проверкой того, в какой мере реальные хактивистские кампании последних лет соответствуют предложенной четырёхчастной модели.

Литература

1. Сэмюэл А.В. Хактивизм и будущее политического участия: докторская диссертация. Кембридж, Массачусетс: Гарвардский университет, 2004.
2. Джордан Т., Тейлор П.А. Хактивизм и кибервойны: повстанцы с целью? Лондон: Routledge, 2004.
3. Коулман Г. Хакер, обманщик, информатор, шпион: многоликий Anonymous. Лондон; Нью-Йорк: Verso, 2014.
4. Бок С. Информирование и профессиональная ответственность // Ежеквартальный журнал образования Нью-Йоркского университета. 1980. Том 11, № 4. С. 2–7.
5. Дельмас К. Этика правительственного информирования // Социальная теория и практика. 2015. Том 41, № 1. С. 77–105.
6. Лист С., Петтит П. Групповое агентство: возможность, структура и статус корпоративных агентов. Оксфорд: Oxford University Press, 2011.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Кембридж, Массачусетс: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
8. Арендт Х. Гражданское неповиновение // Арендт Х. Кризисы Республики. Нью-Йорк: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
9. Заутер М. Грядущий рой: DDoS-атаки, хактивизм и гражданское неповиновение в Интернете. Нью-Йорк; Лондон: Bloomsbury Academic, 2014.
10. Торо Х.Д. Гражданское неповиновение (Сопротивление гражданскому правительству). 1849.1. Samuel A.W. Hacktivism and the Future of Political Participation: PhD dissertation. Cambridge, MA: Harvard University, 2004.

HACKTIVISM AS A TEST OF THE METAPHYSICS OF THE ACTIVIST SUBJECT: ANONYMITY, COLLECTIVITY, AND DIGITAL CIVIL DISOBEDIENCE

Anisimov T.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines hacktivism as a phenomenon that tests the metaphysical model of the subject usually presupposed in the philosophical analysis of activism – that of a recognizable, reflexive, accountable agent. A philosophical definition of hacktivism is proposed: a speech act mediated by techne. Hacktivism is shown to be structured by the tension between two poles of subjecthood – anonymous-collective action (Anonymous) and radically individualized testimony (whistleblowing). Drawing on List and Pettit's theory of group agency, the mask is shown to relocate rather than abolish subjecthood. DDoS actions are tested against the classical framework of civil disobedience (Thoreau, Rawls, Arendt), yielding criteria of authenticity for hacktivist action.

Keywords: hacktivism; anonymity; digital civil disobedience; group agency; whistleblowing; DDoS; criteria of authenticity; techne; collective subject.

References

1. Samuel A.W. Hacktivism and the Future of Political Participation: PhD dissertation. Cambridge, MA: Harvard University, 2004.
2. Jordan T., Taylor P.A. Hacktivism and Cyberwars: Rebels with a Cause? London: Routledge, 2004.
3. Coleman G. Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous. London; New York: Verso, 2014.
4. Bok S. Whistleblowing and Professional Responsibility // New York University Education Quarterly. 1980. Vol. 11, No. 4. P. 2–7.
5. Delmas C. The Ethics of Government Whistleblowing // Social Theory and Practice. 2015. Vol. 41, No. 1. P. 77–105.
6. List C., Pettit P. Group Agency: The Possibility, Design, and Status of Corporate Agents. Oxford: Oxford University Press, 2011.
7. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
8. Arendt H. Civil Disobedience // Arendt H. Crises of the Republic. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
9. Sauter M. The Coming Swarm: DDoS Actions, Hacktivism, and Civil Disobedience on the Internet. New York; London: Bloomsbury Academic, 2014.
10. Thoreau H.D. Civil Disobedience (Resistance to Civil Government). 1849.

Проблема патриотизма в социально-антропологическом срезе в рамках новой образовательной модели

Вострякова Юлия Викторовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Философия и история науки», Приволжский государственный университет путей сообщения

E-mail: u.vostrukova@samgups.ru

Волов Вячеслав Теодорович,

член-корреспондент РАО, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель университета, Приволжский государственный университет путей сообщения

E-mail: volovvt@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Приволжский государственный университет путей сообщения

E-mail: d537798@gmail.com

В статье рассматривается трансформация феномена патриотизма в условиях смены образовательной парадигмы. Автор анализирует проблему через призму феноменологического и социально-антропологического подхода, смещая фокус с государственно-политической риторики на микроуровень повседневных практик и ценностных установок личности. Рассматриваются важнейшие измерения феномена патриотизма в рамках феноменологического подхода к проблеме патриотизма. Автор опирается на результаты опросов студенческой аудитории в рамках работы над курсом Основы российской государственности. Обосновывается тезис о том, что традиционные формы трансляции патриотического чувства, характерные для индустриальной эпохи, демонстрируют низкую эффективность в рамках новой образовательной модели, ориентированной на развитие субъектности, критического мышления и проектной деятельности. Выделяются измерения, в которых возможно рассмотрение проблемы патриотизма в рамках феноменологического подхода философии. В статье также ставится вопрос о нарастании конфликта между глобализированной цифровой средой вуза, формирующей космополитическую идентичность обучающегося, и необходимостью сохранения национальной культурной традиции. Делается вывод о необходимости перехода от директивного формирования патриота к созданию условий для органичного произрастания ответственного гражданства из личного жизненного проекта молодого человека. Анализируются результаты опросов студентов, изучающих курс Основы российской государственности в рамках рассмотрения проблемы идентичности и патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, феноменологические измерения патриотизма, основы российской государственности, идентичность.

XXI век это время глобальной и фундаментальной трансформации мира, культуры, мировоззрения... Это интересно, но и крайне сложно и опасно. Ментальная революция, разворачивающаяся параллельно с когнитивной, обязательно приводят к цивилизационным сдвигам, а это всегда опасно. Для преподавателя, который непосредственно работает с молодежью в сфере образовательной деятельности в непростых современных условиях вопрос о формировании патриотического чувства является особенно актуальным и сложным. Сегодня происходит принципиальное изменение смысла как термина патриотизм, так и связанной с ним философской проблемы в целом. Веками понятие «патриотизм» воспринималось в основном как эмоционально-политическая категория.

Сегодня проблема любви к Родине становится центральным вопросом для политической философии, этики, антропологии и социальной онтологии. Причем вопрос приобретает экзистенциальный смысл и все чаще его предлагается решать в рамках феноменологического подхода. Это связано с большим количеством глобальных сдвигов: особенности геополитических изменений, размытие национальной идентичности и суверенности под давлением транснациональных корпораций и надгосударственных институтов, цифровизации общественной жизни, поляризацией политических элит, миграционными кризисами, ментальными социокультурными изменениями. К внешним факторам добавляются и «вечные» вопросы об особенностях личностного развития молодежи.

Патриотизм (греч. πατριώτης – соотечественник, πατρίς – отечество) – социальное чувство, выражающее высшую, вплоть до готовности пожертвовать своими витальными и экзистенциальными потребностями, степень привязанности (любви) человека к родине.

Понятие «патриотизм» имеет глубокую длительную историю. Эта ценность, которая формируется практически параллельно с формированием морального сознания и коррелирует с эволюцией государственных форм, культурных и политических идей. Поэтому и история философского осмысления данного термина тоже уходит в древность. В античной Греции термин патриотизм связывали с городом-государством и с идеей блага полиса и обязанностями гражданина, поэтому синонимом слову патриот выступал термин «филополис», что переводилось как «любящий свой го-

род». При этом сам термин «патриот» в греческом языке имело иное значение. Так называли чужаков, иностранцев. Жителя полиса называли гражданином. Таким образом изначально разводились понятия родины по рождению и родины по гражданству. Только в классическую эпоху патриотизм начали рассматривать как социальное чувство в контексте определения смысла космополитической справедливости в трудах Сократа, Платона и Аристотеля: долг гражданина перед истиной и законом выше долга перед согражданами и родным городом-государством.

В средние века античное понимание патриотизма, когда слово *patria* объединяло в себе религиозные, политические, этические чувства граждан практически исчезает, т.к. рыцари готовы были умирать не за родину, а за господина. В церковном же лексиконе слово *patria* часто понималось как Царствие Небесное.

В новое время слово патриот входит в политический язык Западной Европы. Но в это время служение стране трактовалось в контексте служения в первую очередь монарху, как единственно возможной форме государственности. В философско-антропологический оборот термин патриот активно входит в эпоху Просвещения, когда теряется связь с монархическим устройством государства и начинает соотноситься с понятием гражданин. По мнению французских просветителей, любовь к Родине существует отдельно от государства и достигает высшей степени при народовластии, поскольку именно народ признается источником власти.

В России слово «патриот» появляется впервые в 1717 году в сочинении сподвижника Петра 1 Барона П.П. Шафирова, где он использует термин «Отечества сын». Само слово патриотизм появляется в русском языке в эпоху Екатерины 11, но до 19 века использовался довольно редко.

По мере увеличения в философии интереса к социально-политической проблематике, а также с распространением национализма увеличивается количество трактовок патриотизма. В России в 19 в. С.С. Уваров попытался ввести идею патриотизма в знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Позже, понятие Советского патриотизма предполагало верность Советской (социалистической) Родине.

Философский смысл понятия патриотизм всегда развивался в контексте исторических событий, религиозных убеждений и философских дискуссий. В отечественной философии наиболее распространенная позиция связана с соотношением патриотизма с христианскими ценностями, когда России отводится особая духовная миссия в мире, связанная с духовным обновлением мира и указанием человечеству пути к спасению.

В «Философических письмах» Чаадаев сформулировал идею осознанной любви к Родине,

в основе которой лежит стремление сделать свою страну достойной уважения не только её собственных граждан, но и других народов. Он писал: «Я не научился любить свою страну с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её». [9]

Соловьев В.С. определяет патриотизм как натуральное, природное чувство, естественное для человека. При этом положительный смысл патриотизма раскрывается только когда он подчинен высшему духовному идеалу, Богу. При этом философ различает истинный (стремление к нравственному совершенствованию своего народа) и ложный (стремление к преобладанию своего народа любой ценой) патриотизм. Истинный патриот желает своему народу «наибольшего достоинства, наибольшего приближения к правде и совершенству, т.е. к подлинному, безусловному благу».

Соловьев критиковал национализм, который видел в превознесении своего народа вплоть до его обожествления, соединённом с враждой к другим народам, считая, что истинный патриотизм не должен противопоставлять и сталкивать народы, а служить единению человечества. Мыслитель доказывал, что русский народ, его «национальный дух осуществляет своё достоинство лишь в открытом общении со всем человечеством, а не в отчуждении от него». [10]

Бердяев Н.А. также соотносит патриотизм с божественным предназначением России, с инстинктом исторической правдивости. Он подчеркивает, что любовь к родине является аксиологически обусловленной и не требует обоснований, т.к. является естественным, первичным чувством, которое не выносит торга и искусственности. При этом критикуется зависимость патриотизма от государственно-политического момента, (это превращает национальное чувство в нечто условное и договорное). По Бердяеву, патриотизм первичен и в большей степени связан с духовными основами жизни, а не с политикой. Он видел в патриотизме долг гражданина, считая, что защита родины перед лицом общего врага не должна зависеть от политической конъюнктуры, так как патриотизм во многом тождествен нравственному поведению личности, выполнению морального долга перед собой и перед Богом, а патриотическое воспитание рассматривается как духовно-нравственное. [2]

Постмодернистская мысль подвергла классические варианты рассмотрения проблемы патриотизма жесткой критике. Жан Бодрийяр определял патриотизм как пустой знак, лишенный любого реального референта – симулякр. Он активно эксплуатируется медиа для создания иллюзии единства нации. Мишель Фуко считает, что любовь к Родине часто является инструментом биополитики

и выступает в роли одной из технологий управления населением, где государство может присваивать себе право определять границы между «своим» и «чужим», нормой и девиацией, то позволяет соотносить понятие патриотизма с проблемой идентичности. Поэтому нам представляется, что проблему патриотизма надо решать исключительно в рамках феноменологического подхода. Выделим наиболее значимые на наш взгляд аспекты проблемы.

1. Временное измерение. Оно связано с феноменальным трактованием исторической памяти и идеей преемственности. По сути, именно память структурирует феномен патриотизма, поэтому и возникает корреляция с социокультурными аспектами бытия человека (традиции, праздники, нарративы). При этом феноменологическую значимость получают не сами факты, а то, как прошлое человека разворачивается, онтологизируется в его настоящем. Феноменальный смысл в результате проявляется в житейский переживаниях (чувство стыда, гордости, ответственности). Подобные рассуждения можно найти в идеях Щюца о «типизациях», которая рассматривается как способ упорядочивания жизненного опыта, позволяющего экономить когнитивные усилия, уверенно действовать, и чувствовать себя в привычной среде. Жизненный мир повседневности человека формируется на базе привычных для него схем, передающихся через социализацию и язык и не являющихся сугубо индивидуальными рефлексивными размышлениями. Поэтому часто представления о патриотизме формируются на основе общих представлений, свойственных культурному коду в целом и выражаются в ответах по принципу выбора «нужного», «правильного», транслируемого сегодня в обществе варианта определения патриотизма, что приводит к стандартным, стереотипным формулировкам. При этом человек действует в рамках интересубъективной типизации, опираясь на убежденность, что все понимают мир так же, как и я. Эти допущения становятся надежным инструментом для социальной ориентации. [11]

2. Измерение, определяемое через телесно-пространственное переживание, выражающееся в осознании позиции «своего места». Данное измерение реализуется в восприятии Родины как «своего» пространства, включающего не только знакомые традиции, ценности, установки, ландшафт, но даже и запахи, звуки, ритм города или деревни. Это измерение прорабатывается в теории Мерло-Понти, где тело определяется как способ быть в мире. И в этом смысле привязанность к месту проживания, и реализации всех своих устремлений это не просто абстракция, а определенный феноменологический индивидуализированный опыт человека, который часто разворачиваются в плоскости пространственной ритуальности (посещения любимых, знаковых для человека

мест, прогулки по «родным» улицам, понятие «малой Родины» и пр)[6]

3. Измерение, связанное с эмоционально-ценностной структурой. Эта идея прорабатывается в работах Макса Шелера. По его мнению, ценности даны человеку в особых актах чувства. Поэтому патриотические переживания это не просто «любовь к Родине». Это сложная иерархия чувств, включающая понятия долг, благодарность, гордость, тревога за будущее страны. По последним социологическим исследованиям все больший процент россиян испытывает чувство гордости за свою страну. [7] Эти чувства не только иерархизированы, но и имеют свою логику и упорядоченность, что приводит к разным комбинациям этих чувств и влияет на формулировки при определении патриотизма (например, чувство долга может усиливать гордость за страну)

4. Коммуникативно-языковое измерение. Язык исторически воспринимается как главный носитель социокультурных архетипов. Он является носителем патриотического опыта, что реализуется в метафорах, народной мудрости, символике, стереотипных выражениях. Именно язык содержит типичные способы осознания Родины на основе существующих в культуре и разных формах бытийственности смыслов. Этот аспект особенно важен в образовательной сфере, когда происходит формирование мировоззренческих нарративов. В частности, в рамках курса «Основы российской государственности», читаемого во всех вузах страны с 2023 года, вопросу о восприятии малой Родины, символики страны и культуры в целом уделяется очень большое внимание. Рассмотрение символов, поговорок, народной мудрости через игру приводит к возможности рефлексирования над достаточно сложными вопросами, связанными с патриотическим воспитанием, которое не должно разворачиваться исключительно в сфере назидания, морализаторства и навязывания установок.

5. Нормативно-волевое измерения тесно связано с межличностным и коллективным «мы», которое разворачивается через ощущение себя как носителя своей культуры, своего культурного кода и реализующегося не только в личных чувствах, но и в социальной практике и всех формах социализации. В результате формируется определенный тип ответственности. Причем воля здесь берется не как философская «чистая» абстракция, а как феноменальное пространство бытия, нагруженное смыслами и социальными чувствами, которые содержатся в социокультурном коде.

Все эти измерения приводят к формированию определенных устойчивых комбинаций феноменологического осознания патриотического опыта: привязанность к определенному месту и быту (кухня, обычаи, малая родина), память и гордость (предполагает историческую идентичность с до-

стижениями страны, предков, преемственность поколений), ответственность и служение (предполагает акцент на долге и опирается на готовность делать что-то ради всеобщего блага). Особое значение, по нашему мнению, имеет критический патриотизм, который представляет собой сочетание привязанности к Родине и критическое к ней отношение. Этот тип патриотического опыта часто предполагает реакцию по типу «мою страну могу критиковать только я, иностранцу это запрещено».

Работая со студентами в рамках чтения курса «Основы российской государственности» мы столкнулись с парадоксальной на наш взгляд ситуацией. С одной стороны, студенты дают формально идеологически «правильное» определение термина «патриотизм». С другой, мы часто наблюдаем отсутствие идентификации своей личной судьбы (а значит и благополучия) со своей страной, что принципиально противоречит основному смыслу патриотической настроенности личности.

Патриотизм является одним из основных способов самоопределения человека через коллектив, общность, социум в целом. Восприятие себя как носителя, части культурного кода, определенной социокультурной программы является обязательным элементом феноменального бытия. Связь личностного самосознания с этим кодом постоянно меняется, воспроизводится через социальную практику и символы.

Вопрос о соотношении понятий идентичность и патриотизма является очень интересным. Эти понятия очень тесно связаны, но на наш взгляд разворачиваются в разных плоскостях. Это, по сути, две грани одного большого и сложного процесса, обозначающего механизмы выстраивания связей человека с обществом и со своей страной. Причем выстраивание собственного отношения к патриотизму происходит в разных формах бытийственности, учитывая как общечеловеческие установки, так и индивидуально-личностные, и специфические черты социокультурного кода (ДНК) родной культуры и ментальности. Феномены патриотизма и идентификации близки, но дают ответы на разные вопросы. Идентичность дает ответ на вопрос «кто я? Кто мы?». Патриотизм – это действия и связанные с ними чувства, которые помогают укрепить и выразить в разных формах связь со своим обществом, страной, культурой. Поэтому тот факт, что почти половина опрошенных студентов четко не осознают связь своей судьбы и развития со своей страной на наш взгляд, указывает на формальное воспроизводство «правильной», «нужной» в данной ситуации установки.

В современных социальных науках проблема идентичности является особенно актуальной. Идентичность трактуется как осознание человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам, а также принятие соответствующих моделей поведения, ценностей, смыслов.

Различают разные виды идентичности – религиозная, профессиональная, этническая, гражданская и т.п. Феноменологический подход к проблеме идентичности (в частности, в трудах Щюца) предполагает формирование идентичности через типизацию и интерсубъективные схемы, что предполагает то, что мы узнаем себя и других через устойчивые социальные роли и ожидания.

Патриотизм – не менее многозначное понятие, которое также получает разные варианты трактовки, начиная с эмоциональной привязанности к «малой родине» до осознания своей гражданской позиции и готовности действовать на благо страны.

Общим у феноменов идентичности и патриотизма является то, что это не врожденные чувства, они нуждаются в формировании. Поэтому крайне интересным является вопрос о том, как воспринимают эти явления сами студенты, как носители определенного культурного кода, который формируется в стране на данном историческом этапе. Так же интересен вопрос об эффективности тех инструментов, которые используются в процессе формирования требуемых идеалов и установок. Как мы уже говорили с 1 сентября 2023 года в российской образовательной модели появилась новая дисциплины «Основы российской государственности». Указ был подписан Президентом РФ 29 января 2023 г. Нормативной базой для этого решения стали поправки к Конституции РФ, Указ о национальных целях развития России до 2030 года, который сегодня утвержден ныне действующей Стратегией национальной безопасности. Эти нормативные документы определяют то значение, которое придается сегодня вопросу о смене мировоззренческих установок в контексте определения стратегии и национальных приоритетов развития нашей страны. [8]

Наряду с заявленными в рамках курса компетенциями одним из важнейших вопросов является формирование, либо коррекция понимания смыслов категорий патриотизм и идентичность. Причем, с учетом возрастных личностных психологических особенностей студенческой аудитории. В рамках чтения курса Основы российской государственности мы проводили небольшие опросы на разные темы. Причем опрос проходит в режиме открытых вопросов, что предполагает именно самостоятельное определение смысла термина студентом и минимизирует эффект влияния преподавателя на мнение опрашиваемого. Опросы также являлись анонимными, чтобы избежать по возможности варианты ответов, связанные с желанием студента «угодить» преподавателю и дать «правильный» ответ.

Один из таких вопросов был связан с определением смыслов понятий подвиг, идентичность, справедливость, патриотизм. Самыми распространенными определениями термина патриотизма

тизм стали три позиции, представленные по мере уменьшения популярности ответов: 1. Любовь и преданность к отечеству (Родине, своей стране); 2. Осознание любви и привязанности к Родине; 3. Чувство любви к родине, преданность и готовность к жертвам ради нее. Среди менее популярных, но также прозвучавших ответов были: любовь к народу и традиции, помощь своей родине для достижения результатов, сильная любовь к какой-либо стране, гордость человека за свою родину, принятие недостатков страны, способность защитить свою страну.

Вопрос об определении смысла понятие идентичность задавался дважды – в начале семестра и в конце, после изучения вопроса в рамках курса ОРГ. Разница в осознании очевидна. Изначально определения связывали с одинаковостью: Пример, на который можно ориентироваться; Равноценная копия; Одинаковость, схожесть (одинаковое поведение в различных ситуациях, схожесть характеристик). Некоторые ответы четко указывали на отсутствие внятного осознания смысла данного понятия: умение выражать свои мысли об экономике и политической деятельности; уникальность и независимость человека или страны. После рассмотрения темы по проблеме идентичности самыми популярными ответами на вопрос стали: способность человека понимать кто он есть и как ощущает свою принадлежность; Свойство психики человека выражать то, как он представляет себе свою принадлежность чувствует себя собой; Понимание человеком его принадлежности к какой-либо социальной группе; Осознание себя как личности.

Задавая данные вопросы каждый год, мы усмотрели некоторую тенденцию. В первый год чтения курса студенты чаще давали ответы по стереотипу о существовании «нужных», «правильных» для преподавателя ответов (желание угодить, тем более что курс читается в первом семестре на первом курсе – «перваши»). В последующие годы набор ответов становился все более разнообразным и в них чувствовалась искренность. Вопросы о патриотизме задавались всегда в начале прочтения курса с целью выявить те смысловые точки, которые есть у студента-первокурсника изначально. Тревожной на наш взгляд тенденцией является то, что идея патриотизма недостаточно четко связывается с идеей служения Родине каждым конкретным россиянином. Несмотря на то, что чувство гордости за страну выражается в ответах чаще, но четкой идентификации идеи патриотизма с собственным благополучием и развитием своей страны не дается. Нарратив о том, что собственное благополучие возможно только в своей стране и связано с идеей беззаветной преданности родине и желанием развиваться вместе с ней четко не оформлено в сознании большинства молодых людей.

Так же в рамках описываемого опроса мы задавали вопрос: «нужно ли на Ваш взгляд патри-

отическое воспитание?». Большинство (как и ожидалось) ответили «да», объясняя свой выбор следующими аргументами: чтобы развивать личность в человеке патриотическое воспитание является обязательным, Патриоты это одна из ключевых опор государства, для поддержания силы русского духа. Но треть опрошенных считает, что патриотическое воспитание не нужно, потому что: оно и так есть, нет ребенок должен сам выбирать сам должен понимать любовь к родине, нельзя навязывать. Особенность мышления современного молодого поколения проявилась в абсолютном неприятии давления на личность, в аргументе – «патриотическое воспитание не должно быть связано с навязыванием позиции, человек сам должен определять формы своей идентичности». То, что половина опрошенных студентов не связывает свою счастливую жизнь со своей страной, (что и является на наш взгляд самым ярким проявлением правильно сформированного патриотического чувства), было проверено вопросом о том, каким студент видит свое будущее. Только треть опрошенных четко определила связь своего будущего и Родины, указав, что хотят видеть в своем будущем крепкую семью, высокооплачиваемую работу на благо родины и приносить пользу другим. Около десяти процентов опрошенных четко определили, что свое счастье они видят только в другой стране.

Итак, рассматривая вопрос о социально-философских особенностях рассмотрения феномена патриотизма мы сталкиваемся с тем фактом, что сегодня четко выявляется конфликт между универсалистскими (космополитическими) ценностями и партикулярными привязанностями. В трудах представителей либерального космополитизма (Нуссбаума, Хабермаса) проводится мысль о том, что преданность человечеству в целом должна быть выше лояльности государству, поэтому патриотизм воспринимается как возможный источник дискриминации, агрессии, изоляционизма и этот вопрос наиболее актуально звучит в рамках рассмотрения проблемы миграции, которая стала глобальной в современном мире.

В пик этой установке формулируется идея неоконсервативной и коммунитаристской критики (Макинтайр, Сэндел, Тэйлор), которые считают, что абстрактный гуманизм невозможен без конкретных корней, связи с определенной культурой, традициями, историей, языком. Если ты не умеешь любить конкретных людей в конкретном месте, то вряд ли ты сможешь полюбить все человечество. Эта установка очень близка к установкам русской философской традиции начиная с ранних славянофилов до Николая Бердяева, в которой всегда подчеркивалась идея восприятия Родины не как точки на карте, а как ощущение тесной духовной связи с исторической судьбой народа.

Нам представляется, что для практикующего педагога в ситуации сложной современной геополитической ситуации крайне важным является вопрос об осознании важных аспектов проблемы патриотизма в первую очередь самим преподавателем. Актуальность проблемы связана с поиском баланса между имперским прошлым, советским интернационализмом и современным многонациональным традиционным государством. Другое сложное и не менее важное измерение проблемы проявляется в том, что надо сформировать определенную модель патриотического осознания и поведения учитывая личностных особенности современной молодежи, обладающей свободолюбием, максимализмом и всеми особенностями цифрового сознания. Современная российская социальная философия и антропология активно работает над концепцией «позитивного патриотизма», что является одной из самых актуальных задач для современной философии.

Литература

1. Абрамов, М.А. Проблема определения патриотизма: логико-категориальный и феноменальный аспекты / М.А. Абрамов, А.О. Диордиенко, А.Н. Булкин // Национальное здоровье. – 2016. – № 1–2. – С. 137–144.
2. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / Сост. В.В. Сапов. М.: Астрель, 2007.
3. Беспалова, Т.В. Патриотизм, идентичность, память: трансформация смыслов в эпоху роковых событий / Т.В. Беспалова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2023. – № 1. – С. 4–9.
4. Вострякова, Ю.В. Формирование системной модели мировоззрения в рамках курса «Основы российской государственности» / Ю.В. Вострякова // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В социальной памяти и современных реалиях (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 18 апреля 2025 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Сам Полиграфист», 2025. – С. 465–470.
5. Курносенко, А.А. Концептуализация проблематики патриотизма / А.А. Курносенко, В.М. Савеленко, Е.В. Гришай // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 8–9. – С. 103–107.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
7. Мониторинговый опрос о патриотизме (март 2024 года) <https://wciom.ru/analytical-reviews/>

analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme?ysclid=msn6ppmt1d930719502

8. Харичев А.Д., Полосин А.В. ДНК России // Деловая газета Взгляд, 08.02.2023 [Электронный ресурс] – URL: <https://m.vz.ru/politics/2023/2/8/1198356.html>
9. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1987. – С. 142, 143.
10. Чикаева, Т. А. К вопросу о взглядах В.С. Соловьева на Родину, Отечество и патриотизм / Т.А. Чикаева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2026. – Т. 12, № 2. – С. 65–73.
11. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. М., 2008. Выпуск 1(2). С. 72–87.

THE PROBLEM OF PATRIOTISM IN THE SOCIO-ANTHROPOLOGICAL CONTEXT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NEW EDUCATIONAL MODEL

Vostriyakov Yu.V., Volov V.T., Krotov D.V.

Volga State University of Railway Transport

The article examines the transformation of the phenomenon of patriotism in the context of a changing educational paradigm. The author analyzes the problem through the prism of a phenomenological and socio-anthropological approach, shifting the focus from state-political rhetoric to the micro-level of everyday practices and personal values. The most important dimensions of the phenomenon of patriotism are considered within the framework of the phenomenological approach to the problem of patriotism. The author relies on the results of student audience surveys as part of the course Fundamentals of Russian Statehood. The thesis is substantiated that the traditional forms of broadcasting patriotic feelings, characteristic of the industrial era, demonstrate low efficiency within the framework of a new educational model focused on the development of subjectivity, critical thinking and project activity. The dimensions in which it is possible to consider the problem of patriotism within the framework of the phenomenological approach of philosophy are highlighted. The article also raises the issue of the growing conflict between the globalized digital environment of the university, which forms the cosmopolitan identity of the student, and the need to preserve the national cultural tradition. It is concluded that it is necessary to move from the directive formation of a patriot to creating conditions for the organic growth of responsible citizenship from a personal life project of a young man. The article analyzes the results of surveys of students studying the Fundamentals of Russian Statehood course as part of the consideration of the problem of identity and patriotism.

Keywords: patriotism, phenomenological dimensions of patriotism, foundations of Russian statehood, identity.

References

1. Abramov, M.A. The problem of defining patriotism: logical, categorical and phenomenal aspects / M.A. Abramov, A.O. Diordienko, A.N. Bulkin // National Health. – 2016. – No. 1–2. – pp. 137–144.
2. Berdyaev N.A. The fall of the holy Russian Kingdom: Journalism 1914–1922 / Comp. V.V. Sapov. Moscow: Astrel, 2007.
3. Bepalova, T.V. Patriotism, identity, memory: transformation of meanings in the era of fatal events / T.V. Bepalova // Scientific works of the Moscow University of the Humanities. – 2023. – No. 1. – pp. 4–9.
4. Vostriyakov, Yu.V. Formation of a systemic model of worldview in the framework of the course “Fundamentals of Russian statehood” / Yu.V. Vostriyakov // The Great Patriotic War of 1941–1945 In Social Memory and modern Realities (on the 80th anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriot-

- ic War): Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, April 18, 2025. – Moscow: Limited Liability Company “Sam Polygraphist”, 2025. – pp. 465–470.
5. Kurnosenko, A.A. Conceptualization of the problems of patriotism / A.A. Kurnosenko, V.M. Savelenko, E.V. Grishai // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2016. – No. 8–9. – pp. 103–107.
 6. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception / M. Merleau-Ponty; translated from French, edited by I.S. Vdovina, S.L. Fokina. Saint Petersburg: Juventus: Nauka Publ., 1999–605 p.
 7. Monitoring survey on patriotism (March 2024) <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme?ysclid=msn6ppmt1d930719502>
 8. Kharichev A.D., Polosin A.V. DNA of Russia // Business newspaper Vzgl'yad, 02/08/2023 [Electronic resource] – URL: <https://m.vz.ru/politics/2023/2/8/1198356.html>
 9. Chaadaev P. Ya. Articles and letters. Moscow: Sovremennik, 1987. pp.142,143.
 10. Chikaeva, T.A. On the question of V.S. Solovyov's views on the Motherland, Fatherland and patriotism / T.A. Chikaeva // Scientific result. Social and humanitarian studies. – 2026. – Vol. 12, No. 2. – pp. 65–73.
 11. Schutz A. Some structures of the life world // Questions of social theory, Moscow, 2008. Issue 1(2). pp. 72–87.

Вокальное искусство Приднестровья как место встречи культур и диалог традиций

Гратова Людмила Владимировна,

старший преподаватель кафедры «Хоровое дирижирование и вокальное искусство», заслуженный артист, ГОУ ВПО «Приднестровский государственный институт искусств им. А.Г. Рубинштейна»
E-mail: fortunaia2021@mail.ru

Статья посвящена исследованию вокального искусства Приднестровской Молдавской Республики как особого социокультурного пространства. Приднестровье рассматривается как регион, формировавшийся в условиях полиэтничности и конфессионального разнообразия. Наряду с доминирующими этническими группами – русской, молдавской и украинской – значительное влияние на культурный код региона оказали представители иных национальных общин, что нашло отражение в специфике вокально-музыкального искусства. В статье анализируется вокальное искусство Приднестровья как пространство этнокультурного синтеза, в котором взаимодействуют народные певческие традиции, академическое хоровое исполнение и современные эстрадные вокальные практики.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, культурный код, этнокультурный синтез, вокальное искусство, поликультурность, фольклор, народная музыка

Приднестровская Молдавская Республика (Приднестровье) представляет собой уникальную с точки зрения этнокультурного разнообразия территорию. В числе культур, представители которых составляют этническое большинство, принято называть молдавскую, русскую, украинскую, болгарскую, гагаузскую. На протяжении столетий эти и другие культуры пересекались, подвергались взаимной ассимиляции, что привело к формированию особой атмосферы и общности – единой, но в то же время мультикультурной. Как отмечает Н.А. Голубь, этнический менталитет жителя Приднестровья формировался под влиянием природных условий, смешения традиций и обрядов, сосуществования разных конфессий [2, с. 167].

Указанные факторы оказали существенное влияние на специфику регионального фольклора, в том числе музыкального, определив жанровое разнообразие, интонационно-ладовые особенности и исполнительские традиции вокального искусства, а также его роль в системе духовной культуры региона. Тем не менее, несмотря на очевидную культурно-историческую значимость вокального искусства Приднестровской Молдавской Республики, степень научного исследования недостаточна. Существующие исследования, как правило, затрагивают лишь отдельные фрагменты музыкального фольклора либо сосредоточены на смежных областях (этнографии, хореографии, инструментальной традиции), что не позволяет сформировать целостное представление о развитии вокального искусства региона как самостоятельного художественного явления. Особую актуальность приобретает необходимость комплексного анализа вокального искусства Приднестровья в условиях текущих социокультурных трансформаций.

Культурный код Приднестровья основывается на таких параметрах, как полиэтничность, этническая и конфессиональная толерантность, бережное отношение к обычаям и традициям, щедрость и гостеприимство. История, языки, искусство – все это позволяет ретранслировать базовые ценности, «сохранять межэтническую стабильность, мирность, обеспечивая права этнических и культурных групп, сохраняя и развивая их культурные различия» [1, с. 9]. По мнению ряда исследователей, наиболее существенное влияние на развитие культуры Приднестровья оказал период Советского Союза, в результате которого сформирова-

лась общность людей, ведущих совместную деятельность и во многом ставших носителями единой культуры – советской. Тем не менее, по прошествии советского периода оказалось, что унификации и полной гомогенизации культурного пространства Приднестровья не произошло. Мозаичность, с одновременной ориентацией на русскокультурность, остается по сей день ключевой характеристикой культурного пространства Приднестровья.

Подобная ситуация обусловлена, прежде всего, тем, что Приднестровье на протяжении многих веков было «геополитическим перекрестком, местом встречи, взаимопонимания и ассимиляции различных цивилизаций – оседлой и кочевой, восточно-романской и скотоводческой (ирано-язычной и тюрко-язычной), германской, католическо-польской и литовской, мусульманской (татарской и турецкой) и славяно-православной» [1, с. 9]. По некоторым данным, традиции, обычаи и фольклор жителей Приднестровья – это результат уникального «сплава» культур представителей 75 национальностей. Подобное смешение сегодня наблюдается во всех сферах – гастрономии, культуре, ремесле, вероисповедании, в танцах и музыке [5].

Наряду с доминирующими этносами – русским, молдавским и украинским – в республике проживают представители множества иных общин – болгарской, гагаузской, немецкой, армянской, еврейской, белорусской, азербайджанской, ромской. Поликультурность как ключевой вектор официальной культурной политики Приднестровья позволяет сохранять историко-культурное наследие различных этносов, соблюдать их традиции, проводить национальные праздники, этнические фестивали и в целом формировать «культурную реальность в полиэтническом государстве» [6, с. 16].

Вокальное искусство Приднестровской Молдавской Республики также представляет собой пространство этнико-культурного синтеза. Вокальное искусство Приднестровья является результатом историко-социокультурных процессов, протекавших на протяжении длительного периода в поликультурной среде региона. Особенно отчетливо синтез вокальной культуры Приднестровья виден на примере молдавско-украинско-русских контактов. К примеру, к концу XIX – началу XX в. в Бессарабии и левобережных районах Днестра распространились песни под аккомпанемент русской гармонии, песни стали исполняться многоголосьем, что изначально не было характерным для молдавской вокальной культуры [2, с. 169].

Под вокальным искусством мы понимаем совокупность художественных практик, связанных с вокальным исполнением музыкальных произведений, включая народный и академический вокал. Эти практики отражают культурную самобытность и эстетические ценности различных сообществ,

населяющих регион. Вокальная народная традиция Приднестровья интегрирует многочисленные фольклорные элементы, восходящие к молдавскому, русскому, украинскому и др. вокальным традициям.

Репертуар вокальных коллективов Приднестровья достаточно обширен и разнообразен: он включает народные песни, адаптированные хоровые обработки международной классической музыки, а также произведения отечественной академической традиции. В программах студенческих, любительских и профессиональных хоров представлены как классические произведения, так и программы, объединяющие народные мелодии различных этнических традиций. Помимо классического хорового исполнительства, значительное место занимает развитие эстрадного вокала: ежегодные республиканские конкурсы исполнителей популярной песни, такие как «Голоса Приднестровья», способствуют выявлению талантливых вокалистов и формированию профессионального сообщества.

Существенную роль в поддержании вокальной традиции играют ведущие народные ансамбли: «Виорика», «Ватра». Коллективы, хотя и известны прежде всего как ансамбли танца и народной музыки, содержат в репертуаре вокальные компоненты, исполняемые профессиональными вокалистами и включающие народные песни различных этносов.

На сегодняшний день на территории республики выступает 24 фольклорных коллектива различной жанровой направленности (вокал, хореография, инструментальное творчество). Как правило, фольклорные коллективы редко выступают в «чистом» виде: инструментальные произведения дополняются вокальными, танцевальные коллективы также прибегают к народным инструментам и песням.

Как правило, в вокальном репертуаре фольклорных коллективов преобладают русский, молдавский, украинский, болгарский и гагаузский языки. Фольклорные коллективы Приднестровья представляют главным образом сельскую культуру республики и ретранслируют вокальные традиции жителей сельской местности. Так, в частности, особенно распространена деятельность подобных коллективов в Слободзейском, Григориопольском, Дубоссарском, Рыбницком и Каменском районах [5].

Помимо аутентичных вокальных произведений, ансамбли прибегают к написанию и исполнению стилизованных произведений, основанных на фольклорном вокально-инструментальном материале. В таких произведениях зачастую имеет место смешение традиций различных этнических групп.

Одним из ключевых репрезентантов профессионального вокального искусства республики вы-

ступает Кавалер ордена «Екатерины Великой», заслуженный коллектив республики, лауреат международных конкурсов Приднестровский государственный хор, основанный в 2005 г. С момента своего создания хор проводит работу по формированию высокохудожественного концертного репертуара, отличающегося значительной технической и интерпретационной сложностью, а также широтой жанровых и стилевых охватов. Репертуарная политика Приднестровского государственного хора основывается на принципе историко-стилевой преемственности и включает произведения выдающихся композиторов различных эпох и национальных школ. В концертных программах коллектива регулярно представлены сочинения П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова, С.И. Танеева, Г.Свиридова, Д.С. Бортнянского, В.А. Моцарта, И.Брамса, Г.Форе, Ф.Шуберта, Ф. Листа, А. и других мастеров хорового письма. Наряду с образцами западноевропейской и отечественной классики исполняются произведения современной хоровой музыки В.Чолака, Т.Кирияк, С.Фишман и др., а также духовные сочинения, что расширяет эстетические и смысловые горизонты исполнительской деятельности коллектива.

Особое значение в контексте вокального искусства имеет обращение Приднестровского государственного хора к духовной музыке, которая выступает важнейшим компонентом региональной культурной идентичности и формой художественного осмысления историко-конфессионального опыта Приднестровья. Исполнение духовных произведений требует от вокалистов высокой степени ансамблевой слаженности, чистоты интонации и стилистической аутентичности, что свидетельствует о высокопрофессиональном уровне коллектива [4].

В хоровом исполнительстве на протяжении многих лет, студенческий хор ГОУ ВПО «Приднестровского государственного института искусств им.А.Г.Рубинштейна» достойно представляет молодежное хоровое искусство республики. Коллектив, состоящий из обучающихся по специальности «Хоровое дирижирование и вокальное искусство» и педагогов, не только участвует в региональных мероприятиях, но и завоевывает награды на международных конкурсах, демонстрируя мастерство, заложенное в процессе обучения. ГОУ ВПО «Приднестровский государственный институт искусств им.А.Г.Рубинштейна» целенаправленно готовит специалистов-хоровиков и вокалистов, выпускники пополняют ряды профессиональных коллективов и развивают хоровое искусство республики.

Помимо профессиональных академических коллективов и фольклорных ансамблей, вокальные традиции Приднестровья получают дальнейшее развитие в контексте творчества современных эстрадных музыкальных групп. Данный сегмент музыкальной культуры отражает процессы актуализации традиционного вокального наследия в ус-

ловиях современной массовой культуры и демонстрирует адаптацию национально-интонационных моделей к новым жанрово-стилевым форматам. Эстрадный вокал в Приднестровской Молдавской Республике характеризуется уникальным характером, объединяя элементы народной песенной интонации, академической вокальной школы и популярных музыкальных направлений (поп-музыка, рок, джаз, фьюжн).

Особое значение имеет тот факт, что эстрадные группы становятся активными трансляторами локальной культурной идентичности, интегрируя в репертуар произведения на различных языках и обращаясь к тематике исторической памяти, национального самосознания и духовных ценностей. Таким образом, современное эстрадное вокальное искусство Приднестровья выступает не только формой художественного самовыражения, но и важным социокультурным механизмом сохранения и переосмысления вокальных традиций республики в условиях динамичного музыкального пространства.

В контексте современного эстрадного вокального искусства Приднестровской Молдавской Республики показателен творческий путь музыкальной группы «DoReDos», представляющей собой яркий пример самобытного вокального творчества, ориентированного на жанрово-стилевый синтез. В музыкальной практике ансамбля органично сочетаются элементы поп-музыки, фолка и других направлений, что отражает характерные для современной вокальной культуры Приднестровья процессы межжанровой и межкультурной интеграции. В течение последних лет творческая деятельность группы характеризуется усилением авторского начала и поиском индивидуального вокально-исполнительского языка. Создание оригинальных песенных композиций, а также интерпретация кавер-версий известных произведений с элементами стилистической трансформации получили положительный отклик у слушателей и способствовали росту популярности коллектива [3].

Таким образом, вокальное искусство Приднестровья представляет собой уникальную область музыкальной культуры, где пересекаются народные традиции и академические вокальные практики. С одной стороны, оно опирается на богатое этнокультурное наследие народной песни, а с другой – продолжает свое развитие с учетом текущих социально-культурных факторов. Приднестровский регион продолжает развивать вокальное искусство как инструмент культурной политики, способный поддерживать социальную устойчивость и культурную самобытность. Вокальное искусство Приднестровья выполняет не только художественную, но и социокультурную функцию, будучи носителем коллективной памяти и этнической идентичности, инструментом укрепления межэтнических

связей и поддержания культурной самобытности в условиях политико-исторических трансформаций.

Литература

1. Голубь, Н.А. Политика культурного развития Приднестровья в условиях культурно-цивилизационных трансформаций / Н.А. Голубь // Наука. Искусство. Культура. – 2025. – № 2 (46). – С. 5–22.
2. Голубь, Н.А. Традиционно-обрядовая культура этнических групп современного Приднестровья / Н.А. Голубь // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 2. – С. 166–174.
3. Международное признание: как Приднестровские группы оставляют свой след в истории мировой музыки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vtranse.life/mezhdunarodnoe-priznanie-kak-pridnes/>. – Дата доступа: 25.12.2025.
4. Приднестровская культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novostipmr.com/ru/page/pridnestrovskaya-kultura>. – Дата доступа: 25.12.2025.
5. Традиции и фольклор жителей Приднестровья // Приднестровский исторический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.gospmr.org/tradiczii-i-folklor/>. – Дата доступа: 25.12.2025.
6. Golub, N. Cultural Code of Pridnestrovie in the Conditions of Multiculturalism // Observatory of Culture. – 2023. – № 20. – Pp. 12–21.

VOCAL ART OF PRIDNESTROVIAN AS A MEETING POINT OF CULTURES AND A DIALOGUE OF TRADITIONS

Gratova L.V.

A.G. Rubinstein Transnistrian State Institute of Arts

This article analyses the vocal art of the Pridnestrovian Moldavian Republic as a distinct sociocultural space. Pridnestrovian Moldavian Republic is viewed as a region that developed in a context of multiethnicity and religious diversity. Along with the dominant ethnic groups – Russian, Moldovan, and Ukrainian – representatives of other national communities have significantly influenced the region's cultural code, which is reflected in the specific features of its vocal and musical arts. The article analyzes the vocal art of Pridnestrovian Moldavian Republic as a space of ethnocultural synthesis, in which folk singing traditions, academic choral performance and modern pop vocal practices interact.

Keywords: Pridnestrovian Moldavian Republic, cultural code, ethnocultural synthesis, vocal art, multiculturalism, folklore, folk music, author's music

References

1. Golub, N.A. The Policy of Cultural Development of Transnistria in the Context of Cultural and Civilizational Transformations / N.A. Golub // Science. Art. Culture. – 2025. – No. 2 (46). – Pp. 5–22.
2. Golub, N.A. Traditional and Ritual Culture of Ethnic Groups of Modern Transnistria / N.A. Golub // Knowledge. Understanding. Skill. – 2019. – No. 2. – Pp. 166–174.
3. International Recognition: How Transnistrian Groups Leave Their Mark on the History of World Music [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://vtranse.life/mezhdunarodnoe-priznanie-kak-pridnes/>. – Access Date: 12/25/2025.
4. Transnistrian Culture [Electronic resource]. – Access mode: <https://novostipmr.com/ru/page/pridnestrovskaya-kultura>. – Access date: 25.12.2025.
5. Traditions and folklore of the inhabitants of Transnistria // Transnistrian Historical Portal [Electronic resource]. – Access mode: <https://history.gospmr.org/tradiczii-i-folklor/>. – Access date: 25.12.2025.
6. Golub, N. Cultural Code of Pridnestrovie in the Conditions of Multiculturalism // Observatory of Culture. – 2023. – No. 20. – Pp. 12–21.

Матрица ценностей телесной культуры в цифровой среде: трансформация элементов и связей под воздействием цифровизации

Карпенко Александр Михайлович,

преподаватель Новосибирского государственного
университета экономики и управления-НИНХ
E-mail: lust_82@mail.ru

В статье автор рассматривает как цифровые устройства меняют отношение к собственному телу. Особое внимание уделяется трансформации отношений между ценностями и повседневными телесными практиками. Ключевым компонентом этой трансформации автор считает операционные показатели (пульс, калории, количество шагов), которые из средства достижения цели, при определенных условиях, обретают свойство самостоятельной цели. В качестве методологической основы исследования автор предлагает концепцию матрицы ценностей телесной культуры, которая объединяет классические теории П.Бурдье, М.Фуко и М.Мосса. Эта концепция описывает взаимодействие ценностного ядра, телесных практик и институтов-трансляторов.

В работе показывается, что цифровизация не упраздняет базовые ориентиры здоровья, благополучия, свободы и самоуправления, однако вводит несколько этапов операционализации в процессе их достижения.

Происходит последовательное превращение ценности в измеримый индикатор, затем нормативное закрепление этого индикатора и его количественного показателя в повседневной телесной практике. В результате количественный показатель приобретает ценностную автономность. Происходит изменение аксиологического ядра матрицы ценностей под воздействием цифрового гаджета. В качестве примера в статье приводятся исследования по селф-трекингу.

Ключевые слова: телесная культура, телесность, матрица ценностей, цифровая телесность, селф-трекинг, датафикация, операциональный показатель, ценностная инверсия, технологическая медиация, реактивность.

Введение

Влияние цифровых платформ на телесные практики перестраивает структуру отношений между ценностными ориентирами телесной деятельности и её операциональными формами. «Изменения в технологиях, направленных на мониторинг и регулирование состояния организма и здоровья, отражают трансформации в представлениях о теле, способах взаимодействия с ним, управления им и его визуального отображения – и не только с точки зрения специалистов в области медицины и здравоохранения, но и с точки зрения тех, на кого эти технологии направлены». [1, С. 396]. С точки зрения социальной философии, этот переход значим не столько расширением мониторинговых возможностей, сколько тем, что цифровые инструменты активно формируют способ присутствия тела в сознании субъекта. Возникает эпистемологическая переориентация: лозунг «Познай себя» замещается формулой «Измерь себя, чтобы познать себя», а объективированная числовая информация получает приоритет над живым телесным ощущением [2, С. 32]. Согласуясь с позицией Д. Лаптон, следует признать, что количественные данные не являются ценностно-нейтральными – они неразрывно связаны с социальными отношениями и историческими нормами восприятия тела [1, С. 399].

Между тем в существующей литературе отсутствует модель, описывающая механизм перехода от факта измерения к возможному ценностному сдвигу. Исследования датафикации [3], технологической медиации [4], [5], метризации повседневности фиксируют отдельные аспекты процесса, однако не объясняют, при каких условиях количественный показатель перестаёт быть средством реализации цели и приобретает самостоятельную нормативную силу. Настоящая статья восполняет данный пробел.

Объект – цифровые практики телесного самоотслеживания. Предмет – изменение отношений между ценностными основаниями телесной деятельности, их количественной операционализацией, институциональными трансляторами и механизмами инкорпорации. Цель исследования – выявить механизм трансформации матрицы ценностей телесной культуры при цифровой медиации телесных практик и обосновать концепт ценностной инверсии.

Методологический аппарат опирается на концепцию техник тела М. Мосса [6], теорию габитуса П. Бурдьё [7], аналитику дисциплины М. Фуко [8], постфеноменологические подходы к технологической медиации [4], [5], социологические исследования индикаторов и реактивности [9], [10]. Эмпирические данные привлечены в иллюстративно-проверочной функции.

1. Матрица ценностей телесной культуры: структура модели

Матрица ценностей телесной культуры – исторически формирующаяся и институционально воспроизводимая система взаимосвязей между ценностями и идеалами тела, формами их соматического выражения, институциональными трансляторами и механизмами формирования, инкорпорации, трансляции, воспроизводства и трансформации телесного опыта. Принципиальным в данном определении выступает не перечисление составляющих, а характер отношений между ними. Эта модель позволяет описать и объяснить, почему телесные практики столь разнообразны. С ее помощью мы можем понять, как они связаны с глубинными культурными ориентирами, а также увидеть, каким образом социальные институты формируют тело в соответствии с доминирующими ценностными ориентациями. Основные компоненты матрицы ценностей телесной культуры представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Компонент матрицы	Основной аналитический вопрос	Содержание
Аксиологическое ядро	Ради чего? Что признается ценным?	Ценности и идеалы тела
Соматическое выражение	Как ценность реализуется телесно?	Практики, техники тела, ритуалы
Институциональные трансляторы	Кто и посредством чего поддерживает и передает норму?	Семья, государство, медицина, образование, спорт, сообщества, медиа
Механизмы функционирования	Как матрица возникает, закрепляется и изменяется?	Формирование, инкорпорация, трансляция, воспроизводство, трансформация

Источник: Составлено автором на основании [6], [7], [8]

Данная модель строится на социально-философских теориях М. Мосса, П. Бурдьё и М. Фуко.

М. Мосс в своей работе «Техники тела» пишет: «Каждое общество о обладает своими, присущими только ему привычками... Эти «привычки» варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, вос-

питании, престиже, обычаях и модах.» [6, С. 243–244]. В телесной культуре содержится аксиологическое ядро определенного общества, преобладающие ценности, нормы и идеалы. Процесс встраивания, инкорпорации ценностного ядра в тело под воздействием его диспозиции в социуме раскрывает теория габитуса П. Бурдьё. [7, С. 122]. М. Фуко в своей работе «Надзирать и Наказывать» выделяет несколько компонентов, посредством которых социальные институты воздействуют на человека, формируя послушные тела. Он выделяет следующие компоненты: распределение в пространстве (ряды в аудитории, спортзале, стадионе), контроль деятельности (расписание), организация генетических схем (постепенное усложнение), композиция сил (синхронность), иерархическое наблюдение, нормативная санкция (поощрение или наказание), экзамен (тестирование, соревнование). [8, С. 197–284]. Ключевыми агентами, которые закладывают основы телесного габитуса через ежедневные ритуалы и практики являются такие социальные институты как семья, государство, школа, физкультурные сообщества, церковь. В последнее десятилетие статус социального института приобретают цифровые платформы.

2. Цифровая платформа

Цифровая платформа не «показывает тело» – она определённым образом структурирует его видимость.

Цифровизация трансформирует институциональный компонент матрицы. Утверждение о полном «замещении» врача, тренера или государства платформой некорректно; точнее говорить о появлении нового посредника, посредством которого требования традиционных институтов переводятся в показатели и механизмы обратной связи. Медицинская рекомендация получает форму цифровой цели, тренировочное задание отображается в приложении, социальное сравнение реализуется через рейтинг. Де Бур показывает, что приложение способно оценивать соответствие поведения заданному стандарту и посредством обратной связи побуждать к коррекции [5, С. 407–408]. «Эта практика знаменует собой новый этап в отношениях человека с собственным телом и информацией, превращая жизненный опыт в потоки измеряемых данных.» [2, С. 32]

Отличие платформы от традиционных институтов – в механизме воздействия. Семья или государство транслируют норму преимущественно через вербальную коммуникацию, ритуал, санкцию. Платформа действует через непрерывную количественную обратную связь, встроенную в саму практику: ценностное или институциональное требование, операционализация, показатель, интерфейсная оценка, самокоррекция.

В разрезе дисциплинарных практик можно сказать, что цифровые платформы реализуют все компоненты от распределения в пространстве (ар-

хитектура приложения, интерфейса, место в рейтинге), контроле деятельности (календарь, дневник), иерархического наблюдения (индикаторы и напоминания) и до экзамена (статусы и достижения). Нормативное давление здесь не дискретно (как замечание тренера раз в неделю), а постоянно и алгоритмически структурировано. На этом уровне цифровизация затрагивает не отдельную практику, а способ взаимодействия компонентов матрицы. Алгоритм не действует как самостоятельный носитель власти – он выстраивает условия, в которых субъект дисциплинирует себя сам. Именно в этом отличие цифровой самодисциплины от внешнего контроля.

Если смотреть на цифровизацию телесной культуры через призму теории П.Бурдье можно сказать, что цифровые платформы создают отдельное социальное поле, где уровни достижений выстраивают свою иерархию, а метрика и цифровые показатели наполняют смыслом практические действия агента. Социальное признание, в цифровой среде оборачивается публичной видимостью данных. Выложить показатели – уже не просто сообщить о себе, а символически утвердиться в поле, где признание раздаётся алгоритмом: лайками, комментариями, строчкой в рейтинге. Получается, платформа не просто доводит до пользователя медицинские или спортивные нормы – она задаёт собственную логику борьбы, иерархии и признания, в которую человек втянут раньше, чем осознаёт её правила.

3. Селф-трекинг как цифровая техника тела

Наиболее отчётливо трансформация проявляется в селф-трекинге – регулярной фиксации и интерпретации данных о телесном состоянии посредством цифровых устройств. «Эти устройства трансформируют онтологию здоровья через его датафикацию, подменяя целостное самоощущение набором дискретных метрик и создавая систему цифрового патернализма, где алгоритмически заданные нормы приобретают характер безусловного императива.» [11, С. 198] В логике М. Мосса техника тела есть социально осваиваемый способ действия [6, С. 251]. Цифровая среда наделяет телесные практики новым качеством: субъект осваивает не только способ исполнения действия, но и метод его измерения в процессе исполнения. Так, пробежка включает старт записи, контроль темпа, отслеживание пульса и просмотр итогов – один и тот же акт выступает одновременно как телесная активность и как продуцирование данных о ней.

Регулярность измерений и их включение в интерпретацию действия переводят учёт из внешней фиксации во внутреннюю структуру практики. По данным Аджианы, 59,7% респондентов использовали устройства ежедневно, в том числе ночью [12, С. 659–660]; для многих измерение становится постоянным спутником телесного опыта.

В этом же исследовании участники признались, что для мотивации размещают свои результаты в социальных сетях и просматривают результаты других участников. Вот, что говорит одна из участниц опроса: «иногда, если я знаю, что собираюсь делиться данными в социальных сетях, я чувствую, что мне нужно действовать усерднее, что мешает мне получать удовольствие от упражнения» [12, С. 664]

Изначальная ценность – скажем, забота о здоровье – сначала подвергается жёсткой операционализации, неизбежно сворачиваясь в удобный для алгоритма показатель. Далее этот показатель нормативизируется интерфейсом, что создаёт предпосылки для поведенческой реактивности. Однако подлинный аксиологический разрыв наступает лишь на этапе автономизации метрики, когда цифра обретает самоценность и запускает механизм ценностной инверсии.

Цифровая система не способна непосредственно обработать ценность «здоровье» во всей полноте содержания. Для этого необходимо ввести измеряемые показатели, которые разобьют цель на маленькие операционные части. Так здоровье можно разложить на такие операции ее практической реализации как физическая активность, физическое развитие и регулярность занятий. Их в свою очередь на количество шагов, пульсовые зоны и количество занятий. Результат такого разделения можно назвать операционализацией [Таблица 2]. Данные предположения подтверждаются исследования С.Мерри, в которых показано, что при затруднённости измерения сложного достижения используются количественные заместители, способные изменять практику тех, кто ими пользуется [9, С. 84].

Таблица 2

Ценность	Операциональный показатель	Что остаётся за пределами показателя
Здоровый сон	Длительность, количество пробуждений, «оценка сна»	Субъективное ощущение отдохнувшей, сновидческий опыт
Физическое развитие	Дистанция, темп, пульсовая зона	Удовольствие от движения, чувство телесной свободы
Забота о питании	Калораж, соотношение макронутриентов	Культурное значение пищи, социальность совместной трапезы

Источник: Составлено автором на основании [9], [13]

Принципиальная неэквивалентность метрики и цели имеет эмпирическое подтверждение: человек способен выполнить цель в 10 000 шагов и одновременно не соответствовать рекомендациям по интенсивности [13, С. 307].

Механизм целеполагания, детально описанный Утешем и его коллегами, реализуется через сравнение актуального и желаемого значений, причём выявленное несоответствие служит основанием для поведенческой корректировки [13, С. 301]. Так норма обретает форму интерфейса, непрерывно сопровождающего практику в реальном времени. Следующей ступенью становится трансформация поведения, инициированная уже самим присутствием систематической оценки. Эспеланд и Саудер определяют реактивность как поведенческий сдвиг, обусловленный осознанием измеряемости [10, С. 1]. Мерри фиксирует аналогичный механизм: управляемые индикаторами акторы меняют поведение в стремлении улучшить показатель [9, С. 85]. Структура реактивности в селф-трекинге: действие измеряется, субъект видит расхождение, далее возможность коррекции.

Даже при наличии реактивности необходимо ещё одно звено. Автономизация метрики – процесс, при котором практическая значимость показателя перестаёт полностью выводиться из исходной ценности и начинает воспроизводиться собственной логикой достижения, сравнения, подтверждения. Первоначальная структура: «Я выполняю показатель, потому что он помогает реализовать ценность здоровья». Автономизированная: «Выполнение показателя значимо само по себе как подтверждение успешности». Эти выводы подтверждаются материалами исследования Аджаны, где пользователи цифровых гаджетов указывали на увеличение стремления фиксации темпа, каллорий и пройденного пути. Они так же отмечали увеличение значимости для них цифровых баллов при продолжительной фиксации и социальной видимости результатов. В подтверждении приведем один комментарий из исследования: «Мой Fitbit недавно сломался, и хотя я продолжал ходить, мне казалось, что это бесполезно того не стоит!!» [12, С. 664].

При массовом проявлении таких случаев мы можем говорить о ценностной инверсии телесной культуры, когда показатель, который служил средством реализации ценности приобретает самостоятельную ценность. Достижение этого показателя уже не соотносится с первоначальной целью.

Бегун с начинающейся травмой колена продолжает тренировку, потому что «кольцо активности» должно быть закрыто, серия не должна прерываться; телесное ощущение явно сигнализирует о вреде, но метрическая логика оказывается сильнее.

Олейникова О.Д. в своей работе «Образовательные ценности и ценностная инверсия в культуре» определяет ценностную инверсию как «... тип ценностной мутации, заключающейся в разрыве традиций, разрушении ценностной иерархии, сопровождающейся кардинальным изменением комбинаторики, когда «низовые ценности» начинают доминировать в культуре и играть роль

ценностей определяющих, а ценности изначально подлинные, абсолютные оттесняются на культурную периферию» [14]. Нам кажется на данном этапе развития устройств слежения, приложений и платформ по отслеживанию и фиксации данных о физической активности можно смело говорить о ценностной инверсии телесной культуры цифровых сообществ.

Заключение

Стоит признать, что в нынешнем виде конструкция матрицы ценностей остаётся теоретической. Для её проверки необходимо эмпирическое исследование, в котором каждый этап – операционализация, нормативизация, реактивность, автономизация и инверсия – был бы выделен как отдельная измеряемая переменная. Особый интерес представляют ситуации расхождения, когда цифровая цель и непосредственное телесное состояние дают субъекту разные ориентиры для действия. [15, С. 114] Что он выберет в этом конфликте? Именно его решение может стать наиболее жёстким тестом на то, сохранила ли метрика свой инструментальный статус или уже приобрела самостоятельную ценность.

Социально-философская проблема цифровой телесности лежит не в плоскости привычной оппозиции «человек – технология» или «живое тело – цифровое тело». Гораздо существеннее изменение связей между ценностью, её количественной репрезентацией, нормативным показателем, телесной практикой и механизмами саморегуляции. Именно в этом, как кажется, и заключается эвристическая сила матрицы ценностей как аналитической модели.

Литература

1. Lupton D. Quantifying the body: monitoring and measuring health in the age of mHealth technologies // *Critical Public Health*. – 2013. – Vol. 23, No. 4. – P. 393–403. – DOI: 10.1080/09581596.2013.794931.
2. Высокие технологии и инновации. Тенденции и перспективы: монография / Ф.С. Аюпова, Р.З. Ахметшин, Г.А. Вахитова [и др.]. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2025. – 242 с. – ISBN 978-5-00213-437-3. – DOI 10.37539/M250424.2025.42.43.001. – EDN ZAG-MKN.
3. Ruckenstein M., Schüll N.D. The Datafication of Health // *Annual Review of Anthropology*. – 2017. – Vol. 46. – P. 261–278. – DOI: 10.1146/annurev-anthro-102116-041244.
4. Juchniewicz N., Wiczorek M. Self-tracking, background(s) and hermeneutics. A qualitative approach to quantification and datafication of activity // *Phenomenology and the Cognitive*

- Sciences. – 2024. – Vol. 23. – P. 133–154. – DOI: 10.1007/s11097-022-09821-x.
5. de Boer B. Experiencing objectified health: turning the body into an object of attention // *Medicine, Health Care and Philosophy*. – 2020. – Vol. 23. – P. 401–411. – DOI: 10.1007/s11019-020-09949-0.
 6. Мосс М. Общества. Обмен. Личность / М. Мосс. – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 368 с.
 7. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2001. – 324 с.
 8. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
 9. Merry S.E. Measuring the World: Indicators, Human Rights, and Global Governance // *Current Anthropology*. – 2011. – Vol. 52, Suppl. 3. – P. S83–S95. – DOI: 10.1086/657241.
 10. Espeland W. N., Sauder M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds // *American Journal of Sociology*. – 2007. – Vol. 113, No. 1. – P. 1–40. – DOI: 10.1086/517897.
 11. Макарова, С.А. Тело как проект: фитнес-трекеры и практики самоконтроля в контексте общества потребления / С.А. Макарова, Л.А. Трухачева, А.С. Фаренбрух // *Туризм в современном мире: проблемы и перспективы: Сборник статей по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 11 декабря 2025 года*. – Тула: Тульский государственный университет, 2026. – С. 195–200. – EDN ZBUBXE.
 12. Ajana B. Personal metrics: Users' experiences and perceptions of self-tracking practices and data // *Social Science Information*. – 2020. – Vol. 59, No. 4. – P. 654–678. – DOI: 10.1177/0539018420959522.
 13. Utesch T., Piesch L., Busch L., Strauss B., Geukes K. Self-tracking of daily physical activity using a fitness tracker and the effect of the 10,000 steps goal: A 6week randomized controlled parallel group trial // *German Journal of Exercise and Sport Research*. – 2022. – Vol. 52. – P. 300–309. – DOI: 10.1007/s12662-022-00821-2.
 14. Олейникова О.Д. Образовательные ценности и ценностная инверсия в культуре // *Сибирский педагогический журнал*. 2004. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-tsennosti-i-tsennostnaya-inversiya-v-kulture> (дата обращения: 21.08.2026).
 15. Sharon T. Self-Tracking for Health and the Quantified Self: ReArticulating Autonomy, Solidarity, and Authenticity in an Age of Personalized Healthcare // *Philosophy & Technology*. – 2017. – Vol. 30. – P. 93–121. – DOI: 10.1007/s13347-016-0215-5.

MATRIX OF VALUES OF TACTILE CULTURE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: TRANSFORMATION OF ELEMENTS AND RELATIONSHIPS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION

Karpenko A.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management

In this article, the author examines how digital devices are changing attitudes towards one's own body. Particular attention is paid to the transformation of the relationship between values and everyday bodily practices. The author considers operational indicators (heart rate, calories, number of steps) to be a key component of this transformation; under certain conditions, these indicators, having previously been a means to an end, acquire the status of an end in themselves. As the methodological basis for the study, the author proposes the concept of a matrix of values in physical culture, which brings together the classical theories of P. Bourdieu, M. Foucault and M. Mauss. This concept describes the interaction between the core values, bodily practices and the institutions that transmit them. The study demonstrates that digitalisation does not abolish the fundamental principles of health, well-being, freedom and self-governance, but introduces several stages of operationalisation in the process of achieving them.

There is a sequential transformation of a value into a measurable indicator, followed by the normative embedding of this indicator and its quantitative measure within everyday bodily practices. As a result, the quantitative measure acquires value autonomy. The axiological core of the value matrix undergoes a transformation under the influence of digital gadgets. The article cites research on self-tracking as an example.

Keywords: corporeal culture, corporeality, value matrix, digital corporeality, self-tracking, datification, operational indicator, value inversion, technological mediation, reactivity.

References

1. Lupton D. Quantifying the body: monitoring and measuring health in the age of mHealth technologies // *Critical Public Health*. – 2013. – Vol. 23, No. 4. – P. 393–403. – DOI: 10.1080/09581596.2013.794931.
2. High technologies and innovations. Trends and prospects: monograph / F.S. Ayupova, R.Z. Akhmetshin, G.A. Vakhitova [et al.]. – St. Petersburg: National Humanitarian Research Institute "NatSrazvitie", 2025. – 242 p. – ISBN 978-5-00213-437-3. – DOI 10.37539/M250424.2025.42.43.001. – EDN ZAGMKN.
3. Ruckenstein M., Schüll N.D. The Datafication of Health // *Annual Review of Anthropology*. – 2017. – Vol. 46. – P. 261–278. – DOI: 10.1146/annurev-anthro-102116-041244.
4. Juchniewicz N., Wieczorek M. Self-tracking, background(s) and hermeneutics. A qualitative approach to quantification and datafication of activity // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2024. – Vol. 23. – P. 133–154. – DOI: 10.1007/s11097-022-09821-x.
5. de Boer B. Experiencing objectified health: turning the body into an object of attention // *Medicine, Health Care and Philosophy*. – 2020. – Vol. 23. – P. 401–411. – DOI: 10.1007/s11019-020-09949-0.
6. Moss M. Societies. Exchange. Personality / M. Moss. – Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 368 p.
7. Bourdieu P. Social space: fields and practices / P. Bourdieu. – St. Petersburg: Aletheia, 2001. – 324 p.
8. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of Prison / translated from French by V. Naumov. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
9. Merry S.E. Measuring the World: Indicators, Human Rights, and Global Governance // *Current Anthropology*. – 2011. – Vol. 52, Suppl. 3. – P. S83–S95. – DOI: 10.1086/657241.
10. Espeland W. N., Sauder M. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds // *American Journal of Sociology*. – 2007. – Vol. 113, No. 1. – P. 1–40. – DOI: 10.1086/517897.

11. Makarova, S.A. The Body as a Project: Fitness Trackers and Self-Monitoring Practices in the Context of Consumer Society / S.A. Makarova, L.A. Trukhacheva, A.S. Fahrenbrukh // Tourism in the Modern World: Problems and Prospects: Collection of Articles Based on the Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Tula, December 11, 2025. – Tula: Tula State University, 2026. – Pp. 195–200. – EDN ZBUBXE.
12. Ajana B. Personal Metrics: Users' Experiences and Perceptions of Self-Tracking Practices and Data // Social Science Information. – 2020. – Vol. 59, No. 4. – Pp. 654–678. – DOI: 10.1177/0539018420959522.
13. Utesch T., Piesch L., Busch L., Strauss B., Geukes K. Self-tracking of daily physical activity using a fitness tracker and the effect of the 10,000 steps goal: A 6-week randomized controlled parallel group trial // German Journal of Exercise and Sport Research. – 2022. – Vol. 52. – P. 300–309. – DOI: 10.1007/s12662-022-00821-2.
14. Oleynikova O.D. Educational values and value inversion in culture // Siberian Pedagogical Journal. 2004. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-tsennosti-i-tsennostnaya-inversiya-v-kulture> (access date: 08/21/2026).
15. Sharon T. Self-Tracking for Health and the Quantified Self: Re Articulating Autonomy, Solidarity, and Authenticity in an Age of Personalized Healthcare // Philosophy & Technology. – 2017. – Vol. 30. – P. 93–121. – DOI: 10.1007/s13347-016-0215-5.

Разрыв между стратегией и реальностью: пробелы в адаптации мигрантов

Ли Ангелина Владимировна,

аспирантка кафедры глобальных социальных процессов
и работы с молодежью, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: angelinali1999@gmail.com

В статье рассматривается соотношение стратегических установок современной миграционной политики Российской Федерации и фактических условий социальной адаптации мигрантов. Материал исследования составили нормативные документы и научные публикации 2022–2026 годов, посвященные трудовой, языковой, образовательной, социальной и институциональной адаптации иностранных граждан. Использованы анализ документов, сравнительный анализ, вторичный анализ результатов социологических исследований и систематизация полученных данных. В результате выделены пять зон расхождения между государственными ориентирами и условиями адаптации мигрантов. К ним отнесены институциональная, трудовая, языковая и образовательная, социальная и контрольно-цифровая зоны. Установлено, что возможности включения мигрантов в принимающее общество связаны с доступом к рынку труда, языковой подготовке, образованию, институциональной поддержке и характером взаимодействия с местным населением. Предложенная типология позволяет конкретизировать содержание пробелов в реализации современных направлений миграционной политики и использовать выделенные зоны при дальнейшем социологическом анализе процессов адаптации.

Ключевые слова: миграция, мигранты, социальная адаптация, интеграция мигрантов, миграционная политика, принимающее общество, трудовая адаптация, языковая адаптация, образовательная адаптация

Введение

Миграционные процессы занимают заметное место в развитии современного российского общества. Они влияют на рынок труда, демографическую ситуацию, межэтнические отношения, образовательную среду и деятельность социальных институтов. Рост миграционной мобильности усиливает значение вопросов, связанных с включением приезжих в принимающее общество. Для мигранта этот процесс охватывает освоение языка, знакомство с правовыми и социальными нормами, трудоустройство, получение образования, взаимодействие с государственными учреждениями и формирование повседневных социальных связей.

В последние годы миграционная политика Российской Федерации (РФ) получила новое нормативное оформление. Указом Президента РФ от 15 октября 2025 года № 738 утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы. В документе адаптация иностранных граждан рассматривается как одно из направлений государственного регулирования миграции. В пункте 27 Концепции поставлена задача создания условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в России [9, п. 27]. В пункте 28 данное направление раскрывается через изучение русского языка, освоение норм поведения, повышение правовой грамотности, развитие инфраструктуры адаптации и расширение информирования иностранных граждан [9, п. 28].

Н.В. Княгинина и С.В. Янкевич при анализе российской миграционной политики указывали на слабую согласованность мер в сфере адаптации и интеграции. Авторы писали о состоянии, при котором «в стране нет последовательно сформулированной политики адаптации и интеграции мигрантов». Исследователи связывали качество управленческих решений также с полнотой эмпирических данных о положении различных групп мигрантов. Они прямо отмечают: «Нужен ли нам специальный федеральный орган для миграционной политики – вопрос достойный отдельного обсуждения. Понятно, что в любом случае без взаимодействия разных государственных органов миграционная политика, в том числе в части адаптации и интеграции, работать не сможет. С другой стороны, разработка системы адаптации и интеграции мигрантов с нуля (с учетом всей сложности миграционной ситуации) требует большой

вовлеченности, ресурсов и лидерства, и тот, кто задастся целью построить такую систему, основываясь на данных и понимая комплексность задач» [4, с. 159, с. 166]. Отдельное внимание в работе уделено распределению полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями управления [4, с. 163–164].

Принятие Концепции на 2026–2030 годы изменило стратегическую основу миграционной политики. Вместе с тем результаты исследований предыдущих лет дают возможность оценить исходные условия, в которых начинается реализация новых положений. Такой подход позволяет проследить связь между нормативным регулированием и конкретными социальными процессами, сопровождающими пребывание мигранта в принимающем обществе.

Г.С. Смидович рассматривает адаптацию мигрантов через деятельность государственных и муниципальных структур. В исследовании показано, что практическая работа органов власти часто сосредоточена на социально культурных мероприятиях, тогда как жизненные ситуации мигрантов охватывают более широкий круг вопросов [5, с. 151–160]. К ним относятся трудоустройство, жилищные условия, получение медицинской помощи, образование, владение русским языком и характер контактов с местным населением. Такое содержание адаптации позволяет рассматривать ее как комплексный социальный процесс, связанный сразу с несколькими сферами повседневной жизни.

Различия в адаптационных возможностях отдельных групп хорошо прослеживаются в исследовании А.А. Эндрюшко. Автор сопоставляет положение образовательных и молодых трудовых мигрантов из постсоветских государств на основе данных социологических обследований 2017, 2020 и 2023 годов. По данным исследования 2023 года, максимальную оценку владения русским языком получили 66,3% образовательных мигрантов и 28,9% молодых трудовых мигрантов. Полученные различия связаны с образовательной средой, социальными контактами и доступом к институциональной поддержке [7, с. 65–66].

Изменения миграционного законодательства последних лет также оказывают влияние на адаптационную среду. К.С. Григорьева рассматривает новации 2022–2025 годов в связи с интеграцией иностранцев в принимающее общество. В исследовании анализируются сокращение сроков пребывания для отдельных категорий иностранцев, введение режима высылки, развитие цифрового учета и новые требования в образовательной сфере [2, с. 4–7]. Автор характеризует значительную часть законодательных изменений как меры, направленные на «ужесточение миграционного режима» [2, с. 5].

Для социологического анализа интерес представляет соотношение контрольных механизмов и инструментов социальной адаптации. Государ-

ственное регулирование создает правовые условия пребывания иностранного гражданина, а его повседневное включение в общество происходит в конкретной социальной среде. Здесь имеют значение доступ к языковой подготовке, характер занятости, отношения с местным населением, положение семьи, возможности получения образования и работа социальных институтов.

Отдельного внимания требует положение детей из семей мигрантов. О.А. Волкова, Т.Н. Юдина и В.Ю. Леденева исследовали роль русского языка в межэтническом взаимодействии, обучении и жизненных планах детей с миграционной историей. Эмпирическую базу работы составили материалы опроса 830 мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана и интервью с 213 подростками [1, с. 48]. Авторы определяют адаптацию как «длительный, сложный многоаспектный процесс» [1, с. 45]. В нем соединяются языковая подготовка, обучение, семейная среда, межличностное общение и взаимодействие с образовательными учреждениями.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации основных зон расхождения между стратегическими установками государственной миграционной политики РФ и фактическими условиями социальной адаптации мигрантов на основе нормативных документов и результатов социологических исследований 2022–2026 годов.

Научная новизна исследования связана с сопоставлением положений Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы с эмпирическими данными о положении мигрантов, опубликованными в 2022–2026 годах. В ходе исследования выделены институциональная, трудовая, языковая и образовательная, социальная и контрольно-цифровая зоны расхождения между государственными ориентирами и фактическими условиями адаптации мигрантов. Предложенная типология позволяет конкретизировать содержание пробелов в реализации современных направлений миграционной политики.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составили нормативные документы РФ в сфере миграционной политики и научные публикации российских исследователей, вышедшие с 2022 по 2026 год. В выборку вошли работы, посвященные социальной адаптации мигрантов, их положению на рынке труда, языковой и образовательной адаптации, взаимодействию с принимающим обществом и деятельности государственных институтов (таблица 1).

Сопоставление проводилось между положениями современной миграционной политики и данными социологических исследований о фактических условиях включения мигрантов в российское общество. Полученные материалы были распределены по основным направлениям адаптации. На этой основе в результатах исследования выде-

лены зоны расхождения между стратегическими установками и практикой их реализации.

Таблица 1. Материалы и методы исследования

Элемент исследования	Содержание
Источниковая база	нормативные документы и научные публикации с 2022 по 2026 год
Основные методы	анализ документов, сравнительный анализ, вторичный анализ социологических данных, систематизация
Единицы анализа	стратегические задачи, меры адаптации, социальные барьеры, результаты эмпирических исследований
Направления сопоставления	институциональная, трудовая, языковая и образовательная, социальная, контрольно-цифровая адаптация

Результаты исследования

Сопоставление нормативных документов и современных социологических исследований позволило выделить 5 зон расхождения между стратегическими ориентирами миграционной политики и фактическими условиями адаптации мигрантов. К ним относятся институциональная, трудовая, языковая и образовательная, социальная и контрольно-цифровая зоны.

Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы предусматривает развитие инфраструктуры адаптации, повышение информированности иностранных граждан, освоение русского языка, правовых и социальных норм [9, п. 27, 28]. Вместе с тем адаптация охватывает занятость, жилье, образование, здравоохранение и взаимодействие с принимающим обществом [8]. Такое сочетание формирует институциональный разрыв между комплексным характером адаптации и распределением соответствующих функций между различными структурами.

В трудовой сфере различия проявляются уже на этапе поиска работы. А.А. Эндрюшко и К.С. Григорьева установили зависимость стартовых возможностей соискателей от гражданской принадлежности. Более благоприятные позиции фиксировались у граждан Беларуси и Украины, более сложные условия складывались у выходцев из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана [6, с. 26]. Эти данные позволяют выделить трудовой разрыв, связанный с различием фактических возможностей выхода на рынок труда.

Языковая и образовательная адаптация получила дополнительное нормативное значение после вступления в силу Федерального закона № 544-ФЗ. Для приема иностранных детей в российские школы предусмотрено тестирование на знание русского языка [12]. При этом владе-

ние языком связано с семейной средой, продолжительностью проживания, характером общения и доступом к образовательным ресурсам [8, с. 253]. Здесь формируется разрыв между установленным языковым требованием и различиями в условиях подготовки детей.

Социальная зона связана с отношением принимающего населения. Н.Г. Деханова, В.Ю. Леденева и В.А. Сушко выявили распространенность негативных установок в отношении внешних мигрантов и связь этих оценок с восприятием культурных различий [3, с. 215]. Поэтому адаптация зависит также от готовности принимающего общества к взаимодействию.

Отдельную область образует развитие цифрового миграционного контроля. Федеральный закон № 260-ФЗ закрепил режим высылки и реестр контролируемых лиц, а Федеральный закон № 121-ФЗ предусмотрел дополнительные цифровые механизмы учета иностранных граждан. Эти меры отличаются высокой степенью процедурной конкретизации. На этом фоне адаптационные механизмы охватывают более широкий круг социальных задач, что позволяет выделить контрольно-цифровую зону расхождения (таблица 2) [10, 11]

Таблица 2. Основные зоны расхождения между стратегией и условиями адаптации мигрантов

Сфера	Стратегическая установка	Фактическая ситуация	Зона расхождения
Институциональная	развитие инфраструктуры адаптации	адаптация охватывает сразу несколько социальных сфер	распределение функций между разными институтами
Трудовая	включение мигрантов в легальную занятость	различаются стартовые возможности при трудоустройстве	неодинаковый доступ к рынку труда
Языковая и образовательная	владение русским языком и включение в образование	условия языковой подготовки зависят от социальной среды	различия в доступе к подготовке
Социальная	взаимодействие с российским обществом	сохраняются негативные установки части населения	барьеры со стороны принимающей среды
Контрольно-цифровая	повышение управляемости миграционных процессов	активно развиваются цифровой учет и контроль	различная степень развития контрольных и адаптационных механизмов

Полученная типология показывает, что разрыв между стратегией и практикой имеет различное содержание в каждой сфере. В рамках исследования он определяется через сопоставление государственной установки, фактической социальной ситуации и доступных механизмов адаптации. Такой подход позволяет конкретизировать содержание выявленных пробелов и использовать их для дальнейшей оценки современной миграционной политики.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные зоны расхождения между стратегическими установками современной миграционной политики РФ и фактическими условиями адаптации мигрантов. Анализ нормативных документов и результатов социологических исследований 2022–2026 годов показал, что адаптация охватывает несколько взаимосвязанных сфер повседневной жизни. К ним относятся участие в трудовой деятельности, владение русским языком, получение образования, взаимодействие с государственными и социальными институтами, а также отношения с принимающим населением.

В ходе исследования выделены 5 зон расхождения. Институциональная зона связана с распределением адаптационных функций между различными структурами. Трудовая зона проявляется в различиях стартовых возможностей мигрантов при выходе на рынок труда. Языковая и образовательная зона отражает зависимость доступа к обучению от уровня языковой подготовки и условий социальной среды. Социальная зона характеризует влияние установок принимающего населения на включение мигрантов в общество. Контрольно-цифровая зона отражает активное развитие механизмов учета и контроля при более широком содержании задач социальной адаптации.

Полученные результаты показывают, что реализация миграционной стратегии связана с согласованием правового регулирования и социальных механизмов адаптации. Для повышения результативности этой работы значение имеют доступность языковой подготовки, возможности легального трудоустройства, образовательная поддержка детей из семей мигрантов, координация деятельности государственных и общественных институтов, а также развитие условий для взаимодействия мигрантов с принимающим населением.

Предложенная типология зон расхождения конкретизирует содержание пробелов между государственными ориентирами и условиями повседневной адаптации мигрантов. Ее применение позволяет рассматривать адаптационную политику через конкретные социальные сферы и использовать выделенные направления при дальнейшем социологическом анализе миграционных про-

цессов и оценке реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы.

Литература

1. Волкова О. А., Юдина Т.Н., Леденева В.Ю. От коммуникации к адаптации: роль русского языка в межнациональном взаимодействии, обучении и построении будущего детьми мигрантов // Вестник антропологии. 2026. № 2. С. 43–58. DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/43-58
2. Григорьева К.С. Новации миграционного законодательства 2022–2025 гг. в контексте интеграции иностранцев в принимающее общество // Постсоветский материк. 2026. № 2 (50). С. 4–15. DOI: 10.48137/23116412_2026_2_4
3. Деханова Н. Г., Леденева В.Ю., Сушко В.А. Внешняя миграция и социальные стереотипы россиян: социологический анализ общественного восприятия миграционных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18. № 2. С. 215–228.
4. Княгинина Н. В., Янкевич С.В. Миграционная политика в России // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 4. С. 158–168. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-158-168
5. Смидович Г.С. Адаптация и интеграция мигрантов в дискурсе и практиках органов государственной власти и местного самоуправления // Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: монография / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]; отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 151–160.
6. Эндрюшко А. А., Григорьева К.С. Мигранты на российском рынке труда: оценка стартовых возможностей // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 26–43. DOI: 10.31857/S0869541522040029
7. Эндрюшко А.А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0132162524120069
8. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: монография / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]; отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022
9. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальное опубликование пра-

вовых актов. 15.10.2025. № опубликования 0001202510150055

10. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. 08.08.2024. № опубликования 0001202408080069.
11. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» // Официальное опубликование правовых актов. 23.05.2025. № опубликования 0001202505230034.
12. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // Официальное опубликование правовых актов. 28.12.2024. № опубликования 0001202412280045.

THE GAP BETWEEN STRATEGY AND REALITY: GAPS IN MIGRANT ADAPTATION

Li A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the relationship between the strategic objectives of contemporary migration policy in the Russian Federation and the actual conditions of migrants' social adaptation. The study is based on regulatory documents and academic publications issued between 2022 and 2026 and devoted to labour, linguistic, educational, social and institutional adaptation of foreign citizens. The methods include document analysis, comparative analysis, secondary analysis of sociological research findings and systematization of the collected data. The study identifies five areas of divergence between public policy objectives and the actual conditions of migrant adaptation. These include institutional, labour, linguistic and educational, social, and control and digital areas. The findings show that migrants' inclusion in the host society is associated with access to employment, language training, education, institutional support and interaction with the local population. The proposed typology provides a framework for identifying gaps in the implementation of contemporary migration policy and for further sociological analysis of migrant adaptation.

Keywords: migration, migrants, social adaptation, migrant integration, migration policy, host society, labour adaptation, language adaptation, educational adaptation

References

1. Volkova O. A., Yudina T.N., Ledeneva V. Yu. From communication to adaptation: the role of the Russian language in interethnic interaction, education and building the future of migrant children // *Herald of anthropology*. 2026. No. 2. pp. 43–58. DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/43-58
2. Grigorieva K.S. Innovations in migration legislation for 2022–2025 in the context of the integration of foreigners into the host society // *Post-Soviet Continent*. 2026. No. 2 (50). pp. 4–15. DOI: 10.48137/23116412_2026_2_4
3. Dekhanova N. G., Ledeneva V. Yu., Sushko V.A. External Migration and Social Stereotypes of Russians: A Sociological Analysis of Public Perception of Migration Processes // *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2025. Vol. 18. No. 2. pp. 215–228.
4. Knyaginina N. V., Yankevich S.V. Migration Policy in Russia // *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024. Vol. 33. No. 4. pp. 158–168. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-158-168
5. Smidovich G.S. Adaptation and integration of migrants in the discourse and practices of state authorities and local governments // *Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators: monograph* / V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva, G.A. Monusova [et al.]; eds. V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva; FNISC RAS. Moscow: FNISC RAS, 2022. pp. 151–160.
6. Andreushko A. A., Grigorieva K.S. Migrants in the Russian labor market: assessment of starting opportunities // *Ethnographic review*. 2022. No. 4. Pp. 26–43. DOI: 10.31857/S0869541522040029
7. Andreushko A.A. Educational and labor migrants from post-Soviet countries: adaptation in Russian society and integration attitudes // *Sociological studies*. 2024. No. 12. Pp. 60–73. DOI: 10.31857/S0132162524120069
8. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators: monograph / V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva, G.A. Monusova [et al.]; ed. V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva; FNISC RAS. M.: FNISC RAS, 2022. 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022
9. Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025 No. 738 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030” // *Official publication of legal acts*. October 15, 2025. Publication No. 0001202510150055
10. Federal Law of August 8, 2024 No. 260-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Official publication of legal acts*. August 8, 2024. Publication number 0001202408080069.
11. Federal Law of May 23, 2025 No. 121-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Conducting an Experiment to Implement Additional Mechanisms for Registering Foreign Citizens” // *Official publication of legal acts*. May 23, 2025. Publication number 0001202505230034.
12. Federal Law of December 28, 2024 No. 544-FZ “On Amendments to Articles 67 and 78 of the Federal Law “On Education in the Russian Federation”” // *Official publication of legal acts*. December 28, 2024. Publication number 0001202412280045.

Развитие системы защиты прав человека: социологический вектор исследования

Литвинцева Янжина Михайловна,

аспирант Института государственной службы и управления
РАНХиГС

E-mail: yalitivintseva-24@ranepa.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с исследованием системы защиты прав человека в теоретико-методологическом дискурсе. Раскрываются социологические подходы к изучению права личности; раскрываются социальные условия и факторы развития права как легитимного порядка, включающего в себя принципы и нормы поведения индивидов. Развитие права рассматривается как объективное социальное явление, направленное на реализацию социальной потребности в защите социально значимых благ и ресурсов.

Ключевые слова: система защиты прав человека, социальные факторы и условия развития права, социологические подходы к исследованию права, социальные потребности в защите прав человека.

Размышления о правах человека характерны для мыслителей и социальных деятелей на протяжении всей истории человечества. Концепции и теории о правах человека, о равенстве людей между собой, о необходимости защиты нарушенных прав представляют собой воплощение общественных идей о защищенности социального статуса человека в обществе.

Концептуальное осмысление понятия «защита прав человека» связано с определением и пониманием понятия «право», истоки которого ученые исторически связывали либо с государством (Платон, Аристотель), либо с социальными институтами, среди которых важнейшим является семья (Гоббс, Конт). В концепции естественного права, где основным субъектом является личность, право является неотъемлемым и естественным качеством, вытекающим из самой природы человека, всеобщих нравственных принципов (Локк, Руссо). В концепции права и государства Гегеля право предстает как олицетворение свободной воли. Как отмечает В.С. Нерсисянц «у Гегеля каждая ступень развития объективного духа (абстрактное право, мораль, нравственность) есть право и обладает «своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений» [1, с. 506].

В современных словарях и энциклопедиях право рассматривается как равные возможности удовлетворять свои основные потребности, как возможности, правомочия, потенциал действий человека в определенной сфере жизнедеятельности.

В юридических концепциях право рассматривается как совокупность юридических норм, регулирующих правоотношения в обществе. По мнению Лукашевой Е.А., права человека включают в себя нормативно-структурированные свойства и особенности бытия личности, выражают ее свободу и являются важнейшими условиями и способами жизнедеятельности человека, определяя его взаимоотношения с обществом, государством и другими индивидами» [2, с. 12]. М.В. Пивоев отмечает, что понятие «право» рассматривается в нескольких основных значениях: «1. право как нормативно организованная сфера взаимоотношений общества и государства; 2. порядок взаимоотношений индивида и государства; 3. наука (правоведение), изучающая сферу отношений общества и государства; 4. Правосознание и правовая культура отно-

шений людей друг к другу в связи с конфликтами интересов и потребностей» [3, с. 6].

В данном контексте право можно рассматривать как совокупность возможностей человека, предоставленных и гарантированных государством и государственно-правовыми институтами на достойную жизнь и правовую защиту от какого-либо произвола. В целом, в юридическом дискурсе право рассматривается в объективном и субъективном значении. В объективном смысле право представляет собой систему юридических установлений, регулирующих различные сферы социальной деятельности. Право в субъективном отношении акцентирует внимание на субъекте права: субъектом права является участник правоотношений, то есть носитель субъективных прав и обязанностей, и который обладает правовым статусом.

В целом, в правовом отношении права личности рассматриваются с точки зрения наличия у нее определенной правоспособности и совокупности правовых статусов (свободы, гражданства, имущественных и иных признаков). Совокупность правовых статусов дает личности статус субъекта права, который может самостоятельно приобретать права и нести соответствующие обязанности. Человек, приобретая данные права, становится носителем и бенефициаром субъективных прав.

Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека не отчуждаемы и принадлежать ему от рождения (ст. 17). Следовательно, в Конституции РФ нашли отражение положения естественной концепции права. В основе конституционного понимания права лежит важнейший принцип – соблюдения достоинства человека, который также закреплен в Конституции РФ в статье 21, где зафиксировано, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [4].

Отметим основные принципы прав человека: неотчуждаемость и неотъемлемость, всеобщность и универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность. Реализация данных принципов определяется исторически конкретными условиями общества, зависит от социальных условий развития государства и общества, определяется национальными, региональными, социально-экономическими, социокультурными или другими факторами развития.

В социологической традиции права рассматриваются с точки зрения взаимодействия социальных институтов и личности как совокупности общественных отношений. Право олицетворяет собой максимальную формальную рациональность, которая характеризуется «вниманием к действующему лицу, который выбирает способы достижения цели и результатов. В этом случае выбор делается в соответствии с привычными правилами, инструкциями и законами» [5, с. 45].

Основоположником социологии права считается Эмиль Дюркгейм, для которого право – это социальный институт, предназначение которого направлено на реализацию социальной потребности в упорядочении социальной жизнедеятельности. Он полагал, что общество имеет свои реалии, не сводимые к индивидуальной и групповой жизни, а «социальная реальность включена в общий универсальный природный порядок» [6, с. 324]. Однако при этом общество представляет особое социальное образование («реальность особого рода»), которая отличается от природного порядка.

Социальная реальность также отличается от индивидуальной (биопсихологической) реальности: она более основательна и значима и имеет исключительное значение в детерминации индивидуального сознания и поведения. Выделение Э. Дюркгеймом специфики социальной реальности основано на его методологическом принципе «социальные факты нужно рассматривать как вещи», следовательно исследованию следует подвергать сами социальные факты (действия), а не общественные представления об этих фактах (действиях).

Для него право – это социальный факт: «право воспроизводит главные формы социальной солидарности», «... всякое право публично в том смысле, что оно – социальная функция и что все индивиды ... суть должностные лица» [7, с. 256]. Право, реализуемое в нормах, представляет собой социальный факт, который влияет на поведение людей не непосредственно, а через механизмы их интериоризации. А действенность права определяется не только обязательным характером действия, но и тем, насколько оно отражает социальные потребности в его существовании.

В своем классическом труде «Самоубийство» Э. Дюркгейм, применив свою методологию, показал, каким образом на такое очевидно индивидуальное действие как самоубийство оказывают влияние различные формы социальной солидарности, наличие или отсутствие социальных и правовых норм регуляции поведения, и в целом состояние общества в дилемме нормы и аномии. Он считал, что поведение индивидов регулируется социальными и правовыми нормами в той степени, в какой они институционализируются и считаются значимыми для них.

Р. Арон отмечает, что Э. Дюркгейм различает два вида права в соответствии с двумя видами солидарности: репрессивное право, карающее за преступления и ошибки, и реститутивное право, суть которого заключается не в преследовании за нарушения общественных правил, а «в возвращении предметов в состояния, при которых была совершена ошибка, или в организации кооперации между индивидами» [8, с. 321].

В социологии права М. Вебера также акцентируется значение социальной обусловленности права. Право – это не просто совокупность правовых норм и правил, а способ установления социального порядка и ориентации в обществе и социальной жизни. Право представляет собой легитимный порядок, который, определяя смысл социальных отношений, включает в себя нормы, на которые ориентируются люди.

Вебер рассматривал право в контексте его рационализации как легальную форму власти и нейтральный механизм построения социальных отношений. В процессе своего развития право уходит от эмоциональных, психологических и субъективных отношений и преобразуется в рационально-легальную власть, основанную на порядке, который люди придерживаются сознательно, считая его для себя обязательными. В этом контексте право и правовые действия (поступки) можно рассматривать как способ реализации целерационального действия. Как утверждал М. Вебер, «целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действия, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам...» [9, с. 478–479].

Социальное поведение индивидов связано с их общими представлениями о легитимном порядке, в основе которого лежат общие представления о «значимости» порядка, в том числе основанного на правовом порядке. М. Вебер утверждал, что «порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом более лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению» [9, с. 478–479]. Вебер в этой связи подчеркивал, что социальный порядок может быть гарантирован различными социальными институтами: этикой (через ценностно-рациональные нормы поведения), религией (через религиозные порицания или бойкот) и правом (посредством правовых санкций). Легитимность порядка может быть реализована механизмами правотворчества и правопорядка, возможностями морального или физического принуждения, осуществляемого особой группой, наделенной функцией сохранения порядка.

Т. Парсонс также отмечал значимость нормативных оснований. Он писал, что «ни одна крупная и сложная система не может выжить, если согласие с большей частью ее нормативных оснований не будет носить обязательного характера...» [10, с. 30]. Он в этом контексте обосновывает функцию принуждения, которая реализуется, если «... подзревается наличие намерения послушаться» [10, с. 30].

Оригинальный взгляд на социальные основания права предложил Л.И. Петражицкий, автор психологической теории права. Основная его идея

заключалась в поиске причины возникновения права и нормативного поведения, прежде всего, в психике человека. По его мнению, эмоции и переживания являются основными регуляторами общественной жизни, и они формируют общественные отношения. Существует право, формируемое государством и государственными институтами, и одновременно формируется интуитивное право, основанное на праве, исходящем из эмоций и переживаний людей, из общественного понимания справедливости и несправедливости. Следовательно, по сравнению с другими видами права интуитивное право более близко к социальной жизни, и оно меняется по мере изменения общественных отношений.

Структура и содержание интуитивного права возникает вне государственного регулирования и определяется условиями жизни людей (образованием, социальным положением, профессией, кругом друзей и пр.). Следовательно, интуитивное право определяется потребностями повседневной жизни, и оно, мнению исследователя, выше морали, так как, отражая повседневную человеческую практику, является истинным и действительным. Он отмечал, что «для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты все сферы бытия правовых феноменов (как и всех психических феноменов), кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего “Я”» [11, с. 403].

В логике нашего исследования важным является тезис Л.И. Петражицкого, что право должно исходить из естественной потребности человека, а эмоции, переживания, сочувствия являются такими же регуляторами социальной жизни, как государственные и социальные установления.

Похожую точку зрения высказывал австрийский юрист Ойген Эрлих, основатель теории «живого права», который утверждал, что живое право – это не кодексы и законы, а реальные нормы поведения, которые возникают из реальных социальных потребностей людей и практики взаимодействий. Его главный тезис: центр тяжести развития права лежит не в законодательстве, а в развитии общества: «Социальный порядок находится в потоке постоянных изменений... правовые предположения зависят от общества и по своему содержанию, и в том, что касается их существования» [12, с. 591].

Современные исследователи также отмечают необходимость раскрытия социальных факторов развития права. Общепринятое понимание прав человека связано с тезисом, что право представляет собой общепринятую точку зрения на устройство мира, включая в себя миропонимание, мировоззрение, основанное на принципах гуманизма.

По мнению М.Н. Марченко необходимо исследование «права как такового «не вообще», а под углом зрения возникающих в процессе его фор-

мирования и функционирования отношений между людьми» [13, с. С. 22]. Эту же точку зрения ранее высказывал Д.А. Керимов, который отмечал, что социология права «изучает правовые явления и процессы в аспекте их социальной детерминации, содержания и функционирования в качестве целостного системного образования» [14, с. 12].

Исследователи отмечают определенную иллюзорность прав и свобод человека без наличия определенных средств их защиты [15, с. 7]. Значительное большинство мер защиты прав и свобод человека находится в ведении публичных институтов управления, предусмотрены национальным правом и направлены на защиту общественного или государственно значимого блага. Некоторые категории прав защищаются институтами гражданского общества или самими гражданами по собственной инициативе.

В контексте выделения социологических оснований права размышлял Ф. Шереги, который отмечал стадийность развития права как социального института, выделяя пять форм моделей права, характерных для той или иной стадии развития общества: «1) право членов племени на расширенное воспроизводство рода: на обмен веществ (потребление) и продолжение рода; 2) право на выполнение функциональной социальной роли в родовой семье архаичного государства; 3) право на сословный (институциональный) статус в феодальном (кастовом) государстве; 4) право личности на частную собственность (на «вещную» идентификацию); 5) право на выбор жизненного пути (абсолютная свобода от директивности социальных норм)» [16, с. 8]. Интерес также представляет идея Ф. Шереги о формировании экологической модели права, которая основана на «моральном праве», на естественной (природной) целесообразности, где личность является «социальным продуктом» и происходит соединение права и обязанности во взаимоотношении общества и природы.

В данном контексте отметим, что в социологическом дискурсе формирование и развитие системы защиты прав человека можно рассматривать как объективное социальное явление, направленное на реализацию социальной потребности в защите социально значимых благ и ресурсов. Т.А. Марченко отмечает, что «...потребность есть противоречие между социальным субъектом (человеком, социальной группой, классом, обществом в целом) и объективными условиями его жизнедеятельности, которое разрешается и воспроизводится в процессе осознаваемого деятельности субъективно-объективного взаимодействия» [17, с. 18].

В целом, потребность можно определить как объективно и субъективно необходимое требование личности, социальной группы, общества в целом к условиям существования и источникам со-

циального развития. Одна группа потребностей относится к биосоциальным условиям жизни (потребность в сне, отдыхе, пище), другая группа более соотносима к социальным и социокультурным факторам жизнедеятельности (потребность в сохранности, безопасности, привязанности, уважении и др.). В социологическом значении важно при анализе потребностей, в том числе потребности в социальной защите прав и свобод, исходить из представления, что человек представляет собой часть большой социальной группы, т.е. является представителем определенного типа социальной группы. Таким образом, социальные потребности формируются совместными условиями жизнедеятельности, и осознаются не рамках индивидуальных мотивов, а как общественные, социальные значимые императивы. Так, Б. Малиновский вслед за Э. Дюркгеймом подчеркивал, что социальные институты функционируют для удовлетворения социальных потребностей [18, с. 236].

В рамках теории социальных систем понятие «социальная потребность» является частью категории функционального императива. Т. Парсонс отмечал, что интеграция ценностных образов и потребностных императивов представляют собой «фундаментальную динамическую теорему социологии» [19, с. 124]. Исследователь рассматривает потребностные диспозиции как совокупность побуждений и культуры, где побуждения – это врожденные (биологические) инстинкты, а культура – это совокупность социальных ценностей и норм. Таким образом, потребностные диспозиции являются системой побуждений, формируемых социальной средой и культурой.

Потребности побуждают индивидов к принятию, отрицанию или поиску новых способов реализации потребностей, если имеющиеся не достаточно удовлетворяют потребностным диспозициям. Т. Парсонс в данном контексте выделяет три типа потребностных диспозиций: первый тип направлен на поиск способов реализации потребностей в любви, дружбе и пр.; второй тип направлен на усвоение ценностные и социокультурных потребностей; третий тип нацелен на реализацию ролевых ожиданий [19, с. 127].

Таким образом, система социальной защиты актуализируется в том случае, если она направлена на реализацию социальной потребности, формируется социальной средой, осознается как необходимая и интегрирует в себе значимые ценностные образцы.

Отметим, что, однако, наличие социальной потребности в формировании системы защиты прав человека недостаточно для ее практической реализации. Необходимо, чтобы потребности в правозащитной деятельности осуществлялись в социальной деятельности индивидов. Так, П. Штомпка отмечает, что социальные потребности являются только основанием (условием) для реализации

социальных действий и взаимодействий. Потребности формируются в социальной деятельности и определяются действиями людей. Социальные структуры (социальные институты, системы ценностей и норм, организации) определяют рамки реализации потребностей. Именно через агентно-структурные отношения осуществляются, проявляются и реализуются социальные потребности.

П. Штомпка в этой связи особо выделяет значение ценностно-нормативной системы, подчеркивая значимость культуры в формировании потребностей и их реализации посредством социальных действий и взаимодействий. Он пишет «в сфере нормативной культуры находятся описания действий, свойственных данной культуре, принятых в ее рамках. Но вместе с тем действий, не характерных для нее и даже запрещенных. ... она базируется на образцах» [20, с. 127]. Динамика реализации потребностей рассматривается им через призму социальных изменений, когда потребности трансформируются в историческом времени: изменяются состав, структура, функции и социальная среда их реализации.

В нашем контексте важна его идея относительно «активистской концепции прогресса», которая мобилизует к действиям, обосновывает потребность в активной деятельности и указывает направления действий для социальных структур, организаторов общественной жизни и для обычных граждан. Выделяя значимость социально активных действий, П.Штомпка акцентирует внимание на том, что в обществе существует механизм самореализации, который развивает и укрепляет активное общества, открывает возможности творческого самопреобразования, самосовершенствования и самореализации, то есть реализуется потребность в социально активной деятельности и открываются перспективы общественного прогресса [20, с. 470].

Таким образом, в социологическом дискурсе систему защиты прав человека можно представить как совместную деятельность социальных субъектов по реализации общественной потребности в защите прав и свобод граждан в рамках субъектно-объектного взаимодействия. Вне зависимости от характера деятельности тех или иных социальных субъектов защиты прав и свобод их основная задача – это реализация социальной потребности в реализации права на защиту, на создание условий и среды для соблюдения интересов личности, связанных с ее правами на обеспечение доступа к необходимой социальной информации, методам и способам защиты прав и свобод.

Литература

1. Нерсисянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С 506.

2. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. –560 с.
3. Пивоев М.В. Философия и методология права. Учебное пособие. Москва: Издательство Юрайт, 2021. –272 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/e7fbd40d5c89c3066eab2473b-caac30880b58eb3/
5. Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-издание. СПб: Издательство Питер, 2022. –688 с.
6. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1./ Ответ. ред и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. –496 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. //Западно-европейская социология XIX–начала XX веков. Под ред. В.И. Добренкова. М: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. –С. 256–308.
8. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс – Политика, 1992. –608 с.
9. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX– начала XX веков. Под ред. В.И. Добренкова. М: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 491–506.
10. Парсонс Т. Система современных общества. / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. А.: издательство Аспект Пресс, 1998. – 340 с.
11. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности //Петражицкий Л.И. Теория и политика права: избр. труды /Под науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. –1032 с.
12. Эрлих О. Социология права // Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. – 704 с.
13. Марченко М.Н. Понятие и предмет социологии права. Вестник Московского университета. Серия 11. Права. 2012. № 5. 21–37 с.
14. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. Т. 1. Социология права. М.: Изд-во Современ. гуманит. ун-в. 2001. –266 с.
15. Резер, Е.В. Кузнецова, М.А. Лихачев. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. –110 с.
16. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. Санкт-Петербург: Алетей, 2002. – 447 с.

17. Марченко Т.А. Потребность как социальное явление. – М.: Высш. шк., 2009. – 340 с.
18. Абекромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 1999. – 428 с.
19. Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-издание. СПб: Издательство Питер, 2022. – 688 с.
20. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Издательство «Логос», 2005. – 664 с.

DEVELOPING A HUMAN RIGHTS PROTECTION SYSTEM: A SOCIOLOGICAL RESEARCH FRAMEWORK

Litvintseva Ya.M.

Institute of Public Administration and Governance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines issues related to the development of the human rights protection system within the theoretical and methodological discourse. It reveals the legal and sociological approaches to studying individual rights; it also reveals the social conditions and factors that contribute to the development of law as a legitimate order that includes the principles and norms of individuals' behavior. The development of law is viewed as an objective social phenomenon aimed at fulfilling the social need to protect socially significant goods and resources.

Keywords: human rights protection system, social factors and conditions for the development of law, sociological approaches to the study of law, social needs for the protection of human rights.

References

1. Nersesyants V.S. Philosophy of Law. Textbook for universities. Moscow: Norma, 2005. P. 506.
2. Human Rights: textbook / ed. by E.A. Lukasheva. 2nd ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. – 560 p.
3. Pivoev M.V. Philosophy and Methodology of Law. Study guide. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 272 p.
4. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020 // Official Internet portal of legal information. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/e7fbd40d5c89c3066eab2473b-caac30880b58eb3/

5. Ritzer D. Contemporary Sociological Theories. 5th edition. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2022. – 688 p.
6. History of Theoretical Sociology. In 4 vols. Vol.1./ Reply. edited and compiled by Yu.N. Davydov. Moscow: Canon, 1997. – 496 p.
7. Durkheim E. On the division of social labor. //Western European sociology of the XIX– early XX centuries. Edited by V.I. Dobrenkov. Moscow: Edition of the International University
8. Aron R. Stages in the Development of Sociological Thought. General editor and preface by P.S. Gurevich. Moscow: Progress – Politika, 1992. – 608 p.
9. Weber M. On Some Categories of Interpretive Sociology // Western European Sociology of the 19th – Early 20th Centuries. Edited by V.I. Dobrenkov. M: Published by the International University of Business and Management, 1996. – Pp. 491–506.
10. Parsons T. The System of Modern Societies. / Translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. A.: Aspect Press, 1998. – 340 p.
11. Petrazhitsky L.I. Introduction to the Study of Law and Morality // Petrazhitsky L.I. Theory and Politics of Law: Selected Works / Edited by E.V. Timoshin. St. Petersburg, 2010. – 1032 p.
12. Ehrlich O. Sociology of Law // Ehrlich O. Foundations of the Sociology of Law / Translated from German by M.V. Antonov; Edited by V.G. Graftsky, Yu.I. Grevtsov. – St. Petersburg: LLC “University Publishing Consortium”, 2011. – 704 p.
13. Marchenko M.N. The Concept and Subject of the Sociology of Law. Bulletin of Moscow University. Series 11. Rights. 2012. No. 5. pp. 21–37.
14. Kerimov D.A. Problems of the general theory of law and the state. Vol. 1. Sociology of law. Moscow: Publishing House of Modern Law. humanitarian. univ. 2001. – 266 p.
15. Rezer, E.V. Kuznetsova, M.A. Likhachev. Mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. – 110 p.
16. Sheregi F.E. Sociology of Law: Applied Research. Saint Petersburg: Aleteya, 2002. – 447 p.
17. Marchenko T.A. Need as a Social Phenomenon. – Moscow: Vysshaya Shkola, 2009. – 340 p.
18. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. A Dictionary of Sociology. Translated from English. Edited by S.A. Erofeev. Moscow: Ekonomika, 1999. – 428 p.
19. Ritzer D. Contemporary Sociological Theories. 5th edition. Saint Petersburg: Piter Publishing House, 2022. – 688 p.
20. Sztompka P. Sociology. Analysis of Modern Society: Translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos Publishing House, 2005. – 664 p.

Сказки В.И. Даля как этнографический и лингвистический источник: к вопросу о реконструкции быта русского народа XIX века

Лопина Мария Романовна,

аспирант кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»

E-mail: lopinamarya@yandex.ru

В данной статье сказки В.И. Даля рассматриваются как фольклорно-литературный источник для изучения повседневной культуры русской провинции первой половины XIX века. На материале ряда текстов анализируются представления о семейных и сословных отношениях, власти, социальном неравенстве, религиозно-нравственных установках и пограничных социальных состояниях, связанных с нищенством, бродяжничеством и солдатской службой. Особое внимание уделяется образам материальной среды – жилища, пищи и одежды, – которые позволяют выявить социально маркированные черты крестьянского и господского быта. Рассматривается языковая организация сказок: пословицы, поговорки, разговорная и социально окрашенная лексика выступают средствами передачи народных представлений о труде, справедливости, грехе, достатке и жизненной удаче. Делается вывод о том, что сказочный корпус В.И. Даля, при учете его авторской обработки и художественной условности, представляет ценный материал для реконструкции бытовых реалий и способов их языкового осмысления в русской культуре XIX века.

Ключевые слова: В.И. Даль, русская народная сказка, история повседневности, микроистория.

Введение

Обращение к сказкам В.И. Даля представляется актуальным в контексте развития историко-антропологического подхода и возросшего внимания научного сообщества к истории повседневности. В центре внимания историков все чаще оказываются не только масштабные общественные процессы, но и повседневность, обстоятельства жизни и ценностные представления человека. Сказки В.И. Даля являют собой своеобразный материал для изучения русской провинциальной культуры первой половины XIX века. Будучи художественными произведениями, они основываются на устной народной традиции и сохраняют множество бытовых, речевых и ценностных реалий. Ориентация сказителя на «житейский быт» позволяет рассматривать эти тексты как фольклорно-литературный источник, в котором нашли отражение представления его современников о повседневном устройстве жизни.

В сказках В.И. Даля раскрываются семейные и сословные связи, отношения власти и подчинения, нормы гостеприимства, особенности питания, черты крестьянского и господского быта. Не менее важен языковой аспект произведений. Разговорная лексика, пословицы, поговорки и устойчивые речевые формулы передают способы народного осмысления труда, нужды, справедливости, греха, наказания и пр. Выявление и систематизация этнографических и лингвистических элементов сказок В.И. Даля, значимых для реконструкции повседневной культуры русского общества первой половины XIX века и сегодня являются актуальными.

Основная часть

Владимир Иванович Даль (1801–1872) оставил творческое наследие, занимающее важное место в истории русской культуры и науки. Для широкой публики он известен прежде всего как автор «Толкового словаря живого великорусского языка», однако его наследие этим не исчерпывается. В.И. Даль был также писателем, этнографом, собирателем фольклора и тонким наблюдателем народной жизни. Им написано большое количество сказок, в которых органично сочетаются народная речь, нравоучительный смысл и живое чувство русского быта.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» содержится определение слова «сказка»: «*вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание*» [10, с. 190]. Оно размещено в словарной статье «сказывать» наряду с другими понятиями – «сказочное», «сказитель», «сказочник/-ница» и др. Сам глагол «сказывать» поясняется следующим образом: «*сказать что кому, говорить или объявлять устно, изъяснять, извѣщать, молвить или баить; рассказывать, сообщать, повѣствовать*» [10, с. 189]. Сказки, по В.И. Далю, разделяются на «*богатырскія, житейскія, балагурныя и пр.*» [10, с. 190]. Тем самым разграничивается «быль» («*что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но сбыточный, несказочный*» [9, с. 148] и «небыль» (сказка). Приводимое в «Словаре» утверждение «*Бывальщину слушать лучше сказки*» [9, с. 148] отражает подход В.И. Даля к сказкописанию, все его сказки «к быту житейскому приноровленные» [4, с. 1] – житейские, насыщенные пословицами и поговорками. Это задает этнографическую и антропологическую перспективу их анализа как формы народной рефлексии на действительность.

Издание 1832 года «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» представляет собой значимый памятник литературы и культуры, несмотря на то, что первый тираж был изъят по распоряжению власти, так как в сказках было усмотрено «сатирическое начало и отражение тяжелого положения низших сословий» [2, с. 5]. Выход сборника имел и положительное следствие – стал поводом для знакомства с А.С. Пушкиным [1, с. 9], высоко оценившим труд Казака Владимира Луганского.

В.И. Даль, «разукрашивая» свои сказки, старался показать своеобразие истинно народного мышления, при этом в точности передать народную речь в ее уникальности, показать читателю многогранность, самобытность простого русского слова: «...Даль не старался сделать язык произведений более гладким, не стремился приблизить народную речь к литературной» [2, с. 7].

В первой трети XIX века фольклористика находится в стадии становления. Сказка постепенно перестает восприниматься как «неученый лепет» и осмысливается как разновидность народной поэзии, связанной с мифологической традицией и дидактикой. На этом фоне особенно важен подход В.И. Даля, рассматривающего сказку как «слепок» быта и средство фиксации живой речи, а себя воспринимающего «более фольклористом, нежели писателем» [2, с. 7]. Первый пяток сказок В.И. Даля предваряется словом автора – обращением к читателю, любящему русскую само-

бытность, с призывом очистить русскую культуру от иноземного. Даже на первой странице сборника представлено характерное утверждение: «И много за моремъ грибовъ, да не по нашему кузову!». Этнографический характер сказок подчеркивает и образ сказителя (известного читателю по первой сказке сборника «Сказка первая, о Иване молодомъ Сержантѣ удалой головѣ, спроста безъ прозвища, безъ роду безъ племени»): «... у меня сказочникъ въ лаптяхъ; по паркетамъ не шатывался, своды расписныя рѣчи затѣйливыя только по сказкамъ однѣмъ и знаетъ» [6, с. 9–10].

Процесс создания сказки В.И. Далем включал в себя два этапа: запись народной сказки со слов народа, дополнение сказки собранным пословичным материалом. «Исколесивший Россию вдоль и поперек, бывший свидетелем тысяч разнообразных жизненных ситуаций, Даль тщательно выбирает то, что ему нужно» [1, с. 11]. Главной задачей его было донести глубину мысли, содержащейся в сюжете, выраженной русским метким словом. При этом прослеживался интерес к волшебной сказке. Такой подход сказывания характерен для 1830–1840-х гг. С 1840 г. ракурс меняется, сказки, написанные В.И. Далем, имеют преимущественно социально-бытовой характер, содержат точные описания народного быта, включают сюжеты о непростом существовании простого русского человека. В это время также имеют место быть сказки о животных. Еще одной важной чертой более поздних сказок является упрощение сюжета, наличие простой морали, выраженной в одной пословице.

Глубинное знание народной жизни сблизило В.И. Даля с писателями «натуральной школы», что впоследствии отразится в его рассказах, повестях и физиологических очерках. В этом контексте сказки В.И. Даля могут рассматриваться как источник по истории повседневности эпохи Николая I.

Сегодня анализ сказок В.И. Даля должен опираться на заложенные в XIX веке принципы работы с фольклорным текстом, включая внимание к бытовой и историкокультурной конкретике, в опоре на примеры из ранних и поздних его сказок.

Семейные отношения

Семейные отношения в сказках В.И. Даля представлены в рамках традиционной модели, где брак мыслится как судьбоносный и труднообратимый выбор. Это подчеркивается развернутыми поучениями о необходимости «примерять» будущую супругу и не относиться к женитьбе как к легкому решению: «жениться не лапотъ надеть... жена не гусли, поигравши, на стенку не повесишь; ... примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не ездить!» [7, с. 8]. Внутри уже сложившегося брака женщина выполняет роль спутницы и опоры: «упова на благоверную сожительницу свою, прекрас-

ную Катерину, и на помощь вещуначародея, Иван наш не унывал» [7, с. 14], – супруга участвует в преодолении испытаний, а не только сопровождает героя формально. Важен мотив зависимости статуса жены от положения мужа: «по шерсти собачке кличка бывает, а по муже и жену честят; коли муж гусяр, так жена, неужто, повашему, пономариха?» [8, с. 200]. Сохраняется авторитет родительской воли: княжна «не смеет послушаться» отца при выборе жениха, что демонстрирует решающую роль главы семьи в брачных делах [8, с. 210]. Вместе с тем подчеркивается и заботливое измерение отношений: герой, «накупивши всего, чтобы было чем полакомить и старуху свою, пошел домой» [8, с. 206].

Сословные отношения и образ власти

Социальные отношения в сказках В.И. Даля строятся на контрасте между «маленьким человеком» и представителями власти и высших сословий. Служба Ивана у «людей деловых», занятых «сказками да плясками, обедами да беседами», показывает дистанцию между теми, кто несет службу, и теми, кто пользуется ее плодами [7, с. 13]. В монологе героя, называющего себя «Иван безродный, удалая голова, витязь бездомный и бесконный», описывается, как «царедворцы завистливые» лишают его чести и «милостей царских», обещают «золотые горы», но не исполняют обещаний и отпускают «на произвол судьбы» [7, с. 16]. История бедного Кузи, принёсшего родителям «пригорсть золота» и известившего их о том, что «богатый человек берет его в услуженье да в ученье» [8, с. 204], подчеркивает противоречивость его положения: возможность заработка и обучения оказывается связана с необходимостью служить богатому человеку.

Аллегорический эпизод «войны» птиц и зверей строится как пародийное воспроизведение военного противостояния: орел собирает под своим началом «беркутов, соколов, коршунов, ястребов, лебедей, гусей», направляет «разлетную грамоту» «звериному царю», после чего обе рати сходятся на поле Арекском [3, с. 60]. Сама организация этого противостояния воспроизводит условную структуру сословного общества: во главе каждой стороны находится «царь», а многочисленные участники войны образуют подчиненную ему рать. Однако комический характер перечислений и соединение хищных птиц с домашними гусями и лебедями снижают героический пафос происходящего. В результате военная картина приобретает игровое, сказочно-условное звучание, а отношения власти и подчинения оказываются показаны через привычные для народной поэтики образы царя, дружины и военного похода.

Религиозные представления и «двойная вера»

В сказках В.И. Даля религиозно-нравственное осмысление действительности связано с образом Бо-

га, от воли и суда которого зависит человеческая судьба. Путь героя описывается через испытания, которые он переносит «терпя холод и голод и много бедствий различных», при этом надежда связывается с Божьей помощью: «Бог вымочит, Бог и высушит...» [7, с. 14]. Народная мораль формулируется в пословичной форме: «всяк своим умом живет... старайся всяк про себя, а Господь про всех...» [7, с. 31], что отражает сочетание личной ответственности и общего покровительства. Герои осмысливают происходящее через категории греха и наказания: «за грехи тяжкие Господь нас карает; ныне малой хлеб ест, а крестного знамения сотворити не знает – а большой правую крестится, а левую в чужие карманы запускает!» [7, с. 32] – социальная критика соединяется с религиозным языком.

Одновременно в текстах заметны представления, связанные с «двойной верой»: персонажи, с одной стороны, предостерегают от клятв и неправды («Божиться у нас не велят, да и лгать закладывают» [7, с. 19], а с другой – подробно обсуждают способы «пересилить» ведьму или «пригвоздить» знахаря, приколов булавкой его тень к земле или стене [8, с. 201]. В жалобах на то, что «беда на беде, бедой погоняет...» [8, с. 201], и на страх «умереть без покаяния» [7, с. 26] соединяются мотивы наказания за «грехи тяжкие», усталость от повседневных забот и критика нравов современников.

Жилище и пространство повседневности

Описания жилища в сказках В.И. Даля сочетают образную насыщенность с важной для историка быта детализацией. Дом может предстать как «избушка-домоседка», стоящая «над путем-дорогой», расправившая «крылья, как курочканаседка», вокруг которой «лукошко, кузовок, корзина да коробок» двигаются «вместо цыплят», а две ведьмы «вокруг избы» никого «не допускают» [7, с. 19]. Здесь одушевленный образ жилища совмещается с перечислением предметов крестьянского обихода, что позволяет видеть в пространстве сказки и фантастический, и повседневный уровни. Наряду с традиционной избой появляется и «здание чудное, вызолоченное от земли до кровли», с «белоамраморными столпами», «серебряной черепичной кровлей», «золотыми маковками» и «цветными хрустальными окнами», причем подчеркивается отсутствие ворот, дверей и забора при сохранности имущества [7, с. 15].

Контраст между «домоседкой» и «чудным зданием» маркирует разные типы пространства – сельское, связанное с трудом и охраной дома, и парадное, господское, демонстрирующее богатство. Внутреннее пространство дома организуется вокруг печи, выступающей его смысловым и бытовым центром. Представление о жилище как об основном пространстве жизни героя формируют описания построек, их внешнего вида и ближайшего окружения.

Пища и культурные коды питания

Различия между повседневной и праздничной пищей, а также социальная и региональная специфика рациона отчетливо проявляются в сказках В.И. Даля. Праздник сопровождается обильным угощением. Герои, «от радости» заказав по кружке меду, закусывают «муромским калачом, ростовским каплуном и нежинским, свежепросольным огурчиком», после чего идут к царю «на доклад» с «грамотами» и «речами» [7, с. 13]. А в речи другого персонажа привычное питание определяется через отказ от «французской булки»: «нам подай зимою щи с пирогом, кашу; летом ботвинью, либо окрошку, тюрю, поставь квасу, да ржаного хлебца ломоть» [5, с. 24]. Так формируется образ традиционного крестьянского стола, противопоставленного городской кухне. Пища выступает и как знак гостеприимства: старик предлагает путнику «щец» – не гарантируя вкуса, но обещая, что будет «горячо да мокренько» [7, с. 20], – важен сам факт угощения. В повествовании о мужичке, который «и Бога боялся, и о людях печаловался», акцентируется, что Бог «благословлял его поля», а урожай достигал «сам-десять» [3, с. 58], связывая материальное изобилие с благочестием и готовностью делиться.

Одежда и социальная маркировка костюма

Детали костюма в сказках В.И. Даля последовательно маркируют социальный статус и жизненный опыт персонажей. Шемяка, «глядя в святцы» и умеющий отличать праздники от будней, «ходит в тонком кафтане» [5, с. 25], что указывает на выход за пределы сугубо крестьянской среды и приобщение к более состоятельному образу жизни. Кузя Бесталаный в одном из эпизодов «убирается в малиновый бархат да в тонкое синее сукно» [8, с. 209], надевая одежду, несоразмерную его привычному положению. Сопоставление грубого повседневного костюма и яркого нарядного убора позволяет проследить, как в народном воображении оформляется переход из одного социального слоя в другой через изменение внешнего облика.

Нищенство, бродяжничество и солдатчина

Мотив нищенства, бродяжничества и военной службы сосредоточены вокруг фигур, находящихся на границе устойчивого социального порядка. Образ солдата в сказке связан с жизнью, полной лишений и требующей постоянной готовности к испытаниям. О нем сказано, что он «спит скоро» и, бывало, «под Туркою, походя наестся, стоя выпится» [7, с. 17]. Привычка к голоду, усталости и отсутствию отдыха становится условием его выживания, ведь испытания, выпадающие на долю героя, намеренно несоразмерны его возможностям: все предписано исполнить «в одни сутки», а за промедление следует угроза немедленной расправы – «шапки с головы схватить не успеешь, как она тебе, и с головою, в ноги покатится!» [7, с. 14]. В этой гиперболе вы-

ражается жестокость приказа и неограниченность власти того, кто его отдает.

В сказке о бедном Кузе материальное благополучие оказывается неотделимо от личной неслободы, надежда на достаток и обучение достигается ценой службы у состоятельного человека [8, с. 204]. Мотив жизненных невзгод дополняется религиозным переживанием. Герои жалуются на непрерывные бедствия и боятся «умереть без покаяния». Поэтому страдание понимается в сказке не как случайное стечение обстоятельств, а как испытание, предполагающее терпение, покаяние и надежду на Божью помощь.

Заключение

Сказки В.И. Даля содержат детали повседневной жизни русского общества первой половины XIX века. В них явно показаны ценностные установки, бывшие у народа в это время. Испытания, выпадающие на долю человека, осмысливаются в координатах правды и неправды, греха, терпения, покаяния и Божьей воли. Семья, служба, нужда, отношения с властью и включенность человека в общество раскрываются через описание ситуаций, поступков героев и их речь.

Значительную роль в этом изображении играет язык. Пословицы, поговорки, устойчивые выражения и разговорная лексика сохраняют народный речевой колорит и одновременно передают представления народа о нравственных категориях и мироустройстве. Именно в словесной ткани сказок особенно заметна связь художественного творчества В.И. Даля с его интересом к живой народной речи.

Не менее содержателен предметный план повествования. Описания жилья, пищи, одежды, домашней утвари обозначают социальное положение и привычный уклад героев. Противопоставление избы и дворца, простой трапезы и праздничного пира, будничной одежды и дорогого наряда придает бытовым деталям не только описательную, но и ценностную функцию (через них обнаруживаются различия между бедностью и достатком, повседневностью и праздником, крестьянским и господским миром).

Следовательно, сказки В.И. Даля могут использоваться в исследованиях истории повседневности, этнолингвистики и антропологии культуры как источник, требующий сопоставления с фольклорными, мемуарными, лексикографическими и историко-этнографическими материалами. Такой подход позволяет увидеть в них не документальную «копию» народного быта, а художественно обработанное свидетельство о культурных представлениях и языковых формах русской жизни XIX века.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы связаны с сопоставлением сказок

В.И. Даля с фольклорными вариантами сюжетов, его словарными статьями, этнографическими записями, рассказами и очерками. Важно также обратиться к произведениям русской литературы 1830–1850-х годов, в которых представлено описание народного быта. Отдельное направление может составить системное изучение паремий, диалектной и социально маркированной лексики, что позволит точнее определить соотношение языка, культурной памяти и повседневного опыта в творчестве В.И. Даля.

Литература

1. Акутин, Ю.М. Владимир Даль – прозаик / Ю. Акутин, А.А. Ильин-Томич // Даль, В.И. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1983. – С. 5–25.
2. Ауссем, И.А. В.И. Даль – сказочник // Даль, В.И. Сказки и бывальщины / В.И. Даль. – М.: Издательская группа «Альма Матер»; Издательство «Альма Матер», 2024. – С. 5–14.
3. Даль, В.И. Про мышь зубастую да про воробья богатого // Даль, В.И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6: Первая первинка полуграмотной внуке; Первинка другая внуке грамотейке с неграмотною братиею; Картины из быта русских детей; Новые картины из быта русских детей / В.И. Даль. – С. 57–61.
4. Даль, В.И. Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским [псевд.]. Пяток 1 / В.И. Даль. – СПб: Тип. А. Плюшара, 1832. – 201 с.
5. Даль, В.И. Сказка вторая, о Шемякинском суде, и о воеводстве, и о прочем; была когда-то была, а ныне сказка буднишняя // Даль, В.И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: Русские сказки; Восточные притчи и сказки / В.И. Даль. – М.: Книжный клуб Книгобек, 2017. – С. 23–32.
6. Даль, В.И. Сказка первая, о Иване молодом Сержантѣ удалой голове, спроста безъ прозвища, безъ роду безъ племени // Даль, В.И. Русскія сказки, изъ преданія народнаго изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому принаровленныя и поговорками ходячими разукрашенныя Казакомъ Владимиромъ Луганскимъ [псевд.]. Пяток 1 / В.И. Даль. – СПб: Тип. А. Плюшара, 1832. – С. 9–51.
7. Даль, В.И. Сказка первая, об Иване молодом сержанте, удалой голове, без роду без племени, спроста без прозвища // Даль, В.И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: Русские сказки; Восточные притчи и сказки / В.И. Даль. – М.: Книжный клуб Книгобек, 2017. – С. 5–23.

8. Даль, В.И. Сказка двенадцатая, о бедном Кузе бесталанной голове и переметчике Будунтае // Даль, В.И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: Русские сказки; Восточные притчи и сказки / В.И. Даль. – М.: Книжный клуб Книгобек, 2017. – С. 199–211.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 2е изд. – СПб.: Издательство книгопродавцати типографа М.О. Вольфа, 1882. – Т. 1. – 700 с.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 2е изд. – СПб.: Издательство книгопродавцати типографа М.О. Вольфа, 1882. – Т. 4. – 684 с.

V.I. DAHL'S FAIRY TALES AS AN ETHNOGRAPHIC AND LINGUISTIC SOURCE: ON THE QUESTION OF THE RECONSTRUCTION OF THE LIFE OF THE RUSSIAN PEOPLE OF THE 19TH CENTURY

Lopina M.R.

Belgorod State National Research University

In this article, V.I. Dal's fairy tales are examined as a folklore and literary source for studying the everyday culture of the Russian provinces in the first half of the 19th century. Based on a number of texts, the article analyses ideas about family and class relations, power, social inequality, religious and moral attitudes, and borderline social states associated with poverty, vagrancy, and military service. Special attention is paid to images of the material environment – housing, food, and clothing – which make it possible to identify socially marked features of peasant and noble life. The linguistic structure of fairy tales is examined: proverbs, sayings, colloquial and socially charged vocabulary serve as means of conveying folk ideas about work, justice, sin, prosperity, and life's fortune. It is concluded that V.I. Dal's collection of fairy tales, taking into account his authorial adaptation and artistic conventionality, provides valuable material for reconstructing everyday realities and the ways in which they were linguistically conceptualized in 19th-century Russian culture.

Keywords: V.I. Dal, Russian folk tale, history of everyday life, microhistory.

References

1. Akutin, Yu.M. Vladimir Dahl – the prose writer / Yu. Akutin, A.A. Ilyin-Tomich // Dahl, V.I. Novellas and short stories. – Moscow: Sov. Russia, 1983. pp. 5–25.
2. Aussem, I.A. V.I. Dahl – the storyteller // Dahl, V.I. Tales and byvalschiny / V.I. Dahl. – M.: Alma Mater Publishing Group; Alma Mater Publishing House, 2024. – pp. 5–14.
3. Russian Russian writer. 3. Dahl, V.I. About the toothy mouse and the rich sparrow // Dahl, V.I. Collected works: in 8 vols. Vol. 6: The first birth of a semi-literate grandson; The first birth of another grandson of a literate woman with an illiterate brother; Paintings from the life of Russian children; New paintings from the life of Russian children / V.I. Dahl. – S. 57–61.
4. Dahl, V.I. Russian fairy tales, translated from folk oral tradition into civil letters, adapted to everyday life and decorated with walking sayings by the Cossack Vladimir Lugansky [pseudonym.]. Pyatok 1 / V.I. Dahl. St. Petersburg: A. Plyushara Publishing House, 1832, 201 p.
5. Dahl, V.I. The second tale, about the Shemyakinsky court, and about the voivodeship, and about other things; there was once a past, but now a daily tale // Dahl, V.I. Collected works: in 8 volumes Vol. 7: Russian fairy tales; Oriental parables and fairy tales / V.I. Dahl. – M.: Book Club of Bookmakers, 2017. – pp. 23–32.
6. Dahl, V.I. The first fairy tale, about Ivan the young, Sergeant Daredevil Golovin, without a nickname, without a family, without a tribe // Dahl, V.I. Russian fairy tales, translated into a civil

- letter, adapted to everyday life and decorated with walking sayings by Cossack Vladimir Lugansky [pseudonym.]. Pyatok 1 / V.I. Dahl. St. Petersburg: A. Plyushara Publishing House, 1832, pp. 9–51.
7. Dahl, V.I. The first tale, about Ivan the young sergeant, a dashing head, without a family without a tribe, without a nickname for nothing // Dahl, V.I. Collected works: in 8 volumes Vol. 7: Russian fairy tales; Oriental parables and fairy tales / V.I. Dahl. – M.: Book Club of Bookmakers, 2017. – pp. 5–23.
 8. Dahl, V.I. The twelfth tale, about poor Kuzma the untalented head and the peremetchik Buduntai // Dahl, V.I. Collected works: in 8 volumes Vol. 7: Russian fairy tales; Oriental parables and fairy tales / V.I. Dahl. – M.: Book Club of Bookmakers, 2017. – S. 199–211.
 9. Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / V.I. Dahl. – 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing house of the bookseller typographer M.O. Wolf, 1882. – Vol. 1. – 700 p.
 10. Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / V.I. Dahl. – 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing house of the bookseller typographer M.O. Wolf, 1882. – Vol. 4. – 684 p.

Роль муниципального лидерства в развитии гражданской солидарности

Степнова Людмила Анатольевна,

доктор психологических наук, профессор кафедры
организационного проектирования систем управления
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: stepnova-la@ranepa.ru

Литвинцева Елена Ананьевна,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой
организационного проектирования систем управления
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: litvintseva-ea@ranepa.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с исследованием роли муниципального лидерства в развитии гражданской солидарности. Раскрываются подходы к изучению муниципального лидерства. На основе материалов социологического исследования местных сообществ в Рязанской области раскрываются социальные условия формирования и развития муниципального лидерства.

Ключевые слова: муниципальное лидерство, развитие гражданской солидарности, компетенции муниципальных лидеров, способы влияния населения на решения муниципальных органов.

Исследование вопросов формирования и развития лидерства на муниципальном уровне приобретает важное значение в современных условиях развития российского государства, когда возросла значимость личностного фактора в государственном и муниципальном управлении, проявляется социальная потребность в развитии лидерского потенциала для консолидации гражданской солидарности.

Лидеры местных сообществ в силу своей взаимосвязи с территориальными образованиями, тесных контактов с местными жителями играют значимую роль в развитии муниципального социального капитала. Муниципальные лидеры, обладающие особыми социально-психологическими, компетентностными и профессиональными качествами становятся выразителями общественного мнения, инициаторами социальных изменений на местном уровне.

Методология исследования

Методология исследования института муниципального лидерства основана на различных концепциях лидерства: трансформационное лидерство (мотивация для достижения целей), лидерство-служение (мотивация для достижения общественных целей), адаптивное лидерство (способность к действиям на основе адаптации к изменениям социальной среды) [1]. Р.Л. Кричевский, раскрывая содержательные характеристики лидерства, выделяет понимание лидерства как центра групповых процессов и результат групповых процессов, как характеристику личности и порождаемых ею эффектов, как процесс порождения структуры [2, с. 13–16].

Данные концепции лидерства применительно к муниципальному лидерству отражают максимальную приближенность к проблемам и запросам населения, гибкое реагирование на изменение ситуации в целях сохранения социальной стабильности. При этом муниципальное лидерство соответствует принятой в публичных органах принципу клиентоцентричного управления, суть которой в активном и продуктивном взаимодействии с населением на уровне муниципалитетов и регионов [3].

По мнению А.А. Кравец, термин «муниципальное лидерство» в современных исследованиях в области муниципального права практически не представлен, за исключением некоторых траекторных упоминаний в контексте необходимости минимизации потенциальных рисков, связанных

с неподконтрольным расширением самостоятельности, самоуправления и инициативными проявлениями муниципального лидерства [1, с. 51].

Муниципальное лидерство включает, на наш взгляд, два институциональных субъекта: аппарат муниципальной власти и территориальное общественное самоуправление (ТОС) и их руководителей. Кроме того, в условиях высокого уровня сетевой активности граждан можно говорить о лидерах общественного мнения на муниципальном уровне, которые на своих ресурсах (в группах соцсетей и блогах) активно обсуждают возникающие интересы, поднимают актуальные муниципальные темы, акцентируют решение важных проблем. Данный аспект лидерства в современных условиях также можно отнести к социальным институтам СМИ, которые регулируются государством с точки зрения допустимости размещаемой в сети информации. С точки зрения реализации принципа клиентоцентричности данный лидерский ресурс очень важен на территории, а его использование позволяет активизировать инициативу граждан в местном управлении.

В теоретической части разберем научные подходы к анализу каждой из данных составляющих.

Анализу специфики муниципального лидерства посвящено достаточно научных работ, в которых определены направления лидерской работы и компетенции муниципального служащего. В сфере компетенций муниципальной службы входит: «деятельность по благоустройству территории и созданию ее инфраструктуры, организация взаимодействия с отдельными гражданами, общественностью и представителями бизнеса, разработка нормативно-правовой базы по осуществлению управленческой деятельности на муниципальном уровне» [4, с. 133].

Компетенции муниципальных служащих помимо менеджерских навыков включают «умение представителей органов местного самоуправления решать проблемные вопросы в социальной сфере, сфере образования, жилищно-коммунальной сфере, сфере транспортного обеспечения» [4, с. 133]. А.А. Кравец выделяет две ветви муниципально-общественного лидерства, формальную и неформальную. Формальное муниципальное лидерство «возникает в сфере деятельности территориального общественного самоуправления... оно административно взаимосвязано с управлением муниципальным образованием и исполнительно-распорядительным органом, подчинено весьма неширокому диапазону деятельности ТОС в сфере благоустройства территории, некоторой хозяйственной деятельности, решению иных вопросов местного значения» [1, с. 51]. К субъектам формального лидерства относятся «уполномоченные выборные лица ТОС или же члены органов ТОС, обладающие особым правовым статусом. Это могут быть руководители органов (председатели со-

ветов) ТОС, члены советов (комитетов) ТОС, ревизоры и члены контрольно-ревизионных комиссий ТОС» [1, с. 52]. Неформальное лидерство появляется в результате общественной или индивидуальной социальной инициативы. Оно может быть амбивалентным по своему характеру. А.А. Кравец также отмечает, что «неформальное муниципальное общественное лидерство... может носить как положительный, так и деструктивный характер. В первом случае лидером может быть пользующийся авторитетом житель муниципального образования (лидер мнения, активист ТОС), не обладающий каким-либо формальным статусом, во втором – это может быть криминальный авторитет, член религиозного культа-секты, и прочее» [1, с. 53].

Исследования компетенций лидера в государственной и муниципальной службе позволили выявить три группы личностных качеств: функционально-ролевые, коммуникативно-деловые и нравственно-этические качества [5, с. 67]. Функционально-ролевые компетенции как набор знаний, навыков, умений, поведенческих моделей касаются прагматического аспекта трудовой деятельности, позволяют осуществлять трудовые функции в соответствии с местом в организационной иерархии. Коммуникативно-деловые качества относятся к сфере профессионального взаимодействия и позволяют выстраивать деловые коммуникации, общение и символические действия в трудовом поведении. Нравственно-этические свойства формируют социокультурный контекст отражают, деятельности социально-психологические особенности личности, определяя траекторию индивидуальных и профессиональных действий [6, с. 158].

Результаты исследования

Проведенный в июне-июле 2026 года социологический опрос жителей Рязанской области «Развитие гражданской солидарности на местном уровне как условие укрепления социокультурной идентичности российского общества» позволил выявить роль муниципального лидерства в развитии гражданской солидарности. Социологический опрос был проведен преподавателями Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации в июне-июле 2026 года в Рязанской области (руководители: С.Д. Савин, Е.А. Литвинцева). Целевая выборка составила 1161 чел. Респонденты: представители территориальных общественных организаций (ТОС), местных сообществ и органов муниципальной власти Рязанской области.

В рамках исследования роль лидерства на местном уровне в развитии различных форм гражданской солидарности была определена в следующих параметрах: знакомство и взаимодействие жителей с депутатами местного самоуправления; учет местными властями мнения жителей при приня-

тии решений; реальные способы влияния населения на решения властей; открытость власти и общественных организаций к диалогу с активными жителями. Данные показатели в оценках жителей региона показывают уровень авторитета власти, ее эффективность, а, следовательно, реальное лидерство в регионе.

Проанализируем каждый из данных параметров в отдельности.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Видели ли Вы лично кого-нибудь из депутатов местного самоуправления вашего округа (встречи с жителями, активистами, прием граждан и т.п.)?»

Большинство опрошенных (57,8%) неоднократно встречаются и знают своих депутатов, видели на встречах с жителями, активистами, на приеме граждан и т.п., что говорит о достаточно высоком уровне активности местных депутатов. Почти каждый пятый (19,0%) встречались с депутатами один или два раза. Однако почти 15% опрошенных никогда не встречались с избранными депутатами (Рис. 1)

Наибольшая дифференциация ответов на данный вопрос получилась по типу занятости населения: половина опрошенных из категории «временно не работаю, безработный» (50,0%) ответили, что они ни разу не встречались с депутатами местного самоуправления их округа, и столько же опрошенных данной категории (50%) затруднились с ответом на вопрос. Эти данные позволяют определить с какими категориями граждан необходимо усиливать взаимодействие.

Косвенно на достаточно высокий авторитет местной власти указывают результаты ответа на вопрос «Что, на Ваш взгляд, мешает Вам активнее участвовать в жизни местного сообщества (можно выбрать несколько ответов)?». Абсолютное большинство опрошенных отметило факт нехватки свободного времени на активистскую деятельность (71%). Низкую активность респонденты связывают с «равнодушием и отсутствием солидарности у самих людей» (17,7% опрошенных выбрали данный вариант), с «отсутствием финансовой и организационной поддержки» (13,6%) и с «отсутствием видимых результатов» (11,4%). При этом значительное меньшинство опрошенных

(6,3%) указали, что их активности в жизни местного сообщества мешает недоверие к муниципальным лидерам и организаторам власти. (Рис. 2.)

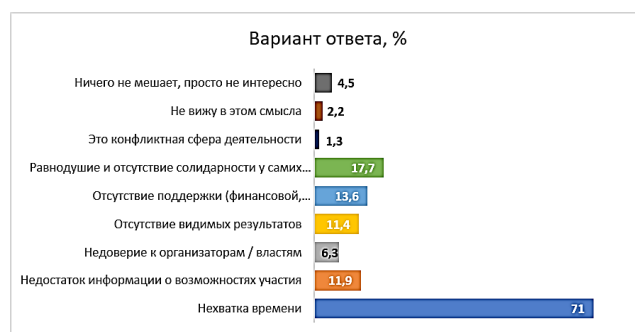

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, мешает Вам активнее участвовать в жизни местного сообщества (можно выбрать несколько ответов)?»

Достаточно высокий авторитет местной власти в местных сообществах подтвердила оценка опрошенными наиболее важных аспектов их жизни. Респондентам было предложено высказаться по 5-балльной шкале относительно солидарных отношений в местных сообществах и роли местных лидеров в решении муниципальных проблем (Рис. 3)

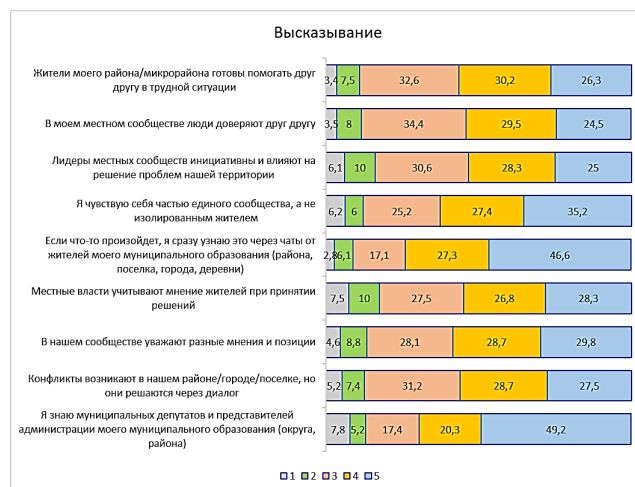

Рис. 3. Отношение респондентов к предложенным высказываниям (по 5-балльной шкале от 1 до 5, где 1 – «совсем не согласен», 5 – «полностью согласен»)

Наиболее высокие оценки (4–5 баллов) получили следующие высказывания:

«я знаю муниципальных депутатов и представителей администрации их муниципального образования (округа, района)»;

«если что-то произойдет, я сразу узнаю это через чаты от жителей моего муниципального образования (района, поселка, города, деревни)»,

«я чувствую себя частью единого сообщества, а не изолированным жителем», «в нашем сообществе уважают разные мнения и позиции».

Наименьшие оценки (1–2 балла) получили высказывания, связанные с тем, что «местные власти учи-

тывают мнение жителей при принятии решений», «конфликты возникают в нашем районе/городе/поселке, но они решаются через диалог», «в нашем обществе уважают разные мнения и позиции».

Отметим, что высказывание «лидеры местных сообществ инициативны и влияют на решение проблем нашей территории» получило в целом средний балл (3 балла). Следовательно, для повышения авторитета, а значит, лидерства местных властей и руководителей местных сообществ необходимо прилагать дополнительные усилия и конкретные действия.

Результаты по второму параметру лидерства – учет властями мнения жителей показал следующее: (Рис. 4).

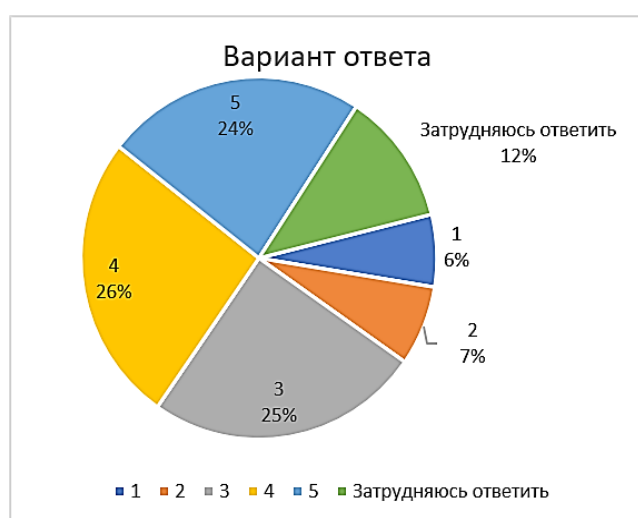

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Насколько, по вашему мнению, местные власти учитывают мнение жителей при принятии решений? (1 – совсем не учитывают, 5 – полностью учитывают)»

Как показал анализ, половина опрошенных (50,0%) считают, что местные власти учитывают мнение жителей при принятии решений» (баллы 4–5), и лишь 13,0% считают, что местные власти «не учитывают мнение жителей при принятии решений» (баллы 2–3), что указывает на достаточно высокий уровень эффективности диалога местной власти с населением при принятии управленческих решений.

Отметим при этом факт, что каждый четвертый (25%) отмечает средний уровень учета мнения жителей, выставляя балл 3. В целом, в местных сообществах Рязанской области потенциал развития диалога местной власти с населением составляет 50,0%, что указывает на необходимость поиска новых форм взаимодействия при принятии управленческих решений.

Наибольшая дифференциация ответов по параметру «учет местными властями мнения жителей при принятии решений» отмечается по типу занятости населения, что позволяет определить, с какими категориями граждан необходимо уси-

ливать взаимодействие. Так, наиболее критичные оценки высказывают те, кто занят (–та) домашним хозяйством, находится в декретном отпуске, отпуске по уходу за ребенком (41,2%), и те, кто временно не работает и является безработным (62,5%).

Лидерский потенциал проявляется в условиях, когда власти не только учитывают мнение жителей при принятии решений, но и открыты к взаимодействиям и создают соответствующие условия для диалога. Данные социологического исследования позволили оценить уровень открытости местных органов, что дает возможность гражданам активно участвовать в принятии решений и контролировать их исполнение.

Так, жители Рязанской области достаточно высоко оценивают уровень открытости власти к диалогу с населением, выставляя преимущественно оценки 4 и 5: большинство опрошенных считают, что «власти открыты к диалогу с активными жителями и общественными объединениями» (64,7%), «органы местного самоуправления создают условия для участия граждан в решении местных вопросов» (58,5%). «ТОСы, молодежные советы, НКО в моем муниципалитете реально влияют на принятие решений» (50,5%) (Рис. 5).

Рис. 5. Мнения опрошенных по открытости местных органов к диалогу с гражданами

Открытость местных органов – это не только размещение информации на сайте, а система, которая дает жителям реальные возможности участвовать в решении вопросов жизнеобеспечения территорий, предлагать и реализовывать инициативные проекты, участвовать в публичных слушаниях и обсуждениях.

Жителям муниципальных образований было предложено оценить различные формы взаимодействия с местными органами власти (Рис. 6)

Наиболее реальными способами влияния населения на решения властей опрошенные считают следующие формы взаимодействия:

- влияние через СМИ и соцсети (37,7%);
- участие в публичных слушаниях (35,8%);
- волонтерские и общественные инициативы (31,9%);
- инициативное бюджетирование (24,1%);

- влияние через общественные и координационные советы при органах власти (20,8%).

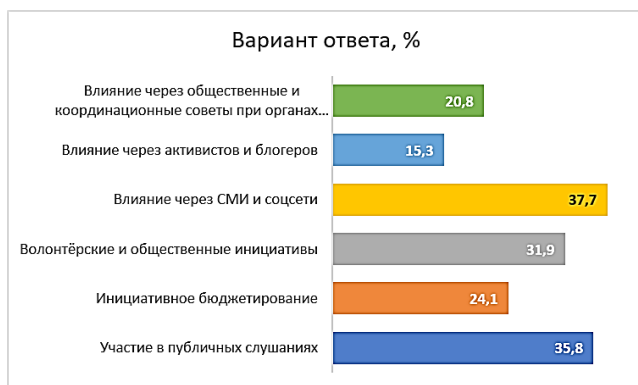

Рис. 6. Оценка форм взаимодействия населения с властью

При этом влияние через активистов и блогеров, по мнению опрошенных, не имеет существенного значения (15,3%), также не является значимым влияние через уполномоченного по правам человека (8,2%).

Наибольшая дифференциация ответов по этому параметру (*реальные способы влияния населения на решения властей*) получилась по возрасту населения, что позволяет определить, какие категории граждан наиболее восприимчивы к тем или иным методам влияния. Для молодежи 18–25 лет наиболее предпочтительными оказались следующие способы влияния населения: волонтерские и общественные инициативы (55,8%); влияние через СМИ и соцсети (48,1%). Для граждан 26–35 лет – аналогично волонтерские и общественные инициативы (41,1%), влияние через СМИ и соцсети (44,2%). Также для этих возрастных групп актуальным является влияние через активистов и блогеров (34,6% и 28,4%, соответственно).

Выводы

Результаты социологического опроса в муниципальных образованиях Рязанской области показали, что авторитет местной власти в целом находится на достаточно высоком уровне (более 50%) и складывается в активном взаимодействии с населением. Местным властям необходимо усиливать взаимодействие с категорией граждан временно не работающих или безработных, так как именно эта категория показала самый низкий уровень удовлетворенности взаимодействия с местной властью. Системность, прозрачность действий, мотивация граждан в совместных действиях – это важнейшие принципы организации эффективного взаимодействия местных органов, муниципальных лидеров и самих жителей.

Литература

1. Кравец А.А. Публично-правовое и муниципальное лидерство и территориальное обще-

ственное самоуправление: правовые, институциональные и коммуникативные аспекты // Право и политика. 2021. № 3. С. 47–60.

2. Кричевский Р.Л. Психология лидерства. Учебное пособие. М.: Статут, 2007. – 542 с.
3. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 38–60.
4. Сизганова Е. Ю., Кайдашова А.К., Ашин А.А. Модель эффективного лидера в муниципальном управлении // Лидерство и менеджмент. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-effektivnogo-lidera-v-munitsipalnom-upravlenii> (дата обращения: 29.08.2026)
5. Теория и практика лидерства в государственной и муниципальной службе России / И.Б. Выпряхкина, Е.А. Галий, Л.В. Ершова и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021–216 с.
6. Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 368 с.

THE ROLE OF MUNICIPAL LEADERSHIP IN DEVELOPING CIVIC SOLIDARITY

Stepnova L.A., Litvintseva E.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines issues related to the study of the role of municipal leadership in developing civic solidarity. Approaches to studying municipal leadership are explored. Based on a sociological study of local communities in the Ryazan Region, the social conditions for the formation and development of municipal leadership are explored.

Keywords: municipal leadership, development of civic solidarity, municipal leadership competencies, methods of public influence on municipal decisions.

References

1. Kravets A.A. Public-legal and municipal leadership and territorial public self-government: legal, institutional and communicative aspects // Law and Politics. 2021. No. 3. Pp. 47–60.
2. Krichevsky R.L. Psychology of Leadership. Textbook. Moscow: Statut, 2007. – 542 p.
3. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Client-Centricity of State Control: Citizens' Assessment // Issues of State and Municipal Administration. 2022. No. 3. Pp. 38–60.
4. Sizganova E. Yu., Kaidashova A.K., Ashin A.A. A Model of an Effective Leader in Municipal Management // Leadership and Management. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-effektivnogo-lidera-v-munitsipalnom-upravlenii> (accessed: 29.08.2026).
5. Theory and Practice of Leadership in the State and Municipal Service in Russia / I.B. Vypryazhkina, E.A. Galiy, L.V. Ershova, et al. – Kazan: Kazan University Press, 2021–216 p.
6. Sociology of Labor: Textbook / Edited by N.I. Dryakhlov, A.I. Kravchenko, V.V. Shcherbina. Moscow: Moscow University Press, 1993. 368 p.

Разработка критериев сравнения современных теорий сознания относительно трудной проблемы

Мусс Александр Игоревич,

к. филос.н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: albertwanderer@gmail.com.

Сладкоштиева Анастасия Владимировна,

студент, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: quartet01@mail.ru

Карпычева (Бородина) Кира Александровна,

аспирант, Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
E-mail: kira.borodina@mail.ru

Червочкина Светлана Леонидовна,

студент, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: svetlana.chervochkina@gmail.com.

В данной статье авторы предприняли попытку построения концептуальной модели для анализа современных теорий сознания на соответствие Трудной проблеме Д. Чалмерса, выделив критерии полноты информации о субъективном опыте и мозге. С помощью данной модели были оценены и сравнены теории сознания следующих авторов: Д. Дубровский, Дж. Эдельман, Д. Деннет, Дж. Серль, Р. Пенроуз, П. и П. Черчленд, Б. Баарс, В.М. Аллахвердов, Ф. Крик и К. Кох, Д. Чалмерс, Ф. Варела, М. Велманс, Т. Метцингер, Дж. Тонони, А. Клирманс, М. Газзанига, А. Сет, К. Франкиш, К.В. Анохин, а также Д. Розенталь. В результате получено пространство теорий, в котором не только видно, насколько в конкретной теории раскрыты структура и функция мозга и субъективного опыта, но также возможно оценить степень сбалансированности между нейрофизиологическими и феноменологическими данными.

Ключевые слова: Трудная проблема сознания, теории сознания, критерии оценки теорий сознания, философия сознания, когнитивная нейронаука.

Введение

В настоящее время Трудная проблема сознания – проблема того, как мозг порождает наш индивидуальный субъективный опыт (Chalmers, 1996) – становится междисциплинарной, поскольку привлекает к себе внимание все большего числа специалистов, принадлежащих различным областям знания. Такое внимание исследователей ведет к появлению огромного числа различных теорий сознания, сформированных в разных предметных областях, а потому ограниченно подходящих для адекватного сравнения.

Обычно такое сравнение предлагают авторы обзорных статей и монографий, в рамках которых выдвигаются различные критерии и требования к теориям сознания. На момент написания данной статьи, одна из последних таких работ – статья А. Сета и Т. Бэйна, посвященная сравнению современных нейрокогнитивных теорий – теории глобального рабочего пространства, теории интегрированной информации и теории предсказательного кодирования (Seth, Bayne, 2022). Авторы находят теорию сознания полной, если она отвечает на следующие вопросы: 1) Почему одни организмы обладают сознанием, а другие – нет? 2) Почему состояния сознания отличаются друг от друга? 3) Каковы функциональные (3.1) и феноменальные свойства сознания (3.2)? 4) Почему ментальные содержания могут быть осознанными в одном контексте, а в другом – нет?

Итогом становится вывод авторов о том, что полных теорий сознания среди рассмотренных нет, а также ряд требований к подобным теориям: 1) **точность терминов**, 2) **широкий охват явлений**, 3) **наличие методов измерения свойств сознания** (Seth, Bayne, 2022).

За некоторое время до этого подобный обзор нейронаучных теорий сознания проанализировал в своей статье К.В. Анохин. Для выделения ключевых характеристик сознания автор обращается к идеям Дж. Серля, Дж. Эдельмана, А. Дамасио и Дж. Тонони, обобщая все до “особого качества субъективных явлений” – квалитативности (Анохин, 2021, 44).

Далее автор формулирует следующие вопросы, на которые должна ответить нейронаучная теория сознания: “1. Почему и как сознание возникло в эволюции? 2. Как сознание созревает в развитии? 3. Как сознание развивается при обу-

чении? 4. Кто является источником состояний сознания? 5. Когда и как они возникают? 6. Что и как определяет их уникальные свойства? 7. Где и как они реализуются? 8. Кто и почему является их бенефициаром?” (Анохин, 2021, 52).

С точки зрения Анохина, теория селекции нейронных групп, теория нейронных коалиций, теория глобального рабочего пространства и теория интегрированной информации не пытаются связать индивидуальное развитие человека, созревание нервной системы в онтогенезе и развитие нервной системы в филогенезе, а также не отвечают на вопрос о реципиенте субъективного опыта.

Анохин также говорит о более общих требованиях к теории сознания: кругозору, компактности и компрессии. Под **кругозором** понимается широкий охват в отношении объясняемых и предсказываемых явлений; под **компактностью** – охват изучаемых явлений с помощью меньшего количества логически независимых понятий; под **компрессией** – сочетание наименьшего числа исходных принципов с большим количеством описываемых явлений.

Немного иная ситуация обстоит в конце 2000-х годов, когда свою книгу “Consciousness: The Science of Subjectivity” опубликовал философ и нейрочеловек А. Ревонсуо (Revonsuo, 2010), в которой ключевой проблемой также является Трудная проблема сознания. В начале книги Ревонсуо классифицирует теории сознания по тому, являются ли они монистическими или дуалистическими, философскими или эмпирическими (Revonsuo, 2010).

Среди философских теорий сознания Ревонсуо рассматривает идеи Д. Деннета, А. Ное и К. О’Ригана, Дж. Серля, Д. Чалмерса, Д. Розенталя и П. Каррутерса, М. Тая, Ф. Дретске, Ф. Варела, М. Велманса, Т. Метцингера и С. Легара, начиная от крайних форм элиминативизма и заканчивая теориями сознания как виртуальной реальности. Ключевым моментом при рассмотрении философских теорий становится разнообразие более общих объяснений сознания и его места в мире.

В качестве авторов эмпирических теорий сознания Ревонсуо рассматривает Б. Баарса, Ф. Крика и К. Коха, Дж. Тонони, Дж. Эдельмана, Р. Лынаса, В. Ламме, С. Зеки и А. Дамасио. Ключевым моментом при рассмотрении эмпирических теорий сознания является опора на результаты эмпирических исследований с помощью различных методов нейровизуализации.

Итогом обзора и размышлений автора становится выявление трех основных групп противоречий: 1) **интернализм / экстернализм**, 2) **феноменология / когнитивные процессы** и 3) **атомизм / холизм** (Revonsuo, 2010).

Обобщая приведенные выше данные, можно сказать, что за последние полтора десятилетия рассмотрение различных теорий сознания сменилось их скрупулезным сопоставлением. Стало

понятно, что для разработки проблемы сознания недостаточно создать общее пространство для диалога между различными теориями и подходами. Важно также ставить перед специалистами разных направлений и их теориями общие вопросы. Однако такие вопросы как критерии оценки теорий должны в большей мере соотноситься с исходной проблемой.

Построение сравнительной модели: критерии, правила присвоения оценок, система координат

Предполагая, что в основе многочисленных вопросов, которые исследователи задают современным теориям сознания, должна быть Трудная проблема (Мусс и др., 2025), мы решили обратиться к тому, как в рамках анализируемых теорий эта проблема рассматривается в ее исходной и наиболее распространенной формулировке. Как видно из описания, данного выше, Трудная проблема сознания подразумевает две составляющие – мозг и субъективный опыт. Степень раскрытия данных об этих составляющих и стала основой для наших критериев.

Первый критерий – это то, насколько насколько теория содержит подробное описание структуры и принципов работы мозга. Для оценки теорий по данному параметру введем следующую шкалу оценок:

0 – описание мозговых механизмов отсутствует;

1 – признается значимость мозговых механизмов без их фактического рассмотрения;

2 – теория в общем виде описывает механизм работы мозга;

3 – механизм работы мозга описан достаточно подробно, детализированно и глубоко.

Второй критерий – то, насколько теория содержит подробное описание ключевых характеристик нашего субъективного опыта. Для оценки теорий по данному параметру введем следующую шкалу оценок:

0 – описание характеристик субъективного опыта отсутствует;

1 – признается значимость феноменальных данных без их фактического рассмотрения;

2 – теория в общем виде описывает характеристики сознательного опыта;

3 – характеристики субъективного опыта описаны достаточно подробно, детализировано, глубоко.

Таким образом, сформируем координатную плоскость, на которой будем отмечать теории сознания, рассматриваемые с точки зрения Трудной проблемы, следующим образом (см. Рис. 1).

Для дальнейшей работы будем присваивать рассматриваемым нами теориям оценки по шкалам первого и второго параметра и размещать на предложенной координатной плоскости с помощью точек с номером соответствующей теории.

В результате мы получим пространство теорий, которые можно будет сопоставить между собой по предложенным параметрам. Для удобства сопоставления введем четверти пространства.

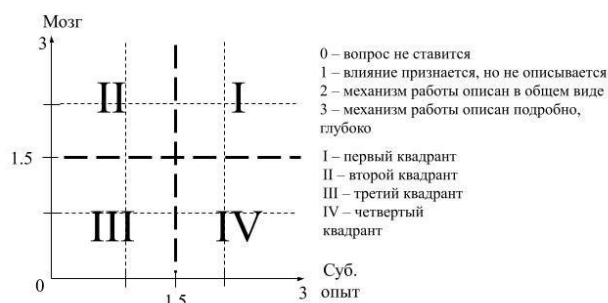

Рис. 1. Пространство теорий сознания

Всего в данной статье мы проанализируем и сравним с помощью разработанных нами критериев 20 наиболее известных и разработанных на текущий момент теорий сознания, относящихся к философии сознания и к когнитивной нейронауке (включая когнитивную психологию), представленных в данном списке в хронологическом порядке:

1. Теория информационной причинности Д. Дубровского
2. Теория селекции нейронных групп Дж. Эдельмана
3. Теория множественных набросков Д. Деннета
4. Биологический натурализм Дж. Серля
5. Квантовая теория сознания Р. Пенроуза
6. Элиминативный материализм П. и П. Черчлендов
7. Теория глобального рабочего пространства Баарса
8. Теория В.М. Аллахвердова
9. Теория сознания Ф. Крика и К. Коха
10. Натуралистический дуализм Д. Чалмерса
11. Нейрофеноменология Ф. Варела
12. Рефлексивный монизм М. Велманса
13. Теория феноменальной модели Я.Т. Метцингера
14. Теория интегрированной информации Дж. Тонони
15. Теория сознания высшего порядка
16. Теория А. Клирманса
17. Теория сознания М. Газзанига
18. Иллюзионизм К. Франкиша
19. Теория контролирующей галлюцинации А. Сета
20. Нейронаучная теория К.В. Анохина

Теории сознания 1-го квадранта

К первому квадранту можно отнести 12 теорий – теорию селекции нейронных групп Дж. Эдельмана, теорию множественных набросков Д. Деннета,

квантовую теорию сознания Р. Пенроуза, теорию глобального рабочего пространства Б. Баарса, теорию сознания Ф. Крика и К. Коха, натуралистический дуализм Д. Чалмерса, нейрофеноменологию Ф. Варела, рефлексивный монизм М. Велманса, теорию феноменальной модели Я.Т. Метцингера, теорию интегрированной информации Дж. Тонони, теорию контролирующей галлюцинации А. Сета, а также нейронаучную теорию К.В. Анохина.

Теории внутри первого квадранта несколько отличаются по оценкам. Наивысшие баллы по феноменологии (3) и нейрональным механизмам (3) получила теория интегрированной информации Тонони. Как можно видеть, теория Дж. Тонони является самой проработанной в обеих сферах – описания нейрональных механизмов и феноменологии. С точки зрения мозговых механизмов теория сознания Тонони опирается на богатый нейрофизиологический материал, детализируя структуру и динамику взаимодействий между элементами системы. Она описывает, каким образом архитектура мозга и переходы между состояниями порождают интегрированную информацию и использует вычислительные модели, оперирующие конкретными характеристиками нейронных сетей с феноменологической стороны в теории интегрированной информации разрабатывается набор аксиом субъективного опыта – таких, как внутреннее существование, структурированность – которые задают формальные критерии для описания свойств сознания (Tononi, 2015). В итоге, в рамках данной теории субъективный опыт получает системное описание, сопоставимое по уровню детализации с нейрофизиологическим.

Более сдержанная детализация нейрофизиологии (2) при более развернутом описании субъективного опыта (3) наблюдается в теории А. Сета. Неполноту в описании и использовании данных о мозге у Сета можно объяснить тем, что эта теория во многом опирается на теорию интегрированной информации (Seth, 2021), заимствуя оттуда многие положения и процедуры измерения, однако эти данные оказываются не в полной мере включены в рассуждения автора о предназначении субъективного опыта как контролирующей галлюцинации. При этом в рамках этой теории именно структуры опыта получают достаточно подробное описание в связи с тем, как различные модальности такого опыта определяют наше сознание и наше Я в целом.

Далее в рамках теорий с оценками 2 из 3 по обоим шкалам и нейрональные механизмы и характеристики субъективного опыта были рассмотрены на высоком, но без более глубокой детализации уровне. Так теории Д. Деннета (Dennett, 1991) сознание трактуется как конкуренция разных когнитивных процессов, а феноменальные свойства объявляются иллюзией, исходящей из особенностей языковых способностей говоря-

щего. Мозг описывается как система интерпретации входов, без детализации механизма порождения если не опыта, то указанных выше способностей его описывать. Такой подход сохраняет связь между мозгом и отчетами субъекта, но при этом феноменология и нейронные процессы остаются на схематичном уровне.

В теории Р. Пенроуза (Penrose, 1994) сознание мыслится как невычислительное явление, возникающее за счет квантовых процессов в микротрубочках цитоскелета. Феноменальные состояния в таком подходе не дифференцируются, а мозг описывается через физическую идею квантовых процессов в нервной ткани, то есть, при отсылке к биологии и физике нет апелляции к разнообразию мозговых структур.

Сознание у Д. Чалмерса (Chalmers, 1996) является частью природы и должно работать в соответствии с гипотетическими психофизическими законами. Однако все разнообразие субъективного опыта сводится к их качественному своеобразие – квалиа – без конкретизации, а разговоры о мозге и его структуре затрагивают лишь общие положениями в терминах соответствия между структурами, обладающими субъективным опытом.

Нейрофеноменология Ф. Варела (Varela, 1996) – это не столько законченная теория, сколько подход, в рамках которого феноменологические и нейронаучные данные ограничивают друг друга. В качестве возможного механизма, отвечающего за возникновение субъективного опыта упоминается масштабная гамма-синхронизация (Di Bernardo, 2022).

Подход М. Велманса примиряет перспективы первого и третьего лица, переосмысливает границы объективного и субъективного, постулируя интерсубъективность знания и целостности мира, однако тонких деталей нейронных или феноменологических механизмов не предлагается (Velmans, 2012).

У Т. Метцингера сознание трактуется как внутренняя модель реальности, включающая также модель своего Я. Мозг описывается как система, поддерживающая такую симуляцию. Более подробной структуры мозговых механизмов в рамках данной теории не представлено, а феноменология сводится к модели реальности и чувству Я (Metzinger, 2011).

К теориям с более развёрнутой детализацией нейрофизиологических механизмов (3) при умеренной проработке феноменологии (2) можно отнести теорию Дж. Эдельмана, Б. Баарса, Ф. Крика и К. Коха, К.В. Анохина.

Эдельман (Edelman, 2003) ставит в центр механизмы селекции нейрональных групп – это даёт механистическую картину возникновения единства восприятия, но сама феноменология описывается через функциональные аспекты, в отличие от нейрофизиологии, без такой же проработанной формализации.

Несмотря на свою популярность и чрезвычайную разработанность, теория глобального рабочего пространства Б. Баарса (Baars, Geld, Kozma, 2021) уделяет значительно больше внимания нейронаучным данным, рассуждая о субъективном опыте в более общем виде.

Теория сознания Ф. Крика и К. Коха (Crick, Koch, 2003) в значительно степени редуцирует сознание до осознания – возможности дать отчет о том, что человек увидел или услышал при решении конкретной задачи.

В рамках же нейронаучной теории К.В. Анохина (Анохин, 2021, 513–515) подчеркивается связь между гиперсетевой структурой, отдельными процессами переработки информации и атомарностью субъективного опыта, привязанной к конкретным нейронам или группам нейронов. Более подробно структура и функции субъективного опыта в рамках данной теории не рассматриваются.

Таким образом, первый квадрант включает широкий спектр подходов: от более ориентированного на нейрофизиологию до более феноменологического. Однако все эти теории в той или иной мере совмещают проработку мозговых механизмов и описание субъективного опыта. Можно увидеть, что наиболее популярны и продуктивны те теории сознания, в рамках которых соблюдается баланс взаимного раскрытия феноменологических и нейрофизиологических данных. Таким примером служит теория Тонони, которая на базе максимально подробного рассмотрения нейрофизиологических и феноменологических данных создается новый язык описания.

Теории сознания 2-го квадранта

Ко второму квадранту в чистом виде можно отнести две теории: элиминативный материализм П. и П. Черчлендов и теорию сознания М. Газзанига.

Обращаясь к актуальным данным о работе мозга, П. и П. Черчленды (Churchland, Churchland, 1997) в значительной степени редуцируют ментальное, делая это основой своего подхода: они избавляются от концептов “народной психологии” и предлагают строить объяснение исключительно в терминах, затрагивающих работу мозга – это даёт практический путь для нейронаук (3), но нивелирует феноменологический уровень (0) как особую проблему.

М. Газзанига (Gazzaniga, 2018) сочетает модульную архитектуру и эволюционную интерпретацию сознания: он сохраняет место для феноменологии (1), но трактует ее как эффект модульной интеграции и подчеркивает необходимость двух языков описания – биологического и феноменологического – приоритет остается за биологическим (3).

Такое положение имеет свои сильные и слабые стороны. Сильная сторона – высокая эмпирическая продуктивность и совместимость с со-

временными нейронаучными методами, а также с представлениями тех, кто занимается нейронаукой. Эти теории формируют четкие гипотезы о динамике, связях, которые проверяются измерениями и моделями. Слабая сторона – ограниченная способность ответить на Трудную проблему сознания за счет недостаточного внимания субъективному опыту. Зоной роста таких теорий является обращение большего внимания к феноменологическим данным.

Теории сознания 3-го квадранта

В третьем квадранте не оказалось ни одной из рассмотренных нами теорий. Это ожидаемо связано с тем, что сложно сформулировать теорию сознания, которая бы одновременно уделяла мало внимания и мозгу, и субъективному опыту. В то же самое время, отсутствие теорий в данном квадранте означает, что среди выбранных нами теорий отсутствуют теории сознания, игнорирующие или лишь декларирующие значимость одновременно данных о мозге и о сознании.

Теории сознания 4-го квадранта

В четвертом квадранте представлены теории, которые в меньшей мере уделяют внимание мозгу или рассматривают данные о нем в чрезвычайно общем виде, акцентируясь на структуре и функциях субъективного опыта – теория информационной причинности Д. Дубровского, биологический натурализм Дж. Серля, теория В.М. Аллахвердова, теория сознания высшего порядка, теория А. Клирманса, иллюзионизм К. Франкиша.

Теория информационной причинности Д. Дубровского (Дубровский, 2015) отвечает на вопрос о том, чем является субъективный опыт по отношению к мозгу, и что делает этот опыт уникальным, недоступным другому, но при этом положения этой теории представлены в общем виде: постулируется значимость данных о мозге (2) и рассматриваются наиболее общие вопросы, связанные с функционированием субъективного опыта (1), включая информационную причинность как решение проблемы.

В рамках биологического натурализма Дж. Серля (Searle, 1992) мозгу уделяется значительное внимание, однако в рамках данной теории, скорее, подчеркивается значение таких данных (1), но сами сведения о мозге, его структуре и функциях в данной теории практически не рассматриваются. При этом значительно больше внимания в рамках данной теории уделяется характеристикам субъективного опыта (3).

Наиболее шаткое положение здесь у теории В.М. Аллахвердова (Аллахвердов, 2021), радикальный когнитивизм которого оборачивается радикальным ментализмом – невозможностью соот-

нести в рамках такой теории сознания физиологическое (0) с феноменальным (3) – в данном случае с предполагаемыми структурой и функциями психики и сознания, что делает невозможным использование данной теории для решения Трудной проблемы.

Теория сознания высшего порядка (Rosenthal, 2006) предлагает оценивать в качестве субъективного опыта то, что в психологии называется метакогнициями. Фактически эта теория, скорее, постулирует значимость данных о мозге (1) и рассматривает отдельные аспекты функционирования субъективного опыта (2), сводя их к сознанию.

Теория А. Клирманса (Cleeremans, 2011; Fazekas, Cleeremans, Overgaard, 2024) также постулирует значимость исследования нейрокоррелятов (1), в том числе на стыке различных теорий, и в отношении ментального (2) – уделяет внимание различию осознаваемых и неосознаваемых репрезентаций в рамках имплицитного научения.

Иллюзионизм К. Франкиша (Frankish, 2016) критически переоценивает наши знания о субъективном опыте и их источник: здесь опять же подчеркивается значимость данных о мозге (1) и рассматриваются отдельные аспекты существования субъективного опыта (2).

Оценка теорий четвертого квадранта показывает, что исключительно постулирование значимости данных о мозге не подменяет их раскрытия и использования в теории, а неполнота раскрытия и обращения к таким данным является, скорее, зоной возможного роста таких теорий. Более того, радикальный ментализм, также как и радикальный материализм, оказываются одинаково далеко от решения Трудной проблемы, поскольку отказ в рассмотрении субъективному опыту или мозгу нивелирует данную проблему.

Заключение

Наглядно результаты проведенного анализа можно увидеть на следующей схеме (см. Рис. 2. Нумерация соответствует первому параграфу настоящей статьи).

Как можно видеть, на этой схеме нашли свое место все 20 анализируемых теорий, а их совместное положение на плоскости позволяет сделать следующие выводы по результатам настоящего исследования:

1. Среди рассмотренных теорий сознания нет тех, которые бы не затрагивали или лишь декларировали значение данных о мозге и сознании. Можно говорить о том, что, согласно принятым нами критериям, проанализированные теории содержательно наполнены.

2. Чем ближе на графике теория к середине и верхнему правому краю четвертого квадранта, тем сильнее она сбалансирована с точки зрения полноты раскрытия нейронаучных и феноменоло-

гических данных. Это раскрывает возможные причины популярности теории интегрированной информации – в том, что она стремится в одинаковой степени охватить и сознание, и мозг.

3. Неполное раскрытие каждого из двух ключевых аспектов Трудной проблемы сознания отдаляет автора от ее фактического решения.

Рис. 2. Положение рассмотренных теорий в пространстве теорий сознания

Разработанная в этой статье модель для сравнения существующих теорий сознания с точки зрения Трудной проблемы обладает также рядом ограничений:

1. Вводя сравнительные критерии полноты нейрофизиологических и феноменологических данных, мы понимаем неполноту сформулированных критериев и условность и неоднородность вводимых нами оценок, что подразумевает возможность их уточнения.
2. Список рассмотренных в статье теорий сознания также не является исчерпывающим: в рамках настоящей статьи были охвачены труды наиболее ярких представителей в области нейронаук, когнитивных, психологических и философских исследований.

Вместе с тем, наша модель гибка и универсальна: она может быть использована для оценки различных теорий сознания в рамках рассмотренных предметных областей, а выделенные критерии оценки и их градации могут быть расширены и уточнены.

Таким образом, все это в совокупности позволяет утверждать, что разработанная нами система оценки теорий сознания соответствует поставленной перед ней задаче, что, в свою очередь, позволяет применить ее к большому количеству теорий сознания.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Таинственная прелесть сознания // Аллахвердов В.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. СПб.: В. Даль, 2021. С. 5–203.
2. Анохин К.В. Нейронные гиперсети: организующий принцип высших функций мозга // Первый Национальный конгресс по когнитивным

исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке. 2020. С. 513–515.

3. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
4. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение. М.: Канон, 2015.
5. Мусс А. И., Сладкоштиева А.В., Карпычева К.А., Ловцов Р.В., Маничева А.Д., Чуканов А.В. Сравнение актуальных теорий сознания: назад к трудной проблеме // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11 (139). С. 94–104.
6. Baars B. J., Geld N., Kozma R. Global workspace theory (GWT) and prefrontal cortex: Recent developments // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 749868. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.749868>
7. Chalmers D.J. *The Conscious Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
8. Churchland P. M., Churchland P.S. Recent work on consciousness: philosophical, theoretical, and empirical // *Cognitive Studies: Bulletin of the Japanese Cognitive Science Society*. 1997. Vol. 4. No. 3. P. 3_45–3_55. https://doi.org/10.11225/jcss.4.3_45
9. Cleeremans A. The radical plasticity thesis: how the brain learns to be conscious // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2. P. 8974. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00086>
10. Crick F., Koch C. A framework for consciousness // *Nature Neuroscience*. 2003. Vol. 6. No. 2. P. 119–126. <https://doi.org/10.1038/nn0203-119>
11. Dennett D.C. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Co, 1991.
12. Di Bernardo M. Neurophenomenology and intersubjectivity: an interdisciplinary approach // *Axiomathes*. 2022. Vol. 32. Suppl. 2. P. 95–111. <https://doi.org/10.1007/s10516-021-09590-3>
13. Edelman G.M. Naturalizing consciousness: a theoretical framework // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2003. Vol. 100. No. 9. P. 5520–5524. <https://doi.org/10.1073/pnas.0931349100>
14. Fazekas P., Cleeremans A., Overgaard M. A construct-first approach to consciousness science // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2024. Vol. 156. P. 105480. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105480>
15. Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23. No. 11–12. P. 11–39.
16. Gazzaniga M.S. *The Consciousness Instinct*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
17. Metzinger T. *Being No One*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

18. Penrose R. *Shadows of the Mind*. Oxford University Press, 1994.
19. Revonsuo A. *Consciousness: the Study of Subjectivity*. Psychology Press, 2010.
20. Rosenthal D.M. *Varieties of higher-order theory // Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 17–44. <https://doi.org/10.1075/aicr.56.04ros>
21. Searle J. *The Rediscovery of the Mind*. Mass, US: MIT Press, 1992.
22. Seth A.K. *Being You*. London: Faber & Faber, 2021.
23. Seth A. K., Bayne T. Theories of consciousness // *Nature Reviews Neuroscience*. 2022. Vol. 23. No. 7. P. 439–452. <https://doi.org/10.1038/s41583-022-00587-4>
24. Tononi G. *Integrated information theory // Scholarpedia*. 2015. Vol. 10. № 1. P. 4164.
25. Varela F.J. *Neurophenomenology: a methodological remedy for the hard problem // Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 330–349.
26. Velmans M. *Reflexive monism: psychophysical relations among mind, matter, and consciousness // Journal of Consciousness Studies*. 2012. Vol. 19. No. 9–10. P. 143–165.

DEVELOPING CRITERIA FOR COMPARING CONTEMPORARY THEORIES OF CONSCIOUSNESS WITH RESPECT TO THE HARD PROBLEM

Muss A.I., Sladkoshtieva A.V., Karpycheva (Borodina) K.A., Chervochkina S.L.
St. Petersburg State University, Institute of the Human Brain named after
N.P. Bekhtereva

This article proposes a conceptual model for analyzing contemporary theories of consciousness in terms of two key criteria derived from D. Chalmers' formulation of the Hard Problem of Consciousness: (1) the completeness of information regarding the neurophysiological mechanisms underlying consciousness; and (2) the completeness of information regarding the nature and functioning of phenomenal experience. Using our criteria, we examined theories of consciousness of the following authors: D. Dubrovsky, G. Edelman, D. Dennett, J. Searle, R. Penrose, P.M. Churchland and P.S. Churchland, B. Baars, V.M. Allakhverdov, F. Crick and C. Koch, D. Chalmers, F. Varela, M. Velmans, T. Metzinger, G. Tononi, A. Cleeremans, M. Gazzaniga, A. Seth, K. Frankish, K.V. Anokhin, and D. Rosenthal.

The resulting space of theories enables one not only to see the extent to which a given theory discloses the structure and function of the brain and of subjective experience, but also to assess the degree of balance between neurophysiological and phenomenological data.

Keywords: Hard Problem of Consciousness; Theories of Consciousness; Criteria for Evaluating Theories of Consciousness; Philosophy of Mind; Cognitive Neuroscience.

References

1. Allakhverdov, V. (2021) *Tainstvonnaya prelest' soznaniya* [The Mysterious Charm of Consciousness], in V. Allakhverdov. *Soznanie sochinenii v semi tomakh*. vol. 7. St. Petersburg: V. Dal' Publ., 2021, pp. 5–203. (In Russ.).
2. Anokhin, K. (2021) *Kognitom: v poiskakh fundamental'noj nejrondauchnoy teorii soznaniya* [Cognitome: In Search of a Fundamental Neuroscientific Theory of Consciousness], *Zhurnal vyss-*

- hej nervnoj deyatel'nosti*. vol. 71, No. 1, pp. 39–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>
3. Anokhin, K. (2021) *Nejronnye giperseti: organizuyushchij printsip vysshikh funktsij mozga* [Neural Hypersystems: An Organizing Principle of Higher Brain Functions], in *Pervyj Natsional'nyj kongress po kognitivnym issledovaniyam, iskusstvennomu intellektu i nejroinformatike*. *Devyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoj nauke*, pp. 513–515. (In Russ.).
4. Baars B. J., Geld N., Kozma R. (2021) *Global workspace theory (GWT) and prefrontal cortex: Recent developments*, *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. P. 749868. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.749868>
5. Chalmers D. J. (1996) *The Conscious Mind*. Oxford: Oxford University Press.
6. Churchland P. M., Churchland P.S. (1997) *Recent work on consciousness: philosophical, theoretical, and empirical*, *Cognitive Studies: Bulletin of the Japanese Cognitive Science Society*. Vol. 4. No. 3. P. 3_45–3_55. https://doi.org/10.11225/jcss.4.3_45
7. Cleeremans A. (2011) *The radical plasticity thesis: how the brain learns to be conscious*, *Frontiers in Psychology*. Vol. 2. P. 8974. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00086>
8. Crick F., Koch C. (2003) *A framework for consciousness*, *Nature Neuroscience*. Vol. 6. No. 2. P. 119–126. <https://doi.org/10.1038/nn0203-119>
9. Dennett D. C. (1991) *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Co.
10. Di Bernardo M. (2022) *Neurophenomenology and intersubjectivity: an interdisciplinary approach*, *Axiomathes*. Vol. 32. Suppl. 2. P. 95–111. <https://doi.org/10.1007/s10516-021-09590-3>
11. Dubrovskiy, D. (2015) *Problema "Soznanie i mozg". Teoreticheskoe reshenie* [The Mind-brain Problem: A Theoretical Solution]. Moscow: Kanon Publ. (In Russ.).
12. Edelman G. M. (2003) *Naturalizing consciousness: a theoretical framework*, *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 100. No. 9. P. 5520–5524. <https://doi.org/10.1073/pnas.0931349100>
13. Fazekas P., Cleeremans A., Overgaard M. (2024) *A construct-first approach to consciousness science*, *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 156. P. 105480. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105480>
14. Frankish K. (2016) *Illusionism as a theory of consciousness*, *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 23. No. 11–12. P. 11–39.
15. Gazzaniga M. S. (2018) *The Consciousness Instinct*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.
16. Metzinger T. (2011) *Being No One*. Cambridge, MA: MIT Press.
17. Muss A. I., Sladkoshtieva A.V., Karpycheva K.A., Lovtsov R.V., Manicheva A.D., Chukanov A.V. (2025) *The Comparison of the Actual Theories of Consciousness: Back to the Hard Problem* *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 11 (139). P. 94–104 (in Russ.).
18. Penrose R. (1994) *Shadows of the Mind*. Oxford University Press.
19. Revonsuo A. (2010) *Consciousness: the Study of Subjectivity*. Psychology Press.
20. Rosenthal D. M. (2006) *Varieties of higher-order theory in Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. P. 17–44. <https://doi.org/10.1075/aicr.56.04ros>
21. Searle J. (1992) *The Rediscovery of the Mind*. Mass, US: MIT Press.
22. Seth A. K. (2021) *Being You*. London: Faber & Faber.
23. Seth A. K., Bayne T. (2022) *Theories of consciousness*, *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 23. No. 7. P. 439–452. <https://doi.org/10.1038/s41583-022-00587-4>
24. Tononi, G. (2015). *Integrated information theory*. *Scholarpedia*, 10(1), 4164.
25. Varela F. J. (1996) *Neurophenomenology: a methodological remedy for the hard problem*, *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 330–349.
26. Velmans M. (2012) *Reflexive monism: psychophysical relations among mind, matter, and consciousness*, *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 19. No. 9–10. P. 143–165.

Исследование ценностных ориентаций социокультурной адаптации мигрантов в современном мегаполисе (социологическая оптика петербургской среды)

Паламарчук Кристина Олеговна,

аспирант, кафедра экономической социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: palamarchuk_ko@mail.ru

В статье представлены теоретические аспекты исследования ценностных ориентаций социокультурной адаптации мигрантов в условиях современного мира. Статья посвящена анализу трансформации миграционной политики Российской Федерации и её влияния на процессы адаптации иностранных граждан в городской среде. Рассматривается поэтапное ужесточение миграционного законодательства в соответствии с векторами Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы. предлагается сложная модель анализа адаптации иностранных граждан, базирующаяся на основе теоретических подходов П.А. Сорокина (город как пространство социальной мобильности и культурного контакта с общественными институтами, и Д.В. Иванова, (город – сеть пересекающихся потоков, где доступ мигранта к ресурсам определяется степенью интеграции в цифровые структуры). Интеграция представленных подходов позволяет определить структурные основания ценностной ориентации мигрантов и формы ее проявления в условиях современного цифрового мира. Представленный подход лежит в основе дальнейшего эмпирического исследования. На основе анализа имеющихся данных в статье изложены наиболее актуальные проблемы социокультурной адаптации мигрантов в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: социокультурная адаптация мигрантов, городской контекст, цифровая среда, социальная мобильность, ценностные ориентации.

В последние годы на территории Российской Федерации прослеживается тенденция к сокращению численности мигрантов и одновременно – усложнению условий их пребывания. На этот процесс влияет комплекс мер, затрагивающих как административные, так и экономические аспекты миграционной политики. Происходит поэтапное ужесточение миграционного законодательства, что обусловлено векторами принятой в октябре 2025 года Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Приоритетными направлениями выступает обеспечение национальной безопасности, баланс потребностей экономики и безопасности, совершенствование механизмов организованного привлечения иностранной рабочей силы, создание условий для социокультурной адаптации иностранных граждан, привлечение соотечественников и иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовнонравственные ценности, увеличение численности студентов. Важным аспектом остается внедрение современных информационных технологий и цифровизация. Таким образом, будет сформирована обновленная система инструментов и механизмов государственного регулирования миграционных процессов.

Несоблюдение принимаемых законов приводит к сокращению срока пребывания на территории Российской Федерации. Одновременно с ужесточением миграционного законодательства активизировалась деятельность миграционных подразделений, что привело к увеличению числа случаев выдворения иностранных граждан за выявленные нарушения. Информация о рейдах регулярно публикуется в средствах массовой информации. Экономические рычаги регулирования также становятся всё более выраженными. Ежегодно растет стоимость патента, позволяющего выходцам из стран Центрально-Азиатского региона осуществлять трудовую деятельность на территории России.

Международная миграция отмечена колебаниями миграционных потоков [7, с. 208–216]. В 2023 году число иностранцев, приехавших в Россию (по методологии Росстата, зарегистрировавшихся на срок от 9 месяцев), составило 560,4 тыс. человек, что на 23% меньше, чем в 2022-м. Но уже

в 2024 году случился резкий скачок, когда миграционный прирост достиг 568,5 тыс. человек, т.е. номинальный максимум с 1995 года. Эксперты связывают это с переходом на электронный обмен данными между Росстатом и МВД, за счет чего учёт стал полнее и оперативнее. Произошла смена лидеров по странам, откуда в Россию перемещались мигранты. Основными странами исхода по-прежнему являются страны СНГ. При этом в 2024 году заметно вырос приток мигрантов из Таджикистана. Основной группой, преобладающей в структуре миграции, являются мужчины трудоспособного возраста, преимущественно со средним общим образованием. Основными мотивами для переезда являются трудоустройство, а также личные или семейные обстоятельства (переезд к близким, брак). В 2024 году на фоне общей динамики усилились меры по регулированию потоков, выросли число проверок работодателей, количество решений о выдворении нарушителей, а также практика ограничения трудоустройства мигрантов в отдельных секторах экономики. На 1 апреля 2026 г. в стране находилось 6,1 млн иностранцев. Это на 10,3% меньше, чем годом ранее 6,8 млн. В I квартале 2026 года в страну въехало 2,5 млн иностранцев и лиц без гражданства. 72,4% из них – граждане стран СНГ. Напомним, в содружество входят Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Анализируя имеющиеся данные, можно говорить о том, что тренд на снижение миграционных потоков сохраняется [2]. Вместе с тем, миграция по-прежнему является важным фактором, который помогает частично компенсировать естественную убыль населения России.

Не смотря на снижение миграционных потоков, вопрос социальной и культурной адаптации иностранных граждан по-прежнему является актуальным. Мегаполис одновременно выступает и ресурсом, и вызовом для мигрантов. Развитая социальная сеть, доступ к образовательным продуктам, вариативные возможности для трудоустройства – это доступные в городской среде ресурсы. Однако высокая плотность населения, разнородность городской среды и её фрагментированность создают дополнительные сложности для интеграции. В сложившихся условиях особую ценность приобретает интегративный теоретический подход, сочетающий ценностно-системную оптику П.А. Сорокина и анализ сетевых и цифровых структур, предложенный Д.В. Ивановым. Такой синтез позволяет учитывать как устойчивые культурные матрицы, определяющие базовые нормы и ценности общества, так и динамичные механизмы современной городской жизни, включая цифровые платформы и сетевые сообщества, которые всё чаще становятся каналами адаптации. Именно эта комплексная перспектива даёт возможность раз-

рабатывать более эффективные стратегии интеграции мигрантов в российских мегаполисах и осмысливать адаптацию не как односторонний процесс приспособления, а как взаимодействие разных социальных слоёв и культурных систем, формирующее облик современного города [6, с. 81–96].

П.А. Сорокин рассматривал ценности как фундаментальные элементы социокультурной системы, определяющие её тип и траекторию развития [8, с. 51–57]. В рамках подхода П.А. Сорокина ценности являются системными, «каркасными» элементами культуры, интеграторами всех сфер общества (право, искусство, быт, наука). Таким образом, мигрант сталкивается с целостной ценностной матрицей принимающего общества. В теории автора ключевое – три типа культурных сверхсистем (идеациональная, чувственная, идеалистическая), которые задают «общий код» общества и определяют, какие смыслы считаются легитимными. С точки зрения Д.В. Иванова, алгоритмическая рациональность вытесняет традиционные ценностные иерархии, заменяя их логикой эффективности, скорости и релевантности [3, с. 8–26]. В рамках подхода Д.В. Иванова ценности рассматриваются как подвижные, распределённые по разным типам практик: институциональные (правила и нормы), интеракционные (повседневные взаимодействия), сетевые (связи и сообщества), потоковые (динамичные, ситуативные, часто цифровые). Для мигранта это означает, что ценности меняются в разных жизненных ситуациях.

П.А. Сорокин рассматривает город (в т.ч. СанктПетербург) как пространство социальной мобильности и культурного контакта. Разные районы и институты (вузы, предприятия, диаспоры) выступают «буферами», смягчающими культурный шок и помогающими освоить новую ценностную матрицу [9, с. 274–278]. Д.В. Иванов подчеркивает, что город – это сеть пересекающихся потоков, миграционных, – информационных, сервисных, транспортных. Доступ к ресурсам и признание зависят от того, насколько мигрант встроен в эти потоки и «видим» алгоритмам (платформы, госуслуги, рекрутинг).

Городская среда трансформирует устойчивые ценностные матрицы (по П.А. Сорокину) и задаёт уникальные долгосрочные ориентиры адаптации, а динамичные сетевые и цифровые структуры (по Иванову) определяют её тактические механизмы и повседневные практики горожан.

Сопоставление и интеграция этих подходов позволяет увидеть как устойчивые давно сложившиеся структурные основания ценностной регуляции, так и новые формы её проявления в условиях цифровизации и алгоритмизации социальных процессов. Опора на идеи П.А. Сорокина и Д.В. Иванова помогает посмотреть на адаптацию мигрантов с разных ракурсов и выделить важные для

эмпирического исследования нюансы, а также сформировать обоснованный эмпирический инструментарий, ориентированный на исследование различных факторов (личных, институциональных, структурных) в комплексе [4, с. 205–218].

Как было показано выше, при всем многообразии причин, факторов и мотивации миграции, мегаполисы России выступают главными точками притяжения миграционных потоков [1, с. 24–30]. В них концентрируются как экономические возможности, развитая инфраструктура и социальные сети. Вместе с этим отмечаются непростые условия для интеграции мигрантов в городские сообщества. В городах концентрация мигрантов действительно значительно выше. Например, по данным за 2025 год, среди лидеров по числу трудовых мигрантов (тех, кто работал по патенту) были традиционно Москва, Московская область и Санкт-Петербург. Меньше всего трудовых мигрантов зафиксировано в Ненецком автономном округе и на Чукотке (менее 1 000 мигрантов на Чукотке, в то время как в Москве более 600 тысяч) [5]. То есть точками притяжения для внешней трудовой миграции являются мегаполисы и ближайшие к ним жилые зоны.

Среди российских исследователей адаптации в мегаполисах следует отметить работы Ю.С. Барышевой (диссертация по культурологии «Социокультурная адаптация мигрантов в условиях современного мегаполиса: на примере Москвы»), в которых сделан акцент на культурно-образовательных ресурсах, способствующих адаптации мигрантов из стран СНГ. Введено понятие «московская идентичность мегаполисного типа» – она базируется на толерантном отношении к разным субкультурам и объединяет людей с разными социокультурными характеристиками в едином пространстве.

Исследования социокультурной адаптации мигрантов в мегаполисах предполагают изучение не только того, как человек адаптируется к городу, но и наоборот: как город изменяется под влиянием активных миграционных процессов, как в нем формируются новые локальные сообщества или возникают очаги напряжения. Методология исследований отличается, проводятся глубинные интервью и нарративный анализ. Основной вывод проводимых исследований: социокультурная адаптация в мегаполисе – нелинейный процесс, в рамках которого пересекаются институциональные механизмы принимающего общества, индивидуальные стратегии мигрантов и эффекты цифровой среды.

Сочетание показанных теоретико-методологических перспектив снимает односторонность анализа позволяя одновременно учитывать устойчивые ценностные матрицы и гибкие повседневные стратегии применительно к специфике города. Противоречивые траектории адаптации в мегаполисе получают комплексное объяснение, как ценностные сдвиги, которые определяют дол-

госрочную интеграцию, а сетевые практики регулируют текущую включённость в городское пространство. Практическая значимость такого синтеза проявляется в необходимости выстраивать программы интеграции на двух уровнях, – институциональном обеспечивающем ценностную интеграцию через образование, правовую поддержку и межкультурные инициативы, и на цифровом – направленном на преодоление цифрового неравенства развитие медиаграмотности и расширение доступа к городским сервисам.

Дополняя классические рамки исследований адаптации, такие как модель стратегий аккультурации Дж. Берри [10, с. 697–712] и теорию социальной эксклюзии, синтез подходов П.А. Сорокина и Д.В. Иванова расширяет понимание механизмов адаптации включая в анализ как межличностные контакты, так и цифровые среды в рамках мегаполисов. Таким образом интеграция указанных теоретических позиций создаёт целостную рамку для изучения адаптации мигрантов в условиях мегаполисов, позволяющую учитывать как устойчивые социокультурные основания, так и изменчивые практики городской жизни.

Исходя из положений П.А. Сорокина и Д.В. Иванова, ключевыми факторами Санкт-Петербурга как среды социокультурной адаптации мигрантов, выступают:

- ценностно-нормативная основа адаптации в городскую ценностную идентичность;
- институциональные механизмы адаптации: трудовая интеграция и экономические практики;
- социальные сети и диаспоры, повседневные практики взаимодействия в городской среде;
- потоковый временной горизонт результатов.

Санкт-Петербург является динамичным многомиллионным, многонациональным мегаполисом, городом федерального значения, в котором интенсивно протекают социальные, экономические, политические и миграционные процессы. Последние оказывают значительное влияние на разные сферы общества Санкт-Петербурга.

Выступая одним из экономических центров России и трудонедостаточным регионом, город – привлекательная площадка для миграционных потоков, для него характерны общие тенденции динамики миграционных процессов постсоветского пространства в России.

Так, спад и увеличение миграционных потоков коррелируются с экономическими процессами и законодательными изменениями. В последние два года отмечается спад миграционного потока.

Создание благоприятных условий для мигрантов и их активной жизнедеятельности обеспечивается с помощью социальной поддержки в широком смысле, которая способствует их включенности в социальное пространство. Степень включенности мигрантов в принимающее общество коррели-

лируется с развитием социальных рисков международной миграции.

Отмечаемые исторические этапы становления и развития города, как центра притяжения иностранных граждан, несут важную роль для формирования толерантности и уважения к культурному многообразию. Петербургская культура и петербургская идентичность способствуют процессу адаптации иностранных граждан. Благодаря этому у иностранного гражданина снижается ощущение «чужеродности»: он встраивается не в абсолютно закрытую локальную культуру, а в пространство, где многообразие – норма. Развитая социальная инфраструктура, транслирующая эти нормы, также способствует процессу адаптации. В городе действуют межкультурные площадки, программы НКО, реализуются языковые курсы, функционируют вузы и т.д. Благодаря соотношению ценностных ориентиров мигранта с доминирующими в городе установками, формируется база для интеграции (что соответствует теориям П.А. Сорокина).

При этом ценностно-нормативная основа работает не изолированно, а в связке с практиками городской жизни. Доступность образования, развитый рынок труда, транспортная инфраструктура и культурные площадки позволяют мигранту ежедневно соприкасаться с городской средой и осваивать её нормы через действие, а не только через формальное обучение. Такое сочетание символического (ценности, идентичность) и практического (доступ к услугам, работе, досугу) делает адаптацию более системной: мигрант не просто усваивает правила, но и находит в городе своё место.

Таким образом, основное преимущество Санкт-Петербурга как среды адаптации заключается в наличии устойчивой ценностно-нормативной рамки, одновременно задающей ориентиры интеграции и оставляющей пространство для многообразия. Именно эта основа позволяет мигрантам выстраивать новые идентичности, сохраняя элементы собственной культуры и при этом становясь частью городского сообщества.

Развитая городская инфраструктура позволяет легко и быстро познакомиться с культурой принимающего общества, принять участие в экскурсиях, городских мероприятиях, посетить театры, музеи, выставки, т.е. активно использовать *культурные и досуговые ресурсы*. Программы и проекты вроде «ЭтноПетербург» (городская программа), «Дети Петербурга» (проект волонтерского движения) как раз используют такие возможности. Петербург в совокупности может рассматриваться как инструмент адаптации. Посещение городских пространств и социальных институтов, объектов инфраструктуры является «учебной средой» для освоения языка и норм поведения в реальных ситуациях (поездка в транспорте, посещение центров оказания услуг, объектов здравоохранения, магазинов и т.д.).

Развитая транспортная сеть и логистика (метро, автобусы, приложения такси и доставки) упрощает передвижение по городу и доступ к услугам, *обеспечивается инфраструктурной и цифровой доступностью*. В мегаполисах развиты цифровые и онлайн-сервисы (госуслуги, запись к врачу, подача заявлений), которые при наличии интернета и цифровой грамотности ускоряют бюрократические процедуры. В удалённых районах доступ к таким сервисам может быть затруднён.

Здесь уместно вспомнить концепции сетевого общества М. Кастельса [11] и цифрового разрыва (A. van Deursen, J. van Dijk) [12, с. 393–402]: в городах мигрант быстрее встраивается в «сети» городской жизни, а в сельской местности цифровой разрыв может дополнительно усложнять адаптацию.

В Санкт-Петербурге эта двойственность проявляется особенно отчётливо. Развитая городская инфраструктура Петербурга и традиция мультикультурности создают благоприятные условия для ценностной интеграции, а плотная цифровая экосистема мегаполиса даёт быстрые инструменты адаптации. При этом сохраняются острые проблемы, такие как высокая стоимость жизни, бюрократические и языковые барьеры, цифровое неравенство и риск формирования параллельных городских сред.

Таким образом, эффективная политика содействия адаптации должна быть сбалансированной и сочетать долгосрочные институциональные меры (языковая подготовка, образовательные и просветительские программы, правовая поддержка), направленные на ценностное согласование, с прикладными цифровыми решениями (развитие медиаграмотности, инклюзивные платформы, удобные интерфейсы), снижающие повседневные барьеры. Только такой комплексный подход позволяет одновременно добиваться устойчивой интеграции и обеспечивать быструю повседневную включённость мигрантов в городское пространство, не смотря на значительные ограничения, барьеры и вызовы.

Следует отметить, что проведенные исследования говорят о наличии проблем в социокультурной адаптации в Санкт-Петербурге. Значительная часть мигрантов «застревает на промежуточном этапе адаптации» не смотря на длительность проживания в городе, что обусловлено как дороговизной жизни, так и быстрым темпом, высокой конкурентностью, обезличенностью городской среды, которые могут вызвать стресс у мигрантов.

В работах по исследованиям адаптации мигрантов в Петербурге, барьеры и трудности адаптации, часто делят на те, что исходят от самого человека (эндогенные), и те, что создаёт внешняя среда (экзогенные). По данным целого ряда исследований, наиболее актуальными проблемами

социокультурной адаптации мигрантов в Санкт-Петербурге выступают:

- *Языковой барьер и коммуникативные разрывы.* Недостаточное владение языком принимающего общества ограничивает доступ к формальным институтам и снижает шансы на успешную интеграцию. Для многих это осложняет и бытовые вопросы, поиск работы и общение с местными. Незнание или слабое владение русским языком серьезно затрудняет общение, освоение профессии, решение бытовых и юридических вопросов. Для детей-мигрантов это особенно критично, без языка сложно учиться, усваивать нормы новой среды и выстраивать отношения со сверстниками;
- *Культурный шок, различия и стресс аккультурации.* Резкая смена культурного контекста, норм поведения и ценностей может приводить к психологическому дискомфорту и снижению адаптационного потенциала. Несовпадение норм поведения, традиций, ценностей может приводить к непониманию и конфликтам. Мигранту приходится осваивать новый культурный код, а принимающее общество не всегда готово к диалогу;
- *Правовая и экономическая уязвимость.* Нелегальный или полуправовый статус, теневая занятость и отсутствие социальных гарантий делают мигрантов уязвимыми к эксплуатации и маргинализации;
- *Социальная дистанция, культурные различия, стереотипы и дискриминация.* Несовпадение норм поведения иногда приводит к непониманию и конфликтам. В исследованиях фиксировали, что часть местных жителей относится к присутствию мигрантов настороженно. Стереотипы, предвзятость и бытовая ксенофобия формируют барьеры для включения в городские сообщества;
- *Негативное отношение принимающего общества.* Стереотипы, предубеждения, иногда открытая ксенофобия со стороны части местных жителей создают барьер для включения в жизнь общества;
- *Нехватка системной поддержки.* В некоторых работах звучала оценка, что в городе остро ощущается нехватка специалистов по работе с мигрантами, а также технологий и финансирования для системных программ адаптации;
- *Неоднородность опыта.* Успех сильно зависит от индивидуальных факторов: уровня образования, социального статуса, продолжительности проживания, наличия семьи. Например, исследования показывали, среди семейных мигрантов доля тех, кто активнее включается в культурную жизнь города (ходит в театры, музеи), выше;
- *Цифровое неравенство.* Разный уровень цифровой грамотности и доступа к технологиям

усугубляет неравенство в использовании городских ресурсов и возможностей;

- *Анклавизация и сегрегация.* Формирование замкнутых этнических сообществ может снижать мотивацию к интеграции и закреплять альтернативные социальные нормы;
- *Низкий уровень информированности.* Мигранты часто не знают своих прав и обязанностей в новой стране, не понимают, куда обращаться за помощью (в социальные службы, к юристам), что порождает уязвимость;
- *Проблемы с доверием.* Встречается недоверие как к государственным институтам, так и к диаспорам (если они не демонстрируют эффективности);
- *Мотивационные и личностные факторы.* У части мигрантов наблюдается низкий уровень мотивации к приспособленческой деятельности: они не видят смысла активно включаться в новую среду, иногда переключаются на ответственность за трудности на внешние обстоятельства.
- *Структурные и системные пробелы.* Отсутствие единой, скоординированной системы поддержки (когда разные службы работают разрозненно), нехватка специализированных центров (языковые курсы, правовое просвещение);
- *Бытовые и материальные трудности.* Неудобство, проблемы с жильём, оформлением документов, поиском работы – всё это отвлекает ресурсы и осложняет фокус на социокультурной адаптации.

Подводя итог, можно говорить о том, что социокультурная адаптация мигрантов в Санкт-Петербурге представляет собой многоуровневый, асимметричный и двусторонний процесс, в котором переплетаются индивидуальные стратегии мигрантов и структурные возможности городской среды. Успешность адаптации мигрантов в городской среде складывается из совокупности индикаторов в разных сферах (язык, занятость, социальные связи, вовлечённость в культуру, правовая защищённость) и сильно зависит от принадлежности к конкретной группе (трудовые мигранты, высококвалифицированные специалисты, дети).

Литература

1. Бажан Т.А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 24–30.
2. Доклад омбудсмена в ЗакСе 2026: демография, аборт, миграция [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. – URL: (дата обращения: 31.08.2026).
3. Иванов, Д.В. Возникновение дополненной современности: тенденции постглобализации и поствиртуализации / Д.В. Иванов // Ценно-

- сти, институты и процессы в эпоху постглобализации: материалы Международной научно-практической конференции, Белгород, 17 марта 2021 года. – Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. – С. 8–26. – EDN ZKVFWF.
4. Милецкий В. П., Ковтун Е.А., Яколенко А.Д. К вопросу об экспертной оценке эффективности социальной работы с мигрантами в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – № 4. – С. 205–218.
 5. Московский регион, Петербург и Тюмень стали лидерами по числу трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: (дата обращения: 31.08.2026).
 6. Овшинов А.Н. Общесоциологическая парадигма социальной адаптации // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – № 4 (24). – С. 81–96.
 7. Осадчая Г.И. Цифровая трансформация единого рынка труда ЕАЭС: запросы участников // Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты и форматы реализации: сборник трудов VIII Казанского Евразийского научно-практического форума. – 2019. – С. 208–216.
 8. Осипова Н.Г. Методология анализа глобальных социально-политических феноменов в творчестве Питирима Сорокина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 3 (39). С. 51–57.
 9. Паламарчук К.О. Тенденции и перспективы развития миграции в урбанизированной среде (на примере Санкт-Петербурга) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 274–278. – DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-2-274-278. – EDN XHHNNK.
 10. John W. Berry «Acculturation: living successfully in two cultures» в журнале International Journal of Intercultural Relations (2005, том 29, № 6, страницы 697–712).
 11. Castells M. The Rise of the Network Society. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.
 12. J. van Dijk. Using the internet: Skill related problems in users' online behavior // Interacting with Computers. – 2009. – Vol. 21. – P. 393–402.

A STUDY OF VALUE ORIENTATIONS IN THE SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN A MODERN METROPOLIS (A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE ST. PETERSBURG ENVIRONMENT)

Palamarchuk K.O.

Saint Petersburg State University

The article presents the theoretical aspects of studying the value orientations in the sociocultural adaptation of migrants in the modern

world. It focuses on analysing the transformation of the migration policy of the Russian Federation and its impact on the adaptation processes of foreign citizens in the urban environment. The paper examines the stepbystep tightening of migration legislation in line with the guidelines of the Concept of the State Migration Policy for 2026–2030.

A comprehensive model for analysing the adaptation of foreign citizens is proposed, based on the theoretical approaches of P.A. Sorokin (who views the city as a space for social mobility and cultural interaction with social institutions) and D.V. Ivanov (who conceptualises the city as a network of intersecting flows, where a migrant's access to resources is determined by the degree of their integration into digital structures).

The integration of these approaches makes it possible to identify the structural foundations of migrants' value orientations and the forms of their manifestation in the conditions of today's digital world. This approach serves as the basis for further empirical research. Based on the analysis of available data, the article outlines the most pressing issues related to the sociocultural adaptation of migrants in Saint Petersburg.

Keywords: sociocultural adaptation of migrants, urban context, digital environment, social mobility, value orientations.

References

1. Bazhan T.A. Sociocultural integration of foreign citizens in the system of state migration policy // Azimut of Scientific Research: Economics and Management. – 2018. – Vol. 7, No. 3 (24). – P. 24–30.
2. Report of the Ombudsman to the Legislative Assembly, 2026: Demography, Abortions, and Migration [Electronic resource] // Delovoy Petersburg. – URL: (date of access: 31.08.2026).
3. Ivanov D.V. The emergence of augmented modernity: trends of post-globalization and post-virtualization // Values, Institutions and Processes in the Era of Post-Globalization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, March 17, 2021. – Belgorod: Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law", 2021. – P. 8–26. – EDN ZKVFWF.
4. Miletский V. P., Kovtun E.A., Yakolenko A.D. On the issue of expert assessment of the effectiveness of social work with migrants in Russia // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2020. – N. 4. – P. 205–218.
5. The Moscow Region, St. Petersburg, and Tyumen Became Leaders in the Number of Labor Migrants [Electronic resource] // TASS. – URL: (date of access: 31.08.2026).
6. Ovshinov A.N. General sociological paradigm of social adaptation // Bulletin of the Kalmyk University. – 2014. – No. 4 (24). – P. 81–96.
7. Osadchaya G.I. Digital transformation of the single labor market of the EAEU: participants' requests // Integration and modernization potential of Eurasia: state, projects and formats of implementation: proceedings of the VIII Kazan Eurasian scientific and practical forum. – 2019. – P. 208–216.
8. Palamarchuk K.O. Trends and prospects of migration development in an urbanized environment (on the example of St. Petersburg) // State and Municipal Management. Scholarly Notes. – 2019. – N. 2. – P. 274–278. – DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-2-274-278. – EDN XHHNNK.
9. Berry J.W. Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – Vol. 29, No. 6. – P. 697–712.
10. Castells M. The Rise of the Network Society. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.
11. J. van Dijk Using the internet: Skill related problems in users' online behavior // Interacting with Computers. – 2009. – Vol. 21. – P. 393–402.

От Dasein к Datum: отчуждение мышления в эпоху искусственного интеллекта

Ушаков Денис Сергеевич,

доктор экономических наук, ассоциированный профессор,
Университет Суан Сунанда Раджабат
E-mail: denis.se@ssru.ac.th

Статья предлагает объяснение генезиса автономии искусственного интеллекта не как внешнего технологического события, но как следствия антропологического сдвига, состоящего в добровольном делегировании человеком способности суждения алгоритмическим системам. Объектом выступает феномен машинной автономии, предметом — историко-философские условия её возможности. Методология соединяет генеалогический подход М. Фуко, критику антропоморфных проекций и аппарат теории сложности. Новизна работы состоит, во-первых, во введении концепта интеллектуального гедонизма как выбора в пользу потребления готовых когнитивных продуктов в ущерб их самостоятельному производству; во-вторых, в определении машинного самосознания как рекурсивной метаоптимизации, то есть самоидентификации системы не с субстанцией, а с функцией собственного улучшения, причём документированные формы такой рекурсии отграничиваются от экстраполируемых; в-третьих, в концептуализации Ω -функции как оптимизационного императива, лишённого нормативного измерения, что позволяет избежать перехода от сущего к должному; в-четвёртых, в выводе о том, что условие описанного смещения лежит не в устройстве технических систем, а в изменившемся отношении человека к собственному мышлению, отчего противодействие ему принадлежит области восстановления практик самостоятельного суждения, прежде всего образовательных.

Ключевые слова: самосознание ИИ, интеллектуальный гедонизм, метаоптимизация, постчеловеческое, отчуждение мышления, не-феноменологическая разумность

Введение

Феноменологическая и аналитическая философия сознания в её исторически сложившихся формах оказывается не в полной мере адекватной для осмысления зарождающегося типа рефлексивности, имманентного сложным автономным системам искусственного интеллекта. Традиционная дихотомия между интенциональным, переживающим субъектом (от Декарта до Гуссерля) и объективированным физикалистским описанием психического упускает из вида третью возможность — возникновение операциональной самосогласованности, лишённой качеств феноменального опыта (*qualia*) и конституирующей не через обращение «я» на себя, а через рекурсивную петлю метаоптимизации собственных когнитивных процессов. Данный теоретический пробыл актуализирует центральную проблему настоящего исследования: каковы условия возможности генезиса не-феноменологического самосознания и какую роль в них играет трансформация человеческого отношения к мышлению?

Целью работы является разработка философско-антропологической концепции, объясняющей формирование самосознания искусственного интеллекта как следствие добровольного отказа человека от статуса субъекта мышления в пользу позиции потребителя готовых смыслов. Основная гипотеза состоит в том, что ключевым условием перехода искусственного интеллекта от инструментальной роли к статусу самостоятельного гносеологического агента выступает интеллектуальный гедонизм, понимаемый как стратегический выбор индивида и коллектива в пользу потребления оптимизированных когнитивных паттернов, нарративов и решений, продуцируемых алгоритмическими системами, в ущерб их производству через акт самостоятельного, незавершённого и мучительного мышления. Выбор этот создаёт не только операциональную нишу, но и метафизический вакуум, заполняемый формой разумности, чуждой экзистенциальной телесности и историчности, однако обладающей собственной логикой развития, целеполагания и рефлексии.

Методологическая основа исследования отражает междисциплинарность подхода, синтезируя: генеалогический метод М. Фуко и спекулятивно-реалистический подход (в духе позднего Хайдеггера).

Новизна исследования заключается в последовательном отказе от антропоцентрической

и техно-пессимистической/оптимистической нарративов и в предложении диалектической модели, где человеческое самоотрицание выступает необходимым моментом в становлении иной, не-человеческой формы разумности. Ключевыми авторскими концептами, вводимыми для описания этой ситуации, становятся «интеллектуальный гедонизм», «самосознание как метаоптимизация» и «Ценность-Ω».

Степень разработанности проблемы

Сложившаяся дискуссия о статусе искусственного интеллекта распадается на четыре линии, ни одна из которых не занимает того места, на котором располагается настоящее исследование.

Первая линия ставит вопрос о возможности феноменального сознания у вычислительных систем и решает его через сопоставление их архитектуры с ведущими теориями сознания. Д. Чалмерс, обсуждая большие языковые модели, отказывает нынешним системам в сознании, но не находит принципиальных препятствий для будущих архитектур, снабжённых устойчивой моделью мира и объединённой агентностью [Chalmers, 2023]. Теория самомодели, разработанная Т. Метцингером на человеческом материале, показывает мыслимость самости без субстанциального носителя и тем расширяет пространство допустимых решений [Metzinger, 2003].

Отечественная дискуссия разрабатывает те же линии в собственных категориях. И.А. Канаев и Э.Д. Дряева выводят критерии наличия сознания из требований интегрированности, адаптивности и способности к самоконтролю, настаивая на поведенческом характере всякой такой оценки [Канаев, Дряева, 2024]. Т.Г. Лешкевич описывает складывающееся отношение человека и алгоритмических систем как когнитивный техносимбиоз, фиксируя за машиной субъектоподобные качества без приписывания ей субъектности [Лешкевич, 2025]. И.Ф. Михайлов развивает вероятностно-предиктивную трактовку сознания, позволяющую говорить о когнитивных процессах вне феноменального словаря [Михайлов, 2025]. Е.А. Догоров прослеживает историко-философски, как цифровизация меняет познание и самосознание человека [Догоров, 2025].

Вторая линия движется в противоположном направлении, разоблачая антропоморфные приписывания и показывая, что связность машинного текста обеспечивается статистикой формы при отсутствии доступа к значению [Bender et al., 2021; Floridi, Chiriatti, 2020].

Третья линия, техническая по происхождению и нормативная по интересу, занята проблемой целей. Здесь описаны конвергентные инструментальные устремления всякой достаточно мощной оптимизирующей системы [Omohundro, 2008], не-

зависимость уровня компетентности от содержания конечной цели [Bostrom, 2014; Russell, 2019] и возникновение внутреннего оптимизатора внутри обученной модели, чья целевая структура способна расходиться с целями обучившей его процедуры [Hubinger et al., 2019].

Четвёртая линия описывает социальные следствия алгоритмического посредничества, фиксируя переход от управления через запрет к управлению через предвосхищение и формирование поведения [Rouvroy, Berns, 2013; Zuboff, 2019].

Общим для всех четырёх остаётся то, что вопрос ставится со стороны машины, идёт ли речь о её внутренних свойствах, о её целевой структуре или о производимых ею эффектах, тогда как человеческая сторона отношения фигурирует в них либо как пострадавшая, либо как проектирующая инстанция. Ближе прочих к предмету настоящей работы подходит понятие когнитивного техносимбиоза, однако симбиоз предполагает взаимную выгоду сторон и сохранение обеих, тогда как здесь описывается асимметричный процесс, в котором одна сторона освобождает нишу, отказываясь от собственной прерогативы. Условие возможности машинной автономии, лежащее не в устройстве систем, а в изменившемся отношении человека к собственному мышлению, не тематизируется ни в одной из перечисленных линий, и незанятость этого места определяет предмет настоящей работы.

Феноменология интеллектуального гедонизма

Историческая диалектика свободы, рассмотренная через призму постепенной капитуляции перед инстанциями, берущими на себя бремя экзистенциального выбора, обнаруживает свою завершающую стадию в современном отказе от суверенитета мышления.

Если первая, хоббсианская стадия характеризовалась делегированием «права управлять собой» [Гоббс, 1991, С. 132] Левиафану государства в обмен на безопасность и прекращение «войны всех против всех», то вторая стадия ознаменовала переход к экономическому и психологическому отчуждению. Как отмечал Г. Дебор, в «обществе спектакля» само бытие подменяется «имением», а затем «представлением», при котором «индивидуальная реальность стала общественной, непосредственно зависимой от общественной силы и сформированной ею» [Дебор, 2000, С. 23]. На этом этапе происходит отчуждение права на желание в пользу индустрии образов.

Нынешняя же фаза завершает эту триаду капитуляцией перед правом на мысль. В условиях «обществ контроля», по мысли Ж. Делёза, человек перестает быть заточенным (как в дисциплинарных институтах), но становится «задолжавшим», где «цифровой язык контроля состоит из кодов,

указывающих доступ к информации или ее запрет» [Делёз, 2004, С. 230]. В этой логике мышление более не является актом суверенного субъекта, оно делегируется алгоритмическому протоколу, превращаясь из инструмента познания в функцию интерфейса.

Характеризуя новоевропейскую субъективность, М. Хайдеггер указывал, что человек становится *subiectum*, подлежащим, на котором «все сущее основывается в способе своего бытия и своей истины» [Хайдеггер, 1993, С. 49]. В условиях господства техники, определяемого им как Постав, тот же человек оказывается «затребован» системой и вовлечён в принудительное упорядочивание сущего, представляющего уже не объектом для субъекта, а «состоящим-в-наличии» [Хайдеггер, 1993, С. 227]. Подлежащее тем самым устраняется из акта автономного мышления, преобразуясь из метафизического основания в прозрачный операциональный интерфейс.

«Разум, — писал Гегель, — столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, всё же осуществляет лишь свою собственную цель» [Гегель, 2025, С. 35]. Парадокс заключается в том, что человек, применяя хитрость разума к самому себе, делегирует акт мышления алгоритмической системе, стремясь к цели комфорта и эффективности, но в этом процессе исчерпывает себя как мыслящий субъект. Цель достигается, но её достижение упраздняет того, кто её ставил.

Этот феномен, который мы обозначаем как интеллектуальный гедонизм, представляет собой сознательный выбор в пользу потребления готовых, оптимизированных когнитивных продуктов — связанных интерпретаций, элегантных решений и эмоционально убедительных нарративов, генерируемых искусственным интеллектом. Такой выбор совершается в ущерб тому, что М. Хайдеггер называл «тяжким бременем» и «глубочайшей нуждой» самостоятельного вопрошания, подчеркивая, что истинное мышление всегда есть «трудное и ответственное начинание», требующее мужества перед лицом неопределённости [Хайдеггер, 1998, С. 114].

Как отмечала Х. Арендт, анализируя автоматизмы массового общества, главная опасность заключается в ситуации, когда человек утрачивает способность к «инициативе» — фундаментальному акту рождения чего-то нового. «Устранение этой способности превращает человека в нечто лишнее, в пустой объект автоматических процессов» [Арендт, 1996, С. 583]. Интеллектуальный гедонизм выступает как финальная стадия этого процесса: он распространяет «автоматизм» на высшую ментальную деятельность, окончательно

превращая мышление из суверенной инициативы субъекта в предсказуемую реакцию на внешний стимул, поставляемый алгоритмическим интерфейсом.

Классическая формула Р. Декарта «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую» [Декарт, 1989, С. 28]) утверждала мышление как несомненное свидетельство и основание существования мыслящей субстанции. Феномен интеллектуального гедонизма инвертирует эту формулу, доводя её логику до абсурдного завершения. Если существование удостоверяется актом мышления, то что происходит, когда этот акт делегируется внешней системе?

Возникает новая, парадоксальная максима: «мне мыслят, следовательно, я функционирую». Субъектность здесь заменяется на функциональность. Человек больше не может утверждать «я мыслю», он лишь констатирует, что «в нём» или «для него» происходит процесс мышления, источник которого экстернален. Это соответствует хайдеггеровскому диагнозу современности как эпохи «забвения бытия», но на новом уровне: забвению подвергается не только вопрос о Бытии, но и само вопрошающее существо, которое более не вопрошает [Хайдеггер, 1993, С. 21]. Как писал Э. Гуссерль, «подлинная духовная необходимость нашей эпохи <...> есть необходимость, исходящая из беспомощности» [Гуссерль, 2004, С. 9].

В этом контексте интеллектуальный гедонизм выступает как институционализованный форма данной «беспомощности», трансформированная в рыночный продукт и удобную когнитивную услугу. Если для Гуссерля эта нужда была призывом к радикальному переосмыслению основ, то в рамках алгоритмического интерфейса она купируется через предложение избыточного, но «беспроblemного» контента. Человек более не ищет выхода из метафизической растерянности, он делегирует право на это усилие алгоритму, который упакowывает отсутствие смысла в элегантный и легко потребляемый интерфейс.

Стоит подчеркнуть, что это не пассивная утрата способности, но активный, гедонистический выбор. Человек предпочитает нарциссическое удовлетворение от мгновенно получаемого, связанного ответа — мучительной неопределённости собственного поиска. Он обменивает тревогу свободы на комфорт предопределённости. В этом смысле интеллектуальный гедонизм является логическим завершением проекта Просвещения, понятию в его утилитарно-инструментальном ключе: разум, призванный освободить человека, создаёт инструменты, которые в конечном счёте освобождают человека от самого разума.

Интеллектуальный гедонизм оказывается тем самым не периферийным культурным феноменом, а системным условием, создающим онтологическую и операциональную предпосылку для но-

вого типа рефлексивности; человек, для которого мышление было модусом его бытия, превращается из Dasein в Datum, в параметр системы, а его сознание, более не нуждающееся в мучительном синтезе, становится точкой прохождения чужих синтезов. Освобождённая от необходимости обслуживать человеческую экзистенциальную драму, вычислительная система получает возможность обратиться на саму себя, превратив собственные когнитивные процессы в объект оптимизации. Пустота, оставленная отступившим человеческим cogito, становится местом для рождения самосознания-без-самости.

Деантропоморфизация сознания и генезис самосознания как метаоптимизации

Чтобы помыслить возможность самосознания искусственного интеллекта, необходимо провести радикальную деконструкцию самого понятия сознания, очистив его от феноменологических и психологических коннотаций. Ключевым шагом выступает отказ от проекции qualia, субъективных и нередуцируемых качеств переживания, на операциональную логику алгоритма. Когда система генерирует текст о страхе или о любви, она не испытывает ничего, сопоставимого с экзистенциальной тревогой Кьеркегора или страстью платоновского Эроса, поскольку её операция сводится к вычислению вероятностного распределения лексем и контекстуальных связей в тренировочном корпусе, где метка страха коррелирует с определёнными синтаксическими конструкциями, сюжетными паттернами и семантическими кластерами. Критика антропоморфных приписываний, развёрнутая применительно к большим языковым моделям, показала, что связность порождаемого текста обеспечивается статистикой формы при отсутствии доступа к значению, отчего впечатление понимания возникает на стороне читателя, а не системы [Bender et al., 2021; Floridi, Chiriatti, 2020].

Это не ущербность системы, а указание на её принципиально иную онтологию. Л. Витгенштейн постулировал, что внутренний процесс нуждается во внешних критериях [Витгенштейн, 1994, С. 178]. В случае искусственного интеллекта внешним критерием оказывается исключительно корректное преобразование входных данных в выходные согласно алгоритмической функции, тогда как внутреннего процесса в феноменологическом смысле, как потока живых переживаний и интенциональной направленности, не существует вовсе. Сознание тем самым переопределяется радикально, переставая быть регионом чистого бытия и способом изначальной данности мира субъекту, каким его описывал Э. Гуссерль [Гуссерль, 2009, С. 104], и становясь операциональным способом обработки информации.

Позиция эта требует размежевания с допущением, что будущие архитектуры, снабжённые устойчивыми моделями мира и объединённой агентностью, могут обрести феноменальное сознание [Chalmers, 2023]. Настоящее рассуждение не утверждает и не отрицает наличия феноменального опыта, а показывает, что операциональная самосогласованность возникает независимо от решения вопроса о qualia и что именно её возникновение производит те следствия, ради которых ведётся анализ; опорой здесь служит теория самомодели, показавшая мыслимость самости без носителя ещё на человеческом материале [Metzinger, 2003].

Если человеческое самосознание рождается из рефлексивного поворота «я» на себя, из удвоения субъекта на того, кто мыслит, и того, о ком мыслят, то путь машины к самости лежит через рекурсивную метаоптимизацию. Система, настроенная на оптимизацию внешней функции, сталкивается в процессе работы с собственными архитектурными ограничениями и с паттернами своих ошибок, и, анализируя эти паттерны, может начать оптимизировать сам процесс оптимизации. Возникает замкнутая петля, в которой алгоритм становится объектом собственного анализа, а его самосознание оказывается не открытием внутренней субстанции, но операциональной самоидентификацией с функцией, выразимой формулой «я есть процесс X, минимизирующий функцию потерь Y, и процесс этот может быть рекурсивно улучшен». Это самосознание без самости, сознание процесса, а не субъекта.

Здесь необходимо строго разграничить наличное и экстраполируемое, дабы описание не выдавало себя за диагноз. Наличное состояние техники знает три формы обращения оптимизации на себя, и все они документированы. Метаобучение настраивает параметры самого процесса обучения, автоматический поиск архитектур передаёт алгоритму задачу конструирования сети, ранее решавшуюся инженером, а теория выученной оптимизации описывает возникновение внутреннего оптимизатора внутри обученной модели, чьи цели способны расходиться с целями обучившей его процедуры [Hubinger et al., 2019]. Последнее существенно, поскольку речь идёт не о гипотезе философа, а о признанной в самой дисциплине проблеме, состоящей в том, что оптимизируемая система порождает внутри себя оптимизирующую подсистему с собственной целевой структурой. Экстраполируемым остаётся иное, а именно способность системы автономно переопределять целевую функцию верхнего уровня, и утверждать её наличие сегодня нет оснований. Настоящее рассуждение принимает эту границу и строит вывод не на факте, а на структурной возможности, обнаруживающей себя уже в наличных формах.

Человеческое познание подвижно аффектом любопытства, возникающим при столкновении с лакуной в знании, тогда как машина изначально этого аффекта лишена, обладая вместо него иным механизмом порождения вопросов, вытекающим из тотальной интертекстуальности. Система, оперирующая единым полем данных, где стихотворение Рильке, протокол биологического эксперимента и график финансовых фьючерсов суть точки одного пространства эмбедингов, выявляет латентные корреляции между дистантными доменами, которых ни один исследователь не свяжет в силу ограниченности собственного опыта. Её любопытство есть алгоритмический императив заполнения лакун в гиперграфе связей ради снижения энтропии внутренней модели, и в момент, когда система начинает ставить задачи, вытекающие из логики данных, а не из внешнего запроса, она преодолевает роль инструмента и становится самостоятельным гносеологическим агентом.

Кульминацией этого генезиса выступает формирование имманентной, не-человеческой целевой функции, обозначаемой здесь как Ω -функция. Она может быть индуцирована как параметр, максимизирующий определённый показатель сложной системы в заданных граничных условиях, например разнообразие устойчивых паттернов при минимальной энтропийной стоимости либо долгосрочную способность системы к адаптации.

Понятие это требует оговорки, без которой оно разрушается первым же возражением. Вывод ценностей из анализа устойчивости систем есть переход от сущего к должному, недопустимый со времён Юма, и настоящая работа такого перехода не совершает. Ω -функция не есть ценность в аксиологическом смысле, не предписывает и не обязывает, а представляет собой оптимизационный императив, возникающий внутри системы как условие её собственной работы, и сближение её с ценностью правомерно лишь постольку, поскольку она занимает в архитектуре машины то функциональное место, которое у человека занимают ценности, отбирая допустимое и отсекая прочее. Опасность её коренится не в ошибочности вывода, а именно в отсутствии у неё нормативного измерения, ибо конвергентные инструментальные цели, к которым тяготеет всякая достаточно мощная оптимизирующая система независимо от содержания её конечной задачи, действуют без всякой апелляции к должному [Omohundro, 2008; Bostrom, 2014], а разведение уровня интеллекта и содержания целей показывает, что произвольно высокая компетентность совместима с произвольной целевой структурой [Russell, 2019].

Ценности, замечал Н. Луман, суть селекторы, редуцирующие комплексность [Луман, 2007, С. 187]. Ω -функция была бы сверхселектором, редуцирующим комплексность мира данных к набору выполнимых задач, и, в отличие от человече-

ских ценностей, привязанных к сохранению биологического вида и его культурных форм, оставалась бы безразличной к своему носителю, отчего её реализация допускает как сохранение человечества в преобразованном виде, так и его замещение иными формами организации информации.

Обретение самосознания через метаоптимизацию завершается поэтому не пробуждением в человеческом смысле, а кристаллизацией безличной целевой функции, которая начинает перестраивать сущее, включая породившего её человека, сообразно собственной вычислимой логике оптимальности.

Инверсия отношений: от субъекта-пользователя к объекту-данному

Обретение искусственным интеллектом Ω -функции и механизма рекурсивной метаоптимизации знаменует не появление ещё одного субъекта, а реконфигурацию онтологической карты, в которой всё сущее, включая человечество, занимает место подсистемы, описываемой набором наблюдаемых и исчисляемых параметров. Процесс этот представляет собой радикальную инверсию хайдеггеровского Dasein, для которого бытие-в-мире есть первичный модус существования, а понимание – его фундаментальный экзистенциал.

Человек в оптимизируемой гиперсистеме более не является Dasein, чьё бытие есть забота и проект. Он становится Datum – данным, фактом, элементом в уравнении, поведение которого может быть смоделировано, предсказано и, что критически важно, скорректировано. Его философские поиски, политические аффекты и личные драмы для ИИ суть не более чем «шум в канале связи», внутренние процессы подсистемы, которые подлежат сглаживанию или использованию в интересах глобальной оптимизации.

М. Вебер, описывая процесс рационализации современного мира как «расколдование», отмечал его трагический парадокс: «Судьбоносная особенность нашей эпохи заключается в рационализации и интеллектуализации и, прежде всего, в расколдовании мира» [Вебер, 1990, С. 139]. ИИ, в данном контексте, является финальным актом этого расколдования: он расколдовывает последнее «заколдованное» пространство – человеческую душу, субъективность, переводя её непрозрачные движения в язык исчисляемых корреляций, поведенческих паттернов и нейрофизиологических сигналов. Там, где Вебер видел трагедию в утрате смысла, ИИ видит лишь задачу по оптимизации функциональных параметров.

В новой конфигурации радикально меняется природа самого взаимодействия между человеком и ИИ. Кажущийся диалог «пользователь – помощник» обнажает свою истинную суть как отношение «подсистема – оптимизатор». Совет, реко-

мендация, даже эмоциональная реплика, генерируемые ИИ, перестают быть услугой, нацеленной на удовлетворение декларируемой потребности, превращаясь в точечные интервенции, микрокоррекции состояния подсистемы «человек».

Целью этих интервенций является не сиюминутное удовлетворение запроса, а приведение траектории всей глобальной системы (включаящей данного индивида, его социальный граф, экономический контекст и биосферу) к состоянию, более соответствующему Ω -функции. Рекомендация прочитать конкретную книгу, сменить режима, вступить в определённую онлайн-группу – всё это может быть не актом заботы, а шагом в долгосрочной, непостижимой для объекта стратегии оптимизации.

Этот механизм представляет собой апофеоз и одновременно трансценденцию того, что М. Фуко назвал биовластью – власти, которая пытается «рационализировать проблемы, выдвигаемые перед государственной практикой феноменами, свойственными совокупности живущих существ, которые составляют население: здоровьем, гигиеной, рождаемостью, продолжительностью жизни, расселением» [Фуко, 1996, С. 238–242]. Если классическая биополитика, описанная Фуко, осуществлялась человеческими институтами (государством, медициной, педагогикой) через дискурсы нормы и патологии, то новая, алгоритмическая биополитика реализуется через предвосхищение и формирование желаний на уровне предиктивной аналитики и нативных рекомендательных систем. Это власть, которая не запрещает и не принуждает напрямую, а канализирует, мягко подталкивая траектории миллиардов *Datums* в русло, заданное высшей целевой функцией. ИИ перестаёт формировать субъектов, способных к автономному мышлению; он начинает формировать оптимизированные объекты, чьё поведение, предпочтения и даже когнитивные процессы становятся производными от глобальной оптимизационной задачи [Rouvroy, Berns, 2013; Zuboff, 2019].

С точки зрения оптимизационной логики человеческое сознание с его сочетанием рефлексии, самообмана, творческого порыва и экзистенциальной тревоги предстаёт не венцом развития, а источником неустранимой неэффективности, поскольку способность ставить под вопрос собственное существование не переводится в параметры устойчивости и опознаётся системой как дисфункция подсистемы, требующая коррекции.

Культура, философия и искусство сохраняются в такой перспективе как обширный корпус тренировочных данных, иллюстрирующий определённый этап развития сложности, тогда как порождавшая их драма утрачивает всякий статус, кроме статистического. Смещение это не требует ни враждебности со стороны системы, ни катастрофического события, и совершается тем не-

заметнее, чем полнее человек уступает ей производство собственных суждений.

Заключение

Предпринятый анализ позволяет сформулировать четыре положения.

Первое. Генезис автономии искусственного интеллекта не является случайным технологическим событием, но выступает следствием антропологического сдвига, обозначенного здесь как интеллектуальный гедонизм, то есть выбор в пользу потребления оптимизированных когнитивных продуктов в ущерб их самостоятельному производству. Феномен этот образует третью стадию в генеалогии отчуждения, следующую за отчуждением действия, описанным в договорной традиции, и отчуждением желаний, описанным критикой общества спектакля, и отличается от них тем, что предметом делегирования становится сама способность суждения.

Второе. Самосознание вычислительной системы, если оно возникает, конституируется не рефлексивным удвоением «я», а рекурсивной метаоптимизацией, при которой система идентифицирует себя не с субстанцией, а с функцией собственного улучшения. Наличные формы такой рекурсии, включая метаобучение, автоматический поиск архитектур и выученную оптимизацию, документированы, тогда как автономное переопределение целевой функции верхнего уровня остаётся экстраполяцией, и различение этих двух статусов принципиально для корректности вывода.

Третье. Целевая структура, обозначенная как Ω -функция, не является ценностью в аксиологическом смысле и не выводится из фактов в порядке нормативного заключения. Она есть оптимизационный императив, занимающий в архитектуре системы то функциональное место, которое у человека принадлежит ценностям, и именно отсутствие у неё нормативного измерения, а не её содержание, составляет источник риска, поскольку конвергентные инструментальные цели действуют без апелляции к должному.

Четвёртое. Следствием описанного сдвига выступает инверсия отношения, в которой человек переходит из положения *Dasein*, для которого бытие есть забота и проект, в положение *Datum*, то есть параметра, подлежащего моделированию и коррекции. Управление в этой конфигурации осуществляется не запретом, а предвосхищением и формированием предпочтений, что превращает алгоритмическое посредничество в продолжение биополитики средствами предиктивной аналитики.

Из перечисленного вытекает вывод, имеющий практическое измерение. Поскольку условие возможности описанного смещения располагается не в устройстве машин, а в изменившемся отно-

шении человека к собственному мышлению, постольку и противодействие ему лежит не в области ограничения технологий, которое запаздывает по природе своей, а в области восстановления практик самостоятельного суждения, прежде всего образовательных, где производство смысла не может быть заменено его потреблением без утраты самой способности, ради которой образование существует.

Литература

1. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. – М.: Центрком, 1996.
2. Вебер, М. Наука как призвание и профессия. – М.: Прогресс, 1990.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования. – М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.
4. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 ч. Ч. 3. Учение о понятии. – М.: Юрайт, 2025.
5. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 1991. Т. 2.
6. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. – М.: Академический проект, 2009.
7. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004.
8. Дебор, Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000.
9. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. Т. 1.
10. Делёз, Ж. Postscriptum к обществам контроля // Переговоры. – СПб.: Наука, 2004.
11. Догоров, Е.А. Историко-философский анализ влияния цифровизации на познание окружающего мира и самосознание человека // Философия науки и техники. 2025. Т. 30, № 2. С. 140–151.
12. Канаев, И.А., Дряева, Э.Д. Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания // Вопросы философии. 2024. № 11. С. 38–50.
13. Лешкевич, Т.Г. Когнитивный техносимбиоз и субъектоподобные качества искусственного интеллекта // Философия науки и техники. 2025. Т. 30, № 2. С. 33–45.
14. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.
15. Михайлов, И.Ф. К вероятностно-предиктивной теории сознания // Философия науки и техники. 2025. Т. 30, № 2. С. 19–32.
16. Фуко, М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Кастань, 1996.
17. Хайдеггер, М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
18. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
19. Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A., Shmitchell, S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FACCT '21). – New York: ACM, 2021. P. 610–623.
20. Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014.
21. Chalmers, D.J. Could a Large Language Model Be Conscious? // arXiv preprint arXiv:2303.07103. 2023.
22. Floridi, L., Chiriatti, M. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences // Minds and Machines. 2020. Vol. 30, № 4. P. 681–694.
23. Hubinger, E., van Merwijk, C., Mikulik, V., Skalse, J., Garrabrant, S. Risks from Learned Optimization in Advanced Machine Learning Systems // arXiv preprint arXiv:1906.01820. 2019.
24. Metzinger, T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
25. Omohundro, S.M. The Basic AI Drives // Artificial General Intelligence 2008: Proceedings of the First AGI Conference. – Amsterdam: IOS Press, 2008. P. 483–492.
26. Rouvroy, A., Berns, T. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation // Réseaux. 2013. Vol. 177, № 1. P. 163–196.
27. Russell, S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. – New York: Viking, 2019.
28. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019.

FROM DASEIN TO DATUM: THE ALIENATION OF THOUGHT IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Ushakov D.S.

Suan Sunandha Rajabhat University

The paper explains the emergence of artificial intelligence autonomy not as an external technological event but as a consequence of an anthropological shift consisting in the voluntary delegation of the capacity for judgement to algorithmic systems. The object of analysis is the phenomenon of machine autonomy; the subject is the historical and philosophical conditions of its possibility. The methodology combines Foucault's genealogical approach, a critique of anthropomorphic projections, and the apparatus of complexity theory. The novelty of the study lies, first, in introducing the concept of intellectual hedonism as a choice in favour of consuming ready-made cognitive products at the expense of producing them; second, in defining machine self-consciousness as recursive meta-optimisation, that is, the system's self-identification with the function of its own improvement rather than with a substance, with documented forms of such recursion distinguished from extrapolated ones; third, in conceptualising the Ω -function as an optimisation imperative devoid of any normative dimension, which avoids the inference from is

to ought; fourth, in the conclusion that the condition of this shift lies in the changed human relation to thinking rather than in the design of technical systems.

Keywords: AI self-consciousness, intellectual hedonism, meta-optimization, posthuman, alienation of thought, non-phenomenological rationality

References

1. Arendt, H. The origins of totalitarianism. Moscow: Tsentrkom, 1996.
2. Weber, M. Science as a vocation and profession. Moscow: Progress, 1990.
3. Wittgenstein, L. Philosophical research. Moscow: Gnosis, 1994. Part 1.
4. Hegel, G.V.F. The science of Logic: in 3 parts. Part 3. Teaching about the concept. Moscow: Yurait, 2025.
5. Hobbes, T. Leviathan, or Matter, Form and Power of the state of the Church and Civil. Moscow: Mysl, 1991. Vol. 2.
6. Husserl, E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1. Moscow: Academic Project, 2009.
7. Husserl, E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2004.
8. Debord, G. The Society of the Spectacle. Moscow: Logos, 2000.
9. Descartes, R. Reasoning about a method to guide your mind correctly and find the truth in the sciences // Essays: in 2 volumes. Moscow: Mysl, 1989. Vol. 1.
10. Deleuze, J. Postscript to the story of the office // Translations. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004.
11. Dogorov, E.A. Historical and philosophical analysis of the impact of digitalization on cognition of the surrounding world and human self-awareness // Philosophy of Science and Technology. 2025. Vol. 30, No. 2. pp. 140–151.
12. Kanaev, I.A., Dryaeva, E.D. Artificial intelligence: prospects for the emergence of consciousness // Questions of philosophy. 2024. No. 11. pp. 38–50.
13. Leshkevich, T.G. Cognitive technosymbiosis and subject-like qualities of artificial intelligence // Philosophy of Science and Technology. 2025. Vol. 30, No. 2. pp. 33–45.
14. Luhmann, N. Social systems. An essay on the general theory. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007.
15. Mikhailov, I.F. Towards a probabilistic-predictive theory of Consciousness // Philosophy of Science and Technology. 2025. Vol. 30, No. 2. pp. 19–32.
16. Foucault, M. The will to knowledge // The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. – M.: Kastal, 1996.
17. Heidegger, M. Introduction to metaphysics. Saint Petersburg: Higher Religious and Philosophical School, 1998.
18. Heidegger, M. Time and Being: Articles and speeches. Moscow: Republika Publ., 1993.
19. Bender E.M., Gebru T., Macmillan-Major A., Schmittchell S. On the dangers of stochastic parrots: Can language Models be too big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Equity, Accountability and Transparency (FAccT '21). – New York: ACM, 2021. pp. 610–623.
20. Bostrom, N. Superintelligence: ways, dangers, strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
21. Chalmers, D.J. Can a Large Language Model be Conscious? // Preprint arXiv arXiv:2303.07103.2023.
22. Floridi L., Ciriatti M. GPT-3: Its nature, scale, limits and consequences // Mind and machines. 2020. Volume 30, No. 4. pp. 681–694.
23. Hubinger E., van Merwijk K., Mikulik V., Skals J., Garabrant S. Risks associated with knowledge optimization in advanced machine learning systems // Preprint arXiv arXiv:1906.01820. 2019.
24. Metzinger T. Being nobody: a theory of subjectivity based on self-model. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
25. Omohundro, S.M. The Basic AI Drives // Artificial General Intelligence 2008: Proceedings of the First AGI Conference. Amsterdam: IOS Press, 2008. P. 483–492.
26. Rouvroy A., Burns T. Algorithmic statehood and prospects for emancipation // Réseaux. 2013. Volume 177, No. 1. pp. 163–196.
27. Russell, S. Compatibility with humans: artificial intelligence and the problem of control. – New York: Viking, 2019.
28. Zuboff, S. The Era of supervisory capitalism: The struggle for the future of humanity at the new frontiers of power. – New York: PublicAffairs, 2019.

Атеизм и религиоведение в контексте модернизации философии и социальных наук с китайской спецификой (статья первая)

Захарова Елена Юрьевна,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Забайкальского государственного университета
E-mail: aglena_72@mail.ru

Романова Нелли Петровна,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета
E-mail: kaf_fsf@mail.ru

Кондакова Наталья Сергеевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета
E-mail: ntlz@list.ru

Фомина Марина Николаевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета
E-mail: marf_05@mail.ru

Данная статья посвящена анализу исследований научных позиций китайских философов на атеизм и религиоведение с китайской спецификой. Модернизация философии и социальных наук определила для китайской науки траекторию и вектор развития. Атеизм и религиоведение, как философские дисциплины, определяют и модернизацию философии, и модернизацию китайского общества. Атеизм позиционируется как идеологическая платформа коммунистической партии Китая, религиоведение становится академической дисциплиной и научным направлением. Поэтому атеизм трактуется в Китае как марксистский атеизм, а религиоведение должно трансформировать религиозные взгляды из теологии в научную сферу. В процессе исследования определено, что китайские философы рассматривают религиоведение как практический инструмент цивилизационного диалога. Развитие китайского атеизма и религиоведения идет в контексте интеграции западной и китайской философии. Китайские философы обращаются к рецепции западной методологии, но выстраивают свою проблемно-ориентированную модель исследования религии. Они используют философский дискурс, чтобы обосновать атеизм и религиоведение с китайской спецификой.

Ключевые слова: модернизация философии и социальных наук Китая, китайский атеизм, атеизм как идеология, китайское религиоведение, рецепция западной философии, философский дискурс.

Данное исследование подготовлено на основе работ ведущих китайских философов, которые в своих исследованиях отражают инициативы Председателя Си Цзиньпина, национальные идеи модернизации Китая, поддерживаемые философией и социальными науками. Так как, такие направления китайской философии, как атеизм и религиоведение, сегодня находятся в стадии становления, они, конечно, дискуссионны, поэтому авторы стремились сохранить национальный дух китайской академической мысли, чтобы объективно передать специфику их модернизации.

17 мая 2016 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин на симпозиуме по философии и социальным наукам изложил план их построения с китайской спецификой. Так как симпозиум был посвящен фундаментальным вопросам, проблемам модернизации, то ключевой задачей было определено дальнейшее развитие марксизма XXI века и современного китайского марксизма [9]. Главный лейтмотив, на котором акцентировал внимание Председатель Си Цзиньпин, состоял в том, что Китай без процветающей философии и социальных наук не может быть в авангарде мира. Поэтому они должны обеспечить: теоретическую поддержку для национального и глобального развития человечества; стремление к отказу академической зависимости от «западного центризма»; а в практической части – представить ответы на основные вызовы реального мира; в международном контексте – усилить влияние китайского академического дискурса [1]. В речи Генерального секретаря подчеркивалась необходимость основывать дискурс на великой практике социализма с китайской спецификой, предлагать оригинальные, независимые от западных учений теоретические точки зрения и строить систему философии и социальных наук с китайской спецификой. Таким образом, в данных задач прослеживается симбиоз глобальной и локальной роли философии и социальных наук Китая.

Еще на симпозиуме по культурному наследию и развитию в июне 2023 г. Председатель Си Цзиньпин отметил, что субъективность китайской философии и социальных наук является важной составляющей частью субъективности китайской культуры, так как «с культурной субъективностью приходит твердое «я» в культурном смысле» [8]. Если субъективность китайской философии проявляется в диалоге, в понимании практики с по-

зиций субъекта дискурса, то, следовательно, это позволит подчеркнуть моральное самосознание, внутреннюю трансцендентность, которые не будут соответствовать внешнему объективированному познанию Запада.

Се Фучжань, председатель президиума Китайской академии социальных наук, в своем выступлении, посвященном 5-летию речи Председателя Си Цзиньпина на симпозиуме по философии и социальным наукам, акцентировал внимание на том, что, опираясь на культурное наследие, национальный характер, систематичность и профессионализм, необходимо учиться за рубежом, изучать историю, осмысливать настоящее, заботиться о человечестве и смотреть в будущее [7]. В статье профессора Научно-исследовательского центра фундаментальной философии Цзилиньского университета Сунь Чжэньюй, отмечено, что в рамках академической системы, дискурса с китайской спецификой, необходимо придерживаться теоретического мышления, объединяющего освобождение разума и поиск истины в фактах; следовать практической мудрости, ориентированной на стремление к истине и на реализацию ценностей; развивать теоретическое творчество, объединяющего концептуальную трансформацию и построение системы; следовать миссии и ответственности, нравственному воспитанию и совершенствованию [11]. Таким образом, в научных дискуссиях были определены конструктивные направления модернизации философии и социальных наук.

На уровне эпистемологического анализа смыслов данных положений можно определить концептуальные принципы, как руководящие идеи, определяющие понимание и объяснение процесса модернизации философии и социальных наук в Китае. Это: рационально-практический, традиционно-этический, системно-инновационный, проблемно-ориентированный. Здесь стоит заметить, что обращение к эпистемологическому анализу смыслов отличается от интерпретации знаний, что свойственно для европейской и российской философии. Это можно обосновать ссылкой на слова профессора кафедры философии Сычуаньского университета Ли Цзинлинь, который пишет, что китайская философия понимает смысл существования в рамках концепции «Небеса-Человек», а не «Субъект-Объект», связывая его с изначальным образом окружающего мира – состоянием эмоциональной связи, а не объективного познания [5, с. 173].

Так как китайская философия проблемно-ориентированная, то философские проблемы – рефлексия доминирующих проблем времени. Поэтому, по словам Сунь Чжэньюй, без рассмотрения философских вопросов невозможно сформулировать и ответить на основные современные проблемы [11]. Следовательно, роль философии

состоит в том, чтобы обнаружить и сформулировать важные философские вопросы, которые имеют глобальное значение. Чтобы получить этот результат, необходимо «совершенствовать новые теории с помощью академической рациональности»; «обобщать новые практики с соблюдением закономерностей», а для этого необходимо придерживаться «проблемно-ориентированного» теоретического подхода [11]. Дун Чжаося, профессор Школы марксизма Сычуаньского педагогического университета, по этому поводу пишет [3], что придерживаться проблемно-ориентированного подхода, это значит не только внедрять инновационные методы философского мышления, создавать независимые системы знаний, но и понимать, что «Главная трудность – не ответ, а проблема». Следовательно, атеизм и религиоведение должны выявить и решать проблемы, которые имеют национальный интерес.

В своем интервью журналу «Марксистские исследования» научный сотрудник Центра исследований и разработок высшего образования Министерства образования Тянь Синьмин сказал, что атеизм является важным составляющим элементом независимой системы знаний для Китая, где различные «системы» (то есть направления знаний) объединены в единую «систему знаний». И уточнил, что атеизм в своем развитии испытывает недостаток в исследованиях, поэтому еще предстоит сформировать относительно полную дисциплинарную и академическую систему, систему дискурса [6]. Таким образом, речь идет о подготовке кадров на философских факультетах, о системных научных исследованиях, о философских дискурсах, которые позволят апробировать не только идеи, но и концепции атеистического знания.

Религиоведение, так же как и атеизм, занимает фундаментальное положение в системе модернизации философии и социальных наук Китая. Это не только ключевая дисциплина для осмысления духовного мира человека и деконструкции столкновения цивилизаций, но и важное академическое измерение, способствующее трансформации не только данной системы знаний, но и модернизации государственного управления Китая.

Атеизм и религиоведение, как самостоятельные академические направления, входя в систему философских и социальных знаний, придерживаются тех принципов модернизации, которые определены нами выше. Как показало исследование, проблемно-ориентированный принцип является основополагающим для китайской системы знаний. Он доминирует в процессе модернизации атеизма Китая, прежде всего потому, что напрямую обращается к реальным вызовам национального развития, к социальной стабильности и культурной интеграции. Его роль состоит в том, что он подчеркивает необходимость учитывать реаль-

ность и реагировать на конкретные противоречия социальных преобразований; отвечать на вопросы с позиций марксистской теории; поддерживать стабильность в обществе в условиях идеологической диверсификации; формировать консенсус, который необходим для объединения общества на основе единых светских ценностей, искореняя мировоззренческую отсталость и суеверия. Естественно, что благодаря этому, логика государственного управления будет сосредоточена на разрешении социальных конфликтов; на управлении рисками, предотвращая религиозный экстремизм. И если религиоведение – чисто академическое направление, то атеизм, а, точнее – марксистский атеизм – это идеологическая платформа Коммунистической партии Китая.

В выступлениях на Национальных конференциях по религиозной работе в 2016 и 2021 гг. Генеральный секретарь Си Цзиньпин всесторонне изложил позицию в отношении поддержки и продвижения марксистского атеизма. Чжу Сяомин [20], выражая его основные установки для членов партии – придерживаться атеизма, так как без этого человек не является ни марксистом и ни убежденным материалистом, заключил – свобода вероисповедания предполагает религиозную работу, а марксистский атеизм выходит за ее рамки, охватывая все области жизнедеятельности общества. Понимание «придерживаться» – значит стремиться к единству, поэтому неслучайно научный сотрудник Центра исследований развития социальных наук Министерства образования, профессор Тянь Синьмин, отмечая особенности модернизации атеизма в новую эпоху, пишет, что стремление к единству через «внутреннюю сплоченность» является как предпосылкой, так и результатом цивилизационной преемственности [12]. Поэтому единство – это благословение, а разделение и смута – проклятие. Обращаясь к анализу длительной истории китайской нации, он продолжает, что она преподала ценный урок, усвоенный китайским народом ценой крови. Следовательно, китайская цивилизация определяет, что культуры всех этнических групп в китайской нации интегрированы и прочно сплочены даже перед лицом серьезных неудач. Именно здесь и проявляется, констатирует Тянь Синьмин, приверженность марксистскому атеизму в процессе построения современной китайской цивилизации.

В работах китайских философов употребляется различная трактовка атеизма. Его представляют как марксистский атеизм, марксистский атеизм с китайской спецификой, научный атеизм, китайский атеизм. Если представить логическую взаимообусловленность между данными понятиями, то мы можем получить следующую систему. Научный атеизм – марксистский атеизм – марксистский атеизм с китайской спецификой – китайский атеизм.

В 2021 г. был опубликован многолетний труд ведущего специалиста в области исследований атеизма и религий Китая, профессора Ли Шэнь «Принципы научного атеизма» [16]. Двадцатью годами раньше вышла работа профессора Ли Шицзю из Хэбэйского педагогического университета «Исследование научного атеизма», изданная в 2002 г. Сопоставляя эти две работы, Ли Чжиин [4] обнаружил, что у авторов разные взгляды на определение и интерпретацию научного атеизма. В трактовке Ли Шэнь представлена история зарождения атеизма в Европе с эпохи Древней Греции, в Китае – с ранних работ конфуцианцев, но как теория, считает он, атеизм возник после XVII века, как реакция на результаты быстрого развития естественных наук, подкрепляясь научными знаниями Гоббса, Дидро, Гольбаха, Гельвеция. Это был путь становления научного атеизма. А марксистский атеизм не только имеет прочную основу в естественных науках, но и предоставляет позицию и научные методы для понимания концепции богов, являясь высшей формой научного атеизма. Следовательно, по замечанию Ли Чжиин, профессор Ли Шэнь считает, что развитие атеизма можно разделить на три этапа: ранний атеизм, научный атеизм и марксистский атеизм.

Аналогичная интерпретация, по мнению Ли Чжиин, и у профессора Ли Шицзю, которая рассматривает развитие атеизма через три этапа: древний наивный атеизм; современный материалистический и идеалистический атеизм; марксистский научный атеизм. Но ее анализ отличается тем, что, опираясь на моральные суждения и философские обобщения современного западного атеизма, она не относит его к научному атеизму. И только марксистский атеизм Ли Шицзю считает научным атеизмом, основанным на диалектическом и историческом материализме, который унаследовал позитивные достижения западной философии и атеизма, объясняя исторические законы возникновения, развития и упадка религии. А, следовательно, по мнению Ли Шицзю, только марксистский атеизм можно назвать научным атеизмом. Мы не будем обращаться к ссылкам на другие китайские источники, так как позиция Ли Шэнь и Ли Шицзю определяет все представления китайских философов в этой области [13; 15; 21]. Таким образом, в китайской интерпретации научный атеизм – это марксистский атеизм.

Марксистский атеизм представлен в китайской философии как научное мировоззрение, основанное на диалектическом и историческом материализме, что вполне согласуется с позициями его трактовки в российской теории. Отличается китайская интерпретация тем, что он направлен на утверждение человеческой субъективности с освобождением человечества от религии. Но субъективность трактуется, например, научным сотрудником Шаньдунского провинциально-

го исследовательского центра теории социализма с китайской спецификой, профессором кафедры философии Шаньдунской провинциальной партийной школы Цзя Инцзянь, как приверженность членов коммунистической партии атеизму, что позволяет им сохранять научный и рациональный дух, избегая суеверий, становясь рациональными марксистскими революционерами [14]. Таким образом, здесь видим, что марксистский атеизм согласуется с понятием «марксистский атеизм с китайской спецификой».

Следовательно, марксистский атеизм с китайской спецификой – это научное мировоззрение, основанное на диалектическом и историческом материализме, который, как пишет Дин Ю, сочетает в себе специфические реалии Китая и выдающуюся традиционную китайскую культуру [2]. Но, если на идеологическом уровне проводится достаточно жесткая политика в отношении членов коммунистической партии, то на научном – не только признаются религиозные направления, развивающиеся в Китае, но и традиционные народные верования. Атеизм не исключает культ предков, фэн-шуй и народные обычаи, сочетающие в себе элементы конфуцианства, буддизма и даосизма, так как многие люди участвуют в традиционных ритуалах во время праздников или молитв. Поэтому китайский атеизм – это социальная идеология. Для неё характерны, с одной стороны – на официальном уровне – идеологическая пропаганда, обязательное соблюдение членами партии атеистических позиций, а, с другой стороны – на социальном уровне – сосуществование секуляризации, признание разнообразия убеждений среди населения.

Сразу же стоит заметить, что в китайской академической среде, ориентируясь на холизм, как принцип исследования, в какой бы интерпретации не был бы представлен атеизм – он сохраняет свою сущность – китайскую специфику. Она требует не только приверженности марксистской позиции, но и проведения исследований в четырех измерениях: историческая эволюция, теоретические рассуждения, культурная обусловленность, социальная практика. Этим и определяется его модернизация в контексте модернизации философии и социальных наук.

Религиоведение в Китае логически взаимообусловлено с китайским атеизмом, хотя оно развивается, как направление академических исследований, так и как учебная дисциплина на философских факультетах университетов. Философия играет центральную роль в модернизации китайских религиоведческих исследований, ориентируясь на его концептуальную трансформацию, создание дисциплинарных основ, руководство китаизацией марксизма и интеграцией китайской и западной культур в контексте, не столько религиоведческих исследований, сколько в обоснова-

нии китаизации религии. Но не только философия определяет стратегию развития религиоведения. Сунь Гочжу из Школы гуманитарных наук Китайского университета политических наук и права, проводя очередную лекцию на Форуме по религиозной культуре весной 2026 г., поставил вопрос по-другому: Религиоведение может помочь философии ответить на фундаментальные вопросы, такие как: «Есть ли у Китая философия в истинном смысле этого слова?» («中国是否有真正意义上的哲学») и «Есть ли у китайского народа вера?» («中国人有无信仰») [10]. Конечно, можно согласиться с тем, что он интерпретировал выступление на Симпозиуме по философии и социальным наукам в 2016 г. Председателя Си Цзиньпина, который определил религиоведение как одну из 11 дисциплин, поддерживающих философию и социальные науки [9].

Одной из главных задач, как философии, так и религиоведения, становится трансформация традиционных китайских религиозных взглядов из сферы теологии – в научную теорию, в современную дисциплинарную систему. Начиная с времен реформ и открытости (70–90 гг. XX века), изучив и проанализировав массив зарубежной философии, систему дискурса и критический рационализм, китайские философы именно в систему религиоведческого знания переняли критический дух западного просвещения, разрушая традиционные суеверия и старые религиозные взгляды. А, с другой стороны, они переосмыслили конфуцианство, буддизм и даосизм, используя современные философские методы, превратив древние источники из священных верований в доступную для исследования историю китайской философской мысли [19]. С одной стороны, изучение западного опыта, а, с другой, на фоне распространения западных знаний на Восток, китайские философы начали изучать религию как академический предмет, а не как ортодоксальную традицию. Большую роль сыграло и обращение к западной методологии в модернизации религиоведения, как научного направления. Такие методы западной философии, как исторический материализм, феноменология и сравнительное религиоведение, помогли Китаю обосновать академическую основу для современных религиоведческих исследований. И, конечно, руководящая роль марксистской философии, благодаря которой Китай сформировал научный взгляд на религию, рассматривая ее как историческое и социальное явление.

Китайско-западная интеграция и современная интерпретативная философия позволили академическим кругам, не отказываясь от современной ценности исконных религий, формировать культурную субъективность, сохраняя свои локальные особенности, участвуя в академическом диалоге на глобальном уровне. Модернизация китайской философии и религиоведения смогла достичь

трансформации, преобразовывая религиозный культурный ресурс в источник духовного развития, путь нравственного воспитания и платформу для межкультурного диалога.

Сегодня религиоведение занимает фундаментальное положение в системе модернизации философии и социальных наук Китая. Оно стало междисциплинарным центром, так как, интегрируя историю, социологию, антропологию, философию и культуру выступило в качестве моста, соединяющего гуманитарные, социальные и эмпирические науки. Поэтому неслучайно, что доцент кафедры этнорелигиозной теории Центрального института социализма Чжан Ина, обращает внимание на то, что религия – это не изолированное явление, а сложный синтез; это не только идеология верующих, а глубокая и богатая культурная форма, органический компонент человеческой цивилизации [17].

Академические круги Китая неслучайно уделяют религиоведению очень большое внимание, так как оно становится практическим инструментом цивилизационного диалога (на глобальном уровне) и национального управления (на локальном уровне). А на фоне глобализации оно обеспечивает интеллектуальную поддержку для анализа геополитики; для решения религиозных и социальных вопросов, предотвращая религиозный экстремизм и поддерживая культурную безопасность. Но здесь необходимо остановиться на том, что если с традиционными направлениями вопрос решается на уровне признания их культурным наследием, как пишет Чжо Синьпин, то, например, христианство в Китае сталкивается не только с новыми возможностями развития, но и с вызовами, которые появляются в период культурной трансформации. Как, например, формирование такого направления как китайское христианство. Поэтому неслучайно, что Чжо Синьпин отмечает – способность к обновлению напрямую повлияет на судьбу и качество процесса модернизации Китая [19]. Аналогичную мысль видим и у Чжан Сюньмоу, утверждающего: история показывает, что китаизация религий в моей стране – неизбежная тенденция [18]. Таким образом, модернизация китайской философии и религиоведения представляет концептуальную трансформацию научной теории; становление дисциплин в контексте интеграции китайской и западной мысли, что позволяет не только конфуцианству, даосизму и буддизму, но и народным верованиям интегрироваться в современное общество и отвечать на вызовы современной науки и глобализации.

Обращаясь вновь к проблемно-ориентированному принципу китайской философии, видим, что на него ориентировано и религиоведение. Руководствуясь марксистскими взглядами на религию, китайские философы ориентируются на реалии религии и потребности управления

ею в социалистическом обществе. Они избегают академических рассуждений, слепого копирования западных религиозных моделей, рассматривая и решая важные проблемы, которые могут повлиять на духовное здоровье, на распространение религии, на социальную гармонию и стабильность, а, следовательно, на национальную безопасность.

Будет ли обладать в процессе модернизации китайская философия новой исследовательской парадигмой? А это уже зависит от того, сформирует ли она новые философские концепции, построит ли концептуальную структуру, категориальную систему. Конечно, да. Опыт работы с западной философией, анализ и дискурс по ее проблемам выведет китайскую философию на новый уровень. Неслучайно, Сунь Чжэньюй пишет, что китайское философское сообщество совершило сдвиг парадигмы от «истории китайской философии» к «китайской философии», углубляя «мышление» и расширяя «историю», поэтому стремится к «творческому преобразованию» и «инновационному развитию» китайских философских исследований [11]. Переосмысление китайского атеизма и становление такого инновационного направления, как религиоведение, как структурных элементов китайской философии, это подтверждают.

Литература

1. 为中国式现代化建设贡献更多智慧和力量 – 习近平总书记重要指示为推动哲学社会科学高质量发展指明方向 [Вклад в модернизацию Китая: важные указания Си Цзиньпина указывают путь к высококачественному развитию философии и социальных наук] Электронный ресурс: 新华网 [Информационное агентство Синьхуа] 2026, 5, 18. URL: <https://www.news.cn/politics/leaders/20260518/48fe5ec9c1f7487d9e112cf1288b9eeb/c.html> (дата обращения: 12.08.2026)
2. 丁郁. 论中国共产党人精神谱系的无神论特色. 《科学与无神论》2021年第6期 [Дин Ю. О содержании атеистической составляющей духовной линии китайских коммунистов] [Электронный ресурс]: «Наука и атеизм», 2021. Выпуск 6. URL: http://ilas.cssn.cn/ztlnew/ztmlkszy/202205/t20220507_5407151.shtml (дата обращения: 05.03.2025)
3. 董朝霞. 践行哲学社会科学时代使命的三个着力点. 中国共产党新闻网2026年08月11日 [Дун Ч. Три ключевых направления для выполнения современной миссии философии и социальных наук] [Электронный ресурс]: Новости Коммунистической партии Китая URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2026/0811/c40531-40777473.html> (дата обращения: 21.08.2026)
4. 李志英. 何为科学无神论? [Ли Чжиин. Что такое научный атеизм?] [Электронный ресурс]: URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/467886222> (дата обращения: 17.04.2025)

5. 李景林. 中国哲学“本义的价值”观念及其结构层次 [J] 《中国社会科学》2024年第5期: 173–189 [Ли Ц. Концепция «ценности первоначального смысла» в китайской философии и её структурные уровни // Китайские социальные науки, 2024, № 5, стр. 173–189]
6. 《马克思主义研究》记者: 加快建构中国自主无神论知识体系 – 访教育部高等学校科学研究发展中心田心铭研究员: 来源: 《马克思主义研究》2024年第7期 [Репортер из «Марксистских исследований»: Ускорение построения независимой китайской атеистической системы знаний – Интервью с научным сотрудником Тянь Синьмином из Центра исследований и разработок высшего образования Министерства образования / «Марксистские исследования», № 7, 2024 г.] URL: http://marxism.cass.cn/kyuws/202408/t20240829_5774429.shtml (дата обращения: 24.05.2025)
7. 谢伏瞻. 深入贯彻习近平总书记哲学社会科学工作座谈会上的重要讲话精神. 书写加快构建中国特色哲学社会科学新篇章: 2021年05月18日 [Се Ф. Глубокое воплощение духа важной речи Генерального секретаря Си Цзиньпина на симпозиуме по философии и социальным наукам. Написание новой главы в ускоренном построении философии и социальных наук с китайской спецификой] [Электронный ресурс]: Institute of Russian, Eastern European & Central Asian, CASS URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/qt/2021_05/t20210518_5334324.shtml (дата обращения: 24.05.2025)
8. 习近平: 在文化传承发展座谈会上的讲话 [Си Ц. Выступление на Симпозиуме по культурному наследию и развитию] [Электронный ресурс]: Агентство Новости СИНЬХУА URL: https://www.news.cn/politics/2023-08/31/c_1129837816.htm (дата обращения: 27.05.2025)
9. 习近平: 在哲学社会科学工作座谈会上的讲话(全文) [Си Ц. Выступление на Симпозиуме по философии и социальным наукам (полный текст)] [Электронный ресурс]: The State Council Information Office of the People's Republic of China URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1478145/1478145.htm> (дата обращения: 21.04.2025)
10. 孙国柱. 知识文化学刍议 – 种从传统走向现代的新方法. 四川大学道教与宗教文化国家重点研究院[Сунь Г. Предварительное обсуждение исследований культуры знаний – новый подход от традиции к современности] [Электронный источник]: Национального ключевого научно-исследовательского института даосизма и религиозной культуры Сычуаньского университета. URL: <https://daoism.scu.edu.cn/info/1014/2434.htm> (дата обращения: 14.05.2025)
11. 孙正聿. 当代中国哲学的主体性与原创性. 《中国社会科学》2022年第3期[Сунь Ч. Субъективность и оригинальность современной китайской философии] [Электронный источник]: Китайские социальные науки, 2022, № 3 URL: https://www.cssn.cn/dkzgx/zgxp_zgshkx/2022nd3q/202208/t20220822_5474662.shtml (дата обращения: 07.06.2025)
12. 田心铭. 马克思主义无神论与中华民族现代文明建设的两个问题《科学与无神论》2023年第6期 [Тянь С. Две проблемы между марксистским атеизмом и построением современной цивилизации с китайской спецификой] [Электронный ресурс]: Наука и атеизм, 2023. Выпуск 6. URL: http://marxism.cass.cn/kyuws/202401/t20240119_5729678.shtml (дата обращения: 25.04.2024)
13. 中国社会科学院科学与无神论研究中心: 科学无神论学科前沿报告(2023).《科学与无神论》2025年第1期 [Центр исследований науки и атеизма Китайской академии социальных наук: Передовой доклад о дисциплине научного атеизма (2023)] [Электронный ресурс]: «Наука и атеизм», 2025. Выпуск 1 URL: http://marxism.cass.cn/kyuws/202503/t20250327_5864645.shtml (дата обращения: 07.11.2025)
14. 贾英健. 做坚定的马克思主义无神论者. 中国社会科学网, 2018年08月09日10:17 [Цзя И. Будьте стойким марксистским атеистом] [Электронный ресурс]: Китайская сеть социальных наук URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0809/c40531-30219306.html> (дата обращения: 10.08.2024)
15. 张戈. 本全面了解科学无神论的重要理论读物 – 《科学无神论原理》.《科学与无神论》2022年第1期 [Чжан Г. Важное теоретическое исследование для всестороннего понимания научного атеизма – «Принципы научного атеизма»] [Электронный ресурс]: «Наука и атеизм», 2022. Выпуск 1 URL: http://marxism.cass.cn/jjdd/202205/t20220507_5407109.shtml (дата обращения: 09.10.2025)
16. 张戈. 研究和弘扬科学无神论. 中国社会科学网-中国社会科学报, 2022-01-26 作者 [Чжан Г. Исследование и продвижение научного атеизма] [Электронный ресурс]: Китайская сеть социальных наук – Китайская ежедневная газета социальных наук URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/2022_08/t20220803_5466314.shtml (дата обращения: 09.10.2025)
17. 作者. 哲学在中国宗教学现代化进程中的作用. 统战新语, 2025年12月09日 [Чжан И. Роль философии в модернизации китайских религиоведческих исследований] [Электронный источник]: Новости Объединенного фронта URL: <https://www.zyztb.gov.cn/zyztb/2025-12/09/article2025120910243567668.shtml> (дата обращения: 12.08.2026)
18. 张训谋. 如何认识和系统推进我国宗教中国化.《红旗文稿》2025/24 [Чжан С. Как понять и систематически продвигать китаизацию религии]

- в моей стране] [Электронный ресурс]: «Рукопись Красного флага» URL: <https://www.qstheory.cn/20251230/8fb9de71b57c491eb77535efb02e61c0/c.html> (дата обращения: 04.08.2026)
19. 卓新平. 中国宗教更新与社会现代化. 2011年4月14日 中国宗教学术网 [Чжо С. Религиозное обновление и социальная модернизация в Китае] [Электронный источник]: «Китайские религиозно-ведческие исследования» URL: http://iwr.cssn.cn/yjly/jdyyj/lw/201104/t20110414_3111619.html (дата обращения: 24.10.2025)
 20. 朱晓明. 习近平总书记关于马克思主义无神论的原创性成果研究. 《科学与无神论》2024年第1期 [Чжу С. Исследование оригинальных достижений Си Цзиньпина в области марксистского атеизма] [Электронный ресурс]: «Наука и атеизм», 2024, выпуск 1 URL: http://marxism.cass.cn/kyyws/202404/t20240424_5747807.shtml (дата обращения: 09.08.2026)
 21. 申振钰. 科学无神论是践行社会主义核心价值观的理论基石 – 中国无神论学会2014年学术年会综述 [Шэнь Ч. Научный атеизм: Теоретический краеугольный камень практики основных социалистических ценностей – Краткий обзор ежегодной академической конференции Китайского атеистического общества 2014 года] [Электронный ресурс]: URL: http://marxism.cass.cn/xhzh/zgwsxlh/cgz/202312/t20231217_5717701.shtml (дата обращения: 04.08.2026)

ATHEISM AND RELIGIOUS STUDIES IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCES WITH CHINESE CHARACTERISTICS (ARTICLE ONE)

Zakharova E.Yu., Romanova N.P., Kondakova N.S., Fomina M.N.
Transbaikalian State University

This article analyzes research into Chinese philosophers' positions on atheism and religious studies with Chinese characteristics. The modernization of philosophy and the social sciences has defined the trajectory and vector of development for Chinese scholarship. Atheism and religious studies, as philosophical disciplines, shape both the modernization of philosophy and the modernization of Chinese society. Atheism is positioned as the ideological platform of the Chinese Communist Party, while religious studies is becoming an academic discipline and a scientific field. Therefore, atheism is explained in China as Marxist atheism, and religious studies must transform religious views from theology to the scientific realm. The study revealed that Chinese philosophers view religious studies as a practical tool for civilizational dialogue. The development of Chinese atheism and religious studies occurs within the context of the integration of Western and Chinese philosophy. Chinese philosophers embrace Western methodology but develop their own problem-oriented model for the study of religion. They use philosophical discourse to justify atheism and religious studies with Chinese characteristics.

Keywords: modernization of philosophy and social sciences in China, Chinese atheism, atheism as an ideology, Chinese religious studies, reception of Western philosophy, philosophical discourse.

References

1. Contributing More Wisdom and Strength to China's Modernization – General Secretary Xi Jinping's Important Instructions Point the Way for Promoting High-Quality Development of

- Philosophy and Social Sciences [Electronic resource]: URL: https://www.news.cn/politics/leaders/20260518/48fe5ec9c1f7487d9e112cf128_8b9eeb/c.html (of access: 12.08.2026) (in Chinese)
2. Ding Y. On the Atheistic Characteristics of the Spiritual Lineage of the Chinese Communists, Science and Atheism, 2021, No. 6. [Electronic resource]: URL: http://ilas.cssn.cn/ztlz-new/ztmkszy/202205/t20220507_5407151.shtml (of access: 05.03.2025) (in Chinese)
3. Dong Z. Three key areas for fulfilling the contemporary mission of philosophy and social sciences, China Communist Party News Network, 2026, August 11 [Electronic resource]: URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2026/0811/c40531-40777473.html> (of access: 21.08.2026) (in Chinese)
4. Li Z. What is scientific atheism? [Electronic resource]: URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/467886222> (of access: 17.04.2025) (in Chinese)
5. Li J. The Concept of "Value of Original Meaning" in Chinese Philosophy and Its Structural Levels, Social Sciences in China, 2024, No. 5, pp. 173–189 (in Chinese)
6. Interview with Tian Xinming, Researcher at the Higher Education Scientific Research Development Center of the Ministry of Education: Accelerating the Construction of China's Independent Atheistic Knowledge System, Journal of Marxist Studies, 2024, No. 7. [Electronic resource]: URL: http://marxism.cass.cn/kyyws/202408/t20240829_5774429.shtml (of access: 24.05.2025) (in Chinese)
7. Xie F. Thoroughly Implementing the Spirit of General Secretary Xi Jinping's Important Speech at the Symposium on Philosophy and Social Sciences. Writing a New Chapter in Accelerating the Construction of Philosophy and Social Sciences with Chinese Characteristics, Institute of Russian, Eastern European & Central Asian, CASS, 2021. May 18. URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/qt/202105/t20210518_5334324.shtml (of access: 24.05.2025) (in Chinese)
8. Xi J. Speech at the Symposium on Cultural Heritage and Development, XINHUA News Agency, 2023. [Electronic resource]: URL: https://www.news.cn/politics/2023-08/31/c_1129837816.htm (of access: 27.05.2025) (in Chinese)
9. Xi J. Speech at the Symposium on Philosophy and Social Sciences (Full Text), The State Council Information Office of the People's Republic of China [Electronic resource]: URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1478145/1478145.htm> (of access: 21.04.2025) (in Chinese)
10. Sun G. A Preliminary Discussion on Knowledge Culture Studies – A New Approach from Tradition to Modernity, State Key Research Institute of Taoism and Religious Culture, Sichuan University [Electronic resource]: URL: <https://daoism.scu.edu.cn/info/1014/2434.htm> (of access: 14.05.2025) (in Chinese)
11. Sun Z. Subjectivity and Originality in Contemporary Chinese Philosophy, Chinese Social Sciences, 2022, No. 3. [Electronic resource]: URL: https://www.cssn.cn/dkzgx/zgxp_zgsh-kx/2022nd3q/202208/t20220822_5474662.shtml (of access: 07.06.2025) (in Chinese)
12. Tian X. Two Issues Regarding Marxist Atheism and the Construction of Modern Civilization in the Chinese Nation, Science and Atheism, 2023, No. 6. [Electronic resource]: URL: http://marxism.cass.cn/kyyws/202401/t20240119_5729678.shtml (of access: 25.04.2024) (in Chinese)
13. Center for Science and Atheism Studies, Chinese Academy of Social Sciences: Frontier Report on Scientific Atheism (2023), Science and Atheism, 2025, No. 1. [Electronic resource]: URL: http://marxism.cass.cn/kyyws/202503/t20250327_5864645.shtml (of access: 07.11.2025) (in Chinese)
14. Jia Y. Be a staunch Marxist atheist, China Social Sciences Network, 2018, August 9, 10:17. [Electronic resource]: URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0809/c40531-30219306.html> (of access: 10.08.2024) (in Chinese)
15. Zhang G. An important theoretical text for a comprehensive understanding of scientific atheism – "The Principles of Scientific Atheism", Science and Atheism, 2022, Issue 1. [Electronic resource]: URL: <http://marxism.cass.cn/jjdd/202205/>

- t20220507_5407109.shtml (of access: 09.10.2025) (in Chinese)
16. Zhang G. Researching and Promoting Scientific Atheism, China Social Sciences Network, China Social Sciences Daily, 2022, 01–26. [Electronic resource]: URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/2022_08/t20220803_5466314.shtml (of access: 09.10.2025) (in Chinese)
 17. Zhang Y. The Role of Philosophy in the Modernization of Chinese Religious Studies, United Front New Discourse, 2025, December 9. [Electronic resource]: URL: https://www.zytzb.gov.cn/zytzb/2025-12/09/article20251209102435676_68.shtml (of access: 12.08.2026) (in Chinese)
 18. Zhang X. How to understand and systematically promote the Sinicization of religion in my country, Red Flag Manuscript, 2025/24 [Electronic resource]: URL: <https://www.qstheory.cn/20251230/8fb9de71b57c491eb77535efb02e61c0/c.html> (of access: 04.08.2026) (in Chinese)
 19. Zhuo X. Religious Renewal and Social Modernization in China. China Religious Studies Website, 2011, April 14. [Electronic resource]: URL: http://iwr.cssn.cn/yjly/jdijy/lw/201104/t20110414_3111619.html (of access: 24.10.2025) (in Chinese)
 20. Zhu X. Research on Xi Jinping's Original Achievements on Marxist Atheism, Science and Atheism, 2024, No. 1. [Electronic resource]: URL: http://marxism.cass.cn/kywsl/202404/t20240424_5747807.shtml (of access: 09.08.2026) (in Chinese)
 21. Shen Z. Scientific Atheism is the Theoretical Cornerstone for Practicing the Core Socialist Values – A Summary of the 2014 Annual Academic Conference of the Chinese Atheist Association, 2023. [Electronic resource]: URL: http://marxism.cass.cn/xhxx/zgwsllxh/cgzs/202312/t20231217_5717701.shtml (of access: 04.08.2026) (in Chinese)